

Виктор Шейнис

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ
ПАРЛАМЕНТА

переломные годы
в российской политике
(1985–1993)

I

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Carnegie Endowment for International Peace

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
ФОНД ИНДЕМ

ВИКТОР ШЕЙНИС

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА

Переломные годы в российской политике
(1985—1993)

Том 1

Москва
2005

УДК 329
ББК 66.3(2Рос)6
Ш39

**Sheynis V. The Rise and Fall of Parliament: Watershed Years
in Russian Politics (1985—1993). Vol. 1**

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs>

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации — Фонда Карнеги за Международный Мир при финансовой поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York и Фонда ИНДЕМ.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги и Фонда ИНДЕМ.

Шейнис В.

Ш39 Взлет и падение парламента : Переломные годы в российской политике (1985—1993). — Т. 1 / Виктор Шейнис ; Моск. Центр Карнеги ; Фонд ИНДЕМ. — М., 2005. — 703 с.

ISBN 5–86280–033–6 (Том 1)

ISBN 5–86280–034–4

Воссоздание в России парламента после перерыва в три четверти века, его политические превращения и крушение, трудные роды и родовые травмы российской Конституции 1993 г. — основная тема книги. Нетвердые шаги парламентаризма автор — исследователь и участник событий — рассматривает в широком контексте драматических перемен, происходивших в стране в 1985—1993 гг. Документы эпохи, в том числе фрагменты публикаций и выступлений автора по горячим следам событий, их анализ и переосмысление с исторической дистанции, неопубликованные архивные материалы, мемуарные зарисовки, портреты героев и антигероев того времени воссоздают объемную панораму переходного периода российской истории.

Книга адресована читателю, равнодушному к нашему прошлому, размышляющему о том, как и почему многообещающие начала, как то бывало в большинстве революций, не принесли ожидаемых плодов.

УДК 329
ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 5–86280–033–6 (Том 1)
ISBN 5–86280–034–4

© Шейнис В. Л., 2005
© Carnegie Endowment for International Peace, 2005
© Фонд ИНДЕМ, 2005

Оглавление

От автора. Объяснение с читателем	13
Введение. Исторические превращения российского парламента: движение по спирали	20
Пролог. В ожидании перемен	41
ЧАСТЬ 1. ПЕРЕСТРОЙКА	65
Глава 1. 1985—1988. Перемены пришли. Что дальше?	66
Взгляд из 1988 года. Перестройка на новом этапе: опасности и проблемы	68
Новые политические реальности	68
Парадоксы экономической реформы	82
Рифы международной политики	86
Мир в нашем доме	87
Взгляд сквозь годы	89
Перестройка — что это?	89
Предвиденные рифы	97
На подступах к политической реформе	106
Альтернативы русской истории	126
Альтернативы подлинные и мнимые	127
Письмо с Дальнего Востока	136
«Теперь уже — ça ira!»	144
Глава 2. 1989. Демократическая весна	156
Взгляд из 1989 года. Выборы и власть: придем ли мы к демократическому парламенту?	157
«Вся власть — Советам!»	157
Новые органы власти	163
Партия	174
Первые шаги советского протопарламента.	
Соотношение сил	181
Движение к парламентаризму. Первый отрезок пути	192
Выборы-89	192

Советская власть или парламент?	196
Был ли Съезд народных депутатов СССР протопарламентом?	198
Демократы на Съезде	199
Распадающаяся партия	203
Исчерпание перестройки	211
Я вспоминаю...	213
Сражение за «Сахаровский список»	213
Межрегионалы вчера и сегодня	223
Памяти А. Д. Сахарова	238
И снова: что же дальше?	243
ЧАСТЬ 2. 1990. КОНЕЦ «РЕВОЛЮЦИИ СВЕРХУ»	253
Глава 3. Выборы-90	255
Россия перед выбором	255
Как и почему мы побеждали	264
Конфигурации российского парламента	273
Депутатский корпус: что нового	273
Съезд народных депутатов России на старте	280
Глава 4. Первый российский Съезд	286
Взгляд из 1990 года	287
Каким быть парламенту России? Позиция депутата	288
Непроизнесенная речь на Съезде народных депутатов	291
Взгляд сквозь годы. Российский парламент в действии: политические развилки	300
Развилка первая: выбор лидера	300
Развилка вторая: каким быть Верховному Совету?	311
Развилка третья: Конституционная комиссия	314
Развилка четвертая: Декларация о суверенитете	317
Развилка пятая: Декрет о власти	324
Глава 5. КПСС: завершение векового пути	331
Ретроспектива: исторический путь	331
На пути к последнему съезду	334
Февральская платформа	340
Контрудар фундаменталистов	345
Пиррова победа Горбачева	349
Взгляд из 1990 года	359

Глава 6. Конституционный процесс: первые шаги	372
Начало работы	372
Взгляд из 1990 года	381
Выступление на пленуме Конституционной комиссии	381
«Сможет ли государство указов принять конституционный душ?»	384
«Сезон “охоты на ведьм”»	385
Глава 7. Эскалация конфликтов	390
Взгляд из 1990 года. Российская альтернатива: утопия или путь к согласию	390
Взгляд сквозь годы. Напряжение нарастает	397
Ельцин — Горбачев: продолжение дуэли	397
Первая рыночная программа. Явлинский	401
Другие «углы атаки»	413
ЧАСТЬ 3. 1991. ПОСЛЕДНИЙ ГОД СОВЕТСКОГО СОЮЗА	423
Глава 8. На пути к Августу	425
Кризис... Конфликт? Компромисс?	425
Взгляд из 1991 года.	428
«Что предлагают коммунисты»	428
«До и после времени “Ч”»	431
«Политика не терпит импровизаций»	438
«Что может Съезд»	443
«Что там, на политическом горизонте?»	447
«Печально, но... пакт»	452
«Игра начинается с центра»	455
Взгляд сквозь годы. Закат СССР	457
Выбор Горбачева и выбор демократов	457
Стенка на стенку (от января к марту)	466
Затишье перед штормом (от апреля к августу)	473
Судьба Союзного договора	487
Взгляд из 1991 года. «Может ли СССР стать федеративной системой?»	487
Взгляд сквозь годы. Вверх по лестнице, ведущей вниз	490

Глава 9. Путч	506
Три дня в августе, как я их увидел	506
Страна на переломе	521
Глава 10. После путча	538
Взгляд из 1991 года. Отрезвление	538
«Парламент России. Без большевиков.	
Без партии. Без будущего»	538
«“Тоталитарные люди” на службе демократии»	551
«Не надо превращать нужду в добродетель»	552
Взгляд сквозь годы. Четыре ступени вниз	556
Демонтаж союзного парламента	558
Обманчивое продвижение	568
Знак беды	580
Конец Советского Союза	590
Глава 11. Поездка в город Чехов. Потаенные архивы	619
ЧАСТЬ 4. 1992. ПРЕЗИДЕНТ, ПРАВИТЕЛЬСТВО	
И ПАРЛАМЕНТ МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ	631
Глава 12. Прыжок через пропасть	635
У последней черты	635
Неоконченный спор	639
Политическое обеспечение экономического поворота	647
Цена реформы	652
Глава 13. От V к VI Съезду: политические рокировки	665
Борис Ельцин и другие	665
Демократы: «камо грядеши?»	677
Оппозиция: новый коктейль	687
Предсъездовские шоу. Собрание граждан	696

Contents

From the Author. A Word to the Reader	13
Foreword. Historical Transformations of the Russian Parliament. Spiral Motion	20
Prologue. Anticipating Changes	41
PART 1. PERESTROIKA	65
Chapter 1. 1985—1988. Changes Took Place. What Next?	66
A View from 1988. The New Stage of Perestroika: Threats and Problems	68
New Political Realities	68
Paradoxes of Economic Reform	82
Reefs of International Politics	86
Peace in Our Home	87
Looking Back Through the Years	89
Perestroika — What Is It?	89
Foreseen Reefs	97
Preliminary Steps Toward Political Reform	106
Alternatives in Russian History	126
Genuine Alternatives and Imaginary Ones	127
A Letter from the Far East	136
«Now Finally Ça Ira!»	144
Chapter 2. Democratic Spring	156
A View from 1989. Elections and Power: Will We Get a Democratic Parliament?	157
«All Power to the Soviets!»	157
New Bodies of Power	163
The Party	174
First Steps of Soviet Parliamentarianism: Correlation of Forces	181
Movement Toward Parliamentarianism: The First Leg of the Journey	192
Elections-1989	192

Soviet Power or Parliament?	196
Was the Congress of People's Deputies of the USSR a Proto-Parliament?	198
Democrats at the Congress	209
The Collapsing Party	203
Perestroika Exhausted	211
I Recall...	213
The Battle over the «Sakharov List»	213
Inter-Regional Deputies Group. Past and Present	223
Commemorating Sakharov	238
Once Again: What Next?	243
PART 2. 1990: THE END OF «REVOLUTION FROM ABOVE»	253
Chapter 3. Elections-1990	255
Russia Faces a Choice	255
How and Why We Won	264
Configurations of Russian Parliament	273
The Deputies: What's New	273
Congress of People's Deputies of Russia at the Starting Line	280
Chapter 4. The First Russian Congress	286
A View from 1990	287
What Will the Russian Parliament Be? A Deputy's Position	288
Undelivered Speech at the Congress of People's Deputies	291
Russian Parliament in Action: Political Crossroads	300
Crossroads No. 1: Electing a Leader	300
Crossroads No. 2: What Should the Supreme Soviet Be?	311
Crossroads No. 3: Constitutional Commission	314
Crossroads No. 4: Declaration of Sovereignty	317
Crossroads No. 5: Decree on Power	324
Chapter 5. Communist Party of the Soviet Union: End of a Century-Long Journey	331
In Retrospect: The Historical Path	331
En Route to the Last Congress	334
The February Platform	340

Counter-Strike by the Fundamentalists	345
Gorbachev's Pyrrhic Victory	349
A View from 1990	359
Chapter 6. Constitutional Process: First Steps	372
Work Begins	372
A View from 1990	381
Address at the Constitutional Commission Plenum	381
«Will a Country of Decrees Be Able to Take	
a 'Constitution Shower'?»	384
«Witch-Hunting Season»	385
Chapter 7. Escalation of Conflicts	390
A View from 1990: The Russian Alternative —	
Utopia or Road to Consensus	390
Looking Back Through the Years. Tension Is Growing	397
Yeltsin versus Gorbachev: The Duel Continues	397
The First Market-Reform Program. Yavlinsky	401
Other «Angles of Attack»	413
PART 3. 1991: THE FINAL YEAR	
OF THE SOVIET UNION	423
Chapter 8. En Route to August	425
Crisis... Conflict? Compromise?	425
A View from 1991	428
«What the Communists Have to Offer»	428
«Before and After the Final Countdown»	431
«Politics Do Not Tolerate Improvisation»	438
«What the Congress Can Do»	443
«What's on the Political Horizon?»	447
«Sad, But... a Pact»	452
«The Game Begins at the Center»	455
Looking Back Through the Years. Twilight of the USSR	457
Choosing Gorbachev and Choosing Democrats	457
Face Off (January to March)	466
Calm Before the Storm (April to August)	473
Fate of the Union Treaty	487
A View from 1991. «Can the USSR Become	
a Federative System?»	487

Looking Back Through the Years. Up the Down Staircase	490
Chapter 9. The Putsch	506
Three Days in August as I Saw Them	506
The Nation at a Turning Point	521
Chapter 10. After the Putsch	538
A View from 1991. Sobering Up	538
«Russia's Parliament. Without the Bolsheviks. Without the Party. Without a Future»	538
«'Totalitarian People' at the Service of Democracy»	551
«Let Us Not Turn Need Into a Virtue»	552
Looking Back Through the Years. Four Steps Down	556
Dismantling the Union Parliament	558
A Deceptive Move Forward	568
The Sign of Trouble	580
The End of the Soviet Union	590
Chapter 11. A Journey to the City of Chekhov. Secret Archives	619
PART 4. 1992. PRESIDENT, GOVERNMENT AND PARLIAMENT BETWEEN WAR AND PEACE	631
Chapter 12. Leaping Over the Abyss	635
At the Final Line	635
Unfinished Dispute	639
Political Groundwork for an Economic Turnaround	647
Price of Reform	652
Chapter 13. From the 5th Congress to the 6th: Political Castling	665
Boris Yeltsin and Others	665
The Democrats: Quo Vadis?	677
The Opposition: A New Mix	687
The Pre-Congress Shows. Assembly of Citizens	696

от автора
Объяснение с читателем

В 1990 г. волею обстоятельств я стал депутатом российского парламента — Съезда народных депутатов РСФСР. То было удивительное время, когда номенклатурный отбор тех, кому надлежало пройти процедуры советских выборов, уже был сломан (во всяком случае, в политических и культурных центрах страны), а новейшие избирательные технологии еще не народились. Депутатами становились люди, победившие в открытом состязании, заявившие себя в острых спорах на многолюдных собраниях и страницах печати.

Когда не без колебаний я принял предложение моих товарищей по Институту мировой экономики и международных отношений Академии наук, где работал тогда и работаю сейчас, и включился в избирательную борьбу, на победу в ней я не рассчитывал. Но к тому времени я уже был захвачен бурными перестроечными, как их тогда называли, процессами. Выборы, решил я, дадут доступ к трибуне, с которой можно будет доводить свое видение развернувшихся событий, свои представления о вчерашнем и завтрашнем дне нашего общества до широчайшей аудитории. В общем, работать на долгожданные преобразования.

Прежняя жизнь складывалась так, что я писал книги, защищал диссертации, получал ученые степени и звания, занимаясь странами зарубежного мира. Это поле было для ученого все-та-

ки чуть пошире и посвободнее. Но всего ближе и интереснее были мне вопросы, которые задавали история и современность моей собственной страны. Как-то одна моя сотрудница сказала: когда я читаю ваши труды о «третьем мире», меня не оставляет мысль, что вы пишете, имея перед глазами нашу страну. Это была правда. Теперь же открывалась возможность, еще недавно казавшаяся фантастической, — обращаться к людям не только в академических аудиториях, не прибегая к аллюзиям и не уходя в «неконтролируемый подтекст». И не только это.

Мое поколение гуманитариев хорошо помнило и разделяло суждение мудреца: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹. Искусение менять мир часто подвигало людей заниматься политикой *до* и *вместо* того, чтобы сначала его понять, честно представить свое понимание *urbi et orbi* и проверить, как меняют мир «в его минуты роковые» действия политиков. Ученый и университетский преподаватель шел в политику не только для того, чтобы действовать, но и размышлять, проверять представления, вынесенные из чистого созерцания.

Социологам хорошо известен метод *включенного (участвующего) наблюдения*. Мой друг, ленинградский ученый Андрей Алексеев, предложил в теории и осуществил на практике в 1980-х годах вариацию этого метода как наблюдающего участия. По собственной воле он ушел из академического института и поступил на завод, чтобы исследовать производственную жизнь «изнутри», глазами рабочего. «Суть *наблюдающего участия* (в отличие от участвующего наблюдения), — писал Алексеев, — видится как раз в деятельном вмешательстве в нормальное течение жизни. При этом подлежат наблюдению и осмыслению также и реакции среды на целенаправленные, избирательные (а иногда и импровизационные!) шаги исследователя»².

Теперь мне предстояло осуществить нечто подобное сначала в ходе краткосрочной избирательной кампании, а затем как в самом парламенте, так и на более широкой общественной арене,

доступ на которую открывал статус депутата. Конечно, такое участие не было чисто научным экспериментом. В макропроцессах, в реакциях среды невозможно вычленить фактор индивидуального вмешательства в ход событий — своего собственного и даже отдельных групп. Кроме того, динамизм социально-политических процессов в те годы не всегда оставлял время и место для отстраненной рефлексии. Главным было действие.

И все же, хотелось бы надеяться, читателю будет небезынтересен взгляд ученого-политика, наблюдения, вынесенные из непосредственного участия. Ракурс, в котором здесь рассматривается политическая история России в переломные годы, — *предпосылки воссоздания парламентаризма, возникновение, трансформация, дела и дни российского парламента на фоне и в связи с общественными переменами в стране*. В центре внимания автора — избирательные кампании 1989 и 1990 гг., выход на политическую арену, а затем деградация Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР (позднее РФ), крушение КПСС и распад СССР, политические кризисы 1991—1993 гг., замещение прежних конфликтов новыми, драматические повороты борьбы за конституционную реформу и рождение Конституции 1993 г., создание новой избирательной системы, становление демократических организаций (от «Демократической России» до «Яблока»), иных политических объединений (от Гражданского союза до Фронта национального спасения) и их роль в политике тех лет, схватка противоборствовавших сил осенью 1993 г., едва не завершившаяся гражданской войной. Шла расчистка многого из того, что принес стране XX век. Но по злой воле, безрассудности или неосмотрительности участники событий усеяли поле боя «зубами дракона», которые не замедлили дать всходы.

В этой книге, отданной теперь на суд читателя, я попытался совместить три жанровых пласта. *Первый* — как происходящее виделось в ту пору. Я воспроизвожу некоторые аналитические, дискуссионные и публицистические статьи (и фрагменты

статей), опубликованные по горячим следам событий, выступления на научных конференциях, политических собраниях, дневниковые записи и т. д. Все сокращения сделаны только для экономии места и устранения повторов, а не для того, чтобы «подправить» тогдашние суждения и оценки. Ибо все они — тоже свидетельства, которые позволяют понять то противоречивое время, его интеллектуальные прорывы и иллюзии. *Второй* пласт — анализ тех же событий с исторической дистанции, комментарии и переосмысление собственного видения, которые опираются на опубликованные и неопубликованные документы, сохранившиеся в моем архиве, научную и публицистическую литературу. *Третий* — мемуарные зарисовки. Это позволяет совместить живое, эмоциональное восприятие событий с их видением в ретроспективе, обогащенном опытом прошедших лет, знанием если не финала, то протяженной цепочки последствий.

Годы, проведенные в политике, были самыми интересными и, вероятно, самыми противоречивыми в моей жизни. Я не жалею почти ни о чем, что делал в те годы. Рад, что мы рассчитались (пусть не окончательно и непоследовательно) с одной из худших страниц российской истории — сталинизмом и его продолжением — временем, которое нарекли смешным эвфемизмом «застой». Сожалею же о многом, чего я сам и мои политические друзья не сумели сделать. Нам не хватило мудрости (а иногда и просто здравого смысла) и сил направить отечественный транзит по иному пути — вроде того, например, по которому пошли Польша или Бразилия. В результате страна имеет то, к чему пришла в начале нового тысячелетия. Многое от нас, вероятно, и не зависело. Жаль, что иллюзорные надежды часто мешали разглядеть подспудные течения и скрытые пружины происходившего. Но если бы не эти надежды, не была ли бы парализована в нас воля к действию?

Однако со временем приходит понимание того, о чем написал Фридрих Ницше: «На долю ученых, которые становятся политиками, выпадает обычно комическая роль быть чистой со-

вестью политики»³. Роль, может, и комическая, но не бессмысленная...

• • •

Существуют уже громадные пласты мемуарной и аналитической литературы о делах и людях тех переломных лет, не говоря уже о газетных и журнальных публикациях по горячим следам событий. Я, конечно, не мог пройти мимо них. Надо было дать слово разным авторам, в первую очередь активным участникам событий, сопоставить их подходы и оценки, представив таким образом всю неоднозначность разворачивавшихся процессов. Книга написана в режиме постоянного диалога с предшественниками. Это досадно увеличило ее объем, но, надеюсь, позволит донести до читателя, особенно из идущих за нами поколений, накал политических и человеческих страстей тех лет, даст возможность услышать переключку непохожих голосов. Со многими из цитируемых суждений я не согласен. Кто из нас прав, судить, конечно, не мне, да и рано, наверное, выносить окончательный приговор многому из того, что вершилось в то время. Надеюсь лишь, что сама эта книга станет одним из многих хотя и пристрастных, но добросовестных свидетельств на будущем суде истории.

Я говорю своим студентам, что источник современной истории — не только книга, газета, архивный документ, но и живой человек, участник и свидетель событий. Может быть, это самый интересный и информативный источник. Я разговаривал с коллегами и товарищами, участвовавшими в перестроечных и постперестроечных процессах, особенно когда работа над этой книгой подходила к концу. Многие из них видели и знали то, чего не видел и не знал я, а потому нередко оценивали события иначе, чем я. Предоставить им слово было для меня приятным делом. Среди них — те, кто играл заметную, подчас выдающуюся роль в политике тех лет: Геннадий Бурбулис, Леонид Волков, Егор Гайдар, Вячеслав Игрунов, Сергей Ковалев, Вадим Медве-

дев, Аркадий Мурашев, Георгий Сатаров, Сергей Филатов, Анатолий Черняев, Сергей Шахрай, Григорий Явлинский, Александр Яковлев. Всем им приношу искреннюю благодарность и надеюсь, что суждения их воспроизведены верно. Разумеется, полную ответственность за точность сказанного несет автор.

Книга была написана в 2000—2004 гг., когда, завершив работу в парламенте, я вернулся в свой институт, с которым и прежде не порывал связь. Я высоко ценю строгие академические критерии и комфортную нравственную атмосферу, которые всегда отличали наш коллектив, доброжелательное внимание и поддержку моих товарищей и коллег, чьи суждения для меня всегда были очень важны и чье интеллектуальное влияние наложило отпечаток и на эту книгу. Среди тех, чье сотрудничество было для меня исключительно ценным и в депутатские годы, хочу в первую очередь назвать Леонида Гордона, Германа Дилигенского, Илью Левина, Сергея Перегудова и Кирилла Холодковского.

Эта работа опиралась также на внушительную организационную и материальную поддержку, которую оказали ее изданию учреждения, играющие видную роль в научной жизни России, — Московский Центр Карнеги и ИНДЕМ. Инициатором и активным участником моего сотрудничества с Московским Центром Карнеги была мой давний друг и коллега Лилия Шевцова. Думаю, что наши научные и политические позиции очень близки, а ее книги и статьи, отличающиеся высоким профессионализмом, были немалым подспорьем в моей работе. Я искренне благодарен моему строгому и взыскательному редактору Марине Павловой-Сильванской.

Надо сказать и о зарубежных исследователях советско-российского транзита. Взгляд со стороны, способный возвыситься над злобой наших дней, но неизменно доброжелательный и заинтересованный, высокая академическая культура их трудов, дискуссии с ними на международных конференциях и в приватной обстановке (хотя не со всеми их оценками я согласен) помогали раздвинуть рамки исследовательского пространства. Я высоко

ценю сотрудничество с моими друзьями и коллегами Вольфгангом Айхведе, Арчи Брауном, Майклом Макфолом, Маргаретой Моммзен, Лениной Померанц, Александром Раром, Питером Реддеем, Томасом Ремингтоном, Уильямом Таубменом, Джерри Хафом и другими.

И наконец, может быть, самое главное. Эта книга не могла бы появиться без повседневного участия в работе над ней, колоссальной и неоценимой помощи, жесткой критики, моральной и интеллектуальной поддержки моего самого близкого друга — Аллы Назимовой, взвалившей на себя вдобавок адский труд подготовки рукописи к печати.

Всем, кого я здесь назвал, а также многим из тех, с кем читатель встретится на страницах книги, — низкий поклон.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. — Соч. — Т. 3. — М., 1955. — С. 4.

² Алексеев А. Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). — СПб., 1997. — С. 5, 7.

³ Антология мировой политической мысли. — Т. 1. — М., 1997. — С. 808.

введение

Исторические превращения российского парламента: движение по спирали

Сначала народ безмолвствует, потом становится под знамена, потом в очередь, потом опять под знамена и потом снова безмолвствует.

Дон-Аминадо (А. П. Шполянский)

На рубеже XX—XXI веков была подведена черта под двумя периодами парламентской истории нашей страны: коротким циклом, начало которому положила горбачевская перестройка, и длинным, протяженностью в столетие. Парламент, к которому мы пришли после всех потрясений, в итоге осуществленных и неосуществленных проектов в известном смысле напоминает Думу, с которой начинался отечественный парламентаризм.

В истории России парламент впервые появился на несколько столетий позже, чем в передовых странах мира, и к тому же он сосуществовал с агонизировавшей средневековой властью. В условиях проигранной войны и разгоравшейся революции царь после серьезных колебаний согласился с доводами тех министров и сановников, которые не потеряли способность реалистически оценивать ход событий. Однако царь, дворцовая камарилья и вся старорежимная Россия видели в Думе инородное образование, ломающее российские традиции, пресловутую «самобытность», и пытались если не удалить, то по крайней мере до предела ограничить ее роль в политической жизни.

Воссоздание парламента в конце XX века тоже началось в недрах политической системы, отторгавшей парламентаризм; не ведая последствий, она вступила на путь самореформирования. Исторический провал в 70 лет не прошел, однако, бесследно. Традиция оказалась прервана, а имена и дела первых русских конституционалистов-парламентариев забыты. Люди, помнившие четыре Государственные думы монархической России, не смогли передать память детям, ученикам, читателям. Многих из них умертвили, другие эмигрировали. И хотя возрожденное название — Государственная дума — появилось уже в ранних проектах Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР, знание о парламенте начала века оставалось достоянием немногих специалистов-историков. Политики же, избранные на Съезд, если кого и вспоминали, то сильно идеализированного ими Столыпина, но не депутатов Муромцева, Герценштейна, Милюкова, кадетов, трудовиков и социал-демократов — авторов Выборгского воззвания. Отвергая советскую интерпретацию истории, они не удосуживались заглянуть хотя бы в воспоминания Витте.

Став совершенно другой страной, Россия перетащила из начала века в его конец и младенчество нашего парламентаризма. Ибо ни съезды Советов первых послереволюционных десятилетий

тий, которые большевики горделиво противопоставляли «фальшивому буржуазному парламентаризму», ни Верховный Совет, льстиво именовавшийся «подлинно демократическим парламентом», никаким парламентом (не по форме, а по сути), конечно, не были. Между весьма несовершенным представительным институтом, учрежденным в России в 1906 г. и ухудшенным в 1907 г., с одной стороны, и попытками создать полноценный парламент на волне демократических преобразований 1980—1990-х — с другой, зияет пропасть в три четверти века. С точки зрения развития парламента и парламентаризма это время было потеряно — и не в глухое Средневековье, а в наиболее динамичную пору мировой истории.

В первые дни работы возрожденного российского парламента его депутат, недавний диссидент и политзаключенный Револьт Пименов, писал: «...Вся направленность действий, весь круг интересов политиков и других активных деятелей того времени *для нас бесконечно далеки, чужды*. Если мы еще можем понять (в смысле сопереживания) нацеленность тех, кто рвался ограничить самодержавную власть и противостоял полицейскому государству в 1855—1905 гг., то мы совершенно лишены опыта тех лиц и, следовательно, возможности сопереживания тем, кто в условиях парламента, опираясь на свои партии, проводил те или иные законопроекты»¹.

Группа реформаторов в руководстве КПСС представила обществу Съезду народных депутатов (СНД) как возрождение и развитие советской системы в процессе ее перестройки. Однако сама перестройка была поиском выхода из глубокого кризиса государственного социализма, а учреждение СНД — маневром лидеров, волею случая оказавшихся на ключевых постах, но составлявших меньшинство во властвующей элите. Они попытались преодолеть вязкое сопротивление партийно-государственной номенклатуры, не меняя существа режима.

Большинство СНД СССР — предтечи российского парламента — согласилось играть по предписанным правилам.

Но шедший вослед Съезд народных депутатов РСФСР повел борьбу за расширение отведенного ему политического пространства. А так как пересилить партийно-государственные структуры в масштабе СССР он не мог, развернулась кампания за выход Российской Федерации из-под их власти. В этом смысл знаменитой Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

Перед российским парламентом в начале XX века объективно стояли две задачи, без решения которых нельзя было преодолеть кризис. Во-первых, следовало модернизировать социально-экономический строй страны, то есть решить аграрный вопрос и освободить крестьянство от пут феодально-патриархальных, сословных порядков. Во-вторых, Думе предстояло изменить баланс внутри власти: утвердить себя в качестве полноценного законодательного и представительного органа, поставить рядом с монархом зависимое от парламента «ответственное министерство». Дума оказалась бессильной перед этими задачами, поскольку ей изначально было выгорожено в государственной жизни ограниченное пространство. Все попытки выйти за его пределы императорская власть энергично пресекала. «Цепляясь за неограниченность своей власти, царизм не дал сформироваться в стране традициям конституционализма и правового государства», — писал один из глубоких исследователей истории предреволюционной России В. С. Дякин². Революция потому и смелá первый российский парламент, что тот не решил ни одной из главных национально-государственных проблем.

Перед парламентом, вышедшим на политическую сцену в конце века, стояли во многом аналогичные и не менее сложные задачи. Прежде всего речь шла о создании законодательной базы для коренного изменения социально-экономического строя. Объект был, конечно, совершенно иным, нежели перед революцией 1917-го, но тоже ригидным, исчерпавшим внутренние потенции развития, не способным к самореформированию, утратившим способность решать даже те задачи, которые ставила перед собой правящая бюрократия, не менее заскорузлая, чем

николаевская. Чтобы этот парламент смог влиять на ход событий, надо было решить другую задачу — превратить его из фиктивного органа в реально действующий.

Вторая задача была решена, казалось, с феноменальным успехом. Съезд народных депутатов России, опираясь на поддержку массовых, хотя и политически не организованных сил, мирным, ненасильственным путем расчистил для себя политическую площадку в Центре (а значит, и в России, и в Союзе) и на несколько месяцев стал всевластным. Рывками перетягивая власть на себя, он удалил со сцены противостоявший ему Центр, сбросил в политическое небытие коммунистических реакционеров вместе с реформаторами, похоронил ЦК КПСС, а с ним и СССР. Однако «недолго музыка играла»: Съезд вскоре разделил судьбу британского парламента при протекторате Кромвеля и Конвента при Робеспьере. Из собственного строительного материала СНД создал новый центр власти, быстро набравший силу и ставший независимым от своего создателя.

Преобразовывать же социально-экономический строй вновь созданный центр власти начал при одобрении и поддержке парламента, а затем — при его нараставшем сопротивлении. Назревшие и необходимые преобразования проводились без социальной анестезии или компенсации, и побочные следствия реформ изменили расстановку сил не только в обществе, но и в самом парламенте. Сложившееся в нем большинство сначала избрало Ельцина своим председателем, а чуть позже открыло ему дорогу к президентству, предоставило чрезвычайные полномочия для проведения экономических реформ, преградило путь путчистам и одобрило выход России из СССР. Однако это соотношение сил было с самого начала неустойчивым, а со временем и вовсе стало рассыпаться. Из части вчерашних демократов, людей «болота» и реваншистов сложилось новое большинство. Из развернувшейся борьбы, обострению которой способствовали обе стороны, победителем, как и в начале века, вышла исполнительная власть. Порождением этого конфликта стала Конститу-

ция, отменившая формальное полномочие парламента и учредившая государственное устройство — вновь с неполноценным парламентом.

По злой иронии истории российский парламент становился самостоятельным фактором политического развития и центром притяжения общественных сил тогда, когда вступал в конфронтацию с властью, находящейся за его стенами. И чем жестче бывало это противостояние, тем сильнее парламент влиял (в лучшую или худшую сторону) на ход событий. На каждом из трех исторических отрезков своего существования (Дума 1906—1917 гг., Съезд народных депутатов и Верховный Совет РСФСР 1990—1993 гг., Дума, действующая с 1994 г.) российский парламент выглядел по-разному и играл разную политическую роль. Проследим его эволюцию по *деяти главным критериям*.

За исключением короткого периода в 1991 г. в России во все времена *над парламентом* существовала не зависевшая от него, бесконтрольная и обладавшая значительно большими возможностями *верховная государственная власть*. По существу так было всегда (или почти всегда), хотя конституционно выглядело по-разному. «Царь правит, а не Дума», — раздраженно писала Николаю II императрица ^{2а}, и это отражало не только отношение царственной четы к народному представительству, но и реальное положение дел. Поневоле «даровав» стране некое подобие конституции в виде Основных законов, царь сохранил за собой и титул самодержца, и все вытекавшие из этого прерогативы в сфере законодательства и управления государством (фактически, а во многом и юридически). Формально и ритуально положение постсоветских парламентов было иным. Однако им всегда приходилось считаться с генеральным секретарем, политбюро, президентом СССР или России, причем в неизмеримо большей степени, чем всем этим институтам — с парламентом. Царская власть передавалась по наследству. А в 1999—2000 гг. был явлен прецедент продвижения действующим президентом на этот пост своего преемника. Операция была проведена по правилам подклю-

верной интриги; Ельцин без стеснения описал ее (по терминологии автора — «кремлевский покер»), когда дело было успешно завершено³. Нечто подобное, по-видимому, собирается повторить и его преемник, когда придет срок⁴.

Для всех российских парламентов центральной проблемой было и остается *место правительства* в системе государственной власти. Дореволюционная Дума безуспешно пыталась распространить свое влияние на правительство, постепенно опуская планку своих требований: от «ответственного министерства» к «правительству, пользующемуся доверием», и пожеланию хотя бы уволить наиболее одиозных министров.

Борьба за контроль над правительством — нервное сплетение в отношениях между первым российским президентом и парламентом. Под конец своего существования СНД добился, чтобы в Конституцию была внесена норма, требующая согласия Съезда на назначение четырех ключевых министров. Однако на практике это так и не было реализовано. В Конституции 1993 г. глава государства взял эту уступку назад. Президент, как и царь, может в любой момент отправить правительство в отставку, не объясняя причин. Мы уже не раз были свидетелями этого. Парламент тоже имеет право настаивать на отставке правительства или не соглашаться с кандидатурой премьера. Но отстаивая свою позицию, депутаты не должны забывать о занесенной над палатой секире досрочного роспуска. Когда же оппозиция была вытеснена из парламента или лишена всякого влияния на его решения, вновь всплыл вопрос о «правительстве парламентского большинства» — правда, он перешел из политической плоскости в техническую. На назначение правительства Дума оказывает теперь не больше влияния, чем ее дореволюционная предшественница.

При колоссальной концентрации власти в руках главы государства рядом с конституционным правительством (а часто и над ним) неизбежно возникает *теневой кабинет* — одна из главенствующих сил в политике. По своему происхождению и устремлениям это сила внепарламентская и даже антипарламентская:

его формируют и тасуют по «монаршей воле». Элементарное чувство самосохранения подсказывает людям этого круга, что самостоятельный парламент — их враг. Когда Владимир Коковцов, далеко не худший из николаевских министров, в сердцах бросил вызвавшую волну возмущения фразу: «Слава богу, у нас нет парламента»⁵, он был недалек от истины. Люди каких политических, моральных и интеллектуальных качеств окружают главу государства, власть которого слабо ограничена, каково их влияние на патрона, зависит прежде всего от того, каков он сам — государь, генсек, президент. Современники Николая II, люди различных взглядов, занимавшие разное положение в обществе, были едины в одном: образовавшаяся вокруг царя придворная камарилья, «изнеженная, развращенная, выродившаяся... образец самого гнусного паразитизма»⁶, заменяла царю и легитимное правительство, и конституцию. Эта оценка Ленина, непримиримого противника царизма, сегодняшнему читателю произведений о «России, которую мы потеряли», может показаться субъективной. Но вот слова депутата Думы князя Урусова о людях, влиявших в ту пору на судьбы страны: «по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики»⁷. По свидетельству Витте, «государь не терпит иных, кроме тех, которых он считает глупее себя, и вообще не терпит имеющих свое суждение, отличное от мнений дворцовой камарильи (т. е. домашних холопов)»⁸. Именно такие люди вели страну к тяжким испытаниям, а своего патрона — в подвал Ипатьевского дома.

Теневые властные образования складываются и вокруг российских президентов. В ближайшее окружение Ельцина в разное время входили люди, составлявшие и гордость России и ее позор, высокопрофессиональные специалисты и те, кто умел играть на слабых струнах этого незаурядного, но не всегда разбиравшегося в людях человека⁹. Возможность производить неожиданные кадровые перемещения, не прошедшие сквозь фильтр представительных учреждений, отвечала стилю тех органов, в которых бывший первый секретарь Свердловского обкома партии начи-

нал свою карьеру, но часто оборачивалась серьезными провалами и разочарованиями, в том числе и для него самого. Для организации власти при обоих российских президентах характерно переплетение официальных и теневых структур. Благодаря кратковременной или длительной приближенности к главе государства люди «ближнего круга» приобретают влияние, выходящее далеко за рамки отведенных им по закону полномочий. При Путине они стали и распорядителями в обеих палатах Федерального собрания. Понятно, что в такой системе парламент обречен играть второстепенную роль.

Основная сфера деятельности любого парламента — *законодательство*. Царь вынужден был согласиться на участие Думы в этом процессе. Однако оно было издевательски урезано: из ведения парламента были изъяты важные сферы законотворчества. Император же мог практически неограниченно блокировать принятые Думой законы и, пользуясь чрезвычайным указным правом, издавать в обход парламента временные законы. Этот прием широко применялся, в частности, для проведения репрессивных законоположений. Прибегнул к нему Столыпин и для ломки избирательной системы. Навязчивой идеей Николая II было превратить Думу в законосоветщательное учреждение: «это будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности и притом в русском духе», — писал он¹⁰.

На первый взгляд, в законодательной сфере постсоветские парламента вышли на широкий простор — особенно СНД России, располагавший избыточной свободой законотворчества. Президентское вето можно было легко преодолеть. Право издавать указы, даже противоречащие законам, «в интересах проведения экономической реформы», предоставленное было главе государства в 1991 г., уже через год у него отобрали. Выход по мере обострения конфликта с парламентом президент находил в увеличении разрыва между законодательством и практикой управления.

Конституция 1993 г. сделала вето президента труднопреодолимым, изъяла из ведения Думы ряд важных вопросов государ-

ственной жизни и сохранила известное пространство для «указного права». Позднее, по мере уменьшения своей политической роли, палаты Федерального собрания стали утрачивать самостоятельность и в законотворческом процессе. Получение их согласия с указами и утверждение исходящих из президентской администрации законопроектов превратились в дело техники.

Исторически в мире парламентаризм вырос из права народных представителей утверждать *государственный бюджет*. Дума раздражала царя многим, но особенно тяготила его и правительство необходимость ежегодно испрашивать деньги на расходы. Правда, и в этой сфере российский парламентаризм был утеснен, а царь мог распоряжаться изрядной частью национального дохода без согласия депутатов.

Съезд народных депутатов мог творить с бюджетом почти все, что хотел. Однако в те годы в бюджетных делах воцарилась анархия: высокая инфляция, кризис неплатежей, утрата государственного контроля над доходами сводили к нулю возможности разумного планирования и исполнения бюджета. Он стал полем острой борьбы между законодателями и правительством: обе ветви власти обзавелись внебюджетными фондами и широко их использовали, вербуя сторонников. Дележка бюджетного пирога стала излюбленным занятием и парламентариев, сменявших друг друга в Думе после 1993-го. Но возможности их вторжения в проект, представляемый правительством, ограничены Конституцией, Бюджетным кодексом, а особенно сложившейся практикой составления бюджета и контроля за его исполнением. В целом воздействие парламента на государственную политику через бюджетную и кредитно-банковскую сферы нельзя признать эффективным, хотя в соответствующих думских комитетах помимо пронирливых лоббистов работают и высококлассные профессионалы.

Одна из важнейших характеристик парламента — *конституционные основы его возникновения и деятельности, а также прохождение в нем конституционных вопросов*.

Основные законы в редакции 23 апреля 1906 г. нередко называли Конституцией Николая II, хотя в официальных документах этот термин никогда не употреблялся. К такого рода понятиям, чуждым российской самодержавной традиции, царь питал неистребимое отвращение. Конституционную реформу 1906 г. готовили и неоднократно перекраивали за закрытыми дверями, почти потаенно узким кругом приближенных императора и под его присмотром. Тем не менее введение Основных законов было, несомненно, половинчатым и запоздалым, но все-таки шагом вперед, переводившим строй абсолютной монархии в иное качество. Однако Дума не получила статуса Учредительного собрания, а продолжение конституционной реформы оказалось прочно заблокированным.

Конституционные изменения, учредившие в 1989—1990 гг. Съезды народных депутатов СССР и РСФСР, были по форме введены демократическим путем. Однако наиболее существенные решения принимал узкий круг ближайших сподвижников Горбачева. Эти меры были продуктом компромисса в высшем политическом руководстве страны. Дискуссия, шедшая в перестроечной печати, на утвержденный проект практически не повлияла.

Затем переделкой Конституции занялся российский парламент. Вокруг изменения действовавшей Конституции, а затем и разработки новой развернулась нешуточная борьба. У Съезда были и юридические, и политические предпосылки для того, чтобы стать Учредительным собранием. Однако одни депутаты стремились оставить все по-старому, другие — форсировать преобразования и с этой целью сместить центр власти за стены парламента, так что вскоре возникла ситуация цугцванга. Момент для утверждения сбалансированного проекта был упущен. Конституция стала театром политической войны, в которой обе стороны применяли все известные приемы. Рассчитывая, что какое-то время борьба еще будет идти по привычным правилам и новое большинство, сложившееся в распадавшемся парламенте, вот-вот дорастет до конституционного, противники Ельцина не

уловили момент, когда он перевел игру в стиль блиц. Президент и его сторонники совершили прорыв в тыл противника, сформировав квазиучредительное собрание, в котором и был согласован проект, утвержденный на референдуме.

Конституцию 1993 г. критики часто именуют «сверхпрезидентской». Полномочия и роль президента, действительно, очерчены в ней чрезмерно широко, но еще более существенный ее дефект заключается в приниженном положении парламента. Желая закрепить свою победу, составители Конституции заложили в нее мощный механизм самозащиты. Однако после 2003 г. основной опасностью стали как раз изменения Конституции в худшую сторону (увеличение срока пребывания президента у власти, назначаемость первых лиц в регионах, ущемление светского характера государства и школы и т. д.). Неизменность действующей Конституции зависит теперь не от парламента, а от президента.

Работа парламента во многом зависит от его *строения*. Учредив Государственную думу, царь одновременно реорганизовал Государственный совет, превратив его в верхнюю палату. Половину ее членов назначал царь, остальных избирали по куриям, что не особенно отличалось от стандартов формирования верхних палат в европейских государствах того времени. Но Госсовет — сословно-бюрократическое учреждение, тон в котором задавали высшие сановники, — был во многом уравнен в правах с Думой и при необходимости мог выполнять роль смиренной рубашки для палаты, формировавшейся на более широкой социальной основе.

Парламент образца 1989—1990 гг. представлял собой шедевр аппаратной фантазии: двухэтажная постройка, чрезмерно многолюдный Съезд и двухпалатный Верховный Совет. Его палаты не были специализированы, заседали то порознь, то вместе, но голосовали отдельно, формировали отдельные комиссии и общие комитеты, в составе которых работали и не члены Верховного Совета. Президиум ВС не только организовывал работу

парламента, но и был де-факто одним из властных органов государства. Председатель ВС претендовал на роль если и не царя, то президента. Депутаты обладали разным статусом, что делало их неравноправными. Конструкция в целом была малоработоспособной, зато неплохо приспособленной к борьбе за политическую власть в верхах.

Конституция 1993 г. заложила более разумную, работоспособную и похожую на мировые образцы структуру парламента: две палаты, имеющие разную компетенцию и работающие раздельно, их президиумы, освобожденные от властных полномочий, председатели палат как представительские фигуры, участие всех депутатов Думы в законодательной работе в комитетах, равенство их статуса и т. д. Правда, и эта организация не лишена недостатков. Главные из них — ограниченные механизмы парламентского контроля над исполнительной властью и дефектный порядок формирования Совета Федерации. Принцип его образования менялся трижды за десять лет, и тем не менее он не стал ни самостоятельной палатой парламента, ни эффективным представительством регионов. Не зря пришлось дополнить его не предусмотренными Конституцией органами — Советом глав субъектов Федерации и представителями президента в федеральных округах.

Решающее влияние на состав и деятельность парламента оказывает *избирательная система*, включающая в себя *избирательное законодательство* и, что не менее важно, практику проведения выборов. В России избирательный закон всегда исходил от власти, находившейся за пределами парламента. Только в 1990-х годах Дума получила некоторые возможности модифицировать закон, по которому была избрана и которым во многом повязана. Внепарламентская власть, естественно, выстраивает закон так, чтобы получить лояльный парламента. Однако достичь этого удавалось не всегда.

Как известно, выборы в дореволюционную Думу не были ни всеобщими, ни равными и ни прямыми. Их проводили на основе очень сложной сословно-куриальной схемы, представлявшей со-

бой средневековый реликт¹¹. Но проведение первых общенациональных выборов даже по такому закону было несомненным шагом вперед в политическом и правовом развитии страны, сдвигом с мертвой точки. Уверенное в том, что выбор по куриям даст желаемый состав парламента, правительство отстранило от участия в выборах Думы первого созыва руководителей администрации и полицейский корпус, разослав на места циркуляр, предписывавший губернаторам и градоначальникам не допускать «никакого, даже самого отдаленного вмешательства в производство населением выборов в Государственную Думу»¹². Вероятно, высшие власти еще не отдавали тогда себе отчета в том, какого джина они выпускают из бутылки, и рассчитывали, что система сама даст нужный результат. На исход выборов 1906 г. решающим образом повлиял высокий градус общественной активности. На представительных собраниях, предварительных съездах представителей низших курий заключали межпартийные соглашения, договаривались о единых кандидатах. Дарованные октябрьским манифестом свободы вывели на поверхность политическую печать и подспудно вызревавшую партийно-политическую жизнь. Выборы в парламент с самого начала стали партийными. Когда выборы дважды в течение одного года дали резко оппозиционные Думы, правительство изменило правила игры. Избирательный закон был не только очевидно переделан в пользу помещицкой России и в ущерб городскому населению и крестьянскому большинству страны, что даже министры и царь называли его «бесстыжим»¹³. В этом, собственно, и заключался смысл государственного переворота 3 июня 1907 г.

Потерпев неудачу на первых действительно всеобщих и демократических выборах в Учредительное собрание (1917 г.), большевики перепробовали разные варианты избирательных систем. Со временем они пришли к заключению, что тоталитарный режим не только в условиях Большого террора, но и на стадии угасания вполне совместим с выборами, формально содержащими атрибуты демократии. При существовавших услови-

ях они могли быть всеобщими, равными, прямыми, тайными и даже не требовать масштабных фальсификаций при подсчете голосов.

Модифицируя в 1988—1989 гг. избирательную систему, реформаторы пошатнули главные ее устои — аппаратный отбор кандидатов и безальтернативность выборов. Чтобы удержать процесс в приемлемых рамках, в обновленный закон ввели и недемократические нормы. Однако общественный напор — во всяком случае, в главных политических и культурных центрах страны — был так силен, что в намеченных границах удержать его не удалось. На союзном уровне власть выручили российская провинциальная Вандея и партийно-байские режимы в республиках. На следующий год в России выборы дали еще более неожиданные результаты — на политическую сцену вернулся парламент, который встал в оппозицию сначала союзной власти, а затем сотворенному им самим президентству.

В 1993 г. избирательное законодательство стало фронтом борьбы между президентом и Съездом народных депутатов. Камнем преткновения стал выбор между пропорциональной и мажоритарной системами. В интересах собственного переизбрания большинство депутатов отстаивали выборы по одномандатным округам. Авторы законопроекта, введшего смешанную систему, смогли убедить президента в том, что предложенная ими система даст ему большинство в новом парламенте. Избирательный закон и на этот раз был введен сверху, в обход парламента, который не справился и с утверждением собственного избирательного закона (как и с Конституцией).

Когда на выборах конца 1993 г. в Думе не удалось получить пропрезидентское большинство (а в сложившейся ситуации никакой закон о выборах не дал бы подчиненный президенту парламент), позиции поменялись на противоположные. Представители президента настойчиво старались если не совсем исключить пропорциональный компонент из системы, то хотя бы понизить его долю. Но теперь депутаты, большинство которых было избрано

благодаря партийно-пропорциональному принципу, энергично этому воспротивились. Вторично ввести избирательный закон в обход парламента Ельцин не решился. Перетягивание каната продолжалось до конца 1998 г., когда его прекратило постановление Конституционного суда.

Между тем спор о том, какой вариант избирательного законодательства более всего способствует формированию партийно-политической системы в России, приобретал все более абстрактно-теоретический характер. С демаршами думской оппозиции власть научилась искусно справляться. Но этого было мало: ей был нужен безотказно управляемый парламент. Постоянная корректировка избирательного закона не давала искомого результата. Со временем новые поправки переставали решать даже те задачи, ради которых их вводили. Силам, доминировавшим в российской политике, надо было создать такую общественную ситуацию, которая при сохранении формальных демократических гарантий исключила бы реальную, пусть не персональную, но политическую альтернативность на выборах. И этого стали добиваться не подгонкой закона, а формированием вертикали избирательных комиссий, ставших ответвлением исполнительной власти, подавлением независимых СМИ, подчинением судов, блокированием источников независимого финансирования оппозиционных партий и кандидатов, применением изоциренных избирательных технологий и т. д. На выборах 2003 г. власть получила настолько послушный парламент, о каком, казалось бы, она могла только мечтать. Но в следующем году задача была расширена: снова изменить избирательный закон так, чтобы с его помощью сделать управляемым центральной властью не только парламент, но и партийно-политическую систему и свести к минимуму возможность прохождения в Думу независимых депутатов. Поразительно лишь, с какой быстротой и понятливостью бывшие противники пропорционального компонента смешанной системы дружно одобрили порядок избрания депутатов исключительно по партийным спискам. С легко приспособляемой к нуж-

дам исполнительной власти избирательной системой Россия вступила в XXI век.

По-разному выглядела *расстановка политических сил* в российских парламентах. В первой дореволюционной «Думе народного гнева», как и во второй, большинство было у вступившей в резкую конфронтацию с правительством оппозиции — кадетов и партий левее их. Кадеты — «профессорская» партия, обладавшая мощным интеллектуальным и профессиональным потенциалом, остро ставившая проблемы аграрного передела, — получала голоса не только городской интеллигенции, но и крестьян. В третьей и четвертой Думах командными высотами завладели октябристы. Занимая центровое положение и объединяясь то с правыми, то с левыми, они вели торг с царем и правительством. Во всяком случае, Дума не была политически одноцветной, и голосования в ней нередко доставляли головную боль «исторической власти».

Насколько велик был откат парламентаризма в советские времена, видно из того факта, что даже осторожное предложение создать депутатское объединение не на региональной основе, прозвучавшее на I Съезде народных депутатов СССР в 1989 г., вызвало у «послушных» депутатов неопишущий ужас и агрессию¹⁴. В отличие от союзного российский Съезд послушным не был. Особенно на первых своих сессиях он проявил волю, изобретательность и характер. Но он был также самовлюблен и политически недалек. Волна общественного подъема вынесла наверх не только плеяду ярких политиков (многие из которых, впрочем, не до конца понимали, что творят и что за их творчеством воследует), но и множество случайных людей, вообще ничего не понимавших, нажимавших на кнопки голосования под влиянием всплеска эмоций.

Большинство депутатов вначале распределилось между двумя крупными, хотя и аморфными коалициями — демократами и коммунистами. Затем началось дробление на фракции, которые возникали, объединялись, исчезали, подвергались политическим

мутациям. На тысячу с небольшим депутатов их насчитывалось около полутора десятков. Фракции дореволюционных Дум тоже не были неизменными по составу, но не знали такой вакханалии созданий и ликвидаций, «тушинских перелетов» депутатов, такого числа их политических трансвестиций. Постепенно на СНД сложилось устойчивое антиреформаторское большинство. Переоценив свои возможности и вступив в жесткую конфронтацию с президентом, который тоже внес свой вклад в разжигание конфликта, предводители этого большинства привели Съезд народных депутатов к крушению. При этом удар был нанесен не только по нему. Второе историческое поражение потерпел российский парламентаризм.

Сменявшие друг друга постсоветские Думы были политически гораздо четче и устойчивее структурированы, чем Съезд. Соотношение между основными их конституирующими частями — коммунистами, некоммунистическими националистами, квазицентром (или сторонниками президента), демократами — менялось, но более или менее адекватно отражало существующие в обществе политические склонения. Общим для первых трех Дум была четырехсекторная структура. При существовавшем раскладе сил ни у кого не было абсолютного большинства. У правительства отсутствовала надежная парламентская база, и в необходимых случаях (например, для утверждения бюджета) ему приходилось тратить время и силы, выстраивая (нередко за дороговую плату) разнообразные комбинации сторонников.

Избранная в 2003 г. Дума разительно отличается от всех прежних парламентов. Во-первых, в ней потеряли представительство организованные демократические силы. Партии, выросшие из широкого демократического движения 1980—1990-х годов, ставившие во главу угла своей программы и деятельности приоритет прав личности перед государством, демократические свободы, правовое государство, европейский путь развития страны, в действующем парламенте не представлены. Во-вторых, политико-идеологические грани между партиями, прошед-

шими в парламент, во многом размыты. Большинство избирателей привлекла идеологическая окрошка, где причудливо перемешаны мечта о «социальной справедливости», заостренная против несправедливо нажитых богатств, ностальгия по советскому прошлому и имперско-державному величию, «государственная субъектность» и «национальная идентичность», православные ценности, призывы к «порядку» вместо «распущенности», антизападничество и пр. Из чана с этой окрошкой черпали свои лозунги многие соискатели депутатских мандатов. В-третьих, впервые за всю историю российского парламентаризма верховная власть обеспечила себе в представительном органе конституционное большинство. Победила не «партия власти», а «партия при власти», ибо в европейском понимании «Единая Россия» партией не является. Как и в советские времена, разделение властей превратилось в формальность, а системы сдержек и противовесов более не существует (если, конечно, не считать таковой соперничество кланов и группировок в Кремле и вокруг него).

Все это имеет далеко идущие последствия. Прав Александр Коновалов: в итоге ««блестящей постановки» выборов [2003 г.] практически исчез институт парламентаризма. ...Исчез парламент как место, где формируются различные точки зрения, идет поиск компромисса и вырабатывается некоторый общественный консенсус, общественный договор. В этом смысле Совет Федерации утратил свои функции уже довольно давно, а нижняя палата последовала за ним в результате минувших выборов»¹⁵. Сравнивая Думу, пришедшую после третьеиюньского переворота, с ее предшественницами, Милюков писал об «измельчании политической деятельности», которое отбивало вкус к ней у бывших участников: «Политика большинства Думы была отвратна, роль оппозиции, особенно поначалу, казалась бесплодной и второстепенной, характер думской работы — мелким и будничным...»¹⁶. Наш современник мог бы оценить парламент последнего созыва не менее зло. Правда, для такого превращения не понадобился го-

сударственный переворот. «Эпоха Ельцина» органично переросла в следующую, перспективы которой не внушают оптимизма. Есть, однако, обстоятельство, которому победители не склонны придавать значение и на которое справедливо обратила внимание Лилия Шевцова: «...выдавливание из российской политики всех политических сил, кроме бюрократии, создает почву для появления радикализма любого толка — от либерального до левого и националистического... Беспомощная оппозиция — это беда российской власти и угроза для единственного политического института — президентства... Бессилие вселилия — эту аксиому доказывал, но, видимо, не доказал Ельцин, а до него напрасно доказывали другие»¹⁷.

Люди, в руках которых вновь оказалась сконцентрирована колоссальная власть, и их лидер, конечно, отличаются от царских бюрократов и сталинских костоломов. Все же на дворе XXI век. Некоторые из посланных ими сигналов можно истолковать так: ролевые функции демократических партий, многопартийного парламента, общественных ограничителей беззакония, наряду с задачами, для решения которых эти институты предназначены, мы берем на себя. А настойчиво проводимая ликвидация всех серьезных ограничителей власти облегчит нам решение всех этих задач. Даже если такое истолкование верно, то, что таким образом и такими силами можно решить хотя бы отчасти и на время стоящие перед страной проблемы, — очередная иллюзия утомленного потрясениями 1980—1990-х годов общества. Для решения сложных общественных проблем лучше всего подходит просвещенный абсолютизм — в это верили некоторые далеко не темные наши соотечественники. Беда в том, что абсолютизм очень редко оказывался достаточно просвещенным. А пока приходится констатировать, что развитие российского парламентаризма оказалось снова отброшенным к исходному состоянию и его история поныне остается повестью о несбывшихся надеждах и упущенных возможностях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Пименов Р. И.* Происхождение современной власти. — М., 1996. — С. 232.
- ² *Дякин В. С.* Был ли шанс у Столыпина? — СПб., 2002. — С. 281.
- ^{2а} Переписка Николая и Александры Романовых. — Т. 5. — М.; Пг., 1923. — С. 153.
- ³ *Ельцин Б.* Президентский марафон. — М., 2000. — С. 260—261, 304, 310—315, 356—364.
- ⁴ Известия. — 2004. — 14 февр.
- ⁵ *Милюков П. Н.* Воспоминания. — Т. 2. — М., 1990. — С. 46.
- ⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 16. — С. 140.
- ⁷ Государственная Дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. — Т. 1. — М., 1995. — С. 229.
- ⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания. — Т. 3. — М., 1960. — С. 33.
- ⁹ Каждому, следившему в 1990-х годах, за российской политикой, будет интересен список «команды», приведенный в последних мемуарах Ельцина: кто в него попал, а кто нет (*Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 258). В отличие от первого российского президента, привлекавшего кадры для своего окружения из разных общественных слоев и собиравшего людей, друг с другом часто несовместимых, Путин, действуя в устоявшейся, подготовленной для него системе, черпает кадры главным образом из одного резервуара, ему лучше всего известного.
- ¹⁰ *Дякин В. С.* Указ. соч. — С. 310—311. «Господи, — комментирует В. Дякин, — сколько бед причинил России поиск “своего русского пути”». Восклицание это, увы, не потеряло актуальности и в XXI в.
- ¹¹ Правда, в начале прошлого века большинству европейских стран было тоже далеко до современного избирательного права.
- ¹² *Селунская Н. и др.* Становление российского парламентаризма начала XX века. — М., 1996. — С. 23.
- ¹³ *Дякин В. С.* Указ. соч. — С. 310.
- ¹⁴ Первый Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. — Т. 1. — М., 1989. — С. 226, 229, 234.
- ¹⁵ *Коновалов А.* Политический постмодерн: Выборы как инсталляция // Независимая. газ. — 2004. — 27 янв.
- ¹⁶ *Милюков П. Н.* Указ. соч. — С. 40.
- ¹⁷ *Шевцова Л.* Вперед, в прошлое! или манифест стагнации // Известия. — 2004. — 25 февр.

пролог

В ожидании перемен

Никогда не надеялся, что наша страна станет жить по-иному. Мне вообще казалось, что она навсегда останется в этом тягучем настоящем, у которого нет будущего, поскольку нет надежд на перемены, и нет прошлого, потому что отважное знание былого делает невозможным прошлое и рабское настоящее.

Михаил Герман

...Люди жили надеждой на перемены и радовались любому сигналу, пусть и словесному.

Александр Яковлев

Рубеж 1970—1980-х годов — кульминация периода, нареченного позднее застоем. Даже по официальным, фальсифицированным данным Госкомстата, в СССР от пятилетки к пятилетке неуклонно падали темпы экономического роста — предмет гордости советской власти. Как показали исследования новосибирского экономиста Г. Ханина, они к этому времени вообще стали нулевыми, если не отрицательными¹. Экономика уже тогда обрела экспортно-сырьевую ориентацию. Зерно ввозили в обмен на сказочно подорожавшую после 1973 г. нефть. Товарный дефицит становился всеобъемлющим: самые элементарные продукты впрямую было заносить в Красную книгу исчезающих ви-

дов; я пытался было составить список и был поражен его величиной.

Замерла, застыла даже такая политическая жизнь, которая в первые 10—15 послесталинских лет порой чуть обозначалась и возбуждала надежды на благотворные перемены. Зато расцветали разного рода имитации. Имитация конституционного развития (в 1977 г. под звуки фанфар была введена новая Конституция). Имитация трудового энтузиазма по выполнению очередных пятилеток (четвертый год одной из них, следовавший за «третьим решающим», кремлевские лозунготворцы назвали «определяющим», как будто можно что-то определить, когда все уже решено!). Имитация всенародного и всепартийного почитания «номера один» в партийно-государственной иерархии (скупые слезы выступали на глазах не чуждого сентиментальности старика, когда под гром оваций сообщалось об очередном его избрании на генсековский пост). Множество иных имитаций, над изобретением которых трудились вовсе не глупые и щедро стимулируемые люди.

Большинство тех, кто давно проник или был позднее рекрутирован в «комнату с кнопками», откуда партия и общество получали главные команды, все более смутно представляли, что происходит в стране и мире, и были мало способны на нетривиальные политические действия. Времена хрущевского «волонтаризма» предали анафеме, но тоже не громогласно, а стыдливо, по подкованному сговору. Никакие «кремлевки» не могли остановить биологические процессы, хотя один из членов политбюро, у которого особенно сильно проявлялись признаки клинического маразма, получая очередную награду к юбилею, не постеснялся восхвалить советскую власть за то, что «у нас 70 лет — средний возраст»². Да и сам генеральный секретарь, торопившийся наградить себя всеми мыслимыми орденами и читавший заготовленные для него тексты чуть ли не по складам, все чаще вызывал недоумение, жалость и брезгливость.

Тем не менее некогда настроенная государственная машина исправно, если не считать некоторых сбоев, выполняла главные

свои функции — подавления инакомыслия и внешней экспансии. Спецслужбы, воссозданные Андроповым и его помощниками, не прибегая к массовому террору, на котором настаивали шелепинские «комсомолята», иными методами совладали с диссидентским движением. Лубянским стратегам нельзя отказать в искусности и разнообразии осуществленных ими выборочно нацеленных, точечных операций. К активистам зарождавшейся было оппозиции подбирали разные ключи: одних убивали в подворотне, других приговаривали к тюрьме и лагерю, третьих выбрасывали за границу, четвертых исключали из партии и изгоняли с работы с волчьим билетом, пятых запугивали, шестых разлагали... и т. д.

Менее результативной была внешняя политика: расплзанию «социалистического лагеря» в Европе, Азии, Африке и Центральной Америке были воздвигнуты непреодолимые преграды. Но политика государства, навалившегося на окружающий мир всей мощью своих танков и ракет, становилась все более авантюристической и внушала страх своей малой предсказуемостью. Три авантюриста, утратившие чувство опасности после легко доставшейся победы над Чехословакией в 1968 г., в обход политбюро уговорили слабеющего разумом генсека на безумную авантюру в Афганистане. Столь же безумной и дорогостоящей была установка усовершенствованных ракет СС-20 в странах Восточной Европы. В 1980—1981 гг. на очереди была интервенция в Польшу...

Этот маразм государства, еще обладавшего колоссальной силой и лишь постепенно впадавшего в немощь, Юрий Левада и я в одной из статей назвали погружением в трясину³. Измерить ее глубину, оценить время, сроки и характер возможных (или невозможных?) перемен в жизни советского общества было нелегко, а заняться аналитической работой в научных учреждениях, которые жестко контролировали партия и государство, невозможно. Такой целью задался небольшой, сложившийся на личностной основе «незримый колледж». На рубеже 1978—1979 гг. его уча-

стники подготовили план интервью на тему: «Ожидаете ли вы перемен? (23 вопроса о перспективах исторического развития СССР)» и методологический комментарий к нему. Затем была проведена заочная «мозговая атака» — опрос 45 экспертов, преимущественно творческих и научных работников-гуманитариев Москвы и Ленинграда, друзей и знакомых авторов вопросника.

По ряду причин исследование вскоре приостановилось⁴. Однако сохранившиеся материалы — небезыңтересный документ того времени. Они демонстрируют сильный разброс мнений. Такой же разброс, крайние точки которого представлены в суждениях искусствоведа Германа и политика Яковлева, вынесенных в эпиграф моего пролога, существовал и в более широкой, нежели круг наших экспертов, среде интеллигенции (точнее, среди тех, кто критически относился к окружавшей действительности).

Ниже я привожу выдержки из собственных написанных на рубеже 1978—1979 гг. ответов на эту анкету⁵. Они отражают мое тогдашнее видение разворачивавшихся процессов и мои ожидания⁶.

ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН?

I. ОБЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ И МЕРА УСТОЙЧИВОСТИ

1. Исходя из Вашего опыта, с учетом Ваших жизненных наблюдений и размышлений, как бы Вы охарактеризовали общую тенденцию развития известного Вам общества за последние 10—15 лет: считаете ли Вы, что свойственные данному обществу (как и всякому другому) противоречия в конечном счете преодолеваются, встающие перед ним проблемы разрешаются или, напротив, происходит углубление противоречий, накопление нерешенных проблем?

Период после 1953 г., несколько огрубляя и схематизируя, можно разделить на два основных этапа: 1953—1964 — незре-

лое общество и экспериментирующее правительство, затем (вслед за коротким переходным периодом) — с 1966 до настоящего времени — созревающее общество и стремящееся во что бы то ни стало сохранить политический статус-кво правительство. Для первого этапа вывести равнодействующую трудно: важные реформы позволили выйти из самых глухих тупиков предшествующего периода, в то же время возникли новые проблемы, многие старые не были решены. На втором этапе происходило достаточно быстрое нагнетание противоречий во всех (или почти всех) областях жизни общества. Конечно, некоторые вопросы общественной жизни так или иначе решаются (сближение уровней жизни в деревне и городе, «эмигрантский клапан» и др.). Но главенствующая тенденция определяется тем, что нагромождающиеся проблемы не только не решаются, но даже не обсуждаются открыто и публично в их реальной постановке.

Общая тенденция развития у меня никаких сомнений не вызывает: происходит достаточно **быстрое нагнетание противоречий во всех (или почти всех) областях (сферах) жизни общества**, возникают все новые проблемы, которые общество не решает (не может, не умеет решать). Нетрудно указать тот временной рубеж, от которого данная тенденция явно превалирует над противоположной ей тенденцией частичного, паллиативного решения некоторых проблем (которая, конечно, тоже существует, но все более «забывается» первой, главенствующей тенденцией): это 1965—1966 гг. В 1953—1964 гг. развитие, с точки зрения соотношения этих двух тенденций, шло по синусоиде: важные реформы позволили преодолеть некоторые из самых глухих тупиков, в которые было загнано общество (не сознававшее этого!) к концу «эры Сталина»; что еще важнее, раздражавший аппарат «зуд реформаторства» (во многом действительно пустякового, импровизируемого без ясного осознания существа встающих проблем, сдерживаемого корыстными интересами определенных сил) вносил все же некоторый динамизм в общественную жизнь.

Реакционные «откаты» во внутренней и внешней политике, несмотря на громогласный характер устраивавшихся вокруг них политических спектаклей («реабилитация» Сталина в 1957 г., «культуркампф» 1962—1963 гг. и др.), только подчеркивали неустойчивость политического курса.

Ситуация резко изменилась после поворота 1965—1966 гг., закрепленного в 1968 г. Можно предположить что к 1964 г. сложилась пороговая ситуация, которой попытались воспользоваться примерно в течение года после смещения Н. С. Хрущева «силы перемен». Но эти силы оказались чрезмерно слабы, и уже к осени 1965 г. они потерпели поражение. Политическое развитие приобрело однозначно ориентированное направление. Поскольку общественное развитие контролируется сверху и принятие основных решений централизовано в самой крайней степени, а основной целью Лиц, Принимающих Решения (ЛПР), является сохранение политического статус-кво даже в деталях, ни одна из сохранившихся от прошлого и вставших вновь проблем не нашла сколько-нибудь прочного и удовлетворительного, с точки зрения широких общественных интересов, решения.

Конечно, общество не стоит на месте, и некоторые вопросы общественной жизни так или иначе решаются, некоторые напряжения ослабляются. Так, разрешение ограниченной эмиграции с 1971 г. сыграло роль предохранительного клапана. Нельзя не отметить заметного сближения уровней жизни в городе и деревне за последние 10—15 лет. Детальный анализ ситуации не может пренебрегать этими и некоторыми другими моментами. Но все это не меняет определяющую тенденцию накопления противоречий.

2. Пожалуйста, поделитесь своими наблюдениями, позволяющими Вам сделать соответствующий вывод.

Противоречия и нерешенные проблемы накапливаются во всех областях жизни общества. Существуют две различные точки отсчета: настоящая ситуация в сравнении с прошлой и в сопоставлении с осознанной (или не вполне осознанной) по-

требностью общества или составляющих его частей. В первом измерении можно констатировать и улучшения, и ухудшения, во втором — почти исключительно ухудшения по сравнению с ситуацией, существовавшей 10—15 лет назад. И то, и другое относится и к объективным интересам общества в целом, и к целям, которые ставят перед собой данная политико-идеологическая система и ее персонификаторы... <...>

3. Каким бы ни был Ваш ответ на первый вопрос, как Вы оцениваете нынешнее состояние данного общества с точки зрения его стабильности (устойчивости): считаете ли Вы это состояние скорее устойчивым (равновесным, инерционным) или, напротив, неустойчивым (несущим в себе потенциальную возможность серьезных общественных изменений)?

В обществе действуют и силы инерции, и силы, ее подрывающие. Установить соотношение тех и других очень трудно; может быть, невозможно, поскольку не существует методологии измерения и соотнесения разнородных и разнонаправленных тенденций.

Представляется, однако, что длительная историческая полоса устойчивости данного общества подходит к концу. <...>

5. Усматриваете ли Вы какие-либо кризисные явления в современном общественном состоянии? Если да, то насколько широко они распространены? В случае широкого распространения можно ли говорить о наступающем (наступившем) кризисе данного общества в целом?

Поскольку проблемы накапливаются и обостряются, но не решаются, кризисные явления нарастают. Поскольку такие проблемы существуют во всех основных сферах общественной жизни, правомерно говорить о кризисе, охватывающем общество в целом.

Однако понятие социальных кризисов — многозначное, размытое. Историки оперируют понятием кризиса применительно к обществам, способным пребывать в означенном состоянии десятки и даже сотни лет. В этом широком, общен историческом

смысле, подчеркивающим глубину и трудноразрешимость противоречий, кризис данного общества восходит к 50-м гг. и с тех пор прошел ряд этапов. <...>

Если же под понятием кризиса подразумевается острая ситуация переломного характера, разрешающаяся в ту или иную сторону в относительно короткий срок, то категорического заключения сделать пока нельзя. Однако такую возможность следует допустить.

II. ПЕРСПЕКТИВЫ: ВЗГЛЯД «ИЗНУТРИ»

6. Можно ли, по Вашему мнению, ожидать существенных (может быть, коренных?) перемен, сдвигов в жизни известного Вам общества в обозримый период (скажем, не позднее конца XX века)? Если да, то насколько вероятными представляются Вам эти изменения?

Представляется маловероятным, что до конца века не наступят **коренные, глубокие** перемены. **Существенные** перемены могут начаться быстрее, видимо, не позднее второй половины 80-х гг. <...>

7. В случае положительного ответа на предыдущий вопрос, полагаете ли Вы, что эти перемены будут скорее однонаправленными (тогда — к лучшему или к худшему?) или, напротив, разнонаправленными (например, сначала к одному, потом к другому)? Если последнее, то считаете ли Вы возможным определить общее (результатирующее) направление ожидаемых Вами общественных изменений — в конечном итоге к лучшему или к худшему? Желательно при этом пояснить свое понимание «лучшего» и (или) «худшего» в данном контексте.

Представляется, что в таком громадном обществе со столь сложными внутренними и внешними проблемами перемены не могут быть однонаправленными. Более того, баланс между «лучшим» и «худшим» в различных сферах в течение известного времени может колебаться, оставаться настолько неустойчивым, что будет трудно вывести результирующую. Эта труд-

ность связана не только со сложностью объективных процессов и отсутствием методики соизмерения их различных аспектов, но и с неизбежно происходящими в процессе глубоких общественных перемен изменениями в иерархии ценностных приоритетов и участников этого процесса, и наблюдателей (это относится и к экспертам). Таким образом, в пределах указанного срока (до конца века) результирующее направление перемен может и не выявиться (особенно если они начнутся поздно).

Если же оценивать общее направление в рамках более протяженного исторического масштаба, то оценка любого эксперта — и в этом надо отдавать отчет — не только опирается на его профессиональную квалификацию, но и представляет предмет веры. В дальнейших построениях избирается оптимистическая гипотеза (т. е. общее направление — перемены к лучшему), которая в известной мере предопределяет характер ответов. Эксперт учитывает, что пессимистическая гипотеза также имеет под собой веские основания.

Следует отметить, что оптимизм по отношению к историческим судьбам данного общества и всемирно-историческому процессу не совпадают. Не исключено, что именно прогресс во всемирном масштабе будет связан с величайшими потрясениями и испытаниями данного общества, может быть — с крушением в его современных государственных границах.

Перемены к лучшему в самом общем виде означают расширение степеней свободы, возможностей выбора и для каждого отдельного индивида, и для социальных групп, и для общества в целом. Наиболее актуальными для данного общества представляются:

- 1) переход к политической демократии на плюралистической основе; реализация комплекса свобод — основы современной цивилизации;
- 2) перестройка экономической организации на базе «смешанной экономики», включающей гибкий механизм централизованного регулирования и автономию хозяйствующих субъектов,

последовательное проведение принципа заинтересованности производителя в результатах своего труда, одобренного потребителем;

3) перераспределение экономических ресурсов для повышения жизненного уровня менее обеспеченных слоев населения (социальная инфраструктура вместо танков и престижных государственных расходов);

4) действительная международная разрядка;

5) сдвиги в сфере общественной морали, утверждение терпимости к чужим взглядам, верованиям, образу жизни, признакам самооценности человеческой личности.

8. *Если Вы не исключаете в обозримый период возможности существенных перемен в жизни данного общества (к «лучшему» или к «худшему», в Вашем понимании), то ожидаете ли Вы скорее резких, крутых общественных изменений или, напротив, медленных, постепенных?*

Вероятно, к существенным, а затем и коренным переменам к лучшему, если они вообще произойдут, поведет цепь медленных, но постепенно расширяющихся и ускоряющихся изменений. Крутых сдвигов в развитии ситуации с увеличивающейся амплитудой поворотов едва ли удастся избежать, но их чрезмерная резкость чревата крушением данного общества и даже мировой катастрофой.

9. *Укажите, пожалуйста, те тенденции (обстоятельства, процессы) современной внутренней жизни, которые утверждают Вас в Вашем взгляде на перспективы развития данного общества в обозримый период (каков бы ни был этот взгляд).*

Два главных (и взаимосвязанных) процесса:

1) созревание общества, что находит выражение в его усиливающейся социально-политической дифференциации, в усвоении известной его частью главных ценностей современной цивилизации (при этом разные слои общества по-разному усваивают различные ценности), в различных проявлениях выну-

жденного ослабления государственного контроля над обществом, в вытеснении мифологических представлений реальным знанием о себе и мире;

2) неспособность политико-идеологической системы решать те задачи, которые она сама перед собой ставит <...> В ряде сходных (хотя и не аналогичных) исторических ситуаций правящий класс (слой) находил в себе силы осознать себя частью общества, в большей или меньшей степени возвыситься до признания общественных интересов и приступить к демонтажу существующей системы (Чехословакия — 1968, Испания — 1975—1978, до некоторой степени Россия — 1953—1956 гг.). <...>

11. Если есть такие обстоятельства и характерные особенности истории (предыстории) данного общества, которые укрепляют Вас в Вашем взгляде на его ближайшее будущее, то укажите их.

В истории данного общества можно выделить две тенденции, подкрепляющие оптимистическую гипотезу:

— политическая и культурно-историческая традиция связей с Западом, ориентация на вырабатываемые на Западе ценности и нормы (в некоторые периоды она преобладала над тенденцией к изоляции и акцентом на «самобытность»);

— фрагменты демократических (квазидемократических) политических учреждений, концепций и ценностей, значение которых хотя и было невелико в общем политическом контексте русского самодержавия, но постепенно возрастало после 1861 г. (Значение этой границы не всегда осознается: 120 лет — не слишком большой исторический срок, если до этого человека можно было продать).

Однако **главные** основания оптимизма — не в истории данного общества (она, скорее, дает материал для обратной позиции), а в современных процессах, в усиливающемся универсализме мирового развития. <...>

III. МИРОВОЙ КОНТЕКСТ

14. Существуют различные точки зрения относительно перспектив движения данного общества в мировом «историческом пространстве». Например:

— в главном и коренном это общество идет (будет идти) по самостоятельному пути, отличному от всех известных;

данное общество тяготеет (рано или поздно станет тяготеть) к какому-либо известному историческому образцу, варианту, типу развития («западному», «восточному», иному);

— в исторической перспективе весь мир (или его большая часть) приобретет те же типологические черты, что и данное общество.

Возможны и иные взгляды. Какова Ваша собственная точка зрения на этот счет?

Данное общество (как и все остальные) уже тяготеет (а с течением времени еще больше станет тяготеть) к «западному» типу развития. Ни одна другая социально-экономическая система не создала структур и общественных механизмов, способных противостоять (законсервироваться) демонстрационному и иному воздействию современной технологической цивилизации Запада: в экономике тоталитарная система не адекватна НТР; в политике — демократия в конечном счете дает более гибкие и жизнестойкие формы общественной организации; в идеологии — плюрализм и акцент на свободу и самоценность личности вытесняют культ общественной дисциплины и величия нации, как этот культ ни силен еще сегодня. Национально-государственная обособленность размывается, человечество все более осознает свое единство (к этому ведут многообразные объективные процессы).

Однако эволюция всех незападных обществ к «западному» типу

1) будет происходить различными путями и в течение значительного времени давать существенно отличные модели;

2) будет ориентирована с учетом тех изменений, которые претерпевает сам Запад; будет приближена к его итогу, а не пути;

3) будет длительной.

Альтернативой этому процессу может быть только мировая катастрофа (которую исключать нельзя).

IV. «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» ПЕРЕМЕН: ЗА И ПРОТИВ

15. Каков бы ни был Ваш взгляд на ближайшее будущее данного общества, пожалуйста, укажите те общественные силы, которые Вы полагаете заинтересованными: а) в переменах к «лучшему» (в Вашем понимании); б) в сохранении (воспроизведении) нынешнего общественного состояния; в) в переменах к «худшему» (в Вашем понимании). <...>

А. В переменах к «лучшему»:

— те частично пересекающиеся общественные слои и группы, 1) чья профессиональная деятельность и общественная реализация личностных свойств сковываются условиями тоталитарного режима: **часть** интеллигенции, **часть** правящего слоя, **часть** непосредственных участников материального производства (от инженеров-новаторов до «огородников» и действительно квалифицированных и добросовестных шабашников); 2) кто ориентирован на западные нормы не только материального и духовного потребления (это относится к значительной части молодежи), но и труда, но и общественного поведения; 3) часть групп со значительным разрывом между их статусами в обществе (доход, престиж, национальная принадлежность) — все они более или менее сознательно,

— громадное большинство общества — объективно.

Б. В сохранении основ существующего положения:

1) те общественные группы, позиции и благосостояние которых были бы существенно подорваны демократизацией и введением подлинно соревновательного начала в экономике и политике:

— некомпетентные люди, занимающие высокие позиции (часть государственного аппарата, «чистые идеологи», «малограмотные ученые» и т. п.);

— лица, виновные в нарушении советских законов (часть работников репрессивных органов, казнокрады, использующие служебное положение, доносчики, сикофанты разного рода);

— люди, «ангажированные» прошлой активной деятельностью по защите и консервации существующего режима;

2) значительная часть населения, предпочитающая «спокойную жизнь» и гарантированный, хотя и сравнительно низкий доход, превратностям конкуренции и подлинно соревновательных процессов в экономике, политике, идеологии;

3) люди с ограниченным кругозором, прочно находящиеся во власти традиционных представлений, неспособные к идеологической перестройке, конформисты. <...>

В. В переменах к «худшему» (т. е. к своего рода «неосталинизму»):

— крайние элементы групп, обозначенных выше (Б1), люди авантюристического склада, узкие догматики, политические карьеристы и спекулянты, презирующие общепринятые моральные нормы и рассчитывающие использовать в своих целях предрассудки, низменные чувства (зависть, фобии разного рода) и тягу к «порядку» более или менее массовых слоев.

16. Если Вы считаете вероятными существенные перемены в жизни данного общества в обозримый период, то какие общественные слои (группы) и типы людей, по Вашему мнению, подтолкнут общество к этим переменам, какие — фактически их осуществят, какие — поддержат и закрепят? Каковы возможные конкретные формы их поведения? <...>

Подтолкнет перемены наиболее активная часть вышеуказанных трех групп, заинтересованных в переменах к лучшему. Граница между более и менее активными элементами определяется не столько социальным, профессиональным статусом, сколько типом личности. Это нонконформисты, «Гамлеты» и «Дон Кихоты», каждый из них в своей ситуации, но выпадающие из ценностных ориентаций, которые восходят к общинному строю и возводятся в доблесть партийным культом дисциплины.

лины. Численно преобладающая часть этих элементов находится сейчас среди «интеллигентной интеллигенции», но также среди «интеллигентного рабочего класса» и т. д. Формы их действия могут быть различны, но все они так или иначе сводятся к созданию «общественного климата перемен», к известному нагнетанию «социальных ожиданий», к выработке «проектов» будущего развития, к распространению высокого морального климата «микросред» на более широкие общественные круги, к воздействию на смену ценностных ориентаций. Первое место (и наиболее достойную позицию) среди них занимают диссиденты.

Начать осуществление перемен к лучшему — так, чтобы это не привело к катастрофе и ужасам гражданской войны, — могут в данном обществе только две силы: реалистически мыслящие и сознающие необходимость перемен элементы в партийно-государственном аппарате и (или) армии. Неразрывно связанное с оптимистической гипотезой обоснование возможности (не более чем возможности!) консолидации и подобных действий этих элементов (предпочтительно первых, поскольку это не разрушает существующую легальность) будет дано ниже. Здесь подчеркивается только, что иных, отличных от них сил, способных совершить поворот действительно к лучшему, нет.

По-настоящему закрепить перемены к лучшему может только власть, опирающаяся на демократически выраженное волеизъявление большинства и учитывающая (в рамках демократического строя) позицию и права меньшинства. Это может быть осуществлено, если в процессе перехода от одного общественного состояния к другому не наступит экономического развала, резкого ухудшения положения значительных социальных слоев, серьезной дезорганизации общественного порядка (условия, хотя и недостаточные, но необходимые). Узкие и слабо контролируемые снизу группы могут начать переход, но не могут утвердить демократический правопорядок — это непреложно вытекает из опыта многих стран... <...>

18. Замечаете ли Вы в данном обществе какие-либо нарастающие признаки общественной кристаллизации (направления, течения, оттенки мысли, культурные феномены и т. п.)?

Если да, то какие из них наиболее симптоматичны и значимы в свете Вашего представления о возможных переменах?

В сфере общественного сознания и поведения людей после 1953 г. произошли столь глубокие изменения, что трудно поверить, что все это приходится на срок меньший, чем жизнь одного поколения. Как кажется, умонастроения наиболее активной (и довольно широкой) части поколения 1930-х годов (во всяком случае, городской молодой интеллигенции) выразили комсомольские поэты, большинство которых позднее погибло на войне. Несмотря на известные события конца 1930-х и 1940-х годов, инерция идеологических и поведенческих стереотипов была еще велика. Комсомольская патетика, извергаемая сегодня газетами и журналами, повсеместно воспринимается как лживая (и хорошо оплачиваемая) риторика. Следует выяснить еще, сколь широко распространена была вера в идеалы коммунизма прежде, но едва ли можно спорить с тем, что сейчас вера рухнула: «Бог умер».

Официальная идеология, эклектичная, лишенная внутренней цельности и динамизма, более не выполняет ни познавательных, ни целеполагающих и почти не выполняет интегративных общественных функций. В своей основной струе (а не в модификациях, приспособляемых различными течениями для своих целей) она выполняет единственную роль — консервирующего устройства, закрепляющего некоторые предрассудки в народном сознании, барьера на пути к пониманию реального положения вещей. В сколько-нибудь полном виде набор догм, составляющих официальную идеологию, не признается за истину ни теми, кто ее разрабатывает (= приспособляет к требованиям дня), ни теми, кто ее пропагандирует, ни теми, на кого она направлена. Еще менее она служит ориентиром, определяющим поведение первых, вторых и третьих. <...>

Хотя переход от монотеистического, высоко дисциплинированного и унифицированного во всех своих проявлениях общества к плюралистической политико-идеологической и поведенческой структуре в принципе представляет шаг вперед, распад общественных связей и крайне низкий уровень преобладающих норм сознания и поведения внушают серьезные опасения. <...> В своей преобладающей части общество и не осознает своих действительных, долговременных интересов, и тем более не готово их отстаивать на политическом уровне. Эти интересы выражают лишь численно незначительные и маловлиятельные группы меньшинства. Даже серьезные общественные потрясения не приводили пока к качественным изменениям в этой области. <...>

V. ВРЕМЯ И ХОД ПЕРЕМЕН

20. Не могли бы Вы хотя бы приблизительно датировать начало предполагаемых Вами общественных изменений (пользуясь обозначениями типа: ближайшие год-два, середина 1980-х гг., 1990-е годы и т. п.). Возможно, эти перемены уже начались?

Какие-то перемены, конечно, происходят постоянно. Однако о начале перемен в том смысле, как это имеется в виду в данном вопроснике, говорить пока не приходится. Критерием действительно начавшихся перемен могли бы быть: к «лучшему» — необратимость процесса, утрата контроля государства над обществом; к «худшему» — утрата обществом того, что отличает период после 1953 г. от предшествующего времени. Решающие перемены могут и должны происходить в сфере политики, а эта сфера, несмотря на периодически повторяющиеся в ней «войны мышей и лягушек», остается наиболее стабильной. Перемены в политике приведут к цепной реакции изменений во всех иных областях общественной жизни.

Наиболее вероятное, как сейчас представляется, время начала цикла перемен — вторая половина 1980-х годов, когда мо-

жет скреститься действие объективных (ухудшение экономической и демографической ситуации, развитие обозначившихся международных процессов и т. д.) и субъективных факторов (уход поколения, сформировавшегося в годы войны; биологическая динамика в высшем эшелоне власти и др.). <...>

Таковыми виделись мне положение вещей и перспективы нашего развития за шесть-семь лет до того, как перемены начались. У меня нет оснований пересматривать эти оценки. Многое из того, что было сказано тогда, и по сей день стоит в центре споров, кипящих, слава богу, не только в тесных интеллигентских квартирах.

Не видеть, что противоречия, раздиравшие советскую экономику и общество, углубляются и распространяются на все сферы жизни, а средства, которыми их пыгаются смикшировать, не годятся, мог только тот, кто ничего не хотел видеть. Не случайно почти все опрошенные эксперты ответили, что противоречия нарастают. Их мнения разошлись в другом: большинство посчитало состояние общества достаточно устойчивым, а запас прочности власти большим; примерно половина экспертов не захотела увидеть в происходящем проявления *общего кризиса* системы.

Вопрос этот имеет принципиальное значение. Что представляют собой крушение КПСС и распад СССР? Результат сцепления неблагоприятных для системы случайностей, подтверждение «теории заговора», как утверждают сегодня некоторые вчерашние «марксисты-ленинцы», или исторически неизбежное порождение объективных процессов? Довольно быстро выяснилось, что изобретенное академиком Варгой для пропагандистских нужд Сталина понятие общего кризиса общественной системы, который можно преодолеть лишь путем социальной революции, к капитализму неприменимо. Преподаватели-обществоведы, сохранившие научную честность, объясняли студентам, что под общим кризисом капитализма следует понимать постепенное изживание и преобразование тех форм общественных отношений,

которые были типичны для капитализма XIX века, а не их созревание для революции в классическом смысле слова.

Однако оказалось, что это понятие неплохо работает, будучи отнесено к иной общественной системе — «социалистической» по самоназванию. Ее кризис, восходивший по меньшей мере к 1950-м годам, захватывал одну сферу жизни за другой⁷, не оставляя возможности для естественной трансформации несущих конструкций системы. Советский «социализм» оказался нерепформируемым. Конечно, агония правящего режима могла продлиться дольше, но тогда его преодоление было бы более кровавым и разрушительным. И трагедия, которую явила Югославия, могла оказаться не худшим из вариантов крушения. У меня нет уверенности в долговечности «китайской модели» реформ, которую не устают ставить в пример российским реформаторам их критики.

Несмотря на неоднозначность, противоречивость развернувшихся в России процессов, я и сейчас думаю, что соображения, вдохновленные оптимистической гипотезой, точнее схватывали суть дела, генеральную тенденцию развития. *Существенные перемены*, действительно, произошли во второй половине 1980-х годов, лишь на год-два запоздав по сравнению с датой, вынесенной Андреем Амальриком в заглавие его книги⁸, а к концу века (или даже раньше) свершились *коренные перемены*.

Как и предполагалось, изменения не были однонаправленными, а в обществе нет согласия по вопросу о соотношении между «лучшим» и «худшим». На самом деле прогресс во всемирном масштабе оказался сопряжен с потрясениями и жестокими испытаниями, выпавшими на долю нашего общества, с крушением его в прежних государственных границах. За избавление от тоталитарного коммунизма оно заплатило и продолжает платить высокую цену. И все же главный вектор перемен обозначил, как я тогда писал, «расширение степеней свободы, возможностей выбора и для каждого отдельного индивида, и для социальных групп, и для общества в целом». По Гегелю, в этом и есть суть

прогресса⁹. Что же касается обозначенных в моих ответах признаков «перемен к лучшему» (п. 7), одни из них были сформулированы слишком расплывчато и реальные изменения пошли значительно дальше, а другие пока недостижимы.

Как показал опыт, слишком осторожно была обозначена цель перехода от командно-распределительной экономики к экономике «смешанной», в которой на равных сосуществуют «гибкий механизм централизованного регулирования» и «автономия хозяйствующих субъектов», а категория рынка была введена иносказанием «заинтересованность производителя в результатах своего труда, одобренного потребителем». Еще в годы перестройки стало очевидно, что универсальным регулятором общественного производства может быть только рынок¹⁰, а действительная автономия хозяйствующих субъектов возможна лишь при преобладании частной собственности.

Чрезмерно общим был и тезис о политической демократии на плюралистической основе: в тексте он не был доведен до ясного принципа разделения властей, на котором основано государственное право всех цивилизованных стран и вне которого немислим современный парламентаризм. Никаких иллюзий относительно системы, именовавшей себя советской властью, у меня, конечно, не было. Однако размышления о непригодности (и нереализуемости) теоретической модели «государства типа Парижской коммуны», об ограниченной и кратковременной прагматической полезности лозунга «Вся власть Советам!», реанимированного А. Д. Сахаровым и депутатами — членами Межрегиональной группы в 1989 г., были опубликованы позже¹¹. Столь же зашифрованным выглядит положение о «действительной международной разрядке». Принципиальное оздоровление международных отношений и сближение России с сообществом демократических государств могли начаться лишь на основе фактического и формально зафиксированного отказа от «доктрины Брежнева», предоставления свободы выбора путей развития странам Восточной Европы, демонтажа Берлинской стены, отказа от поддержки экс-

тремистов и террористов, выступающих под флагами борьбы за «национальное и социальное освобождение». Разрыв с внешней политикой СССР, гораздо более последовательный и глубокий, чем с политикой внутренней, совершился еще в перестроечные годы, но вопрос этот не потерял актуальности, ибо влиятельные силы национал-державнического толка и поныне отвергают необходимость и благотворность горбачевского поворота.

В конце 1970-х годов ощущение необходимости и неотвратимости перемен захватывало и общество, и правящий класс. Однако последующие события показали, что ни граждане, ни эксперты, ни тем более люди в «комнате с кнопками» не имели ясного представления о содержании, последовательности и возможных сценариях перемен. Расхожий упрек реформаторам за то, что они начали перестройку, не озаботившись составлением программы перемен, может вызвать только улыбку. «Любых реформаторов — назовем так — не в лабораториях готовят, не из зародыша они вырастают. Они вырастают из самой жизни, все зависит от их умения услышать землю: как она? Гудит? Молчит? Шипит? Поэтому плана перехода из одного общественного качества в другое и быть не могло», — справедливо замечает Александр Яковлев¹².

Перемены надвигались. О них задумывались не только эксперты. Но впереди еще были афганская авантюра, расстрел жужнокорейского самолета, андроповские попытки дисциплинировать общество по памятным образцам, безумие антиалкогольной кампании...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. — 1987. — № 2. Результаты своего исследования Г. Ханин оглашал ранее на научных конференциях. Мне довелось впервые познакомиться с ними в 1976 г.

² Правда. — 1976. — 6 сент. И то сказать: средний возраст членов политбюро в 1982 г., когда умер Брежнев, составлял 68 лет.

³ См.: *Левада Ю., Шейнис В.* Погружение в трясины // Моск. новости. — 1988. — 13 нояб.

⁴ Авторами-составителями этого вопросника были ленинградский социолог А. Н. Алексеев, историк и философ М. Я. Гефтер, писатель и журналист А. С. Соснин, моя ученица, выпускница философского факультета ЛГУ Н. Я. Шустрова и автор этой книги. Методологический комментарий был написан А. Н. Алексеевым. В группе, обладавшей не только достоинствами, но и типичными недостатками интеллигентов, не всегда способных довести до конца с энтузиазмом начатое дело, он представлял собой главное профессиональное, организующее и дисциплинирующее начало. К нему стекались заполненные анкеты. Он же принял на себя удар, когда по неосторожно оставленным следам к нему пришли люди Андропова. В 1991—2003 гг. А. Алексеев опубликовал материалы экспертно-прогностической методики (план беседы, включавший 23 вопроса, и методологические указания к ее проведению), 36 записей ответов на анкету (из 45 имевшихся в его распоряжении и оказавшихся недоступными для сотрудников КГБ), а также рассказ о том, как проводилась работа, как на нее вышли «следопыты» из охранной службы и как партийные органы принялись искоренять «крамолу». См.: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х годов). — Кн. 1, 2. — М., 1991; Год Оруэлла (Из опыта драматической социологии). — СПб., 2001. — С. 258—264; Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. — Т. 1. — СПб., 2003. — С. 58—77; Т. 2. — С. 19—21, 233—238.

⁵ Архив автора. На три последние вопроса анкеты написать ответы к сроку я не успел. Поэтому мой незаконченный текст не был своевременно послан А. Алексееву и не вошел в его комплект, а потом и в публикацию 1991 г.

⁶ Текст публикуется без изменений, сокращения продиктованы исключительно недостатком места.

⁷ Впервые мне довелось сказать об этом публично на научной конференции в Академгородке Новосибирска в апреле 1988 г. См. гл. 1, с. 68, 150.

⁸ *Амальрик А.* Просуществоет ли СССР до 1984 года? // Погружение в трясины: (Анатомия застоя). — М., 1991. — С. 642—683.

⁹ «Применение принципа свободы к мирским делам... внедрение и проникновение принципа свободы в мирские отношения является длительным процессом, который составляет самую историю, — писал Гегель. — Всемирная история есть прогресс в познании свободы...» (*Гегель Г. Ф.* Философия истории // *Гегель Г. Ф.* Соч. — Т. 8. — М.: Л., 1935. — С. 18—19).

¹⁰ В 1988 г. я опубликовал на эту тему статью «Капитализм, социализм и экономический механизм современного производства» (Мировая экономика и международные отношения. — 1988. — № 9). Она была отмечена как знаковая в начавшейся ревизии официальной идеологии и привлекла внимание американских издателей. См.: *New Soviet Voices on Foreign and Economic Policy / S. Hirsch.* — Washington.: The Bureau of National Affairs Inc., 1989).

¹¹ См.: *Назимова А., Шейнис В.* Выборы и власть: Придем ли мы к демократическому парламенту? // СССР: Демографический диагноз. — М., 1990. Фрагменты статьи воспроизведены в гл. 2, с. 157—192.

¹² *Вечерняя Москва*. — 2001. — 11 июля.

часть I

ПЕРЕСТРОЙКА

Свободен первый шаг,
Но мы рабы другого.
И. В. Гёте

Историю постсоветской России принято вести с 1991 г. В этом есть логика. Но демократическое возрождение России, как и некоторых других бывших советских республик, при всех противоречиях и разочарованиях пройденного с тех пор пути и дня сегодняшнего, восходит к перестройке¹. Без поворота рулевого колеса реформаторами в партийном руководстве и последовавшего затем взлета общественной активности наша история выглядела бы по-другому. Три вехи, на мой взгляд, наиболее значимы в истории страны в XX веке. 1917 и несколько следующих лет, когда Россию своротили на тупиковый путь. Отечественная война, когда мы почти чудом избежали самой страшной катастрофы за десять веков своей истории. Перестройка, которая — при всех оговорках — вернула страну в сообщество демократических государств.

глава I (1985—1988). Перемены пришли. Что дальше?

Когда все мягко так и нежно, и незрело...

А. Грибоедов. «Горе от ума»

Когда перемены начались, боязно было обмануться, в очередной раз принять за начало действительных сдвигов новые слова и чуть по-иному расставленные акценты в советском новоязе. Такое бывало уже не раз. И хотя многие из нас могли бы повторить вслед за Пушкиным «Я сам обманываться рад», не хотелось поддаться легковерию. Однако речи Горбачева становились все более нестандартными, приближаясь к постановке реальных проблем².

Мы с друзьями впервые позволили себе сказать: «На этот раз, кажется, всерьез» — во время долгих прогулок по Ленинграду в августе 1986-го. Тогда же обозначили и своего рода реперные точки, прохождение которых должно было подтвердить серьезность намерений нового руководства: во внешней политике — уход из Афганистана, во внутренней — возвращение из ссылки Сахарова, в идеологии — возобновление разговора о сталинизме. Мы отдавали себе отчет в том, что этого, конечно, недостаточно, но такие сдвиги могли стать знаковыми.

А когда к концу года эти и другие сигнальные лампочки действительно загорелись, стало тревожно: слишком памятен был октябрь 64-го. Если Горбачев и его немногочисленные сподвиж-

ники в верхнем эшелоне партийного руководства действительно собираются реформировать партию, государство и общество, то не сомнет ли их чудовищная машина бюрократического аппарата? Поэтому уже в 1987 г. главными вопросами стали: обратима ли перестройка, что ей может угрожать и действительно ли «никто пути пройденного у нас не отберет»? (Тревога, как выяснилось, была не напрасной — по меньшей мере до 1991 г.)

Затем стало складываться убеждение, что в критике и самокритике нуждается сама перестройка. С осени 1986 г. я стал выступать с публичными лекциями о перестройке. Проехал Памир и Колымский тракт, летал на Чукотку, был на Сахалине и Камчатке, не говоря уж о Центральной России. И повсюду все чаще наталкивался на своего рода реакцию отторжения: то, что вы говорите, хорошо, но у нас ничего не изменилось, перестройка до нас не дошла³. На глазах иссякал главный ресурс, на который рассчитывали «архитекторы перестройки», — доверие и поддержка народа.

1986—1988 гг. часто вспоминаются как годы великого обновления, полученного как бы в дар, и как годы вспыхнувших, но не сбывшихся надежд, упущенных возможностей. А были ли эти возможности? Можно ли было их не упустить? Вот два взгляда автора: из 1988-го и из сегодняшнего дня.

ВЗГЛЯД ИЗ 1988 года. ПЕРЕСТРОЙКА НА НОВОМ ЭТАПЕ: ОПАСНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ*

Осознанию реальности, а следовательно, и выбору верной линии социального поведения нередко мешают мифы. Один из них, глубоко проникший не только в обыденное, но и научное сознание: кризисы — удел капитализма, при социализме их быть не может. События в некоторых государствах Восточной Европы поколебали это представление, но не перечеркнули его. Даже жесткие слова о предкризисной ситуации, произнесенные на Пленуме ЦК в январе 1987 г., стали все чаще уравниваться утверждениями, что в новых условиях опасность преодолена. Подводит привычка рапортовать о преодолении трудностей.

Действительно, приближение кризиса предопределило поворот, который призван увести наше общество от опасной грани, к которой оно неотвратно шло до 1985 г. Но истекшие с тех пор годы показали, что выход из тупика, в который завели нас предшествующие десятилетия, сложнее и мучительнее, чем можно было ожидать. Сравнительно быстро удалось обнажить верхний слой накопившихся проблем. Ни одна из них, однако, пока не решена до конца. Более того, сама перестройка ставит собственные, не менее острые проблемы, и каждый следующий шаг вперед дается труднее предыдущего.

Теперь едва ли уже можно сомневаться в том, что исторически пионерный процесс сам порождает обострения, которые периодически приобретают критический накал. Не исключить их, а предвидеть, смягчать и выходить из них с наименьшими потерями — так видится одна из самых актуальных задач сегодняшнего, да и завтрашнего дня.

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ

В критическом осмыслении семидесятилетней истории за последние годы сделан такой шаг, который совсем еще недавно

и представить было невозможно. Критику эту, разумеется, надо и расширить, и углубить, но ничуть не меньше мы нуждаемся в самокритике, уяснении того, что сделано верно, где допущены (и не исправлены) ошибки, откуда грозят опасности.

Сама перестройка прошла уже ряд этапов. Нимало не уменьшая значения первого из них, продолжавшегося с весны 1985 г. примерно до осени 1986-го, следует прямо сказать, что время, к каждому месяцу которого пробужденные общественные ожидания стали предъявлять иной счет, чем к годам так называемого «застоя», было израсходовано не слишком бережно. Перемены шли почти исключительно сверху. Это обеспечивало им беспрепятственное признание и легитимизацию в привыкшем к повиновению обществе. Но поскольку новый, «проперестроечный» баланс сил в высшем политическом руководстве складывался лишь постепенно и не был, по-видимому, в достаточной мере закреплен даже на поистине революционном XXVII съезде партии, а масштаб и характер необходимых изменений еще не были до конца осознаны, в общем русле благотворных перемен нередко избирались неточные ориентиры и негодные средства. Сейчас уже очевидно, что ускорение социально-экономического развития столь же мало можно считать центральной стратегической задачей, как и корректировку структуры капиталовложений (из топливно-энергетического в машиностроительный комплекс и т. п.) — основным рычагом экономической модернизации, что «дисциплина, организованность, порядок» вовсе не «главные наши резервы», как утверждали многократно тиражированные лозунги.

Лишь на следующем этапе перестройки, занявшем еще чуть больше года, произошли два коренных сдвига. В верхнем эшелоне власти была вчерне согласована и представлена стране несущая конструкция перестройки, ее стратегическая триада: новое *политическое мышление* (сама идея, как известно, была выдвинута еще на XXVII съезде, но она воспринималась тогда преимущественно как новый подход только к внешней политике), *ради-*

кальная экономическая реформа, демократизация всей политической структуры. И что не менее важно, именно в это время перестройка в ее последовательном и радикальном выражении стала обретать сравнительно широкую социальную базу. Инициатива все еще целиком принадлежала «верху»: был возвращен в Москву А. Д. Сахаров, получили свободу политзаключенные «застойных времен»; стали формироваться самостоятельные общественные организации и движения, вырабатывавшие собственную концепцию перемен. Были сняты цензурные запреты — и в печати впервые за много десятков лет стали обсуждаться острые исторические и современные проблемы в их реальном содержании. Общество, переживавшее быструю политизацию, ответило на это в конце 1987 г. подлинным «взрывом» подписки на газеты и журналы, идущие в авангарде перестройки.

Поздней осенью 1987 г. закончилась предыстория перестройки, наступил новый этап, суть которого — переход к практическому решению накопившихся общественных проблем, нарастающее размежевание сил, небывалый рост «низовой» социальной активности в разнообразных формах, а также развитие неконтролируемых процессов и череда кризисных обострений.

Перестройка — революция. Повторяя этот лозунг, мы подчас забываем элементарное: всякая революция вызывает консолидацию противостоящих ей, оправившихся от первоначально замешательства сил, заинтересованных если и не в восстановлении старого порядка — простого возвращения ко временам брежневско-черненко-ковского иммобилизма не хочет никто, — то в сохранении комплекса социальных привилегий и главной из них — власти, неподконтрольной обществу. Менее элементарно, но исторически тоже известно, что по мере развития революционного процесса усиливается размежевание среди его сторонников: между теми, кто хочет идти «до конца», и теми, кто склонен остановиться на половине (или даже четверти)

пути. Такой спор, по-видимому, периодически обостряется там, где — пока еще без широкого публичного обсуждения — принимаются ключевые политические решения.

Два политических эпизода обозначили переход к новому этапу. Первый — события, связанные с выступлением Ельцина на октябрьском Пленуме ЦК 1987 г. Не располагая полной и достоверной информацией, можно лишь предположить, что за взаимными обвинениями стояли разные подходы к темпам, методам и составу руководящего политического штаба перестройки. Ничего исключительного в этом столкновении не было: различие позиций в сложной ситуации переходного периода нормально и неизбежно. Новым было открыто выявившееся недовольство. Резкую критику (не допущенную, правда, на страницы печати) вызвали не соответствовавший духу времени уровень гласности при освещении действительных расхождений и разгромно-проработочный стиль, в котором позволили себе выступить многие участники обсуждения в Московском горкоме партии. За Ельциным прочно утвердился образ непримиримого противника аппаратно-бюрократических сил. Какие бы ни изобретались хитроумные схемы, противопологающие «авангардиста» консерваторам, как бы политический спор ни переводился в плоскость персональных качеств, смещенный лидер — действительные позиции которого проявились пока довольно амбивалентно — приобрел в стране устойчивую и широкую популярность.

Следующее серьезное столкновение произошло на почве идеологии в марте—апреле 1988 г., когда «Советская Россия», а за нею еще несколько десятков газет познакомили своих читателей с «принципами» ленинградской преподавательницы⁵. После всего, что об этом уже сказано, нет смысла вновь характеризовать интеллектуальные и этические достоинства этого документа, как и ряда других, параллельно с ним появившихся публикаций (и передач ленинградского телевидения). Непреходящий интерес, на мой взгляд, представляют два обстоятельства.

Во-первых, если проанализировать набор присутствовавших в этих текстах знаковых символов, то нетрудно определить ту аудиторию, к которой было обращено «письмо». Это все еще довольно широкий, как подтвердили и последующие события, слой, не изживший «сталинскую легенду» (для них — выдернутые высказывания Черчилля), шовинисты (для их дремучих фобий — идеологически респектабельный наряд препарированного Марксова тезиса о «контрреволюционных нациях»), а главное — все те, кто считает, что перестройка зашла слишком далеко в разрушении привычных стереотипов сознания и поведения, и кто развенчание «бюрократического социализма» воспринимает как крах жизненных идеалов и (или) облюбованных мест. В сущности, это была попытка консолидировать *разные* антиперестроечные силы, предельно расширить их фронт, сформулировать для них хотя и эклектическую, но объединяющую платформу. Последующие события показали, что такая коалиция, хотя и с размытыми очертаниями, стала складываться и заявила о себе и в деятельности определенных неформальных объединений, и в выступлениях ряда известных писателей, и в линии некоторых журналов, предоставивших свои страницы для скандальных публикаций.

Во-вторых, политический кризис вызвало не само изложение определенного взгляда на вещи, а настойчивое продвижение его идеологическим аппаратом в ряде обкомов, в редакциях газет, в армии, в вузах и т. д. По тому, как быстро мобилизовалась «вся королевская рать», поднаторевшая в идеологических погромах давнего и недавнего времени, как легко она получила доступ к средствам массовых коммуникаций, как тиражировалось и ксерокопировалось злополучное «письмо», как были заблокированы выступления оппонентов, можно заключить, что за всей этой кампанией стояли режиссеры очень высокого ранга.

Силовыми приемами нагнеталась атмосфера, в которой могло произойти все, что угодно, вплоть до устранения из высшего политического руководства наиболее последовательных

проводников курса на перестройку. Ситуация 23 весенних дней обнажила то обстоятельство, что уже поколеблена, но не демонтирована реальная, неподконтрольная общественному мнению власть влиятельных «инстанций», но зато начал отступать застарелый страх перед ними.

В последовавшие затем месяцы расстановка сил в стране стала изменяться, и довольно радикально. Не просто инициатором перестройки, но и ее едва ли не единственной моторной силой на ранних этапах было высшее политическое руководство. Осознав общественные потребности, оно сдвинуло партию и страну с мертвой точки и осуществило ряд шагов, не имеющих аналогов в нашей послеоктябрьской истории. Мы не знаем пока, как сложилось большинство, поддержавшее апрельский поворот; с трибуны XIX партконференции было сказано, что кадровые вопросы в марте 1985 г. решались очень непросто. Конечно, это не могло быть иначе. Персональный состав верхнего эшелона власти постоянно обновлялся: к концу 1988 г. в составе Политбюро оставались лишь три из десяти членов, входивших в него после смерти Черненко; новые люди пришли к руководству многих высших партийных и государственных органов.

При той высочайшей концентрации власти в высших эшелонах, которая осталась нам в наследие от сталинского периода, все шаги перестройки, которые стали менять положение в стране и ее место в мире, разумеется, были бы невозможны, если бы новые люди не сменили прежнее брежневско-сусловское ядро. В известной мере существующее распределение власти облегчило начало процесса, ибо в средних звеньях руководства гласность, реальная выборность, последовательная экономическая реформа и т. д. были приняты с очевидной сдержанностью. Явное и скрытое сопротивление, которое оказывает перестройке чиновная бюрократия, плотно расставленная на бесчисленных ступенях пирамиды власти, — общее место современной политической публицистики. Критика с экскурсами в историю и со-

циологию и постоянной апелляцией к цифре — 18 млн управленцев, — конечно, отражает какую-то (и немаловажную) часть реальности.

И все же простенькая схема: прогрессивное руководство — народ, горой стоящий за перестройку, — бюрократия, втыкающая палки в колеса, — представление, в культурно-историческом плане восходящее к известной формуле «царь и народ», в изрядной мере мистифицирует реальную расстановку сил. Экономические, да и политические преобразования пробуксовывают не столько потому, что они дурно реализуются, сколько из-за того, что они далеко не во всем последовательны и не предусматривают адекватных механизмов их реализации. Речь идет о решениях, которые принимаются вовсе не на среднем уровне.

Своеобразие сегодняшнего размежевания сил заключается в том, что линия водораздела проходит не по горизонтали, а по вертикали. На стороне перестройки действительно широкий фронт «от рабочего до министра» — социально активных людей, ориентированных на инициативу и самостоятельность. Противники углубления перестройки, в свою очередь, отнюдь не локализованы среди «бюрократов среднего звена и мелиораторов», ставших притчей во языцех, они тоже располагаются на всех ступенях социальной стратификации, в том числе самых высших, только это другие рабочие, другие министры, другие писатели и работники научных учреждений.

Соответственно и в том, и в другом лагере произошла перегруппировка сил. Перестройка обрела своих лидеров: не только членов высшего руководства (известная дифференциация позиций среди которых стала «прочитываться» из их публичных выступлений и других источников информации), но и писателей, публицистов, деятелей науки и культуры, хозяйственных руководителей. Важной частью общественной жизни стали политические клубы и научные семинары, привлекающие сотни участников, вырабатывающие и пропагандирующие — вместе

с официальными научными учреждениями и творческими организациями, а нередко и опережая их — концепцию перемен.

В центре и на местах стали формироваться общественные движения, в ряде случаев получившие массовую поддержку. Одни из них, выполнив поставленные задачи: отмена экономически опасных проектов, защита памятников или смещение предельно непопулярных местных руководителей (Сахалин, Астрахань, Ярославль, Куйбышев), — прекращали свою деятельность, другие, как это, например, произошло в Прибалтике, добившись непосредственных целей, обретали постоянный статус народных фронтов в поддержку перестройки и формулировали программные требования, как правило, шедшие дальше того, что было зафиксировано в официальных документах. Защищая свои права, трудящиеся некоторых предприятий стали обращаться к забастовкам, организуемым в обход статусных (профсоюзы) организаций.

К весне—лету 1988 г. возникла принципиально новая политическая ситуация: перестройку теперь уже подталкивали вперед не только сверху, но и снизу, раздвигая границы того, что в данный момент считалось дозволенным, а нередко и приходя в столкновение с консервативными установками местных властей. Силы, которые вначале выступали лишь как «эшелон поддержки» прогрессивных решений высшего руководства, обрели самостоятельную роль и включились в борьбу за определение целей, методов и форм обновления общества и — что приобрело особенно громкий отзвук — за представительство в органах, принимающих решения.

По мере того, как перестройка выходила на новые рубежи, нарастали тревога и активность противостоящих ей консервативных сил, группировавшихся преимущественно (хотя и не исключительно) вокруг отдельных звеньев партийно-государственного аппарата в центре и на местах. Гласность и им помогла оценить ситуацию, выдвинуть своих идеологов и консолидироваться, хотя, конечно, не в гласности их сила. На них «работали»

отдельные пережесты общественной инициативы и эксцессы, вину за которые торопились возложить на ослабление административного нажима. Еще важнее, что эти контратаки развивались на фоне довольно широко распространившегося, а в некоторых случаях и усиливавшегося неверия в перемены, психологического эффекта пробудившихся, быть может, в чем-то преувеличенных и несбывшихся пока ожиданий, нараставшей усталости среди довольно широких слоев общества.

Первая серьезная проба сил развернулась в преддверии XIX партконференции. Сторонники последовательной перестройки выдвинули далеко идущие предложения по экономической, политической, правовой реформе, расширили свой актив, получили довольно широкую поддержку в партии и стране — и, в сущности, проиграли выборы (фактически — отбор) делегатов, которые аппарат провел в духе добрых старых традиций. В новой обстановке, конечно, немалое число мест было предоставлено партийцам, имеющим собственный взгляд на вещи (хотя и не всегда умеющим его отстаивать), но среди делегатов затесались даже люди, чуть позже уличенные в коррупции, а главное — было обеспечено щедрое представительство номенклатуры. В целом, по своему составу конференция оказалась консервативнее актива, выдвинутого перестройкой.

Тем не менее конференцию, возможно, следовало бы называть исторической, если бы этот эпитет не был так девальвирован неизменным приложением к бывшим парадным съездам; во всяком случае, ничего подобного в нашей истории последних 60 лет не было. Конференция внесла свой вклад в дальнейшее развитие событий. Во-первых, уроком демократии: «разномыслием», сшибкой мнений, в том числе оппонировавших основному докладу, критикой ЦК и членов Политбюро, показанными по телевидению всей стране. Во-вторых, решениями, которые, в общем, продвинули политическую реформу, но отразили — в этом важно отдать отчет — не наиболее последовательные идеи демократических преобразований, а компромисс, к которому, види-

мо, пришло высшее руководство и который лег в основу решений конференции безотносительно к соотношению «консерваторов» и «прогрессистов» среди делегатов.

Накануне и после конференции персональный состав партийных органов существенно обновился, но почти неизменным остался принцип их формирования, основанный на самовоспроизводстве аппарата, рекрутировании сверху и в очень ограниченных пределах допускающий состязательные выборы на ключевые посты. По предписаниям старой, изрядно дискредитированной инструкции прошли в конце 1988 г. выборы в обкомы, которые будут готовить XXVIII съезд партии.

Несмотря на протесты многих неформальных организаций, видных деятелей науки и культуры, Верховный Совет утвердил июльские указы своего Президиума, которые произвольно ограничивают еще не утвердившееся право на проведение публичных митингов и собраний и против которых едва ли не впервые в истории нашего парламента проголосовали некоторые депутаты. В ряде мест эти законоположения были довольно грубо (а в Минске — даже зверски) использованы против мирных и отнюдь не экстремистских инициатив. Затем, вслед за скоропалительно проведенным обсуждением, были реформированы высшие органы государственной власти и избирательная система.

Существенные аспекты этих изменений: постоянно действующий Верховный Совет, разделение властей, Комитет конституционного надзора, состязательный порядок выборов депутатов от территориальных округов и некоторые иные, несомненно — шаги на пути к демократическому, правовому государству. Другие — замена прямых выборов в Верховный Совет косвенными; формирование трети высшего государственно-го органа по куриям, которое фактически отдано на откуп бюрократии, возглавляющей «общественные организации»; неясность процедуры выделения Верховного Совета из состава Съезда народных депутатов; широкие полномочия окружных избирательных комиссий по отбору кандидатов в депутаты

и т. д. — оставляют «инстанциям» широкое поле для кадровых маневров, фактически — назначения депутатов. Если уж важно было не подвергать превратностям соревновательного процесса вхождение в высший орган государственной власти определенного круга лиц, лучше было бы по венгерскому образцу наряду с территориальными округами сформировать общегосударственный список кандидатов на фиксированное число мест, включение в который практически гарантирует избрание (при условии поддержки по меньшей мере половиной избирателей). В прежнем объеме был пока сохранен и суверенитет Союза над республиками.

Если исходить из того, что главный вопрос каждой революции — проблема власти, то к концу четвертого года перестройки ситуацию можно резюмировать следующим образом: на фоне пробужденной общественной активности произошло основательное изменение ориентации власти, частичное и неоднозначное — ее структуры, крайне поверхностное — тех базовых принципов, в соответствии с которыми она формируется.

Политической целью перестройки объявлена передача власти Советам, народу. Только это может обеспечить необратимость начавшихся процессов. Но поныне перестройку обеспечивают не столько Советы, формирование которых, хотя и в меньшей мере, чем прежде, будет регулироваться сверху, сколько баланс сил, сложившийся в высшем политическом руководстве и неподвластный даже косвенному контролю общественных институтов. Все кадровые перестановки наверху, имеющие пока решающее значение для судеб перестройки, до сих пор осуществлялись традиционным способом и не становились предметом обсуждения ни в партии, ни в стране, хотя вопрос об этом уже поднимался на XIX партконференции. В общем и целом развитие шло вперед, но наш прошлый исторический опыт убеждает, что полагаться только на этот баланс, устойчивость которого — величина неизвестная, рискованно.

«Стать Европой» — так сформулирована желательная цель нашего социально-политического развития в публицистической литературе. Если перевести этот образ на язык государственно-правовых категорий, то речь может идти лишь об устойчивой парламентской структуре, эффективно контролирующей каждый шаг практической деятельности исполнительных органов, и избирательной системе, в которой на суд избирателей выводятся не столько лица, сколько платформы. При всех известных несовершенствах данной системы она лучшее, что выработал опыт человечества, а века «стрижки газонов» и трагические потрясения XX века сделали ее достаточно надежной и безаварийной в большинстве стран европейской культуры.

Но принимая этот вектор, необходимо трезво оценивать, на каком отрезке исторической траектории мы сейчас находимся. При всей условности перекрестно-исторических сопоставлений хотелось бы передвинуться из ситуации Аргентины, где правительство, представляющее еще не укорененную демократию, может быть сметено как волной авторитарного популизма, так и диктатурой, опирающейся на армию и олигархию, хотя бы на ступень современной Испании, где глава государства, сыгравший свою роль в демонтаже франкистских структур (не важно, что это династическая фигура), и правительство, опирающееся на парламентское большинство, образуют довольно прочный заслон попыткам вернуть прошлое.

Именно потому, что свежа память об октябре 1964 г., когда весьма малой, но занимавшей ключевое положение в партийно-государственных структурах группе с поразительной легкостью удалось осуществить переворот, необходимо найти средства, укрепляющие устойчивость избранного в апреле курса. Если главное прибежище консервативных, антиперестроечных сил — административные структуры (не только государственные, но и некоторых формальных общественных организаций, в том числе ряда творческих союзов), то основная опора и инструмент продвижения перестройки вширь и вглубь, основное орудие за-

щиты от реакционных поползновений, доступное сторонникам обновления в формальных и неформальных объединениях, — средства массовых коммуникаций: центральная печать в большей мере, чем местная, а газеты и журналы — в большей, чем телевидение. Печать (конечно, не вся) в полном соответствии с давней ленинской идеей — не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор.

Гласность — первый и пока самый ощутимый подарок перестройки. Бесспорно, мы получили такую степень свободы публичного обсуждения актуальных проблем нашего общества, какой не было шесть десятилетий, если не больше. Возникла новая атмосфера духовной жизни, которая остается не вполне надежной, но пока едва ли не главной преградой для реставрации прежнего порядка. Взрыв протеста против лимитов на подписку 1989 г. отчетливо показал и резко возросшее влияние прессы, с которой сняли жесткую узду, и возникновение обратной связи между читателями и газетой.

Но всем этим рано обольщаться. Гласность — еще не свобода печати. Зона гласности огорожена границами, за пределами которых остается немало животрепещущих вопросов. Границы эти то раздвигаются под напором общественного мнения и очередного сдвига наверху, то сужаются, как по мановению далеко не волшебной палочки. И хотя зоны, закрытые для публичного обсуждения и критики, в общем, постепенно сокращались, нельзя не видеть и нарастающую реакцию отторжения, направленную против свободного слова. Она проявилась и на XIX партконференции в отчетливо выразившейся враждебности к независимой позиции прессы значительной части зала, в осторожных заявлениях руководства, в отклонении предложения о выведении органов печати на местах из-под подчинения соответствующих комитетов. <...>

Еще опаснее, что разоблачения и дискуссии, не находившие адекватного отражения в политических решениях и улучшении материальных условий жизни, в глазах многих людей бесполез-

ны. Кредит доверия к перестройке, ее лидерам и идеологам не безграничен, и с этим нельзя не считаться. Пока не утверждены, не кодифицированы, а главное, не вошли в привычку десятков миллионов людей демократические нормы и институты общественной жизни, будет сохраняться возможность откатов.

Но наши проблемы вовсе не сводятся к тому, чтобы последовательно вести перестройку по избранному пути. Не менее важно избегать на этом пути серьезных потрясений, которые могут приобрести катастрофический характер. А это — будем смотреть правде в глаза — не только требует большей смелости и решительности и от властей, и от актива перестройки, но и накладывает ограничения на поведение тех и других.

Опасность кризисов главным образом в том и состоит, что они могут повысить уязвимость движущих сил перестройки: разрушить, по-видимому, не очень устойчивый баланс в верхнем эшелоне власти, сдвинуть его еще дальше от центра вправо; деморализовать, раздробить, отсечь от массовой базы, реальной и особенно потенциальной, актив перестройки; лишить средства массовой информации, пошедшие в авангарде обновления общества, их просветительских, коммуникативных и организаторских функций, низвести их к прежней безгласной роли.

Революция должна уметь себя защищать. Это часто цитируемое положение приобретает нередко довольно узкую, а подчас и просто неверную интерпретацию. Скажем, люди, не имеющие ни малейшего представления о реальной расстановке сил в Чили в начале 70-х годов, в упрек правительству С. Альенде ставят то, что оно не подавило оппозицию репрессивно-карательными мерами. Между тем самая надежная защита глубоких процессов общественных преобразований, как революционных, так и эволюционных, нашей, по выражению А. Яковлева, «революции в эволюции»⁶ заключается в том, чтобы обеспечивать им на каждом этапе прочную и широкую социальную базу, сопоставлять цели и средства с реальной ситуацией, адекватно реагировать на события, которые грозят выйти из-под контроля.

Зажигающиеся лампочки кризисных обострений — сигналы тревоги. Поэтому особенно актуально сейчас привлечь внимание к очагам возможных обострений социальной и политической ситуации. Таких очагов, на мой взгляд, по меньшей мере три: экономика, международная политика и национальные отношения.

ПАРАДОКСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Менее всего благотворные результаты перестройки ощущаются в экономике. <...> Прежде всего, никакого действительного «преодоления предкризисного состояния», начавшегося «процесса оздоровления народного хозяйства»⁷ нет. <...>

Далее, вводимая по частям экономическая реформа не дала пока ожидаемого эффекта. Иначе и не могло быть, раз мы сохраняем ядро административно-командной системы в экономике — колоссальную пирамиду отраслевых министерств во главе с Госпланом и пытаемся соорудить некий гибрид, в который вводится рынок, но явно на вторых ролях и без реального конкурентного механизма.

Наконец, именно в экономической сфере в решающей степени определяется, будет перестройка опираться на расширяющуюся социальную базу или, напротив, база эта станет и далее размываться.

То, что существующая система неэкономического ведения хозяйства не просто не выдерживает соревнования с высокоразвитой рыночной экономикой современного капитализма, а представляет тупиковый вариант развития, — очевидно. Она не могла бы сохраняться столь долго, если бы страна была менее одарена природой, а народ — так приучен к терпению и повиновению. Но сейчас все ресурсы выживания подобной системы исчерпаны или близки к исчерпанию. Радикальная экономическая реформа (или, если раскрыть скобки, переход к рыночной системе) поставлена в порядок дня. Можно ли провести эту реформу так, чтобы она на какое-то время не задела существенные

интересы больших масс людей? Скорее всего, это относится к области благожеланий. <...>

Обсуждая экономические проблемы перехода, мы слишком часто подменяем анализ трудных проблем успокоительными формулами и простыми рекомендациями. Многие заворожено смотрят в прошлое, когда введение нэпа разом изменило хозяйственную ситуацию. Но сейчас иные времена. Реорганизовать нынешнюю монополистическую структуру нашей много-сложной экономики, восстановить рынок в его правах, создать конкурентный механизм, сбивающий цены, и возродить трудовую мораль, о которой не ведают уже несколько поколений, неизмеримо труднее, чем заменить продрозверстку налогом в крестьянской стране после нескольких лет войны и разрухи. <...>

Трудности и противоречия экономической перестройки побуждают замедлять ее темп, ограничивать самостоятельность предприятий, выхолащивать хозрасчет, вновь и вновь возвращаться к директивным методам ведения хозяйства. Мы не продвигаемся вперед, а сбои и обострения массовое сознание все равно относит на счет реформы. Чтобы изменить это положение, необходимо четко разграничить долгосрочные цели и краткосрочные задачи. *Долгосрочная цель* — переход к системе, в которой рынок будет автоматически поддерживать и видоизменять основные народнохозяйственные пропорции, определять критерии эффективности, надежно стимулировать производителей, генерировать научно-технический прогресс и жестко «вымывать» неэффективные звенья, а *централизованное регулирование* — вырабатывать, сообразуясь с объективными процессами, общие «правила игры» и осуществлять необходимую корректировку складывающихся пропорций в ограниченных пределах. Сверстанный по-старому пятилетний план, по определению А. Н. Яковлева, — «лобовая броня» противников реформ⁸. Чтобы пробить эту броню, нам вообще не надо ни «бороться» за выполнение всех показателей XII пятилетки (это все равно недостижимо), ни составлять и принимать

ХШ пятилетний план в том виде, как это делалось до сих пор. Планировать надо не тонны стали и нефти, не объемы перевозок и т. п., а демонтаж административной системы (ее хозяйственного воплощения — суперструктуры отраслевых министерств), расчленение монополистических образований и сроки введения конкурентно-рыночных механизмов. Создание современной, высокоэффективной, сбалансированной экономики с инициативным и ответственным работником потребует, конечно, немало лет. Но вести дело к тому следует значительно более решительно и последовательно, чем это делалось до сих пор. Это, однако, лишь одна часть необходимой стратегии преобразований.

Для решительных, хотя бы и паллиативных мер, которые должны ощутимо изменить к лучшему условия и качество жизни десятков миллионов людей, большого срока у нас нет. Резерв времени в значительной мере уже израсходован, усталость от слов и лозунгов чем дальше, тем больше будет формировать армию недовольных, работать против перестройки. Поэтому нужна рассчитанная на два-три года *программа экономического оздоровления*, которая позволит, с одной стороны, избежать резких и неконтролируемых обострений хозяйственной ситуации в процессе перехода к рыночной экономике, а с другой — дать быстрый и непосредственный эффект. Эта программа должна включать соответствующие амортизирующие и компенсаторные меры.

Необходимо позаботиться о создании *экономических и социальных амортизаторов, «подстраховывающих устройств»*. Не откладывать следует ценовую реформу, а провести ее в комплексе с другими экономическими преобразованиями, предусматривающими значительное расширение самостоятельности предприятий, в том числе и в переходе к договорным ценам. Как показывает опыт многих стран, это сочетается с сохранением бюджетных субсидий, поддерживающих относительно низкие цены на жизненно важные предметы массового потребления:

продовольствие, жилье, общественный транспорт, с продовольственной и иной помощью малообеспеченным слоям. Это, конечно, обременительно для экономики, но по социальным причинам дань придется платить до тех пор, пока рост производительности труда не позволит увеличить личные доходы в несколько раз.

Не консервировать надо нынешнюю структуру занятости с ее штатными расписаниями и тарифами, а ускорить ликвидацию излишних рабочих мест и форсировать создание новых сфер занятости и гибкой системы переподготовки и перемещения кадров, опирающейся на фонды социальной поддержки. Не задерживать реализацию закона о предприятии, а энергично исправить обнаружившие себя его несовершенства и недоговоренности по образцу более передовых норм закона о кооперации и возможно скорее привести в соответствие с ними все остальные компоненты хозяйственной системы. Не сдерживать рост доходов государственных предприятий, кооперативов, арендаторов неэкономическими мерами и запретительными налогами, а активно формировать такие сферы приложения свободных денежных средств, которые снизят давление сбережений на потребительский рынок и позволят направить их на расширение производства дефицитных товаров (аренда земли, акции, льготные вклады и т. п.).

Надо, наконец, провести *систему мер, компенсирующих социальные издержки*, которых не удастся избежать в процессе перехода к новой экономической модели. Таким компенсатором могло бы стать прежде всего быстрое насыщение рынка теми предметами первой необходимости (прежде всего сельскохозяйственными продуктами), создание которых не требует значительных ресурсов и централизованных капиталовложений, а нуждается лишь в ликвидации сложной системы регламентации — раскрепощении труда и гарантиях производителю на длительный срок. <...>

Рифы международной политики

Обострение международной ситуации, как показывает опыт, не раз расширяло поле для маневра консервативных сил и у нас, и на Западе. Развитие событий в этой области в последние годы внушало скорее оптимизм, чем тревогу: в сфере международной политики перестройка продвинулась дальше, чем на большинстве других направлений. Соглашения по средним ракетам и Афганистану, декабрьские инициативы 1988 г., объявленные в ООН, новые подходы к тугим узлам международных конфликтов, унаследованных от прошлого, ослабление регламентации транснациональных связей советских граждан — зримые плоды нового политического курса. В активе сил обновления также отчетливо выраженный сдвиг и в общественном мнении Запада, и в позициях значительной части его истеблишмента, признание серьезности и глубины развернувшихся в СССР процессов.

Не менее важен внутренний эффект всего этого — эрозия «образа врага», который всегда и везде был надежнейшей идеологической опорой деспотизма. В зеркале раскрывшегося мира стало видно, что мы далеко не самые передовые на всех поприщах человеческой цивилизации, что многому можем не без пользы поучиться у других. Что «борьба двух мировых систем» ведет человечество к катастрофе. Но сдвиг этот еще нельзя назвать необратимым. Возврат к обостренной конфронтации, выхолащивание подходов, продиктованных новым политическим мышлением, могут быть спровоцированы неконтролируемыми процессами в различных районах земного шара. <...>

Обладая солидным историческим опытом, следует сказать, что даже возможный выход Венгрии из Варшавского пакта в ноябрьские дни 1956 г. не имел бы столь негативных последствий, как отход в 1956—1958 гг. от курса, провозглашенного на XX съезде. Но если последствия нашей вовлеченности в венгерские события были в какой-то мере сглажены — и тем реформаторским курсом, который новое венгерское руководство стало проводить уже с начала 60-х годов, и известным углубле-

нием десталинизации в СССР после XXП съезда — то наша реакция на «пражскую весну» закрепила поистине трагический поворот в политическом развитии: в Чехословакии, где надолго «вычеркнутой» из общественной жизни оказалась наиболее активная и социально отзывчивая часть народа, и в СССР, где как раз с этого времени резко набрала силу реакционная контрреформа, которая была только намечена сменой политического руководства в 1964 г. <...>

Надо безоговорочно и публично осудить интервенционизм «доктрины Брежнева».

МИР В НАШЕМ ДОМЕ

<...> Национальные конфликты на данном этапе — самая серьезная угроза демократическому обновлению, а в перспективе, возможно, и самой целостности нашего Союза, миру в нашем доме. Между тем мы далеко еще не научились извлекать уроки из надвигавшихся друг за другом национальных обострений, и в особенности из карабахских событий — наиболее глубокого и продолжительного политического кризиса в ходе самой перестройки.

Самый очевидный из них: любую ситуацию легче взять под контроль до того, как она обострилась. Между тем в национальной политике почти всякий раз обнаруживалось неумение своевременно замечать *нарастание кризисной ситуации*. <...>

• • •

Длительный период стабильности политической системы, когда единственной движущей силой исторического процесса казался календарь, а заметными вехами — торжественные государственные юбилеи и похороны, сформировал вредные стереотипы общественного сознания. Мы все еще далеко не приспособили свои представления к иному темпу времени, к быстрой смене и декораций, и действующих лиц. Мы все еще исходим из того, что в запасе — если и не вечность, то изрядный срок, в те-

чение которого можно спокойно обмениваться мнениями, постепенно расширять зоны гласности, переналаживать экономический механизм, отрабатывать систему юридических гарантий, экспериментировать с выборными процедурами, вести переговоры о разоружении, которое в перспективе даст резервы для повышения благосостояния, и т. д. Наибольшей опасностью многие сторонники перестройки считают урезанный, консервативный вариант реформы.

Я рад был бы ошибиться — поскольку постепенные преобразования часто оказываются прочнее тех, которые приходится импровизировать под давлением обстоятельств, — но боюсь, что времени на семикратное примеривание проектов реформы уже не осталось. Оно не только съедено годами застоя. Оно поджигается и с другой стороны: вспыхнувшими, но еще не реализованными надеждами, которые возбудила перестройка, ожиданиями ее плодов. <...> Было бы, однако, опасной иллюзией считать, что единственная наша забота — сломать механизм торможения. На его основе монтируется и другой, еще более опасный механизм — *реставрации*. Конечно, в прежнем виде история никогда не повторится, а возврата к «застою» или кровавому разгулу террора не хочет никто. Но изменение неустойчивого пока политического баланса — а силы реставрации всячески подталкивают его именно в эту сторону — может перехлестнуть намечаемые ими ориентиры и привести к далеко идущим последствиям, ибо логика борьбы сильнее логики первоначальных человеческих намерений. Некатастрофической альтернативы последовательному проведению перестройки нет.

Нет сегодня у перестройки задачи более насущной, чем расширять собственную социальную базу и парализовать механизм реставрации. Механизм этот будет запущен, если разразится кризис, который мы не сумеем предотвратить или преодолеть.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

Перестройка — что это?

Сегодня к перестройке (я называю этот период нашей истории так, как он был поименован тогда) относятся по-разному. Преобладает критика, подчас снисходительно-насмешливая, иногда озлобленная, реже спокойная и взвешенная. Последний подход (как писал Спиноза, «не плакать, не смеяться, но понимать») мне импонирует более всего.

Вначале вдохновители перестройки объявили ее революцией. В их устах это была высшая оценка. Революции — локомотивы истории, полагали и адепты, и многие противники нашей системы, а убеждение, что Россия исчерпала лимит революций в XX веке, еще не утвердилось.

Была ли перестройка революцией? Так в научной литературе называют глубокой и, как правило, резкий общественный переворот, изменяющий отношения власти и собственности. Замысел и содержание перестройки, хотя и претерпевали заметные изменения, никогда не предусматривали выход за рамки системы, называвшей себя социалистической. Никакие проектировки не предусматривали демонтаж государственной собственности, а политическая реформа интерпретировалась как возврат к идеализированной модели первых лет советской власти. В конечном счете те структуры власти и собственности, к которым мы пришли в итоге «перестроечных» эволюционных процессов, оказались неустойчивыми и были обрушены ударами с двух сторон: защитников прежней системы и консолидировавшимися силами ее противников. В 1989—1990 гг. термин «перестройка» практически исчез из политического лексикона.

Вызревание, а затем и консолидация этих сил — таков, может быть, главный, хотя и незапланированный, побочный итог перестройки. Но начиналась она не с этого. Ее постепенно прояснявшийся замысел сводился к демонтажу советской разновидности тоталитаризма. В том, что это произошло сравнительно мирно,

историческая заслуга перестройки и тех сил, которые ее инициировали и осуществили. Сегодня в вину перестройке, «перестройщикам» и лично Горбачеву ставят социальные потери, действительно, немалые, а также то, что, по мнению критиков, можно было сделать, но сделано не было. С этим следует разобраться.

XX век прошел под знаком утверждения и падения тоталитарных режимов. Даже после разгрома германского нацизма и итальянского фашизма историческая тенденция замены буржуазной демократии и гораздо более рыхлых форм деспотизма XIX века жестким тоталитаризмом казалась не только необоримой, но и всемирной. Ведь знаменитая антиутопия Оруэлла, как и «Носорог» Ионеско, были написаны после Второй мировой войны. В середине прошлого века еще не было опыта постепенного размягчения, а затем и демонтажа тоталитарных систем. За избавление от гитлеризма Германия заплатила разрушенными городами, миллионами погибших и 20 млн немцев, отданных на полвека в заложники. Казалось, единственный путь избавления от тоталитаризма, пронизавшего почти все сферы общественной жизни, — военное поражение. Крах диктатур в странах Южной Европы и Южной Америки в 70-х годах — не в счет, ибо эти режимы только с большой натяжкой можно было отнести к тоталитарным.

Ликвидация постбольшевистского режима в СССР — первый исторический опыт мирного преодоления тоталитаризма. В 70-х годах представлялось, что существуют два выхода из тупика: демонтаж системы ее лидерами, чудом проникшими в партийное руководство, и военный переворот. На наше счастье, военная верхушка, тщательно профильтрованная и находившаяся под жестким контролем Главного политуправления и спецслужб, в отличие от полковника Штауффенберга и других участников заговора против Гитлера или португальских офицеров, героев «революции гвоздик» 1974 г., оказалась неспособной на самостоятельное историческое действие. Иосиф Бродский не зря написал о триумфаторах 1945 г.: «Смело входили в чужие столи-

цы, но возвращались в страхе в свою»⁹. Развитие пошло по пути, менее болезненному для общества, чем, скажем, военное поражение или переход власти на какое-то время в руки советских генералов.

Исходный пункт перестройки — изменение расстановки сил в «комнате с кнопками», или приход к власти Горбачева. Люди, которые назначили его на высший партийно-государственный пост, не отдавали себе отчета ни в глубине кризиса общественной системы, вне которой себя не мыслили, ни в последствиях сделанного назначения. Уйди Брежнев со своего поста чуть раньше, проживи Суслов чуть дольше, окажись не столь уязвимой больная почка Андропова, события могли бы развернуться иначе. Дряхлеющие мастодонты остановили выбор на молодом, энергичном члене политбюро потому, что и выбора-то особенно-го у них не было.

Как это почти всегда бывает в закрытых властных сообществах, дело не обошлось без интриги. Участники изображают ее по-разному. Егор Лигачев — как острую борьбу с непредрежденным исходом. Доверительные беседы, проведенные им со своей клиентелой из числа секретарей обкомов, съезжавшихся после смерти Черненко на пленум ЦК, а также поддержка некоторых членов политбюро, предопределили якобы успех Горбачева. Выступая на XIX партконференции, Лигачев говорил: «Это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность»¹⁰. В изображении других мемуаристов вопрос решался еще при жизни Черненко. Решающую роль сыграла негласная договоренность между Горбачевым и Громыко. Ее инициаторами и посредниками выступили директор трех академических институтов, Александр Яковлев, Евгений Примаков и сын министра иностранных дел Анатолий Громыко, приближенные к властному святилищу и озабоченные проблемой престолонаследия. Эта версия представляет ход событий более спокойным, изначально довольно циничным, а к моменту, когда надо было принимать решение, предрежденным¹¹.

Как бы то ни было, ключевую позицию занял человек, хотя и прошедший все ступени аппаратной карьеры, но иного поколения и интеллектуального уровня, с другим набором жизненных впечатлений и ориентаций, нежели у партийцев, которых выстуговала налаженная еще при Сталине машина «подбора и расстановки кадров». Машина дала сбой. Как справедливо заметил Андрей Грачев, «то, что у власти в не вполне нормальной стране оказался человек с нормальными нравственными рефлексами и чувством здравого смысла, стало фатальным для сложившейся Системы и в конечном счете для государства»¹².

Михаил Сергеевич был лишь отчасти прав, повторяя, что у него была колоссальная власть для действий в рамках системы и никакой — для выхода из нее¹³. Все дело в том, что грань между изменениями во имя сохранения системы и выходом за ее пределы была подвижной, и обитатели пресловутой комнаты, которые давно утратили остроту реакции на изменение политической ситуации, присущую первым большевикам, не сразу этот рубеж заметили. «Если бы я сказал: все, ребята, начинается другая эпоха, меня бы поставили к стенке, — говорит теперь Александр Яковлев. — На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить — другого пути не было. Мы должны были — и в этом специфика перестройки — мобилизовать на нее стержень тоталитарного строя — тоталитарную коммунистическую партию. Все члены политбюро голосовали за перестройку, все пленумы ЦК, все партийные органы на местах. И именно это не привело к гражданской войне!.. Почистить паровоз или пароход общественно-го строя, подлатать его готовы были все — даже такой ярый сталинист, как Андропов! На обновление, на ускорение были согласны все. А поменять мотор не дал бы никто»¹⁴. Несколько мягче о том же в марте 1987 г. говорил Горбачев: «То, что происходит в данный момент, к чему подошли в связи с январским Пленумом ЦК, еще год назад было бы просто непостижимым. И если бы нас тогда спросили, возможно ли то, что сейчас уже

становится привычным, мы бы дали либо отрицательный, либо уклончивый ответ»¹⁵.

Отдавая должное искусству, с которым Горбачев и Яковлев прибегали к политическому маневру и аппаратной интриге, не следует, однако, преувеличивать осознанность их действий и последствий сделанных шагов. «Ярый сталинист Андропов», неплохо разбиравшийся в людях, никогда не выдвинул бы на ключевую позицию в руководстве такого Горбачева, каким тот становился в ходе перестройки. Но ни Андропову, ни Громыко, может быть, впервые в жизни произнесшему при выдвижении Горбачева на пост генерального секретаря эмоциональную политическую речь¹⁶, ни тем более закосневшим старцам из брежневского политбюро не дано было проникнуть в то, что Лев Толстой называл «диалектикой души» — развитие характера в меняющихся обстоятельствах жизни.

Горбачев потому смог подвести изменения в системе к грани, за которой развернулись необратимые процессы, а в чем-то и перейти эту грань, что он ее не видел, а когда ощутил — возможно, на уровне подсознания — не испугался, не забил во все колокола, не развернул круто назад, как это делали Хрущев и иные реформаторы, учуяв, куда ведут даже гораздо более скромные реформы. На это справедливо обратил внимание Арчи Браун, автор капитального труда о «факторе Горбачева»: «К чести Горбачева следует сказать, что когда он наткнулся на сопротивление тех сил, чьим интересам угрожала реформа, и оказался перед выбором: сохранять прежний статус-кво или уходить от него, рискуя тем, что изменения поведут к трансформации системы, он выбрал второй вариант». И это при том, что он имел дело скорее с «медленным упадком, чем с острым кризисом», с «упадком, который не представлял непосредственной угрозы ни системе, ни ему самому»¹⁷.

Еще решительнее оценивает роль политического выбора, сделанного Горбачевым в начале перестройки, известный американский исследователь Майкл Макфол. До 1987 г., пишет он,

«политические изменения в Советском Союзе — это не история взаимодействия разных акторов». Горбачев и его советники «продиктовали сверху новые правила игры». Либерализация в СССР начиналась не так, как в некоммунистических авторитарных режимах, где ей предшествовал раскол в правящих элитах. Первоначальный импульс реформ исходил лично от Горбачева и «не был прямым ответом на давление общества». Раскол в партийном руководстве начался лишь в 1987 г., когда сами «...радикальные реформы привели к расколу в руководстве. Реформы, начатые Горбачевым, вызвали раскол, а не раскол стал причиной реформ»¹⁸.

Однако раскол в руководстве проявился не сразу, а заметным фактором политической жизни стал еще позже. И в этом — вторая причина относительно легкого старта перестройки, единодушного одобрения и поддержки начатых изменений, как можно было заключить по тону партийной печати вплоть до 1987 г. Все объяснялось, как ни парадоксально, прочной традицией, сохранившейся в партии и государстве со сталинских времен. Распределение власти между лицами и институтами было подобно перевернутой пирамиде. Не только любые сколько-нибудь значимые решения принимали десяток или два лиц, но и для этих иерархов мнение генерального секретаря было непререкаемым — даже если они своим «классовым чутьем» (которое в этой партии со сталинских времен было предметом особой гордости) начинали ощущать, что генсек ведет дело куда-то не туда.

В статье 1988 г. я писал, что размежевание между сторонниками и противниками перестройки проходит не по горизонтали, а по вертикали. Теперь можно обозначить и несколько расползавшихся на разных уровнях и одна за другой вовлекавшихся в процесс перестройки движущих сил. На верхнем — Горбачев, Яковлев, Медведев, несколько членов высшего политического руководства, а также немногочисленная группа советников, помощников, консультантов, которые разрабатывали концепцию перемен и в какой-то мере «вели» Горбачева. Среди них были

люди, связанные с «шестидесятнической» интеллигенцией и отдававшие себе отчет во всем (или почти во всем), что происходило. Примерно до середины 1987 г. этот тонкий слой был не только главным, но и едва ли не единственным демиургом перемен. Громоздкий и многочисленный партийно-государственный аппарат выступал, как правило, в роли исполнителя, неумелого и нерадивого, а то и сознательно гасившего идущие сверху импульсы.

На среднем уровне — «шестидесятническая» интеллигенция, в меру осторожная (сказались хрущевские погромы и андроповская «профилактика»), в известной степени обескровленная вынужденной и добровольной эмиграцией. Этот «просвещенный класс» первым воспринял импульсы, поступающие сверху, как сигналы внеземных цивилизаций. В нормальных условиях именно он формирует общественное мнение. Говорящая и пишущая часть этого класса стала выполнять ту роль, которая во Франции в преддверии Великой революции XVIII века выпала тем, кого Лион Фейхтвангер назвал «лисами в винограднике». Я работал в ту пору в одном из прогрессивных академических институтов и могу засвидетельствовать, что большинство моих коллег понимали истинную природу нашего строя. Отличительная черта этих людей — высокий профессионализм, реальное представление о стране и мире.

Но был еще один, самый массовый слой — довольно быстро пробудившийся актив общества. Это были прежде всего жители крупных городов, слушатели «радиоголосов», читатели прогрессивных журналов и начавшего проникать в эту среду сам- и тамиздата. В середине 80-х годов развитие пошло не с того примитивного уровня общественного самосознания, которое в дни мартовских похорон 1953 г. вывело на улицы толпы искренне опечаленных людей. Накатывавшие неосталинистские волны пытались снова столкнуть их в прошлое. Но школа всей последовавшей эпохи не прошла даром: сказались прозвучавшие на XX и XXII съездах КПСС сдержанные откровения о совет-

ском прошлом (из чего бы ни исходили режиссеры этих съездов), дискуссии об экономической реформе, взойшедшей на порог в 1965 г. и вскоре отодвинутой, очистительная и созидательная работа, проделанная «новомирским» направлением в нашей литературе, театре, кино.

Такова была почва. Но чтобы общество пришло в движение, надо было прежде всего освободить его от пут элементарного страха. Страх если не за жизнь (хотя и за жизнь тоже), то за свободу, работу, доступ к средствам существования и т. д. Всего этого человека можно было лишить в одночасье только за явно продемонстрированное инакомыслие. В годы перестройки «наш бронепоезд» сыска, репрессий и насилия разобран, конечно, не был, но на «запасный путь» отведен. Страх, который в сочетании с конформизмом лежал в основе советской системы, стал отступать.

Далее — цензура. Гласность не была еще свободой печати; для нее было выгорожено некое поле, за пределами которого оставалось немало животрепещущих вопросов, и шлагбаум то и дело опускался. Но даже от этого общество отвыкло за шесть—семь десятилетий. То, что стало прорываться на страницы газет и журналов, на сцену, на экран, сразу же будоражило обновлявшееся общественное сознание. Всеобщим достоянием становились книги, замурованные в спецхранах библиотек, и рукописи, которые, если и не «горят», то все же могли быть надолго выключены из свободного обмена идей и формирования общественного мнения.

Наконец, (и это затрагивало интересы наиболее широких слоев) всевозможного рода запреты, воздвигнутые на пути экономической инициативы граждан. «Социалистическая» разновидность тоталитаризма была в известном смысле завершенной его моделью. Весь народ состоял в наемных работниках у государства, и только ему дано было определять «меру труда и потребления». Конечно, как во всякой ригидной системе, в ней со временем обнаруживалось все больше нестыковок. Самое сущес-

твоевание экономики все более зависело от обходных путей, которые протаптывали предприимчивые люди: от произвольных корректировок плана до подпольных цехов, от «несунов» до «толкачей». Но все это было нелегально и, когда власти надо было, уголовно наказуемо. Наскоро подготовленные законы о государственном предприятии, кооперации, индивидуальной трудовой деятельности и т. д., при всех их дефектах и противоречивости, открыли клапаны для энергии, копившейся в котле командно-распределительной системы и грозившей его разорвать.

Когда все эти пути были ослаблены, выяснилось, что удерживать общество в прежнем состоянии невозможно. Перестройка еще не была революцией. Ее незаслуженно возвели на этот пьедестал. Объективный смысл перестройки, ее историческое оправдание — в том, что она снесла защитные сооружения тоталитаризма и открыла дорогу действительно революционным преобразованиям со всеми их достижениями и издержками.

Предвиденные рифы

В статье 1988 г. я попытался привлечь внимание к препятствиям, грозившим преградить путь перестроечным процессам. По моему разумению, они особенно явно проглядывались во внешней политике, в экономике и в национальных отношениях.

Легче всего корабль перестройки обошел рифы, громоздившиеся перед внешней политикой. Предвестником перемен было кадровое обновление МИДа Уже в июне 1985 г. Андрей Громыко, «мистер Нет», возглавлявший советскую дипломатию почти 30 лет, дольше, чем кто-либо из его предшественников на этом посту, был перемещен с действительно ключевой политической позиции на декоративный пост председателя Президиума Верховного Совета. Позже стало известно, что это соответствовало его желаниям и было платой за поддержку назначения генсеком Горбачева. Примечательно, однако, что он, предлагая на сессии Верховного Совета кандидатуру Громыко, говорил о значении этого поста и ни слова — о былых заслугах Андрея Андреевича

во внешней политике. Министром иностранных дел был назначен близкий в то время к Горбачеву Эдуард Шеварднадзе.

Символические и реальные сдвиги¹⁹, отметившие радикальный поворот во внешней политике, хорошо известны. Незаслуженно стали забывать, однако, происшедшее в Рейкьявике в октябре 1986 г. Хотя ожидавшиеся разоруженческие соглашения и не были подписаны, в чем повинны были и Рейган, и Горбачев, саммит принес миру ощущение действительного прорыва. Сравнительно молодой, непривычно раскованный советский лидер прибыл в Исландию в сопровождении «перестроечной» команды и весьма выигрышно выглядел на фоне американского президента, который перебирал подготовленные его советниками карточки и зачитывал на переговорах заготовки. Горбачев одержал важную психологическую и политическую победу. Когда делегации вышли из зала с пустыми руками, он переломил гнетущее ощущение тупика, заявив на импровизированной пресс-конференции: «При всем драматизме Рейкьявик — это не поражение, это прорыв, мы впервые заглянули за горизонт. То есть спасли процесс перемен, дали перспективу»²⁰. В советской внешней политике впервые утверждался принципиально новый подход — приоритет общечеловеческих ценностей над национально-государственными и «классовыми».

Последовавшая затем эрозия «образа врага», который всегда и везде был важнейшей опорой деспотизма, а в СССР — сердцевиной ждановско-сусловского агитпропа, имела колоссальные последствия для внутривнутриполитического развития. Горбачев сумел осознать, что «третья корзина» хельсинкских соглашений 1975 г., касавшаяся прав человека, — не вынужденная уступка Западу в обмен на фиксацию нерушимого территориального разграничения двух блоков, а неотъемлемый элемент концепции «нового политического мышления». Пока СССР не перестал рассматривать «проблему Сахарова» как свое внутреннее дело, не поднял ее на уровень, сопоставимый с процессом разоружения, отмечал Анатолий Черняев, сдвига в международной ситуации не произошло²¹.

Больше всего можно было опасаться, что СССР будет всеми силами пытаться сохранить свою добычу по «итогам Второй мировой войны» — контроль над странами Восточной Европы, а в случае возникновения там острой политической ситуации реанимирует «доктрину Брежнева». Горбачев понял: это означало бы полное крушение и «нового политического мышления», и реформаторского курса в целом. Как только стало очевидно, что перемены в СССР носят не косметический, а реальный характер, во всех дотоле «социалистических» странах развернулись процессы, которые стремительно перешли черту, на которой они были силой остановлены в ГДР в 1953, в Венгрии — в 1956, в Чехословакии — в 1968, в Польше — в 1981 г. На обвинения недобросовестных критиков, будто Горбачев «сдал» просоветские режимы в этих странах, он отвечал не без сарказма: «Отдал кому? Им же самим, их народам...»²². Рецидивы имперского мышления и метастазы державничества проявились позднее. В целом, однако, внешнеполитический курс стал одним из важных факторов перестройки, а «новое политическое мышление», заявленное вначале как концепция отношений с внешним миром, взломало идеологическую коросту, ревниво охранявшуюся коммунистическим режимом.

Значительно хуже события развивались в экономике. Именно здесь «перестроечные» руководители допустили основные просчеты, не сумев преодолеть консервативные стереотипы мышления и посягнуть на интересы сил, заинтересованных в сохранении основ существующего порядка. Насколько смело расставались с идеологией «классовой борьбы» и «противостояния империализму» на международной арене, настолько же цепко держались за догмы «преимуществ социалистического хозяйства».

В результате было упущено время. Редкий экономист не бросит сегодня камень в реформы, начатые Егором Гайдаром в 1992 г. Я не поклонник «шоковой терапии», но считаю бесчестной критику, игнорирующую состояние, до которого к тому времени дошло хозяйство страны в результате продолжавшегося

кризиса командно-распределительной системы и неудачи квази-рыночных реформ, слишком компромиссных и осторожных.

Существует мнение, будто к экономическим преобразованиям приступили без продуманной концепции. В известной мере это так, хотя беда была вовсе не в том, что такой концепции не было. Не только в закрытых материалах, которые научные институты направляли в «инстанции», но и в появлявшихся еще в начале 80-х годов открытых публикациях, хлынувших потоком в первые же годы перестройки, в статьях и выступлениях Николая Шмелева, Гавриила Попова, Василия Селюнина, Геннадия Лисичкина, Татьяны Заславской, Отто Лациса, Ларисы Пияшевой и др. был предложен и общий эскиз, и конкретные шаги, способные разрядить ситуацию²³. Беда была в другом. Что можно было поделать, если понятие «рынок» было табуировано, государственное планирование возведено в ранг «священной коровы», о частной собственности говорили вполголоса, а интеллектуальная энергия растрачивалась в дискуссиях с мастодонтами, опиравшимися на влиятельные силы в ЦК КПСС?

«Трудно было сдерживать реформаторский зуд Генсека», — вспоминал позднее Николай Рыжков²⁴. Но сдерживали, тем более что Горбачев, не имея четкого представления о том, что следует делать, постоянно колебался. В ноябре 1986 г. был принят закон об индивидуальной трудовой деятельности, который открывал дверь для частной хозяйственной инициативы²⁵. Но уже в апреле 1987 г. резко возросло налогообложение «индивидуалов». В том же году постановление правительства, а в мае 1988-го закон расширили сферу деятельности кооперативов, но в марте 1988-го Президиум Верховного Совета поднял до 90% ставки налогов на кооператоров. В декабре того же года Совет министров определил сферы деятельности, запретные для кооператоров (издание произведений науки, литературы и искусства, выпуск кино- и видеопродукции и т. д.). Под давлением консерваторов был принят скандальный закон о борьбе с нетрудовыми доходами, противоречивший духу и смыслу перестройки.

В июне 1987 г. был издан закон о государственном предприятии, а затем 11 правительственных постановлений о перестройке экономических ведомств и отраслевых министерств. В совокупности это предполагало переход к новому хозяйственному механизму. Однако начатые были реформы в экономике проваливались — главным образом потому, что не были комплексными и всеохватными. Введенные послабления хозяйственной дисциплины были использованы директоратом предприятий для увеличения денежных доходов — собственных и частично — персонала. На это новых прав хватало. Но их было явно недостаточно, чтобы укреплять финансовые и рыночные позиции своих предприятий на долгосрочную перспективу, принимать независимые инвестиционные решения. Более того, когда начали обнаруживаться сбои в экономике, усилились рецидивы государственного вмешательства в дела предприятий. Все настойчивее предпринимались попытки совместить несоединимое: товарное производство и «государственный план экономического и социального развития как важнейший инструмент реализации экономической политики коммунистической партии и советского государства». В результате преобладающая часть продукции, как и прежде, должна была производиться на основе госзаказа, а для «вольной» продукции места почти не осталось. Сохранялась и система фондового распределения, оптовая торговля оставалась благим пожеланием. А раз так, невозможным оказывалось самофинансирование: даже если на счету предприятия появлялись средства, где было взять оборудование и материалы? Назначенные сверху цены и иные нормативы делали заинтересованность предприятия в результатах собственной деятельности фиктивной. Экономическим развитием по-прежнему «заведовал» не производитель, а чиновник. Но обновление «правил игры» давало ему значительно большую свободу рук, чем прежде. Ослабление государственной хозяйственной дисциплины в сочетании с приоткрытыми щелями для частной инициативы вызвало быстрое распространение полуправильных и нелегальных форм экономической деятельно-

сти (например, перекачки ресурсов государственных предприятий в созданные при них кооперативы).

Однако главную роль в нарушении народнохозяйственных балансов сыграло другое. Один из постулатов советской политической экономии гласил: производительность труда должна расти быстрее заработной платы. Вся мощь рычагов административного управления экономикой была поставлена на службу этому постулату, что позволяло при относительно низком уровне жизни большинства народа ставить рекорды в космосе, содержать чудовищную военную машину, подкармливать «дружественные» режимы в далеких странах и т. д. В 1987 г. прирост производительности труда в промышленности и строительстве был еще примерно в полтора раза больше прироста заработной платы. В 1988 г. прирост зарплаты в промышленности почти вдвое обогнал соответствующий показатель производительности труда, а в 1989 г. — примерно втрое (в строительстве — даже вчетверо)²⁶. Параллельно слабело централизованное управление ценами.

Именно это придало первые импульсы инфляции. В конце 80-х годов инфляция была еще не очень велика, но, как справедливо заметил известный венгерский экономист Янош Корнаи, инфляция — грозная опасность. С ней можно делать все, что угодно, кроме одного, — начинать²⁷. Чуть позже почти таким же мощным фактором разбалансирования советской экономики стало нарушение хозяйственных связей между республиками СССР. За республиками вскоре последуют края и области России.

В итоге возник симбиоз дефективного государственного регулирования, правда, ослабленного, но все еще ориентированного на «плановые» образцы, с дефективным квазирынком. Субъектом экономической инициативы выступал не предприниматель, прошедший школу товарного и капиталистического производства и уважающий веками складывавшиеся правила игры, — таких практически не было, а советский хозяйственник или просто ловкач, внезапно вырвавшийся из зарегулированного пространства на ограниченное поле, где можно было быстро ухватить доступ-

ные блага и ресурсы. Именно здесь — истоки худших разновидностей феноменального обогащения, спекуляций, нетерпимых не только в прежнем советском, но и организованном западном обществе, растаскивания «общенародной собственности». Главным источником стремительного обогащения становилась монополия рента тех, кто в силу положения в государственных политических и хозяйственных структурах, личных связей, авантюризма и пр. обладал монопольным доступом к ресурсам, ставшим «ничейными».

Так начиналось второе издание первоначального накопления в России — на сей раз в условиях диверсифицированной индустриальной системы со сложными и развитыми межотраслевыми связями. Реформы второй половины 1980-х годов не ослабили, а углубили кризис, повели к разрушению хозяйственных связей, взлету инфляции, тотальному дефициту на рынках, расстройству денежного обращения, экспансии иноземных валют, в которых только и можно было сохранить доходы.

Могло ли тогда экономическое развитие пойти по иному пути? Можно ли было последовательно и целеустремленно переходить к настоящему современному рынку и принимать краткосрочные стабилизационные меры (вводить соответствующие амортизаторы, «подстраховывающие устройства» и социальные компенсаторные механизмы), на которые я возлагал надежды в 1988-м? Ответ «невозможно, поскольку не было таких программ», неудовлетворителен, так как прогрессивные экономисты уже тогда предложили набор неотложных и перспективных решений. Ошибочным был и расчет на то, что паллиативные, вымученные послабления подправят нараставшие диспропорции. Повторить НЭП, о котором много писали и говорили в те годы, было нельзя. Он имел дело с другим человеческим материалом, еще не перепаканным сталинской индустриализацией, коллективизацией, большим террором, упадком трудовой морали. Все это сформировало совершенно иной тип работника — по меткому выражению Татьяны Заславской, «лукавого и ленивого раба»²⁸.

Более плавный, неразрушительный переход к новой экономической системе, конечно, был очень труден, но, на мой взгляд, возможен, ибо преобразовательная сила государства была еще очень велика. Однако, в отличие от идеологии и внешней политики, в экономике этого не произошло. Главная причина, по-видимому, заключалась в том, что такому переходу противостояла могучая сила социально-экономической инерции, закостеневший за десятилетия механизм «планового» хозяйства. Противостояли более мощные, более консолидированные и массовидные интересы сил, которым никакой переход не был нужен. А позднее возникли иные влиятельные круги, заинтересованные в том, чтобы переход совершился самым варварским способом. В силовом поле этих противостояний реформаторское руководство страны не сумело найти линию поведения, адекватную сложным и незнакомым обстоятельствам. Тем более что прогрессивные экономисты в первые годы перестройки, в отличие от идеологов и политиков, еще не входили в ближайшее окружение Горбачева и не могли напрямую транслировать свои взгляды. Провал экономической реформы был одной из двух главных бед перестройки.

Другая беда выросла из обострения межнациональных отношений и действия центробежных сил в республиках, постепенно высвобождавшихся из-под жесткого пресса тоталитарного государства. В этой области ни у лидеров, ни у идеологов перестройки не было внятной реалистической программы — одни лишь общие пожелания. Поэтому остановить рывок к суверенизации и независимости — во всяком случае, некоторых республик — было, по-видимому, невозможно.

Российская империя однажды, после потрясений 1917—1918 гг., уже распадалась и, казалось, могла последовать по пути Австро-Венгрии. Но тогда этого не произошло: в центре была воссоздана сила, способная вернуть разбегавшиеся территории с преобладанием как русского, так и инационального населения. Утвердившиеся у власти новые республиканские элиты объединяла, в частности, коминтерновская идеология. Воссоеди-

нение свершилось, хотя и не без потерь. Ушли западные народы, в идеологическом, культурном и религиозном отношении (а Польша и Финляндия и политически) не переваренные в котле старой российской государственности. То же могло бы произойти и в Средней Азии. Однако большевики не сочли борьбу за отделение в этой части империи разновидностью «национально-освободительного движения», занимавшего почетное место в их доктрине. К началу 1930-х годов басмачей подавили. Иначе повели себя большевики в Закавказье: здесь часть армянских земель была подарена Азербайджану, где советская власть была установлена раньше, чем в Армении²⁹, а часть — турецкому союзнику по борьбе с «империализмом».

Как бы то ни было, но в основном СССР вернулся в границы Российской империи — особенно после присоединений 1939—1940 гг. В новых условиях именно эта граница стала ахиллесовой пятой союзного государства. Первыми в перестроечные процессы включились национальные силы Литвы, Латвии и Эстонии; в движение были вовлечены и организации местных компартий. В отличие от цивилизованного поведения народных фронтов, которые быстро стали ведущей силой в республиках Балтии, национальные конфликты во многих других точках Советского Союза уже в 1986—1988 гг. стали выливаться в уличные беспорядки и погромы, которые власть не могла или не хотела пресечь. Пожар, зажженный зверствами в Сумгаите, стал быстро распространяться по стране. В 1988—1989 гг. я писал и говорил, что примерное наказание погромщиков и признание права армянского народа Нагорного Карабаха на самоопределение могли бы разрядить обстановку³⁰. И сейчас думаю, что линия поведения в данном конфликте, избранная горбачевским руководством, которое отстаивало территориальный статус-кво и смирилось с безнаказанностью погромщиков, была едва ли не наихудшей из возможных. Но много раз побывав после того в Армении и Азербайджане, собственными глазами повидав ужасы карабахского противостояния, я убедился, что «ленинско-

сталинская национальная политика» так затянула исторические узлы противоречий, что удовлетворительный выход из кризиса вообще не просматривается, во всяком случае — при жизни нынешнего поколения.

Бомбы замедленного действия национальных конфликтов стали взрываться по всему Союзу, предрекая его распад и подвывая серьезным испытаниям курс перестройки.

НА ПОДСТУПАХ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ

Еще в 1970-х годах, анализируя изданную и самиздатскую публицистику, мой друг Анатолий Соснин насчитал шесть разных идеологических платформ, существовавших в правящей партии и имевших свои издания, лидеров, публицистов, аудиторию и т. д.³¹ Это не удивительно, ибо партия, насчитывавшая 18—19 млн членов и кандидатов, вбирала в себя почти всю социально активную часть общества. В годы перестройки некоторые из этих платформ стали оформляться в политико-идеологические течения. В моей статье 1988 г. упомянуты два знаковых события: появление диссидента на Старой площади и статьи, автором которой была заявлена ленинградская преподавательница. Обе идеологемы, давшие истоки двум главным ответвлениям от официальной линии, были сначала заявлены довольно невнятно.

Исходный пункт конфликта между Ельциным и Горбачевым многократно описан участниками и наблюдателями, и я отмечу лишь несколько принципиальных моментов. Прежде всего, незаурядность фигуры взбунтовавшегося партийца. На сером фоне тщательно просеивавшегося «секретарского корпуса», большинство членов которого были лишены индивидуальности или тщательно ее скрывали и были взаимозаменяемы, как гвозди, Ельцин — во всяком случае, после перехода в Москву, а возможно, и раньше — выделился именно как личность. Атмосфера перестройки оказалась благоприятной средой, в которой проявились его незаурядные качества.

Помню, как на одном из собраний в ИМЭМО АН СССР мои коллеги рассказывали о продолжавшейся более 6 часов встрече Ельцина с двумя тысячами московских пропагандистов (апрель 1986 г.). Просматривая сейчас свои записи, вижу, что ничего сенсационного он не сказал. Но даже на сотрудников моего института, людей информированных, критичных, не чуждых некоторого снобизма, колоссальное впечатление произвел сам разговор о болевых точках столичной жизни, раскованный, доверительный стиль общения с аудиторией. Ельцин говорил: «Утечки информации не боюсь. Несите в свои организации». Поражала суровая манера обращения с высокопоставленными чиновниками («Раньше каждый из них приехал бы сюда в своем автомобиле. А я их посадил в мою машину»). Непривычны были многократные аплодисменты и злобные анонимные записки, зачитанные докладчиком с трибуны («Планы у тебя наполеоновские. Куда ты влез? Убирайся, пока не поздно. Предупреждаю!»), подчеркнутая демонстрация личной скромности (в ответ на записку: «Никуда вы, партработники, не денетесь. Жизнь и жены заставят вас обратиться к торговым работникам». — «А я приоделся в Свердловске. Вот ботинки за 23 рубля») и работоспособности («Ложусь в час ночи. Встаю в пять». — «Долго ли Вы выдержите?» — «Я-то выдержу. Не знаю, как другие»). Ельцин демонстрировал обществу новую политическую культуру.

Был, правда, в выступлении Ельцина штришок, на который не обратили внимания мои коллеги и о котором рассказал Леонид Волков, присутствовавший на встрече и позднее избранный народным депутатом РСФСР: «Зачарованным вышел и я. Но под слоем возникшей симпатии билась и сильная тревога... Этот симпатичный человек жестко сказал: “Мы пошлем профессоров торговать за прилавком. Не пойдут — поставим к станку”. В то время в Москве среди множества дефицитов объявился дефицит продавцов. И уж, конечно, был избыток всяческих научных контор. Но мне стало страшно: а если профессора не пойдут к станку, тогда — к стенке?»³².

Когда несколько месяцев спустя, во время долгого переезда по Магаданской области я стал было пересказывать секретарю одного из тамошних райкомов содержание этой встречи, тот сказал, что читал полную стенограмму. Партийному активу Ельцин, стало быть, к этому времени был известен не только по официальным публикациям, но и из партийного самиздата, докатившегося до Магадана.

Поэтому выступление Ельцина на пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 г. (опубликовано только два года спустя³³, но ходило во многих, в том числе искаженных вариантах), довольно сумбурное, но резко выпадавшее из стандартов партийной этики того времени, стало событием историческим. ВКП(б)-КПСС сложилась как строго иерархизированная организация, в которой всего более ценились дисциплина, исполнительность, единообразие не только политического поведения, но и взглядов (во всяком случае, выраженных публично). Господствовал культ растворения собственной воли в «позиции партии», выраженной вождем, «коллективным руководством» или очередной передовицей в центральной газете. Поэтому критические замечания Ельцина, произнесенные в преддверии 70-летнего юбилея главного государственного праздника, стали шоком. Тем более что Ельцин нащупал далеко не самую главную, но крайне болезненную точку — привилегии партаппарата — и стал бить в нее наотмашь. Такого в этой замечательной партии не было 60 лет!

Ничего другого, кроме единодушного осуждения «антипартийного поведения» партийного иерарха, на ритуальном собрании такого форума, как ЦК КПСС, ждать было нельзя. Почему этого не понимал Ельцин, давно вращавшийся в верхах, не знаю. Скорее всего, проявилась присущая ему импульсивность в принятии решений. Но мотивы у его критиков были разные. Партаппарат поторопился воспользоваться подаренной ему возможностью обрушиться на того, в ком он постепенно распознавал своего врага. Иные чувства продиктовали поведение Горбачеву. Видимо, прав Гавриил Попов, утверждавший, что генсека «взбе-

сил» демарш Ельцина как «попытка отнять пальму первенства в анализе ситуации». И совсем уж неприемлемым был «вывод о крахе курса на ускорение». Для Горбачева он был равнозначен признанию того, что «кто-то из подчиненных видит что-то яснее, чем он»³⁴.

Однако не меньшее значение, чем само выступление, имела реакция на него. «Коллективное осуждение» было разыграно как по нотам. Большинство участников погрома вели себя по Крылову: «Пусть и мои копыта знает!». Даже в среде интеллигенции, подозрительно относившейся к вождистским замашкам Ельцина, господствовало брезгливое отношение к учиненной не без участия Горбачева вакханалии: выступления партаппаратчиков и «архитекторов перестройки» отличались лишь тональностью. Но секира на голову новоявленного диссидента не обрушилась: его не исключили из партии и даже не удалили из Москвы. Сдержанность Горбачева не оценили ни сам Ельцин, ни ельцинисты. Между тем этот факт означал, что зона дозволенного заметно раздвинулась. В партийной (и тем более беспартийной среде) урок был усвоен: норма — не единомыслие, а множественность позиций.

Главным же результатом этого, используя выражение Ленина, «октябрьского эпизода»³⁵ было то, что силы, не удовлетворенные замедленностью, недостаточной радикальностью перестройки и все более разочаровывавшиеся в Горбачеве, получили лидера общенационального масштаба. Ружье не просто было вывешено на политической сцене — его высветили всеми софитами. Оставалось его снять и использовать по назначению.

Героиней другого эпизода, обозначившего начавшийся распад партийного политико-идеологического монолита, стала фигура куда как менее значительная, я бы даже сказал, ничтожная на фоне разворачивавшихся событий. Нина Андреева, преподавательница химии Ленинградского технологического института, которую ранее исключали из партии за клевету и анонимки, которые она вместе со своим мужем философом Клушиным посылала в пар-

тийные органы, стала рассылать в редакции различных газет довольно-таки малограмотные письма с двумя мотивами: просталинским и антисемитским³⁶. Одно из этих писем то ли сразу попало в ЦК КПСС и было затем передано в «социально-близкую» автору «Советскую Россию», то ли проделало обратный путь. Вслед за тем в Ленинград была направлена бригада анонимных соавторов, которая и соорудила текст, напечатанный 13 марта 1988 г. на целой полосе в газете, все более явно становившейся в оппозицию перестройке с ортодоксальных (как тогда говорили, правых) позиций. Более искусственные соавторы приглушили антисемитскую риторику (для аудитории «Совраски» достаточно было выпадов против «воинствующих космополитов», «контрреволюционных наций» и «пацифистского размывания патриотического и оборонного сознания»), развили апологию Сталина, расширив и оснастив текст ссылками на спецхрановские и иноземные издания, о которых скромная преподавательница-негуманитарий и слыхивать не могла.

Когда на статью последовала резкая реакция Горбачева и Яковлева³⁷, ее назвали «манифестом антиперестроечных сил». Перечитывая статью сегодня, видишь, что на этот уровень она явно не вытягивала. В среде партийного аппарата и его идеологической obsługi к осени 1987 г. антиперестроечные, «правые», консервативные настроения уже оформились и приобрели немалый накал. Случайно оказавшись в эти дни в компании преподавателей элитного партийного института, слывшего сравнительно прогрессивным, я в ответ на свои восторги по поводу ряда документальных фильмов, которые еще только ждали выхода на широкий экран («Архангельский мужик» Марины Голдовской и Анатолия Стреляного и др.), услышал довольно несдержанную критику всех горбачевских новаций. Счет предъявляли всей официально заявленной политике.

Событиями общественной жизни статью Андреевой, а затем и резкий ответ на нее в «Правде»³⁸ сделали обстоятельства, изложенные в помещенной здесь моей статье 1988 г. Добавлю не-

сколько моментов. Во-первых, за спором «Советской России» и «Правды» стояло все более явственное противостояние двух течений, набиравших силу в партии и стране. Их лидерами стали влиятельные члены политбюро: Александр Яковлев, основной автор статьи в «Правде», и Егор Лигачев, которого молва связала со скандальной публикацией³⁹. Была ли сверху команда перепечатать ее в десятках провинциальных газет и «проработать» в системе партийной учебы или номенклатура учуяла «социально-близкую» позицию, неважно. Более трех недель казалось, что ЦК санкционировал идеологический разворот⁴⁰.

Во-вторых, в идеократической системе, какой был советский режим, вопросы идеологии вообще, интерпретации нашей истории и роли Сталина в частности, играли не меньшую роль, чем, скажем, партийная дисциплина. Со времен XX съезда КПСС отношение к Сталину и сталинизму было знаковым водоразделом в обществе. Статья Андреевой, в которой столкновения по большинству вопросов текущей политики остались за кадром, могла бы прошмыгнуть в ряду других — что только не печатали в то время различные издания. Но на первый план все заметнее выходила «битва за прошлое».

В-третьих, сталинисты переоценили «обкомовскую» ипостась Горбачева. Летом 1986 г. в Москве ходил слух, будто, комментируя наплыв антисталинских произведений, которые пока не решались публиковать журналы, Горбачев сказал: в обществе сильны и просталинские, и антисталинские настроения; мы не хотим раскалывать народ, это пойдет во вред перестройке⁴¹. Если он так и сказал, то к 1987 г. свою позицию изменил. С этого времени идеологическое и политическое развитие становится все более конфликтным, причем исход каждого столкновения определялся тем, на чью сторону становился Горбачев. В его руках был, и еще долго оставался, политический «контрольный пакет». В итоге кризис был преодолен. «Сама того не желая, объективно нам помогла Нина Андреева», — написал позднее Горбачев⁴².

В статье 1988 г. я, пожалуй, переоценил значение XXVII съезда и недооценил XIX конференцию КПСС. По прошествии времени видно, что предпоследний съезд мог подкупить только непривычно звонкой риторикой, ласкавшей слух тех, кто ждал перемен. В заглавном докладе и некоторых выступлениях прозвучала резкая критика, призыв смелее вторгаться в зоны, прежде для критики закрытые. В повседневном языке укоренились такие понятия, как демократия⁴³ и гласность⁴⁴. Привлекло внимание выступление Ельцина: так не говорили даже на закрытых заседаниях. На фоне блеклой и пустой речи Кунаева, который еще почти год будет возглавлять партийную организацию Казахстана, свежо прозвучала речь главы казахского правительства Назарбаева. Теперь «путь наверх» прокладывала непривычно жесткая критика. И все же приходится согласиться с Яковлевым: «Это был съезд агонизирующей партии»⁴⁵. Уже в январе 1987 г. на пленуме ЦК решения съезда пришлось корректировать: экономическая программа не идет, необходима политическая реформа (по заведенному порядку, однако, это было подано как развитие решений съезда)...

К январю и особенно к июню 1987 г. существенно обновился персональный состав верховного партийного руководства (всего насчитывалось 25—27 членов, кандидатов в члены политбюро и секретарей ЦК). К трем предыдущим съездам из «комнаты с кнопками» выбывало по 2—7 обитателей. К XXVII съезду из 26, избранных на XXVI съезде, выбыло 16⁴⁶. Правда, главной причиной была естественная убыль: только что миновала «пятiletка пышных похорон». Однако уже вскоре после съезда сошли со сцены еще четыре политических мастодонта: Гришин, Романов, Тихонов и Кунаев. Сильно изменился и состав ЦК и ревизионной комиссии⁴⁷ (табл. 1).

Высшие партийные органы были прочищены основательнее, чем когда-либо за четверть века перед тем, включая переход от хрущевского руководства к брежневскому. Массовому обновлению подверглись и нижестоящие партийные органы: по свиде-

Таблица 1. Изменения в составе высших органов КПСС*

Показатель ротации	От XXII к XXIII съезду (1961—1966)	От XXIII к XXIV съезду (1966—1971)	От XXIV к XXV съезду (1971—1976)	От XXV к XXVI съезду (1976—1981)	От XXVI к XXVII съезду (1981—1986)
Коэффициент обновления **	37,4	33,5	27,8	28,3	45,9
Коэффициент выбытия ***	28,4	27,8	22,6	23,5	44,4

* Члены и кандидаты ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии.

** Коэффициент обновления — число новых членов, отнесенное к численности новоизбранных партийных органов.

*** Коэффициент выбытия — число выбывших членов, отнесенное к прежней численности тех же органов.

Источник

Подсчитано по стенографическим отчетам XXII—XXVII съездов КПСС.

тельству Черняева, на каждом заседании политбюро и секретариата происходили десятки «снятий». Приведенными цифрами, однако, не следует обольщаться: большинство новопришельцев оказались «не теми»⁴⁸. Подобранных по прежним критериям партийных функционеров просто пересаживали из второго или третьего ряда — в первый.

Механизм партийного продвижения работал в заведенном порядке, и потому аппарат сформировал XIX партконференцию, а затем XXVIII съезд по своему образу и подобию. К лету 1988 г. уровень критицизма в обществе заметно вырос: смелые

слова уже мало кого поражали, а грубый отсев делегатов на пленумах райкомов и обкомов разочаровывал и раздражал. «Перестроечной» интеллигенции, которая все больше входила в роль группы давления на политическое руководство, аппарат беззащитно показывал ее место в партии, проваливая популярных ученых, ораторов и публицистов. Да и сама конференция, как рассказал позднее Ельцин, проходила по жесткому сценарию⁴⁹.

И все же именно решения XIX конференции обозначили пусть не слишком впечатляющее, но реальное продвижение к парламентаризму. Легче всего критиковать половинчатость сделанных тогда шагов, искусственность и нежизнеспособность новой схемы партийно-государственного устройства: совмещение постов секретарей обкомов и председателей Советов и двухступенчатую структуру высшего законодательного органа (Съезд — Верховный Совет), которую придумал Анатолий Лукьянов, ставший тогда одним из ближайших сотрудников Горбачева. Но на конференции была спроектирована, а на ближайшей сессии Верховного Совета оформлена такая организация государственной власти, которая оказалась переходной к посттоталитарному государству.

Наиболее существенных новшеств было четыре. Первое и главное: изменение избирательной системы: право неограниченного выдвижения кандидатур на выборах, предполагавшее введение конкурентного механизма, и отказ от формирования депутатского корпуса по разрядке, что уже было опробовано в микроскопическом масштабе на выборах местных Советов в 1987 г. Это нововведение выставляло в ином свете принцип совмещения постов председателей Советов и первых секретарей партийных комитетов. На первый взгляд он выглядел как подарок партократам, а на деле был троянским конем: не прошедший всеобщие альтернативные выборы иерарх вряд ли мог рассчитывать на сохранение за собой обкомовского или райкомовского кабинета. Так вскоре и получилось. Второе новшество — робкий шаг к разделению властей: разведение

депутатов и членов исполкомов Советов. Третье — превращение Верховного Совета, собиравшегося два раза в год на несколько дней парадной сессии, в постоянно действующий и работающий орган. Четвертое — введение поста председателя Верховного Совета с широкими полномочиями, в значительной мере дублировавшими те, которыми де-факто располагал генеральный секретарь. Это был шаг к расчленению партии и государства даже при сохранении личной унии советского и партийного лидера. Не знаю, считал ли тогда Горбачев возможным свой уход с высшего партийного поста — будь то добровольный или вынужденный, но на глазах партийных ортодоксов он начал выстраивать запасной плацдарм.

В самой партии продвижение вперед было гораздо скромнее. Под именем платформ уже начали оформляться фракции, но вместо того, чтобы публично отказаться от резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», сыгравшей роковую роль, было предложено создать некий «постоянно действующий механизм сопоставления взглядов, критики и самокритики в партии и обществе»⁵⁰. Вместе с отказом от преследования товарищей по партии за инакомыслие это было симптомом эрозии пресловутой «идеологической дисциплины», но не более того. Однако расценить такие новшества как шаг к многопартийной системе, без которой, конечно, нет парламентаризма, можно было только при очень смелом воображении.

В свете всего сказанного я рискну утверждать, что персональный состав конференции, по критериям перестройки неудовлетворительный, не повлиял принципиальным образом на принятые ею решения. Ни конференции, ни съезды партийными парламентами не были, и потому для построения парламентской системы страна и общество ничего у партии позаимствовать не могли. В партии одобрялось то, что предлагало политбюро, где решающее слово принадлежало генеральному секретарю (что вначале шло во благо перестройке). По прошествии времени Горбачев вспомнит: «Если бы кто-то поднял “бунт на корабле”, реформаторам не поздоровилось, большинство все-таки было не на

их стороне». Из 13 членов и кандидатов политбюро своими сторонниками он считал только шестерых⁵¹. Зато эта группа была более консолидирована по сравнению с другой частью руководства, у которой тогда еще не было ни ясного понимания задач, ни готовности противостоять генсеку, ни признанного лидера. Конечно, Горбачев имел дело не с мягким пластилином и должен был учитывать давление с разных сторон, в том числе и нарастающее глухое сопротивление консерваторов. Но думаю, что не в меньшей степени его действия сдерживало собственное понимание ситуации, явно отстававшее от стремительно развивавшихся событий⁵².

Для организаторов XIX партконференции сохранение политической монополии КПСС было само собой разумеющимся. Но в ее решениях было запроектировано ввести в политическую систему СССР (под флагом усовершенствования) инородные элементы, в принципе несовместимые с самой ее сутью. Французский советолог Ален Безансон представил советскую историю как циклическую смену двух фаз, которые он условно назвал военным коммунизмом и НЭПом. Суть первой фазы и генеральных устремлений системы — полное подавление общества, суть второй — «...определенного рода отступление идеологической власти и некоторая свобода действий, оставленная обществу для устройства своих дел по своему желанию. НЭП, — считает Безансон, — рожден поражением *военного коммунизма*. Власть осознает, что, по мере распространения ее насильственного контроля над обществом, общество это умирает, а учреждения, подготовленные для него, остаются мертворожденными. Перед упорствующей в своей политике властью предстает угроза гибели: источники ее силы обречены иссякнуть в момент ее окончательной победы. С этой точки зрения можно сравнить взаимоотношения власти и общества с отношениями между паразитом и организмом, за счет которого он живет. Если погибнет организм, паразит позже разделит его участь. Бывают случаи довольно устойчивого симбиоза, когда паразит отказывается от полного за-

хвата организма, а тот, в свою очередь, не в состоянии вылечить-ся полностью. За 60 лет, истекшие со времени Октябрьской революции, советский режим не сумел достичь такого равновесия; он подвержен колебаниям огромной амплитуды, и в конце каждого удара маятника либо общество стоит на грани разрушения, либо власть — на пороге ликвидации или растворения»⁵³.

При всей условности образов, придуманных французским ученым (которые, конечно, нивелируют и упрощают реальные процессы), они отражают главное: в годы перестройки маятник качнулся дальше, чем когда-либо прежде. Реформы, задуманные для того, чтобы спасти общество от разрушения, подвели власть к порогу преобразований, которые, по сути, вели к ее ликвидации. Иное дело, что общество, прожившее под этой властью более 70 лет, оказалось настолько глубоко деформировано, что до сих пор не в силах преодолеть последствия уродливого развития. Но во второй половине 1980-х годов возбужденное общество, которое плохо представляло себе собственные возможности и перспективы, стало заявлять свои права и самостоятельно выходить на политическую арену, расширяя или даже минуя каналы, отведенные ему партией. Оно еще не осознало один из основных парадоксов «социалистической» системы: набор так называемых социальных гарантий индивида как участника производственного и распределительного процессов (независимо от личного вклада в производство) был в некоторых отношениях избыточен, а как гражданина — недостаточен или вовсе отсутствовал. И то, и другое погашало гражданскую инициативу. Приходившие сверху политические и идеологические сигналы начали ее растормаживать.

Едва ли не первым заявило о себе экологическое движение, а за ним — выступления против безумного сноса памятников культуры. В 1970-х годах слабые выступления против строительства целлюлозно-кордных гигантов на Байкале, возводившихся для удовлетворения нужд ВПК, были раздавлены. Теперь положение изменилось. В августе 1986 г. политбюро отказалось от другого «проекта века» — поворота северных рек на юг,

за которым стояли влиятельные ведомственные и региональные интересы. Вероятно, решающим мотивом была дороговизна проекта и недостаток средств, но общественность записала это решение в свой актив.

Конец 1980-х годов стал временем небывалого расцвета демократической печати, атаковавшей идеологические догмы, бюрократизм, вскрывавшей целые пласты нашей потаенной истории. Редакции все явственнее освобождались из-под опеки партийных органов. Стремительно росли тиражи «перестроечных» журналов и газет: за 1987—1990 гг. тираж «Нового мира» увеличился с 496 до 2620 тыс. экземпляров, «Знамени» — с 291 тыс. до 1 млн, «Октября», еще недавно бывшего оплотом мракобесия, а теперь печатавшего великий роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», — со 185 до 335 тыс., «Невы» — с 290 до 615 тыс. Впереди всех шли «Огонек» (в 1990 г. его тираж достиг 4,6 млн) и «Аргументы и факты» (в конце 1989 г. — 26 млн). Таких тиражей ни российская, ни советская литература и публицистика не знали ни прежде, ни позднее.

Тиражи некоторых изданий насильственно сдерживали, а подписка на них была запрещена. Среди них были «Московские новости», до начала перестройки — захудалый еженедельник, издававшийся на нескольких языках для «друзей Советского Союза» за рубежом и использовавшийся главным образом студентами в качестве подстрочника для сдачи зачетов по иностранным языкам. С наступлением иных времен и приходом на пост главного редактора Егора Яковлева, который собрал вокруг себя плеяду ярких журналистов, газета преобразилась. В каждом номере появлялись отчаянно смелые материалы, не щадившие «священных коров» большевистской идеологии. Достать свежий номер «МН» было непросто. По средам приходилось вставать в 6 часов утра и отправляться к газетным киоскам, где уже выстраивались очереди...

Поскольку в 1988 г. функции Главлита уже были ограничены, а по отношению к телефонным звонкам «сверху» редакции

вели себя все более независимо, в некоторых случаях — вызываяще, в конце 1988 г. гласность попытались ограничить иным способом. Под фальшивым предлогом «защиты лесов» и экономии бумаги ЦК предписал Минсвязи резко сократить лимиты на подписку (а значит, и тиражи) популярных изданий. Против этого была развернута энергичная кампания, которая, по-видимому, укрепила здравый подход в партийном руководстве. Затея была отставлена, и общество это тоже записало в свой актив.

Разнообразные формы стала принимать общественная самоорганизация. Возникли неформальные объединения, клубы, семинары, обсуждавшие актуальные проблемы развития страны с невиданной еще вчера откровенностью и свободой. Официальной статистики не было, а по данным самих «неформалов», группы и движения существовали более чем в двух сотнях городов СССР; лидировали крупные промышленные и научные центры — Москва, Ленинград, Свердловск, Горький, Ярославль⁵⁴.

Крышу (в прямом и переносном смысле) многим таким организациям давали вузы и научные учреждения. В Москве выделялся Центральный экономико-математический институт, в стенах которого действовали клубы «Перестройка» и «Демократическая перестройка», а также научно-политический семинар очень высокого уровня, организатором и душой которого была вскоре трагически ушедшая из жизни Татьяна Ноткина. Каждое занятие семинара было выходом в новую, прежде запретную зону.

По инициативе Андрея Сахарова, Михаила Гефтера, Юрия Афанасьева и других лидеров общественного мнения того времени в конце 1988 г. возник клуб «Московская трибуна» (МТ), которая на время стала авторитетным альтернативным общественно-политическим центром, вокруг которого консолидировались интеллектуальные силы «перестроечников», не входивших во властные структуры. По ее образу и подобию была создана «Ленинградская трибуна» и ряд других клубов. Раз в месяц, а иногда и чаще «Московская трибуна» собиралась для экспертного обсуждения экономических, политических или правовых проблем.

Заседания собирали значительную часть московской интеллектуальной элиты. Выступала она и с политическими инициативами по самым острым вопросам, вторгавшимся в жизнь: Карабах, Тбилиси, выборы 1989 и 1990 гг.

«Московская трибуна» была задумана как некий аналог «Клуба Петефи», действовавшего в предреволюционном Будапеште 1956 г., — разумеется, с поправкой на место и время. Не всё из задуманного получилось. Не вышел диалог с властью: сама власть все более расслаивалась и все менее испытывала нужду в диалоге, а чуть позже политические дискуссии были перенесены в иные структуры, прежде всего — на Съезды народных депутатов. Еще обиднее, что «Московская трибуна» не справилась с, казалось бы, органичной для нее задачей: подготовкой экономических и юридических документов. Они не были востребованы в «инстанциях», но, главное, еще не было ни культуры такой работы, ни необходимой организационной и материальной базы. Тем не менее «Московская трибуна» сыграла в перестроечных процессах заметную роль. В значительной мере ее усилиями политические дискуссии в стране были подняты на высокий теоретический и идеологический уровень. Участники клуба проходили политическую школу. Из МТ вышли многие активисты демократических движений, союзные и российские депутаты. «Московская трибуна» стала прообразом Межрегиональной депутатской группы, «Демократической России» и других структур демократической оппозиции, которым предстояло вскоре вступить в открытую политическую борьбу.

Демократическая интеллигенция все активнее перехватывала инициативу у партийных органов. Вадим Медведев, ставший членом политбюро и назначенный руководителем Идеологической комиссии ЦК партии в 1988 г. — после того, как Горбачев решил покончить с перетягиванием каната между Яковлевым и Лигачевым, — констатировал: «Нас обошла “Московская трибуна”, в рамках которой начали проводиться более радикальные обсуждения». И как было не обойти, если сам Медведев замеча-

ет: «Как ни мудрили с составом Идеологической комиссии, он оказался довольно традиционным, если не сказать больше — консервативным... В информации об итогах работы комиссии было даже как-то неловко приводить перечень ораторов»⁵⁵. Выиграть свободное (или даже пока полусвободное) соревнование со вчерашними авторами и читателями самиздата партийные «бойцы идеологического фронта» не могли.

В те же месяцы, когда заявила о себе МТ, десятки активистов по всей стране стали создавать более широкую и политизированную организацию — общество «Мемориал». У его истоков стояли известные демократические лидеры Андрей Сахаров, Юрий Афанасьев, популярные писатели и публицисты Алесь Адамович, Григорий Бакланов, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Михаил Шатров, Юрий Карякин и вчерашние «сидельцы», диссиденты, люди, впервые заявившие себя в открытом общественном движении: Арсений Рогинский, Лев Разгон, Юрий Самодуров, Лев Тимофеев, Вячеслав Игрунов, Олег Орлов, Лев Пономарев, Дмитрий Леонов, Никита Охотин и др.

Движение за создание «Мемориала» заявило о себе в начале 1988 г., первый митинг в Москве состоялся 25 июня. К концу года на открытый в банке счет по сборам и подписке поступило свыше 1,3 млн руб. (в ценах до резкого подъема инфляции). Однако становление «Мемориала» происходило непросто. Сказались и трудности возникновения демократических организаций в отторгавшей их административной системе, и собственные болезни движения, которые будут сопровождать его и в последующие годы. По главному вопросу — каким быть «Мемориалу» — мнения активистов движения разделились. Одни считали, что создадут историко-просветительское общество, задача которого — воскресить имена жертв сталинских преступлений (или в ином, расширенном варианте — всех жертв большевистских репрессий до и после Сталина, до осуждения которых официальная историография тогда еще не поднялась). В этом случае «Мемориал» должен был сосредоточить работу на установке памят-

ников жертвам террора, (их должно быть столько, сколько было бюстов Сталина, сказал один из участников дискуссий), создании историко-мемориальных комплексов с музеем, библиотекой и хранилищем документов в Москве и Магадане, на работе в архивах и составлении списков погибших.

Другие полагали, что задачи «Мемориала» должны быть шире: нужно устанавливать также имена и деяния палачей, отдать под мемориальный комплекс здание на Лубянке, выступить с инициативой проведения советского варианта Нюрнбергского процесса, заняться восстановлением полной и честной истории страны в XX веке. Вторая задача — заставить государство заботиться о выживших жертвах политических репрессий, большинство которых — немощные старые люди со скудным достатком. И, наконец, третья цель (на более отдаленную перспективу) — стать фактором политического развития, выдвигать своих представителей в органы власти. Первый вариант предполагал учреждение историко-просветительского общества с размытыми очертаниями и текучим составом, второй — создание политической организации с фиксированным членством, выборными органами и регулярным финансированием, т. е., по сути, антисталинистской протопартии в государстве с однопартийной еще политической системой и пресловутой статьей 6 в Конституции. «Мы можем поставить памятник — сегодня это не кажется утопией — и жить в мире, пронизанном психологией прошлого, — писал в августе 1988 г. Вячеслав Игрунов. — К нему будут водить детей, а создатели культа насилия по-прежнему останутся романтическими героями книг и фильмов. Памятник может оказаться слишком удобным экраном, за которым будет продолжать ветвиться дерево насилия, уходя глубоко корнями в унавоженную почву».

Так далеко плюрализм и терпимость властей в 1988 г. еще не простирались. За организаторами «Мемориала» ведомство Чебрикова — Крючкова установило слежку. Прибегать к арестам ему уже не разрешали, но у властей было множество способов чинить препятствия созданию нежелательной организации. В их

руках был такой инструмент, как регистрация. Решение было принято на самом верху, и началось давление в пользу первого варианта. Располагали власти и еще одним рычагом — внутри самого движения. Учредителями общества согласились стать творческие союзы (кинематографистов, архитекторов, художников, театральных деятелей и дизайнеров), «Литературная газета» и «Огонек». Некоторые их руководители (особо отличился заместитель главного редактора «Литературки» Изюмов) исподволь тормозили процесс, а затем, по сути, предъявили ультиматум активистам движения, угрожая выйти из него.

Поэтому учреждение «Мемориала» затянулось. 29—30 октября в Доме кино состоялась подготовительная конференция. Она была довольно представительной: было зарегистрировано 338 делегатов из 59 городов страны. Конференция должна была обсудить задачи и устав общества, но в центре дискуссии оказались такие политические и идеологические вопросы, как временные рамки предстоящих исследований, отношение к проблемам современной общественной жизни, правомерность употребления понятия «сталинизм». Эмоции захлестывали зал. Одни и те же выступления вызывали рукоплескания и свист, стычки доходили до рукоприкладства. Бурно обсуждалась проблема толерантности. Мы развалим движение, если будем нетерпимыми, говорил Григорий Бакланов, ибо в нашей стране нет невиновных. Терпимость нужна, уточнял Лев Разгон, но воспитание будущих поколений должно быть основано на четком различии черного и белого: к чему-то надо быть терпимым, а к чему-то — абсолютно нетерпимым. Призывы к сбалансированному подходу наткнулись на радикальные декларации, стремление создать общесоюзное общество — на защиту конфедеративных принципов его построения⁵⁶. Как видно, острые разногласия в рядах демократического движения в России и Союзе обозначились уже на эмбриональной его стадии. Потребовались величайшее мастерство и такт ведущих конференцию (прежде всего Юрия Афанасьева), чтобы убедить первый форум «мемориальцев» от срыва.

Учредительную конференцию удалось подготовить и собрать лишь 28 января 1989 г. Проблему с помещением⁵⁷ помог решить Юрий Рыжов, в то время ректор МАИ. На этот раз в Доме культуры института собрались 489 делегатов из 107 городов. Споры кипели и здесь, но в конечном счете удалось договориться и о целях общества (был достигнут компромисс), и о его организации и структуре. К числу учредителей была добавлена «инициативная группа граждан», представители которой, отеснив прежних учредителей, и возглавили общество. В устав включили положение о том, что членство в «Мемориале» несовместимо с пропагандой и практикой национальной и расовой нетерпимости⁵⁸. Участники конференции отмежевались от экстремистских течений и взглядов, в частности от общества «Память», вознамерившегося было поучаствовать в деятельности «Мемориала».

Вскоре «Мемориал» уступил свою политическую составляющую иным движениям и организациям. Однако он еще принял активное участие в парламентских выборах 1989 и 1990 гг. Историко-архитектурный комплекс в память о жертвах террора в столице не создан до сих пор. И все же, пройдя через расколы и компромиссы, «Мемориал» выжил и продолжает играть заметную роль в общественной жизни страны⁵⁹.

Во второй половине 1988 г. в движение вовлекаются и более широкие слои общества. Проходят митинги, разрешенные и несанкционированные. На них все громче звучит антивластная риторика. В Москве, Ленинграде милиционеры и характерные личности в штатском следят за порядком, слушают выступления, которые еще год-два до того были немыслимы и на закрытых собраниях, но не вмешиваются. 7 октября 1988 г., в очередную годовщину «брежневской» Конституции, я стою на стадионе «Локомотив» (улица Марата в Ленинграде), где под председательством Андрея Алексеева и будущего российского депутата Юрия Нестерова идет митинг. Речи становятся все резче. Смотрю на молоденьких стражей порядка, и невольно вспоминаю слова из

вестного поэта: «Им бы не слушать эту речь, им палец бы к курку...». Кончается 1988 г. В Минске зверствуют. В Ереване и Тбилиси скоро будут убивать. В Куйбышеве, на Сахалине, в Чернигове уличные демонстрации добиваются невообразимого — смещения особенно одиозных первых секретарей обкомов. Обстановка накаляется.

Все это усиливало консервативные склонения в партийном, государственном аппарате, в силовых, карательных и идеологических ведомствах. Против дальнейшего разворачивания политической реформы стали выступать вчерашние умеренные «перестройщики». В высшем политическом руководстве начал подспудно меняться баланс сил. Возникает скрытая еще оппозиция Горбачеву и его сторонникам, как тогда говорили, «справа». Наметился кризис самой перестройки.

В те годы и месяцы меня, как и многих других, не покидало тревожное чувство уходящего времени, обратимости многих перемен. Конечно, время съели десятилетия «застоя». С коренными преобразованиями, полагает Вадим Медведев, опоздали на 15—20 лет. Я бы уточнил: на 20—25. Вероятно, легче было бы стартовать в первой половине 60-х годов, когда еще не угасла инерция хрущевских перетрясок, сколь ни разнонаправлены они были. Когда СССР не прошел еще несколько новых витков противостояния с Западом. Когда начавшему пробуждаться обществу еще не показали — многократно и выразительно, — что политические и идеологические основы строя не подлежат обсуждению. И когда интервенция 1956-го в Венгрии, предпринятая в страхе и замешательстве, еще не была хладнокровно и расчетливо повторена подавлением «Пражской весны» в 1968-м и закреплена в «доктрине Брежнева». Но то было еще время, когда будущие инициаторы и лидеры перестройки проходили свои первые политические университеты и были удалены от власти в государстве, а все ее верхние эшелоны были плотно укомплектованы людьми, которых Сталин формировал по своим лекалам, как Дракон в пьесе Шварца⁶⁰. К сожалению, и пришедшие к власти партий-

ные реформаторы относились ко времени как к возобновляемому ресурсу. Они не воспользовались, в частности, четырьмя-пятью годами, которыми располагали для проведения настоящей экономической реформы. Понимание утерянного времени придет позже⁶¹. Говорили о механизме торможения — и торможение преобразований нетрудно было заметить. Но в обществе усиливались и иные опасения: что торможение политически и психологически формировало среду, в которой могут быть предприняты попытки реставрации. Наверху партийно-государственной пирамиды все быстрее консолидировались реакционеры и консерваторы. Казалось, они настигают начавшиеся реформы, как «сумасшедший с бритвою в руке». Чуть позже это станет очевидным.

АЛЬТЕРНАТИВЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

В 1989 г. судьба преподнесла мне неожиданный и тем более дорогой подарок. Незнакомый мне человек, Владимир Митрошилов из Анадыря, отскомендовавшийся «потомственным русским рабочим в пятом колене»⁶², откликнулся на одну из моих ранних «перестроечных» публикаций. Это было выступление на круглом столе, организованном Игорем Пантиним, главным редактором журнала, энергично расчищавшего наше обществоведение от догматических завалов.

Круглый стол, состоявшийся осенью 1988 г., был в научной жизни Москвы заметным событием. Он был приурочен к 70-летию Михаила Яковлевича Гефтера, историка и историсофа, основателя и руководителя сектора методологии истории академического Института истории в 1960-х годах. Тема круглого стола «Альтернативность в историческом процессе» была выбрана не случайно: то была прямая переключка с «шестидесятническим» пересмотром квазимарксистской ортодоксии в секторе Гефтера, разгромленном в начале 1970-х годов идеологическими стражниками из Отдела науки ЦК КПСС.

Для историков и идеологов, переосмысливавших общую концепцию развития мира и России в XX веке, фигура Гефтера была знаковой, а его истолкование альтернативности, противопоставленное заданности формационного процесса, пресловутой «пятичленке» — паролем и стержнем обсуждения на этом круглом столе⁶³. Свои соображения об истории и современности, об альтернативе Октябрю 1917 г. и об альтернативе, вставшей перед горбачевской перестройкой, высказал и я. На это выступление и отозвался Митрошилов, человек явно незаурядный, выработавший оригинальное видение мира, свое обдуманное отношение к происходящему в стране. Письмо требовало ответа.

Дискуссия в журнале, письма, которые за нею последовали, то, что в них было сказано, и то, что осталось за кадром, — нестесненный разговор о главном, документы времени и о времени, теперь все больше удаляющемся. Я воспроизвожу их без комментариев.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ⁶⁴

В ошибках и прозрениях российской интеллигенции ищем мы ответ на самый, может быть, актуальный вопрос сегодняшнего дня — об альтернативах на историческом пути России.

Вопрос, однако, на мой взгляд, ставится весьма часто упрощенно, а потому неверно. В споре о том, существовали ли альтернативные варианты развития в той или иной точке исторического пути, как бы пропускают принципиальный этап: выяснение того, в чем конкретно заключалась альтернатива осуществившемуся развитию. Или точнее: обсуждение альтернатив ведется в тех же категориях и на том же языке, какими мыслили и говорили непосредственные участники событий.

В начале XX в. ученые и политики, сформировавшиеся в русле марксистской идеолого-теоретической традиции или испытывавшие ее влияние, при всех различиях позиций были убеждены в том, что ход общеисторического развития в мировом масштабе предопределен, а альтернативность связана преиму-

щественно со сроком и способом перехода от капитализма к социализму. Поразительно, но факт: весьма многие их противники, исходившие из иных ценностных и теоретических посылок, видели исторический процесс в сходной перспективе. При этом сторонники социализма видели капитализм в постоянстве его основополагающих характеристик, а социализм рассматривали как осуществившуюся давнюю мечту человечества, которая впервые обрела твердую научную почву. Утопия в общественном сознании была возведена в ранг науки.

И в наши дни утопия продолжает тяготеть не только над обыванным, но и над некоторыми важными сферами научного сознания и если не расплывает его непрерываемыми постулатами, как было еще совсем недавно, то определяет общее русло, в котором ведутся споры. Характерный пример — дискуссия о том, построен ли социализм в нашей стране. Радикальная позиция, отвергающая зафиксированные в авторитетных документах догмы, эмоционально импонирует многим из нас, но, на мой взгляд, укрепляет, а не ослабляет мифологическое видение исторического процесса. По этой схеме всемирная история предстает как смена формаций, неотвратно следующих одна за другой, и коммунизм как общество, идущее на смену капитализму.

В действительности XIX век передал веку XX в качестве главного вопроса не проблему собственности, частной или общественной (в чистом виде не существует ни та, ни другая, а противоположность между ними была явно абсолютизирована), а проблему отсталости одних обществ по сравнению с другими в мире, где во много раз возросли разрывы между ними и их взаимозависимость. Как возникла отсталость и почему она стала ощущаться как нетерпимое явление — предмет особого разговора. Здесь я хочу лишь подчеркнуть, что практика, опирающаяся на социалистическую доктрину, стала средством, с помощью которого некоторые общества попытались — одни с большим, другие с меньшим успехом — если не преодолеть,

то по крайней мере уменьшить степень отсталости, ослабить ее давление, либо, если говорить о больших державах, восстановить утрачиваемый на протяжении длительного времени вес на мировой арене и превратиться в сверхдержаву.

Октябрьская революция 1917 г. оказалась одним из самых главных событий не потому, что она показала, как мы недавно утверждали, дорогу в будущее всему миру, а потому, что она создала экономические и политические структуры, адекватные мироощущению и существенным устремлениям отставших обществ и многочисленных социальных слоев. Альтернатива действительным и мнимым дефектам европейского капитализма и колониализма была выдвинута и воплощена в жизнь, а ее ядром стала концентрация экономической и политической власти в руках государства внутри страны и мессианская идея, обращенная вовне. К чему это в конечном счете привело, хорошо известно.

На XIX партконференции Г. Я. Бакланов высказал замечательную мысль, что люди за свою историю не раз боролись за собственное порабощение с такой энергией и страстью, с которой позволительно бороться только за свободу. Эту мысль следует продолжить. Чтобы люди сражались за собственное рабство, необходимо, чтобы в общественном сознании произошла принципиальная подмена понятий в соответствии с известной формулой антиутопии Д. Оруэлла: «свобода есть рабство». Однако антиутопия — не противоположность утопии, она вырастает из утопической мечты и противопоставляет себя тем действительным дефектам социальной организации, протестом против которых выступает утопия. Инвариантным во всех социалистических учениях был акцент на коллективистские ценности и на подчинение частного интереса общему.

В XIX веке одно из течений социализма заявило себя научным социализмом. На уровне науки своего времени оно проанализировало общественный порядок, который доминировал в то время по крайней мере в наиболее развитых странах Европы и,

во всяком случае, в Англии. Это течение не занималось конструированием деталей будущего строя, однако некоторые общие идеи о характере общества, идущего на смену капитализму, считались неоспоримыми, хотя и содержали утопические моменты. Как показал исторический опыт, именно в этой части учение содержало элементы ненаучные, утопические. Серьезным испытанием марксизм подвергся, когда в ряде стран произошли антибуржуазные революции, а капитализм, описанный Марксом, претерпел глубокую трансформацию. Более того, марксизм как доктрина желанного будущего содержал некоторые элементы, которым — в той мере, в какой они не были преодолены в ходе последующего развития, — предстояло сыграть роковую роль. Во-первых, экономический строй будущего общества рисовался как полное и решительное отрицание существующего порядка. Упразднение частной собственности, в которой видели главный, если не исключительный источник всех социальных зол, должно было, как подразумевалось, повлечь за собой ликвидацию хозяйственно обособленных производственных единиц, товарного производства, рынка, конкурентного отбора эффективных звеньев и выбраковки неэффективных, заместить все это централизованной, научно управляемой системой. Уже в этом была заключена не осознававшаяся вполне опасность авторитаризма.

Во-вторых, противопоставление «государства типа Парижской коммуны» системе представительной демократии и разделения властей, наивная убежденность в том, что ликвидация частной собственности является достаточной гарантией гражданских прав, недооценка демократических институтов и процедур, проистекавшая из представления, что демократия как форма государства должна отмирать.

В принципе эти не выдержавшие исторического испытания, восходившие к предшественникам-утопистам компоненты теории, хотя они и занимали в ней важное место, можно было преодолеть, тем более, что сами классики не раз возражали против догматизации их воззрений. К несчастью, однако, теорети-

ческие построения вместе с прозрениями и заблуждениями были восприняты их последователями целиком как «учение», разновидность религиозной, а не научной доктрины. Теория подверглась нарастающей идеологизации, а идеология с ее односторонней абсолютизацией «классового подхода» получала санкцию якобы от науки.

Конечно, этот процесс имел свои социальные и исторические корни. *Но в особенности сегодня, когда так часто раздаются призывы вернуться к незамутненным последующими извращениями истокам марксизма, преодолеть «деформации» и т. д., необходимо в полной мере отдать себе отчет в ответственности, которую несет на себе доктрина или, точнее, дефектность некоторых из ее несущих конструкций.* Свою роль, разумеется, сыграли и социокультурные традиции отставших стран.

Но только соединение того и другого могло дать такую гремучую смесь. *Итак, «обвиняемый» — утопия. Как на всяком нормальном суде, должны быть приняты во внимание и смягчающие, иотягощающие вину обстоятельства. Первое — социалистическая утопия возникла как антитеза реальному социальному злу, капитализму, который, в особенности в отставших странах, обнаруживал не только антигуманность, но и — как казалось — неспособность решить ключевые вопросы социальной жизни. Отталкиваясь от известного афоризма Е. Леца, «всегда найдется эскимос, который станет учить жителей Африки, как им спастись от жары», можно сказать, что в жизненном опыте персонажа, страдающего от холода, нет ничего, что помогло бы ему осознать невыносимость зноя. Однако сегодня — и это, несомненно,отягчающее обстоятельство — наш «эскимос»-утопист может получить, если захочет, исчерпывающее знание об Африке.*

В начале XX в. произошло раздвоение социалистической теории и практики. Реальное продвижение социализма, пони-

маемое как утверждение в той или иной форме коллективистских принципов, шло не только в тех странах, где произошли революции, осознавшие себя как социалистические. Деятельности международной социал-демократии, хотя и не только ей, современное западное общество в значительной степени обязано введением коллективистских элементов в экономику и социальную жизнь. Здесь наряду с социалистической идеологией параллельно существовали и развивались также выросшие в лоне европейской цивилизации доктрины, которые противостояли утопии и делали упор на индивидуалистические ценности, на суверенитет личности, на ограничение общественного вмешательства в частную жизнь. Французские революционеры XVIII века не заметили, что лозунги свободы и равенства мирно уживаются только на плакатах, что последовательное осуществление одного принципа ставит границы реализации второго. И лишь постепенно в реальной общественной практике стали вырабатываться способы соединения противоречивого, дающего постоянные сбои компромисса личностных и коллективистских ценностей. Иными словами, хотя XX век и не принес, как ожидали, победы социализма во всем мире, социализм как мощная социально-историческая интенция нашего времени «сработал» на «облагораживание», модификацию капитализма. В странах, которые марксистам в начале столетия казались наиболее созревшими для перехода к социализму, альтернатива «капитализм или социализм» оказалась снятой историческим процессом, во всяком случае на обозримый период.

Иначе развернулись события на востоке Европы, а затем и в некоторых других странах. Разительно отличие сталинского образца общественного устройства от мечтаний утопистов! Но нельзя отрицать, что между социально-экономическим строем, утвердившимся в нашей стране, и социалистической идеей существует несомненная и органичная связь. Он во многом отличался от позитива теоретической модели, но довольно последо-

вательно воспроизводил ее негатив — отрицание предшествующего порядка: вместе с частной собственностью был упразднен рынок, партия-государство подмяла под себя гражданское общество как систему самостоятельных и независимых общественных институтов и инициатив, а принцип «класс против класса» стал определять не только политическую, но и культурную жизнь.

Нам еще предстоит осмысливать, какие выводы вытекают из признания исторически длительного сосуществования двух систем. На мой взгляд, современная эпоха не только не обещает перехода от капитализма к социализму (предсказывать, что произойдет за пределами обозримого периода, — дело фантастов, а не ученых), но и не доказывает превосходство (даже потенциальное) «реального социализма» (о сталинской или продолженной, «застойной» модели и говорить нечего) перед современным высокоразвитым капитализмом, который продемонстрировал свою способность к саморазвитию, к самоотрицанию некоторых своих черт. «Реальный социализм» сможет доказать свое превосходство постольку и тогда, поскольку и когда увенчается успехом перестройка. Во всяком случае, было бы слишком самонадеянно утверждать, что именно этот строй уже обозначил высшую ступень в развитии человечества.

Но, может быть, такое сопоставление вообще неправомерно, поскольку у стран, шедших в первом эшелоне модернизации, совершивших переход к капитализму еще в XVIII — первой половине XIX века, и у стран и народов, принадлежащих ко второму и последующим эшелонам, разные исторические судьбы, и вторые по объективным причинам не могли воспроизвести путь первых? Быть может, социалистическая альтернатива капитализму в тех формах, в которых она до сих пор воплощалась в жизнь, — наиболее быстрый и эффективный путь уменьшения отсталости и ускоренного утверждения важных социальных ценностей? Чтобы ответить на эти вопросы, нельзя обойти два принципиальных момента.

Во-первых, хотя вне рыночные механизмы и выведенные из-под общественного контроля государственные институты позволили совершить рывок в создании индустриальных производительных сил и распространении некоторых элементов современной культуры, и те и другие стали практически непреодолимым препятствием для перехода на научно-индустриальную ступень мирового прогресса. Отставание вновь стало приобретать качественный характер, и это вытекает из блокирующих свойств модели.

Во-вторых, «нормальное» функционирование этой модели даже в тех проявлениях, которые принято считать ее достоинствами, порождает социальный иммобилизм и вносит разложение в общество. Так, замена конкуренции фиктивным соревнованием и социальные гарантии занятости (хотя не для всех и не при всех обстоятельствах), жизнеобеспечения (хотя и на относительно низком уровне), получения образования (при любом уровне реальной подготовки и квалификации) и т. д. погашают важнейшие стимулы к напряженному труду, инициативе, самостоятельности.

К концу XX века отчетливо обрисовалась главная, определяющая альтернатива, возникшая перед человечеством. Это не капитализм или социализм, а бытие или небытие, выживание или гибель. Нельзя ставить в вину людям, направлявшим ход исторических событий в начале столетия, что они в то время не смогли подняться до такого видения перспективы, которое задали позднее Эйнштейн и Рассел, хотя не вполне еще отчетливое ощущение «Европы над бездной» испытали некоторые серьезные мыслители уже после Первой мировой войны. Но сегодня непростительно ни ученому, ни политику подменять истинную альтернативу ложной и выстраивать в соответствии с этим социальные приоритеты. Тем более, что угрозу цивилизации создают не только действия определенного рода, но и бездействие.

Конкретно говоря, это означает, что либо несмотря на все социально-исторические наслоения, возобладают общий инте-

рес и стремление решать накопившиеся проблемы на основе консенсуса (для начала хотя бы существующих мировых центров), либо будет нарастать конфликтность, чреватая выходом событий из-под контроля ответственных сил.

Что же касается внутреннего социального устройства национально-государственных организмов, определяющих сегодня, на мой взгляд, является не выбор между капитализмом и социализмом в теоретически рафинированном виде, а между демократией и авторитаризмом в их бесчисленных конкретных модификациях. Формы экономической организации — соотношение «плана» и «рынка» — производное от этого основного выбора.

Популярный лозунг сегодняшнего дня в нашей стране: «больше демократии — больше социализма». Действительно, демократия представляет социально-историческую самоценность; по общему правилу, чем полнее и устойчивее утверждены в обществе демократические нормы и институты, тем дальше оно продвинуто по пути мировой цивилизации. В этом смысле, хотя и условно, можно различить более и менее демократические общественные структуры, найти критерии, количественно верифицирующие процессы демократизации. Нам же требуется не «больше» или «меньше» социализма, а иной социализм, органически сопряженный с демократией, с правовыми нормами, с политическими (а не одними лишь социальными) гарантиями, с идеологическим плюрализмом и человеческим лицом.

В середине 1980-х годов наше общество подошло к новой исторической развилке. Важно адекватно оценить сущность вновь возникшей альтернативы. Утверждают подчас, что общество стоит перед выбором между радикальным и консервативным вариантами перестройки и главное зло — механизм торможения. Мне кажется, что эта оценка, если под перестройкой понимать переход к рынку, гражданскому обществу, политической демократии, правовому государству и т. д., чрезмерно оптимистична и успокоительна. На исходе четвертого года перестройки наибольшую угрозу представляет механизм

реставрации — конечно, не старого режима, но «свежей», «обновленной» диктатуры, которую общество, уставшее от кризисных нарушений «нормального» хода жизни, может принять в обмен на восстановление порядка.

ПИСЬМО С ДАЛЬНОГО ВОСТОКА ⁶⁵

<...> При всем моем, если и не систематическом, то все же пристальном внимании к кругу вопросов, обсуждавшихся в №№ 1—2 журнала «Рабочий класс и современный мир», у меня впервые за мою жизнь возникло желание написать письмо с целью (естественной для нормального человека в нормальных условиях): поделиться, высказаться, поддержать либо, на худой конец, оспорить. Побудительная причина — дух самого обсуждения и изложенная Вами концепция исторических путей имперского образования с самоназванием «Союз Советских»... и т. д.

До сих пор обращаться было не к кому, солидаризироваться не с чем, опровергать некого — во всяком случае, в рамках публичной дискуссии, имеющей хотя бы минимальное право называться научной. Апеллировать с позиции идеала свободного исследования к апологетике невежества — на редкость бесплодное занятие. Обращаться с увещаниями к очевидной корыстной недобросовестности — смешная акция. <...>

Я полагаю, что истинной, конечной и единственно плодотворной (хотя бы в потенции) целью всякого знания является пред-узнание. Знание — условие комфортного существования в «сегодня» и в «здесь». Пред-узнание — возможность экспансии в пространстве и времени, возможность движения (не обязательно в направлении, заданном вектором) и, следовательно, риск — одно из сущностных условий пред-узнания.

Все истинные пророки — «Кассандры», к такому выводу я пришел еще на заре моей «туманной юности», и последующий мой опыт не опроверг этого убеждения. Неотвратимый (роковой) удел Кассандры — пребывать не услышанной, непонятой. <...> Что будет завтра?

• • •

Выбор — акт воли, стремящейся к осознанной ответственности. Осознанная ответственность — тяжкое бремя, посылное лишь человеку духовному. Я бы сказал: ответственность всегда духовна и наоборот (не путать с ответственностью так называемых ответственных — многоликим и безглавым порождением нашей системы).

Начав с этой дефиниции, сразу перейду к конкретике: вот уже четыре поколения в нашей державе выросли в обстановке целенаправленно культивирующегося безмыслия (эксперимент, не имеющий аналогов в мировой истории — во всяком случае, по длительности). А если прибавить (или вычесть?) вековые традиции Российской империи, где тончайший слой культуры развивался на бездонном субстрате невежества и рабства... Но, пусть ничтожно тонкая амальгама, она все же образовывала второй необходимый «электрод» для создания разности потенциалов: «ток» протекал, жизнь теплилась в организме сообщества (достаточно уродливого, правда, в системе координат европейской культуры), и это сохраняло возможность эволюционирования (реформы Александра II, Николая II, Столыпина, Февраль 17-го...).

Октябрь 17-го не только стер напрочь этот слой тончайшей позолоты, но вырвал корни, уничтожил культурно-историческую преемственность существования имперского сообщества, аннулировал возможность и потенциал эволюционирования. Само по себе это не является, так сказать, историческим грехом. Все дело в том, что предлагается взамен. В Вашем выступлении коротко и точно сказано: «Утопия в общественном сознании была возведена в ранг науки». Безусловно верно!

Но и это бы еще не грех. Мало ли как сакрализуется непрерывный процесс целеполагания в жизнедеятельности человеческих сообществ. «Санкция якобы от науки»... — На грани XIX—XX веков не к Откровению же было обращаться за санкцией на построение модифицированного царства Божия? Дело другое,

что в массовом сознании произошла (и не могла не произойти) подмена истины, данной научным (якобы) предвычислением, истиной, данной в Откровении Бога живаго (Ленина и его, так сказать, предтечи — Маркса).

Но и этот грех не из числа смертных. Мы хорошо знаем, что творческая энергия «добросовестного» заблуждения сплошь и рядом ничуть не менее плодотворна, чем прагматически исчисленное целеполагание. Классический пример: Колумб на пути в благодатную Индию... Конечно, и самый распоследний прагматик когда-нибудь уперся бы в новый континент. Но много позже — эта истина для случая с Колумбом имеет право на существование в качестве общего посыла. А неприобретение, в культурно-историческом смысле, тоже утрата, следствия которой не дано пред-узнать сполна. <...>

Я склонен думать, что утопические формы сознания не являются злом сами по себе, тем более, что они жестко «встроены в проект» человеческой вселенной. <...> И все определяется величиной неизбежного разрыва между умополагаемой целью и реальной возможностью ее осуществления. <...> В терминах теории информации, неполнота программы заполняется шумом. Шум в системах человеческих сообществ определяет темп и величину видовой деградации (человек — животное общественное). При достижении некоторых пороговых значений наступает распад данного сообщества, данной цивилизации.

И тут я прихожу к вопросу: насколько же плодотворной оказалась энергия ленинского заблуждения? (В этом контексте проблема «добросовестности» мне не интересна.) Иными словами: не перейдены ли пороговые значения — сколь смутные, столь и жесткие? Используя военно-осадную лексику наших вождей, скажу: «мировой лагерь социализма» переживает жесточайший кризис. Беда в том, что конвульсии Голема могут увлечь в небытие все человечество. Что, хотя бы теоретически, может стабилизировать развитие кризиса?

Одна возможность — скачок, прерыв непрерывности, революция. Конечно, опыт последних двух столетий не позволяет здравому смыслу игнорировать трезвое заключение А. де Токвиля: из революции, как из общего источника, вышло два потока. Один — к свободному устройству людей на земле, другой — к абсолютной власти. Реальности ядерного мира, скатывающегося вдобавок к экологической катастрофе, не очень-то привлекательной, делают игру с результатом «фифти-фифти», притом еще, что сам процесс инициирует действие сил, не поддающихся прогнозу, да еще при учете наших специфических реалий... Но это все из области пожеланий. Ну, а если оставаться на грешной земле: есть у нас силы, способные, могущие, консолидированные, с хорошей теорией, четкой программой, с опорой на достаточно массовый фундамент? Правящая партия безусловно консолидирована, но без теории, программы и опоры. Иных центров сил нет, как нет предпосылок для их возникновения назавтра. <...>

Второй теоретический выход: построение механизма демократического разрешения лавинообразно обостряющихся противоречий. И, вроде бы, начало есть (пусть пока мизерное), но сроки!.. Исторический опыт утверждает, а наука подтверждает, что человеческая популяция адаптируется к новым условиям в лучшем случае в третьем поколении.

И третий путь, очень, я бы сказал, не теоретический; условно назову его так: генерал, не получивший маршальских звезд на полях интер-(какой-то) войны и жаждущий отрешившись от грехи и за счет политической проституции. Но чаемая стабилизация, которую сулит этот вариант, опять-таки исторически кратковременна. (А вожделяющих такого варианта, кстати, очень немало.) Эта стабилизация не решает проблем, но лишь консервирует их. Да и потом, только свободное сообщество свободных людей способно предотвратить неуклонное сползание в катастрофу. Невежественные рабы увидят эсхатологическую перспективу только за порогом необратимости (а господа рабов — равно несвободные люди.)

Так дано ли нам выбирать или выбор был сделан вчера?

Не знаю, кем сказано, но звучит очень здорово: «воспитание ребенка начинается за 200 лет до его рождения». Цифра «200» — вполне символична, а потому достаточно произвольна. Но вполне произволен конкретно-исторический смысл этой максимы. Сеющий ветер пожнет бурю — неумолимо суровым и мертвенно холодным смыслом наполнено древнее предостережение. 70 лет на нашей земле сеяли зубы дракона и посеяли поливали живой кровью. Пришла пора пожинать плоды.

«Завтра» прорастает из «сегодня», а «сегодня» заковано в латы «вчерашнего дня». И количество степеней нашей свободы в панцире неисчисленных детерминант определяется не то что степенью приобщенности, но даже готовностью, даже пусть смутным, едва осознанным желанием приобщиться к общечеловеческой культуре.

Культура — инстинкт самосохранения разума, как космического явления (и невозможно знать: программно ли закодирован этот инстинкт или он приобретенный, но это и неважно). Здесь и сейчас важно иное — культура истреблена на нашей земле.

Это говорю я, потомственный русский рабочий в пятом колоне. Я родился в рабочей семье, вырос среди рабочего люда, живу вот уже 46 лет среди простых (по принятой у нас классификации) людей. Я часть тех миллионов, воля и желание которых (а равно безволие и пассивность) определяют ход истории. Это не отрицание исторической личности, но определение ее места в процессе. Резонансное совпадение воли личности с волями миллионов порождает лавинные реакции в истории. Их потом называют революциями, реформациями, ленинизмом, нацизмом, нашествием гуннов и т. д. Человек не в силах обрушить лавину там, где нет необходимых и достаточных предпосылок к ее сходу. (Но это — в скобках. А вне их, свидетельствую еще раз: на нашей земле уничтожен инстинкт самосохранения разума.) Разумеется, мой опыт специфичен, а знания неполны, но ведь это участь всех смертных... Наше «Я», формируясь, не-

избежно деформирует объективность. Иными словами, расширение границы знания все более открывает безбрежность полей незнания, что в конечном итоге привело древнего мыслителя на склоне его дней к выводу, что знать ему дано лишь о своем незнании. За внешним комизмом парадокса скрыта бездонность трагической парадигмы.

И вновь я обращаюсь к Вашим словам: «Реальный социализм (так и хочется обыграть этот умилительный эвфемизм и позубоскалить, например, об «ирреальном социализме», но я пока хочу условиться с Вами: судьбы так называемого реального социализма неотделимы ныне от судеб народов, населяющих — позволю себе описательное и приблизительное определение системы — Российскую тоталитарно-колониальную империю) сможет доказать свое превосходство (увы, еще одно заклинание: «догнать и перегнать») — мы не вольны до конца освободиться от стереотипов, даже если понимаем, что истинная альтернатива в неотлагаемом уже «сегодня» заключена в дилемме: «быть или не быть») постольку и тогда, поскольку и когда увенчается успехом перестройка».

Я полагаю, обстоятельства места и времени вынудили Вас вставить в серьезный контекст расхожее клише «перестройка» — чистой воды идеологему, слово-перевертыш, фетиш в лучшем случае. Разумеется, Ваше выступление наполняет конкретным содержанием, материализует этот фантом на уровне научного осмысления проблемы. Но! Вы ведь пытаетесь пойти дальше: ...«сможет доказать» — я не слышу здесь императива. А должен ли он доказывать? Иными словами: осознан ли исторический вызов, сформировалась ли исторически значимая и действенная воля? Мой опыт, мое понимание ситуации (напоминаю, специфические) говорят: нет.

Верхушка действует по нормальным рецептам всех нормальных деспотий: когда питательный субстрат их владычества начинает задыхаться, они приоткрывают кислород. Правда, они плохо понимают, что творят; за то им надлежит расплатиться

(вероятность правого путча актуализируется со дня на день, хотя завоеванная конституированность фашизма способна создать только механизм «наркотического» вращения в катастрофу).

Что касается низов — «народ безмолвствует», — поверьте, у меня есть основания повторить лаконичную формулу Александра Сергеевича. Не вовсе безмолвствует — сахар, спички, соль, водка и эрзацы, прорицания волхвов о грядущем наводнении в Прибалтике, удавшаяся акция по отлову инопланетных пришельцев в Пасадине и многое, многое другое будоражат их умы, создают заметный и хаотичный фон озабоченности.

И третье: первоначальное замешательство и даже дезориентированность многочисленных и могущественных «приводных ремней» и «шупальцев» уже прошли.

Они адаптировались и стремительно консолидируются, быстро отторгая наиболее одиозные элементы структуры. Они готовы к выдвиганию вождя, они готовы к «победному маршу».

Грозная реальность для циклопического имперского организма — нарастание центробежных националистических наклонностей, деколонизационные процессы и как реакция на эти процессы в вовсе не туманной перспективе — имперский великорусский шовинизм. В вовсе не туманной, осмелюсь доложить: афганская акция на всем ее протяжении пользовалась безоговорочной поддержкой так называемых низов: «Давить их надо!» — и небезобидной оказывалась попытка хотя бы уточнить: кого «их»? И это естественная, предустановленная, если хотите, агрессивность невежества, для которого «Я» абсолютно самоценно, а потому безоговорочно враждебно все, что вне рамок «Я». И нынешние танковые рейды по улицам городов вызывают реакции, организованные по типу безусловного рефлекса.

Да, конечно, истинная альтернатива ныне прочитывается только так: «быть или не быть». <...> Еще раз повторю: на просторах Великой Российской империи был поставлен уникальный эксперимент всемирно-исторического значения. Лучшие умы человечества (как всегда, единицы: Сорель, Плеханов, Ка-

утский, Шпенглер. <...>) предвидели его последствия хотя бы в общих чертах. Но право исторического выбора было не за ними, потому уже, что «Октябрьская революция 1917 года... создала социальные, экономические и политические структуры, адекватные мироощущению и существенным устремлениям отставших обществ и многочисленных социальных слоев», и далее, завершая период, Вы пишете: «К чему это в конечном счете привело, хорошо известно». <...> Добавлю только немного об Октябре 17-го: в гражданской войне нет и не может быть победителей. <...> И уж совсем высокая степень моральной извращенности позволяет испытывать человеку удовлетворенность в связи с так называемой победой.

Такая победа на деле является более или менее глубоким, тотальным поражением основ нравственного здоровья нации. Чувство глубокой горечи, ощущение разрушительного бедствия — вот нормальные чувства нормального человека (по свидетельствам Булгакова, Павлова, Горького, Пастернака, Короленко и др.), который обречен на попытки погасить пожар в расколовшемся доме. Все это старо, как мир, и вечно ново. Но какова длительность «вечности»?

Гегфер говорит о «неотторжимом от истории свойстве ее “ветвиться”...». Применительно к предмету ведущегося разговора, социал-демократический «проект» «разветвился» на два течения, которые в официозной историографии закрепились под случайными наименованиями «большевизм» и «меньшевизм», а по всемирно-исторической сути явились новообретенным тоталитаризмом и демократией. Чуть далее во времени еще одна «ветвь»: национал-социализм. <...>

А завтра? Есть там свет в конце тоннеля? Или это галлюцинации сознания, измученного немилосердием бессонной жизни? <.. > Нам не дано знать: насколько мы являемся рабами самих себя. Нам не дано отделить свет сознания от призраков бреда — однажды и навсегда. Очевидно, мы участвуем в игре с нулевым результатом. <...>

И вот перед человечеством поставлены песочные часы. То есть они стояли всегда, от сотворения, но для иллюзии субъективного рассмотрения оставался «безбрежный» простор: «жизнь упоительна!» — еще бы нет! — И это не позволяло увидеть физическую природу струящегося песка, объемов общающихся сосудов, неизбежный износ отверстия и соответственную экспонентность процесса. <...> Грядущие события границы двух тысячелетий, которые в системе наших ценностей видны как цепь глобальных катастроф, мыслящая материя грядущих времен будет оценивать приблизительно так же, как мы рассматриваем побоище, учиненное матерью-природой где-то там, в юрском что ли периоде, над рептилиями. <...>

Но допустим: тоталитарные режимы замещены демократиями, человечество выбралось из-под сени Бомбы, создан механизм, делающий невозможным «спазматический» сценарий развития катастрофы, накормлены и исцелены миллиарды голодных и страждущих и экосистема «Земля» при этом не треснула под бременем технокультуры. <...> Допустим. Но что далее? А далее вновь выбора нет: человечество не изобрело никакого иного механизма стабильности, позволяющего просто выжить, хотя бы выжить, — это механизм демократии. <...>

С давних пор врезалась в мое сознание фраза Ф. М. Достоевского: «подлец-человек ко всему привыкает». В разные времена и в разных состояниях я по-разному интерпретировал ее, находил в ней разные варианты интонационного и смыслового ударения. <...> Стоическое упоение жизнью — не вижу иной духовной наполненности бытия для особи вида «хомо сапиенс». И для духовности здесь нет выбора.

С глубоким и искренним уважением. <...> Владимир Митрошилов.

ТЕПЕРЬ УЖЕ — СА IRA!⁶⁶

Дорогой Владимир Иванович!

Прежде всего, я должен извиниться за задержку с ответом на Ваше письмо. Хотя Вы и закончили его уверением, что не

правки. Разгорелись споры, ибо многие поправки исключали друг друга. Возникла опасность, что предвыборная платформа застрянет в согласованиях. Положение спас Александр Собянин. Он предложил одобрить Декларацию в качестве основы и поручить мне по возможности учесть поправки, поступившие в письменном виде, с чем участники собрания и согласились. Я доработал текст с учетом тех поправок, которые отвечали логике документа.

Предстояло, однако, решить более трудную задачу: создаваемый избирательный блок и его платформу нужно было предъявить обществу, а для этого — широко оповестить его о нашем документе. На следующий день мы с Львом Пономаревым отправились в «Огонек». После долгого ожидания в коридоре удалось поймать главного редактора Виталия Коротича, который довольно кисло отнесся к публикации программы и предложил нам написать по ее мотивам статью. Это не устраивало нас: публиковать надо было именно программу новой организации, а не статью мало известных широкому читателю авторов, которая затерялась бы в потоке публикаций. Поговорив с Коротичем, мы отнесли текст нашим знакомым в журнале и сообща выработали версию: главный редактор согласен с идеями, изложенными в материале, но хотел бы изменить его жанр, авторы же затрудняются это сделать. Не знаю, кого наша версия убедила, но вскоре «Огонек» платформу напечатал. Так «Демократическая Россия» и ее программа впервые заявили о себе в издании, тираж которого в то время достигал 4,6 млн экземпляров. Платформа эта в обобщенном, освобожденном от крайностей и завихрений (которых уже немало было в нашем юном движении) виде выразила подход российских демократов к ситуации, как она складывалась к началу 1990 г. Она сконцентрировала то, что носилось в воздухе, к чему — каждый своим путем — приходили многие кандидаты. Уже после выборов депутат из Приморья Юрий Сергеев, геолог по профессии, рассказал мне: «Несколько недель я провел в экспедициях, где не было ни газет, ни радио. Вернулся во Вла-

здесь о политической публицистике, об этом разговор особый, но главную опасность, по-моему, здесь представляют не старые мумифицированные догмы, а быстро прорастающие новые мифы ложного сознания).

Спор, который восходит к давнему диспуту, скажем, «Нового мира» Твардовского и «Октября» Кочетова в 1960-е годы, — сегодня, по-моему, периферия нашей духовной жизни. Главное и наиболее интересное здесь — это «спор честных», нечто сродни разладу между умонастроениями Карамзина и декабристов⁶⁷. Мы и прошлое-то свое знаем плохо, а всякая попытка перейти от знания к «пред-узанию» будущего неизбежно будет порождать разные, подчас диаметрально противоположные подходы, и это не только неизбежно, но и хорошо.

Видимо, Вы не случайно вспомнили Кассандру. Ее не понимают, ей не верят не потому, что над нею тяготеет проклятие Аполлона, а потому, что человеческой природе, наверное, органична вера, надежда на хороший исход. Как некогда это выразил Б. Брехт: «Плохой конец заранее отброшен, он должен, должен, должен быть хорошим!» (Замечу в скобках, что поэтому, в частности, я решительно не приемлю идею И. Шафаревича, что социализм — это выражение извечной тяги человечества к самоуничтожению, хотя я вовсе не являюсь безусловным приверженцем социалистической доктрины и лишь пытаюсь объективно оценить то позитивное, что она принесла.) На исходе XX века мы, может быть, обязаны вслушаться в прорицания Кассандры больше, чем человечество было расположено к тому когда-либо в прошлом, ибо трагический разворот событий, о которых так подробно пишете Вы, и к чему немало мог бы добавить я, вполне вероятен. Могу даже сказать больше: всего лишь год назад я был бóльшим оптимистом, чем сейчас.

Но при всем том я, как и М. Я. Гефтер, — альтернативист. Я не знаю и думаю, что это в принципе невозможно узнать заранее, сколько шансов на стороне оптимистической гипотезы. Этим летом я впервые побывал по ту сторону берлинской сте-

ны, во Франции. Вопрос, который чаще других задавали мои собеседники там, звучал примерно так: верите ли Вы в успех перестройки? Я понимал, что это главный вопрос для всех, кто интеллектуально вовлечен в наши проблемы, хотя и стоит от них поодаль, но решительно отказывался отвечать на него в такой формулировке. Ибо для меня (думаю, что и для Вас) он стоит иначе: что зависит от каждого из нас, что можно сделать, чтобы перестройка вывела нас к иной, лучшей жизни, чтобы повысить ее шансы.

Вы мягко упрекнули меня в том, что в моем тексте присутствуют «чистой воды идеологемы»: перестройка, реальный социализм. Могу принять Ваш ригоризм, даже согласиться с тем, что обороты, которые я кое-где употребил, открывают возможность двусмысленных толкований. Мне кажется, однако, что если мы договоримся о смысле и содержании понятий, лучше называть общественные явления и процессы так, как они сами — в лице действующих сил — себя именуют.

Итак, в чем же заключаются позитивные потенции того процесса, который получил название перестройки и успех которого, в моем понимании, означал бы не возвращение к исходной, предоктябрьской точке, поворотный характер которой в российской истории мы с Вами, видимо, оцениваем одинаково, — такой возврат, конечно, невозможен после того, что стряслось у нас и вокруг нас за истекшие десятилетия, — но выход по иной, неизведанной пока траектории на столбовую дорогу мировой, то есть по преимуществу, хотя и не исключительно, европейской цивилизации? Эту цель очень четко обрисовал Л. Баткин⁶⁸. <...>

Вы, эскизно намечая три логически мыслимых сценария развития событий: революцию, реформу и военный переворот, если я правильно Вас понял, скептически оцениваете возможность благоприятного для нашего общества исхода, воздействия на его судьбу разумной воли, раз «выбор был сделан вчера». Хочу быть правильно понятым: я вовсе не противопоставляю Ва-

шему тезису: «А есть Б» обратный тезис: «А не есть Б». Может быть, история распорядится так, как утверждает Ваша Кассандра, — и тогда наш обмен мнениями потеряет смысл, хотя бы за физическим исчезновением субъектов этого обмена, а заодно и всех, кто мог бы к нему прислушаться. Но пока это не произошло, нравственный императив требует работать — кто как и сколько может и умеет — на иную альтернативу. Согласен с Вами: времени в обрез и оно как шагреневая кожа, катастрофически сжимается. Но вспоминается мне символический финал фантастического фильма С. Креймера начала 1960-х годов «На берегу»: ветер несет по обезлюдевшим улицам переживших атомную трагедию городов плакаты вчерашнего дня: «Есть еще время, люди!». Призыв, обращенный не к героям картины, а к тем, кто в зале⁶⁹.

В чем мне видится альтернатива, я, наверное, достаточно ясно выразил и в том выступлении, которое привлекло Ваше внимание, и в этом письме. Как идти к ней — вопрос более сложный. <...> Какие проблемы встанут перед будущей российской демократией (строим, который, как Вы верно говорите, вовсе не беспроblemен), если мы до нее добредем или к ней прорвемся, увольте, об этом я рассуждать не готов. Это проблемы, которые встанут в лучшем случае во второй половине следующего века, когда многократно изменится весь контекст окружающего нас и существующего в нас мира. Убежден, что здесь есть поле для провидения фантастов уровня Уэллса, Оруэлла или Бредбери, но нет места для научного анализа. Ближайшие же десятилетия, если им суждено состояться (что, конечно, не детерминировано), станут либо сползанием к катастрофе, либо трудным, возможно, мучительно трудным процессом перехода нашего общества к универсальным ценностям — извините за тривиальность — рынка, высокого массового потребления материальных и духовных благ, гражданского общества, демократического политического устройства, правового государства.

Вы отказываетесь видеть в нашей повседневности силы, которые поведут наше общество по этому пути. Обстоятельства подтолкнули меня к активному участию в весенней избирательной кампании и некоторых последовавших за нею событиях. Быть может, поэтому я смотрю на вещи с иного наблюдательного пункта. Ничуть не переоценивая современный уровень низкой инициативы, не идеализируя действия «верхушки», я все же не склонен разделить Ваше убеждение, что «народ безмолвствует» или лишь «создает заметный и хаотичный фон озабоченности», а «власть действует по нормальным рецептам всех нормальных деспотий». По-моему, дело обстоит значительно сложнее и несколько перспективнее.

Впрочем, готов к игре и на Вашем поле. Очень яркие воспоминания храню о сентябрьских, очень солнечных, теплых днях 1986 г. на Дальнем Востоке⁷⁰. Еще и слово-то «перестройка» не очень в ходу, еще не прошел Январский пленум 1987 г., еще надеялись решить экономические проблемы под девизом «ускорения» и простой переброски капиталовложений, еще не вышло на экраны «Покаяние», а Сахаров — еще в нижегородской ссылке. Вот в эти-то дни довелось мне проехать всю Колымскую трассу от Магадана до Синегорья и Ягодного и пролететь до Эгвекино-та и дальше в Чукотскую тундру. Побывал я и в Анадыре: несколько дней читал лекции геологам, дорожникам, строителям, докерам на правом берегу и нелетные сутки провел в неуютной громадине аэропорта — на левом. Жалею, что не был тогда знаком, не встретился с Вами. Но именно тогда и на самих лекциях, и в разговорах бесконечной продолжительности после них с очень разными людьми крепла убежденность: на этот раз дело пойдет, *ça ira!*

Вы ведь ничуть не меньше меня хотите этого?!

Желаю Вам всего самого доброго. <...> В. Л. Шейнис

Ответ Митрошилова пришел через три года. Мой корреспондент сообщал, что перебрался с Чукотки в Европейскую Россию.

Он прислал мне большой текст, озаглавленный «Разум и гомеостазис вида с самоназванием *Homo sapiens*». В нем автор делился самыми глубокими своими размышлениями об истории, свободе, демократии, культуре и уходил от злобы дня. Это, видимо, было не случайно. В приложенном к этому письму тексте он писал: «Не могу не поделиться тягостным впечатлением: 5—10 высокообразованных, глубоко порядочных интеллектуалов среди сотен — скажем — нескольких иных людей... Вас не удручает (иногда) сходное переживание? Или все нормально? Все, как всегда — по бессмертной формуле: много званых, да мало избранных? Так ли? И так же ли прочна “убежденность: на этот раз дело пойдет, ça ira?”»⁷¹.

Во всяком случае, в 1992 г. от опьянения идущими и ожидаемыми переменами осталось мало, но я не был готов к столь пессимистическому восприятию хода событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этом я согласен с Александром Яковлевым. См.: *Яковлев А. Омут памяти.* — М., 2000. — С. 454.

² В 1989 г. А. Алексеев отметил, что некоторые формулировки методики, на основе которой проводился опрос «Ожидаете ли Вы перемен?» и которая за пять лет до этого была квалифицирована партийными органами как политически вредная, теперь почти дословно совпадала с официальными партийными документами (см.: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х годов). — Кн. 2. — М., 1991. — С. 261).

³ Это было не только мое впечатление. А. Черняев писал, что поездка на Дальний Восток летом 1986 г. принесла Горбачеву скорее разочарование: он «...почувствовал, что люди ждут больших и быстрых перемен, исполнены энтузиазма. Но ни они — и что особенно огорчительно, — ни начальство на разных уровнях не умеют, не знают, а то и не хотят ничего делать по-новому» (*Черняев А. Шесть лет с Горбачевым.* — М., 1993. — С. 91).

⁴ Большая статья, выдержки из которой я воспроизвожу ниже, была опубликована в сборнике «Постижение» (М., 1989). В ее основе — доклад, сделанный на одной из памятных «перестроечных» конференций в Академгородке Новосибирска в апреле 1988 г.

⁵ *Андреева Н.* Не могу поступаться принципами // Сов. Россия. — 1988. — 13 марта.

⁶ Правда. — 1988. — 17 дек.

⁷ Правда. — 1988. — 10 нояб.

⁸ Известия. — 1989. — 3 янв.

⁹ *Бродский И.* На смерть Жукова // Избр. стихотворения. 1957—1992. — М., 1994. — С. 274.

¹⁰ XIX Всесоюзная конференция КПСС: Стенографический отчет. — Т. 2. — М., 1988. — С. 85. См. также: *Лигачев Е. К.* Загадка Горбачева. — Новосибирск, 1992. — С. 42—68.

¹¹ *Яковлев А.* Указ. соч. — С. 442—444; *Громыко А.* Андрей Громыко: В лабиринтах Кремля. — М., 1997. — С. 82 — 100; *Медведев В.* В команде Горбачева: Взгляд изнутри. — М., 1994. — С. 25—26.

¹² *Грачев А.* Горбачев. — М., 2001. — С. 443.

¹³ «Придя на пост генерального секретаря ЦК КПСС. — писал позднее Горбачев, — я обладал властью, сравнимой с той, что была у абсолютных монархов» (*Горбачев М.* Жизнь и реформы. — Кн. 2. — М., 1995. — С. 626.

¹⁴ Вечер. Москва. — 2001. — 11 июля.

¹⁵ М. Горбачев сказал это на встрече с лидером аргентинской компартии А. Фавой (Правда. — 1987. — 4 марта).

¹⁶ Коммунист. — 1985. — № 5. — С. 6—7.

¹⁷ *Brown A.* The Gorbachev Factor. — Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. — P. 309.

¹⁸ *McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachev to Putin. — Ithaka; London, 2001. — P. 56—61.

¹⁹ К первым я отношу новогодние обращения Горбачева и Рейгана по советскому и американскому телевидению 31 декабря 1985 г. и минуту молчания в память о социал-демократе Улофе Пальме на XXVII съезде партии, ко вторым — решение об уходе из Афганистана, изменение позиции, открывшее дорогу соглашению по средним ракетам и др.

²⁰ *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 2. — С. 32.

²¹ *Черняев А.* Указ. соч. — С. 110.

²² *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 2. — С. 474—476; *Грачев А.* Указ. соч. — С. 298.

²³ Вехами в осознании тупиков государственно-монополистической системы «социалистического хозяйства» стали статьи В. Селюнина и Г. Ханина «Лукавая цифра», Н. Шмелева «Авансы и долги» (Новый мир. — 1987. — № 2, 6), рецензии Г. Попова, который ввел понятие «административно-командная система» (Наука и жизнь. — 1987. — № 4; Там же. — 1988. — № 3), статья О. Лациса «Перелом» (Знамя. — 1988. — № 6), спор Л. Пяшевой (Попковой) и О. Лациса (Новый мир. — 1987. — № 5, 7), сборник статей «Иного не дано», открывший серию «Перестройка: гласность, демократия, социализм» (М.: Прогресс, 1988), и др.

²⁴ Рыжков Н. Десять лет великих потрясений. — М., 1995. — С. 195.

²⁵ По официальным данным, к концу 1987 г. индивидуальной трудовой деятельностью в СССР занимались 400 тыс. человек (Известия. — 1987. — 27 окт.), а в теневой экономике — гораздо больше.

²⁶ Народное хозяйство СССР в 1989 г. — М., 1990. — С. 68.

²⁷ Запись выступления Я. Корнаи в ИМЭМО РАН. 31. 03.1989. — Архив автора.

²⁸ Еще в 1983 г. Т. Заславская, выступая на научном семинаре со знаменитым «Новосибирским манифестом», убедительно показала, что общественные отношения в народном хозяйстве сковывают развитие производительных сил, а социально-экономическое поведение трудящихся не имеет ничего общего с его изображением в официальных документах и потому социальный механизм экономического развития нуждается в коренной перестройке. Препринт доклада попал в самиздат и был опубликован на Западе. Партийные инстанции ответили привычным образом — «проработкой» автора. См.: О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. — М., 2002. — С. 18—40.

²⁹ Аналогичным образом действовал Сталин в 1944—1945 гг., передавая часть Трансильвании, где преобладало венгерское население, Румынии, ранее Венгрии вышедшей из войны.

³⁰ Моя статья «Мир в доме» (Век XX и мир. — 1988. — № 10) была одной из первых публикаций в центральной печати о карабахском конфликте. В 1989 и 1990 гг. я излагал эту позицию на съездах Армянского общенационального движения в Ереване.

³¹ Только в центре, без национальных республик.

³² Волков Л. Б. Рычаг Архимеда. — [Рукопись]. — Архив автора.

³³ Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 2. — С. 239—241.

³⁴ Попов Г. Снова в оппозиции. — М., 1994. — С. 52.

³⁵ Ленину хватило объективности признать, что «октябрьский эпизод», т. е. выступление в непартийной печати в 1917 г. Зиновьева и Каменева, разошедшихся по главному политическому вопросу с позицией большинства, «мало может быть ставим им в вину лично» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 345). На такое руководство КПСС в 1987 г. способно не было.

³⁶ Мне показали одно из ее писем в редакции газеты «Советская культура» в 1988 г.

³⁷ Подробно все обстоятельства, связанные с реакцией в высшем партийном руководстве и ответом на эту статью изложены в мемуарах М. Горбачева, А. Яковлева, В. Медведева (см.: Горбачев М. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 381—386; Яковлев А. Указ. соч. — С. 274—277; Медведев В. Прозрение, миф или предательство? — М., 1998. — С. 22. Иную версию см.: Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. — С. 126—137).

³⁸ См. статью «Принципы перестройки: Революционность мышления и действия» (Правда. — 1988. — 5 апр.). Справедливости ради следует сказать, что статья в «Правде» тоже была документом своего времени. В меру компромиссная, она защищала «социализм» от его не в меру ревностных поклонников. Кроме того, рассказывает А. Яковлев, в политбюро договорились, что статья не должна выходить за пределы поднятых в «Советской России» вопросов.

³⁹ По версии Лигачева, на совещании редакторов центральных изданий он лишь посоветовал прочесть статью, в которой его привлекло «неприятие сплошного очернительства, безоглядного охаивания прошлого». Но по сообщению одного из редакторов, приглашенных на совещание, Лигачев объяснил участникам совещания, что статья в «Советской России» выражает позицию партии.

⁴⁰ Позднее стало известно, что задержка с ответом была связана сначала с отсутствием в стране Яковлева и Горбачева, потом — с двухдневным обсуждением в политбюро и изготовлением ответа. А до того приученные к «идеологической дисциплине» редакторы выжидали команду сверху, подтверждающую или отменяющую данную чуть раньше.

⁴¹ Тем же летом состоялась встреча Горбачева с 30 писателями. Как рассказывает А. Черняев, когда откровенный сталинист и черносотенец Анатолий Иванов потребовал издать разгромное партийное постановление о литературе на манер 1946 г., «...видно было, как у Горбачева, что называется, “отвисла челюсть”». Но отреагировал он осторожно и косвенно». И лишь в личном разговоре с Черняевым после встречи Горбачев дал этому оратору выразительную характеристику: «Откуда такие берутся у нас? Это же мокрица» (см.: *Черняев А.* Указ. соч. — С. 97—98).

⁴² *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1. — С. 387. Еще четче об этом высказывается А. Черняев: «Не было бы Нины Андреевой, ее надо было бы выдумать. Пошел такой шквал антисталинизма в газетах и журналах, такая раскованность, что “до того” Лигачев и его команда этого не потерпели бы и дня» (*Черняев А.* Указ. соч. — С. 208).

⁴³ «Это тот здоровый и чистый воздух, в котором только и может жить социалистический общественный организм», — сказал Горбачев (XXVII съезд КПСС: Стенографический отчет. — Т. 1. — М., 1986. — С. 77).

⁴⁴ Правда, некоторые ораторы выразили наболевшее. Первый секретарь Кемеровского обкома КПСС Н. С. Ермаков сказал: «Нельзя терять чувство меры. Нельзя, чтобы отдельные журналисты, не имея ни опыта, ни профессиональных знаний партийной работы, давали свои субъективные оценки проведению крупных партийных мероприятий» (XXVII съезд КПСС: Стенографический отчет. — Т. 2. — С. 119—120).

⁴⁵ *Яковлев А.* Указ. соч. — С. 321.

⁴⁶ XXVI съезд КПСС: Стенографический отчет. — Т. 2. — М., 1981. — С. 244; XXVII съезд КПСС: Стенографический отчет. — Т. 2. — М., 1986. — С. 316.

⁴⁷ Всего на XXVII съезде было избрано 560 человек.

⁴⁸ *Черняев А.* Указ. соч. — С. 63.

⁴⁹ *Ельцин Б.* Исповедь на заданную тему. — Свердловск, 1990. С. 189—210.

⁵⁰ XIX конференция КПСС: Стенографический отчет. — Т. 1. — М., 1988. — С. 75.

⁵¹ *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1. — С. 387.

⁵² На это постоянно обращал его внимание Черняев и, возможно, другие советники. Позиция Черняева документирована в его многочисленных письменных обращениях к шефу, которые он приводит в своих книгах. Никто из других членов команды Горбачева не был столь откровенен, но, судя по некоторым их высказываниям, и они не могли утаить от шефа свои сомнения и оценки (*Черняев А.* Указ. соч.; *Он же.* 1991 год. Дневник помощника президента СССР. — М., 1997).

⁵³ *Безансон А.* Русское прошлое и советское настоящее. — Лондон, 1984. — С. 84.

⁵⁴ Неформальная Россия. О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР (Опыт справочника). — М., 1990. — С. 32.

⁵⁵ *Медведев В.* Прозрение, миф или предательство? — С. 137, 296. Автор допускает неточность, утверждая, будто доступ на заседания МТ был ограничен. Я участвовал во всех заседаниях МТ и могу засвидетельствовать, что двери ее были открыты для каждого.

⁵⁶ В республиках должны действовать самостоятельные общества, а не отделения, настаивали делегаты от Украины и Белоруссии.

⁵⁷ Не дадите зал — соберемся на квартирах, сказал Сахаров на встрече в ЦК КПСС.

⁵⁸ Правда, из этого ряда исключили содержавшееся в первоначальном проекте осуждение социальной нетерпимости. Против запрета на разжигание социальной розни вскоре станут яростно бороться коммунисты.

⁵⁹ *Медведев В.* Прозрение, миф или предательство. — С. 133—136; Ведомости «Мемориала». К учредительной конференции. Январь 1989; записи на Подготовительной конференции. 29—30.10.1988, Конференции московской организации 14.01.1989 и Учредительной конференции «Мемориала» 28.01.1989; проекты устава «Мемориала» с поправками, принятыми на Учредительной конференции. — Архив автора.

⁶⁰ Зал цепенел, когда со сцены Ленинградского театра комедии в спектакле, поставленном Николаем Акимовым еще в 60-х годах, Дракон перед своей гибелью объяснял Ланцелоту, кто унаследует его власть: «Я же их, любезный мой, лично покалечил. Как требуется, так и покалечил... Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души... Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души...» (*Шварц Е.* Пьесы. — М.; Л., 1962. — С. 342). Не приходится удивляться, что столь выразитель-

но описанные «души» из Ленинградского обкома КПСС закрыли спектакль после нескольких представлений.

⁶¹ *Медаев В.* В команде Горбачева... — С. 233, 235. Резче пишет об этом А. Яковлев: «Вокруг экономики царствовала болтовня» (*Яковлев А.* Указ. соч. — С. 452).

⁶² Имя и фамилия изменены здесь в соответствии с пожеланием автора.

⁶³ XX век: Альтернативы развития (Материалы «круглого стола») // Рабочий класс и современный мир. — 1989. — № 1. — С. 60—71; № 2. — С. 77—96. См. также: *Гефтер М. Я.* Из тех и этих лет. — М., 1991; *Соколов Н.* Еретик на исходе классического смысла // Время МН. — 1998. — 24 авг.

⁶⁴ Рабочий класс и современный мир. — 1989. — № 2. — С. 85—88. Текст приводится с небольшим сокращением. Фрагменты, исключенные редакцией, воспроизводятся по оригинальному тексту моего выступления и набраны курсивом.

⁶⁵ В. И. Митрошилов — В. Л. Шейнису. 23.05.1989. Приводится с некоторыми сокращениями. — Архив автора.

⁶⁶ В. Л. Шейнис — В. И. Митрошилову. 27.08.1989. Приводится с некоторыми сокращениями. — Архив автора.

⁶⁷ Воспроизводится мысль Н. Эйдельмана.

⁶⁸ В письме ссылка на статью Л. Баткина «Стать Европой» (Век XX и мир. — 1988. — № 8).

⁶⁹ Фильм Стенли Креймера «На берегу» («On the Beach»), 1959. Советская печать откликнулась на его появление, но в прокат он тогда допущен не был. На российском ТВ демонстрировался в 2003 г.

⁷⁰ В 1986 г. я начал читать лекции о перестройке по линии общества «Знание». Это были запомнившиеся встречи с пробудившимися к политической жизни людьми.

⁷¹ В. И. Митрошилов — В. Л. Шейнису. Из письма 02.06.1992. — Архив автора.

глава 2

1989. Демократическая весна

Я знаю, от чего я бегу, но не знаю, чего ищу...

Мишель де Монтень

1989 г. был переломным. Врезавшаяся в память картина — демократический праздник, фестиваль, на котором красочные действия сменяются одно другим. Схватки избирательной борьбы, неожиданные — и тем более радостные победы. Яростные атаки демократических избранников на Съезде на тех, кто ответственен за неустроенную жизнь, за просчеты и преступления прошлого. Страна, прильнувшая к телевизорам и радиоприемникам (с портативными приемниками не расставались даже на улице, в транспорте, на работе). Казалось, никто не работал, все следили за прямой трансляцией с заседаний Съезда и Верховного Совета. Так выглядели события внешне.

Менее однозначными были глубинные сдвиги. Не только идеологически и политически, но и организационно заявили о себе различные течения, выделившиеся из перестроечного потока. Стало очевидно, что меж ними — не второстепенные различия, а антагонизм. Самостоятельным фактором, определявшим ситуацию в стране, начала проявлять себя социальная усталость. Шел пятый год перестройки, а материальные условия жизни большинства населения менялись — вопреки ожиданиям — к худшему. Летние забастовки шахтеров не оставили в этом ни-

каких сомнений. Изменилась и роль реформаторов в партийном руководстве: они переставали быть единственной движущей силой прогрессивных общественных процессов. Разворачивался теперь уже кризис самой перестройки

Для меня 1989 г. хронологически очерчен двумя знаковыми событиями. Начальная точка — 2 февраля, митинг протеста перед зданием Президиума Академии наук. Завершающее событие — 14 декабря, смерть Сахарова. Тяжкие, непоправимые последствия этой утраты можно оценить лишь по прошествии лет.

Я выношу здесь на суд читателей статью, написанную летом 1989 г. вместе с Аллой Назимовой, сегодняшние заметки на ее полях, вспоминаю о некоторых событиях, участником или свидетелем которых мне довелось быть, и представляю еще две публикации тех лет.

ВЗГЛЯД ИЗ 1989 года. ВЫБОРЫ И ВЛАСТЬ: ПРИДЕМ ЛИ МЫ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ ПАРЛАМЕНТУ? ¹

«Вся власть — Советам!»

Консерватизм общественного сознания часто проявляется в том, что, вступая на неизведанные исторические пути, люди одевают события в костюмы предшествующей героической

эпохи и осмысливают свои сегодняшние задачи на языке вчерашних или даже позавчерашних, не осуществившихся, но не потерявших своей привлекательности лозунгов. К. Маркс показал, как французские революционеры 1848 г. говорили на языке Великой революции 1789 г. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»², — писал он. В нашей истории 1917 г. был не менее глубоким историческим рубежом, и не случайно в процессах социального обновления, развернувшихся с середины 1980-х годов, многие теоретики, публицисты и политики увидели «возвращение к истокам», к Ленину, к предоктябрьским и октябрьским идеалам.

В их ряду — девиз «Вся власть — Советам!», который обрел как бы второе дыхание в избирательной кампании 1989 г. Нет необходимости отказываться от слов-символов, если они пустили глубокие корни в общественном сознании, но надо отдавать отчет в том, о каких политических структурах идет речь. В 1917 г., когда Советы жестко противопоставались парламентским учреждениям, быть может, еще можно было добросовестно разделять иллюзию, что Советы, органы «прямого народоправства», не признающего разделения властей, сформированные на основе всеобщего, неравного, непрямого избирательного права открытым голосованием, — высший тип демократии. Исторический опыт XX в. показал, что отличия советской системы от парламентарной в то время, когда Советы еще располагали известной властью — не всей, разумеется, таковой у них не было никогда, — во многом предопределили ее сползание к тоталитаризму.

Сегодня мы должны четко представлять, идем ли мы вперед, к одному из универсальных созданий мировой цивилизации — парламенту, хотя бы он и будет носить у нас имя, возбуждающее романтические воспоминания, или хотим создать нечто, с парламентаризмом имеющее мало общего.

Была историческая ирония в том, что когда Советы окончательно стали чисто декоративной структурой, своего рода «вокзальными пальмами», самое большое — «приводными

ремнями» и «рычагами» партии, как однажды определил их роль Сталин³, им были возвращены некоторые формальные атрибуты парламента и муниципалитетов, а система Советов — объявлена высшим типом парламентаризма. На самом деле им была отведена довольно жалкая роль. <...>

Верховный Совет не располагал ни политическими, ни юридическими механизмами, посредством которых он мог бы реализовать четыре главные функции, без которых нет парламентаризма: выявлять действительную волю избирателей, вести текущую законодательную работу, принимать решения, учитывающие баланс интересов, и осуществлять реальный контроль за их исполнением. Сегодня создание таких механизмов, несомненно, — одна из самых актуальных правотворческих задач. Следует предостеречь, однако, от широко распространившихся иллюзий своеобразного юридического фетишизма: представлений, будто бы стоит принять хорошие законы — и они сами по себе гарантируют необратимость демократических перемен.

Верховный Совет был встроен в социальную систему, в которой не столько законодательство, сколько партийно-государственная практика и общий уровень политической культуры общества предопределяли его недееспособность. Под ответственную ему роль подбирал и назначал депутатов всемогущий аппарат, оформляя свои решения посредством отработанной псевдоизбирательной процедуры. Верховный Совет не избирался — он тщательно конструировался из предварительно подогнанных кубиков.

Съезд народных депутатов в конце четвертого года перестройки избирался в совершенно иной моральной и политической атмосфере по существенно видоизменившимся «правилам игры». Дело, конечно, не в новом избирательном законе. Этот закон, заменивший прямые выборы в Верховный Совет косвенными, потеснивший равное избирательное право с помощью курриальной системы (треть депутатов Съезда посылали общественные организации, выборность от большинства которых была

мнимой), этого средневекового реликта, и воздвигший на пути свободного выдвижения кандидатов заслоны в виде произвольно комплектуемых предвыборных собраний, в некоторых отношениях был хуже предыдущего. И все же выборы в марте—мае 1989 г. стали важнейшим политическим событием с начала перестройки, а возможно, и в более протяженном историческом диапазоне. Перипетии избирательной кампании, стремительное развертывание «низовой» общественной инициативы, яростные контратаки консервативно-охранительных сил — все это довольно подробно освещено в печати. Тем острее потребность понять смысл происшедших изменений и оценить перспективы дальнейшего развития.

Выборы, как и последовавший за ними Съезд народных депутатов, вызвали острое чувство неудовлетворенности, несбывшихся надежд и опасений во всех слоях общества. Они не дали достаточно свободной возможности выбора: слишком жестко и безошибочно во многих местах работали фильтрующие устройства, слишком часто и откровенно производились законные, полузаконные и вовсе незаконные корректировки избирательных процедур, протезировавшие «угодных» и ущемлявшие «неугодных» кандидатов, слишком несовершенен сам избирательный закон, сохраняющий (а в чем-то и усиливающий) возможности исполнительной власти и назначенных ею в избирательные комиссии лиц регулировать процесс выборов на всех стадиях, — такова была более или менее единодушная оценка тех, кто настаивал на более последовательном и решительном проведении курса перестройки.

Но еще более острой была реакция партийно-государственного аппарата и близких к нему кругов. В начале апреля, между первым и вторым турами выборов собрался совместный пленум ленинградских обкома и горкома партии. Справедливо констатировав, что «закончился период политического комфорта», большинство ораторов расценили результаты выборов как «ужасные»: «основной удар был направлен на партию», выяви-

лось «реальное лицо консолидирующегося политического противника», возникла угроза, что «придут другие люди, не исключена возможность, плохо владеющие марксистско-ленинскими идеалами». Признав, что «малоподвижный аппарат», ждавший указаний сверху, проигрывал неформалам в ходе избирательной кампании, и посетовав, «что за 150—200 рублей выходить в массы, особенно сейчас, — надо иметь очень высокое сознание», участники пленума недвусмысленно выразили свое понимание ситуации: «Вещи надо называть своими именами: идет борьба за политическую власть»⁴.

В Ленинграде была произведена пристрелка. На драматическом Пленуме ЦК 25 апреля 1989 г. многие члены ЦК, в том числе оставшиеся в нем и подавшие в отставку, секретари обкомов, обеспечившие себе депутатские мандаты и потерпевшие поражение в избирательной борьбе, повели фронтальную атаку на средства массовой информации, «провоцирующие дестабилизацию и слухи» и договаривающиеся «почти до ревизии марксистско-ленинского учения» (В. И. Мельников), на неформалов, «слишком вольно толкующих понятия «демократизация» и «гласность» (В. К. Месяц), на «определенные силы», которые «задались целью потеснить, а при возможности лишить нашу партию ее руководящей роли... вбить клин между партией и народом» (А.-Р. Х. Везиров), на «нарастающее давление извне», которое испытывает телевидение со стороны тех, кто использует «любую возможность для протаскивания своих особых взглядов, мнений, часто нездоровых и тенденциозных» (А. Н. Аксенов).

Обвинения, однако, были брошены не только «идеологическим диверсантам», угрожающим «привить нашим людям своего рода идеологический СПИД» (А.-Р. Х. Везиров). Счет был предъявлен — настолько открыто, насколько это могли себе позволить люди, много лет делавшие карьеру в условиях жесткой субординации, — высшему политическому руководству. Весьма прозрачно прозвучал в устах В. Т. Сайкина намек на тех, кто «готовы ради “демократической” идеи поступиться и самой Со-

ветской властью, и ленинской партией», и уж совсем впрямую высказали осуждение секретарям ЦК, ведающим идеологией, А. Г. Мельников и Р. С. Бобовиков. Участники Пленума потребовали не отступать перед общественным давлением и ни в коем случае не допускать «выхолащивания сути» известного Указа Президиума Верховного Совета от 9 апреля 1989 г. о государственных преступлениях, чуть позже существенно видоизмененного все же Верховным Советом (В. К. Месяц, Р. С. Бобовиков), а А. П. Мясников прямо подвел своих политических оппонентов под формулировку этого Указа: «оголтелое критиканство с целью дискредитации партийных и государственных органов»⁵.

Апрельский Пленум выявил не только оценку, которую дал выборам партийный аппарат, но и пределы его влияния на высшее политическое руководство. Во-первых, никаких решений, которые зафиксировали бы пожелания большинства ораторов как позицию ЦК, принято не было, а заключительное слово М. С. Горбачева, которое по традиции можно было считать установочным документом Пленума, было выдержано в совершенно иных, достаточно спокойных тонах. В нем была решительно отклонена «ностальгия по авторитарным методам». Во-вторых, неожиданно для многих ораторов, предназначавших свои излияния для узкого круга, их речи, вопреки установившейся практике, были преданы гласности. В-третьих, была успешно проведена беспрецедентная операция удаления из состава высших партийных органов 110 пенсионеров, многие из которых едва ли испытывают особые симпатии к переменам, но откликнулись на «инициативу» коллективной отставки вполне в духе принятого в партии равнения на явно или неявно выраженные пожелания «верха». Это не изменило радикально соотношения сил в ЦК, но, вероятно, несколько укрепило позиции возглавляемой М. С. Горбачевым группы реформаторов в высшем руководстве.

Исход Пленума был крайне важен для дальнейшего развития событий, для самого созыва Съезда народных депутатов, до которого оставался еще целый месяц. Были ли беспочвенны опасения,

что достаточно влиятельные силы могли бы, будь их власть, поступить со Съездом так же, как их предшественники обошлись с XIV съездом КПЧ, назначенным на сентябрь 1968 г.? В какой мере действительные результаты выборов оправдывали страх консервативной части руководства перед разноликостью общественной инициативой, проявившейся в избирательной кампании? Кто был избран на Съезд народных депутатов, когда принципы разрядки если и не перестали действовать, то были существенно ослаблены?

НОВЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ

Чтобы ответить на этот вопрос, начнем с сопоставления социально-профессиональной структуры Съезда народных депутатов и предшествующего Верховного Совета. В табл. 2 сведены несколько перегруппированные данные Ю. Буртина, относящиеся к 1984 г.⁶, и наши подсчеты по 2250 депутатам, избранным в марте—мае 1989 г. по территориальным, национально-территориальным округам и по спискам общественных организаций.

Таблица 2. Социально-профессиональный состав Верховного Совета СССР (1984 г.) и Съезда народных депутатов СССР (1989 г.)

Социально-профессиональная группа	Число депутатов		%	
	1984	1989	1984	1989
1. Высшее политическое руководство	23	15	1,5	0,7
2. Верхний эшелон управления	450	339	30,0	15,1
В том числе: первые и вторые секретари обкомов, крайкомов, горкомов КПСС крупных городов	181	162	12,1	7,2

Продолжение табл. 2

Социально-профессиональная группа	Число депутатов		%	
	1984	1989	1984	1989
ответственные работники ЦК КПСС	19	14	1,3	0,6
руководители Верховных Советов СССР и союзных республик	26	14	1,7	0,6
министры СССР и их заместители	90	1	6,0	0,04
председатели советов министров союзных и автономных республик	27	43	1,8	1,9
высшие военачальники (заместители министра обороны, командующие округами и группами войск)	53	38	3,5	1,7
высшие руководители КГБ (заместители председателя союзного и председатели республиканских КГБ)	16	10	1,1	0,5
высшие профсоюзные руководители	15	18	1,0	0,8
высшие руководители академий наук**	18	37	1,1	1,6
3. Средний эшелон управления*	149	483	10,0	21,5
В том числе:				
секретари горкомов КПСС средних и малых городов, зав. отделами обкомов и горкомов ГК КПСС, секретари РК КПСС	...	39	...	1,7
директора и главные специалисты промышленных предприятий	...	120	...	5,3
директора институтов АН СССР, директора отраслевых НИИ и КБ, ректоры университетов и других вузов	...	95	...	4,2
председатели и другие ответственные работники творческих организаций на республиканском уровне	...	59	...	2,6

Продолжение табл. 2

Социально-профессиональная группа	Число депутатов		%	
	1984	1989	1984	1989
4. Нижний эшелон управления***	99	626	6,6	27,8
В том числе:				
председатели колхозов	56	120	3,7	5,3
директора совхозов	9	51	0,6	2,3
ИТОГО (1 + 2 + 3 + 4)	721	1463	48,1	65,1
5. Рабочие, колхозники, служащие-неспециалисты	688	496	45,9	22,0
В том числе:				
индустриальные рабочие	364	312	24,3	13,9
рабочие совхозов****	150	76	10,0	3,4
колхозники****	159	100	10,6	4,5
служащие	15	8	1,0	0,4
6. Работники высококвалифицированного умственного труда***	90	221	6,0	9,8
В том числе:				
инженеры и техники	5	31	0,3	1,4
врачи***	15	9	1,0	0,4
учителя***	15	40	1,0	1,8
научные работники, художники, писатели, журналисты и т. п.	27	137	1,8	6,1
7. Прочие	...	70	...	3,1
ВСЕГО	1499	2250	100,0	100,0

* 1984 г. — наша оценка (Ю. Буртин данные по депутатам, отнесенным к верхнему и среднему эшелонам управления, представил в нерасчленном виде).

** 1984 г. — неполные данные.

*** Данные за 1984 и 1989 гг. не вполне сопоставимы, так как Ю. Буртин директоров школ включил в число учителей, а руководителей медицинских учреждений и их подразделений отнес к врачам. Соответствующий пересчет уменьшает численность нижнего эшелона власти в 1989 г. на 128 человек (до 22,1%) и увеличивает число врачей до 79 (3,5%), учителей — до 73 (3,2%) и в целом число депутатов-работников высококвалифицированного умственного труда — до 349 (15,5%).

**** Из числа колхозников и рабочих совхозов в 1989 г. особо выделены работники, занятые в арендных и подрядных коллективах (см. раздел «Прочие»). К этой группе отнесены также занятые в кооперативных и государственно-кооперативных предприятиях.

Примечание

В данной таблице скомбинированы данные таблиц 1 и 2 нашей статьи. 1984 г. — за основу взяты расчеты Ю. Буртина (Известия. — 1988. — 28 апр.); 1989 г. — наш подсчет. Распределение депутатов СНД СССР по выделенным социально-профессиональным группам дано по состоянию на момент выборов (Известия. — 1989. — 5 и 24 апр.).

Как показано в табл. 2, на Съезде по сравнению с прежним Верховным Советом несколько сократилось в соответствии с законом, отстраняющим членов правительства от участия в законодательном органе, представительство высшего политического руководства — членов и кандидатов политбюро и секретарей ЦК. Это, однако, не имеет сколько-нибудь существенного значения, ибо влияние данной группы, в том числе и в высшем государственном органе, определяется не ее численностью, а особым местом во всей общественно-политической жизни страны. Она, несомненно, обладает значительной автономией по отношению ко всем остальным политическим институтам (в том числе и Пленуму ЦК партии) и принимает все главные политические решения, в большей или (в недавнем прошлом) меньшей мере образуясь с обстановкой, но практически всегда обладая уверенностью, что ее решения, какими бы они ни были, будут легити-

мизированы надлежащими инстанциями и станут, опять же с большей или меньшей эффективностью, проводиться в жизнь. Так было до сих пор. Так, скажу, чуть забегаая вперед, остается и поныне.

Даже при беглом взгляде на таблицу обращает на себя внимание, что представительство верхнего и среднего эшелонов управления на относительно состязательных выборах 1989 г. в абсолютном выражении существенно увеличилось, а их совместная доля не очень заметно сократилась по сравнению с 1984 г. Но все же колоссальный сдвиг произошел. Ведь одна только принадлежность к верхнему эшелону гарантировала в прошлом депутатское кресло. В полном составе в Верховный Совет входили главные местные партийные руководители и руководители аппарата ЦК партии, практически все союзные министры, главы правительств союзных республик и т. д. <...>

На выборах 1989 г. лица, занимавшие высшие должности некоторых категорий, получали, как правило, режим наибольшего благоприятствования со стороны избирательных комиссий и местных властей. Достаточно сказать, что из 191 секретаря ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, выступавших на выборах, только 65 имели конкурентов. Это, однако, ни в коем случае не давало гарантии выдвижения и избрания. <...> Нетрудно заметить, однако, что общее представительство партийных руководителей республиканского, краевого и областного уровня на Съезде по сравнению с Верховным Советом 1984 г. сократилось незначительно и их группа — одна из самых многочисленных. Несмотря на неприятные неожиданности депутатами Съезда стало подавляющее большинство соответствующих кандидатов.

Законодательство различных стран по-разному решает вопрос о допустимости сохранения парламентских мандатов за министрами. В наших условиях, когда вопрос о разделении законодательной и исполнительной власти стоит с чрезвычайной остротой, исключение министров из органа власти, который

в идеале должен осуществлять эффективный контроль над правительством, — шаг вперед. <...> Большинство министров устарело из органа, который должен контролировать их деятельность.

По традиции и в ЦК, и в Верховном Совете издавна были внушительно представлены своей верхней иерархией армия и КГБ. На Съезде народных депутатов число военачальников высокого ранга по сравнению с предыдущим составом Верховного Совета несколько сократилось. <...> Что же касается КГБ, то в отличие от прежнего он не представлен в высшем органе власти ни одним работником центрального аппарата. <...>

На Съезде народных депутатов в неизмеримо большей пропорции, чем прежде, представлены средний и нижний эшелоны управления. <...> Хотя их назначение или утверждение на служебном посту производилось в большинстве случаев по правилам номенклатуры, кандидатами в депутаты они были выдвинуты не по должности или, во всяком случае, не главным образом по должности, ибо отбор производился из достаточно широкого круга потенциальных претендентов. Для избирательной победы некоторых из них партийный и государственный аппарат приложил немалые и нескрываемые усилия (характерные примеры — директор ЗИЛа Е. А. Браков, потерпевший поражение в борьбе с Б. Н. Ельциным, и директор часового завода А. С. Самсонов, выигравший мандат в результате, как было сказано на Съезде, грубых нарушений Положения о выборах). Но в составе этой группы немало людей, заявивших себя решительными сторонниками углубления демократической ориентации перестройки и получивших внушительную поддержку «снизу». В их числе, в частности, были ректор Московского авиационного института Ю. А. Рыжов, открывавший Всесоюзную учредительную конференцию «Мемориала», главный редактор журнала «Нева» Б. Н. Никольский, против которого яростную кампанию вели, с одной стороны, активисты экстре-

мистского крыла «Памяти», а с другой — работники партийного аппарата⁷. Были и многие другие.

Еще менее predeterminedены изначально были выдвижение и избрание лиц «младшего комсостава» — начальников цехов и отделов предприятий, заведующих лабораториями и кафедрами, председателей колхозов, директоров совхозов и т. д. В прежних составах Верховного Совета они (за исключением разве что колхозных руководителей) были представлены лишь символически, в каждом случае несколькими тщательно отобранными «выразителями». Ныне председатели колхозов и директора совхозов вместе с их заместителями, главными специалистами, заведующими отделениями, а также руководители агрофирм и т. д. (которых еще не было в 1984 г.) на Съезде народных депутатов образуют одну из самых многочисленных групп — 226 человек, 10% всех его членов. <...>

Одна из самых злостных и опасных спекуляций по поводу выборов происходила вокруг сокращения, абсолютного и относительного, депутатов-рабочих и крестьян на Съезде. «Рабочие сейчас поняли, что их обманули», — заявил на бюро Одесского обкома партии один из секретарей райкомов⁸, и это было лишь началом постыдной кампании, призванной обострить чувство социальной ущемленности рядовых трудящихся и направить его против интеллигенции, будто бы воспользовавшейся в своих интересах «свободной игрой сил» на выборах.

Верховный Совет 1984 г., как и предшествующих созывов, был основательно поляризован, крен в пользу поголовно представленной «номенклатуры» выправлялся столь же резким креном, «благоприятствовавшим» (разумеется, лишь чисто номинально) рядовым рабочим и крестьянам. Это относительное «вымывание» «средних слоев» подметил в свое время Ю. Буртин. Избирательный процесс 1989 г. эту конфигурацию изменил и «сверху», и «снизу». Депутатский домен номенклатурной верхушки был урезан, как мы видели, главным образом в пользу среднего управленческого эшелона. Отныне в нашем высшем го-

сударственном органе в соответствии с их возросшей социальной ролью будут играть большую роль группы, которые на Западе принято называть технократическими. Многие из них принесут туда свой полезный, хотя и ограниченный социальный опыт.

Места от рабочих, крестьян, служащих-неспециалистов, составлявших в прошлом почти половину Верховного Совета, также перераспределились. При этом почти все они перешли вовсе не к рядовым, не занимающим административных постов интеллигентам, а в нижний эшелон управления: от колхозников — к председателям колхозов, от промышленных рабочих — к начальникам цехов и участков. Но даже сократившись в числе, депутатские группы рабочих и колхозников все равно принадлежат к самым крупным на Съезде, а по удельному весу — превосходят международные стандарты, в том числе и ряда социалистических стран.

Самое же основное заключается в том, что в высшем органе власти, особенно в сложный, чреватый очень серьезными социальными потрясениями период, нужны не просто рабочие, колхозники, партийные работники, специалисты и т. д. Необходимы люди, обладающие не только житейским опытом, самостоятельной позицией, личным мужеством, но и широким, профессиональным, квалифицированным пониманием уникальной экономической и социально-политической ситуации и видением социальной перспективы, а также умением учиться. Такие люди есть, разумеется, во всех слоях общества, но нет ничего удивительного, что среди интеллигенции, в особенности научной и творческой, они оказались наиболее заметны и, так сказать, общественно проверены первыми годами перестройки. Собственно, интеллигенция и должна выдвигать лидеров, выражающих общественные, а не одни лишь ее частные интересы. Таков закон любого общества, если только оно социально, интеллектуально и морально не деформировано до предела. <...>

Продвижение рядовых специалистов, в особенности научной и творческой интеллигенции — один из самых заметных фе-

номенов состоявшихся выборов. Это видно из табл. 2. Но если учесть, что общественно-политические позиции внутри данной группы далеко не всегда коррелируют со статусом, а границы между учеными и творческими работниками, не занимающими административных постов, и низшими и средними администраторами — руководителями кафедр, лабораторий, институтов, театров и т. д. — весьма условны и подвижны, немалый интерес представляют суммарные показатели, охватывающие представительство всей данной социально-профессиональной группы (исключая разве что научных менеджеров из верхнего эшелона, число которых невелико, а положение специфично). При таком подсчете общее число ученых, журналистов и творческих работников, избранных на Съезд, — 593 человека, 26,4%.

В составе Съезда появились также группы депутатов, которых прежде не было в Кремлевском дворце: священнослужители, сельские арендаторы, руководители арендных коллективов и кооперативов, пенсионеры. Новый верховный орган, безусловно, отражает социальный плюрализм нашего общества в неизмеримо большей степени, чем все предыдущие.

В новой системе власти Съезд народных депутатов наделен высшими полномочиями. Рядом с ним поставлен Верховный Совет, подчиненный Съезду, но способный оказывать более устойчивое, постоянное и оперативное влияние на государственную жизнь. Еще в процессе обсуждения конституционных изменений эта двухэтажная конструкция подверглась серьезной критике: замена прямых выборов в Верховный Совет косвенными разорвала непосредственную связь между избирателями и депутатом, наделила часть депутатов более широкими правами и облегчила возможности вернуться к регулированию состава Совета. Не случайно накануне новых выборов во многих регионах (Украина, Белоруссия, Прибалтика и др.) под сильным давлением снизу эта двухступенчатая недемократическая система была отменена. Но в центре мы получили не избранный, а сконструированный Верховный Совет. Депутатам Съезда пришлось не выбирать на

состязательной основе членов Верховного Совета, как они сами избирались в большинстве округов, а в подавляющем большинстве случаев просто санкционировать назначения, предварительно осуществленные региональными делегациями, т. е. практически секретарями обкомов. <...>

Интересно посмотреть на состав высшего органа государственной власти в еще одном разрезе — представительства в нем депутатов, избранных на неальтернативной основе. <...> Поскольку организация выборов, отбор кандидатов и отсеечение негодных еще до внесения в избирательные бюллетени в значительной мере осуществлялись под давлением старого партийно-государственного аппарата, весьма показательно, кому именно — людям из каких социально-профессиональных групп — этот аппарат создавал условия наибольшего и кому — наименьшего благоприятствования, кому обеспечивалась наибольшая вероятность прохождения в депутаты.

Речь идет о выборах примерно в 400 территориальных и национально-территориальных округах и от общественных организаций, пославших на Съезд значительное число депутатов: КПСС, колхозов, объединяемых Союзным советом колхозов, потребительской кооперации и Всесоюзной организации ветеранов войны и труда, в избирательных бюллетенях которых число кандидатов оказалось равным числу выделенных им по закону депутатских мест. <...> В итоге объектом анализа стали 670 народных депутатов СССР, около 30% всего их состава. Это не исчерпывающий, но почти полный, видимо, лишь за несколькими исключениями, список безальтернативных избранных. <...>

Безальтернативный режим был в первую очередь распространен на две социально-профессиональные группы: руководителей высшего звена и пенсионеров (среди которых тоже немало бывших руководителей). Партийные инстанции, занимавшиеся выборами, не сочли возможным рисковать избранием на Съезд тех 15 членов высшего политического руководства, которые мог-

ли стать народными депутатами по положению (т. е. кроме министров) — все они без исключения были избраны безальтернативно. Ведущее место среди безальтернативно избранных депутатов принадлежит членам верхнего эшелона управления: на их долю приходится треть всех таких депутатов (в два с лишним раза больше их доли среди всех депутатов), и только треть руководителей этого ранга, попавших на Съезд, прошла альтернативные выборы. Особенно благоприятные условия в данном эшелоне власти были обеспечены первым лицам партийного аппарата на местах (включая вторых секретарей ЦК компартий союзных республик, которые, по заведенной практике, также являются там в некотором роде «первыми» руководителями) и ведущим армейским генералам.

Все остальные социально-профессиональные группы среди безальтернативных депутатов представлены в меньшей пропорции, чем средний показатель этой категории избранных на Съезде вообще. Исключение составляют колхозники, что определяется, видимо, спецификой избирательной кампании в сельских территориальных и национально-территориальных округах и высокой квотой, выделенной Союзному совету колхозов. <...> Что же касается индустриальных рабочих и рабочих совхозов, то безальтернативная система вовсе не была к ним особенно благосклонна: преобладающая часть первых и вторых (252 из 312 и 59 из 76 соответственно) была избрана как раз на альтернативных выборах. Это, на наш взгляд, серьезный довод против демагогических утверждений, будто бы слабость кандидатов-рабочих на состязательных выборах надо компенсировать антидемократическими преференциями, искусственно понижать для них уровень состязательности.

Наименьший «выигрыш» от безальтернативных вариантов выборов получили депутаты — рядовые интеллигенты. <...>. Не занимающие административных постов научные работники, составившие 3,4% депутатов Съезда, завладели лишь 1,0% безальтернативных мандатов, научные работники — руководители

нижнего звена — соответственно 3,4 и 0,9%, инженеры и техники — 1,4 и 0,3%, рядовые журналисты — 1,0 и 0,1% и т. д.

Так выглядят высшие органы государственной власти, возникшие на первом этапе политической реформы. Смогут ли они дать старт парламентаризму и открыть новую эпоху в истории нашей страны? Чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно учесть социально-профессиональный состав Съезда, Верховного Совета и его Президиума, ибо жесткой связи между социальным положением депутата и его политической позицией нет. Из анализа структурных параметров Съезда и Верховного Совета вытекает, что серьезно поколеблен, хотя и не полностью преодолен номенклатурно-разнорядочный принцип формирования этих органов, без чего о восстановлении власти Советов в нашей стране, не говоря уже о парламентаризме, не могло быть и речи. Но для ответа на главный вопрос, сложились ли в 1989 г. предпосылки для перехода власти к Съезду, избранному народом на всеобщих выборах, необходимо отдать себе отчет, во-первых, в том, в какой мере готовы уступить власть те партийные и государственные институты, которые ею до сих пор безраздельно владели, и, во-вторых, готово ли это собрание повести борьбу за власть, стать если не де-юре, то хотя бы де-факто Учредительным собранием. Итак, с чем пришли на Съезд партия и Советы?

ПАРТИЯ

Итоги выборов для партии и в официальных документах, и в политической публицистике оценены по-разному. То обстоятельство, что на Съезд не были избраны некоторые известные партийные деятели, а также люди, в пользу которых из всех сил и всеми средствами вел кампанию аппарат (подчас достигая обратного эффекта, как это произошло, например, в Московском национально-территориальном округе № 1 и резонансом распространилось на многие другие округа), как мы видели, многими представителями этого аппарата было расценено как поражение партии. Оппоненты этой точки зрения приводят свои

доводы: говорить о поражении партии на выборах можно, лишь если под партией понимать верхние этажи ее аппарата, главным образом местных иерархов. Вообще же представительство членов партии в высшем органе государственной власти заметно увеличилось. В 1984 г., когда господствовала разрядка, членами и кандидатами партии были 71,4% депутатов. Пять лет спустя их доля среди выдвинутых кандидатов поднялась до 85,3%, а среди избранных — даже до 87%.

Такого избирательного успеха у партии никогда не было в прошлом, и, как нам кажется, уже не будет впредь. Ибо за общими цифрами этими стоят весьма различные, нередко разнонаправленные движения, деятельность «левых» и «правых», «консерваторов» и «радикалов», номенклатурных работников и активистов многих неформальных организаций. Стоит та ступень самосознания общества и его политического развития, когда дифференциация позиций не получила отчетливого организационного выражения: страна не подошла еще к многопартийной системе, а в партии не оформились реально существующие уже платформы. Если вынести за скобки то, чего кандидаты в депутаты обещали добиваться для своих регионов, предприятий и организаций, то останется во многом сходный набор требований и пожеланий, более или менее тщательно продуманных и различающихся главным образом акцентами и иерархией поставленных задач. Тем не менее избиратели не раз довольно точно улавливали основную суть гражданской позиции кандидатов и голосовали в соответствии не только с личностными, но и политическими предпочтениями. Консолидация групп депутатов со сходными позициями по основным проблемам нашего экономического, социального, национального, политического развития уже началась. «Баррикады перестройки» рассекают саму партию, и остановить этот процесс, не «закрывая» перестройку, нельзя.

Известен довод: партия начала перестройку, и только партия может довести ее до конца. И то, и другое утверждение преднамеренно или непреднамеренно затемняет суть проблемы, ибо

партия давно уже — очень сложный политический и социальный агрегат, разные части которого думают и действуют по-разному, занимают разные позиции в обществе. На память сразу приходит оруэлловский образ: «внутренняя» и «внешняя» партии. Образ этот, однако, уже не отражает расчленения ни той, ни другой части партии.

Особое место в составе «внутренней» и всей партии занимает высшее политическое руководство. «...Правительство все еще единственный европеец в России», — когда-то сказал Пушкин⁹. Похоже, что высшее политическое руководство у нас если и не единственная, то все еще главная моторная сила общественных изменений в стране. Вещи надо называть своими именами: именно оно, а не вся партия, и тем более не ее номенклатура, начало перестройку. Этим началом мы обязаны тому, что люди, оказавшиеся способными увидеть симптомы нарастающего кризиса, а не упоенные властью, почестями, благами «постбрежневцы» и неосталинисты одержали победу в острой схватке в марте 1985 г. за ключевой пост в партии над гробом самого бесцветного и ничтожного лидера за всю ее историю. <...> Вслед за тем состав допущенных в «комнату с кнопками» постепенно обновлялся, и к настоящему времени в политбюро осталось лишь двое из десяти членов, входивших в него в марте 1985 г., да и после того в высшем эшелоне происходили постоянные изменения: одни входили и выходили, другие перемещались внутри него, и политические позиции оставшихся вряд ли пребывали неизменными.

Гарантом перестройки была не партия — ее официальные структуры были приспособлены лишь к «единодушному одобрению» решений руководства, каковы бы они ни были, — а, во всяком случае, до недавнего времени — счастливо складывавшееся, хотя, вероятно, и не раз подвергавшееся испытаниям, соотношение сил в пользу М. С. Горбачева и его сторонников. Высокая концентрация политической власти в центре и его относительная самостоятельность в принятии ключевых решений, его способность понять некоторые императивы современной эпохи сдвину-

ли ситуацию с мертвой точки и облегчили начало перемен. Но все это не может обеспечить ни их успешного завершения — перехода экономики и общества в новое качество, ни даже непрерывного и последовательного движения к этой цели. <...>

Начав действительные изменения, новое руководство оказалось в сложных отношениях с весьма обширным слоем партийно-государственного аппарата, политические воззрения которого формировались в годы так называемого застоя или даже раньше. Необходимость каких-то перемен к середине 1980-х годов в большей или меньшей степени осознавали все. Но чем более определенно высшее руководство формулировало цели перестройки и чем выше поднимались волны «низовой» инициативы, тем отчетливее заявляли о себе консервативно-охранительные силы, вовсе не намеренные расставаться со своими привилегиями и главной из них — на свою долю власти. Все яростнее становятся их нападки на гласность, все настойчивее звучат требования обуздать самостоятельные общественные организации, все более неприкрыто высказываются упреки допускающему «послабления» Центру. Чуть позже, в ноябре 1989 г., была развернута невиданная атака на политбюро и ЦК на митинге, организованном Ленинградским обкомом. Многие наблюдатели обратили внимание на то, что если бы партийный список, предложенный в марте 1989 г. расширенному пленуму ЦК, включал не ровно сто кандидатов, а на два больше, на Съезд не были бы избраны оба видных лидера — Е. Лигачев и А. Яковлев, наиболее четко воплощающие различия в подходе к перестройке. Но если бы в список были внесены, скажем, еще два десятка кандидатов с нейтральной политической позицией, за чертой осталось бы всё политбюро вместе с деятелями науки и культуры — известными сторонниками перестройки.

Похоже, что и высшее руководство (равно как и его наиболее доверенные лица, которые наделены правом принимать ответственные политические решения) не всегда остается устойчивым перед этим давлением. Снова и снова появляются

призраки реставрации прежнего порядка — то в виде идеологического прессинга в защиту известных «принципов», то в виде поразительных указов, то в виде мобильных карательных подразделений, возникающих как из-под земли в Минске, Ереване, Тбилиси, то в виде некоторых безответственных заявлений и решений на самом ответственном уровне. Видимо, возможности высшего руководства продолжать курс на глубокие реформы, используя многократно испытанные в прошлом механизмы и опираясь на безусловную лояльность номенклатурного «актива», подходят к критическому пределу.

Не менее глубокие изменения произошли и во «внешней партии». Она переставала быть политически и организационно аморфной массой, пассивно воспринимающей воздействие «рычагов». Перестройка выдвинула свой партийный и беспартийный актив. Силы, которые вначале выступали лишь как эшелон поддержки прогрессивных решений центральной власти, постепенно обретали собственный политический опыт, вырабатывали концепцию перемен, ориентируясь на более последовательное и решительное проведение преобразований. Выборы на Съезд народных депутатов стали для них серьезной, незнакомой дотоле школой борьбы. В нее были вовлечены довольно широкие массы. На волне нарастающей политизации в стране начали формироваться подлинные, а не аппаратно-декоративные «блоки коммунистов и беспартийных», отнюдь не объемлющие целиком тех и других, но доказавшие свое влияние. <...> На поверхность вышло то, что существовало в скрытом виде уже давно: 18-миллионная партия — вовсе не идиллическое сообщество единомышленников, в ней мирно или немирно сосуществуют все взгляды и позиции (порой резко конфронтующие, взаимоисключающие), которые есть в обществе. <...>

Уже в ходе избирательной кампании возник вопрос, постановка которого привычна в парламентских системах Запада и была бы совершенно непредставима у нас еще в недавнем прошлом: чем в первую очередь должно определяться поведение де-

путата — партийными решениями и дисциплиной или волей избирателей? Депутат А. М. Емельянов с трибуны Съезда дал однозначный ответ: «Народ выше партии. Наш Съезд выше съезда партии. Верховный Совет выше Центрального Комитета партии. Конституция выше Устава партии. Партия функционирует в рамках Конституции, разработанной представителями народа. И это определяет наши приоритеты. Прежде всего каждый из нас депутат, а потом уже член партии»¹⁰. Эта позиция, конечно, решительно порывает со всей нашей политической практикой и вчерашнего, и даже сегодняшнего дня. <...>

Нельзя отрицать, конечно, что состав партийных комитетов за два тура выборов (в 1985—1986 и 1988—1989 гг.) существенно обновился. В них пришло, вероятно, немало людей разумных и готовых к благим переменам. Но, не говоря уже о том, что во многих, если не большинстве обкомов и крайкомов дело свелось не к выдвигению актива перестройки, а к пересаживанию людей из второго в первый ряд, непоколебленной осталась сама недемократически-централистская система. В партийной печати, начиная с 1986 г., широко освещались отдельные эпизоды выборов на альтернативной основе. Насколько широко распространился позабытый ужс в нашей партии порядок? Общая цифра — 1117 секретарей райкомов и горкомов, выбранных к лету 1989 г. из альтернативных кандидатов, — впечатляет. Но это всего лишь 8,6% от общего числа секретарей, причем первые секретари из них — только 269 человек (6%). Существенной властью, как известно, обладают лишь партийные органы не ниже уровня обкомов. Прогрессивный принцип был применен при выборах 7 их секретарей (1%)¹¹. Для сопоставления напомним, что альтернативные выборы в том или ином виде прошли около 70% депутатов Съезда. Важнее этих показателей, однако, то, что внедряемая сверху альтернативность остается в значительной мере формальной, ибо выдвигание из нескольких кандидатов производит аппарат из своих же рядов, а масса членов партии действующим уставом, инструкциями

и заведенным порядком отстранена от реального выбора, даже от возможности серьезно повлиять на него. Это отчетливо проявилось при смене первого секретаря столичного горкома в ноябре 1987 г.¹²

Признано официально: демократизация в партии серьезно отстает от демократизации в стране, от политизации общества. К этому следует добавить, что в партии, как и во всем обществе, ускоряется политическое расслоение, в ней давно уже сложились идеологически и начали процесс организационного оформления различные, подчас диаметрально противоположные платформы.

При нормальных условиях в одной политической партии не могли бы сосуществовать столь разные умонастроения и течения. Но все дело в том, что условия в стране — не нормальные, а переходные. В интересах общества — да и подавляющего большинства членов самой партии — не взрывной, а плавный переход. Это, конечно, не может произойти в одночасье. Почти три четверти века партийные структуры власти и контроля занимали центральное место не только в политической, но и в экономической системе советского общества. Их внезапный уход с арены в результате самоустранения или распада чреват непредсказуемыми, возможно, катастрофическими последствиями.

Похоже, что руководящий штаб партии не желает, конечно, самоустранения, но не вполне отдает себе отчет в опасности неконтролируемого распада. Законсервировать былое «единство» партии и ее роль «партии-государства» можно только так, как это делали в Китае летом 1989 г. Путь этот бесперспективен и губелен для великой страны. Существующие же структуры в политически пробудившемся обществе перегрузок не выдерживают. Цепочка «политбюро — ЦК — партия» растягивается и рвется на глазах. В публичных выступлениях членов политбюро «прочитываются» различия в их ориентациях. ЦК, избранный в начале 1986 г., на заре перестройки, даже после корректиров-

ки его состава на апрельском пленуме 1989 г. едва ли адекватно отражает соотношение сил в партии.

Мы полагаем, что в партии есть силы (это подтверждают выборы, социологические опросы, материалы печати), которые, должным образом организовавшись, могли бы на базе союза разных, но совместимых платформ повести ее по польско-венгерскому пути, т. е. из «авангардной партии нового типа» превратить в парламентскую партию социалистического или социал-демократического характера, которая, конкурируя с другими политическими партиями и организациями, может получить мандат на управление только на свободных выборах. Это превращение — даже если последовательно «перестроечным», демократическим силам удастся взять в свои руки инфраструктуру партии — тоже не может, конечно, произойти безболезненно и моментально. Вероятно, отпали бы крайние течения, ушли пассивные члены партии. Величайшая опасность — в том, что затягивается начало процесса. Нужен принципиально новый программный документ — наш Бад-Годесберг¹³. Необходима демократическая реорганизация структуры партии и, прежде всего, реальная выборность всех руководящих органов. Нужен съезд партии, который стал бы по своему значению учредительным. Время покажет, справится ли с этой задачей XXVIII съезд.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОГО ПРОТОПАРЛАМЕНТА.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Продвижение политической реформы, хотя и неровное, непоследовательное, происходило пока главным образом на советском фланге. Весной 1917 г. Советы, как известно, едва появившись в политически разреженном пространстве, сразу стали «сдавать» власть. Съезд народных депутатов, возникший рядом с жесткими структурами власти, по крайней мере на своей первой сессии, не обнаружил заметного желаяния, не говоря уже о способности, ее брать. Абсолютная управляемость зала из президиума, политический инфантилизм многих депутатов, то-

ропившихся свернуть работу Съезда и не желавших слышать ничего, что выходило за пределы их ограниченного житейского и социального опыта, раздраженно-враждебные демонстрации большинства против меньшинства, подчас резкая агрессия против депутатов, представляющих актив общественного обновления, — все это погашало надежды у тех, кого ошеломили и вдохновили избирательные победы вчерашних диссидентов, популярных ученых и писателей, дотоле неизвестных молодых лидеров неформальных движений. Разделение Съезда на непробиваемое, торжествующее большинство и отважное (или, при оценке с иных позиций, амбициозное, идущее напролом), но бессильное меньшинство — так рисовалась ситуация в первом приближении.

Более пристальный взгляд выявил сложное взаимодействие не двух, а трех сил: помимо «аппарата», который повел за собой большинство, и «радикалов», многие наблюдатели замечают «третью силу» — «реформатора», балансирующего между ними. Для полноты картины мы добавили бы еще по меньшей мере четвертую — прибалтийские делегации, а также в перспективе, возможно, еще несколько «сил» — ряд формирований, объединяющих депутатов по социально-профессиональным признакам, пока почти не проявившихся, но обладающих известными самостоятельными потенциями, из которых наиболее важным представляется аграрный блок. Существует, как во всяком большом собрании, и обширная масса депутатов, не имеющих самостоятельно выработанной политической позиции и идущих за теми, в чьих руках сила. От того, как станет вычерчиваться многогранник всех этих сил, и будут в решающей степени зависеть возможности Съезда и судьба страны.

Трудно согласиться с тем, что результаты первой сессии были для «радикалов» — демократического меньшинства обескураживающими. В тактике парламентской борьбы — это не освоенная еще наука и искусство — демократы действительно допустили ряд досадных ошибок. Главная из них — то, что они

не сумели провести в Верховный Совет несколько активных (или популярных) лидеров, что дало бы им очень важную позицию и что вообще-то при более осмотрительном поведении не выходило за пределы возможного. Но, во-первых, демократическая группа, ядро которой насчитывает 10—15% состава Съезда, смогла повести за собой в нескольких конфликтных голосованиях в мае—июне 1989 г. от 400 до 800 депутатов. Это сильное лекарство против безысходного чувства изолированности в собственном народе, не один десяток лет парализующего волю российской демократической интеллигенции. Во-вторых, она дала стране неоценимый урок политического просвещения, трезвую и не стесненную привходящими соображениями оценку кризисного положения в стране и модель независимого политического поведения, которое в конкретных ситуациях могло казаться излишне прямолинейным, но возрождало представление о гражданском достоинстве.

Ход событий на Съезде и после него выдвинул на авансцену политической жизни Межрегиональную депутатскую группу (МДГ) как своеобразную протопарламентскую фракцию демократического лагеря. <...> Хотя по адресу МДГ высказывается немало справедливых замечаний, ее создание получило широкий резонанс и заметную поддержку в стране. Она вобрала в себя значительную часть демократического интеллектуального актива советского общества и дала ему политическую организацию. Члены МДГ сыграли заметную роль в работе Верховного Совета СССР, в борьбе за демократизацию избирательных законов в ряде союзных республик. В перспективе, в особенности после республиканских и местных выборов, МДГ может стать центром, вокруг которого будут кристаллизоваться силы демократической коалиции. <...>

Вместе с тем достижения демократической «левой» не следует и переоценивать. Во-первых, ни на самом Съезде, ни после него она не смогла выдвинуть — в этом серьезная вина ее интеллектуальных лидеров — тщательно разработанной, спланиро-

ванной по этапам, учитывающей различные варианты хода вещей программы реформы. Она чрезмерно задержалась на стадиях публицистических обличений. В своих оценках и предложениях она, как и власти, в основном шла за событиями, а не опережала их. Разумные идеи очень редко выводились на уровень научных разработок, платформ, законопроектов.

Во-вторых, многие демократы не нашли верной линии поведения по отношению к политическому руководству и нередко совершают виражи от разрушительной конфронтации к послушному конформизму, что порождает небезосновательные подчас подозрения в политиканстве и личных амбициях. Нисколько не преуменьшая необходимость консолидации «левого» меньшинства как самостоятельной политической силы на Съезде, в Верховном Совете и в стране, надо отдавать отчет в том, что его ближайшие цели в законодательной, контролирующей и иной деятельности нашего протопарламента могут достигаться — и в ряде случаев уже достигались — лишь на основе согласования и компромиссов с реформаторами из высшего партийно-государственного руководства, что, конечно, предполагает мобилизацию общественных сил давления, но не заострение конфронтации.

В-третьих, демократические силы все еще чрезмерно раздроблены и скверно организованы; к многочисленным идеологическим, политическим и «поколенческим» линиям разделения добавляются национальные размежевания, за которыми стоят объективные различия в положении разных народов нашей страны и их представлениях о приоритетности стоящих проблем. <...>

В разноликом большинстве, дружно глушившем голос демократической «левой», угадываются разные составляющие. В нем доминировало агрессивное консервативное меньшинство, идеологически и политически довольно разнородное. Это прежде всего аппаратные силы, органично спаянные с административно-командной системой и встревоженные своим будущим.

Это они открыто предъявляли счет реформаторам из высшего руководства на апрельском Пленуме ЦК, на пленумах партийных комитетов в Москве, Ленинграде и других городах.

Это, далее, те, кто происхождение трудных проблем страны связывает главным образом с чуждыми иноземными и инонациональными влияниями. С «аппаратчиками» их объединило не то позитивное, что присутствует в воззрениях некоторой части этой группы, — боль за уничтожение природы, исторических ценностей, подрыв общественной нравственности, а враждебность к «радикалам», в которых одни видят угрозу социализму, а другие — национальным традициям. В данную коалицию влились, видимо, и замаскированные мафиозные элементы. Общую ее численность на Съезде трудно определить, ибо ни разу не удавалось отделить «агрессивное» меньшинство от «послушного» большинства, незнакомого — в силу известных условий — с политической культурой диалога и компромиссов. Но, по нашей ориентировочной оценке, опирающейся на косвенные данные, весь «актив» данной группы едва ли превышает 20% депутатов.

Их слабость — в том, что в отличие от демократического меньшинства у них нет и не может быть подлинно конструктивной программы выхода из экономического и социального кризиса, ибо нельзя считать программой объединившие их страх и ненависть к демократам или избыточно сверкавшие в прошлом и вновь заполохавшие слова-символы: «Держава, Родина, Коммунизм», способные поднять зал на ноги, но ничего не говорящие о том, как вывести страну из тупика¹⁴.

Их сила — в том, что они, не случайно увлекшие за собой большинство Съезда, выражают достаточно широко распространенные в стране настроения, тип трудовой и политической культуры. Но главная их сила заключалась в том, что они гораздо чаще, чем демократы, выступали на Съезде и после него в альянсе с архитекторами перестройки. Можно лишь строить гипотезы, почему высшее политическое руководство и его лидер —

которому, как это неоднократно подчеркивалось, нет альтернативы — оказались несколько «правее» центра, т. е. гораздо чаще выступали в блоке с консерваторами по персональным, процедурным и иным вопросам. Опасались ли М. Горбачев и его окружение лишиться поддержки того социального слоя, из которого они вышли? Или сказалось раздражение против непочтительной активности «левых», против накала многолюдных предсъездовских собраний в Москве и других городах, против принесенного на Съезд «митингового начала»? Поддался ли М. Горбачев, показавший себя искусным политиком, в данном случае эмоциям, раздражению? Или он переоценивал свою зависимость от партийных инстанций, особенно в такой момент, когда его власть получила — и не могла не получить — внушительную легитимизацию? Нам представляется, что он располагал значительной свободой маневра на Съезде, мог значительно дальше пойти навстречу демократам, с большей политической мудростью отнестись к предложенному А. Д. Сахаровым «Декрету о власти» и провести намного более содержательные решения о передаче власти Советам: «консерваторы» почти наверняка подчинились бы его воле. Они, в отличие от демократов, ни разу не осмелились вести самостоятельную игру, если не могли рассчитывать хотя бы на доброжелательный нейтралитет с его стороны. Он мог бы, наконец, обеспечить приход к руководству советскими органами, формируемыми Съездом и Верховным Советом, политиков новой формации, выдвинутых перестройкой. Если он не сделал этого, то, вероятнее всего, потому, что считал преждевременным форсировать процесс передачи власти, перебазирования центра ее тяжести со старых, номенклатурных — на действительно выборные органы.

Ускорением перехода пожертвовали, как это уже делали не раз, во имя поддержания политической стабильности. <...> Располагая «контрольным пакетом» голосов на Съезде безотнositельно к тому, каковы истинные предпочтения большинства владельцев этих голосов, реформаторы могли бы проводить бо-

лее решительную политику, меньше оглядываться на ретроградную Вандею в партии и стране.

Итоги первой сессии Съезда, в отличие от выборов, не вызвали энтузиазма в обществе; скорее можно говорить о широко распространившихся чувствах горечи, разочарования и тревоги. Попытаемся дать взвешенную оценку этой сессии. Съезд, поскольку это касается политической реформы, обозначил движение вперед, к парламентской системе. Это продвижение может быть оценено в трех измерениях.

Оно было микроскопически малым по сравнению с ожиданиями и активного меньшинства, упоенного избирательными победами, и широких масс населения, с нетерпением ждущих реальных изменений в нелегких условиях жизни. (Насколько справедливо измерять достижения Съезда масштабом явно завышенных надежд — иной вопрос. Наивно ждать «великого дня, когда все изменится»: переход такого типа, в котором нуждаемся мы, у других народов занял целую историческую эпоху.)

Съезд, по нашему мнению, дал меньше, чем он мог дать при данном соотношении сил. Хотя зона, открытая не только для критики, но и для общественной инициативы, заметно расширилась, очень слабо затронута главное — монополия политической власти самоназначаемой номенклатуры. Ее нельзя было ликвидировать с ходу, декретом Съезда. Ее можно было ограничить рядом хорошо продуманных законоположений и персональных назначений. Этого не произошло. Сказались и организационная слабость, тактические просчеты демократов, и многолетняя политическая инерция, позволившая консерваторам располагать голосами большинства депутатов как своими собственными, и — быть может, главное — стратегический курс высшего руководства, проложенный «правее центра». Благодушная формула «мы только учимся демократии» противостоит естественно соединяет, топит в безбрежном «мы», кроме широких масс народа, которые ускоренным образом и с неодинаковым успехом, действительно, проходят школу демократии, тех, кто отлично знаком с принци-

пами демократии, но не в состоянии их реализовать, тех, кто никакой демократии учиться не хочет и не будет, для кого «учеба» — лишь формула прикрытия антидемократических амбиций, и тех, кто, располагая серьезными возможностями, по тем или иным соображениям руководствуется формулой «поспешай медленно».

Наконец, выборы, Съезд и начатая на виду у всей страны работа Верховного Совета представляли колоссальный шаг вперед, если поставить их в исторический ряд вслед за XXVII съездом партии, январским Пленумом ЦК КПСС 1987 г., XIX партконференцией.

Во-первых, они дали громадный импульс политизации народа, который на протяжении долгих десятилетий удерживали вне политики. Политика оказалась в сфере напряженного внимания не меньшинства, как было еще недавно, а большинства народа. Большие массы людей были вовлечены в активные политические действия. В дни работы Съезда у телевизоров собиралась вся страна. Конечно, политизация масс сама по себе достаточно амбивалентна. Ее все больше пытаются эксплуатировать силы, стремящиеся столкнуть общество назад. Но без нее немислим переход к демократии.

Во-вторых, Съезд с прозрачностью, быть может, и неполной, но неведомой прежде, обозначил и подтолкнул выход на поверхность нашей общественной жизни разных политических течений, «левых», «правых», «центра», их комбинаций и промежуточных групп. Их позиции. Их силу и слабость. Их соотношение. <...> Замещение декоративно-буффонадного «морально-политического единства», служившего идеологическим прикрытием тотальной монополии и атрофировавшего нормальную жизнедеятельность общества, конкуренцией сил, выражающих различие реальных общественных интересов, ведущих — не будем бояться слов — борьбу за власть, действительно громадный шаг вперед. Не пугаться следует разъединения, не обнадеживать себя всеобщей консолидацией.

а на основе объективного размежевания искать и находить компромиссные решения, выражающие баланс основных интересов, формировать блоки, объединенные хотя бы временной платформой, утверждать правила цивилизованного политического поведения.

В-третьих, в лице Верховного Совета Съезд образовал орган, который начал выполнять некоторые функции парламентского учреждения. Не будем обольщаться: это еще не парламент, хотя бы потому, что ни Съезду, ни Верховному Совету не подвластно пока назначение и смещение лиц, принимающих основные политические решения. Но народные депутаты, добровольно согласившиеся на Съезде с тем, что их самостоятельной инициативе оставлено узкое политическое пространство, на заседаниях Верховного Совета проявили поразительную активность в отведенных рамках, причем активность эта стремительно нарастала. <...>

Однако уже «вдогонку» за первым Съездом народных депутатов положение в стране претерпело ряд существенных изменений — далеко не во всем в лучшую сторону. Во-первых, резко обострился экономический кризис. Хозяйственная ситуация ухудшалась так быстро, а противоречивые и разрозненные меры для ее исправления оказывались настолько запоздалыми и неэффективными, что угроза экономического развала, т. е. неспособность экономики обеспечить элементарные условия существования миллионов людей, вырисовывалась все более грозно.

Во-вторых, со скоростью лесного пожара по стране стали распространяться национальные конфликты. Осталось мало народов, которые не предъявляли бы своим соседям счета за их прошлые и теперешние, действительные и мнимые исторические вины, и счета эти растут. <...>

В-третьих, наметилась перегруппировка в консервативном лагере. На весенних выборах 1989 г. это были преимущественно силы вчерашнего дня: сталинистские и неосталинистские элементы административного и идеологического аппарата. Затем на

политическую арену стали выдвигаться правонационалистические, апеллирующие к дореволюционному прошлому силы. <...> Этот блок апеллирует не столько к обветшавшей мифологии, героике революционного прошлого, сколько к ранним национальным чувствам и к сегодняшним бедам и заботам миллионов людей, размашисто рисует образы новых врагов. Он показал способность не только создавать опорные пункты своего влияния в трудовых коллективах, но и выводить на улицы большие массы людей, воздействовать не только на подспудные перемещения в коридорах власти, но и на голосования в Верховном Совете. Он пытается встроиться в избирательные процессы, поднимая на щит антидемократическую идею выборов Советов по производственным округам. Перестройка не может исключить непопулярные меры, и это — важный источник, который будет продолжительное время подпитывать силы консервативного лагеря.

Как бы там ни было, политическое развитие нашего общества после первого Съезда вступило в новую фазу: в борьбу включаются массовые силы, от поведения и эволюции которых в решающей степени будет зависеть весь дальнейший ход событий. Одно из самых заметных событий этого нового этапа — начавшееся возрождение независимого рабочего движения, потрясшие страну забастовки в угольных бассейнах. <...>

Если «левая» интеллигенция, озабоченная преимущественно сохранением достигнутой гласности и концентрирующая внимание на разного рода «подвижках» вверх, не оценит этот — свой и всего общества — исторический шанс, не сумеет освоить (разумеется, с серьезными поправками на ситуацию, требующую дифференцированного подхода, а не заострения конфронтации с властью) опыт польского КОС-КОРа, стоявшего у истоков «Солидарности», развитие событий может приобрести трагический оборот. В 1988—1989 гг. демократическая интеллигенция, как о том свидетельствуют и итоги выборов, и социологические опросы, смогла добиться немалого влияния

в обществе. Однако за нею пока меньшинство народа. До сих пор поддержка, которую она получала, усиливалась, но социальная ситуация крайне неустойчива, и потому позиции последовательных сторонников перестройки в общественном мнении, в электорате и даже неформальных организациях могут быть так же быстро утрачены, как были приобретены. Об этом забывать нельзя.

Фактор времени приобретает решающее значение. Темп проведения экономической и политической реформы серьезно отстает от развития неконтролируемых и весьма опасных общественных процессов. От осязаемого нарастания фрустрации и озлобления. От углубления кризиса той социально-экономической и политической системы, в преобразовании которой мы так непростительно промотали первые годы перестройки и продолжаем отставать сейчас. Приход во все политические структуры людей, имеющих концепцию перемен и пользующихся доверием народа, конечно, сам по себе не гарантирует решения трудных проблем. Но без этого едва ли удастся их удовлетворительно решить.

Существует жесткое шахматное правило: как бы ни был гениален замысел, контрольные ходы надо сделать в обусловленные сроки. Наша ситуация острее: мы лишь догадываемся, через какое время может упасть флажок, да и не о выигрыше в шахматном матче идет речь.

Итак, придем ли мы к демократическому парламенту? Ответ на этот вопрос может быть лишь обусловленным, а не категорическим. Мы идем, в общем, — с задержками, шагами в сторону и откатами назад — именно в этом направлении с весны 1985 г. Выборы и Съезд дали существенное, несравнимое с другими событиями перестройки продвижение вперед на этом пути. Мы придем к демократическому парламентаризму, правовому государству, гражданскому обществу, если... Если нас не захлестнет в ближайшие годы поток неконтролируемых событий, если удастся сдержать инфляцию и вконец не разрушится ритм

экономической жизни, если по стране кровавым потоком не разольется Фергана, если будет остановлен рост преступности...

Один-два неверных шага — и мы окажемся перед лицом распада общества и государства, гражданской войны либо правого переворота, который осуществят силы, опирающиеся, скорее всего, не на ослабевшие партийные структуры, а на армию, спецвойска, госбезопасность. Им уставшее и разуверившееся общество вручит свою судьбу в обмен за «восстановление порядка» — так не раз бывало в истории. И тогда на смену обветшавшей и дискредитированной, уходящей со сцены диктатуре придет свежая диктатура с обновленными лозунгами (они уже мелькают) и крепкими зубами (их заботливо отращивают). Конечно, ни одну из действительных общественных проблем на этом пути решить нельзя, но в новый, еще более глухой тупик она может завести. Можно представить, к чему это приведет не в начале, а в конце XX века...

Вероятно, мы идем — и в обозримый период будем идти — по самому опасному участку нашего исторического пути: ближайший бой (как и последний) — «он трудный самый». И мы обязательно придем к демократическому парламенту, к цивилизованной жизни, если у нас, у всех, кто сознает свою ответственность за судьбу страны, как бы ни велики были различия между нами — скажем, перефразируя известное изречение, — хватит смелости ускорить движение, осмотрительности — не делать ложных шагов в сторону с узкой тропы и мудрости — своевременно отличать одно от другого.

ДВИЖЕНИЕ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ. ПЕРВЫЙ ОТРЕЗОК ПУТИ¹⁵

Выборы-89

В 2004 г. РОМИР провел социологический опрос: что знают наши сограждане о I СНД СССР. «Ничего не знаю об этом Съез-

де», — ответили 45% опрошенных, «практически не помню, что-то читал» — 23%, «плохо помню, знаю в общих чертах» — 22%. И только 9% ответили, что следили за ходом Съезда и хорошо его помнят¹⁶.

Этот феномен исторической памяти нашего народа выглядит убийственно. Конечно, позднейшие нагромождения событий у многих отодвинули воспоминания о демократической весне 1989 г. Но и сам Съезд, выборы, которые ему предшествовали, надежды, которые на него возлагали (в том, что они не были осуществлены, в немалой степени повинен сам парламент), нуждаются в более взвешенном анализе, чем это можно было сделать по свежим следам событий.

Выборы на Съезд народных депутатов СССР проходили в далеко не везде пробудившейся стране и по очень несовершенному избирательному закону. Избирали в орган, который даже по действовавшей тогда Конституции (а тем более в жизни) должен был делить власть с «руководящей и направляющей силой», «ядром политической системы»¹⁷.

2250 народных депутатов избирались следующим образом: 750 — от территориальных (по числу избирателей), 750 — от национально-территориальных (разверстанных между республиками и иными национально-территориальными образованиями по определенным квотам) округов и 750 — от общественных организаций (тоже по квотам). Над СНД, который должен был собираться не реже одного раза в год и был «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению СССР»¹⁸, возвышалась надстройка — постоянно действующий Верховный Совет с урезанными полномочиями. Съезду надлежало выделить ВС из своего состава.

Абсурдность, нежизнеспособность и недемократический способ формирования этого монстра были подвергнуты критике в демократической печати еще при его рождении. Тем не менее выборы 1989 г. и по закону, и фактически представляли собой колоссальный шаг вперед по сравнению со всеми без исключе-

ния советскими выборами. Они возрождали, хотя и довольно робко, традицию, сломанную после выборов Учредительного собрания в 1917 г. Исходным пунктом была коррекция избирательной системы на основе спешно подготовленного избирательного закона. Во многих случаях граждане сумели воспользоваться главным нововведением — альтернативностью кандидатов, хотя перед независимыми кандидатами бюрократическая система воздвигала разнообразные рогадки.

Более всего в избирательном законе критиковали возврат к средневековому куриальному принципу — выборы от общественных организаций; для их членов они были непрямыми и грубо нарушали равенство избирателей. Если воспользоваться термином, который стали употреблять позднее, это был типичный пример «управляемой демократии». Но выборы от общественных организаций приводили к сбоям там, где наталкивались на активизм перестроечной интеллигенции (о выборах в Академии наук я расскажу отдельно), или же давали некие «усредненные» (т. е. далеко не самые консервативные) результаты там, где процессом управлял лично «архитектор перестройки».

Притчей во языцех стала тогда «красная сотня» — депутаты, безальтернативно избранные на расширенном пленуме ЦК КПСС. Справедливости ради надо сказать, что как раз состав этой «сотни», по свидетельству Болдина, тщательно подобранной Горбачевым и Разумовским¹⁹, был по социально-профессиональной принадлежности сравнительно сбалансирован, а по идеологической окраске «сотня» вовсе не была исключительно «красной». В нее были, конечно, включены все члены и кандидаты политбюро и секретари ЦК партии²⁰, а также руководители некоторых горкомов и райкомов, партийные работники и редакторы изданий, входивших в «команду Горбачева»: В. Афанасьев, Н. Биккенин, В. Ивашко, И. Лаптев и А. Черняев. Явно преобладали «перестройщики»-горбачевцы и даже радикалы среди попавших в список деятелей литературы и искусства (Т. Абуладзе, Ч. Айтматов, В. Белов, И. Васильев, Д. Гранин, В. Карпов, Б. Олейник,

М. Ульянов)²¹ и ученых (Л. Абалкин, Е. Велихов, В. Кудрявцев, Г. Марчук, Б. Патон, Е. Примаков). Попали в «сотню» также 23 рабочих, 10 колхозников, учителя, врачи... К тому, что было сказано в статье о голосовании партийной коллегии выборщиков по безальтернативным кандидатам (большинство из которых было избрано единогласно или при нескольких голосах против), можно добавить, что против Горбачева было подано 12 голосов, Медведева — 22, Лигачева — 78, Яковлева — 59, Ульянова — 47, Абалкина — 32 и т. д.

Консервативная оппозиция перестройке была представлена не столько «партийной сотней», сколько «партийной тысячей» или более депутатов, избранных в тех одномандатных округах (главным образом сельских и в малых городах), где избиратели были политизированы слабее, а администрация жестче вмешивалась в избирательный процесс. Шок, вызванный провалом партийных, государственных деятелей, военачальников первого и второго ряда в Москве, Ленинграде, ряде иных крупных культурных центров, был несколько преувеличен: большая часть страны проголосовала «как надо». Поражение одних и успех других — значительно большего числа партийных кандидатов — проистекали из того, что одна и та же линия руководства и аппарата КПСС в разных местах приносила различные плоды. Как справедливо отметил М. Макфол, в отличие от колоссального внимания, которое партийные лидеры уделяли разработке новых правил проведения выборов, самому участию в них было уделено очень мало времени и внимания. Верхушка КПСС была выведена из состязания за мандаты, да и гораздо больше, чем выборы, ее тревожили надвигающийся экономический коллапс и нараставшее напряжение в федеративных отношениях. «Выборы стояли на последнем месте среди ее забот. На региональном и местном уровнях КПСС тоже вела себя не как политическая партия, сражающаяся за победу на выборах». Не обошлось, кажется, и без умысла Горбачева, рассчитывавшего, что поражение консерваторов на выборах дискредитиру-

ет их перед партией²². Но и сами высокопоставленные соискатели мандатов в округах полагались (в большинстве случаев не напрасно) на политическую инерцию избирателей, неоспоримость для них «руководящей роли КПСС». В целом выборы-89 дали такой квазипарламент, который более или менее адекватно отразил и соотношение сил в стране в те месяцы, и его подвижный, изменчивый характер. Вскоре это нашло выражение в многочисленных и самых невероятных мутациях избранных депутатов.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ИЛИ ПАРЛАМЕНТ?

Жесткое ленинское противопоставление 1917-го и последующих лет: пролетарская революция учреждает не парламентаризм, а советскую власть, и тот, кто этому противится (или просто не понимает), объективно (или даже субъективно) прислуживает буржуазии²³, — было уже давно погребено под тяжким грузом псевдотеоретического мусора. Парламентаризм и абстрактная, никогда нигде не реализованная²⁴ модель власти Советов в скучных учебниках ждановско-сусловского агитпропа уже не казались несовместимыми. Даже опубликованная в 1950 г. новая программа английской компартии «Путь Британии к социализму», где открытым текстом провозглашалось, что путь этот пойдет через парламент и голосование большинства, не была предана анафеме по соображениям, как мы бы сегодня сказали, политкорректности.

Между тем, помимо классового принципа представительства, от которого в 1936 г. сочли возможным отказаться под флагом расцвета социалистической демократии, и некоторых сопутствующих аксессуаров, в теоретической модели советской власти содержался исключительно опасный принцип — концентрация власти в одном месте, отказ от разделения и относительной независимости властей друг от друга. Этот принцип не был развенчан, в том числе в прогрессистском общественном сознании к концу 80-х годов. Зло видели в том, у кого сосредоточена

«вся власть», но слабо сознавали, что демократическое общественное устройство не может быть основано на концентрации власти где бы то ни было. Была поставлена задача: переместить полноту власти — законодательной, исполнительной, контрольной — из рук партии (а де-факто — узкой группы партийных иерархов) в руки демократически, всенародно избранного органа. Придумка А. Лукьянова — «имя, возбуждающее романтические воспоминания» — пришлось кстати.

Если же обратиться к органам, которые реально выступали под именем Советов, то весь практический опыт свидетельствует о их бессилии. После подавления июльского путча 1917 г. большевики сняли лозунг передачи власти Советам, потому что Советы пошли в фарватере враждебной им, большевикам, власти. Бессильными Советы оказались и после октября — только они стали орудием иной власти. Причем там, где не было достаточно плотной сети партийных органов, Советы во время Гражданской войны стали подпирать комбедами. А в 1992—1993 гг., после распада структур КПСС Советы и сам СНГ России стали полем борьбы двух сил. Представительные органы, за которыми закреплена номинально вся полнота власти, если что и могут выделять из себя, то Комитет общественного спасения, Директорию, Совнарком, политбюро, хасбулатовскую команду или нечто подобное.

Широкое использование терминов, содержание которых можно было интерпретировать по-разному, — характерная черта господствовавшего «новояза». С лозунгом передачи всей власти СНГ и Советам выступал А. Сахаров и другие демократы. Мне запомнился разговор на российском Съезде с коллегой-депутатом из Мурманска, членом фракции «Коммунисты России». Человек добросовестный, хирург, занимавший ответственный пост в органах здравоохранения, но продолжавший оперировать, говорил мне ранней весной 1990 г.: «Я боюсь, что вы хотите убрать из понятия СССР то, что республики не только социалистические, но и советские». Ничего такого в те дни российские демократы делать еще не собирались.

Требование передачи всей власти Советам имело двоякое содержание. Возвращая в сознание людей некий идеализированный образ позабытого прошлого, этот лозунг выполнял роль политико-идеологического тарана, сокрушавшего партийную власть. Порождая иллюзии, он притуплял антипарламентское острое советской системы, ибо под видом всевластия Советов представительные органы неизбежно теряют самостоятельность. Целеустремленная группа властолюбцев, действующая якобы от их имени, превращает их в прикрытие своего господства и может разворачивать в любую сторону. Таков исторический опыт. России предстояло в скором времени вновь в этом убедиться.

БЫЛ ЛИ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР ПРОТОПАРЛАМЕНТОМ?

Ответ на вопрос, поставленный в этом заголовке, может быть только один: и да, и нет.

Да, потому что, не взяв власть, но почуяв где-то рядом вкус и запах власти, он «потянул одеяло на себя», вторгся в заповедную зону, покрытую плотной завесой государственной тайны. На публичное обсуждение были вынесены такие жгучие проблемы, как пакт Молотова-Риббентропа 1939 г., безумное решение о вводе войск в Афганистан в 1979 г., зверское подавление народной демонстрации в Тбилиси в апреле 1989 г., привилегии бюрократии и т. д. Дискуссии ни к чему не обязывали власти, но вынесение на публику вопросов, за одно упоминание которых прежде смельчаки лишались свободы, меняло политическую атмосферу в стране. Съезд начал исполнять свою функцию представительного органа. Да, потому что он сформировал Верховный Совет, который стал постепенно входить в роль, влияя на законотворческий процесс, реализуя свою функцию законодательного органа. Да, потому что на нем возникли Межрегиональная депутатская группа, «Союз», Аграрная и Прибалтийская группы. В отличие от Верховного Совета всех предыдущих созывов Съезд пошел по пути структурирования не на региональ-

но-бюрократической, а на политической основе и тем самым стал превращаться в политический орган.

И вместе с тем — нет, потому что расстановка делегаций по регионам, под которую подгонялась вся организация работы, «выборы» Верховного Совета и иные привычные процедуры делали Съезд сравнительно легко управляемым сверху и извне. Нет, потому что он даже еще не делил власть, а существовал около нее, представлял, по выражению Олега Попцова, не власть, «но ее окружение, рядом расположенную среду». И действительно, «парламент, на глазах которого страна идет вразнос, не в состоянии выполнить свою конституционную обязанность — отправить беспомощное правительство в отставку»²⁵. Нет, потому что постепенно выкристаллизовавшаяся политическая структура Съезда была аморфной и текучей. Связи между депутатами на основе политической ориентации легко возникали и распадались. Депутаты, большинство которых шло на выборы с демагогическими и популистскими программами, слабо связанными с реальными возможностями общества, не ощущали ответственности ни перед избирателями, ни тем более — перед объединениями на самом Съезде, в которые они заходили и выходили.

Завершая главное свое выступление на Съезде, академик Сахаров говорил: «Съезд не может сразу накормить страну. Не может сразу решить национальные проблемы. Не может сразу ликвидировать бюджетный дефицит. Не может сразу вернуть нам чистый воздух, воду и леса. Но создание политических гарантий этих проблем — это то, что он обязан сделать»²⁶. В нашей статье 1989 г. был поставлен вопрос: готов ли Съезд народных депутатов СССР взять власть, стать Учредительным собранием? Жизнь очень скоро дала на него ответ. Страна избрала столь же неуклюжий и беспомощный парламент, какой была она сама.

ДЕМОКРАТЫ НА СЪЕЗДЕ

На первом Съезде многое происходило впервые за годы советской власти. Едва ли не главным из этих событий было появ-

ление на общественной арене демократов в качестве самостоятельной политической силы. Значение этого факта вышло за хронологические рамки и первого, и всех последующих Съездов. Когорта «прорабов перестройки» шагнула со страниц печати и митинговых трибун на номинально высший орган власти. Страна увидела и запомнила первое поколение демократических лидеров. Некоторые из них не сошли с политической сцены и после распада СССР. К сожалению, однако, многие критические замечания, высказанные тогда же по адресу демократов, оказались справедливы. Более того, существенные дефекты в их деятельности были позднее усугублены.

Демократы предупредили общество о надвигавшемся экономическом коллапсе и обрисовали если не целостную программу его предотвращения (до появления программы «500 дней» оставался еще год), то комплекс разумных мер, способных помешать катастрофическому развитию событий. Выступления Шмелева, Попова, других экономистов-демократов Съезд внимательно выслушал, но дальше этого дело не пошло. Высказанные в общем виде идеи не осознали должным образом даже члены МДГ, а главное, предложениям так и не была придана форма документов, пригодных для того, чтобы поставить их на голосование, и тем более — альтернативных законопроектов. Во время I СНД это еще можно было как-то объяснить: не было ясно, чего от Съезда можно ожидать, да и времени после выборов прошло слишком мало. Но пустой портфель, с которым демократы пришли на II СНД в декабре, едва ли имеет оправдание. Когда правительство Рыжкова-Абалкина выдвинуло план фантастического роста производства на следующий год и объявило довольно сомнительные меры экономической политики, демократы мало что смогли этому противопоставить.

Не кажется мне оптимальной и линия, избранная демократами по отношению к реформаторам в руководстве КПСС во главе с Горбачевым. Сегодня едва ли кто-нибудь возьмется определенно утверждать, что было первичным: переход генерального

секретаря на более осторожные позиции, вызывавший нарастающие критики в выступлениях межрегионалов, или же давление демократов, раздраженных пробуксовыванием перестройки, которое побудило генсека сделать шаги навстречу консерваторам. Скорее всего, было и то, и другое. К 1989 г. пути демократов и Горбачева разошлись. Наивно было рассчитывать, что после своих впечатляющих успехов демократы удовлетворятся, как в первые годы перестройки, ролью эшелона поддержки прогрессивного руководства. Еще труднее вообразить переход «архитектора перестройки» на радикальные позиции. Но к этому времени на политической сцене действовали не две, а три силы, и натиск консерваторов на реформаторов в Политбюро был очевиден. Линия размежевания могла пройти как «левее», так и «правее» Горбачева, и демократы в сущности стали энергично подталкивать Горбачева к альянсу с его антагонистами.

По-видимому, демократы слишком нервно отреагировали на то, что ряд видных их лидеров не был избран в Верховный Совет. На самом деле ничего неожиданного и дискриминационного в этом не было. Московская делегация, в которой была особенно велика доля демократических депутатов, выдвинула 55 претендентов на отведенные ей 29 мест в Верховном Совете (все остальные отбирали выдвиженцев под заданные квоты). Среди этих претендентов 20 человек можно было тогда с большим или меньшим основанием отнести к демократам. Из них избрали семерых (Алексея Емельянова, Юрия Рыжова, Эллу Памфилову и др.), а 13 (Гавриила Попова, Аркадия Мурашева, Юрия Черниченко, Сергея Станкевича, Татьяну Заславскую и др.) провалили. Но примерно столько (около четверти голосов) демократы обычно набирали на тех голосованиях, которые поляризовали Съезд. Иное дело, что сама двухступенчатая структура законодательного органа была абсурдной, особенно если принять во внимание, что по закону члены Верховного Совета постоянно работали там не в обязательном порядке, а лишь «как правило», и что предварительный отбор в других делегациях был осуществлен не в пользу

демократов — с нарушением интересов меньшинства. Демонстрируя свою приверженность принципу альтернативности и не выдвинув претендентов «под расчет», московская делегация тем самым отдала выбор в руки политических противников.

Однако реакция демократических лидеров на голосование не заставила себя ждать: Юрий Афанасьев тут же заявил, что избран «сталинско-брежневский» Верховный Совет и на Съезде сформировалось «агрессивно-послушное большинство», а Горбачев к нему то ли прислушивается, то ли умело на него воздействует²⁷. СМИ сразу же растиражировали эти резкие обвинения, и их с энтузиазмом поддержал демократический актив общества. Между тем на поверку Верховный Совет оказался по своему составу ничуть не более «сталинско-брежневским», чем сам Съезд²⁸. Яростные атаки демократов подталкивали к слиянию разные силы, представленные на Съезде: действительно агрессивное, антиперестроечное меньшинство (по моей оценке, оно составляло 20—30%) и послушное, конформистское большинство. Что еще хуже, туда же сталкивали Горбачева.

Силы демократов в парламенте были не только ограничены, но разнородны и разрозненны. Однако самый серьезный урон уже на первых съездах они понесли из-за того, что от Съезда дистанцировалось большинство прибалтийских депутатов (которые вскоре вообще отказались активно участвовать в работе СНД). Они не без оснований пришли к выводу, что отколоть свои республики и решить там свои проблемы перспективнее, чем участвовать в общей борьбе за демократию в масштабах Союза²⁹. Но этот прагматический выбор предопределил скатывание многих из них с демократических на националистические позиции, что серьезно ослабляло демократов, ибо провоцировало ответную реакцию иных национализмов. В основе тактики прибалтийских депутатов лежал глубоко ложный, по моему мнению, принцип, что права нации не менее важны, чем права человека.

Но главной слабостью демократов была (и остается) их неспособность организовать и поддержать массовое движение за

экономические и социальные права, стать его органической частью. Повторить то, что сделали польские интеллигенты из Комитета защиты рабочих, сыгравшие выдающуюся роль в создании независимого профсоюза «Солидарность» в значительно более трудных условиях³⁰.

Нельзя сказать, что демократы пренебрегли шахтерским движением. Они направляли десанты в Кузбасс, участвовали в рабочих съездах, готовили для них документы и привечали рабочих вожakov в Москве. Активное участие в этой работе приняла группа сотрудников академического Института международного рабочего движения во главе с Леонидом Гордоном и другие демократы. Чуть позднее эстафету подхватили избранные в 1990 г. на СНД России члены «Демократической России». Но ничего хотя бы отдаленно напоминающего «Солидарность» или Комитет защиты рабочих у нас не получилось. Лидеры шахтерских забастовок со временем разбрелись кто куда. Деятельность столичных интеллигентов свелась к нескольким политическим импровизациям и научным публикациям, обобщившим этот первый опыт массового рабочего движения³¹. Кузбасс же стал позже вотчиной коммуниста Амана Тулеева, способного администратора, блестяще освоившего социальную демагогию. Шахтерскому активу 1989—1990 гг. не хватило политической и общей культуры, опыта организованных действий в защиту своих прав, рабочей солидарности, а демократам — умения и желания вести черновую, последовательную, требующую даже самоотречения организаторскую и просветительскую работу с людьми, которые сильно отличались от легко впадавшей в возбуждение столичной публики³².

РАСПАДАЮЩАЯСЯ ПАРТИЯ

1989 г. был отмечен оформлением и даже некоторым обособлением консервативной оппозиции в КПСС. Если на СНД и на улицах лидировали демократы, то в партии, нанизанной на аппаратные структуры, тон все больше задавали люди, либо изначально-

но враждебные перестройке, либо (таких было значительно больше) переходившие на консервативные позиции по мере того, как в партии и стране росла неконтролируемая низовая активность. Коммунистических фундаменталистов, которые требовали «исключить из КПСС человек 200—300, и все наладится», Вадим Медведев, побывавший в Белоруссии и столкнувшийся там с решительным неприятием перестройки высшими партийными иерархами, назвал «советской Вандеей»³³. На апрельском пленуме ЦК 1989 г., о котором в нашей статье рассказано подробно, эта оппозиция заявила о себе открыто.

В партии издавна почитали три символа абсолютной власти над людьми, о которых поведал Иван Карамазов в поэме о Великом инквизиторе: «чудо, тайну и авторитет»³⁴. Теперь рушились авторитеты не вчерашних, а действующих политиков. Покров тайны рассеивался на глазах. Былые чудеса уже не выглядели таковыми. К концу года произошел тектонический сдвиг. Партийные иерархи, не входившие в политбюро, но не какие-то там заднескамеечники, а, безусловно, люди второго эшелона, вышли на улицу с протестом против линии, которую проводил генеральный секретарь.

Самым заметным событием в этом ряду стал митинг, проведенный 22 ноября на Дворцовой площади в Ленинграде под эгидой обкома и горкома партии. К этому времени в столицах сменились партийные руководители: в Москве место Зайкова занял Прокофьев, в Ленинграде Соловьева сменил Гидаспов. Последний выбор был нестривиальным: Борис Гидаспов был менеджером, возглавившим один из первых и крупнейших в СССР концернов, доктором химических (а не каких-то «противоестественных» вроде «научного коммунизма») наук, членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Ленинской и Государственной премий. Своим присутствием и выступлением Гидаспов придавал митингу, передававшемуся по центральному телевидению, высокий официальный статус³⁵. Не случайно митинг был показан по центральному телевидению. Над толпой реяли лозунги «Хватит каяться, надо ра-

ботать!», «Депутат Верховного Совета, какого цвета твой партбилет?», «Рабочий контроль — стране перестройки!», «Политбюро — к отчету на внеочередном пленуме ЦК!», «Члены ЦК, где ваша позиция?» и т. д. Под статью лозунгам было и большинство выступлений на митинге: требовали внеочередного съезда, персонального отчета всех членов политбюро, клеймили СМИ, «оказавшиеся в руках шаманов», «разложившуюся интеллигенцию», «новоявленных псевдодемократов, которые оплевывают нашу историю» и творят «информационный террор», «запутавшихся прорабов-строителей». Платформа состоявшегося незадолго до того пленума ленинградского обкома, сказал один из ораторов, — это «надежда, которая промелькнула, как светлый луч», а «прослушав доклад товарища Гидаспова, я вспомнил, что вступал в партию большевиков». Сегодня, наглядевшись на анпиловские и им подобные митинги, мы воспринимаем подобные декламации спокойно, понимая, что в обществе существуют маргинальные слои, падкие на крикливую риторику. Но в 1989 г., когда еще не было ясно, в какую сторону качнутся политические весы, все это звучало угрожающе. Такого не было с 1925 г.: партийные инстанции Ленинграда заявили позицию, отличную от официальной.

А что же генсек? В первые годы перестройки, пишет Арчи Браун, Горбачев проводил *либерализацию*, называя ее *демократизацией*: «Это было время, когда переосмысливали и расширяли права, которые уже существовали на бумаге и в советской Конституции 1977 г., и в уставе КПСС, однако их игнорировали на практике». Реформы подвели страну к той грани, к которой подходила Пражская весна. «Выборы 1989 г. в СССР и 1990 г. в республиках вывели страну за пределы *либерализации* и стали критической точкой прорыва к *демократизации*»³⁶. Теперь для Горбачева наступал момент истины. «Прелюбопытнейший феномен, — пишет Александр Яковлев, — вначале Горбачев перегнал время, сумел перешагнуть через самого себя, а затем уткнулся во вновь избретенные догмы, а время убежало от него»³⁷. Тактика компромиссов, линия на консолидацию была в основном верна и про-

дуктивна в первые годы перестройки, но к 1989 г. она себя исчерпала. Глубокие трещины в партии бросались в глаза, но еще не было ясно, где пройдет основной разлом. Сила партийной традиции, привычка к послушанию, авторитет поста генсека, как мне представляется, еще позволяли Горбачеву управлять большинством звеньев партийного аппарата и 19-миллионной партийной массой. Но для этого надо было отсечь гангренозные участки, пойти на раскол партии. Отказаться от иллюзорной консолидации, о которой твердил Горбачев, и попытаться объединить «Демократическую платформу в КПСС» с «послушным большинством». Риск, что это не получится, был очень велик. Но, как известно, кто не рискует, тот не пьет шампанского, а здесь не о шампанском шла речь. И еще раз Яковлев: «Смелость в словах и бессмысленная осторожность на деле. Крупные намерения и мелкие решения шагали вместе, часто даже в обнимку... Михаил Сергеевич пропустил исторический шанс переломить ход событий именно 1988—1989 годах»³⁸. На следующем историческом витке Горбачева обыграл Ельцин, умевший рисковать.

Можно ли было разъединить прогрессистов и реакционеров, состоявших в одной партии, минуя Горбачева, коль скоро он на это не решался? Видимо, среди ее лидеров был только один человек, обладавший для того необходимым авторитетом в глазах не только колеблющейся «Демократической платформы», но и более широкого слоя демократически ориентированных партийцев, — Александр Яковлев. Зная, что идею разделения партии на две части Яковлев вынашивал давно³⁹, я задал ему вопрос: «Не следовало ли перейти от слов к делу?» — «Это была моя ошибка, — сказал Александр Николаевич. — Я не знаю, сколько бы людей пошло в партию демократической или социал-демократической ориентации, но думаю, что это была бы значительная часть КПСС. И к ней примкнули бы здравомыслящие люди, находившиеся в оппозиции... Почему я этого не сделал? Удержала, во-первых, лояльность к Горбачеву, который пообещал, что в ноябре 1991 г. созывает чрезвычайный съезд, на котором будет про-

ведено разъединение. А во-вторых, принятая на XXVIII съезде программа была, скорее, социал-демократической, чем коммунистической. Я надеялся, что партия станет развиваться по этой программе...». — «Если бы такая программа была принята в 1987 г., цены бы ей не было», — заметил я. — «Но и после XXVIII съезда было еще не поздно», — ответил Яковлев⁴⁰.

О XXVIII съезде речь пойдет дальше. Не думаю, что такая попытка, предпринятая после него, да еще без Горбачева и, следовательно, против Горбачева, увенчалась бы успехом. Об этом говорит, в частности, история с созданием летом 1991 г. Движения демократических реформ (ДДР). В него вошли известные «прорабы перестройки» и поддержал его Яковлев. Однако мне хотелось бы предостеречь себя и читателя от искушения оценивать тогдашние намерения и действия людей, отвлекаясь от его реалий и преобладавшего у большинства участников понимания вещей. Надежда развернуть партию на путь реформации сохранялась не только у Яковлева, но и у многих партийцев, остававшихся в рядах КПСС до конца. Вопрос о том, что следовало делать с партией, был, несомненно, одним из ключевых и самых сложных.

Вадим Медведев, член политбюро с 1988 г., принадлежавший к «команде Горбачева», так излагает свое видение. По мере приближения XXVIII съезда баталии стали перемещаться на проблемы партии: ее роли, судьбы, перестройки партии. В партии постепенно стали вырисовываться два крыла, скорее, даже два направления политического мышления и практических действий. Одно — консервативное, неоформленное, но наиболее влиятельное в Центре и на местах. Другое — демократическое, реформаторское. Его представляли генеральный секретарь и те, кто его поддерживал. Позднее оформилась и «Демократическая платформа» в КПСС. Принципиальных различий в общеполитических ориентациях реформаторов в партийном руководстве и «Демократической платформы», полагает Медведев, не было: «дем-платформовцы» лишь резко ставили вопросы демократизации внутри-

партийной жизни, выступая против демократического централизма, за признание свободы фракций в партии, с чем руководство КПСС согласиться не могло. Но и те, и другие были в партии меньшинством.

Никакого иного пути, кроме постепенного, последовательного реформирования и реорганизации партии, перемалывания доминировавших в ней настроений, настаивает Медведев, не было ни в 1988—1989 гг., ни позже. На раскол партии можно было бы пойти, если бы реформаторы могли опереться на какое-то ядро в центральных партийных учреждениях и получить поддержку, пусть не всеобщую, но преобладавшую в ее низах. Что-то для этого делали. Просвещали, объясняли необходимость перемен — сначала, придерживаясь прежних догм, потом выходя за их рамки. Однако процесс этот шел медленно: ведь все мы были из прежнего времени. Обновили состав политбюро, вывели из ЦК пенсионеров. Но это были импульсивные, разрозненные действия. Осмысленного плана реформирования партии, превращения ее в партию социал-демократического типа не было. А главное, предпринятых шагов было совершенно недостаточно. Ведь даже Брежнев, пока не одряхлел, постоянно индивидуально работал с кадрами, ежедневно по графику встречался или разговаривал по телефону с 3—5 секретарями обкомов, членами ЦК. Горбачев созывал многолюдные совещания, выступал на них, казалось бы, с убедительными речами, но они не задерживались в сознании функционеров. Надо было не только дискутировать, но активнее вытеснять консерваторов, выдвигать и пестовать людей иной формации. Оргработу на местах отдали на откуп консерваторам. Не использовали как следует отделы ЦК; некоторые из них превратились в очаги сопротивления перестройке. Не оправдало себя решение приостановить деятельность секретариата ЦК, принятое осенью 1988 г.

В этих условиях попытка расколоть партию оказалась бы губительной, привела бы к катастрофе, к быстрому поражению перестройки. «Мы прикинули, — рассказывает Медведев, — со-

отношение сил на XXVIII съезде: примерно 250 «демплатформовцев» из 4,5 тыс. делегатов. Горбачев, будучи президентом, не мог бросить партию, освободившись от поста генсека, как предлагали и требовали многие. Я считал и говорил ему, что в таком случае с ним в партии останутся лишь небольшие группы интеллигентов, демократически мыслящих людей. Основная же партийная масса пойдет за Лигачевым и Полозковым. И тогда сроку вам и как президенту месяц-другой; вас сметут. Это было мое личное мнение, но оно опиралось на то, что я знал и видел в Москве и в поездках по стране. На XXVIII съезде Горбачев сохранил за собой пост генсека, но практически он уже не мог заниматься делами партии, как прежде, и она шаг за шагом превращалась в оппозиционную президенту силу. Чем это закончилось — хорошо известно».

Такова точка зрения другого видного партийного реформатора⁴¹. Вероятность того, что хирургическая операция на теле тяжело больной партии привела бы именно к тем последствиям, о которых говорил Медведев, была велика. О том, что она сопряжена с громадным риском, я писал выше. Но вызывает серьезные сомнения, что эту партию вообще можно было преобразовать, используя привычный инструментарий: ее регулярные структуры и вертикали власти, сохраняя принцип «демократического централизма». Чуть перефразируя известное изречение, надо признать, что узок был круг реформаторов наверху и далеки они были от десятков и сотен тысяч консервативных аппаратчиков и идеологов, задававших тон среди миллионов партийцев. Брежнев мог успешно замыкать на себя секретарей обкомов, потому что его задача ограничивалась консолидацией своего клана в рамках действовавшей системы. Задача, стоявшая перед Горбачевым и его единомышленниками, была не только масштабнее, но и качественно иной: требовалось демонтировать прежнюю систему и создать новую.

На это, какую разъяснительную работу ни проводи, могли пойти лишь немногие из властной партийной страты, а обновле-

ние ее даже за счет, казалось бы, иных страт, как свидетельствуют примеры Гидасова и других функционеров, упомянутых Медведевым, показали: какую разъяснительную работу ни веди, обновление этого слоя мало что меняло. Состав XXXVIII съезда тоже был целенаправленно сформирован аппаратом. Переиграть его на кадровом поле немногочисленные реформаторы-обновленцы не могли, даже если бы у них был на то разработанный план и все силы были бы брошены на оргработу.

Позиции консервативного крыла в партии не ослабевали, а упрочивались — на него работали трудности и противоречия перестройки. После XXVIII съезда консерваторы стали переходить в наступление. Они не только требовали изгнать прогрессистов из партии, но и начали исключать — при попустительстве Горбачева — сперва «демплатформовцев», а накануне путча и Яковлева. Но даже если предположить, что реваншистов можно было окоротить, чтобы привести КПСС к польскому или венгерскому образцу, на то потребовались бы десятки лет. Такого времени у реформаторов не было.

В 1957 г. Хрущев пошел на революционный шаг. Он апеллировал к ЦК через голову политбюро и выиграл. От Горбачева и его сторонников требовалось большее: обратиться к партийным массам в обход официальных партийных структур, которые контролировал аппарат, открыть «огонь по штабам» (разумеется, в цивилизованной, а не в китайской форме), мобилизовать и самоорганизовать приверженцев демократии снизу. Для этого следовало, в частности, интенсифицировать деятельность горизонтальных партийных структур, зародыши которых увидел и в общем одобрил Медведев на конференции парторганизаций Академии наук в Звенигороде. Но оценить в полной мере революционный потенциал этих структур (которые, правда, находились лишь в эмбриональной, так и не развившейся стадии) реформаторы не смогли.

И здесь от оценки мнений, личных качеств и амбиций героев перестройки, возможности и ставки риска, который безуслов-

но присутствовал бы в отчаянно смелом, гипотетически вообразенном маневре, я перехожу к более общему вопросу: был ли возможен более спокойный и плавный переход, нежели тот, который дал трагические выбросы через два и четыре года? Это самый главный и самый трудный вопрос. У меня и сегодня нет на него категорического ответа.

ИСЧЕРПАНИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Перестройка подходила к концу своего пятого года, так и не решив до конца ни одну из вызвавших ее к жизни проблем. Характерный разговор об итогах 1989 г. состоялся весной следующего года в кремлевском кабинете Леонида Абалкина, назначенного после I СНД СССР вице-премьером по экономической реформе. Он пригласил группу ученых, известных острой постановкой актуальных проблем, и сформулировал перед нами ряд вопросов. Первый: экономическая реформа нуждается в радикализации, но степень готовности к ней разных слоев и регионов страны различна. Что надо делать, учитывая неготовность к тому значительной части общества? Второй: углубление реформы требует общественного согласия. Упущен ли шанс на его достижение? Если нет, то как его добиться? Если да, то как смягчить последствия социальной катастрофы?

Эксперты были единодушны во мнении, что события опережают действия властей, а в обществе нарастают тревога и усталость от политической неразберихи. Опросы показывают: две трети населения считают, что они от перестройки ничего не выиграли. Прибалтика идет впереди, а в России, на Украине и в Белоруссии сплотить большинство (скажем, три четверти граждан) вокруг какой-либо четкой платформы уже невозможно. Однако около половины населения, говорил Леонид Гордон, объединить можно. При этом возможны два варианта. Первый: союз партийно-государственного руководства и аппарата с малоквалифицированными работниками и большой частью крестьян. Второй: реформаторы в руководстве КПСС плюс радикально настроенная

часть общества, которую представляют МДГ, «Демократическая платформа в КПСС», рабочие забастовочные комитеты в Кузбассе. Было бы странно, развивал эту мысль Овсей Шкаратан, если бы реформаторы решили опереться на глухомань. В переходные периоды решающая роль принадлежит центрам.

Татьяна Заславская назвала сторонников радикальных действий основной политической базой перестройки: между ними и Горбачевым нет объективных противоречий. Поражают поэтому репрессии, обрушенные на «демплатформовцев». Консервативное склонение в партии оценили как «национальную катастрофу» и другие участники совещания. К широкому консенсусу, по мнению Николая Лапина, мы сможем подойти лишь в перспективе, время для лобовых методов обеспечения единства прошло. Надо учиться жить в условиях постоянного конфликта, вырабатывая механизмы совмещения и примирения разных подходов.

Участники встречи приводили данные: рейтинг членов политбюро вдвое ниже, чем у лидеров МДГ. Высоким рейтинг был только у Горбачева, Рыжкова и Шеварднадзе, у Лигачева же — минус 70. В таких условиях, предлагали эксперты, надо переносить центр тяжести власти от партии к правительству, а в самой партии легализовать фракции и вести дело к расколу. Если этого не сделать, то люди, дорожащие своим авторитетом, не смогут в ней оставаться⁴².

Представления экспертов не соответствовали, однако, тому, на что были готовы пойти даже наиболее прогрессивные реформаторы. Деятельность партии, в том числе ее высшего руководства, приобретала все более консервативный, охранительный характер. Попытки подтолкнуть процесс обновления снизу тоже терпели неудачу. Сознавая, что страна переживает критический период, а ее судьба находится на развилке, демократы решили призвать к предупредительной политической забастовке. Однако акция не была подготовлена. Идя на резкое противостояние с властью, демократы переоценили свое влияние, что отчетливо

продемонстрировал слабый отклик на их призыв. Становилось более или менее очевидно, что при данной ориентации высшего партийно-государственного руководства и при сложившемся соотношении сил добиться на союзном уровне большего пока невозможно.

Экономическая мотивация в широком масштабе так и не работала, политические устремления начинали казаться тщетными. Надеяться можно было на то, что ведущая роль перейдет к моральному фактору, притягательной окажется сила нравственной позиции. Такое не раз бывало в иных странах в критические моменты их истории. Был такой полюс притяжения и в СССР — академик Сахаров с его непререкаемым гражданским и личным авторитетом. «Мы должны защищать перестройку, — говорил он в одном из своих последних выступлений, — если нужно защищать ее от тех или от того, кто был ее инициатором... Мы все еще надеемся на спокойный, эволюционный ход развития...»⁴³.

В декабре 1989 г. мне довелось выступать на телевизионном круглом столе в Буэнос-Айресе. Ведущий спросил: кого вы можете назвать человеком уходящего года? Несколько человек назвали аргентинского президента Карлоса Менема, два или три — под впечатлением только что рухнувшей берлинской стены — Горбачева. Я уверенно сказал: «Сахаров». Несколько дней спустя пришла весть о его смерти. У демократов остался только один лидер, вокруг которого можно было объединить силы, — Ельцин.

Я ВСПОМИНАЮ...

СРАЖЕНИЕ ЗА «САХАРОВСКИЙ СПИСОК»

Выборы депутатов от Академии наук — один из самых ярких эпизодов весны 1989 г., пример четкой общественной самоорганизации, сражения, проведенного по всем правилам политической стратегии и тактики и увенчавшегося решительной победой демократов над академическим истеблишментом.

Академии наук СССР как общественной организации было выделено 25 мандатов, т. е. вчетверо меньше, чем КПСС, профсоюзам и колхозам (кооперативам), втрое меньше, чем комсомолу, женским и другим организациям. По правилам, разработанным в Центральной избирательной комиссии (ЦИК), которую наделили не только правоприменительными, но и нормотворческими функциями, в выборах имели право участвовать все академики и члены-корреспонденты АН независимо от их места работы (их насчитывалось тогда около тысячи человек) и представители академических институтов (1 делегат от 100 сотрудников). Выборы надлежало провести на конференции АН. Ей должны были предшествовать собрания коллективов в институтах и лабораториях, где можно было назвать имена выдвиженцев. Затем на заседании Президиума АН следовало отобрать кандидатов для тайного голосования на конференции.

В декабре 1988 г. — начале января 1989 г. в академических учреждениях прошли собрания. Уровень профессионализма, политизированности и относительной независимости сотрудников был здесь выше, чем в среднем по стране, и среди выдвиженцев лидировали люди, зарекомендовавшие себя в годы перестройки и до нее приверженцами демократических преобразований. Андрея Сахарова выдвинули 55 институтов, Роальда Сагдеева (одного из нескольких депутатов прежнего Верховного Совета, которые проголосовали против указов Президиума ВС, ужесточивших порядок проведения митингов) — 24, Дмитрия Лихачева — 19, Гавриила Попова — 16, Николая Шмелева — 11 и т. д. На собраниях были также избраны выборщики на конференцию АН. На собрании ИМЭМО я предложил кандидатуру Сахарова и стал выборщиком от института.

18 января состоялось расширенное заседание Президиума АН, в котором, помимо его членов, приняли участие члены бюро отделений, директора институтов — весь начальствующий состав. Академия была, конечно, советским учреждением, но не совсем обычным. Вобравшая в себя значительную часть людей,

которых можно было назвать цветом советской науки, ученых с мировым именем, она позволяла себе некоторую независимость. Академики воспротивились исключению Сахарова, когда он был сослан в Горький, а при выборах в Академию тормозили или даже проваливали наиболее одиозных выдвиженцев власти. В 1964 г., когда усилиями Сахарова, Тамма и др. было заблокировано избрание лысенковца Нуждина, Хрущев даже пригрозил разогнать Академию. Дух «вольнодумства» гулял и по академическим институтам. Однако назначение на начальствующие посты и в Академии жестко контролировал отдел науки ЦК КПСС, одно из самых ретроградных его подразделений. Поэтому не удивительно, что на расширенном заседании Президиума, занявшегося 18 января выдвижением кандидатов, ни один из ученых — лидеров общественного мнения не набрал при голосовании достаточного числа голосов. Из списка ученых, выдвинутых институтами, были номинированы только начальствующие лица. Более того, на 25 мест, отведенных Академии, оставили 23 кандидата. Чтобы погасить скандал, ЦИК тут же сократил квоту АН до 20 мандатов, отдав 5 мест научным обществам и ассоциациям.

Такова предыстория. История академических выборов началась 2 февраля, когда по инициативе сотрудников АН Александра Собянина, Анатолия Шабада и Бориса Волкова (Физический институт), Михаила Мазо и Людмилы Вахниной (Институт химической физики), разославших информацию по институтам АН, состоялся митинг у стен Президиума АН. Более трех тысяч человек заполнили площадку и дорожки перед зданием. На митинге была четко выражена позиция академического сообщества: предпочтения Президиума АН и коллективов институтов оказались противоположны.

В одной из принятых резолюций участники митинга предлагали отменить решение Президиума и произвести повторное выдвижение. В обращении к членам АН говорилось: «Поведение большинства участников заседания представляется безнравст-

венным. Воспользовавшись унаследованным от прошлого монопольным положением, они выдвинули людей, за которых высказались, как правило, одно — от силы два академических подразделения, по большей части те, которые возглавляют сами кандидаты. По сути дела, руководители Академии выдвинули самих себя и, мало того, оградили себя от избирательной борьбы с более достойными и более сильными кандидатами... Нет никакой уверенности, что в других ситуациях их решения будут отвечать необходимым этическим требованиям». Резолюция призвала переизбрать Президиум АН. Обращаясь к 23 выдвинутым кандидатам, участники митинга, отмечая, «что и в этом списке есть несколько кандидатов, пользующихся общественной поддержкой», призывали всех, «кому дорога честь своего имени, кому дороги идеалы перестройки, снять свои кандидатуры» и открыть тем самым путь к повторному выдвижению. Уважающим себя ученым, говорили ораторы, неловко стоять в списке, из которого исключен Сахаров. Научных работников страны митинг призвал безотлагательно заняться созданием объединения ученых на демократической основе⁴⁴.

Так была обозначена программа действий. Но чтобы ее реализовать, следовало создать центр, способный предложить рациональную стратегию и тактику кампании, организовать поддержку академических институтов по всей стране. И такой центр возник сразу же после митинга на самодеятельной основе. Это была группа «За демократические выборы в АН», в которую помимо уже названных организаторов митинга вошли Давид Бериташвили (Институт молекулярной биологии), Владимир Вологодский (Физический институт), Михаил Гервер (Институт физики Земли), Леонид Гордон (Институт международного рабочего движения), Эмиль Дабагян (Институт Латинской Америки), Марина Журинская (Институт русского языка), Алексей Захаров (Институт океанологии), Константин Куранов, Лидия Мягченкова (Институт физической химии), Юрий Мархашов (Институт международного рабочего движения), Евгений Саво-

стьянов (Институт комплексного освоения недр), Марина Салье (Институт геологии и геохронологии докембрия, Ленинград), Николай Санько (Институт космических исследований), Григорий Сурдутович (Новосибирск), Евгений Хелимский (Институт славяноведения и балканистики), Валентина Холодова (Институт физиологии растений), Ше Мидон (ВНИИСХ ВАСХНИЛ), Виктор Шейнис (Институт мировой экономики и международных отношений), Юрий Шиханович (Институт научно-технической информации) и др. — в общей сложности 40—50 человек. В течение 2—3 месяцев эти люди, оставив все дела, занимались академической избирательной кампанией. Ничего подобного в истории Академии не было ни до, ни после. Инициатива эта вскоре вышла за рамки АН, она продемонстрировала возможности общественной самоорганизации, стала фактом политической жизни общества и оказала влияние на весь избирательный процесс в стране.

Самым простым решением была бы отмена результатов голосования 18 января и повторное выдвижение кандидатов. К этому можно было бы прийти, если бы Президиум согласился пересмотреть принятые решения или если хотя бы 4 кандидата из 23 взяли самоотвод. Тогда образовалась бы вакансия, воспользовавшись которой, можно было бы выдвинуть неограниченное число дополнительных кандидатур. Члены инициативной группы вступили в переговоры с представителями Президиума и кандидатами. Они, однако, оказались безуспешными. Даже те члены Президиума, которые молчаливо признавали нашу моральную правоту (например, академик Владимир Кудрявцев), из соображений корпоративной солидарности утверждали, будто возврат к выдвижению нарушит закон. Что же касается кандидатов, то даже наиболее совестливые из них не решились на столь нетривиальный, нонконформистский шаг. Одни — в силу все той же групповой этики, другие — в расчете на легкий путь прохождения в престижный орган⁴⁵. Оставался единственный путь: провалить на выборах возможно большее

число официальных кандидатов и тем самым сделать неизбежным второй тур. Чтобы добиться этого, инициативная группа развернула работу по двум направлениям. Прежде всего необходимо было добиться единодушного голосования выборщиков от институтов, а для этого — укрепить настрой, который выявился в коллективах при выдвижении кандидатов. Подразделения Академии должны были оперативно получать всю информацию о развитии событий, о переговорах, решениях, которые принимала инициативная группа. С этой целью она готовила и рассылала информационные и рекомендательные материалы, проводила консультации, направляла своих посланцев на собрания в институтах. Так, по собственной инициативе и на собственный кошт объехал ряд уральских и сибирских институтов Евгений Савостьянов. Было проведено несколько собраний основных и резервных делегатов от институтов. Кульминационным пунктом стало состоявшееся 1 марта собрание, на котором присутствовало около 200 человек, представлявших 30 тыс. сотрудников академических институтов.

Учитывая настроения, преобладавшие в то время в институтах, это была сравнительно простая задача. Однако контрольный пакет голосов на предстоявшей конференции был не у выборщиков, а у академиков и членов-корреспондентов⁴⁶. Добиться желаемого результата можно было, лишь получив поддержку нескольких сот избирателей — членов Академии. Здесь нужен был гораздо более осторожный и выборочный, по сути, точечный подход. Знаменем нашей избирательной кампании стал академик Сахаров. Выдвинутый и по московскому национально-территориальному округу, он принял тактически точное решение: уступил московский округ Ельцину, чтобы самому баллотироваться только от Академии, хотя включение Сахарова в академический список было тогда еще под вопросом. Инициативная группа настойчиво искала и нашла союзников среди академиков и членов-корреспондентов, обсуждавших с нами каждый поворот кампании, участвовавших в разработке документов и влиявших на

своих коллег. В их числе были Николай Николаевич Воронцов, Михаил Владимирович Волькенштейн, Александр Викторович Гуревич и другие. Гостеприимный дом Волькенштейна и его жены Стеллы Иосифовны стал одной из штаб-квартир инициативной группы.

20 марта во Дворце молодежи на Комсомольском проспекте открылась конференция АН. Райисполком сначала разрешил, но в последний момент под надуманным предлогом запретил проведение митинга. Поэтому делегатов конференции встречали перед зданием пикетчики с плакатами. Фойе было увешано призывами обеих сторон — представления об избирательных процедурах были еще младенческими, и агитация накануне голосования не была запрещена. Лозунги инициативной группы провозглашали: «Без Сахарова горько!», «Решительное нет — наглому да!» «Народный депутат — это вам не народный академик!». Кто-то сочинил вирши: «Кто здесь лучше, кто здесь хуже — сморщив мозг, не думай, друже. Будет лучше, говорят, всех вычеркивать подряд». Кто-то обыграл присутствие в списке кандидата, уже побывавшего в «застойном» Верховном Совете: «Свободу академику Михалевичу, отсидевшему два срока в Верховном Совете!» Не оставалась в долгу и другая сторона. Ее призывы гласили: «Выборы — да! Бойкот — нет!», «Не доверяйте крикунам и демагогам! Они тормозят перестройку!», «Нет анархии! Голосуйте за законно выдвинутых кандидатов!».

По сути, во Дворце молодежи заявили о себе два центра, вокруг которых шла политическая кристаллизация: Президиум АН вместе с представителями ЦИК, с одной стороны, и инициативная группа — с другой. Соотношение сил до самого конца оставалось неясным. Поэтому демократы призывали не бойкотировать выборы, а голосовать против всех: при неизбежном рассеивании голосов «за» только это могло освободить достаточное число вакансий. Обсуждение началось утром и продолжалось до полуночи. Страсти накалились. Приведу по моим записям некоторые высказывания ораторов.

Сахаров: АН — это не управляющие структуры, а институты, где делается наука. Негодование вызвало не то, что не выдвинут Сахаров, а то, что была проигнорирована воля научных учреждений.

Шаталин: Мне было стыдно, что я член Академии. Уверен, что завтра появятся вакансии.

Богомолов: Решения, принятые 18 января, законны. Но нравственен ли выбор? Случаен ли характер отсева? В нем проявилась позиция верхушки АН.

Очень резкую телеграмму прислал из Новосибирска академик А. Д. Александров, попавший незадолго перед тем в автокатастрофу: Операция 18 января — издевательство! Оно должно получить отпор. Надо сорвать комедию выборов, научить людей уважать свои обязанности.

Другие академики (Кабанов, Примаков, Говырин и др.) призывали не раскалывать Академию. На заседании Президиума закон, хотя он и не совершенен, был соблюден, говорили они. Его надо изменить. Это смогут сделать те, кто выдвинуты и кого следует избрать. Не попавшие в список не отстранены от общественной жизни. Они могут выступать в печати, по радио... Не вычеркивайте всех! Итоги обсуждения подвел президент АН Марчук: он призвал голосовать, как подсказывает совесть. Иные пути незаконны или аморальны⁴⁷.

Голосовали на следующий день. Делегаты и наблюдатели от институтов контролировали каждое движение членов избирательной комиссии. По настроению в кулуарах можно было догадываться, кто выигрывает. Однако результаты превзошли самые смелые ожидания: из 23 официальных номинантов были «выбиты» 15 человек. Освободились 12 мандатов.

К вечеру инициативная группа подготовила список из 22—23 выдвиженцев на второй тур. Я немедленно позвонил Сахарову, сообщил итоги голосования и прочел новый список. Затем я показал его Кудрявцеву. «Пойдет!» — ответил Владимир Николаевич, по-видимому, понимавший, насколько скандальным было го-

лосование 18 января. Расширенному Президиуму не хватило «аппаратного разума» Горбачева и его помощников, которые сбалансированно сформировали «партийную сотню». Ведь если бы академик Коптюг («Я голосовал и буду голосовать против Сахарова!», — сказал он) и ему подобные не дали волю своему озлоблению, если бы в список был включен хотя бы один Сахаров, а лучше еще два-три демократических номинанта, академическая кампания вряд ли бы вызвала такую мобилизацию антиаппаратных сил. Но теперь уже их влияние было зафиксировано в цифрах голосования⁴⁸.

В последний день конференции, переместившейся в актальный зал МГУ на Ленинских горах, делегации предложили около 80 кандидатур на второй тур выборов и приняли очень важное решение: в депутаты может быть выдвинут любой сотрудник АН, а не обязательно академик или член-корреспондент. Работа инициативной группы вступила в новую фазу, и цикл повторился: подготовка и рассылка обновленных информационных и рекомендательных материалов, представление «своих» кандидатов, обеспечение их поддержки возможно большим числом институтов. Вслед за списком, составленным Президиумом АН на основе всех предложений и включавшим 142 претендента, в подразделения Академии был разослан перечень кандидатов, которых просила поддержать инициативная группа. На сей раз кандидатуру Сахарова выдвинули 216 институтов⁴⁹, Сагдеева — 181, Шмелева — 149 и т. д. 10 апреля для выдвижения кандидатов вновь собрался Президиум АН, но в узком составе. Руководители Академии сочли, что 37 академиков (а не 190, как в прошлый раз) проголосуют более ответственно. Так оно и получилось: в списке из 25 человек оказалось 12 номинантов инициативной группы.

Вторая избирательная конференция АН состоялась 19—21 апреля. На 12 свободных мест большинством голосов были избраны исключительно кандидаты, поддержанные демократическими силами Академии: известные ученые, активные «пере-

стройщики», в большинстве своем люди, не занимавшие высоких административных постов: Николай Шмелев, Сергей Аверинцев, Вячеслав Иванов, Юрий Карякин, Геннадий Лисичкин, Андрей Сахаров, Николай Петраков, Роальд Сагдеев, Павел Бунич, Александр Яковлев, Георгий Арбатов, Виталий Гинзбург⁵⁰.

Выборы в Академии наук, наряду с голосованием избирателей Москвы и Ленинграда, стали одной из самых значительных побед демократических сил на выборах 1989 г. Они позволили послать в первый перестроечный парламент плеяду ярких демократических политиков, наложивших заметный отпечаток на его работу, особенно в ходе I Съезда. Выборы показали, что можно сделать в нашей стране, когда активные люди начинают формировать ячейки гражданского общества, навязывают власти игру не по тем правилам, которые она установила. На волне этой первой кампании возник межинститутский Клуб избирателей АН, которому было суждено сыграть заметную роль во время следующих — российских выборов, а затем — в экспертной поддержке демократических депутатов.

К сожалению, в последующие годы порыв этот ослабевал. Возникшие было связи и структуры, оказавшиеся не в состоянии решать актуальные для ученых проблемы, распались, а накопленный в 1989—1890 гг. политический капитал был в значительной мере девальвирован. Было ли это предопределено изначально? Не думаю. Причин, по которым политические склонения в институтах Академии наук стали меняться, а сообщество ученых утратило самостоятельную роль в развитии событий, было немало. Но главным, на мой взгляд, было то, что реформаторы бросили фундаментальную науку на растерзание стихийным рыночным процессам. Конечно, в многолюдных академических институтах, типичном порождении командно-распределительной системы, накопилось немало балласта — неэффективных звеньев. Но во всем мире при финансировании фундаментальных исследований значительную, а часто и решающую роль играет государство. Отказавшись от этого, люди, пришедшие к власти,

и депутаты, занявшиеся другими делами (а среди тех и других было немало выходцев из Академии), допустили непростительный просчет. Стратегический — ибо научные институты представляли собой неоценимый ресурс, оставшийся от советского общества. Тактически-политический — демократы отдали на слом важный компонент собственной социальной базы. Моральный — небрежение судьбами людей было расценено как предательство. Но и у академического сообщества не хватило сил ни защитить собственные интересы, ни оказать более существенное влияние на преобразование страны и власти.

МЕЖРЕГИОНАЛЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Две выразительные картины попеременно сменяют одна другую в моей памяти.

29—30 июля 1989 г. первое вне стен Кремля организационно-учредительное собрание Межрегиональной депутатской группы (МДГ). На подходах к Дому кино — небольшая, но плотная толпа симпатизирующих граждан. Вход строго по списку. Когда в узком проходе между легкими заграждениями появляются узнаваемые ораторы МДГ, раздаются аплодисменты. Им дарят цветы. В большом зале вместе с приглашенными — несколько сот человек. Через несколько часов объявляют перерыв. Толпа у Дома кино не уменьшается. Кто-то уходит, приходят новые люди. Съезд закончился, не приняв решений, которых ждали. Теперь все надежды — на демократов: должен же кто-то изменить ход событий...

Десять лет спустя, 28—29 мая 1999 г., поистине в другой стране мемориальная встреча тех, кто вспомнил и пришел. Те же люди, но без молодого задора и отваги, без всепоглощающей веры в достижимость самых невероятных целей. Сначала — фуршет в Доме кино, на следующий день — в Международном университете. Здесь собравшихся послушать ораторов уже втрое меньше, чем вчера на фуршете, а после перерыва ушла еще половина. В зале — от силы несколько десятков человек. Нет возж-

дей, нет именитых приглашенных. Просил извинить его Юрий Афанасьев, «горячие дружеские приветия» прислали из Варшавы Сергей Станкевич, из Парижа Анатолий Собчак, из Вашингтона Олег Калугин (не депутат СНГ и не член МДГ). Михаил Сергеевич, улетаая в Австралию («жизнь расписана на два года вперед»), заявил, что МДГ ему дорога. Борис Николаевич, как сообщили собравшимся, «вроде бы дернулся, но здраво оценив ситуацию, не пришел, хотя через третьи руки передал привет».

В вялой дискуссии — извечное «*Кто виноват?*». «Виноваты мы, наши ошибки, а не идеи, в которые мы верили». «Мы с горечью и раскаянием должны признать, что вовремя не разглядели... Ельцин — злой гений России и ее народов...». «Все ныне действующие партии — и правящие, и оппозиционные — партии бюрократии». И еще, конечно, «*Что делать?*». «Солідарно выступить на защиту своих бывших членов, подвергшихся репрессиям». «Не осуждать не только руководителей, но и друг друга». «Создать коммерческий центр, заработать деньги и учредить клуб». «Создать собственный полюс борьбы за власть, которая будет отражать интересы простого человека». Спор: «Надо потребовать запрета КПРФ». — «Нет, это очень опасно!» — «Ничего не опасно. Кто пойдет их защищать? Кого Зюганов выведет на улицы?» — «Это не конституционно!» — «А октябрьский переворот был конституционен? Надо разом покончить с этой преступной организацией, тогда и вся ситуация станет легче и проще».

Не слишком внимательно слушали. Вопросами и репликами уводили в сторону. Каждый говорил свое: экологические угрозы, научно-технический прогресс, модели развития: американская, европейская, японская... С места кричали: «Кому нечего сказать, пусть лучше не выходит». И выходили — не только на трибуну, но и из зала — покурить, поговорить, повспоминать...

Запись в моем дневнике: «Обидно, тоскливо, больно наблюдать остатки той группы, с которой были связаны главные надежды. Всеми забытые, никого не интересующие, без прессы,

без телекамер, разошедшиеся по разным дорогам, некогда на короткий момент оказавшиеся в авангарде... А сейчас собраны с бору по сосенке на деньги, которые где-то добыл Мурашев». (Позднее я узнал, что добыванием средств озаботились также Бурбулис и Прусак.)

Таков известный финал. И все-таки вернемся в 1989 г. На третий день работы Съезда, после того, как ряд предложений демократических депутатов был провален и объявлены результаты выборов в Верховный Совет, вслед за Афанасьевым, бросившим перчатку в лицо «агрессивно-послушному большинству», выступил Попов. «Аппарат одержал, безусловно, свою победу, но, в общем-то, победить было нетрудно... здесь, в этом зале. Но кто, спрашивается, победит инфляцию в стране, кто победит пустые полки магазинов, кто победит некомпетентность руководства?». Мы, говорил оратор, работали день и ночь, писали документы, готовы были включиться в конструктивную работу. Но раз так, «...нам остается подумать об изменении позиций... Мы предлагаем подумать о формировании независимой депутатской группы и приглашаем всех товарищей депутатов, чтобы они к этой группе присоединились»⁵¹.

Это, конечно, была «домашняя заготовка», объявленная довольно осторожно: даже название предложенного объединения — межрегиональная группа — было нарочито нейтральным, лишенным политической окраски. Но надо вспомнить расхожую политическую лексику того года, чтобы оценить, как прозвучала инициатива демократов в съездовском зале, охваченном «энтузиазмом послушания» (выражение Адамовича). «Вы сегодня предложили Съезду создать фракцию — это безумие», — заявил директор зверосовхоза из Карелии⁵², привыкший, как и большинство других депутатов, прошедших школу партучебы, видеть во фракциях нечто чуждое и враждебное существующему порядку. Собственно, так оно и было. Попов, раздраженно реагируя на поведение Горбачева, бросил: «он хочет партию оппозиции — он ее получит»⁵³.

Численность МДГ определить непросто: никакого четко зафиксированного членства в ней не существовало. В дни работы I Съезда и сессии Верховного Совета свое участие в собраниях группы обозначили 316 депутатов (в том числе около 90 членов Верховного Совета), однако позднее не все они вошли в ее состав. На июльском собрании было объявлено, что в той или иной форме свое участие в деятельности МДГ подтвердили 269, а до того желание стать ее членами изъявляли еще 119 депутатов. Складывая эти цифры, получаем максимальную численность МДГ — 388 человек⁵⁴, но в голосованиях на собрании участвовали только 180 межрегионалов. «Твердых» членов группы начитывалось в 1989 г., вероятно, 200—250. Можно примерно оценить влияние группы на депутатский корпус: за ее предложения на I Съезде проголосовало от 379 до 831 человека. Это означало, что при благоприятных условиях демократы могли созвать внеочередной съезд (нужны были подписи 1/4 депутатов) и даже заблокировать решения, требовавшие 2/3 голосов.

Это была внушительная, хотя, конечно, не доминирующая сила. На июльском собрании предстояло организовать и обсудить, как ею распорядиться. В двухдневной дискуссии выступили несколько десятков депутатов. Обсуждали главным образом три сюжета: ситуация в стране, отношения с властью и задачи межрегионалов⁵⁵. Тон обсуждению во многом задали концептуальные доклады Попова и Афанасьева.

Оценивая ход событий, ораторы говорили, что решения Съезда оказались неадекватными развитию грозных процессов. Сейчас, сказал Попов, спор идет уже не между сторонниками и противниками перестройки, как в 1985 г., и не среди сторонников перестройки — за выбор аппаратного или революционно-демократического варианта, как было еще недавно. После Съезда и забастовок развитие все равно примет революционно-демократический характер, но может пойти либо правовым, либо стихийным путем. Стихийный же штурм власти приведет к гражданской войне, знаменитому русскому бунту, по Пушкину —

«бессмысленному и беспощадному». Перед лицом грозного разворота событий и сотрясающих страну катастроф, говорил Афанасьев, власть действует всегда с опозданием и всегда неуклюже. Ее топтание на месте создает вакуум, который может быть заполнен или стихийными, или организованными действиями. МДГ как раз и пытается отвлечь катастрофу, но этого не хочет понять и изо всех сил противодействует власти.

Критика, пока еще сдержанная, прозвучала в адрес инициатора перестройки и его коллег. В этом вопросе у двух главных идеологов группы можно было заметить некоторые разночтения. Отвергнув «инсинуации», будто МДГ стремится к власти, Попов заявил: наша цель — радикализировать Верховный Совет; все наши действия «целиком укладываются в рамки советского, социалистического плюрализма, но надо, чтобы нынешнее руководство стояло на двух ногах: аппаратной и демократической». Афанасьев пошел дальше. Горбачев, говорил он, совместил все посты, какие только можно представить. «Он единственный на земном шаре и президент, и главнокомандующий, и спикер парламента, да еще и “верховный жрец”... А политический вакуум налицо». Между тем прошло время, «...когда он мог с успехом оставаться и лидером перестройки, и лидером номенклатуры. Сейчас надо сделать выбор. Тем более, что теперь он уже не единственный лидер перестройки». Афанасьев, транслировавший в этой аудитории некоторые идеи Михаила Гелфтера, стало быть, ни о какой опоре на две ноги не помышлял.

Для объяснений с межрегионалами на собрание приехал Примаков. Его речь, мягкая и примирительная по форме, содержала жесткую отповедь: деятельность МДГ может быть полезной, коли вы вместо того, чтобы выдвигать «несуразные требования», станете готовить альтернативные законопроекты, поправки, участвовать в работе комитетов. Несуразными Примаков, вероятно, посчитал элементарные требования группы: предоставить ей помещение, дать возможность издавать собственную газету и т. п. Примаков обвинил межрегионалов в том, что они-де

создают «замкнутую группу», «какую-то организованную ячейку», которая будет противостоять Верховному Совету⁵⁶. Выступление Примакова вызвало резкие возражения депутатов. Руководящая роль партии, сказал Александр Гельман, тормоз перестройки. Запрет 300 депутатам издавать газету — «это просто грубое, я бы сказал, наглое доказательство тому, что никакой власти Съезд народных депутатов и народные депутаты пока не имеют»⁵⁷. Примаков просто выполнял социальный заказ, заявил тульский депутат Лапшов, но мы не опустимся до предложенной нам жалкой роли дискуссионного клуба. Так выглядел обмен любезностями между представителем власти и межрегионалами.

В своих выступлениях депутаты перечисляли неотложные меры, которые необходимо предпринять в экономике в ответ на требования шахтеров, в экологии, при решении национального вопроса, реформировании партии и Советов, а также пересмотре «болтливой и блудливой брежневской Конституции». Развернутую программно-политическую речь произнес Ельцин, потребовавший, чтобы партия стала подотчетной Съезду. Но прежде всего, говорили ораторы, следует набраться мужества и преодолеть сидящий внутри всех нас страх. Эмоциональный настрой создавали звучавшие в зале прекрасные стихи. Попов напомнил строки Ахматовой военной поры: «Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне. / Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет». Афанасьев процитировал четверостишие из романа Гроссмана: «Из чего твой панцирь, черепашка? / Я спросил и получил ответ: / Он из мной накопленного страха. / Ничего прочнее в мире нет».

Дискуссия показала крайнюю разнородность МДГ. Еще яснее это стало, когда подошли к деликатной проблеме: кто будет возглавлять группу. Звезд первой величины среди межрегионалов было немало, но только Ельцин обладал опытом руководящей и организаторской работы. Кроме того, именно он привлекал на весенние предвыборные митинги сотни тысяч людей. Он выиграл выборы у ставленника номенклатуры с разгромным сче-

том. Он сыграл роль локомотива для тех московских кандидатов, которые накануне голосования подписали протест против антиельцинских интриг, затеянных партбюрократами: избиратели, голосуя за них, поддерживали Ельцина. Довести до них этот небольшой, но резкий текст было делом техники⁵⁸. Наконец, по своей биографии, антиноменклатурным заслугам, характеру и устремлениям Ельцин отчетливо претендовал на роль лидера.

Здесь, однако, возникла незадача. Ельцин не был героем большинства столичной интеллигенции. Его прошлая карьера, крутые выражи в 1985—1989 гг., известная духовная инородность не внушали доверия многим влиятельным членам МДГ. Избрание Ельцина единоличным лидером могло бы повести если не к расколу группы, то к ослаблению связи с нею людей, которые были ее важным политическим и интеллектуальным резервом. Присутствуя в зале в качестве приглашенного, я не знал подробности разгоравшихся за кулисами споров, но чувствовал нараставшее напряжение, нервозность речей и поведения депутатов, когда перешли к выборам руководства. Вот выдержки из выступлений.

Шаповаленко: Нам нужен лидер. Предлагаю Ельцина.

Станкевич: Срок полномочий — один год.

Попов: Как будет себя чувствовать руководитель, избранный всего на год?

Болдырев: Хотите создавать жестко централизованную партию — создавайте. Я не участник. Мы формируемся не вокруг лидера (аплодисменты).

Пальм: Только сопредседатели. Лидер — губительно. Лидером не назначают и не избирают. Им становятся.

В конечном счете вопрос был поставлен на голосование, и большинство высказалось за избрание пяти сопредседателей⁵⁹. Теперь проблему уже можно было решать в ходе свободной игры сил. В бюллетень для тайного голосования были внесены 13 кандидатур. По рейтингу прошли Ельцин (144 голоса), Афанасьев (143), Попов (132), Пальм (73) и Сахаров (69). Расклад голо-

сов выразил реальное соотношение сил внутри МДГ⁶⁰. На этом деле, однако, не кончилось. Вновь заспорили, избрать ли из пятерки одного «главного» председателя, принять ли принцип ротации в ней (предположительно на год, за более дальний горизонт никто не заглядывал) или управлять группой коллективно. Было ясно, что в первом и втором случаях лидером станет Ельцин, занявший первое место по рейтингу. Заславский, Яблоков, Шоповаленко и Попов высказались за ежегодную ротацию; Болдырев («Не хочу быть ни ельцинцем, ни поповцем»), Белозерцев, Игитян — категорически против; Оболенский потребовал переоголовоания. Большинство согласилось с доводами Афанасьева: объективно Ельцин стал на политической сцене страны второй после Горбачева фигурой. Но не менее важна и слаженность в работе МДГ. В нее входят люди с разными ориентациями. Правильнее создавать группу не вокруг лиц, а вокруг платформы. Руководить должны все сопредседатели на равных, а обязанности распределить, как сложится... После этого был избран координационный совет (КС), в который вошли сопредседатели и еще 20 депутатов. Основную организаторскую работу в КС стал выполнять ее ответственный секретарь Мурашев⁶¹. Не получив помещения в здании, где собирался ВС, межрегионалы расположили свою штаб-квартиру в комнатах комитета ВС по науке, который возглавлял Юрий Рыжов, и в Доме ученых на Кропоткинской.

Решение о руководстве (а по сути о принципе организации МДГ) имело большое политическое значение и долгосрочные последствия. Станет ли группа ядром, вокруг которого сформируется общесоюзная политическая партия, или же сыграет роль сторающей ступени ракеты-носителя для «Демократической России» и восхождения Ельцина на главный российский политический пост? Казалось, руководство МДГ было сбалансировано идеально. По свидетельству Попова, сопредседатели органично дополняли друг друга, а «возникшие внутренние трения мы удачно гасили»⁶². Однако время для нормальной парламентской пар-

тии с коллективным руководством еще не пришло ни в России, ни тем более в СССР. Общесоюзная оппозиционная партия (или движение) могла быть в то время только лидерской, а единственным лидером, способным ее возглавить, был тогда Ельцин. Однако роль, отведенная межрегионалами амбициозному политику, даже не «первого среди равных», а уравненного с четырьмя другими лидерами, не могла стать для него привлекательной. МДГ показала, что не готова стать строительным материалом для политической организации, прокладывающей ему путь к власти. Интерес Ельцина к группе (а тем самым и к действиям на союзной арене) явно слабел. После российских выборов он не только практически перестал участвовать в работе Верховного Совета СССР, в который был проведен с великим трудом и где и до того был не слишком активен, как и в Координационном совете МДГ, но и увел с собой группу наиболее близких к нему союзных депутатов. Сахаров умер. Пальм по мере того, как прибалтийские депутаты все более уходили в сецессию, переставал кого-либо представлять. И «сборная солянка» МДГ, возникшая на волне общего подъема, стала распадаться на части. Если и был какой-то шанс на интегрирующую роль МДГ в демократическом движении, то он, как вскоре обнаружилось, стал исчезать на глазах. С политической сцены уходила единственная организация, которая могла бы отстаивать сохранение Союзного государства на демократической основе.

Все это произошло, однако, чуть позже, а в 1989 г. МДГ была на подъеме. Визитной карточкой группы была плеяда ярких политиков, ораторов, профессионалов высокого класса, выдвинутых перестройкой. Сопредседатели МДГ пользовались высоким авторитетом в обществе. По воспоминаниям Аркадия Мурашева, подлинным лидером группы, «руководителем по факту, всегда державшим руку на пульсе», был Гавриил Попов — теоретик, концептуалист, всецело отдавшийся политической работе. В высшей степени ответственно относился к взятым на себя обязательствам Сахаров: он исправно посещал заседания ВС

(членом которого не был) и КС МДГ. По каждому вопросу у него была тщательно продуманная позиция, его выступления были всегда не только убедительными, но и уважительными по отношению к не согласным с ним коллегам. Скрупулезность ученого-естествоиспытателя неизменно демонстрировал Виктор Пальм. Афанасьев был убедителен и глубок в тех случаях, когда давал себе труд заранее обдумать обсуждавшийся вопрос. Ельцин был минимально активен в самой группе, зато испунал это представительской деятельностью.

Несколько десятков депутатов входили в актив МДГ. Не всегда заметную для публики, но очень важную роль в жизни группы — по сути, политической фракции на Съезде — играли Юрий Рыжов, Галина Старовойтова, Сергей Станкевич, Юрий Болдырев и другие. С очень разными биографиями, жизненным и политическим опытом, да и с разным отношением ко многим накатывавшимся событиям, они влились в группу, по выражению Бурбулиса, «как в плавильную печь». Дискуссии, продолжавшиеся по много часов, нередко приобретали очень острый характер. Это и понятно: ведь основным предметом споров были уровень, масштаб и формы оппозиционности по отношению к власти.

23—24 сентября состоялось второе общее собрание группы. Тон по-прежнему задавали программные выступления Афанасьева и Попова о политической ситуации в стране. За прошедшие месяцы конфронтационный настрой явно усилился — как и натиск на Горбачева. Один за другим ораторы повторяли: надо признать, что МДГ — оппозиция. Почему Горбачеву нет альтернативы? Зачем Сахаров сказал так на I Съезде? Это Достоевскому нет альтернативы, а Горбачеву есть! Мы в оппозиции к нынешней КПСС и не верим в ее очищение, — говорили Игитян, Кудрин, Черняк. Собчак покритиковал Афанасьева за то, что в его докладе многое недосказано, в частности, как быстро ухудшается экономическая ситуация. Бурбулиса не удовлетворила общая формула о том, что МДГ находится в «конструктивной оппозиции»: в стране складывается двоевластие, но в оппозиции не мы. Пусть

себя аттестуют оппозицией те, кто с нами не согласен, — заявил он под аплодисменты зала. Борис Николаевич, сказал Черняк, постоянно подчеркивает, что он не оппозиционер. Вы уже давно оппозиционер, народ Вас таким видит!

Ужесточение позиции, с которой выступали межрегионалы, объяснялось не только углублением кризиса, пробуксовыванием перестройки, наглядной безрезультатностью работы Съезда и Верховного Совета, но и ужесточением позиции власти по отношению к МДГ. Афанасьев, Сахаров, Мурашев и Логунов рассказали о состоявшейся накануне совещания встрече с Лукьяновым и Примаковым. Мы готовы сотрудничать, говорили оба политика, но на наших условиях: ваше место — в комитетах, а мы определим, что ценно в ваших предложениях. В издании газеты депутатам снова отказали, сославшись на решение Президиума ВС. И это — на фоне появления бесчисленных райкомовских, иных антидемократических листков. Отвергнута была и идея Общественного фонда депутатских инициатив. Если вы начнете раскачивать ситуацию, два или три раза жестко повторил Лукьянов, начнется борьба: не позволим говорить с нами на языке требований.

Наблюдателю из зала могло показаться, что позиция руководителей ВС СССР по отношению к МДГ была однозначной и единой. На деле все было сложнее. В целом, рассказывает Мурашев, выполнявший функцию «офицера связи», отношения были довольно спокойными, существовала даже скрытая кооперация с Горбачевым при решении некоторых вопросов. Увидев, что МДГ состоялась, Горбачев и Лукьянов в частных встречах выказывали благорасположение: мы все хотим одного и того же. При этом, вспоминает Бурбулис, Лукьянов старался вести себя корректно, изыскивая средства разобщить и нейтрализовать МДГ, и был в этом виртуозен. Одних депутатов он одаривал отеческой заботой и, ведя заседания, сразу «замечал» их у микрофонов, других — не видел «в упор».

Позиция же Примакова, говорит Бурбулис, была сложнее: «С одной стороны, он — государственный, на мирозозерцание

которого наложил отпечаток тот факт, что он десятки лет занимался вопросами безопасности, был посвящен в тайники советской системы. Примаков по убеждению выполнял свои обязательства перед государством. С другой стороны, как человек глубокий, он видел, что в МДГ сосредоточен интеллектуальный цвет Съезда, с чем нельзя не считаться, понимал историческую неизбежность утверждения либеральных и демократических ценностей. Видимо, в руководстве страны не было человека, который тоньше, глубже и пронзительнее понимал, куда ведут события. Поэтому в дискуссиях с Горбачевым и Лукьяновым он в одних вопросах поддерживал МДГ, в других — соглашался, что ее деятельность надо пресекать»⁶³.

Были, однако, у МДГ в руководстве страны и откровенные враги, не гнушавшиеся сыском и доносами. По свидетельству А. Яковлева, информационные доклады КГБ о деятельности межрегионалов «были полны неприязни, запугиваний, обвинений и ярлыков». Нечего и говорить, что слежка за депутатами, от которой Крючков бесстыдно отрекся, была незаконной. Однако дезинформация, регулярно поступавшая к Горбачеву, сбивала его с толку, влияла на его отношение к МДГ. Он, в частности, воспретил Яковлеву посещать собрания межрегионалов⁶⁴. Возможность навести мосты между главным реформатором и главной политической организацией демократов в те критические месяцы, когда развитие событий еще можно было направить по иному руслу, была упущена.

Между тем на свое второе собрание межрегионалы пришли не только с общеполитическими заявлениями. Были подготовлены развернутые доклады по платформе МДГ. По национально-государственному устройству свой анализ и предложения представили Сахаров и Старовойтова, по политическим организациям — Станкевич, по экономике — Травкин, по социальным вопросам — Заславская, по военным — Мартиросян, по экологии — Яблоков, по аграрным проблемам — Емельянов. Это был значительный шаг вперед в депутатской деятельности, реальное продвижение к кон-

структивному парламентаризму, хотя высказанные идеи, как сокрушался Собчак, еще не были выведены на уровень законопроектов. Впрочем, в сложившихся условиях межрегионалы избрали разумную тактику: прогрессивные законопроекты (о свободе совести, праве въезда в страну и выезда из нее, о печати и др.) вносила не МДГ (в этом случае их скорее всего консервативное большинство отклонило бы), а комитеты при активном участии членов МДГ. Эту тактику восприняли демократы в российских парламентах. С обстоятельным докладом о неотложных мерах социально-экономической, национальной, кадровой политики, об отношении к КПСС и созыве чрезвычайного Съезда народных депутатов выступил Попов.

Наиболее заметным оппонентом усиливавшемуся конфронтационному подходу межрегионалов был Болдырев. «Существуют, — говорил он, — два разных видения тактики МДГ на Съезде: жесткое противостояние или поиск способов оказывать влияние на принимаемые решения. Поведение многих депутатов диктуют эмоции. Резкими заявлениями мы отбрасываем колеблющихся в лагерь консерваторов. Разговор с властью вести не удастся, но это реакция на зачастую непродуманное, чрезмерное давление. Нам говорят: “Хотите конфронтации — будет вам конфронтация”. Между тем ни одно наше требование, выдвинутое в таких условиях, не прошло. Не следует добиваться чрезвычайного Съезда: наши предложения там будут отвергнуты, а рассчитывать, что граждане в ближайшем будущем отзовут консервативных депутатов, не приходится. Наши предложения надо стараться проводить в комитетах. Если они будут заявлены от их имени, а не межрегионалами, выходящими на авансцену и размахивающими своим знаменем, есть шансы на успех. Пусть ВС будет не левым, но самостоятельным. А в партии надо защищать ЦК от правых». Эта позиция шла вразрез с господствовавшим в МДГ подходом⁶⁵.

Кризис МДГ наступил в конце 1990 — начале 1991 гг. Острые расхождения возникали и раньше — например, следует ли

поддержать призыв Сахарова к всеобщей политической забастовке в конце 1989 г. Однако они, как правило, не проявлялись вовне. Предвестием того, что группе не устоять перед накатом событий, был глубокий раскол на III СНД СССР по вопросу об избрании Президента СССР. Около полтораста межрегионалов унесли бюллетени. После того, как в январе 1991 г. были предприняты силовые попытки остановить продвижение прибалтийских республик к независимости, их депутаты, входившие в МДГ, ушли со Съезда. Попов тогда говорил, что это игра с огнем: лучше оставаться в СССР, возглавляемым Горбачевым, чем быть вне его, если к власти придут его противники. Но такую позицию разделяли не все. После августовского путча и в дни V СНД СССР межрегионалы уже не собирались. Большая их часть проголосовала за ликвидацию союзного парламента.

Сегодня, подводя итог рано завершившейся деятельности МДГ, подчеркну, что в истории перестройки это было очень крупное и важное явление, которое, конечно, ушло не бесследно. К моменту возникновения этой группы в стране существовали уже сотни неформальных организаций. С позиции властей, МДГ тоже оставалась неформальным объединением, но за ним стояли миллионы избирателей и говорили межрегионалы с самой высокой и — короткое время — самой авторитетной в государстве трибуны. В политическом пробуждении и воспитании общества межрегионалы сыграли выдающуюся роль, демонстрируя достойные образцы речи и поведения в стране, где, как напомнил Левашев на мемориальной встрече 1999-го, пропали не только классы и сословия, но и типажи людей. 200—300 человек вставали, когда Сахаров сходил с трибуны, и сидели, когда вставали 5 тысяч приветствовавших державно-коммунистическую риторику. От МДГ протянулась прямая линия к российским демократам следующей волны.

Справедливости ради следует сказать, что во многом по объективным, но также и по субъективным причинам МДГ не реализовала все заложенные в ней потенции. На мой взгляд, она переоценила силу и недооценила отрицательные последствия не-

контролируемых экономических и социальных процессов. Хотя экономический кризис и распад государственных структур зашли дальше, чем ожидали межрегионалы в 1989—1990 гг., гражданская война и бунты по стране, к счастью, не прокатились. А потому усилившийся алармизм, подталкивавший к жесткому противостоянию власти («Люди устали ждать», — говорил Ельцин на июльском собрании МДГ), был чрезмерен. Нетерпение в обществе в известной мере нагнетали сами демократы.

С этим была связана и другая слабость группы: она явно переоценила свое влияние на общество. В меньшинстве мы в этом зале, говорили межрегионалы, а в стране мы большинство. Депутат Еременко даже назвал соотношение — за нами три четверти населения. Это была типичная политическая аберрация. Большинство граждан, эти самые три четверти или даже больше, к тому времени уже не верили власти. Но надо было быть очень большим оптимистом, чтобы считать, будто власть потеряла всякий контроль над обществом и, случись новые выборы, парламентское большинство составили бы единомышленники межрегионалов. Кроме того, идеологи МДГ, очевидно, недооценили социальную болезненность перехода к новой экономике, к новому государственному устройству. А это означало, что общественная поддержка радикальных преобразований, приступи к ним в духе предложений МДГ, стала бы сокращаться.

Наконец, межрегионалы неверно оценивали расстановку противостоявших им сил. Склонение Горбачева вправо (по принятой тогда политической геометрии), которое проявилось уже в 1989 и усилилось в 1990 г., едва ли может быть поставлено под сомнение: об этом говорят многие приближенные к нему в то время межуаристы. К этому его в известной мере подталкивали демократы. Но для «правых» он все равно был уже «отрезанным ломтем», и сколько-нибудь прочное примирение с ними едва ли было для него возможно. Поскольку в среде консерваторов вызревала идеология и стратегия социально-политического реванша, Горбачев — инициатор и архитектор перестройки мог им понадобиться лишь

как временное прикрытие. А значит, его реформаторский потенциал (в перспективе нескольких лет, а не месячных зигзагов) еще не был исчерпан, и сбрасывать его со счета, учитывая еще сохранявшиеся в его руках рычаги воздействия на положение в стране, было ошибкой. Но межрегионалы пришли к заключению, что нескольких лет позиционной борьбы в запасе нет, и их стратегия все больше ориентировалась на разрешение противоречий радикальными средствами в близкой перспективе.

Вязкое сопротивление одних, колебания и нерешительность других, нетерпение и активизм третьих направили развитие СССР в такое русло, в котором для МДГ не осталось места. А жаль, это был неплохой проект.

ПАМЯТИ А. Д. САХАРОВА ⁶⁶

Уходят в невозвратное прошлое, отодвигаются валом набегающих событий скорбные декабрьские дни 1989-го, и мы начинаем — только начинаем! — понимать, кем и чем был Андрей Дмитриевич Сахаров в жизни нашей страны. Осознавать его гениальность. Его заблуждения, какие в былые времена он разделял со столь многими, но которые он понял первым и сделал все, чтобы исправить то, что можно — и даже то, что нельзя было изменить. Его безукоризненно строгие выводы из размышлений о стране и мире, диагноз ученого, к пониманию которого лишь теперь подтягивается наше общество. Его бесстрашную независимость, которая задавала нравственные ориентиры в стране, где десятилетия жесточайшего террора и духовного растления приучили целые поколения к безответной и безответственной вере, к послушанию и отречению от себя.

В новой и старой истории России немного можно назвать людей, чьи заслуги перед государством и обществом были бы так велики и неоспоримы. Государству он дал оружие колоссальной разрушительной силы, которое позволило стране, пре-

тендовавшей на лидерство во всемирно-историческом процессе, подкрепить свои притязания громадной военной мощью, поддерживать у себя дома имперское сознание и заморозить на десятки лет в Восточной Европе режимы, созданные по образу и подобию этого государства и рухнувшие в одночасье в минувшем году. Современник самой страшной войны в российской истории, Сахаров в водородной бомбе видел не меч, а щит на будущие времена. Как и Эйнштейну, который призвал американское правительство форсировать создание ядерного оружия против Гитлера, а под конец жизни сказал, что, начни он сызнова свою карьеру, предпочел бы стать кем угодно, хоть водопроводчиком, но не физиком, Сахарову пришлось увидеть, что может творить государство под прикрытием такого щита. Прозрение было мучительным, но стал он не водопроводчиком, а глашатаем большой совести нашей интеллигенции. Эйнштейна не захотели слушать. Сахарова предали анафеме, протащили сквозь строй клеветнических кампаний, а когда убедились, что во всем громадном арсенале государства нет средств, которые могли бы заставить замолчать непокорного академика, была проведена чисто уголовная по замыслу и стилю операция захвата, изоляции и медленного удушения человека, чьим оружием были только мысль, слово и моральный авторитет.

Наследники Сталина, возглавлявшие в то время наше государство, еще раз продемонстрировали стране и миру, что нет таких законов, божеских и человеческих, над которыми они не могли бы надругаться, коль скоро брошен вызов их власти, хотя бы над умами и совестью людей. И напротив, освобождение Сахарова было едва ли не первым доказательством серьезности намерений нового политического руководства, веским свидетельством его перехода от слов к делу — правда, лишь к концу второго года перестройки. Освободив Сахарова из горьковской ссылки, Горбачев надломил устойчивое недоверие к власти со стороны тех общественных сил — в первую очередь, демократической интеллигенции, — которые только и могли стать его

самыми надежными союзниками, главной социальной базой перестроечных процессов до тех пор, пока в них не были вовлечены широкие массы народа. Естественно и органично Сахаров стал политическим лидером, высшим моральным авторитетом, знаменем этих сил.

Когда будут опубликованы протоколы политбюро и другие аналогичные документы, мы увидим, вероятно, как трудно было Горбачеву и его сторонникам провести в том составе партийно-государственного руководства решение, которое знаменовало выразительный разрыв с прошлыми беззакониями и идеологией воинствующего обскурантизма, хотя восстанавливало оно лишь элементарную справедливость. Даже не полностью восстанавливало, ибо первую смелую политическую акцию перестройки провели полугласно: было затушевано, «простило» ли великодушное государство своего гражданина или признало свою неоплатную вину перед ним. Потому и возвращение Сахарова к активной общественной деятельности растянулось на ряд месяцев, а месяцев этих, как мы теперь знаем, оставалось мало⁶⁷...

И все же удивительно много успел и смог сделать в эти последние, звездные часы своей жизни далеко уже не молодой человек с подорванным здоровьем, но с ясным умом, обостренным нравственным чувством и негибимой волей. Как никто другой, Сахаров внес выдающийся вклад в возрождение в нашей стране структур гражданского общества.

К началу 1930-х годов всё, хотя бы отдаленно напоминавшее эти структуры, любая самодеятельная общественная активность, не контролируемая сверху, была придавлена тяжелым катком тоталитарного государства. Восстановление того, без чего немислима современная цивилизация, началось в 1980-х годах — если не считать небольших и изолированных очагов свободной мысли и гражданского поведения, за которые люди расплачивались свободой, здоровьем и самой жизнью, — практически на пустом месте, на потрескавшемся бетоне. Формирование же всего демократического, «левого» сектора нашего гражданского общества

кристаллизовалось вокруг Сахарова. Прежде всего вокруг Сахарова, ибо его имя, его ясная политическая позиция и безупречный моральный авторитет были бесспорным индикатором и надежной гарантией демократической ориентации выходивших на общественную арену организаций, честности и справедливости тех позиций, на защиту которых он вставал.

Он дал старт клубу демократической московской интеллигенции — «Московской трибуне», возглавил «Мемориал», воздвигнутый «снизу» усилиями тысяч самоотверженных активистов по всей стране, твердо встал на защиту прав населения Нагорного Карабаха, добивался освобождения арестованных членов комитета «Карабах». К нему за поддержкой обращались несчастные месхетинские турки, а также те, чья совесть не могла смириться с кровавой резней в Тбилиси, забастовщики Кузбасса, Донбасса и Воркуты. Ему, с первого дня выступавшему против вторжения советских войск в Афганистан — как прежде в Чехословакию, — в огромной степени обязана наша страна созданием такой общественной атмосферы, в которой нельзя было долее продолжать эту безнадежную и бесславную войну.

В 1989 г. берет начало трудный и не прямой путь нашего общества к демократическому парламентаризму. Оглядываясь назад, мы видим, что то был «год Сахарова». Одно из главных сражений избирательной борьбы в начале года развернулось в Академии наук: консолидация демократических сил в Академии, которым удалось перечеркнуть список чиновников, отобранных чиновниками же, шла вокруг Сахарова и его программы. Победа этих сил дала депутатские мандаты целой группе компетентных и свободомыслящих кандидатов. Сахаровский «Декрет о власти», который большинство на I Съезде народных депутатов не только отвергло, но и отказалось выслушать, остался важнейшим политическим документом, к идеям которого наше общество все равно будет обращаться снова и снова. Летом Сахаров стал одним из инициаторов и сопредседателей Межрегиональной депутатской группы, которая,

при всех ее очевидных слабостях, представляет наиболее последовательные перестроечные силы в нашем протопарламенте. Осенью, когда возникла опасность, что в ответ на паралич железных дорог в Закавказье и угрозу расширения забастовок чрезвычайные меры будут распространены на всю страну, Сахаров передал Горбачеву личное письмо, в котором предупреждал, что обращение к силовым методам, неоправданно широкое применение противопожарных мер — и не там, где горит, а повсеместно, — может привести к военному перевороту. Трудно пока сказать, как и почему сработал неизвестный нам механизм, изменивший намерения властей за одну ночь, но демарш Сахарова едва ли сыграл в этом малозначительную роль. И ушел из жизни он, как жил: продолжая борьбу на Съезде народных депутатов и оставив свое политическое завещание — проект новой Конституции...

<...> Общество неизбежно деградирует, если в его политической жизни отсутствует нравственное начало... На протяжении последних десятилетий у нас мораль в политике представлял Сахаров. В первую очередь и больше, чем кто-либо иной.

Волны ожесточения в стране и позорное антисахаровское буйство на Съезде народных депутатов в минувшем июне. Многочасовая очередь десятков тысяч людей, пришедших проститься в Сахаровым, на морозных московских улицах в декабре. Опустевшее кресло депутата, в котором невозможно представить кого-нибудь другого. Соболезнования высших руководителей государства, не рискнувших все же объявить всенародный траур. Премия имени Сахарова, присужденная Европарламентом возвращенному к политической жизни Дубчеку. Таковы характерные приметы исторического момента, с которого нашему обществу надо научиться жить без Сахарова.

Трудно понять и принять, что никогда более Андрей Дмитриевич не поднимется на трибуну митинга, не выйдет к микрофону Верховного Совета, не напишет книгу, статью или отклик на события дня. Что никогда не придут ходоки на улицу Чкалова ис-

кать правду и защиту. Но за последние три года его жизни Сахарова узнали не только читатели самиздата и слушатели радиоголосов — увидела и услышала начавшая думать и говорить не с чужой подсказки страна, в которой и для которой он жил. Идеи Сахарова, критерии Сахарова, нравственные императивы, которые он утверждал, честь и совесть, которым он возвращал смысл, стали обретать теперь собственную жизнь. И в этом — надежда.

И СНОВА: ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Приведу фрагменты из моего выступления на круглом столе в Московском университете, состоявшемся 28 марта 1989 г. — в день, когда стали известны первые ошеломляющие итоги выборов на СНД СССР⁶⁸.

<...> Если [мой] анализ верен, то необходимо пойти дальше и взвесить возможные варианты развития событий, как они видятся ныне. Среди таких вариантов с различной степенью вероятности можно выделить три основных. Во-первых, это дальнейшая дестабилизация, которая, к несчастью, набирает силу в экономике, еще не имеющей опоры в виде рынка, но уже почувствовавшей расслабление административных скреп. Дестабилизация, видимо, будет распространяться на какие-то сектора социальной, а затем и политической сферы. Можно себе представить ту морально-нравственную и политическую атмосферу, которая неизбежно будет нарастать в коридорах ныне существующей власти, в кабинетах обкомов, горкомов и райкомов партии по мере того, как полностью выявятся результаты прошедших выборов и страна пойдет к выборам республиканским и местным. Нужно учесть и деморализацию людей, осуществлявших местную и отраслевую власть, которая особенно опасна в той мере, в какой она смыкается с непоследовательностью решений высшего политического руководства. <...>

<...> Есть и еще один фактор дестабилизации — реальность групповых эгоистических интересов, о которых здесь уже говорили. Все эти факторы, соединившись, могут подвести к развитию опасных, разрушительных социальных процессов, к деградации и развалу общества, если не будут приняты радикальные и сравнительно быстрые контрмеры. И тогда другие люди займутся переоценкой наших сегодняшних надежд и действий в духе высказываний Фиделя Кастро⁶⁹. <...>

<...> К чему может привести подобный ход событий? Здесь вырисовывается второй вариант, а именно — правый поворот или переворот, который либо пытается пресечь начавшийся развал, либо производится превентивно. Я не думаю, что возвращение к прежней политической и идеологической дисциплине может всерьез и надолго решить трудные проблемы нашего общества на исходе XX в., но такие попытки могут быть сделаны, и чреваты они, конечно, непредсказуемыми, катастрофическими последствиями. Экономическая почва такого переворота — объективные трудности перехода к рыночной, плюралистической экономике после того, как десятки лет тщательно выкорчевывались все ее корни и корешки, инерция громадного государственного хозяйства... <...> Для правого поворота существует и социальная почва. Это развитие конфликтов, нарушающих элементарные условия привычной жизни, усталость общества и, конечно же, жизненные интересы обширного социального слоя или даже нескольких слоев, которые испытывают ностальгию по ушедшим временам. Политические условия такого переворота — все еще слабая организованность и влияние демократических сил, мощь партийно-государственного Левиафана, безотказность рычагов насилия, жестокость которых не раз проявлялась уже в годы перестройки в Минске, Ереване, даже в Москве.

Превентивный переворот может вытекать не только из реальной ситуации в данный момент, но и из объявленного политического календаря. Все мы помним, что «интернациональная помощь» консервативным силам Чехословакии была оказана 21 августа

1968 г. не потому, что накануне этого дня произошло что-то чрезвычайное, а потому, что оставалось всего лишь несколько дней до объявленного XIV съезда Компартии Чехословакии, который, совершенно очевидно, легитимизировал бы начавшийся в Чехословакии процесс. Мне не хотелось бы, чтобы мои высказывания звучали чрезмерно алармистски, но не следует забывать, что в нашем политическом календаре на ближайшие месяцы намечено немало событий, которые приверженцы старого порядка могут счесть нежелательными для себя: созыв Съезда народных депутатов, который, вероятно, не будет столь же управляем, как прежний Верховный Совет, деятельность нового Верховного Совета, объявленные на осень выборы в республиканские и местные Советы. Люди ощутили свою силу. И весьма вероятно, что этот разворот низовой политической инициативы, который идет по нарастающей и так ярко проявился во время весенних выборов, проявится еще сильнее на локальных выборах. В этих условиях стремление обуздать демократического джинна, пока он еще не совсем вылез из бутылки, может породить различные авантюры. <...>

Есть ли третий вариант? На мой взгляд, еще время не потеряно, еще вполне возможен демократический переход. Нам нужна власть, во-первых, безусловно приверженная той программе, которая постепенно вырисовывалась в ходе перестройки: эффективная рыночная экономика, политическая демократия, правовое государство, идеологический плюрализм и т. д., во-вторых, сильная власть, опирающаяся преимущественно на силу авторитета, а не на авторитет силы. Но осуществление третьего варианта требует сейчас смелых, нерутиных решений. Традиции такого подхода в нашей истории есть. <...>

<...> Вновь необходимы срочные действия, которые могут спасти страну от опасного развития событий. Нужны целеустремленные совместные действия прогрессивных сил в высшем политическом руководстве и демократического актива, выдвинутого перестройкой. Мне кажется, что в сложившейся обстановке продолжение политической реформы, которое углубит

и сделает необратимым начавшееся обновление общества, надо вести с двух сторон.

С одной стороны, конституировать полновластные «Советы». Съезд народных депутатов получил убедительный мандат из рук народа и является ныне самым представительным политическим институтом, быть может, за всю историю страны. Он должен осознать свою роль в политической структуре общества как действительно высший, суверенный орган государственной власти, над которым нет и не может быть никаких «инстанций». Он должен решительно противостоять любым попыткам свести свою роль к митингу, лишь одобряющему вне его подготовленные решения — едва ли можно сомневаться в том, что такие попытки будут предприниматься. Он должен гарантировать и себя, и назначенное им прогрессивное руководство страны от всякого рода неожиданностей, подобных тем, которые произошли в октябре 1964 г., а для этого необходимо возможно скорее поставить под собственный контроль непосредственно, через Верховный Совет и депутатские комиссии армию и все правоохранительные органы. <...>

<...> С другой стороны, чтобы переход происходил возможно более спокойно и безболезненно, необходимо провести обновление в партии.

Мне почти нечего и сегодня к этому добавить, кроме того, что жизнь показала иллюзорность надежды на полновластные Советы. В том же, что было сказано о перспективе, — причудливую комбинацию всех трех вариантов, а также незавершенность процессов, начатых перестройкой. Я и сейчас убежден, что главная вина и беда перестройки в том, что «целеустремленные совместные действия прогрессивных сил в высшем руководстве и демократического актива, выдвинутого перестройкой», — остались в области благопожеланий.

Пятый год перестройки шел к концу. На сцене, наконец, появился парламент — союзный, предтеча российского. И все же

ощущение неразумно растрачиваемого времени усиливалось. «Потерянный год», — написал Анатолий Черняев⁷⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья была опубликована в 1990 г. издательством «Прогресс» в сборнике «Демографический диагноз». Нараставший развал, в том числе в издательской работе, выразился, в частности, в том, что мою правку «забыли» перенести из корректуры в экземпляр, направленный в типографию. В результате текст появился с грубейшими смысловыми ошибками и несообразностями. Искажены были цифры в таблицах. В данном издании все ошибки исправлены. Сокращения произведены исключительно ради экономии места и нигде не затушевывают тогдашнюю позицию авторов — А. Назимовой и В. Шейниса.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 8. — С. 119.

³ *Сталин И. В.* Соч. — Т. 8. — С. 32—33

⁴ Ленингр. правда. — 1989. — 7 апр.

⁵ Правда. — 1989. — 27 апр.

⁶ Известия. — 1988. — 28 апр.

⁷ Смена. — 1989. — 8 апр.

⁸ Сов. культура. — 1989. — 18 апр.

⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. — Т. 10. — М., 1958. — С. 887.

¹⁰ Первый съезд народных депутатов СССР: Стенографический отчет. — Т. 3. — М., 1989. — С. 84.

¹¹ Правда. — 1989. — 10 июля.

¹² После смещения Ельцина руководить столичной организацией был определен секретарь ЦК, чуть ранее переведенный из Ленинграда Лев Зайков.

¹³ На съезде в Бад-Годесберге в 1959 г. была радикально пересмотрена программа германской социал-демократической партии.

¹⁴ Этими словами депутат С. Червонопиский завершил свое выступление против Сахарова (Первый съезд народных депутатов СССР. — Т. 2. — С. 344).

¹⁵ Заметки на полях нашей статьи 1989 г.

¹⁶ Новые Известия. — 2004. — 16 июля.

¹⁷ Ст. 6 Конституции СССР 1977 г., воспроизведенная под тем же номером в Конституции РСФСР и всех иных союзных республик (Конституция и законы Союза ССР. — М., 1983. — С. 7).

¹⁸ Ст. 108 (Там же. — С. 22).

¹⁹ *Болдин В.* Крушение пьедестала. — М., 1995. — С. 340—341.

²⁰ В «партийную сотню» не вошли несколько членов ЦК КПСС — руководители республиканских ЦК и обкомов, которые были подвергнуты превратно-

стям выборов в округах и могли позавидовать своим коллегам с заведомо выигранным билетом, а также министры (за исключением Николая Рыжкова), которым по новому закону состоять в депутатах не полагалось.

²¹ Идеологически из этой когорты выпадал, пожалуй, только В. Белов. Б. Олейник занемог синдромом мракобесия позднее (см.: *Олейник Б.* Князь тьмы: Два года в Кремле. — М., 1992).

²² *McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachev to Putin. — Ithaca; London, 2001. — P. 71.

²³ «Не парламент, а только рабочие Советы могут быть орудием достижения целей пролетариата, и, конечно, те, кто не понял этого до сих пор, суть злейшие реакционеры, будь то самый ученый человек, самый опытный политик, самый искренний социалист, самый начитанный марксист, самый честный гражданин и семьянин», — писал не стеснявшийся в выражениях Ильич (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 65).

²⁴ Исключения — только кратковременный опыт Парижской коммуны 1871 г., которую большевики считали прообразом советской власти, и несколько еще более мимолетных эпизодов.

²⁵ *Попцов О.* Хроника времен «царя Бориса». — М., 1995. — С. 3, 31.

²⁶ *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда. — М., 1990. — С. 265—266.

²⁷ Первый Съезд народных депутатов СССР. — Т. 1. — С. 223—224.

²⁸ Депутаты, зарегистрировавшиеся на Съезде в составе МДГ, составляли 14% от всего СНД и 17% Верховного Совета.

²⁹ В конце концов, так же поступят позднее российские демократы, «освободив» Россию от среднеазиатских ханов и закавказских абреков.

³⁰ Летом 1989 г. у меня дома группа московских интеллигентов-«перестроечников» встречалась с Адамом Михником. Услышав от нас о шахтерских забастовках, он искренне удивился: почему вы не там?

³¹ *Гордон Л. А.* Очерки рабочего движения в постсоциалистической России: Субъективные наблюдения, соединенные с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования. — М., 1993; Крутой пласт: Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации и общероссийских перемен. — М., 1999.

³² Некоторые рабочие вожак тех лет позднее нашли свое место в президентской и региональной администрации, стали освобожденными профсоюзными работниками и депутатами. Один из них на шахтерском съезде в Новокузнецке в 1989 г. вызвал у нас интерес и горячие симпатии скромностью и фантастической самоотдачей делу. Потом он был избран депутатом и, освоившись в новой обстановке, в 1993 г. сделал выбор в пользу Хасбулатова. Мой коллега на вопрос, как ведет себя этот человек в комитете ВС по законодательству, досадливо махнул рукой.

³³ *Медведев В.* Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки. — М., 1998. — С. 142—150.

³⁴ *Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собр. соч. — Т. 9. — М., 1958. — С. 320.* Разумеется, большевики при этом не ссылались на русского классика и даже не ведали, что его герой — один из их идейных предшественников.

³⁵ «Надежды на то, что он [Гидаспов] может действовать в духе времени, в общем русле перестройки, — пишет Вадим Медведев, — не оправдались. Напротив, он попал под общее настроение в ленинградских верхах и занял жесткую позицию партийного фундаментализма, которая приносила одно поражение за другим». «Крутой поворот в сторону более догматичных, консервативных взглядов» совершил и новоназначенный первый секретарь столичного горкома Ю. А. Прокофьев (*Медведев В. А. Прозрение, миф или предательство? — С. 141—142*).

³⁶ *Brown A. The Gorbachev Factor. — Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. — P. 155—156.*

³⁷ *Яковлев А. Омут памяти. — М., 2001. — С. 455.*

³⁸ Там же. — С. 496.

³⁹ Впервые он выдвинул эти предложения в секретной записке Горбачеву еще в декабре 1985 г. и не раз возвращался к ним позднее. Эта записка — исключительно интересный документ своего времени. Яковлев предложил небывалую конструкцию — Союз коммунистов СССР, возглавляемый одним председателем, но состоящий из двух конкурирующих на выборах партий — социалистической и народно-демократической. Сегодня эта идея выглядит довольно искусственной, но нельзя отвлекаться от того, когда и на каком уровне партийной иерархии она была выдвинута. Некоторые другие содержавшиеся в этом документе предложения (гласность, альтернативные выборы, независимый суд, рынок, бесцензурное продвижение информации, поворот во внешней политике) в той или мере были вскоре реализованы «архитекторами перестройки». «Реакция Горбачева была спокойной, заинтересованной, — пишет Яковлев. — Но он посчитал эти идеи преждевременными» (*Яковлев А. Омут памяти. — С. 242—250, 292—293*).

⁴⁰ Запись интервью с А. Н. Яковлевым 20.07.2004. — Архив автора. «Надо было просто покинуть съезд и попытаться создать партию социал-демократического типа...» — написал он и в своей книге... Летом 1990 г. «сложилась благоприятные условия для создания второй партии» (*Яковлев А. Указ. соч. — С. 337, 346*).

⁴¹ Запись интервью с В. А. Медведевым 28.06.2004. — Архив автора; *Медведев В. А. Прозрение, миф или предательство? — С. 136—150.*

⁴² Запись совещания у Л. И. Абалкина с группой ученых-обществоведов 04.05.1990. — Архив автора.

⁴³ Выступление А. Д. Сахарова перед коллективом ФИАН 11.12.1989. — Архив автора.

⁴⁴ Резолюции и выступления участников митинга сотрудников АН 02.02.1989. Листовки. — Архив автора.

⁴⁵ Всем согласившимся отозвать на этой стадии свои кандидатуры инициативная группа гарантировала, что если Академия займется повторным выдвижением, их поддержат несколько институтов. Однако это, к сожалению, не возымело действия.

⁴⁶ На конференции, проходившей 20–22 марта, было зарегистрировано: академиков и членов-корреспондентов с правом голоса — 901, выборщиков от институтов — 554.

⁴⁷ Запись выступлений на конференции АН 20.03.1989. — Архив автора.

⁴⁸ Получили бюллетени 1285 делегатов, проголосовали 1278. Проходной балл был 640. На стене висело изготовленное Собяниным наглядное пособие «Как правильно голосовать». На листе был изображен избирательный бюллетень, в котором были аккуратно вычеркнуты все 23 кандидата. В качестве примера «неправильного» голосования был вывешен перечеркнутый крест-накрест бюллетень (опасались, что не задеть при таком перечеркивании кандидаты будут признаны получившими поддержку). Наибольшее число голосов получил А. В. Гапонов-Грехов («за» — 791, «против» — 487; это, видимо, был предел возможностей для противников официального списка). Замыкал список из 8 избранных депутатов Ж. И. Алферов (659 «за», 619 «против»). Бедолага В. С. Михалевич занял 23-е место.

⁴⁹ На конференцию было прислано 15 обращений с возражениями против кандидатуры Сахарова, в том числе от военнослужащих Академии бронетанковых войск, действующих и отставных генералов.

⁵⁰ Поскольку присутствовавший во всех наших списках Шаталин в день голосования неожиданно выступил с самоотводом, инициативная группа по предложению сотрудников Института США и Канады приняла оперативное решение поддержать Арбатова. Ему невольно подсобили антисемиты, выставившие пикет с лозунгами против «сиониста» Арбатова.

⁵¹ Первый съезд народных депутатов СССР. — Т. 1. — М., 1989. — С. 227.

⁵² Там же. — С. 234

⁵³ Попов Г. Снова в оппозиции. — М., 1994. — С. 50.

⁵⁴ Не считая большинства депутатов от прибалтийских республик, с которыми была достигнута договоренность, что они свое членство в группе формально не фиксируют, но будут координировать с нею свои действия. Из 388 депутатов 286 жили и работали в РСФСР, 48 — на Украине. Близкую цифру приводит Попов: до 300 человек (Там же. — С. 50).

⁵⁵ Рассказывая здесь о дискуссии, происходившей на июльском собрании МДГ, я опираюсь на Информационный бюллетень МДГ от 15.09.1989 и собственные записи. — Архив автора.

⁵⁶ Все это Примаков повторил, придя на встречу с сотрудниками ИМЭМО в конце сентября. И добавил, обращаясь ко мне: «Виктор Леонидович все это знает. Он сочувствует депутатам МДГ. Так вот, передайте своим друзьям: “Нужен

ли дискуссионный клуб? Да, нужен. Но нужна ли замкнутая организация, которая становится в оппозицию, деятельность которой приобретает характер политиканства?»⁵⁷. Как видим, ответ власти межрегионалам был недвусмысленным и некорректным: замкнутую организацию никто в МДГ создавать не собирался.

⁵⁷ Спустя 10 лет Гельман заметно смягчил свою позицию: «Противодействие нашей группе, конечно, имело место, но было достаточно щадящим, терпимым, оно не помешало становлению МДГ, ее росту, обретению авторитета в массах. Горбачев щадил оппозицию, конечно, не из любви к Ельцину, а из принципа. Из уважения к демократическим ценностям» (Общая газ. — 2001 — 1—7 марта).

⁵⁸ Кампания против Ельцина была развернута в партийной печати. Грубые выпады содержало письмо, подписанное неким рабочим и опубликованное в «Московской правде». В ответ член избирательной команды Ельцина Музыкантский предложил организовать выступление демократических кандидатов в его поддержку. Подписи под письмом собрали члены Московского народного фронта. Конечно, ни одна официальная газета не готова была его опубликовать. Однако сначала Мурашев огласил его, выступая в предвыборных дебатах на московском канале ТВ, а на следующий день вся Москва была оклеена листовками с текстом этого обращения. Успех был колоссальный: не только Ельцин, но и все подписавшие письмо (за одним исключением) были избраны (запись интервью с А. Н. Мурашевым 23.06.2004. — Архив автора).

⁵⁹ Помощники Ельцина утверждают, что идея «множественности» сопредседателей принадлежала Попову. «Это был... единственный спасительный выход» (Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 68).

⁶⁰ Пальм и Сахаров получили менее половины голосов, но таковы были правила игры. За избранными сопредседателями с большим отрывом шли Бочаров (44 голоса), Бурбулис (42) и Станкевич (35).

⁶¹ В состав Координационного совета баллотировались 60 депутатов. Наибольшее число голосов получили Емельянов (108), Собчак (107), Черниченко (105).

⁶² Попов Г. Указ. соч. — С. 70—73.

⁶³ Записи интервью с А. Мурашевым 23.06.2004 и Э. Бурбулисом 26.07.2004. — Архив автора.

⁶⁴ Яковлев А. Омут памяти. — С. 497.

⁶⁵ Записи на заседании МДГ 23—24.09.1989 — Архив автора. Позиция Болдырева, которая была мне наиболее близка, изложена не только на основе его краткого выступления на сентябрьском собрании МДГ, но и более пространно — на заседании «Московской трибуны» 18 ноября 1989 г.

⁶⁶ Статья опубликована в журнале «Рабочий класс и современный мир» (1990. — № 1. — С. 3—6).

⁶⁷ Хотя вопрос о Сахарове был впервые поднят в политбюро в начале 1986 г., его решение затянулось на много месяцев и прошло ряд этапов. Сначала

Андрею Дмитриевичу было позволено вернуться в Москву, затем он был допущен к общественной деятельности (в 1988 г. Сахарова избрали членом Президиума АН СССР), ему разрешили выезжать за границу. С инициативой об отмене позорных постановлений в ЦК партии неоднократно обращался вице-президент Академии наук Евгений Велихов. Предложение Горбачеву импонировало, но он вынужден был считаться с заключением КГБ о том, что Сахаров — «обладатель секретов государственной важности» (по словам Велихова, они давно уже такими быть перестали). Вопрос несколько раз рассматривали на политбюро, где его и блокировали. В конечном счете, как сказал Яковлев, решение приняли вопреки сопротивлению «мохнаторылых» и «при молчаливом несогласии» его членов. Медведев формулирует это чуть иначе: «при молчаливом согласии» (записи интервью с А. Н. Яковлевым 20.07.2004 и В. А. Медведевым 28.06.2004).

⁶⁸ Круглый стол «Плюрализм в социалистическом обществе: Пути утверждения в условиях перестройки» // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 12. Теория научного коммунизма. — 1989. — № 4. — С. 35—38.

⁶⁹ Кубинский лидер, отметив, что «некоторые социалистические страны критикуют то, что они делали в течение многих лет», что «империализм стремится изобразить сейчас социализм как нечто, потерпевшее провал», призвал «защищать социализм, когда он переживает трудности на международном уровне» и вести решительную борьбу с «империализмом» (Там же. — С. 22—23).

⁷⁰ *Черняев А.* Шесть лет с Горбачевым. — М., 1993. — С. 264.

часть 2

1990. КОНЕЦ «РЕВОЛЮЦИИ СВЕРХУ»

В России происходит только невозможное.

Закон вероятности по-русски.

В 1990 г. инициатива перешла к силам, стоявшим вне официальных партийно-государственных структур СССР. Эти силы становятся самостоятельным (а не вспомогательным, как раньше) фактором общественного развития. Главные события года — республиканские и местные выборы, I Съезд народных депутатов России, Декларация о государственном суверенитете РСФСР с ее неоднозначными последствиями. На арену выходит российский парламент. Ельцин заявляет себя как политическая фигура, альтернативная Горбачеву.

Меняется роль КПСС. В лице российской компартии консервативные силы получают собственную организованную базу. Принимая во внимание роль России в Союзе, это — событие всесоюзного значения. Реформаторское руководство КПСС, уже раньше переставшее действовать на опережение, теперь все более отстает от процессов, стремительно разворачивавшихся в экономике, политической жизни, идеологии и даже во внешней политике. Неудачей заканчивается попытка спасти партию, переведя ее на демократическую платформу. Внутри КПСС у демократов более перспектив нет. Отныне процессы в партии имеют только со-

путствующее, вторичное значение, и даже слово «перестройка» уходит из повседневного политического словаря.

Заканчивается год хуже, чем начинался. Еще тяжелее экономическая ситуация. Еще ниже общественное доверие к центральной власти, явственнее заявляют о себе центробежные силы. Замедляется и движение вперед, начавшееся было в России. Невыразительны результаты II Съезда народных депутатов России. Стрелка многообещающего конституционного процесса переводится с создания новой Конституции на латание старой. Неудачей заканчивается и первый приступ к серьезной экономической реформе: в Союзе она сорвана уступками, боязнью, нерешительностью лидера, а в России для ее продолжения нет ни решимости, ни условий.

Так видятся итоги 1990-го сейчас. Но тогда мне казалось, что возможности блока партийных реформаторов с вышедшими из партии или никогда в ней не состоявшими демократами (мы называли его левоцентристской коалицией) еще не исчерпаны...

глава 3 Выборы-90

Завтра — день ежегодных выборов Благодетеля... Разумеется, это непохоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда — смешно сказать — даже неизвестен был заранее самый результат выборов. Строить государство на совершенно неучитываемых случайностях, вслепую — что может быть бессмысленней?

Евгений Замятин. «Мы»

РОССИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ¹

Вновь, как и год назад, наша страна стоит перед выборами. Положение, однако, с тех пор во многом изменилось к худшему. Истоки кризиса не в том, что разрушаются старые порядки, а в том, что они ликвидируются медленно и с оглядкой, в том, что они своевременно не замещаются новой властью, новой экономикой, новыми ценностями.

Остановить сползание в пропасть, дать второе дыхание курсу, начатому в 1985 г., — нет у нас более важной и срочной задачи. Наше завтра в огромной степени зависит от того, каким будет высший орган государственной власти в России, какими будут местные Советы. Чтобы в новые Советы пришли новые люди — смелые и независимые, компетентные и ответственные, нужны четкие политические ориентиры, необходима общая платформа

демократических сил. Мы призываем всех кандидатов, разделяющих основные положения этой программы, сплотиться в избирательный блок «Демократическая Россия»

Общую политическую ориентацию этого широкого объединения будут определять программные документы Межрегиональной депутатской группы, гуманистические идеи нашего великого современника Андрея Дмитриевича Сахарова, предложенные им Декрет о власти и проект новой Советской Конституции.

Мы — убежденные сторонники гражданского мира, а не гражданской войны, к которой сознательно и бессознательно подталкивают те, кто занят поисками врагов в нашем обществе, кто взвинчивает истерию ненависти. Мы отдаем должное инициаторам перестройки и хотели бы видеть в них союзников, а не противников.

Однако положение быстро меняется. Консервативные элементы аппарата, поборники равенства в нищете, люди, разжигающие зоологический шовинизм, быстро организуются и выступают теперь единым фронтом. Реформаторы из партийно-государственного руководства, к сожалению, не всегда остаются тверды по отношению к их нажиму.

В то же время в политику втягиваются массы людей, начало формироваться независимое рабочее движение, страну потрясли шахтерские забастовки, во время которых были выдвинуты демократические политические требования. Перемены, начатые сверху и блокируемые влиятельными силами, в том числе в высших эшелонах власти, подталкиваются теперь снизу.

В этих условиях демократы не могут быть лишь эшелоном поддержки реформ, проводимых руководством страны. Они могут и должны стать самостоятельной политической силой. В одних случаях обеспечивать поддержку реформаторам, в других — выступать с критикой их непоследовательности, политических ошибок и экономических просчетов, в третьих — предлагать собственную альтернативу.

Основополагающие принципы политической реформы: государство для народа, а не народ для государства, приоритет интересов личности над интересами государства.

Первый Съезд народных депутатов РСФСР должен сделать то, чего пока не удалось достичь на общесоюзном уровне, — взять на себя всю полноту государственной власти в РСФСР. Блок «Демократическая Россия» сделает все, чтобы Съезд осуществил следующие первоочередные политические преобразования:

- Безотлагательно утвердить основные принципы новой демократической Конституции РСФСР. Она должна строго соответствовать Декларации прав человека ООН и другим международным соглашениям по правам, а законы республики — гарантировать осуществление этих прав;

- Необходимо положить конец монополии одной партии на власть, отменив статью 6 Конституции РСФСР. Следствием этого должны стать лишение непосредственной власти партийных комитетов всех уровней, ликвидация всех форм контроля партийных организаций на предприятиях и в учреждениях, прекращение их деятельности в армии, правоохранительных органах и дипломатической службе;

- Гарантировать гражданам России безусловное право объединяться в партии, организации, союзы; установить для общественных организаций обязательный, а не разрешительный порядок регистрации. Преследованию в судебном порядке, вплоть до запрещения, подлежат лишь те из них, которые призывают или потворствуют насилию, проповедуют идеи расовой, национальной, религиозной, социальной исключительности и вражды;

- Отказаться от двухступенчатой структуры: Съезд — Верховный Совет, разрывающей прямую связь постоянно работающего высшего органа власти с избирателями;

- Совершить переход от разрешенной гласности к действительной свободе слова и печати. Немедленно ввести в силу в России последовательно демократический Закон о печати, предусматривающий предоставление права бесцензурной изда-

тельской деятельности общественным организациям и частным лицам. Центральная газета РСФСР и канал телевидения России должны стать органами Съезда народных депутатов;

- Провозгласить реальную, а не на словах свободу совести: распространить на религиозные общины права общественных организаций; вернуть храмы верующим;

- Съезд должен ограничить функции КГБ задачами защиты государства от внешней опасности и террористической деятельности, поставить КГБ, МО, МВД под эффективный контроль выборных органов власти.

Демократические политические и правовые преобразования имеют решающее значение. Без них не будет ни материального достатка, ни уважения к человеческому достоинству людей, ни культурного возрождения России. С другой стороны, все достижения перестройки нельзя считать необратимыми, пока не заработает здоровая экономика, пока широкие массы народа не почувствуют реального улучшения в повседневной жизни.

Разгорающийся ныне спор об экономической политике — это спор между теми, кто озабочен в первую очередь распределением и перераспределением имеющегося национального дохода, и теми, кто добивается создания экономического механизма, способного его наращивать количественно и улучшать качественно. Этот спор нередко приобретает идеологическую окраску: социализм или капитализм. Перевод разговора в эту плоскость вовсе не дает ответа на вопрос: какая экономика нам нужна?

Пора сделать практические выводы из того, что доказано всем мировым опытом. Современная высокоразвитая экономика, работающая на потребителя, а не на показатели плана, в любом ее варианте включает:

- рынок как основной регулятор хозяйства;
- систему государственных рычагов экономического регулирования, находящуюся под демократическим контролем;
- экономическую самостоятельность предприятий;
- эффективную антимонополистическую политику;

- многообразие и юридическое равенство разных форм собственности: государственной, акционерной, кооперативной, коллективной, частной и т. д.;

- мощные механизмы экологической безопасности и социальной защиты.

Экономическая программа правительства, декларируя движение к рыночной системе и предусматривая некоторые разумные меры, не обеспечивает все же неотложного становления новых хозяйственных структур, а хозяйственная практика дискредитирует экономическую реформу в глазах народа. Чтобы осуществить трудный переход, надо разработать и провести в жизнь две взаимосвязанные, но разные программы:

- основную, предусматривающую безотлагательное создание эффективного рыночного сектора — локомотива развития и преобразования экономики — в первую очередь путем преобразования значительной части государственной собственности в иные формы;

- вспомогательную, включающую комплекс мер, смягчающих издержки перехода и противодействующих снижению жизненного уровня населения, и прежде всего его малообеспеченных слоев.

Социально-экономическая программа должна, в частности, предусматривать:

- законодательное закрепление права граждан на гарантированный минимум дохода, учитывающий изменение индекса цен;

- замораживание цен и сохранение государственных дотаций на основные виды продуктов питания и потребительских товаров до тех пор, пока сам рыночный механизм не обеспечит приемлемый уровень цен;

- привязку всех пенсий к динамике заработной платы и индекса цен;

- установление гласного контроля над общественными фондами потребления и распределением государственного жилого фонда;

- реализацию программы трудоустройства, переобучения и компенсации трудящимся, задетым глубокой структурной перестройкой экономики и сокращением аппарата управления и армии.

Нужные для этого средства могут быть получены за счет резкого сокращения непроизводительных расходов, в особенности военных, и привлечения внешних ресурсов в разумных пределах, а не работой печатного станка. Необходимо также немедленно ликвидировать все привилегии номенклатурных работников — не столько как средство решения наших экономических проблем, сколько как элементарное нравственное требование к руководителям государства, десятки миллионов граждан которого живут за чертой бедности.

Болевая точка нашей экономики — продовольственная проблема. Нельзя дальше откладывать решение вопроса о земле. Мы предлагаем:

- тот, кто может и хочет работать на земле, должен получить безусловную свободу выбора формы ведения хозяйства, равно как и гарантии, что никогда более не повторится трагедия «раскулачивания»;

- надо узаконить передачу земли в бессрочное владение или частную собственность тем, кто занят или желает заняться сельскохозяйственным трудом;

- поток государственных капиталовложений и кредитов, бесплодно расточаемых и пожираемых органами управления на селе, должен быть переадресован в руки тех, кто станет хозяином земли, а не поденщиком.

Один из самых сложных вопросов в нашей стране — национальный. Все народы СССР в равной мере оказались жертвами системы тотального разрушения личности, природы и культуры. Русский народ, создавший великую культуру мирового значения, ущемлен наравне с другими народами Российской Федерации в своих национальных чувствах. Его оскорбляет отождествление с тоталитарным режимом. Растворенность

российских общественно-политических структур в общесоюзных лишает народы Российской Федерации собственной государственности и осложняет их отношения с народами других республик.

Мы обеспокоены тем, что определенные силы, не встречая серьезного сопротивления, разжигают национальную вражду и подозрительность. Предъявление счетов одними народами другим может привести лишь к трагическим последствиям. Отношения между народами должны опираться на приоритет общечеловеческих ценностей над национальными.

Исходя из этого, перед Съездом народных депутатов РСФСР будут стоять следующие задачи:

- Необходимо провозгласить и законодательно определить суверенитет Российской Федерации. По новому Союзному договору, который должен быть разработан и заключен в кратчайшие сроки, в ведении Союза могут находиться лишь те права, которые добровольно переданы ему республиками. Законы Союза должны вступать в действие лишь после их ратификации высшими органами государственной власти республик. Надо создать завершённую систему органов государственной власти и управления в России;

- Демократическое решение национальных проблем, возникающих в самой Российской Федерации, — в настойчивом поиске вариантов, исключающих всякое национальное ущемление и не задевающих ничьи национальные интересы, в гибком сочетании суверенитета, территориальной и национально-культурной автономии народов России, разработке юридического механизма и форм реализации права наций на самоопределение.

На исходе двадцатого века только переход от тоталитаризма к демократии откроет путь к возрождению всех народов России.

Наша страна стоит не только перед выборами, которые решат многое. Она перед выбором: пойдём ли мы вслед за большинством европейских стран по трудному, но мирному, демократическому, парламентскому пути преобразований, которые

в конечном счете дадут хлеб и свободу всем, или нас ждут кровавые потрясения.

Чтобы отвести опасности неконтролируемого развития событий и восстановления диктатуры в любом идеологическом оформлении, мы призываем кандидатов в депутаты и избирателей поддержать платформу избирательного блока «Демократическая Россия».

Нет — насилию и диктатуре! Свобода — хозяйственной и политической жизни! Переход к эффективной экономике неосуществим без сильной системы социальной защиты для всех! В многонациональной стране — национальное равноправие и уважение ко всем народам!

На учредительной конференции избирательного блока «Демократическая Россия» (20—21 января 1990 г.) этот документ был объявлен ее предвыборной платформой. История ее создания и публикации такова. В начале января, сразу после завершения регистрации кандидатов в народные депутаты РСФСР и местных Советов, ряд демократических организаций, уже заявивших о себе на союзных выборах 1989 г., создали штаб для координации действий во время предстоявшей избирательной кампании. В помещении московского Дома ученых с 3 января начались регулярные встречи московских (а чуть позже и иных) кандидатов, многие из которых уже были знакомы между собой по предыдущей избирательной кампании. В основном это были сотрудники академических и иных научных учреждений.

На одной из первых встреч было решено подготовить общую предвыборную платформу, призванную объединить кандидатов — сторонников МДГ. Первоначальный набросок документа был написан мною. При обсуждении были предложены поправки и дополнения, которые мне и другому участнику академической кампании 1989 г. Евгению Хелимскому поручили вмонтировать в текст. Обновленный текст был представлен на следующем, более многочисленном собрании. Естественно, посыпались новые по-

правки. Разгорелись споры, ибо многие поправки исключали друг друга. Возникла опасность, что предвыборная платформа застрянет в согласованиях. Положение спас Александр Собянин. Он предложил одобрить Декларацию в качестве основы и поручить мне по возможности учесть поправки, поступившие в письменном виде, с чем участники собрания и согласились. Я доработал текст с учетом тех поправок, которые отвечали логике документа.

Предстояло, однако, решить более трудную задачу: создаваемый избирательный блок и его платформу нужно было предъявить обществу, а для этого — широко оповестить его о нашем документе. На следующий день мы с Львом Пономаревым отправились в «Огонек». После долгого ожидания в коридоре удалось поймать главного редактора Виталия Коротича, который довольно кисло отнесся к публикации программы и предложил нам написать по ее мотивам статью. Это не устраивало нас: публиковать надо было именно программу новой организации, а не статью мало известных широкому читателю авторов, которая затерялась бы в потоке публикаций. Поговорив с Коротичем, мы отнесли текст нашим знакомым в журнале и сообща выработали версию: главный редактор согласен с идеями, изложенными в материале, но хотел бы изменить его жанр, авторы же затрудняются это сделать. Не знаю, кого наша версия убедила, но вскоре «Огонек» платформу напечатал. Так «Демократическая Россия» и ее программа впервые заявили о себе в издании, тираж которого в то время достигал 4,6 млн экземпляров. Платформа эта в обобщенном, освобожденном от крайностей и завихрений (которых уже немало было в нашем юном движении) виде выразила подход российских демократов к ситуации, как она складывалась к началу 1990 г. Она сконцентрировала то, что носилось в воздухе, к чему — каждый своим путем — приходили многие кандидаты. Уже после выборов депутат из Приморья Юрий Сергеев, геолог по профессии, рассказал мне: «Несколько недель я провел в экспедициях, где не было ни газет, ни радио. Вернулся во Вла-

дивосток, взял «Огонек» и вижу — да это же именно то, с чем я выступал перед избирателями!». В резолюции «О политическом положении в стране», принятой на большом московском митинге 4 февраля 1990 г., упоминалось, что платформу эту подписали сотни кандидатов в депутаты.

Просматривая текст этого документа с позиций сегодняшнего дня, можно высказать немало критических замечаний. Некоторые ее положения слишком общи и расплывчаты, иные таили в себе опасности (это относится прежде всего к соотношению союзного и республиканского законодательства), которые мы, увлеченные конъюнктурно заманчивой, но коварной идеей суверенизации, тогда не хотели замечать. Практически ничего не сказано о трудностях и проблемах, которые были неизбежны на предлагавшемся нами пути. Но предвыборная программа движения — не аналитическая статья, в которой можно сказать обо всем. Она должна была обозначить вектор, по которому мы стремились направить движение, и главные вехи на этом пути. И если бы мне пришлось сейчас переписывать этот документ — для того времени, но уже зная все, что произошло потом, — по смыслу и по идеологии он вряд ли бы был существенно иным.

КАК И ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕЖДАЛИ

Итоги выборов 1990 г., особенно в Москве, Ленинграде и иных крупных центрах, мы расценили как поступательное и — как хотелось надеяться — необратимое продвижение демократического процесса. Общество выходило из состояния анабиоза и навязывало правящей бюрократии свои правила игры. Во многом так оно и было. Однако в ретроспективе можно точнее оценить слабые моменты тогдашнего успеха и обеспечившие его факторы. Действие некоторых из них оказалось кратковременным.

Прежде всего, поднялась политическая температура в стране. На углублявшийся кризис общественной системы, социально-эко-

номические основы которой оставались неизменны, а политические — лишь слегка затронуты, наложился кризис самой перестройки, не оправдавшей пробудившихся надежд. Выборы-89, трансляция Съездов, выступления лидеров МДГ (равно как и критика перестройки с консервативных позиций, которая тоже смелела) основательно раскачали общество.

Параллельно шли два на первый взгляд несовместимых процесса. С одной стороны, ослабевала общественная активность, интерес к выборам и политике вообще (довольно скромно в происходящем участвовала молодежь²). Пик был пройден в 1989 г. С другой — усиливалось критическое отношение к власти, рассеивался страх, вбитый в подсознание многих поколений десятилетиями террора. Достучаться до социальной «глубинки», созывать многолюдные собрания для встреч с кандидатами становилось труднее, чем год назад. Такой институт выдвижения кандидатов, как собрания избирателей по месту жительства, постоянно давал сбой. Но в Москве на общегородские митинги в поддержку демократических сил продолжали приходиться сотни тысяч людей, не меньше, чем год назад, — таков был актив демократов в многомиллионном городе. Да и в стране вовлеченная в политику часть общества была достаточно велика. Резко сократилось число избирательных округов с безальтернативными кандидатами. Таких округов на территории РСФСР в 1989 г. было 147 (около 23%), а в 1991 — 33 (3%). Всего на 1068 мест было выдвинуто 8254 претендента, причем в 300 округах конкурировали более 10 кандидатов, в 24 — более 20³.

Демократы выигрывали и потому, что это были первые за десятки лет политические выборы. В 1989 г. граждане выбирали, исходя главным образом из персональных качеств кандидатов, насколько они были в состоянии эти качества оценить. В 1990 г. во множестве избирательных округов сторонникам демократической платформы противостояли кандидаты иной политической ориентации. Это были приверженцы так называемых национально-патриотических сил, все речье атаковавшие не только

демократов, но и реформаторов, а также сторонники официальной платформы, расплывчатой и компилятивной, которую, наконец, родили пропагандистские службы КПСС и которая была интересна главным образом тем, чего в ней не было⁴.

Другим важным условием успеха демократов стало обновленное избирательное законодательство, более демократичное и открывавшее более широкие возможности для развития не контролируемых сверху процессов. По сравнению с законом, по которому проводились выборы-89, оно представляло значительный шаг вперед в двух отношениях: были отменены фильтрующие кандидатов окружные избирательные собрания и выборы от общественных организаций. Впрочем, изыскать такие организации на республиканском уровне было затруднительно, так как практически все общественные (как и многие государственные) российские организации были растворены в общесоюзных.

Это не означает, конечно, что правящая бюрократия, особенно на местах, утратила инструменты административного контроля над избирательным процессом, прежде всего — на стадии выдвижения кандидатов. Там, где ожидалось выдвижение неудобных кандидатов, блокировали собрания избирателей по месту жительства. В результате 76% кандидатов было выдвинуто трудовыми коллективами, 21% — центральными органами и региональными отделениями общественных организаций и лишь 3% — локальными собраниями⁵. Была внедрена довольно нелепая практика: в территориальных округах избирателям предлагали кандидатов, выдвинутых коллективами, которые нередко никакого отношения к этим территориям не имели. Предложение МДГ о петиционном порядке выдвижения кандидатов отвергли. Можно было утешаться лишь тем, что отклонили и идею выборов по производственному принципу. С ней выступили идеологи Объединенного фронта трудящихся, и на сессии Верховного Совета РСФСР, утверждавшей новый закон, она собрала довольно пеструю группу сторонников: от Чикина из «Совраски» до демо-

крата Травкина и от слесарей Торопова и Мощенкова до «литературного начальника» Кузнецова⁶.

Серьезным дефектом не только избирательного закона, но и самой Конституции было введение и в России двухэтажной лужьяновской конструкции Съезд — Верховный Совет, из чего вытекало, что собственно парламенту (ВС, его постоянно действующей части) предстояло избираться на основе невсеобщих, неравных и непрямых выборов. И все же на нижнем уровне, где предстояло избрать более тысячи депутатов, политическая конкуренция стала свободнее.

Победы демократов на выборах-90 объяснялись и тем, что им противостоял — в лице властных республиканских структур — ослабленный и растерянный противник, привыкший, что все главные политические вопросы решаются в союзном Центре. Эти структуры недооценили процесс эрозии и распада унитарного государства, сохранить которое было уже невозможно, перемещение центра тяжести политики на республиканский уровень — в том числе, коль скоро речь шла о России, — общегосударственной политики. Выступая в мае 1990 г. на международном симпозиуме, организованном профессором Вольфгангом Айхведе в Бремене, я говорил: «Идет неизбежный процесс ликвидации унитарного государства. И нельзя исключить, что через некоторое время... союзным органам, собственно говоря, нечем будет управлять, если процесс суверенизации республик, по крайней мере, ключевых республик, пойдет достаточно далеко»⁷.

Альфа и омега разумной политики — предусмотреть неблагоприятный вариант развития событий и создать «запасные аэродромы». Аппарат не мог не видеть избирательную несокрушимость Ельцина. И поэтому то, что он не позаботился провести на Съезде в каких-либо предсказуемых сельских округах политические фигуры, способные оспорить у Ельцина на Съезде главный российский государственный пост, было невероятным легкомыслием. Объяснение у меня одно — мудрость древних латинян: «Кого Юпитер хочет наказать — лишает разума».

Конечно, деморализацию консервативных сил на выборах-90 не следует преувеличивать. Они провели на Съезд немало твердых (и не вполне твердых, но готовых дрейфовать к ним) сторонников. Партийные деятели, у которых было мало шансов выиграть выборы, сознательно уходили от вотума избирателей. Так поступил первый секретарь ленинградского обкома Гидаспов, и он не был исключением. В ряде мест вконец скомпрометированных деятелей заменили: шла массовая пересадка номенклатуры из второго и более дальних рядов — в первый.

Все это тогда демократы расценили как более гибкую и продуманную стратегию и тактику правящей бюрократии, которая извлекла уроки из поражений 1989 г. Думаю, это не совсем так. В ходе избирательной кампании серьезной координации действий на высших уровнях не было: все свелось к запоздалым импровизациям. За проведение избирательной кампании 1990 г. политическим стратегам из ЦК КПСС, многих обкомов и горкомов по справедливости полагалась бы двойка с минусом. Но демократы и их аналитики тоже своевременно не обратили внимание на то, что в обществе складывается запрос на консервативных политиков, а то и оголтелых реакционеров. И было это далеко не только пережитком прошлого, но и настроением, возникающим на почве противоречий перестроечных процессов. В условиях полусвободной игры сил не столько грубое давление и махинации, сколько именно эта питательная среда дала весомое представительство антидемократическим силам в российском парламенте. На выборах 1990 г. демократы имели дело с ослабленным, ошарашенным прежними поражениями противником. Однако навечно было бы рассчитывать на то, что так будет и впредь.

Наконец, едва ли не главным фактором избирательных побед демократов было то, что на этот раз они противопоставили противникам более организованный и сильный фронт. На выборах в парламент они выставили когорту кандидатов, способных одерживать победы в округах в силу также и личных качеств, которые в тот момент были востребованы гражданами. Сказался

накопленный опыт: это были люди, многие из которых участвовали в избирательной кампании 1989 г. как кандидаты или в составе групп поддержки единомышленников.

Существовало расхожее мнение, будто «сливки» были уже сняты в 1989 г. и российский депутатский корпус оказался слабее союзного. Если это и справедливо, то только по отношению к многочисленным политическим звездам первой величины на союзном Съезде. Но несколько очень заметных союзных депутатов были избраны и в российский парламент: Михаил Бочаров, Николай Воронцов, Николай Травкин, позднее Галина Старовойтова. На российский Съезд пришло немало специалистов высокой квалификации — юристов, экономистов, политологов.

Правда, конкурентоспособных демократических политиков явно не хватило, чтобы заполнить состав областных, городских и районных Советов даже там, где демократическая ориентация большинства избирателей была вне сомнения. Сказалась слабость демократов, не изжитая и впоследствии. Известно из мирового опыта: серьезная политическая партия, претендующая на общенациональный статус, должна придавать подготовке и продвижению своих сторонников в местные и региональные органы власти не меньшее значение, чем в парламент⁸.

Конечно, демократический корпус в российском парламенте был столь же разнороден, как и в парламенте союзном. Встречались в нем и люди, вскоре изменившие свои гражданские позиции на прямо противоположные, и те, кто во главу угла поставил личное устройство во (или при) власти, и демагоги, способные лишь яростно обличать своих оппонентов⁹. Но я с гордостью и уважением вспоминаю большинство моих товарищей, людей умных, порядочных и знающих. Не их вина, что они оказались невостребованными новой бюрократией. В первые дни возрождения российского парламентаризма они сыграли выдающуюся роль.

Демократы использовали в предвыборной борьбе разнообразные инструменты. То, чего не удавалось сделать на уровне районов, они в значительной мере компенсировали в городах.

В этой связи отмечу два многотысячных митинга в Москве 4 и 25 февраля. Успех первого из них так испугал московское начальство, что оно предприняло немалые усилия (например, распространяли провокационные предупреждения «Не выпускайте детей на улицу, ожидаются беспорядки»), чтобы сорвать второй. Не вышло.

Выступая перед избирателями, я говорил, что на предстоящих выборах решается вопрос, как будет происходить демонтаж партийной диктатуры: пойдём ли мы мирным, парламентским путем, как в Польше и Венгрии, или же, как в Румынии, прольется кровь. Говорил, что «Демократическая Россия» попытается консолидировать все силы «левее» центра. В отличие от многих ораторов я настаивал на том, что наш противник — не горбачевский «центр», а уже оформившееся «правое» крыло. Говорил, что на свои манифестации националисты, Объединенный фронт трудящихся собирают немного людей, но опасны провокации с разных сторон, в том числе лживая интерпретация целей и действий демократов в официальной печати.

Митинги были одним из главных инструментов побед уже на выборах 1989 г. Что было действительно новым, так это намного лучшая организация демократов. 20—21 января состоялась учредительная конференция блока демократических кандидатов в представительные органы разного уровня, участники которой, перебрав ряд вариантов, большинством голосов утвердили название блока — «Демократическая Россия». Конференция происходила во Дворце молодежи, столь памятном по академической избирательной кампании 1989 г. В ней приняли участие 116 кандидатов в российский парламент и более 50 — в местные советы разного уровня, а также многочисленные активисты. «Демократическая Россия» возникла не на пустом месте: ее основателями стали МДГ, Клуб избирателей Академии наук, «Московская трибуна», «Мемориал», демократическое объединение писателей «Апрель», объединение социальной защиты военнослужащих и их семей «Щит» и многие другие.

Особое значение для избирательных побед демократов имела их ориентация на МДГ, которую знала страна, и прямая поддержка авторитетных межрегионалов. Для многих избирателей это означало гораздо больше, чем тонкости наших программных документов. Накануне голосования (во всяком случае, в Москве) стали распространяться списки кандидатов, о поддержке которых объявила МДГ. Сначала в ксерокопиях — для активистов избирательной кампании. Затем в Москву привезли тираж газеты «Позиция», издававшейся в Тарту и отпечатанной в Кохтла-Ярве. И наконец, списки напечатал «Московский комсомолец». В день выборов сторонники демократов шли на избирательные участки с газетами в руках.

От всех предыдущих эту избирательную кампанию отличала еще одна необычайно привлекательная черта: решающую роль в победе сотен кандидатов сыграли их группы поддержки — подлинные ростки гражданского общества, позднее — увы! — увядшие или затоптанные. «То было время бескорыстных активистов», — замечают бывшие помощники Ельцина¹⁰. Глядя на нынешние коммерциализированные нравы, трудно поверить, что подавляющее большинство кандидатов, не пользовавшихся расположением власти, были избраны исключительно благодаря энтузиазму и самоотдаче множества людей¹¹. Наши добровольные помощники — энергичные, настойчивые, бог весть когда и как успевшие освоить приемы публичной политики, во многих округах переигрывали громоздкий, но неэффективный партийно-государственный аппарат.

Скажу лишь о некоторых участниках моей группы поддержки. Володя Хорос, мой коллега, известный ученый, возглавлял избирательную кампанию со свойственными ему настойчивостью, методичностью и изобретательностью. Лариса Косова, в то время научный сотрудник ИНИОНа, человек редкого обаяния, исследователь по натуре, постоянно придумывавшая нетривиальные ходы. Саша Собянин, пришедший из знаменитого ФИАНа, и ставший моим другом со времен академической кампании

1989 г., аналитик и организатор милостью божией. Андрей Цыганков, тогда аспирант МГУ, а ныне профессор одного из американских университетов, человек инициативный и безотказный. Мои коллеги по ИМЭМО Володя Гутник, Андрей Трухан, Валентин Басс, сотрудники других академических институтов Костя Куранов и Сережа Горев. Авторы и редакторы предвыборных материалов сами их расклеивали и раздавали, простаивая часами на морозе около выходов из метро. Такую же вахту несли мой друг еще со школьных времен Дима Власов и его жена Лида, которая позже стала моей лучшей и незаменимой депутатской помощницей. Психолог Леонид Гозман и социолог Алексей Левинсон, помогавшие строить избирательную кампанию «по науке». И, конечно же, мой самый близкий друг и жена Алла Назимова, которая была поистине душой команды на этом изнурительном и нервном марафоне.

Следует сказать и о «Голосе», организации «неформалов», действовавшей в избирательном округе. Ее возглавлял Юрий Хавкин, незадолго перед тем год отсидевший в Лефортово по политическому делу. «Голос» выдвинул много кандидатов в райсовет; среди них обязательно надо назвать Сережу Бугаева, позднее пришедшего в «Яблоко». Вместе с ними и с кандидатом в депутаты Моссовета, ученым-физиком Владимиром Плотниковым, ныне членом Совета Федерации, мы обходили по вечерам подъезды домов, стремясь достучаться до каждого избирателя. Это тоже дало результаты. Избирательная кампания подчас приносила сюрпризы неожиданные. В нее включился, прочитав мою листовку, учитель школы-интерната вместе со своим классом (к сожалению, в наступившей потопе суете я потерял с ним связь).

подавляющее большинство участников моей группы поддержки были интеллигентами и учеными, которые как раз в силу своих интеллектуальных и профессиональных качеств оказались вполне конкурентоспособными в дотоле незнакомой им сфере деятельности. И это не было исключением. Не оставляет мысль: какого перспективного потенциала лишилась наша не только нау-

ка, но и политика из-за того, что советская система научных учреждений была не модернизирована, а бездумно обрушена, и многие ученые вынуждены были искать иные сферы приложения сил или уезжать за границу.

Но это еще было впереди. А весной 1990 г. избирательные победы российских демократов придали процессам обновления в стране второе дыхание. С энтузиазмом мы готовились к Съезду и шли на него.

КОНФИГУРАЦИИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС: ЧТО НОВОГО?

Структуру избранного в 1990 г. СНД РСФСР можно представить двояко: по социально-профессиональным группам (табл. 3), как это было сделано выше для СНД СССР, и по политическим ориентациям (табл. 4).

Анализ десяти первых наиболее принципиальных голосований на I Съезде, в которых противоборство представленных на нем сил проявлялось особенно четко, показал, что между распределением депутатов по социальным группам и их политическими позициями существовала тесная связь. Как видно из табл. 4, голосования депутатов были в массе своей предсказуемы, ненависть номенклатуры к интеллигенции — вполне обоснованной, а ее надежды на поддержку рабочих и крестьян — иллюзорными¹².

Основные же сдвиги по сравнению с союзным парламентом можно суммировать следующим образом. На долю руководителей всех рангов пришлось 78,6% мандатов по сравнению с 67,0% на выборах 1989 г. Практически весь этот рост произошел за счет верхних и средних звеньев аппарата управления. Повторилось значительно резче то, что можно было наблюдать при сопоставлении выборов 1984 и 1989 гг. Отказ от «разнарядки», которая укладывала волеизъявление избирателей в предначертанные

Таблица 3. Социально-профессиональный состав СНД СССР (1989 г.)
и СНД РСФСР (1990 г.)

Социально-профессиональная группа	Число депутатов, чел.		Доля депутатов, %	
	1989	1990	1989	1990
1. Высшее политическое руководство	2	3	0,3	0,3
2. Верхний эшелон управления	93	192	14,4	18,7
В том числе:				
секретари обкомов и горкомов				
КПСС крупных городов	52	62	8,0	6,0
ответственные работники ЦК КПСС	3	2	0,5	0,2
председатели Советов Министров автономных республик и их заместители, министры СССР, РСФСР, автономных республик, ответственные работники министерств	13	39	2,0	3,8
председатели крайисполкомов, облисполкомов, исполкомов крупных городов и их заместители	9	50	1,4	4,9
военное руководство — высшее звено	11	19	1,7	1,8
руководство КГБ — высшее звено	—	2	—	0,2
руководство МВД — высшее звено	—	3	—	0,3
3. Средний эшелон управления	201	389	31,1	37,9
В том числе:				
секретари райкомов, горкомов КПСС средних и малых городов, заведующие отделами обкомов КПСС	12	48	1,9	4,7
председатели райисполкомов, исполкомов средних и малых городов и их заместители, руководители отделов облисполкомов	6	21	0,9	2,0

Продолжение табл. 3

Социально-профессиональная группа	Число депутатов, чел.		Доля депутатов, %	
	1989	1990	1989	1990
военное руководство — среднее звено	10	18	1,5	1,7
руководство КГБ — среднее звено	—	10	—	1,0
руководство МВД — среднее звено	—	17	—	1,6
директора предприятий, их заместители, главные специалисты	59	119	9,1	11,6
директора совхозов, их заместители, главные специалисты	49	60	7,6	5,8
председатели колхозов, их заместители, главные специалисты	33	40	5,1	3,9
директора научно-исследовательских институтов, ректоры вузов и их заместители	20	21	3,1	2,0
4. Нижний эшелон управления	137	222	21,2	21,7
В том числе:				
секретари парткомов	6	6	0,9	0,6
военное руководство — нижнее звено	5	7	0,8	0,7
руководство МВД — нижнее звено	—	10	—	1,0
начальники цехов, отделов предприятий и их заместители, мастера	48	34	7,4	3,3
руководители подразделений совхозов и колхозов	9	2	1,4	0,2
руководители подразделений НИИ, вузов и их заместители	21	50	3,2	4,9
директора школ и их заместители	9	16	1,4	1,6
руководители медицинских учреждений и их заместители	30	65	4,6	6,3
5. Рабочие и колхозники	137	60	21,2	5,9
В том числе:				
индустриальные рабочие	97	53	15,0	5,2
рабочие совхозов	21	3	3,3	0,3
колхозники	19	4	2,9	0,4

Продолжение табл. 3

Социально-профессиональная группа	Число депутатов, чел.		Доля депутатов, %	
	1989	1990	1989	1990
6. Работники высококвалифицированного умственного труда	70	135	10,8	13,2
В том числе:				
инженеры, техники	15	25	2,3	2,4
учителя	14	10	2,2	1,0
врачи	3	6	0,5	0,6
научная и творческая интеллигенция	38	87	5,9	8,5
из них:				
научные работники	25	61	3,9	6,0
писатели, работники искусств	6	3	0,9	0,3
журналисты	7	23	1,0	2,2
7. Прочие	6	24	1,0	2,3
В том числе:				
работники, занятые в совместных, акционерных и арендных предприятиях, кооперативах, индивидуальной трудовой деятельности	6	11	1,0	1,0
священнослужители	—	5	—	0,5
члены и руководители местных неформальных общественных организаций	—	6	—	0,6
ВСЕГО	646	1025	100,0	100,0

Примечание

Таблица была приведена в статье А. Назимовой и В. Шейниса, опубликованной перед открытием I СНД РСФСР (Аргументы и факты. — 1990. — 4 мая). Классификация и расчет осуществлялись по такой же схеме, как в табл. 2. Данные по депутатам СНД СССР относятся только к тем из них, кто были избран по территориальным и национально-территориальным округам РСФСР.

Таблица 4. Политическая ориентация депутатов
на I Съезде народных депутатов РСФСР

Социально-профессиональная группа	Голосование с позиций, %	
	«Демократической России»	«Коммунистов России»
1. Высшее политическое руководство	4	96
2. Верхний эшелон управления	8	90
В том числе:		
секретари обкомов и горкомов КПСС крупных городов	13	86
ответственные работники ЦК КПСС	0	100
председатели Советов Министров автономных республик и их заместители, министры СССР, РСФСР, автономных республик, ответственные работники министерств	24	72
председатели крайисполкомов, облисполкомов, исполкомов крупных городов и их заместители	16	82
военное руководство — высшее звено	16	82
руководство КГБ — высшее звено	6	94
руководство МВД — высшее звено	40	60
3. Средний эшелон управления	45	51
В том числе:		
секретари райкомов, горкомов КПСС средних и малых городов, заведующие отделами обкомов КПСС	37	60

Продолжение табл. 4

Социально-профессиональная группа	Голосование с позиций, %	
	«Демократической России»	«Коммунистов России»
председатели райисполкомов, исполкомов		
средних и малых городов и их заместители, руководители отделов облисполкомов	42	54
военное руководство — среднее звено	63	37
руководство КГБ — среднее звено	27	65
руководство МВД — среднее звено	55	42
директора предприятий, их заместители, главные специалисты	50	46
директора совхозов, их заместители, главные специалисты	40	56
председатели колхозов, их заместители, главные специалисты	39	57
директора научно-исследовательских институтов, ректоры вузов и их заместители	62	35
начальники главков и территориальных управлений краев и областей	46	50
4. Нижний эшелон управления	74	23
В том числе:		
секретари парткомов	84	15
военное руководство — нижнее звено	73	22
руководство МВД — нижнее звено	86	11
начальники цехов, отделов предприятий и их заместители, мастера	71	25
руководители подразделений совхозов и колхозов	35	59
руководители подразделений НИИ, вузов и их заместители	82	17
директора школ и их заместители	77	20

Продолжение табл. 4

Социально-профессиональная группа	Голосование с позиций, %	
	«Демократической России»	«Коммунистов России»
руководители медицинских учреждений и их заместители	69	28
5. Рабочие и колхозники	74	24
В том числе:		
индустриальные рабочие	75	23
рабочие совхозов	}	}
колхозники		
6. Работники высококвалифицированного умственного труда	87	11
В том числе:		
инженеры, техники	92	8
учителя	86	14
врачи	66	23
научная и творческая интеллигенция		
из них:		
научные работники, преподаватели вузов	92	7
журналисты	82	13
адвокаты, юристы	86	14

Примечание

Использував классификацию, приведенную в табл. 3, экспертная группа, возглавлявшаяся А. Собяниным (в нее входили также Л. Ефимова и Д. Юрьев), представила распределение депутатов СНД РСФСР по их политической ориентации (Аргументы и факты. — 1990. — 27 июля). Для расчета были взяты свыше десяти тысяч «депутатоголосований» по вопросам, наиболее раскалывавшим Съезд политически.

свыше пропорции, повела к дальнейшему, и довольно сильному, сокращению представительства рабочих и колхозников. Но их доля переходила не столько к интеллигенции, как это пытались представить некоторые недобросовестные комментаторы, сколько к руководящим работникам. Несмотря на «антиаппаратные» настроения, широко распространившиеся в обществе, избиратели более половины округов вольно или невольно отдали предпочтение руководителям высшего и среднего ранга, в том числе представителям аппарата. Одно из самых неожиданных явлений — резкое увеличение числа депутатов от правоохранительных органов (с 1,4 до 4,9%), причем почти все они — работники КГБ и МВД, которых в 1989 г. от российских округов на Съезд народных депутатов СССР вообще не избирали. Выросла тяга к «порядку», увеличился спрос на тех, в ком хотели увидеть неподкупных шерифов.

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИИ НА СТАРТЕ

В момент открытия Съезда 86,7% его депутатов были членами КПСС¹³, что говорило лишь о том, что правящая партия вобрала в себя наиболее активную часть общества. К 1990 г. принадлежность к партии перестала быть классифицирующим политическим признаком. В отличие от выборов 1989 г. демократы шли под знаменем избирательного блока, который выступил со своей программой, эшелонам поддержки в лице МДГ союзного парламента, рекомендательными списками и листовками. Избранные кандидаты от «Демократической России» еще до открытия Съезда сорганизовались, провели ряд совещаний, начали готовить проекты документов и предъявили их уже в ходе работы подготовительной комиссии Съезда, созданной Президиумом прежнего ВС, как это делалось и прежде.

Аналогичную работу «сверху» вел ЦК КПСС, созывая собрания депутатов-партийцев, но не всех, а по выверенному списку. Активисты «Демократической России», состоявшие в КПСС, в список, разумеется, не попали¹⁴. Так была сформирована фракция

«Коммунисты России», опиравшаяся на разветвленные службы аппарата ЦК КПСС, которые разрабатывали стратегию и тактику ее поведения на Съезде, готовили документацию, обеспечивали информационную поддержку в «Правде», «Советской России» и в местной партийной печати. Значительная часть этой работы велась под патронажем Горбачева, лично проводившего собрания этих депутатов и назвавшего кандидата на высший государственный пост России, на котором в тот момент вроде бы остановил свой выбор ЦК КПСС¹⁵.

В первые же дни работы Съезда было сформировано множество депутатских объединений с пересекающимся и непостоянным составом. Однако основное размежевание прошло по линии «Демократическая Россия» (вскоре превратилась в коалицию нескольких выделившихся из нее демократических фракций) vs «Коммунисты России» (при поддержке аграриев, депутатов от автономий, объединившихся во фракцию «Суверенитет и равенство», и др.).

Анализ, проведенный группой Александра Собянина, выявил три главных рубежа противостояния между демократами и коммунистами на первых Съездах:

- традиционный рубеж «демократия против партократии» (или «левые» против «правых» в раннеперестроечном значении этих терминов);
- сторонники и противники частной собственности и рынка («правые» против «левых» в традиционном западном понимании);
- спор между Россией и Союзом («федералисты» против «унитариев»)¹⁶.

Из анализа поименных голосований вытекало, что на I Съезде преимущественно с позиций «Демократической России» голосовали 465 депутатов, «Коммунистов России» — 417, а 176 депутатов попеременно поддерживали прямо противоположные политические решения. Примерно такое же соотношение голосов сохранялось еще на нескольких Съездах, но впоследствии было размыто.

Таким образом, политическая структура российского Съезда резко отличалась от союзного. На пике влияния МДГ в той или иной форме о своей принадлежности к ней заявили менее 15% депутатов Съезда народных депутатов СССР (а на ее первые большие собрания приходили около 10%). Максимальное число депутатов, проголосовавших за предложение МДГ в ситуации противостояния, достигло 37%, и так было только один раз. «Послушное» большинство, как правило, следовало за «агрессивным» меньшинством, что и дало основание Афанасьеву их объединить. Иными словами, между двумя меньшинствами, четко определившими свою политическую позицию, располагалась депутатская масса, которую со времен Великой французской революции принято было именовать «болотом». Она насчитывала более половины депутатов и практически всецело находилась в силовом поле консервативной номенклатуры. «Болото» на союзном Съезде голосовало, как правило, вместе с консерваторами.

Россия год спустя избрала иной парламент: более поляризованный и радикально настроенный. Один только списочный состав «демороссов» достигал 20% и более. Число депутатов, голосовавших за их предложения на I и II Съездах, не менее чем в 2/3 случаев составляло 44%, а во время некоторых ключевых голосований демократам удавалось получить более половины голосов. С другой стороны, удельный вес определившихся консерваторов составлял 39—40%. На долю «болота» оставалось менее 17%¹⁷.

Количественное преобладание податливого «болота» — депутатов, не имевших ни собственной организации, ни выношенной политической позиции, которую они готовы были бы отстаивать, делало союзный Съезд сравнительно легким объектом для манипуляций, искусством которых неплохо владели и Горбачев, и Лукьянов. Привыкший повиноваться командам, он в 1991 г. без сопротивления и даже без обсуждения одобрил вердикт о собственной «кончине». Ситуацию же на российском Съезде определяло, особенно вначале, противостояние двух массивных коалиций, которые самостоятельно определяли линию своего поведения, по-

сколькo признанного, внешнего по отношению к ним режиссера не существовало. ЦК КПСС, первоначально претендовавший на эту роль, с нею не справился. Но и «болоту» российского депутатского корпуса, голосовавшему то так, то этак, предстояло сыграть заметную роль. Борьбу за него вели фланги. Поскольку ни у демократов, ни у коммунистов не было устойчивого большинства, исход голосований (прежде всего по ключевым вопросам) зависел от того, к какой позиции примкнут колеблющиеся депутаты или их значительная часть. До необходимого минимума в 531 голос демократам не хватало не менее 66 голосов, а коммунистам — 114 (а фактически и тем, и другим — больше, так как дисциплины посещения заседаний и голосований не было). Поэтому в переломные моменты тактика обеих противостоящих сил включала «разогревание» зала острыми выступлениями с трибуны и от микрофонов, патетикой разного рода, а затем — требованием немедленно провести голосование. Мощный эмоциональный напор, излишний в политически четко структурированных парламентах, нередко приносил желаемый результат. Но для внесения изменений в Конституцию требовалось квалифицированное большинство в 707 голосов, которое могло быть получено лишь на основе консенсуса противоборствующих сил. Поэтому вторжения в текст Конституции на I СНД оказались минимальными, а на II — половинчатыми.

Так выглядела расстановка сил на Съезде, которому суждено было принять политические решения, может быть, самые важные для страны за предшествующие десятилетия. Вокруг этих решений разгорелась борьба, исход которой в каждом случае не был заранее предопределен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предвыборная программа «Демократической России» // Огонек. — 1990. — № 6. — С. 17—18.

² В сентябре 1990 г., отвечая на вопрос корреспондента ленинградской газеты об апатии молодежи, я сказал: «Я тоже озабочен и опечален этим. Поразительная вещь: студенчество почти не вовлечено в политические процессы. <...> Конечно, есть прекрасные молодые люди, но нет молодежного движения. Во время предвыборной кампании мы потратили громадные усилия на то, чтобы активизировать в моем избирательном округе в Москве Дом аспиранта и стажера. Нам было очень важно получить голоса этих людей, потому что мы предполагали: если они придут на выборы, то проголосуют за демократических кандидатов. Но они не пришли. В результате — провалили демократических кандидатов в райсовет, в Моссовет, недобрали мы какое-то количество голосов и в парламент России» (Ленингр. рабочий. — 1990. — 21 сент.).

³ Аргументы и факты. — 1990. — 28 апр. — 4 мая; Правда. — 1990. — 23 янв.

⁴ Хотя на выборах 1989 г. уже были представлены более или менее оформленные идеологические позиции, кампания шла преимущественно как антиаппаратная, с одной стороны, и направленная против «демагогов» — с другой. Лозунги были, как правило, размыты или зашифрованы и не раскрывали существа политической борьбы.

⁵ Противодействие аппарата признал председатель Центризбиркома В. И. Казаков (Правда. — 1990. — 23 янв.).

⁶ Моск. правда. — 1989. — 28 окт. Искусственный Феликс Кузнецов исхитрился придать своей аргументации «антисталинский» окрас, воззвав вернуть порядок, существовавший до Конституции 1936 г. и измененный якобы потому, что «Сталин как огня боялся рабочего класса».

⁷ Рабочая стенограмма международного симпозиума «Развитие гласности в СССР». Бремен, 10—12 мая 1990 г. — Архив автора.

⁸ Так, Итальянская компартия полвека не могла рассчитывать на участие в правительстве, но сохранялась как крупная общенациональная сила, владеющая влиятельной фракцией в парламенте, в значительной мере потому, что умела проводить большое число ответственных и компетентных избранных на иные уровни власти.

⁹ «Виктор Леонидович, — спросил меня как-то один из московских депутатов, не принадлежащий к «Демократической России», врач по специальности, — почему среди ваших единомышленников так много людей психически неуравновешенных?». Мне оставалось лишь пожать плечами. Впрочем, людей такого типа было немало среди депутатов всех ориентаций. Видимо, в этом отразился возбужденный характер избирательной кампании: на «отвязанных» радикалов был спрос.

¹⁰ Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 80.

¹¹ Нечто подобное мне довелось увидеть 9 лет спустя — но не в России, а на выборах конгрессмена в далекой Атланте, где команду кандидата от демократов составили люди, в том числе приехавшие из других штатов и отдававшие время и силы бесплатно, «за идею».

¹² Сразу после выборов в ряде органов коммунистической печати была развернута кампания против интеллигентов, которые якобы вытеснили рядовых работников от станка и плуга. Но приведенные в таблице данные наглядно показывают, за счет каких категорий произошел сдвиг в представительстве рабочих и колхозников.

¹³ Подчитано по: Список народных депутатов РСФСР на 28 марта 1990 г. — М., 1990.

¹⁴ Филатов упоминает в своих воспоминаниях одно из таких собраний, на которое пришли без приглашения несколько демократических депутатов — членов КПСС. Их нехотя пустили. Но пришедших было с ними беспартийных депутатов оставили за порогом (Филатов С. Совершенно несекретно: Кулуары российской власти. — М., 2000. — С. 48).

¹⁵ Исаков В. Председатель Совета Республики. — М., 1996. — С. 111.

¹⁶ Корниенко Т. Морозов С., Склярук В., Собянин А., Юрьев Д. Два Съезда народных депутатов РСФСР в зеркале поименных голосований. Материалы временной информационно-аналитической группы. Декабрь 1990. — С. 4. — Архив автора.

¹⁷ Там же. — С. 4. — Рис. 1, 2. Собянин и его коллеги на основе своей методики провели учет ключевых голосований и союзных депутатов, избранных или проживающих на территории Российской Федерации, на II—IV СНД СССР. По их данным, с преимущественно демократических позиций голосовали 105 (9%) депутатов, с консервативных — 765 (около 68%), промежуточную позицию занимали 262 (23%) депутатов (Кто был кто на союзном Съезде?) — Архив автора.

глава 4

Первый российский Съезд

Когда вспоминаешь, как много предрассудков было у большинства депутатов Национального собрания 1789 года, начинаешь думать, что они избавились от этих предрассудков лишь для того, чтобы тут же вновь проникнуться ими, уподобляясь людям, которые разрушают здание только затем, чтобы присвоить его обломки.

Никола-Себастьян де Шамфор

Когда 16 мая 1990 г. открылся I Съезд народных депутатов, историческое значение этого события не сразу оценили в полной мере. Главной и самой перспективной площадкой, на которой в стране восстанавливался парламентаризм, все еще считали союзный Съезд. Казалось, что республиканские парламенты пойдут во втором эшелоне преобразований, закрепят и в лучшем случае подтолкнут процессы, разворачивающиеся на союзном уровне. Получилось иначе: через год доминирующая роль российского парламента стала очевидной. Но уже весной 1990 г. I Съезд РСФСР привлек к себе пристальное внимание. Потому что на нем были приняты решения, кардинально повлиявшие на дальнейший ход событий. Потому что решения эти принимались более или менее равными по силе игроками, и перевес оказывался то на одной, то на другой стороне. Потому что судьбоносные, как тогда любили говорить, решения вызревали и принимались не «под ков-

ром», втайне, как обычно бывало и опять стало в России, а на виду и под воздействием многих сотен депутатов, открыто заявлявших и мотивировавших свои позиции.

ВЗГЛЯД ИЗ 1990 года

Я воспроизвожу здесь два документа того времени. Один из них был написан перед открытием Съезда, а второй — когда он завершился и можно было по горячим следам подвести первые итоги.

Еще на стадии подготовки к Съезду «Демократическая Россия» определила свою позицию по вопросу, который представлялся нам одним из ключевых. Наблюдая все более заметное торможение в работе союзного парламента, мы стремились превратить парламент российский в мощный фактор дальнейших общественных преобразований — обеспечить его повседневное (а не эпизодическое) присутствие, доминирование над другими властными институтами, где прочно окопалась бюрократия, с одной стороны, и усилить давление на союзные органы, где демократы явно проигрывали бюрократии, — с другой. Путь к этому виделся в том, чтобы перенести центр тяжести политической власти со Съезда в постоянно действующий Верховный Совет

России и наполнить его возможно большим числом демократических депутатов.

Был разработан ряд вариантов такого преобразования. Радикальный предусматривал изменение Конституции и превращение всего Съезда в постоянно действующий орган. Правда, в свете последующего опыта и зная, каким оказался персональный состав депутатского корпуса, следует признать, что такая конструкция была бы не слишком работоспособной. Компромиссные варианты предусматривали численное увеличение одной или обеих палат. Эти предложения были представлены на подготовительной комиссии Съезда и решительно отвергнуты нашими оппонентами. Наша же позиция по этому вопросу была изложена в приводимой ниже статье, опубликованной перед открытием Съезда¹.

КАКИМ БЫТЬ ПАРЛАМЕНТУ РОССИИ?

ПОЗИЦИЯ ДЕПУТАТА

Наскоро разработанные и проведенные через старый Верховный Совет СССР изменения в Конституции подарили нам громоздкую двухступенчатую структуру высшего органа государственной власти: Съезд народных депутатов — Верховный Совет СССР. Утверждалось, что Съезд, насчитывающий 2250 депутатов, будет более представительным органом, способным выражать многообразие социально-общественных интересов в стране и вырабатывать социально-политический баланс, а Верховный Совет с его 542 членами — оперативно работающим и профессиональным законотворческим институтом. Всего лишь года работы этих органов на общесоюзном уровне оказалось достаточно, чтобы подтвердить худшие опасения критиков новоизобретенной системы.

Работа Съезда народных депутатов СССР от сессии к сессии становилась все менее продуктивной и закономерно вызывала разочарование избирателей. Не приходится поэтому удивляться, что система и иррациональная, и недемократичная

(поскольку прямые выборы в Верховный Совет, где сосредоточена реальная законотворческая работа, заменены косвенными) была отброшена во всех союзных республиках, за одним исключением — РСФСР, где из состава Съезда народных депутатов, на который должно быть избрано 1068 депутатов, предстоит выделить, согласно действующей Конституции, две палаты Верховного Совета — по 126 человек каждая.

До открытия Съезда остается всего лишь несколько дней, до избрания Верховного Совета — немногим больше. Пора задуматься, что можно сейчас сделать, чтобы, не идя на новые выборы (усталость избирателей от утомительного и нескладного выборного марафона — неоспоримый факт), не воспроизводить в Российской Федерации худшие черты того, что не оправдало себя на союзном уровне. При заданных условиях, вероятно, наилучший выход — перенести центр тяжести со Съезда на Верховный Совет, а это означает, что Верховный Совет должен стать не придатком Съезда и внеконституционных органов, а полноценным парламентом. Надо сконцентрировать основной объем работы в постоянно действующем Верховном Совете, его комитетах и комиссиях, деятельность в которых является для их членов основным и профессиональным занятием, а не работой «по совместительству». Но для этого постоянно действующий орган государственной власти должен обладать необходимой «критической массой».

Мировой опыт выработал оптимальные габариты парламента. Эта величина колеблется в зависимости от численности населения и других обстоятельств в пределах 500—800 членов, причем «нижние», основные палаты насчитывают около 400—600 членов. Так, в США палата представителей включает 435, а сенат — 100 человек, в Великобритании палата общин — 650, во Франции обе палаты — 577 и 319, в ФРГ — 497 и 41, в Италии — 630 и 315, в Японии — 512 и 252, в Мексике — 500 и 64 соответственно и т. д. Верховный Совет Российской Федерации

выпадает по намеченной для него численности не только из этих международных стандартов. В сопоставлении с другими союзными республиками (в Узбекистане — 500 членов Верховного Совета, на Украине — 450, в Казахстане и Белоруссии — по 360 и т. д.) РСФСР оказывается «последней среди равных», во всяком случае в сопоставлении с относительно крупными республиками.

Поэтому лучшим из практически возможных решений в сложившейся ситуации, когда уже избраны (или вскоре должны быть доизбраны) 168 депутатов от национально-территориальных и 900 депутатов — от территориальных округов, представляется увеличение численности Верховного Совета РСФСР, которое можно было бы осуществить с минимальным изменением Конституции РСФСР, а именно: исключением положения, предписывающего одинаковую численность палат. При этом численность Совета Национальностей можно было бы оставить в размере 126 человек, как это предусмотрено Конституцией, или увеличить до 168 депутатов, избранных от всех национально-территориальных округов, а Совет Республики, скажем, — до 450 депутатов, то есть до половины избранных от территориальных округов.

Это дало бы возможность более точно и непосредственно спроецировать политическую и профессионально-квалификационную структуру Съезда народных депутатов, избранного населением, на Верховный Совет и прежде всего — Совет Республики. Только увеличение состава Верховного Совета вместе с жестким проведением принципа, по которому все его члены должны работать в постоянных комиссиях и комитетах, сможет сделать деятельность этих важнейших подразделений высшего органа государственной власти по-настоящему стабильной и профессиональной, позволит избежать перебоев и отсутствия кворума, как это нередко случается в комитетах и комиссиях Верховного Совета СССР. Простой расчет показывает, что 252 депутата недостаточно для комплектования 20—25 одних

лишь постоянных комитетов и комиссий профессиональными парламентариями, работающими на постоянной основе. В этой связи надо отметить, что дискриминирующее депутатов разделение на членов и нечленов Верховного Совета становится особенно нетерпимым, если оно распространяется на активно работающих в комитетах и комиссиях, если только это деление — не результат свободного выбора самих депутатов, по тем или иным причинам не пожелавших войти в Верховный Совет.

Наконец, по принципиальным и практическим соображениям важно предусмотреть хотя бы возможность для всех или большинства депутатов в течение какого-то времени работать в Верховном Совете. Очевидно, что даже при ежегодном обновлении состава Совета Республики на 20% (это, видимо, предел, превышение которого нарушит преемственность в работе) максимальное число депутатов от территориальных округов, прошедших через Верховный Совет, не превысит одной четверти избранных.

Проблема численности и порядка формирования Верховного Совета России, конечно, не техническая, а политическая: Съезду народных депутатов РСФСР предстоит сделать ответственный и нелегкий выбор. Либо он подчинится для него и за него написанному сценарию и быстро уступит место послушному Верховному Совету, который едва ли сможет устоять перед сильным давлением тех институтов, где поныне сосредоточена государственная власть. Либо он проявит собственную политическую волю и создаст Верховный Совет, способный работать и учиться, меняться вместе со страной, превращаться в полновластный парламент.

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ²

Возбуждение и внимание, которыми были окружены первые дни первого Съезда народных депутатов России, ослабевают. Рядом разворачиваются не менее значимые события. <...>

Под вопросом — организация, политическая ориентация и место в общественной жизни партии, неразрывную спаянность которой с государством привыкли воспринимать как нечто само собой разумеющееся все поколения наших ныне живущих граждан. Нарастает социальная и национальная напряженность.

На этом фоне примелькавшиеся уже сцены нескончаемого словоговора на Съезде, конкурирующего за телевизионное время с чемпионатом по футболу, начинают казаться затянувшимся спектаклем, имеющим отдаленное отношение к заботам страны. Не только зрителям, но и многим участникам. «Хватит говорить, пора разъезжаться и работать», — реакция, естественная в той политической культуре, где звание депутата было почетным приложением к должности, заслуженным или незаслуженным вознаграждением за деятельность в кабинете, поле или на шахте, а собственно законотворческая работа совершалась отнюдь не на парламентских сессиях. Где распределение власти и «подбор и расстановка кадров» к квазипарламентским процедурам решительно никакого отношения не имели.

Наше общество настолько привыкло к тому, что борьба за власть совершается «под ковром», под покровом глубокой тайны и представляет столкновение личных амбиций, а не различных или тем более противоположных программ, что самое стремление к власти воспринимается в массовом сознании — и не только в нем — как дело малопочтенное и, во всяком случае, подозрительное. «Они рвутся к власти», — говорят, указывая на новые демократические организации, те, кто давно срослись с властью, не мыслят себя вне ее и привыкли считать себя обладателями главной истины и бессрочного мандата на власть от народа.

На вещи пора взглянуть трезво. Скверно не то, что борьба за власть вырвалась из кабинетов и коридоров хорошо охраняемых зданий в многолюдные залы и на улицы. Опасно, что политическая организация сил, выражающих реально существующее различие интересов в нашем глубоко дифференцированном

обществе, серьезно отстает от стихийного нарастания напряжений и конфликтов. Вредно, что борьба между ними идет без взаимно принятых правил, в искаженных, нередко затемняющих суть дела политических формах и вокруг довольно неопределенных идеологических символов и пропагандистских клише.

Именно с этой точки зрения надо дать оценку тому, что происходит на российском Съезде. Его внутренняя структура и организация опираются на три неравноценных принципа. Он был избран и структурирован по региональному делению, которое было довольно удобно и даже практично в старой политической системе. По регионам — нередко в нарушение конституционного принципа равенства прав избирателей — были организованы представительство в руководящих органах Съезда и выборы в Верховный Совет и в Конституционную комиссию. И даже выступления по первым содержательным пунктам повестки дня шли строго по алфавиту названия территорий — а таковых в РСФСР немногим меньше сотни — и представляли не столько политическую дискуссию по ключевым вопросам, сколько серию отчетов и жалоб по местным делам. Места в секретариате, комиссиях, на трибуне — дефицит, распределение которого производится на основе регионально-уравнилельной карточной системы.

В первые же дни параллельно стала формироваться и иная структура — социально-профессиональная. Возникли группы промышленников, аграриев, экономистов и управленцев, научных и культурных работников, рабоче-крестьянский союз и т. д. Каждая из них заявила о своих правах. Наконец, конституировались две главные политические силы Съезда: «Демократическая Россия» и «Коммунисты России» с примыкающими к ним (или отпочковавшимися от них) группами. Каждый из этих двух блоков часто видится оппонентам, а подчас и характеризуется в печати, как мощная и хорошо организованная сила, выступающая по тщательно отрежиссированному плану и голосящая по команде. Наблюдая «демократическую» ситуацию

изнутри и «коммунистическую» вблизи, я убежден, что это не так. Обе они — в лучшем случае прообразы даже не партий, а политических коалиций, с размытыми программными установками и плывущим, меняющимся от голосования к голосованию составом. <...>

Расклад сил таков, что ни одна из сторон не может провести свои предложения, если не привлечет на свою сторону центр (или его преобладающую часть, 150—200 депутатов). И не может добиться конституционных изменений, которые назрели, жизненно необходимы, но требуют, как минимум, поддержки 707 депутатов, не договорившись о том со своим главным оппонентом или, по крайней мере, не отколов от него изрядную часть сторонников. Впрочем, коммунисты здесь в более выигрышном положении, так как для того, чтобы отстаивать нерушимость безнадежно устаревшей Конституции республики, требуется значительно меньше сил, чем для ее изменения.

Эту реальность, более или менее адекватно отразившую соотношение сил в стране, нередко не учитывает ни та, ни другая сторона. В лице демократов видят порождение сил уличной анархии, которая, завладев средствами массовой информации, забросила своих агентов в парламент и представляет опасную деструктивную силу, угрожающую целостности государства и тому стереотипу, который принято обозначать как «социалистический выбор». Не только противников, но и многих нейтралов раздражают активность демократических депутатов, их настойчивость и интеллектуальный натиск в защите своих позиций. Раздражают и бессодержательные эскапады, которыми отдельные «левые» депутаты травмируют своих коллег, блокировка решений Съезда, к которой меньшинство прибегает подчас в порядке самозащиты, но которая не соответствует советским традициям.

Свой счет предъявляют и демократы. Противник для них — аппаратные силы, упорно цепляющиеся за власть. «Коммунисты России» действительно вобрали в свой состав преобладающую

часть депутатов, принадлежащих к высшему и среднему эшелонам управления. Более того, они получают мощную поддержку извне, которая нередко приобретает действительно скандальные формы: чего стоят инструктивные совещания в ЦК (на которые приглашаются не все члены партии, а выборочно участники коммунистической фракции) или списки на вычеркивание противников из избирательных бюллетеней в Верховный Совет, тиражированные и своевременно распространенные аппаратом. Приходится констатировать: руководящий орган партии в преддверии XXVIII съезда в реальной практике вел линию не на внутрипартийную консолидацию, к которой он не перестает призывать, а на укрепление позиций группы, к которой принадлежит меньшинство депутатов — членов партии. Наивно, конечно, было бы ожидать иного. Но нельзя упускать из виду два важных обстоятельства. Во-первых, среди сторонников коммунистической фракции на Съезде и в стране есть умеренное и есть правоконсервативное крыло, которое откровенно атакует курс М. С. Горбачева. Во-вторых, «Коммунисты России» претендуют на выражение интересов всех, кого не устраивает переход к новой общественной системе: не только тех, кто удобно и небезвыгодно устроился в административных структурах, но и тех достаточно широких трудовых слоев, которых они же обрекли на полунцифенский образ жизни, но которые не видят для себя места в конкурентной рыночной экономике.

Каждая из сторон видит в своем противнике прежде всего образ врага и напрягает мускулы для достижения победы. Это противостояние особенно отчетливо проявилось в решении кадровых вопросов. Борьба за председательский пост предельно поляризовала Съезд. Стремясь склонить на свою сторону колеблющихся, претенденты в своих программных заявлениях и ответах на вопросы ставили акцент на общих целях, которые их дифференцируют в меньшей степени, а не на конкретных путях достижения этих целей, по которым всего больше проявляется различие политических подходов не только самих лидеров, но и тех

сил, которые за ними стоят. Тем, кто пришел на Съезд, не имея готового решения, за кого голосовать, был предложен выбор не столько между программами, сколько между лицами, лицами-символами.

Откровенный нажим с вершины общесоюзной политической власти против Б. Н. Ельцина сыграл обратную роль: организаторы этого нажима не оценили, сколь сильно изменилась ситуация в стране с ноября 1987 г., когда нарушивший субординацию протестант был удален с политического Олимпа. <...> Избрания Б. Н. Ельцина добивалась «Демократическая Россия». Но было бы опрометчиво отнести этот успех всецело на ее счет. Его слагаемые также — давление избирателей, резкое снижение авторитета всех официальных политических структур и отсутствие фигур, которые могли бы представить реальную альтернативу лидеру, популярность которому дала бескомпромиссная борьба с привилегиями и властью аппарата, а не продуманная позитивная программа, которую еще предстоит разрабатывать и претворять в жизнь.

То, что избрание председателя Верховного Совета РСФСР отнюдь не означает прихода к власти демократической левой, было сразу же недвусмысленно продемонстрировано при выборах его заместителей, а затем и Верховного Совета. На протяжении нескольких месяцев «Демократическая Россия» разрабатывала варианты, которые позволили бы превратить иррациональное и антидемократическое изобретение аппарата и его «научной» obsługi — двухступенчатого монстра Съезд — Верховный Совет — в работающий парламент. Не особо вдаваясь в аргументацию, консервативная часть Съезда опрокинула наметившийся было компромисс. <...> В результате был создан постоянно действующий орган, по малочисленности своей заведомо не способный выполнить весь объем возлагаемой на него работы и «корректирующий» то соотношение сил, которое сложилось на самом Съезде и отразило волеизъявление избирателей. Анализ ряда ключевых поименных голосований показыва-

ет, что все прогрессивные решения, за которые высказалось большинство депутатов Съезда, <...> были бы наглухо заблокированы нынешним составом Совета Национальностей, а которые не собрали бы большинства и в Совете Республики.

Следовательно, создалось положение, при котором две главные политические силы на российском Съезде блокируют друг друга. В ближайшие дни большинство депутатов, за которыми останется лишь проблематичная возможность повлиять на работу постоянных комиссий и комитетов, разъедется по местам и оставит председателя наедине с командой его заместителей, Верховным Советом, более консервативным, чем Съезд, и министрами, назначение которых не обязательно отразит существующий баланс сил.

Впрочем, наедине — это не совсем точно. Новому республиканскому руководству необходимо найти общий язык с руководителями многочисленных автономных образований в РСФСР, обостренная подозрительность которых сыграла решающую роль в блокировке изменений Конституции, с одной стороны, и президентом СССР и его окружением — с другой. Шаги навстречу, впервые сделанные в последние дни Горбачевым, вселяют некоторую надежду. Но вопрос о власти в России остается открытым.

В политическом лексиконе наших дней едва ли не чаще других звучат призывы к консолидации сил. <...> Слов нет, консолидация куда предпочтительнее конфронтации, последствия которой непредсказуемы. Но консолидация, если это не пустое благопожелание и не приложение к мифологическим понятиям типа «морально-политическое единство», «историческая общность — советский народ» и т. п., должна иметь осознанные предпосылки, социально-политическую базу и ясные условия. Мне они видятся следующим образом.

Предпосылки — это социально-экономическая и политическая ситуация в стране, изменение которой не терпит отлагательства (ибо уже никем не контролируемые, катастрофиче-

ские процессы могут развернуться в любой момент), и соотношение сил, которые примерно уравнивают друг друга. Нельзя нормально управлять Россией, имея в глухой оппозиции равновеликую силу и рассчитывая лишь на поддержку малочисленного и неустойчивого центра. Такие комбинации неустойчивы даже в странах с устоявшейся парламентской структурой. В критических же ситуациях создаются нередко правительства национального согласия.

Социально-политическая база такого правительства должна быть четко обозначена. Процесс политического размежевания в российском парламенте обгоняет формирование многопартийной политической структуры в республике. Но устойчивое коалиционное правительство — это не просто более или менее произвольный набор лиц, который может получить поддержку большинства, а итог переговоров и компромисса между политическими фракциями парламента. Эти фракции в эмбриональном виде уже существуют внутри и за пределами каждого из двух противостоящих блоков. Их надо возможно скорее конституировать как политические силы со своими программами, выражающими определенные интересы, и соответственно изменить принцип структурирования нашего парламента. Он не должен строиться на региональной основе, хотя, конечно, интересы автономий в качестве национально-политических субъектов Федерации должны получить достойное представительство. Нельзя только допустить, чтобы это представительство было монополизировано одними лишь партийными и государственными руководителями автономных образований, их первыми лицами, поскольку их позиции разделяются отнюдь не всеми депутатами от автономий³. Условия создания и деятельности коалиции могут быть выработаны на самом Съезде в рамках согласительного процесса или на конференции круглого стола, имеющей широкую и разнообразную политическую базу. Важно лишь, чтобы они представляли подлинную программу выхода из тупика, которая предусматривала бы комплекс мер в экономике и политике,

а не была заиклена на обветшалых идеологических фетишах. Такая программа, учитывающая разнообразие и конфликтность интересов в обществе, охватывающая то общее, что объединяет не всех, но многих, могла бы получить — хотя бы на предстоящий критический период — поддержку значительной части противоборствующих сил.

Насколько реальна такая позиция? Не знаю, хотя надеюсь, что возможность создания коалиционной власти еще не исчерпана, и уверен, что ей нет некатастрофической альтернативы. Но для того, чтобы коалиция стала действительным политическим инструментом выхода из кризиса, надо отдать себе отчет в том, что она не равнозначна всеобщей консолидации. Формально союзное руководство претендует на позицию центра, равноудаленного от правых и левых, а на деле основные удары направляет влево, и потому даже разумные решения принимает с опасным запозданием.

Чтобы каждый шаг правительства, опирающегося на такую коалицию, не увязал в трясине бесконечных согласований и споров, она должна иметь ясные политические границы. Оставляю труд обозначить ее границу слева оппонентам, а о границе справа скажу со всей определенностью. По другую ее сторону должны остаться инициаторы ленинградского инициативного партийного съезда. Те, кто запускает пробные шары, выдвигая на авансцену журналистов, призывающих «патриотически ориентированное офицерство» совершить военный переворот. Те влиятельные члены высшего партийного руководства, которые не готовы поступаться известными «принципами» и протестуют против «компромиссной» политики президента. Те, кто настоял на том, чтобы выдвиженцем партии на высший пост в России стал И. К. Полозков. Если исключить эту публику, мы получим подлинно левоцентристскую коалицию, а силы, оставшиеся за ее пределами, лишившись возможности оказывать давление изнутри, пусть апеллируют к обществу. Не думаю, что они получат там широкую поддержку.

Левоцентристская коалиция может быть создана и в нашей республике, и в масштабах Союза — была бы политическая воля. О программе и условиях можно договориться.

Так виделась мне альтернатива событиям, которые приобрели все больший разгон. К сожалению, развитие пошло по иному, катастрофическому пути. Но к концу работы первого Съезда надежда еще не была утрачена.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ. РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В ДЕЙСТВИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗВИЛКИ⁴

I Съезд народных депутатов РСФСР шел «неслыханно долго» — 38 дней. За это время было пройдено несколько критических точек, от которых движение могло пойти в разные стороны. Альтернативность исторического процесса проявилась в них с хрестоматийной наглядностью.

РАЗВИЛКА ПЕРВАЯ: ВЫБОР ЛИДЕРА

Главной развилкой, перед которой оказались депутаты, были выборы председателя Верховного Совета. Сделанный выбор оказал решающее влияние на весь ход последующих событий. Предстояло избрать не спикера, организующего работу ВС и Съезда, а лидера, наделенного полномочиями, приближающимися к президентским. Это было заложено в обновленных в 1988 и 1989 гг. Конституциях СССР и РСФСР. Последующее введение поста президента несколько расширило полномочия первого лица, но не изменило суть дела. Как справедливо заметил депутат от Сыктывкара, известный диссидент Револют Пименов, все претенденты на этот пост, выступая перед Съездом, «толковали по сути о том, что бы они делали на посту Фюрера, Вождя, на худой конец — Президента», а не организатора и координатора парламента, которому по Конституции и должна была бы принадлежать высшая власть⁵.

Если принять во внимание не преодоленную в России и поныне монархически-вождистскую традицию, вопрос о том, кто станет хозяином главного государственного кабинета ⁶, приобретал центральное значение.

В отличие от союзного Съезда, где Горбачева избрали председателем ВС в первый же день (ему тогда «не было альтернативы», полагал даже Сахаров), в России это состоялось только через две недели после открытия Съезда. Избрание Ельцина не было предreshено ⁷. За тремя турами выборов, продолжавшимися шесть дней, пристально следила вся страна. Напомню острую динамику тех дней.

Первый тур. 24—25 мая. Выдвижение и представление кандидатов, голосование. 26 мая. Объявление результатов ночного подсчета голосов: Ельцин — 497, Полозков — 473, самовыдвиженец Морокин — 32, против всех — 30.

Второй тур. 28 мая. Голосование по двум лидерам списка: Ельцин — 503 (+6), Полозков — 458 (-15), против всех — 99 (+69). Несмотря на прирост голосов у Ельцина и сокращение их у Полозкова, возникла патовая ситуация. Ею попытались воспользоваться противники Ельцина. На заседании согласительной комиссии представители фракции «Коммунисты России» заявили: оба претендента неизбираемы, надо договариваться о новых лицах. Представители «Демократической России» (Сергей Филатов, Лев Пономарев и я), естественно, этому воспротивились ⁸.

Третьей тур. 28 мая. На заседании Съезда разгорелся скандал, едва не вылившийся в рукопашную. Большинство в 7 голосов принято решение, позволяющее ранее баллотировавшимся кандидатам выдвигаться вновь. 29 мая. Новое выдвижение и программные речи. Голосование. Итоги: Ельцин — 535 (+32), Власов — 467 (на 6 меньше Полозкова в первом туре), Цой — 11 (треть от результата Морокина), против всех — 27 (-72).

Итак, Ельцин был избран лишь с третьей попытки, да и то с перевесом всего в 4 голоса в собрании, где трижды голосовали более тысячи депутатов. Он вызывал не только симпатии,

но и сильные отторжения, в том числе и среди некоторых приверженцев «Демократической России». К тому же установка «преградить путь Ельцину» исходила из союзных партийно-государственных структур, которые до этого не знали поражений в решающих поединках. На конформистских по психологическому складу и политической ориентации, колеблющихся депутатах в ЦК, но и в выступлении перед депутатами в перерыве заседаний Съезда 23 мая он открыто выступил против избрания Ельцина.

Позднее Горбачев написал: «Предвидел — с его (Ельцина. — *В. Ш.*) приходом станет нарастать конфронтация между союзным центром и Россией. Знал уже, что человек этот по характеру “разрушитель”, “гаран”...»⁹. Это объяснение не кажется мне исчерпывающим: до сих пор не могу понять, почему партия не выдвинула серьезной альтернативы Ельцину. К весне 1990 г. Михаил Сергеевич не мог не видеть, что Полозков тоже поднимается на волне, несущей изрядный заряд сепаратизма, и должен был отдавать себе отчет в том, какие губительные последствия (в том числе для СССР) могло бы иметь избрание краснодарского партсекретаря. Не зря он с трудом находил слова, хорошо характеризующие человека, симпатизировать которому не мог. Задним числом Горбачев поведал о хитроумном плане: свести в первом туре двух «радикалов», сбросить их и открыть дорогу «умеренному» и управляемому выдвиженцу. Однако помимо этого могли присутствовать еще два мотива. Первый: Горбачев считал, что в отличие от Полозкова, Ельцин попытается «отлучить Россию от социализма», о чем прямо сказал депутатам. Второй: недолгая история личных отношений с российским лидером, накопившееся раздражение рисовали перспективу их дальнейших отношений в малопривлекательном свете. Следует отметить и то, что вплоть до 29 мая противники Ельцина имели, как шахматисты, играющие белыми, тактическое преимущество: председательствовавший на Съезде глава Центризбиркома

В. Казаков упорно и довольно бесцеремонно проводил линию, порученную ему его партией.

Почему избрание Ельцина все же состоялось? По-видимому, повлияли и глубинные процессы, и ситуативные моменты.

Прежде всего, на российском Съезде демократы России действовали гораздо более активно, консолидированно и организованно, чем межрегионалы на Съездах СССР. «Демократическая Россия» навязывала свои правила игры и в итоге тактически переиграла партаппаратчиков, добившись коренного изменения повестки дня, подготовленной в Президиуме прежнего ВС¹⁰. Демократы подтолкнули Съезд к размежеванию на фракционной основе, что еще год назад многие делегаты союзного Съезда считали кощунственным отходом от «ленинских принципов». Две недели Съезд «раскачивали». Немногочисленные, но энергичные и четкие выступления Ельцина (не в пример его маловразумительным объяснениям на пленуме ЦК КПСС и XIX партконференции в 1987—1988 гг.), его открытость к разным позициям и людям, способность утихомирить разбушевавшуюся аудиторию выгодно контрастировали с блеклыми докладами Власова и Воротникова, избобиловавшей штампами речью Полозкова, твердокаменным упрямством и неуклюжими выражениями Казакова.

Кроме того, колеблющиеся депутаты ощущали настроения, господствовавшие в обществе. Все эпизоды инспирированной Кремлем (и, видимо, лично Горбачевым) антиельцинской кампании оборачивались в пользу гонимого. Система электронного голосования, налаженная на Съезде, позволяла оперативно информировать граждан, как ведут себя их избранники. Размноженные в тысячах экземпляров распечатки голосований исправно поступали в избирательные округа. Не определившиеся депутаты, ежедневно проходившие из гостиницы «Россия» в Кремль сквозь строй пикетчиков, поддерживавших Ельцина, получавшие поток писем и телеграмм из избирательных округов, испытывали сильное психологическое давление, которому номенклатура ничего не сумела противопоставить. В результате депутаты стали голо-

совать совсем не так, как рассчитывал аппарат. Он демонстрировал растерянность и непрофессионализм, делая ставку то на Полозкова, отгалкивавшего большинство депутатов своей оголтелостью, то на бесцветного Власова¹¹. Аппаратчики оказались не способны вести политическую борьбу в новых условиях, когда примитивные инструменты контроля над поведением граждан действовать перестали. Потом они овладеют новыми методами, но после того, как состоится «естественный отбор», в ходе которого одни обучатся, а другие будут выброшены из политики.

Меня давно занимало, почему партийный аппарат так мощно разыграл эту партию против Ельцина. Ведь у него было немало противников среди высших руководителей КПСС. В их числе были Горбачев, которого раздражало непредсказуемое поведение соперника, Лигачев, которому Ельцин бросил прямой вызов еще в 1987 г. Не доверяли ему ведущие идеологи Яковлев и Медведев, помнившие, как при обсуждении идеологических и исторических вопросов в первые годы перестройки московский бунтарь выступал с ультраконсервативных, ортодоксальных позиций. Я спрашивал у них: неужели политбюро не обсуждало возможности противодействия Ельцину? Положим, когда собрался I Съезд народных депутатов РСФСР, было уже поздно: при сложившемся раскладе сил и среди тысячи депутатов нелегко было найти сильную альтернативную фигуру. Но почему загодя не подготовили проходного претендента на высший государственный пост в РСФСР и не провели его заблаговременно в состав депутатского корпуса? Это ведь не было трудно.

Да, Ельцина не хотели, ответил Вадим Медведев. Его считали политиком того же типа, что и Лигачев, но еще и с маниакальным стремлением к власти. Да, вопрос обсуждался. И я, и другие разговаривали об этом с Горбачевым, и он предпринял некоторые шаги, но не довел их до конца. Называли кандидатуры Рыжкова, Лукьянова, Бакатина, но в последний момент все-таки сделали ставку на Полозкова. Заблуждений на его счет не было, это был тактический ход... Ошибка заключалась в том, что недооценили

российский фактор, и потому пали жертвой собственной пропаганды о нерушимости Союза. Да и сам Ельцин ухватился за идею российского суверенитета только на I Съезде народных депутатов РСФСР. Прежде тема «Союз — республики» в его выступлениях не фигурировала¹².

Иными словами, Горбачев и его ближайшие сотрудники не придали должного значения проблеме Ельцина: им было не до того. Кадровый резерв был ограничен, а дифференциация в высшем политическом руководстве еще не проявилась в полной мере. Цену Лукьянову не знали, использовать Полозкова не погнушались. А главное, недооценили стратегическое значение главного государственного поста России, так как исходили из того, что командные высоты в любом случае останутся за Союзом. Ельцин выиграл, поставив лозунг суверенитета России в центр борьбы за пост председателя ВС РСФСР. На этой платформе удалось объединить разнородные силы.

Избрание Ельцина демократы праздновали как свою выдающуюся победу. На деле победила коалиция, в которой «Демократическая Россия» была лишь одним из слагаемых. Более того, не она, поставившая основную массу голосующих, и не те колеблющиеся депутаты, которые поддержали Ельцина еще в первом и втором турах, сыграли определяющую роль. Из приведенных данных следует, что к концу второго тура обозначился тупик: даже голоса Морокина, заявившего о своей демократической ориентации, не перешли к Ельцину, а число отвергавших обоих претендентов выросло более чем втрое. Три с лишним десятка недостающих голосов, которые Ельцин завоевал в третьем туре, самотеком появиться не могли.

В ходе трех туров голосования от прокоммунистического массива откальвалась одна группа бюрократии и ее клиентуры за другой. В свете прожекторов, на телевизионных экранах шли шумные манифестации депутатов, поддержанные улицей. А за кулисами, как мы теперь узнали, по всем правилам аппаратной игры обрабатывали потенциальных перебежчиков, которым обе-

щали посты в структурах новой власти. К сожалению, никто из мемуаристов не рассказал, с кем в эти дни велись секретные переговоры и о каких вознаграждениях шла речь¹³. Можно лишь очертить тот слой, из которого извлекли голоса, необходимые для избрания Ельцина, — помимо поданных «демороссами». Эти особо ценные голоса, присоединившиеся в третьем туре и сыгравшие роль гири, хотя и небольшой, но перетянувшей чашу весов, принадлежали, как можно полагать, представителям партийной, советской, военной бюрократии и ее интеллигентской службе, вступившим в сделку перед решающим голосованием. За ними на Ельцина переориентировалась (уже за стенами Съезда) и часть прежней советской бюрократии, спешившая к разделу «союзного» пирога. Ельцин был избран в результате сочетания митинга, оркестрованного демократами, и закулисных соглашений, в соответствии с которыми была обещана «раздача слонов» после победы. Не сразу и не до конца было понято, что у штурвала встал человек, вовсе не числящий себя лидером межрегионалов или «Демократической России», намеренный соблюдать дистанцию по отношению к выдвинувшим его силам.

К чести российских демократов следует сказать, что среди них были люди, настороженно относившиеся к своему избраннику. Одни искали проходимую альтернативную фигуру, но не нашли. Другие пытались ограничить самостоятельность Ельцина, поставив его в зависимость от демократических фракций. Так, депутат Леонид Волков предлагал связать выдвигенца демократов формально зафиксированными условиями. С высоты сегодняшнего дня очевидно, что даже если бы до этого дело дошло, Борис Николаевич едва ли отнесся к таким условиям с большим почтением, нежели Анна Иоанновна в XVIII в. — к подписанным было ею «кондициям» тогдашних придворных грандов-«верховников». Труднее понять, почему эту идею даже толком не обсудили. Сказались, видимо, и разнородность демократической составляющей возникшего большинства, и идеализация народного любимца того времени, и переоценка собственных сил и возмож-

ностей, и — вероятно, самое главное — внутренняя установка на длительную, как казалось, борьбу с союзным Центром. Как бы то ни было, демократы переоценили свою роль и влияние на дальнейший ход событий. Ельцин имел — и быстро расширил — политическую и кадровую опору помимо демократов, а они все поставили на одну карту.

Весной 1990 г. избрание Ельцина председателем ВС РСФСР не означало овладения ключевыми рычагами власти ни в Союзе, ни в России. Силловые структуры, собственность союзных предприятий на российской территории, государственные СМИ — все это было за пределами его власти. Довольно грубо это тут же продемонстрировало союзное телевидение, сняв подготовленное к эфиру интервью Ельцина. Лишь со временем стало ясно, что в майские дни 1990 г. был завоеван решающий плацдарм для продвижения к властным рычагам, к формированию, хотя и не надолго, более широкого и устойчивого большинства на Съезде, к президентству и победе над путчистами.

В этой точке надо прервать изложение хода событий и поставить более общий, может быть, главный вопрос: насколько своевременным был прорыв демократов к власти? (Именно прорыв, ибо взять власть им не удалось ни тогда, ни позже). Убедившись, что возможности МДГ в союзном парламенте крайне ограничены, «...от тактики оппозиции, на которую мы предполагали пойти летом 1989 года, мы перешли к тактике борьбы за власть на ее нижних этажах. Было ли это решение правильным? Сегодня я уже не так уверен», — утверждает Гавриил Попов и перечисляет обстоятельства, ограничивавшие возможности демократов при власти, пожалуй, еще больше, чем в оппозиции. Заключение ведущего теоретика МДГ выглядит следующим образом: «Что было бы, если бы мы не поставили задачу взять власть в республиках и на местах, а остались бы такой же оппозицией, какой были на союзном уровне? Как пошло бы развитие страны? Не знаю, сложный вопрос. Но ясно другое: уважение масс в случае нашего отказа брать власть мы потеряли бы»¹⁴.

К 2000 г. позиция Попова изменилась: «Сегодня я считаю, что демократам надо было остаться в оппозиции — чтобы сохранить себе доброе имя». Самой грубой ошибкой демократических сил он считает то, «что Ельцина поддержали без всяких условий»¹⁵.

В 1997 г. на одном из круглых столов участники тех событий по-разному ответили на тот же вопрос. «Если бы демократы вкупе с Ельциным не взяли власть в 1990—1991 гг., то переходный период мог быть чреват еще большими неприятностями, чем сейчас: вспомним ситуацию при Павлове, — говорил Леонид Волков. — И демократы оказались бы исторически ответственными не за то, что взяли власть, а за то, что ее не взяли». «Как могут “политические люди” не брать власть, если она на них сваливается сама?» — спрашивал Игорь Клямкин. Геннадию Бурбулису ситуация виделась иначе. Он вспоминает: «какого напряжения и какого изящества, виртуозности — психологической, деловой, нравственной, организационной — потребовали эти самые четыре голоса». Власть вовсе не валилась в руки, и хотя «...цена этой победы в конечном счете оказалась чрезмерной, все же власть брать стоило... Однако власть взяли не демократы, а сложный конгломерат людей, не имевших достаточной подготовки для профессиональной государственно-политической деятельности на платформе демократических преобразований». В моем же представлении ситуация выглядела так: «Если бы Ельцин не опирался на поддержку и помощь демократов, то он остался бы опальным секретарем обкома. Если бы демократы не имели в лице Ельцина лидера, народного вождя, то они остались бы интеллигентской тусовкой. Однако мы недооценили сложность проблем перехода. Если бы власть осталась в руках умеренных реформаторских сил, которые делили бы эту власть с другими силами, <...> тогда ответственность за тяготы переходного периода падала бы на “них”, а “мы” были бы оппозицией. И не произошла бы самая страшная вещь — дискредитация понятия “демократ”»¹⁶.

Поставим вовсе не запретный для историка, как принято считать, вопрос: что было бы, если бы тогда председателем ВС России был избран другой политик? Можно представить несколько вариантов развития событий, в разной степени вероятных.

Вариант реванша. Самая реальная альтернатива произошедшему — избрание Полозкова или ему подобного, чем серьезно рисковал Горбачев. Политическое руководство России стало бы верным союзником набиравшей силу реакционной антигорбачевской оппозиции. То, что вылилось в безумную и бездарную попытку путча в августе 1991 г., вероятно, было бы сделано квазизаконным способом. Те, кого Горбачев выдвинул на ключевые государственные должности, лишили бы его власти еще до декабря или же, номинально оставив на посту, подмяли под себя: проект нового Союзного договора, который Михаил Сергеевич продвигал, был для этих сил неприемлем. В этом случае российская государственная власть не смогла бы стать, как это произошло в августе, центром эффективного сопротивления ползучему перевороту. Очаги сопротивления скорее всего оказались бы слабыми и разрозненными. Демократические фракции СНГ Союза и России были бы изолированы и в конечном счете разбиты. Прибалтика и закавказские республики все равно ушли бы из Союза, но «развод» произошел бы, вероятно, по югославскому сценарию. Резко обострились бы отношения с Западом. Развитие в азиатских республиках во многом определяла бы позиция казахстанского руководства, но если бы СССР в усеченном виде сохранился, роль феодально-байского элемента, ныне расцветшего в «суверенных» среднеазиатских государствах, в Союзе возросла.

Вариант отсрочки. Избрание Власова или ему подобного было бы не решением, а отказом от какого-либо решения. В этой связи уместно воспроизвести очень точную мысль авторов первого доклада Римского клуба: в кризисных ситуациях (а деструктивные процессы в экономике, социальных и национальных отношениях стремительно разворачивались) отсутствие решения может оказаться самым сильным и опасным решением¹⁷. До-

вольно быстро события в России и Союзе начали бы скатываться к одному из крайних вариантов — однако при отсутствии в России самостоятельного и авторитетного центра государственной власти.

Так видятся мне наиболее вероятные альтернативы неизбранию Ельцина на I СНД России. Теоретически можно представить *еще один сценарий*, примерно тот, который я защищал на круглом столе в 1997 г. Председателем ВС становится менее амбициозный, ориентированный на горбачевскую группу лидер. Демократическое крыло российского Съезда, не будучи связано его поддержкой, организуется как оппозиционная сила. Поскольку объективные условия и неизбежный рост социально-политических напряжений подталкивали бы к продолжению реформ, к ним вновь обратилось бы союзное руководство, не отягощенное борьбой с российским центром власти и потому смелее дистанцировавшееся от фундаменталистов в КПСС. Обвал производства, рубля, социальных систем жизнеобеспечения все равно произошел бы, но ответственность за это лежала бы не на демократах. Через некоторое время, вырастив новых лидеров, они могли бы возобновить борьбу за власть в более благоприятных условиях. Такой сценарий был, видимо, наименее вероятным, ибо требовал трех условий: (1) прочных позиций горбачевского руководства и его способности продолжать реформы, (2) изоляции реваншистов, а также (3) консолидированности и организованности демократов. Рассчитывать на это было трудно. Не говоря уж о том, что среди более чем тысячи российских депутатов другая фигура с ярко выраженными лидерскими данными не просматривалась.

Да, после избрания Ельцина власть начала переходить в руки второго эшелона бюрократии. Однако при всей противоречивости личности первого российского президента, его взглядов и привычек, он все же усвоил и сохранил приверженность некоторым демократическим ценностям. Я ничуть не идеализирую Ельцина, для которого межрегионалы и демороссы были только группой поддержки, поставившей голоса и экспертов. И тем ме-

нее — пришедших с ним людей из социально и психологически близкой ему страты, немедленно занявшихся переделом власти и собственности. Знаю, что к ним быстро примкнула часть политиков, поднявшихся на демократической волне. И все же именно таким образом страна высвободилась из-под власти старых бурбонов гзачепистского и полозковского образца. Чуть перефразируя слова Талейрана, то были люди абсолютно неспособные чему-либо научиться и обладавшие удивительно избирательным устройством памяти: они забывали то, что следовало бы неукоснительно помнить, и твердо помнили то, что лучше было бы позабыть. Для резкого разрыва с ними Горбачев оказался слишком осторожен и податлив. Прав оказался Бурбулис, сказавший, что избрание Ельцина стало выбором исторического пути¹⁸.

Развилка вторая: каким быть Верховному Совету?

Ограниченность влияния «Демократической России» проявилась уже при выборах заместителей председателя ВС. Правда, Ельцин выдвинул ее представителей на посты двух заместителей из четырех, но ни один из них не был избран. Это стало прелюдией к поражению демократов и при формировании самого Верховного Совета. Коммунистическое крыло Съезда продемонстрировало, что неудача на выборах председателя ВС вовсе не деморализовала его. На встрече «Коммунистов России» с Горбачевым в последний день Съезда один из кураторов этой фракции заверил: «Не волнуйтесь, Михаил Сергеевич, мы Бориса Николаевича спеленаем со всех сторон»¹⁹.

Как я уже упоминал, двухступенчатая конструкция высшего государственного органа восходила к конституционному устройству первых лет советской власти: созываемый на несколько дней многочленный Съезд — для говорения, для митинга и постоянно функционирующий ВЦИК — для законодательной работы. К этой конструкции в СССР вернулись в 1989-м и в РСФСР — в 1990 г. Съезд состоял из депутатов, избранных по территориальным и национально-территориальным округам. Эти послед-

ние были скроены по специальным квотам, в соответствии с которыми половину (84 депутата) избирали автономные образования. Москве было отведено 2 округа, Ленинграду — один и т. д. Из депутатов этих двух категорий предстояло сформировать две палаты Верховного Совета — Совет Республики и Совет Национальностей (по 126 членов в каждой).

При определении повестки дня Съезда демократы добились того, что формулировка, рекомендованная подготовительным совещанием — «Избрание ВС» была изменена: «О порядке формирования ВС. Избрание ВС». Это открывало возможность изменить Конституцию, чтобы превратить весь Съезд в ВС или максимально увеличить численность палат²⁰. «Демороссы» хотели ввести в постоянно работающий и принимающий большинство законов орган возможно большее число активных и профессионально подготовленных людей. Сила демократов как раз и заключалась в том, что такие кадры у них были.

Однако их противники отлично это понимали. «Недостаточно того, чтобы нас было много, надо еще, чтобы вас было меньше», — откровенно сказал мне в кулуарах один из их представителей. Публично эту позицию, конечно, обставляли пристойно. Вообще на сей раз тактика коммунистов была искуснее, чем при выборах председателя ВС. С трибуны на все лады повторяли, что к Конституции надо относиться бережно, что надо соблюсти численное равенство палат и т. п. На авансцену выдвинули консервативных лидеров автономий, утверждавших, будто предложения демократов ущемляют права национальных образований. Интенсивную работу вели и «под ковром»: в ЦК КПСС шли совещания, готовили и раздавали списки депутатов, чье прохождение в ВС надлежало блокировать.

В итоге демократы потерпели двойное поражение. Во-первых, хотя увеличение численности палат и даже максималистский вариант превращения всего Съезда в ВС поддержало более 600 депутатов, голосов для изменения Конституции не хватило. Во-вторых, вновь избранный ВС был консервативнее Съезда,

а наиболее «засветившимся» демороссам путь в ВС был прегражден. Квоты на представительство в ВС были разверстаны по территориальным делегациям, а в большинстве из них решающее слово было за руководителями, как правило, аппаратчиками. Положение в московской и ленинградской делегациях было иным, но их выбор «откорректировало» голосование большинства на Съезде²¹. В сложившейся ситуации и сами демократы оказались не на высоте. После того, как единственно разумное предложение — формировать ВС в соответствии с пропорциями образовавшихся на Съезде депутатских объединений или хотя бы согласиться с выбором региональных делегаций (эта норма была принята только на V Съезде, в конце 1991 г.) было отвергнуто, демократы, действовавшие слаженно на выборах председателя ВС, где присутствовал общий интерес, не сумели консолидироваться. Некоторые из них по личным соображениям включились в начатое их противниками выдвижение альтернативных кандидатов, раздробили голоса и под конец уступили давлению. Победу консерваторов закрепило избрание председателей палат ВС: Рамазана Абдулатипова (Совет Национальностей), переговорщика от «Коммунистов России» в согласительной комиссии по выборам председателя ВС, и Владимира Исакова (Совет Республики), ранее входившего в свердловскую команду Ельцина, но потом перешедшего на другую сторону²².

Какое значение имело это поражение демократов? Пименов расценил его как «катастрофическое крушение»²³; примерно так считало и большинство демороссов. Однако, оглядываясь назад, следует признать, что на последующие события оно решающим образом не повлияло²⁴. Во-первых, потому, что основные политические и законодательные решения стал принимать не ВС, а Съезд. На заседаниях же палат, в комитетах и комиссиях ВС активно работали (в том числе и постоянно) депутаты — нечлены ВС. Во-вторых, политическая эволюция Съезда и ВС шла по сближающимся траекториям. В марте 1991 г., в условиях нараставшей радикализации, ВС не поддержал «шестерку» руководи-

телей Съезда и ВС, выступивших с антиельцинским демаршем, а в августе встал в жесткую оппозицию к путчистам. Но позднее не только в ВС, но и на Съезде неустойчивое проельцинское большинство оказалось размыто.

В свете всего этого представляется не особенно существенным вопрос: мог ли ВС быть избран в ином составе? Циничное замечание Исакова: «Если бы... представители московской, ленинградской групп, которые так часто выходили к микрофонам, этого не делали, а просто сидели и молчали, они добились бы большего»²⁵, — возможно, в каком-то смысле и справедливо. Однако в условиях открытой политической борьбы отчетливая демонстрация «засветившимися» депутатами своей общественной позиции, транслировавшаяся на всю страну, была гораздо важнее, чем утраты, понесенные демократами при формировании ВС.

РАЗВИЛКА ТРЕТЬЯ: КОНСТИТУЦИОННАЯ КОМИССИЯ

Каждый раз, когда депутаты заходили в тупик при решении какого-либо сложного вопроса, звучало, как заклинание: этот вопрос будет решен в новой Конституции. С тем, что действующая Конституция малопригодна, были согласны все. Но какой должна стать новая, большинство депутатов представляло себе довольно смутно.

Консервативное крыло Съезда, не имевшее ни подготовленных проектов, ни даже сколько-нибудь внятной концепции Основного закона, тем не менее хорошо помнило сталинский тезис «Кадры решают все» и настойчиво заполняло Конституционную комиссию своими выдвигенцами, большинство которых профессионально к ее работе подготовлено не было. На Съезде был провален такой порядок формирования Конституционной комиссии, какой уже принес консерваторам успех на выборах ВС — на основе регионального представительства. Попытки демократов добиться равномерного представительства разных политических течений и научных подходов успехом не увенчались. 12 июня Съезд проголосовал за список из 86 человек (плюс Ельцин и Хас-

булатов по положению). Сформированная таким образом Конституционная комиссия имела три существенных дефекта: была слишком многолюдна, чтобы быть работоспособной, недостаточно профессиональна и чрезмерно консервативна. Как мы тогда говорили (и объясняли Ельцину), получилась комиссия с преобладанием «вандейцев» — тормоз на пути к новой Конституции. В ней было 24 юриста, но зато 44 руководящих работника, в том числе несколько выходцев из КГБ.

Тогда мы порекомендовали Ельцину двухходовку, которая помогла несколько изменить положение. Логика нашего предложения была такова: Конституцию 1977 г. готовил аппарат с привлеченными экспертами, теперь же этим должны заняться депутаты, а для того комиссию сверх региональных квот следует пополнить профессионалами. Примерно с такой мотивацией председатель ВС сначала внес на рассмотрение Съезда дополнительный список специалистов, в большинстве своем юристов, историков, экономистов демократической ориентации, чей профессиональный опыт, как подчеркнул Ельцин, важен для разработки Конституции, отвечающей новым требованиям. Список этот насчитывал 14 человек, в него вошли кандидаты и доктора наук, юристы Леонид Волков, Михаил Захаров, Борис Золотухин, Владимир Исаков, философы Валерий Адров, Федор Цанн-кайси, историки Евгений Кожокин, Владимир Лукин, Федор Шелов-Коведяев, экономисты Павел Медведев, Виктор Шейнис, известные правозащитники биолог Сергей Ковалев, математик Револют Пименов. На сей раз Съезд пошел за председателем: список был утвержден 601 голосом против 225. Это сделало состав комиссии более равновесным: по данным А. Собянина, поначалу в комиссии работали 48 демократов, 46 консерваторов и 8 колеблющихся.

В последний день Съезда распоряжением председателя ВС и Конституционной комиссии в ее составе была образована рабочая группа (31 депутат). Ее работающее ядро составили новопришельцы вместе с некоторыми первоначально избранными депутатами. Формальным и неформальным лидером рабочей

группы стал ответственный секретарь Конституционной комиссии Олег Румянцев, в то время один из заметных демократических политиков.

Таким образом, на начальном этапе Конституцию реально разрабатывала немногочисленная группа демократических политиков и ученых. Члены комиссии и рабочей группы, стоявшие на иных политических и идейных позициях, от участия в ее работе практически устранились. Трудно сказать, почему номенклатурно-аппаратная часть Съезда не стала вести борьбу за Конституционную комиссию с тем же остервенением, с каким она «топила» демократических кандидатов на руководящие посты и в Верховный Совет, а когда процесс подготовки новой Конституции был запущен, ограничилась вялым его торможением²⁶. Может быть, для борьбы за контроль над конституционным процессом не хватило сил. А вернее — не придали ему должного значения. Вероятно, потому, что номенклатура относилась к Конституции как к формальному документу, бумажке. Ее опыт показывал, что любой руководящий пост дает больше реальных возможностей, чем формула закона, а Конституция всегда была в СССР лишь декорацией. Во всяком случае, партию, разыгранную при формировании Конституционной комиссии, ее рабочей группы и подкомиссий в основном выиграла демократы.

Если бы состав Конституционной комиссии своевременно не изменили, она либо вообще не смогла бы подготовить документ, удовлетворяющий элементарным профессиональным и политическим критериям, либо такой проект был бы написан внешними экспертами под патронажем антиреформаторского большинства, которое со временем консолидировалось на Съезде. В том и другом случаях конституционный процесс стал бы еще более конфликтным, а принятая в 1993 г. Конституция, к которой мы сегодня предъявляем немало обоснованных претензий, лишилась бы одного из своих исходных источников — проекта Конституционной комиссии, который, на мой взгляд, сыграл важную положительную роль.

РАЗВИЛКА ЧЕТВЕРТАЯ: ДЕКЛАРАЦИЯ О СУВЕРЕНИТЕТЕ

Принятая 12 июня 1990 г. Декларация о государственном суверенитете — главный документ I Съезда народных депутатов России. Добившись включения в повестку дня вопроса о государственном суверенитете РСФСР (причем в собственной формулировке), демократы сделали его камертоном всей политической дискуссии. Правда, доклад, выдержанный в стилистике партийных документов прошлого, сделал председатель прежнего Президиума ВС Виталий Воротников. Его дистиллированные штампы, удивившие от существа дела, оказались выгодным фоном для Ельцина, который как рядовой депутат выступал от имени нескольких делегаций вслед за Воротниковым.

В редакционную комиссию Съезда поступили четыре проекта Декларации. Ельцин представил проект, подготовленный Леонидом Волковым, Олегом Румянцевым и другими депутатами от «Демократической России»²⁷. Содержание документа, который и лег в основу Декларации, было шире названия. В ней были заявлены основы конституционного строя, которые еще только предстояло заложить: не только характер отношений с союзным Центром, иными республиками и иностранными государствами, но и суверенитет народа, разделение властей, гарантии прав и свобод граждан, наций и народностей, демократическое и правовое устройство государства, равноправие всех партий и общественных организаций (монополия КПСС тогда еще не была ликвидирована) и т. д.²⁸ Речь Ельцина с четкой постановкой проблемы, конкретными пунктами предложений, искусно расставленными акцентами стала одним из главных контрапунктов Съезда. Ее не раз прерывали аплодисменты, она явно импонировала не только демократам. Выход из углублявшегося политического кризиса, говорил Ельцин, — в установлении народовластия в России, а средство — утверждение ее суверенитета. Ельцин заявил о себе как самый энергичный про-тагонист российского суверенитета, под знаменем которого объединились разнородные силы.

Позиция консервативных депутатов, тоже проголосовавших за Декларацию, «на выходе» совпала с позицией демократов, но ее вдохновляли совсем иные мотивы. Демократы стремились радикализировать политический процесс и возможно скорее демонтировать «партию-государство», воплощение которого они видели прежде всего в союзных государственных, особенно силовых структурах. То, что их опасения были небезосновательны, подтвердилось в августе 1991 г. Консерваторы же, завершавшие как раз в эти дни создание собственного политического центра — российской компартии, рассчитывали с ее помощью отгородиться от либеральных реформаторов в руководстве КПСС и заполучить контрольный пакет для распоряжения союзной собственностью на территории РСФСР. Сдвиг в политических позициях консерваторов выразился в отходе части депутатов фракции «Коммунисты России» от жестко унитаристских позиций, а также в появлении фракции «Россия» — парламентской организации так называемых национально-патриотических сил. Их голосование за Декларацию о суверенитете было первым звонком, возвестившим о выходе этих сил на политическую арену.

И демократы, и консерваторы заостряли тему «эксплуатации» РСФСР, но в первом случае — партийно-государственными структурами Центра, во втором — национальными республиками, куда якобы безвозмездно уходили ресурсы.

При обсуждении Декларации на Съезде выявились три основных пункта разногласий: (1) по срокам и порядку принятия документа, (2) отношениям России с Союзом и (3) отношениям Российской Федерации с автономиями. Все ораторы сходились в том, что документ этот важен. Но выводы из этого делали противоположные: одни — что его следует принимать немедленно («наши граждане, избиратели ждут!»), другие же предлагали отложить («надо очень тщательно подготовить, обсудить в ВС, в Конституционной комиссии, соотнести с обновленным Союзным договором»). Когда вопрос все-таки включили в повестку дня внушительным большинством (736 голосов «за»), раздались

предостережения: документ такого значения может обрести силу, только если будет поддержан конституционным большинством.

Самым революционным положением Декларации была содержащаяся в пункте 5 формулировка, гласившая, что на всей территории РСФСР устанавливается верховенство ее Конституции и законов, а действие актов СССР, вступающих в противоречие с «суверенными правами РСФСР», приостанавливается. Этот пункт был принят за основу в наиболее радикальном варианте 544 голосами (всего на 13 голосов больше необходимого минимума). Тем не менее лишь немногие ораторы решились сказать, что из этого следует: демократ Цанн-кай-си отметил, что, принимая Декларацию, «мы должны выйти за рамки существующей Конституции, но по форме надо сделать это по возможности как можно мягче»²⁹, а ортодоксальный коммунист Слободкин говорил об угрозе Союзу³⁰. Большинство же выступавших этот вопрос обходили. Декларация, говорили они, — средство укрепления обновленного Союза. Это, конечно, было не так. Понимали ли депутаты, за что голосовали? Или же это было тактическим приемом? Мне трудно ответить на этот вопрос. Вероятно, не понимали всех последствий принятия этого исключительно острого документа, но настойчиво стремились добиться непосредственных целей — разных у разных депутатов. Суверенитет стал императивом, перед которым отступали все иные соображения, изменяла политическая осторожность. Наверное, многие разделяли убеждение А. Головина, лидера группы «Смена», занимавшей промежуточные позиции, который заявил: «Приоритет республиканского законодательства для нас сейчас — единственный выход»³¹.

Острый конфликт возник при обсуждении пункта 9 Декларации. В первоначальном варианте проекта, разработанного группой демократических депутатов, были зафиксированы полнота власти автономий на своей территории (за исключением полномочий, переданных СССР и РСФСР) и необходимость перехода на конституционно-договорную основу в отношениях между РСФСР и входящими в ее состав автономиями, в том числе

автономными округами. Это была не только уступка номенклатуре автономий, осознавшей свою силу, когда ей удалось воспрепятствовать расширению состава ВС. В демократической среде было тогда популярно представление о безусловном праве всех этнических групп на территориально-государственное устройство по своему выбору.

Группа «Суверенитет и равенство» настойчиво добивалась симметрии: раз законы РСФСР получают приоритет над законами СССР, то законы, принятые в автономиях, должны пользоваться верховенством на их территориях перед российскими законами. Дальше — больше. «Автономы» потребовали прямой записи о верховенстве своих законов над российскими и о суверенитете — вплоть до выхода из РФ³². В процесс растаскивания власти включились и отдельные представители русских областей³³. В свете всего этого становится ясно, какой беды избежал Съезд, остановившись в конечном счете на значительно более осторожной формуле о необходимости расширить права автономий, равно как краев и областей, и закрепить их впоследствии в российском законодательстве.

Все вопросы были окончательно решены, когда 12 июня за Декларацию в целом проголосовали 907 депутатов, против — 13 при 9 воздержавшихся (хотя при постатейном голосовании такого выразительного единодушия не было)³⁴.

В развитие Декларации о суверенитете в последний день Съезда с ходу был принят документ, за который депутаты, у которых в карманах уже лежали железнодорожные и авиабилеты, проголосовали после недолгого обсуждения. По свидетельству Исакова, Ельцин вручил ему написанный от руки накануне ночью документ утром 22 июня. Так родилось постановление Съезда «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основа нового Союзного договора)»³⁵. Добавление в скобках было сделано, чтобы погасить сомнения колеблющихся: формулируется всего-навсего инструкция для российской делегации на переговорах о будущем договоре.

На самом деле мимоходом принятое постановление глубоко вторгалось в сферу отношений России с Союзом, надламывая вертикаль исполнительной власти. Совмин РСФСР выводился из подчинения союзному правительству. Функции непосредственного управления организациями, предприятиями и учреждениями на территории РСФСР сохранялась только за 8 союзными министерствами. В их числе оставались Министерство обороны и КГБ, но специально оговаривалось, что республиканское МВД лишь «взаимодействует» с союзным и что в перспективе надлежит создать КГБ РСФСР с обновленными функциями, в подчинение которого должны были перейти все организации КГБ на территории РСФСР. Из банковской системы СССР выводились ее российские подразделения: Госбанк РСФСР, к которому переходили полномочия в области кредитно-денежной политики, и Внешэкономбанк. Они переходили в подчинение ВС РСФСР.

Эти и некоторые другие положения были частью плана радикального передела экономической и политической власти. Конечно, чтобы претворить его в жизнь, требовалось время, но претензии были заявлены и подкреплены авторитетом съездовского решения, поддержанного почти конституционным большинством (695 голосов «за», 38 «против») ³⁶. Так демократы, руководствуясь одними соображениями, национал-патриоты — другими, а автор проекта постановления — третьими, расчищали площадку для наступления на общесоюзные государственные структуры.

День 12 июня в России отмечается как национальный праздник. Конечно, дело не в обретении независимости, которую с XV века никто не ставил под сомнение. Отмечают годовщину утверждения Декларации о суверенитете ³⁷. Она выводила территорию России из-под неограниченной власти консервативной бюрократии, которая доминировала на союзном уровне, закрепляла необратимость перемен, пришедших с перестройкой. Это, с одной стороны.

С другой стороны, решения I Съезда стали одной из предпосылок распада СССР. Этим актом Съезд обозначил территорию.

где союзные законы не должны действовать автоматически, а распоряжения союзных исполнительных органов могут не выполняться. С конституционной точки зрения суверенитет республики в составе федеративного, а не конфедеративного государства, — такой же нонсенс, как суверенитет Башкирии, Татарии или Чечни в составе России. Разделить можно полномочия государственных органов, но не суверенитет над одной и той же территорией. «Если бы не роковой шаг России, Союз можно было бы сохранить», — утверждает Горбачев³⁸.

Справедливости ради надо подчеркнуть, что Россия не была ни первой, ни последней на «параде суверенитетов». Не говоря уж о том, что к тому времени прибалтийские республики были потеряны безвозвратно, Азербайджан и Грузия приняли акты о суверенитете еще в 1989-м и только в июне—августе 1990 г., помимо РСФСР, аналогичные декларации утвердили еще 7 республик: Узбекистан, Молдавия, Украина, Белоруссия, Туркменистан, Армения и Таджикистан. В октябре к ним присоединился Казахстан, в декабре — Киргизия. «Парад суверенитетов», не успев завершиться на уровне союзных республик, перекинулся в автономии всех уровней. Наивно полагать, что все эти процессы были лишь откликом на решения российского Съезда.

Значение Декларации о суверенитете в ряду драматических событий 1990—1991 гг. не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Ее текст, в некоторых формулировках представлявший образец юридической казуистики, строго говоря, не предусматривал выход России из Союза. Положение о немедленном вступлении Декларации в силу, содержащееся в первоначальном проекте, из окончательного текста удалили. Декларация стала лишь одним, хотя и очень важным, звеном в цепи событий, приведших к распаду СССР. Однако цепь эта состояла не из односторонних действий новой российской власти, а из взаимораздражающих шагов с обеих сторон — при том, что реформаторский запал Горбачева ослабевал, личное раздражение против Ельцина он уже не скрывал (и получал в ответ той же монетой),

а в его окружении все большую силу набирали реваншисты. Декларация стала юридической основой при противостоянии российской власти путчу, но решающую роль в исходе августовской схватки сыграла не она сама, а политическая воля, проявленная с одной стороны, и полное безволие, бездарность затеи — с другой. Декларация, а также большинство, сложившееся вокруг нее на Съезде, помогли сформировать эту волю к защите России от нарастающей угрозы коммунистического реванша.

Признавая, что некоторые действия российского руководства (в основном уже после I Съезда) были вызывающими, нельзя представлять их как односторонний захватный процесс, отвлекаясь от того, что союзные власти, то ли выйдя из-под контроля президента, то ли пользуясь его попустительством, уже в начале 1990 г. стали предпринимать попытки силой вернуть Прибалтику, тормозили переход к реформам, все более загоняя экономическую ситуацию в тупик, топили программу «500 дней» и поощряли шаги к развалу России. Так, еще в апреле 1990-го, т. е. до российского Съезда, ВС СССР принял закон, в котором был сделан большой шаг к уравниванию юридического статуса союзных и автономных республик. Горбачев подключил автономии к новогаревскому процессу подготовки нового Союзного договора. В апреле 1990 г. депутаты России еще не собрались на свой Съезд, Ельцин еще не был избран председателем ВС, писал С. Шахрай, «...но фактически уже был нажат спусковой крючок будущего разрушительного “парада суверенитетов”». За фасадом внешне демократичного закона скрывался прагматичный интерес... создать государство из 35 субъектов за счет добавления 20 новых субъектов Федерации (путем повышения статуса автономий), но при этом больше не упоминать о праве сецессии»³⁹.

Представим еще одну развилку: Декларация не принята, союзные законы продолжают неукоснительно действовать на территории России, СССР удалось сохранить, хотя и в несколько усеченном виде. В России — нет, даже не послушные исполнители воли союзных централизаторов, а неустойчивое равновесие

сил, которое выявилось по большинству вопросов на I СНД РСФСР. Но в руках у коммунистических реваншистов мощный инструмент — «суверенизация» автономных республик, а в перспективе — и иных автономных образований, блок с номенклатурными силами автономий. Эти силы преобладали в их делегациях на I Съезде СНД России и представляли на нем ударную силу консерваторов. Нетрудно представить, в чью пользу работал бы этот рычаг, на длинном плече которого был 51% территории, 20 млн населения и почти все стратегические ресурсы России.

Декларация стала одним из немаловажных факторов, остановивших распад России, растворение ее государственных структур в союзных, контролируемых антиреформаторскими силами. Опираясь на Декларацию, Съезды народных депутатов России внесли важные поправки в действовавшую Конституцию, которые начали менять не только отдельные ее статьи, но и ее концепцию.

РАЗВИЛКА ПЯТАЯ: ДЕКРЕТ О ВЛАСТИ

Лишь 18 июня, за четыре дня до окончания Съезд начал рассматривать проект Декрета о власти. Единодушие, как за несколько дней до того при голосовании Декларации о суверенитете, как не бывало. Проект был принят за основу, получив сверх минимума всего один голос (532 «за», 353 «против», 41 воздержался)⁴⁰. Это было закономерно: Декрет предусматривал демонтаж механизмов, посредством которых органы КПСС на деле осуществляли власть в стране, хотя пресловутая 6-я статья уже была удалена из Конституции как СССР, так и РСФСР.

Декрет предписывал «незамедлительно и со всей решительностью» пресекать «всякое противоправное вмешательство» политических партий в деятельность органов государственной власти, государственных предприятий и учреждений. Запрещал совмещать должности руководителей органов власти и управления с любой другой должностью в государственных организациях и политических партиях. Ликвидировал систему партийно-политического руководства на государственных предприятиях и

в учреждениях, в армии и КГБ. Судьям и иным ответственным работникам правоохранительных органов не разрешалось состоять в политических партиях. Было отменено финансирование политических организаций и движений из государственных источников. Эти положения распространялись и на союзные органы, расположенные на территории РСФСР⁴¹.

Нетрудно заметить, что почти все эти нормы не посягали бы на нормальное функционирование парламентской партии. Но КПСС ею не только не была, но и превращаться в нее не хотела. Антиреформаторские силы консолидировались и переходили в контрнаступление. 20 июня, когда I СНД приступил к обсуждению Декрета о власти, в соседнем здании в Кремле начал работать учредительный съезд РКП.

Председатель подкомиссии, докладывавший проект Декрета о власти, предложил не одобрять его, а передать в ВС для дальнейшей проработки. На Съезде вспыхнули споры. Одни депутаты настаивали на том, что проект противоречит Конституции и только что принятой Декларации, гарантирующей равенство прав граждан, вторгается в компетенцию союзных органов и т. д. Другие же попытались расширить его действие, предлагая включить изгнание парткомов с предприятий, изъятие СМИ из рук партийных органов, национализацию имущества КПСС и приватизацию государственной собственности. Становилось ясно, что в представленном виде Декрет большинства голосов не соберет. «Что такое Декрет? — вопрошали критики. — По регламенту Съезд принимает законы и постановления, а поскольку Декрет вторгается в Конституцию, для его одобрения требуется квалифицированное большинство...».

В этой обстановке Ельцин снова предпринял тактический маневр. События развивались так. Председатель ВС сначала провалил предложение перенести утверждение Декрета на следующий Съезд, а затем «с голоса» предложил принять несколько видоизмененный документ — постановление Съезда «О механизме народо-властия в РСФСР», по названию воспроизводящий формулу соот-

ветствующего пункта повестки дня, а по содержанию — ряд ключевых положений принятого за основу Декрета о власти. Но в этот день СНД России и съезд российских коммунистов функционировали как сообщающиеся сосуды: фракция «Коммунисты России» и ее союзники дисциплинированно выполнили указания партийного руководства. Для принятия постановления голосов не хватило (490 «за», 368 «против», 48 воздержались)⁴². Однако после перерыва проект постановления был распространен в отпечатанном виде и поставлен на постатейное голосование. В итоге в постановлении остались только запрет на совмещение руководящих партийных и государственных должностей, а также поручение ВС и Конституционной комиссии «доработать с учетом замечаний и предложений депутатов» принятый за основу проект⁴³.

Декрет о власти в том виде, в каком он был принят за основу, Съезд так никогда и не одобрил. Но влияние этого документа и состоявшейся по нему дискуссии на последующие события было велико. По сути это была первая серьезная попытка вытолкнуть начавшую распадаться КПСС из властных структур в России. Замах был масштабным, реализовать сразу удалось лишь малую его часть. Так что же: гора родила мышь? — Нет, если учесть, что демарш Ельцина на XXVIII съезде КПСС и публичный выход из партии 54 депутатов — актива «Демократической России» — были еще впереди, что далеко не для всех обрыв пуповины, связывавшей с правившей еще партией был прост и легкий шаг, сделанный к ликвидации однопартийной системы в России, превзошел ожидания.

И опять: можно ли было мягче перейти к многопартийной системе? Никто не может уверенно ответить на этот вопрос. И все же представляется, что главный источник многих наших последующих бед — не в натиске «демороссов» с его подчас избыточной бесшабашностью, в яростном антикоммунизме некоторых из них, вскоре превратившихся кто — в умеренных, а кто — в оголтелых национал-патриотов. А в чрезмерной осторожности реформаторов во главе с Горбачевым, еще сохраняя-

ших летом 1990 г. свой солидный властный ресурс и бесталанно растрчивавших его в борьбе на два фронта: подспудной — с ползковцами и открытой — с Ельциным и демократами. Не от хорошей жизни демократы сделали ставку на бывшего секретаря обкома из Свердловска. Он казался (и был!) альтернативой Горбачеву, который так и не решился покончить с противоестественным сосуществованием в одной партии реформаторов и рваншистов. Вероятно, он был искренен, говоря в дни XXVIII съезда КПСС Черняеву: «Нельзя эту паршивую взбесившуюся собаку отпускать с поводка»⁴⁴, и всерьез надеялся сохранить контроль над ситуацией. Но, к несчастью, расчет этот оказался ошибочным: за спиной генерального секретаря и Президента СССР уже стояли гэкачеписты.

Шумный и громоздкий состав первого российского Съезда прогромыхал мимо станции, на которой остались Горбачев и его сторонники. Видимо, состав еще можно было бы, хотя и с трудом, догнать и повлиять на его маршрут, став рядом с машинистом. Но времени оставалось мало, и его растрчивали крайне неразумно...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия. — 1990. — 14 мая. В развернутом виде эта аргументация содержалась в докладе, с которым от имени «Демократической России» я выступал на заседании Съезда 5 июня 1990 г. См.: Первый Съезд народных депутатов РСФСР: Стенографический отчет. — Т. 1. — М., 1992. — С. 116—120.

² Статья была подготовлена к печати в редакции «Известий» в июне 1990 г., но не вышла в свет. Понятия «правые» и «левые» употребляются в том значении, которое им придавали в начале 1990-х годов.

³ В памяти всплывает характерный эпизод. Идет совещание председателя ВС с депутатами от автономий. Кто-то из молодых депутатов пытается высказать свое суждение. Его резко обрывает один из «автономных ханов»: «Вы помолчите, здесь говорят руководители!».

⁴ Основные положения этого раздела были изложены в двух статьях (см.: Независимая газ. — 2001. — 16 мая; Обществ. науки и современность. — 2003. — № 3. — С. 31, 44).

⁵ *Пименов Р. И.* Отчет народного депутата о работе первого Съезда народных депутатов РСФСР. 16 мая—22 июня 1990 г. — Сыктывкар, 1990. — С. 25—26.

⁶ Впечатление от убранства этого кабинета — единственное, о чем считал нужным рассказать Б. Ельцин, повествуя о первых часах после избрания (*Ельцин Б.* Записки президента. — М., 1994. — С. 33).

⁷ Не могу согласиться с В. Исаковым, утверждавшим, будто «...победа Ельцина была предreshена. Если бы он не победил на этом Съезде, победил бы на следующем» (*Исаков В.* Председатель Совета Республики. — М., 1996. — С. 122).

⁸ Об этом эпизоде упоминает в своих мемуарах С. Филатов. Однако он допустил неточность, поверив словам Г. Саенко и Р. Чеботаревского, будто в его отсутствие согласительная комиссия решила искать новые кандидатуры на пост председателя ВС (*Филатов С.* Совершенно несекретно: Кулуары российской власти. — М., 2000. — С. 51—52). На деле такого решения не было.

⁹ *Горбачев М.* Жизнь и реформы. — М., 1995. — Кн. 1. — С. 523.

¹⁰ По плану, подготовленному в Президиуме прежнего Верховного Совета и сломанному демократами, Съезд предлагалось завершить в течение нескольких дней: без особых дискуссий выбрать председателя ВС, затем избрать Верховный Совет, наскоро решить некоторые вопросы и распустить депутатов по домам.

¹¹ На вопрос о том, почему он заявил самоотвод в первом туре голосования, А. Власов ответил: «Как гражданин, как коммунист я считал себя не вправе выступать соперником кандидата, поддержанного ЦК КПСС» (Первый Съезд народных депутатов РСФСР... — Т. 2. — М., 1992. — С. 391). При доминировавших на Съезде настроениях столь откровенная лояльность аппаратному решению делала Власова заведомо неконкурентоспособным.

¹² Запись интервью с В. А. Медведевым. 28.06.2004. — Архив автора.

¹³ Исключение составляет рассказ Л. Волкова о посреднической роли, которую ему по собственной инициативе довелось сыграть в привлечении на сторону Ельцина генерала К. Кобеца, координатора группы военных и КГБ (Рус. мысль. — 1997. — 3—9 апр. — С. 7). К этой теме я несколько лет спустя попытался вернуть Г. Бурбулиса. Он был немногословен и лишь сказал, что еще перед выборами 1990 г. началась работа по привлечению кандидатов в депутаты на сторону Ельцина, а на Съезде шли консультации с депутатами, представлявшими региональные, политические, профессиональные группы. Для этих встреч разрабатывались отдельные сценарии. Так, перед «профессионалами» Ельцин должен был предстать не политическим борцом, а скорее «нормальным человеком, способным общаться, думать, переживать, воспринимать позицию собеседников, поддержку которых высоко ценит». Особенно трудными и даже рискованными были встречи с депутатами, способными повлиять на голосование нескольких других коллег. Такие контакты предполагали взаимное доверие, высказанные и невысказанные обязательства со стороны претендента на высший государственный пост России. Опасались «подстав». Небольшой ак-

тив, занимавшийся всей этой работой, за две недели сбился с ног: «все бурлило; каждый приносил какую-то подсказку». На мой вопрос, много ли было таких встреч, Бурбулис ответил: «кошмар был» (запись интервью с Г. Э. Бурбулисом. 23.08.2004. — Архив автора). В те дни я мог обо всем этом лишь догадываться: голоса депутатов от «Демократической России» считались гарантированными, хотя кому-то обещания могли быть даны заблаговременно. Это, конечно, не афишировалось.

¹⁴ Попов Г. Снова в оппозиции. — М., 1994. — С. 78, 81.

¹⁵ Общая газ. — 2000. — 2—8 марта.

¹⁶ Рус. мысль. — 1997. — 3—9 апр.

¹⁷ «Не предпринимать действия для разрешения проблем равнозначно употреблению сильнодействующих средств... Решение ничего не делать — это решение, увеличивающее риск коллапса» (*Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind.* — N.Y., 1972. — P. 183).

¹⁸ Интервью с Г. Э. Бурбулисом. 26.07.2004. — Архив автора.

¹⁹ Филатов С. Указ. соч. — С. 62

²⁰ Понятно, что во втором случае равную численность палат сохранить не удалось бы, разве что Совет Национальностей пришлось бы пополнять депутатами, избранными в территориальных округах.

²¹ В московской делегации из 58 депутатов 52 так или иначе были ассоциированы с «Демократической Россией». Съезд отфильтровал ее представительство в ВС следующим образом: от большинства после нескольких туров голосования удалось провести 5 человек, от 6 остальных — трех.

²² Одним из первых деяний В. Исакова, избранного при поддержке «Демократической России», была попытка переместить депутатов — нечленов ВС из зала на отведенный для гостей и журналистов балкон, где не были установлены микрофоны. Но она натолкнулась на жесткий отпор.

²³ Пименов Р. Указ. соч. — С. 34.

²⁴ Это поражение сказалось меньше, чем избрание заместителей председателя ВС, которым (особенно Р. Хасбулатову) предстояло сыграть важную роль.

²⁵ Исаков В. Указ. соч. — С. 138.

²⁶ Проект чуть модернизированной советской Конституции, с которым вскоре выступил член комиссии и фракции «Коммунисты России», судья из Подмосковья Юрий Слободкин, в счет не идет: лидеры коммунистической фракции отнеслись к этому документу как к песку, подсыпаемому в заработавший механизм. Они понимали, что у проекта нет шансов ни на то, чтобы его приняли, ни хотя бы на то, чтобы положили в основу дискуссии.

²⁷ «В конце мая 90-го года, — писал Л. Б. Волков, — на собрании 220 депутатов от «Демократической России» я передал депутату Румянцеву маленький листок с тут же в зале набросанными пунктами Декларации о государственном суверени-

тете РСФСР... Я сразу почувствовал, какой в ней огромный заряд... Это крутой поворот в представлениях... Гулявший в умах великорусский национализм получил рациональную направленность. Он поворачивался в сторону строительства нового государства, а понятие нация из этнического и ксенофобского становилось гражданственным и интерэтническим (*Волков Л. Б.* Рычаг Архимеда. — Рукопись. — Архив автора; Независимая газ. — 2000. — 10 июня).

²⁸ Законы, постановления и другие акты, принятые I Съездом народных депутатов РСФСР. 16 мая — 22 июня 1990 г. — М., 1990. — С. 75—77.

²⁹ Первый Съезд народных депутатов РСФСР... — Т. 3. — С. 473.

³⁰ Там же. — С. 483—485.

³¹ Там же. — С. 478.

³² Первый Съезд народных депутатов РСФСР... — Т. 3. — С. 495; Т. 4. — С. 167.

³³ Не уверен, что депутат Н. Ключев, директор автотранспортного предприятия в Челябинской области, до конца понимал, что говорит, когда требовал «определить суверенитет сельского, районного, городского совета... только здесь может быть первичный, самый сильный суверенитет» (Первый Съезд народных депутатов РСФСР... — Т. 3. — С. 480).

³⁴ Первый Съезд народных депутатов РСФСР... — Т. 4. — С. 251. Характерно, что среди 13 депутатов, проголосовавших против Декларации, 10 были представителями автономий. Они выразили недовольство тем, что в документе не нашли отражения претензии автономных республик на «суверенитет».

³⁵ Законы, постановления и иные акты ... — С. 119—121; *Исаков В.* Указ. соч. — С. 128.

³⁶ Первый Съезд... — Т. 5. — С. 423.

³⁷ Суть нерадового события этого по прошествии лет затерялась в общественной памяти. Так, согласно опросу, проведенному Фондом «Общественное мнение» в июне 2002 г., 32% реципиентов считали, что день этот для них ничего не означает, столько же видели в нем дополнительный выходной день. И только 15% почитали в нем начало новой истории России. (Известия. — 2002. — 11 июня).

³⁸ *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1. — С. 524.

³⁹ *Шахрай С.* Конституционное правосудие в системе российского федерализма. — СПб., 2001. — С. 81.

⁴⁰ Первый Съезд... — Т. 5. — С. 72.

⁴¹ Законы, постановления и иные акты ... — С. 98, 99. В процессе доработки проекта эти нормы, правда, стали менее определенными.

⁴² Первый Съезд... — Т. 5. — С. 172, 174.

⁴³ Эти пункты были приняты подавляющим большинством: 692 и 802 головами соответственно (Там же. — С. 200—202, 210—211).

⁴⁴ *Черняев А.* Шесть лет с Горбачевым. — М., 1993. — С. 356.

глава 5

КПСС: завершение векового пути

Партия Ленина, партия Сталина —
Мудрая партия большевиков!
Василий Лебедев-Кумач

Тот, кто одной ногой стоит в могиле, пытается
возможно тверже укрепить вторую ногу на земле.
Джонатан Свифт

РЕТРОСПЕКТИВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ

Согласно официальной партийной историографии, коммунистическая партия в России—СССР просуществовала около века. Исходная точка — 1898 г., если признать историческую преемственность РСДРП — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. Считалось, что все это была одна и та же партия, хотя и претерпевшая некоторые превращения. Более пристальный и критический взгляд позволяет обнаружить моменты, когда организация существенно изменялась. Разрывы несложно заметить уже в начале пути: в 1903 г., когда партия была воссоздана иными людьми и на иных основаниях¹, в 1912—1917 гг., когда произошел «развод» с меньшевиками и европейской социал-демократией. Не следует, однако, упускать из виду, что речь идет об относительно немногочис-

ленных конфликтовавших меж собой группах, идеологи которых почти все время жили в эмиграции и база которых внутри страны, за исключением коротких периодов, была крайне ограниченной.

Подлинная история большевистской партии начинается в 1917 г., когда она становится массовой и превращается в серьезную общественную силу. Это была тогда партия революционная, вознамерившаяся не только смести прежнее государство, но и переделать все устои общественной жизни, культуры, быта. Партия интернациональная, рассматривавшая Октябрьскую революцию как начало и базу развертывания мировой революции. Партия, фанатично увлеченная утопической идеей, действовавшая, как сказал поэт, «во имя блага и свершенья надежд несбыточных земли; во имя веры в положенья трех скучных книжек, что прочли»².

К 1927 г. в партии была искоренена любая открытая оппозиция, к началу 30-х — заведено единомыслие и завершен процесс создания централизованной, строго иерархичной партии-государства, вождь которой не постеснялся уподобить ее ордену меченосцев. Прежнее ядро партии — и предреволюционное, и первых постреволюционных лет — было сначала растворено в массе постоянно пополнявших ее, несмотря на периодические чистки, новых членов, а затем физически истреблено в ходе «большого террора», волны которого накатывались одна на другую. В результате уже в 40—50-х годах партия была иной почти во всех отношениях: консервативной, сменившей интернационализм на «советский патриотизм» и ориентированной на решение сугубо прагматических задач.

Главное же, она перестала быть партией в общепринятом смысле. Идеологически ее стало возможно разворачивать под любую идеологию, в том числе разительно отличную от исходной, говоря конкретно — великодержавного империализма, а под конец — и лицемерного государственного антисемитизма. Политически — выстраивать так, что не только партийная масса,

но и партийная номенклатура, а в критических ситуациях даже члены политбюро были отстранены от формирования курса и принятия важнейших решений. Организационное ее построение точнее всего выражала оруэлловская модель внешней и внутренней партии с очень жесткими правилами поведения и критериями рекрутирования кадров из первой во вторую, с режимом бюрократической субординации.

Такая партия, хотя она и вобрала в себя почти весь социальный актив общества, была в принципе неререформируема. Парадокс же заключался в том, что импульсы некатастрофического транзита в сложившихся условиях могли исходить только от партии. Горбачев это хорошо понимал: «...шансы на успех “перестроечное движение” могло иметь только при условии, что оно зародилось именно в партии. Выступи с подобной инициативой любые другие официальные или неофициальные образования, она была бы обречена на неудачу, отторгнута “политическим ядром” общества, принята за диссидентское покушение на существовавший порядок»³.

Здесь, однако, необходимо сделать три оговорки. Во-первых, в такой партии импульсы «перестроечному движению» могли прийти не просто изнутри партии, а только с вершины иерархической пирамиды. В любом ином случае они были бы задавлены в зародыше. Во-вторых, существовавшая система зашла в тупик, была обречена исторически. Невозможно сказать, как долго она бы еще просуществовала, но если бы реформу не начали сверху, развитие могло бы пойти по румынскому или югославскому варианту. Система пришла бы к концу и намного раньше, если бы были реализованы безумные сталинские планы вторжения в Западную Европу, но цена такого исхода, вероятно, была бы во много раз выше цены, которую германский народ заплатил за освобождение от гитлеризма.

В-третьих, начиная перестройку, Горбачев и его ближайшие сторонники, конечно, не отдавали себе отчета в том, на что они замахнулись и каковы будут последствия реформ. Они не ведали,

что творили, и это оказалось во благо: иначе, своевременно поняв, что преобразования выводят наше общество за рамки «социалистического выбора» (приверженность которому декларировал и последний программный документ КПСС, одобренный на XXVIII съезде), они либо сами бы отступили, либо были бы сметены. Принципиальное отличие Горбачева и его команды от «группы или слоя потенциальных реформаторов», которых «партия постоянно генерировала»⁴, заключалось в том, что все предшествовавшие попытки реформ завершались выкидышами, а в 1987—1989 гг. незаметно для их инициаторов была пройдена критическая черта, точка невозврата. Сохранение КПСС в том виде и составе, в каком она подошла к 1990 г., оставалось лишь вопросом времени. Теперь уже — небольшого времени. В партии стали стремительно разворачиваться процессы, разваливавшие ее изнутри.

НА ПУТИ К ПОСЛЕДНЕМУ СЪЕЗДУ

В 1989 г. вслед за повсеместно прораставшими неформальными организациями начали возникать объединения партийцев, не предусмотренные уставом. Сначала это были партийные клубы, объединявшие людей не по месту работы или жительства, а по взглядам, по политической позиции. Наиболее заметным и жизнеспособным из них стал Московский партийный клуб «Коммунисты за перестройку», который был учрежден в мае 1989 г. Клуб «приютил» Севастопольский райком партии Москвы, возглавлявшийся Алексеем Брячихиным. Это был неординарный шаг: на происходившем в июне пленуме московского горкома коллег Брячихина, секретарь Перовского райкома Валерий Шанцев, в недалеком будущем — дублер Лужкова, потребовал «вычистить из партии коммунистов — членов неформальных объединений, которые используют нашу трибуну и наш авторитет для протаскивания своих идей и мыслей»⁵.

«Идеи и мысли» московских партклубовцев поначалу были довольно сдержанными по календарю демократической весны 1989 г., хотя и рвали с окаменевшими партийными традициями. Они требовали досрочного созыва XXVIII съезда, выборов делегатов на альтернативной основе прямым тайным голосованием по платформам. Чуть позже были сформулированы общеполитические цели: власть — Советам, отмена 6-й статьи Конституции, политический плюрализм, подчинение аппарата — партии, создание прессы партийных организаций, а не партийных комитетов. В августе партклуб призвал к созданию «Демократической платформы КПСС» — по существу, фракции, хотя любая фракционность у большевиков была табуирована со времен X съезда (1921 г.). Вслед за тем, учитывая польский опыт, клуб призвал к созданию в партии горизонтальных структур, выведенных из структуры так называемого демократического централизма, всецело контролируемой аппаратом.

Разрозненные попытки поставить разраставшееся движение под свой контроль предпринял и сам аппарат. Так, в конце ноября 1989 г. в академическом пансионате под Звенигородом была проведена конференция партийных организаций системы Академии наук, собравшая около 300 участников и оплаченная вкладчину ЦК, МГК КПСС и академическими институтами. Конференция обсуждала тезисы к платформе партии и предложения по проекту нового устава. Некоторые формулировки рассматривавшихся на конференции документов по недавним представлениям можно было бы трактовать как «ревизионистские», но почти все «священные коровы» — идеология марксизма, социалистический выбор, движение к коммунизму как стратегическая цель, примат общественной собственности на средства производства, политическое и идеологическое лидерство КПСС — оставались на почетных местах. В проекте устава самыми революционными нововведениями были замена «демократического централизма» «демократическим единством» и допущение «фракций меньшинства в рамках программы и ус-

тава». На конференции, в особенности в ее редакционных комиссиях, разгорелись жаркие споры.

В ответах на распространенную социологами анкету 2/3 участников высказались за переход к многопартийной системе и допущение фракций в партии, а 83,5% — за отмену статьи 6 статьи Конституции. Но атмосфера всего этого действия, вымученные формулировки одобренных документов, прошедшие через горнило согласований, а главное — способность участников реализовать принятые решения на практике разительно отличались от организовавшихся на инициативной основе академических структур, которые за несколько месяцев до того добились победы «сахаровского списка» на выборах в союзный парламент. И все же нетрадиционная форма самоорганизации, которая была явлена на этой конференции, могла стать прообразом переструктурирования партии, высвобождения живой ее части из-под пяты аппарата, научившегося подчинять любую низовую инициативу своей воле. В перспективе, возможно, в КПСС могли бы появиться сначала горизонтальные структуры на профессиональной основе, а затем — и фракции на базе реальной идейной близости. Кульминацией конференции было выступление члена политбюро, члена-корреспондента АН Вадима Медведева. Выступать перед разгоряченными людьми, трудно находившими общий язык меж собой, выстраивать какую-то линию согласия, с чем он приехал на конференцию, Медведеву было нелегко. Возможно поэтому, отвечая на главный вопрос: «Что должна сделать наша конференция для прямых выборов на партийный съезд, для реализации других своих предложений?» — он дал уклончивый ответ: обсудить и направить в ЦК⁶.

В январе 1990 г. на учредительной конференции партийных клубов была образована «Демократическая платформа в КПСС». Конференция, происходившая в клубе Московского авиационного института, стала заметным событием в политической жизни. В ней участвовали 494 делегата, представлявшие 59 тыс. коммунистов из 102 городов 13 союзных республик (правда, лишь 175

делегатов подписали итоговую декларацию), более 800 гостей, множество советских и иностранных корреспондентов. В центре внимания были выступления организаторов конференции — сопредседателей Московского партийного клуба Владимира Лысенко и Игоря Чубайса, ректора Московской партшколы Вячеслава Шостаковского, союзных депутатов Юрия Афанасьева, Гавриила Попова, Сергея Станкевича и других. На конференции выявился заметный разброс точек зрения. Наша цель, говорил Лысенко, добиться большинства на XXVIII съезде и победить, а если не получится — организовать новую партию. Более скромную задачу ставил Попов: создать механизм фракций, а съезд должен обеспечить представительство меньшинств. Еще более осторожную позицию занял Шостаковский. «Уместен ли раскол партии в нынешней ситуации? — спрашивал он. — У нас не хватает политической культуры, терпимости, правового обеспечения, нет гарантий политической стабильности». Тем не менее делегаты были довольно единодушны в том, что КПСС должна стать не «авангардной», а парламентской партией и что выборы на съезд должны проводиться по платформам, а не, как сказал Попов, подобно устройству зоопарка: от каждого вида по представителю⁷.

Активизация демократических процессов в партии подтолкнула к самоорганизации и тех сторонников социалистических и консервативных воззрений, которые усматривали в деятельности генерального секретаря и политбюро покушение на незыблемые устои. В марте—апреле 1990 г. на базе Московского центра независимых марксистских исследований и Федерации марксистских партийных клубов (в частности коммунистической секции, отколовшейся от московского партклуба) возникла Марксистская платформа в КПСС. Ее лидеры — научные работники А. Бузгалин, А. Пригарин, А. Колганов и др. — попытались совместить марксистскую ортодоксию с отмежеванием от сталинизма, критику буржуазно-либерального и социал-демократического склонения в КПСС с поддержкой демократического развития в стране и партии. Зафиксированные в документах

Марксистской платформы очертания партийной реформы мало отличались от того, на чем настаивали сторонники «Демократической платформы в КПСС»⁸.

Марксистская платформа рекрутировала свой актив преимущественно из среды научной и инженерно-технической интеллигенции и насчитывала, по экспертным оценкам, 10—15 тыс. сторонников. В большинстве случаев она занимала цивилизованные политические позиции⁹, критиковала партийное руководство за эклектизм и утрату политической инициативы, подчеркивала, что в ходе преобразований в первую очередь должны учитываться интересы незащищенных социальных слоев, и пыталась наладить взаимодействие с Демплатформой.

Послабления в партийной дисциплине позволили сорганизоваться и фундаменталистам. В июле 1989 г. в Ленинграде прошел съезд, учредивший Объединенный фронт трудящихся (ОФТ), среди организаторов которого были Вениамин Ярин, рабочий с Урала, депутат СНД СССР, отличившийся на Съезде резкой критикой «перестройщиков», но утративший оппозиционность, когда Горбачев позднее ввел его в состав Президентского совета; экономист Алексей Сергеев (на президентских выборах 1991 г. он выступит в паре с Макашовым), ортодокс Ричард Косолапов, удаленный Горбачевым с ключевого поста главного редактора «Коммуниста», и др. ОФТ был формально беспартийным образованием. В преддверии российских выборов, в январе 1990 г. на II съезде ОФТ было создано Движение коммунистической инициативы (ДКИ). В апреле, июне и октябре в три этапа прошел инициативный съезд коммунистов России. Устроители съезда заявили, что никакой особой платформы в КПСС они не имеют, но по всем основным вопросам противостояли не только демократам, но и партийному руководству, выступая за «авангардную» роль партии, против «приоритета общечеловеческих ценностей» над классовыми, против «единства марксистов с извратителями марксизма». «Инициативщики» объявили, что перестройка носит антисоциалистический и антирабочий харак-

тер, и в качестве позитивной программы предложили возродить большевистский характер партии и вернуться к доперестроечным способам решения общественных проблем¹⁰.

Еще более агрессивно заявили о себе «Единство — Всесоюзное общество за ленинизм и коммунистические идеалы» во главе с небезызвестной Ниной Андреевой, созданное еще в мае 1989 г., и Большевистская платформа. Апология Сталина и сталинизма, яростные атаки на перестройку, на так называемую пятую колонну, на «гнилые пацифистские подкопы» под Вооруженные силы, на «концепцию перехода к рынку» даже в версии союзного правительства — таков был примитивный идейный арсенал этого ответвления сходящей с исторической арены партии. В отличие от других внутривнутрипартийных образований это направление осталось практически незаметным и известность получило лишь в силу интереса некоторых СМИ к политической экзотике¹¹.

Следует подчеркнуть, что преобладающая часть партийно-государственной номенклатуры, разделяя во многом взгляды ортодоксально-коммунистических образований, не спешила поддерживать их открыто. Расчет был на то, что удастся тем или иным способом сохранить «тройную монополию: монополию КПСС на власть в стране; монополию верхушки партийной иерархии на власть внутри партии; монополию верхних звеньев партаппарата на формирование идеологических приоритетов и стандартов концептуального мышления, обязательных для всех остальных членов партии»¹². Предполагалось, что «марксисты» и маргиналы уравновесят натиск со стороны «Демократической платформы» и при таком раскладе сил консервативная бюрократия, находясь по видимости в центре, сохранит роль арбитра. Однако ход событий все очевиднее подрывал эти расчеты и заставлял консерваторов более явно определять свою позицию по отношению и к активистам «Демократической платформы», на которых вскоре были обрушены партийные репрессии¹³, и к самому «архитектору перестройки».

ФЕВРАЛЬСКАЯ ПЛАТФОРМА

5—7 февраля 1990 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, который принял, наконец, давно ожидавшееся решение о приближении даты XXVIII съезда на несколько месяцев. На утверждение пленума была представлена платформа «К гуманному, демократическому социализму», которую впоследствии, после некоторой доработки съезд утвердил в качестве программного заявления¹⁴. Принятый документ, а также доклад Горбачева на пленуме, в котором были предметно перечислены «священные коровы», от которых теперь было рекомендовано отступить, признание, что политическое развитие приведет к образованию иных партий, обещанный отказ от конституционного узаконения «авангардной роли» КПСС, постановка вопроса о введении института президентства, проектируемый уход «от преимущественно должностного принципа формирования ЦК» и т. д.¹⁵ — все это представляло очередной этап в развитии «революции сверху», самый значительный шаг после XIX партконференции. Самое название документа — обращение к термину «демократический социализм», на который годами выливались ушаты бессодержательной и глупой критики, — было знаменательно.

«...Там оставались многие рудименты псевдосоциалистических положений, больше похожих на ритуальные заклинания, чем на что-то существенное, — вспоминает Александр Яковлев. — Но если вчитаться в текст доклада и Платформы, то можно легко увидеть, что перечень постулатов, от которых партия должна отказаться, мало что оставлял от привычных принципов советского социализма»¹⁶. Все это было бы действительно замечательно, если бы было сказано за 2—3 или хотя бы за год до того. Развитие событий продолжало обгонять идейную и политическую эволюцию партии. Одобрение документа было буквально-таки навязано партийной верхушке, изготовившейся к контратаке и, следовательно, не отражало ее действительной ориентации. К тому же, как уже давно повелось в этой партии, существовал немалый разрыв меж-

ду декларациями и реальным политическим курсом. Поэтому решения пленума вызвали довольно суровую и, может быть, односторонне заостренную оценку со стороны демократов. Воспроизведу здесь набросок, написанный мною по горячим следам событий¹⁷.

Продвижение, которое обозначила Платформа ЦК КПСС к 28 съезду, можно оценить в двух измерениях. По сравнению со всеми предшествующими партийными документами без исключения — это значительный шаг вперед. Платформа не только торжественно отреклась от «нетерпимости к иным взглядам и идеям», которая сопровождала большевизм на протяжении всей его истории, но и содержит немало положений, совпадающих или близких к тому, что было сказано в ранее опубликованных программах избирательного блока «Демократическая Россия» и «Демократической платформы в КПСС».

Но, претендуя на авангардную роль, партия в лице ее официальных инстанций отстает от времени, и Платформа, к сожалению, — документ, откликнувшийся, скорее, на вчерашний, чем на сегодняшний и тем более на завтрашний день. Партия, наконец-то, предлагает отменить статью 6 Конституции. Но пока не дан ответ: почему простое политическое благоразумие, не говоря уже о принципиальных соображениях, не подсказало, что с этим балластом следовало расстаться задолго до того, как уступка была буквально-таки вырвана. Практически, конечно, статья 6 мертва, но ее метастазы сохранились в нашей политической системе: дважды и трижды персонально обновленный аппарат, озабоченный предстоящими выборами на съезд, продолжает блокировать демократический процесс.

Справедливо, что «сейчас кардинальный вопрос — темпы начатых преобразований», но вещи надо называть своими именами. Затяжка реформ грозит не просто «негативными последствиями для народа» — таких последствий мы уже хлебнули сполна, — а экономической катастрофой и большой кровью.

Трагедию, думаю, еще можно предотвратить, но запас времени тает на глазах, ибо и социальные, и экономические процессы становятся все более неуправляемыми и непредсказуемыми.

Что же предлагает Платформа, призванная заменить Программу партии, которая была принята всего 4 года назад и уже безнадежно устарела? (Впрочем, наша партия привыкла десятилетиями жить без какой бы то ни было программы — был бы документ, верно намечающий ближайшие ориентиры.) Опубликован проект, судя по которому, прогрессисты чуть не перетянули канат у консерваторов. Но общественный кризис развивается слишком быстро, чтобы можно было ограничиваться во многом неплохими, но очень общими и никого ни к чему не обязывающими формулировками.

Мы так долго искореняли и так недавно признали рынок, что гибридный термин «планово-рыночная экономика», наш социалистический тяни-толкай, вроде бы демонстрирует позитивный теоретический сдвиг. Остаются, однако, открытыми коренные вопросы. Где все-таки должны располагаться основные экономические регуляторы: на стороне плана или рынка? Кто и как станет определять «точную меру и методы» централизованного планового воздействия? Предлагается ли вести дело к полноценному и универсальному современному рынку (включая, разумеется, рынки капитала и рабочей силы)? Как будет оплачиваться труд: по «его количеству и качеству» или по конечному результату, то есть по тарифно-квалификационным справочникам, разработанным в Госкомтруде, или по законам рынка? Не слишком ли далеко пошли реформаторы навстречу консерваторам, исключив из первоначального проекта понятие частной собственности, без которой нет современной развитой экономики? И самое главное, в Платформе ни слова не сказано, как, в какие сроки предполагается осуществить переход, какие при этом надо иметь экономические и социальные амортизаторы, которые позволят смягчить его тяготы.

Главная политическая новелла проекта — учреждение поста президента. В принципе сильная президентская власть совместима с развитым парламентаризмом, а в наших условиях она могла бы стать полезным противовесом негласной власти политбюро и консервативным силам на Съезде народных депутатов России. Быть может, острота наползающих одна на другую кризисных ситуаций подталкивает к скорейшему созданию мощного государственного института быстрого реагирования. Но надо вполне отдавать себе отчет в том, насколько опасно усиление исполнительной власти при отсутствии подлинного парламентаризма, институционализированной политической оппозиции, многопартийной системы, разработанной процедуры импичмента.

Наконец, партия. Надо оставаться в мире иллюзий, чтобы характеризовать нынешнюю партию как «союз единомышленников-коммунистов». Наша партия давно уже многопартийна идеологически. «Баррикады перестройки» не столько отделяют партию от ее критиков «слева» и «справа», сколько расчленяют самую партию. Члены партии конкурируют друг с другом на выборах — и это конкуренция не столько лиц с их достоинствами и недостатками, сколько фактически уже оформившихся платформ.

Правда, М. С. Горбачев доказал, что он контролирует положение в ЦК, как он это делает перед лицом миллионов телезрителей на Съезде народных депутатов. Наши «вечно вчерашние», развернувшие на Пленуме ЦК яростную атаку на курс реформ, в конечном счете проголосовали единодушно, как они это привыкли делать не раз, за реформаторскую платформу. Можно, однако, не сомневаться, как эти вандейцы будут осуществлять принятые решения, каким образом будут готовить XXVIII съезд и какую нагнетать вокруг него политическую и моральную атмосферу. Поэтому вопрос теперь уже не в том, разойдутся ли сложившиеся в партии течения, а в том, когда это случится и где пройдет главная линия размежевания: левее или правее центра.

Уйдут ли «межрегионалы» и сторонники «Демократической платформы»? Или события развернутся по венгерскому варианту: центр и левые (при сохранении немаловажных различий между ними внутри партии) пойдут вперед, а консерваторы останутся отстаивать свои «принципы»? По крайней мере, на данном этапе второй вариант мне кажется наименее болезненным и наиболее конструктивным и для партии, и для общества.

Между тем Платформа затушевывает этот реальный процесс размежевания, претендуя на консолидацию разнородных и враждебных друг другу сил, которые консолидировать нельзя и не надо. В жертву фантому мнимого единства нельзя больше приносить темпы и радикальность преобразований, без которых не выживут ни партия, ни возрождающееся гражданское общество, ни демократия в нашей стране.

На крутых исторических поворотах самоубийственно строить стратегию, полагаясь на то, что события будут развиваться по намеченному плану и только по лучшему варианту. В Восточной Европе компартии и созданные ими режимы рухнули в одночасье, как только стало ясно, что за ними не стоит грубая сила. Между тем к политической деятельности в условиях многопартийности не готовы не только официальные структуры партии, но и ее левые силы.

В историческом споре между социал-демократами и коммунистами, которым открылся XX век, конец века в мировом масштабе подводит итог в пользу социал-демократии. Если мы не хотим, чтобы события в близком будущем развернулись по румынскому или того хуже — китайскому образцу, социал-демократизация партии — единственный путь. Опубликованная платформа — слишком робкий и неопределенный шаг в этом направлении.

К сказанному можно лишь добавить, что на пленуме выступил Ельцин. Он отметил, что предстоящий съезд оставляет партии последний шанс, и оценил представленный проект так: «...в целом

складывается впечатление, что его писали две руки: правая и левая. И делалась постоянная попытка как-то их примирить, идя на уступки то той, то другой...». Он выдвинул десять предложений, большинство из которых не было принято во внимание. Среди них были: отказаться от демократического централизма и заменить его общедемократическими принципами; отказаться от аппарата как инструмента власти, передать управление в партии выборным органам и советам секретарей первичных парторганизаций; перейти к многопартийности; признать разнообразие позиций, течений, платформ и самостоятельность фракций, которые формируют руководящие органы пропорционально их численности; перейти на горизонтальную структуру в партии; провести выборы на съезд по платформам и т. д.¹⁸ Однако его выступление было заглушено хором голосов, звучавших совершенно иначе¹⁹.

И все же пристойный декорум был соблюден. Могло показаться, что машина движется по накатанной колее, а водитель продолжает искусно лавировать. Неожиданно, однако, режим послушания был нарушен: процесс консолидации в партии сил, противостоящих реформаторам, дал выброс на консервативном фланге. Он нашел выражение в создании Российской компартии.

КОНТРУДАР ФУНДАМЕНТАЛИСТОВ

19 июня, за три дня до окончания I СНД России, открылась конференция делегатов, избранных на XXVIII съезд от российских регионов. На второй день конференция провозгласила себя Учредительным съездом компартии РСФСР, которая дотопе отдельно, наряду с компартиями других союзных республик, не существовала. Это решение было подано как восстановление исторической справедливости.

Проблема статуса российских партийных и государственных структур в Союзе носила не национальный или территориальный, а отчетливо выраженный политический характер. Разыгрывать

«российскую карту» начали демократы — и преуспели в этом, когда увлекли за собой практически весь СНД, под аплодисменты одобрившей Декларацию о суверенитете. Игру продолжили партократы, имевшие дело с более податливым и контролируемым ими материалом — партией, а точнее — с делегатским корпусом. Выборы делегатов хотя и проходили по новым правилам (подавляющее большинство было избрано в одномандатных и многомандатных избирательных округах), однако выборов по платформам партийным радикалам добиться не удалось, и сама мажоритарная избирательная система обеспечила решающее преимущество тем, кто выборы проводил, — аппарату. Обособление российской составляющей КПСС консерваторы рассматривали как создание центра, противостоящего реформистскому руководству партии, влиятельного и легитимного, не в пример ленинградскому инициативному съезду и иным маргинальным образованиям.

Общим потоком борьбы за «суверенизацию» также и партийных структур были подхвачены и демократы, не просчитавшие последствий далеко небезобидной затеи. Подхватил поток и генерального секретаря. «...Не лежала у меня душа к этому предприятию, с самого начала я предчувствовал, чем оно может обернуться, — рассказывает он. — А поскольку противостоять общему давлению действительно было невозможно, думал о том, как хотя бы свести к минимуму негативные последствия»²⁰.

В заглавном докладе, с которым Горбачев выступил от имени политбюро, он пытался охладить накалявшиеся страсти. Решительно высказался против «сталинизма, растоптавшего духовные и нравственные идеалы социализма», в защиту перестройки и воспроизвел некоторые положения Платформы, выносимой на съезд: переход к социально ориентированной экономике, полновластие советов, отказ партии от властных и хозяйственных функций, от притязания на монополию и т. д. Очень осторожно, намного осторожнее, чем в выступлении перед депутатами на I Съезде СНД России, обозначил опасность, исходящую от обособления российских властных институтов: «Произ-

нося слово “Россия”, мы должны всегда держать в памяти слово не менее сокровенное — “Союз”». Хотя в своем выступлении Горбачев к этой опасности обращался несколько раз, те, кто ее персонифицировал, не были названы: «С удивлением приходится наблюдать, как люди, чей политический лексикон еще год-полтора назад вообще не содержал понятия “Россия”, сегодня оказались вдруг радетелями российских интересов». Впрочем, он тут же уравновесил критику партийных фундаменталистов осуждением тех, кто пытается организовать российское ответвление КПСС «на аморфных началах парламентской партии»²¹.

Ответ генсеку устроители съезда тут же дали по полной программе. Вслед за Горбачевым выступили четыре содокладчика. Сначала И. П. Осадчий — от подготовительного комитета конференции. Руководство КПСС обрекло партию «на положение безоружно сидящей в окопах под массированным огнем антисоциалистических сил, в консолидации которых немалую роль сыграли некоторые средства массовой информации и весьма противоречивая, подчас непредсказуемая политика партийного руководства», — сказал он под бурные аплодисменты. Решительно осудив тех, кто стремится превратить партию в «социал-демократическую, реформистскую... парламентского типа», и повернуть к рынку «от имени партии без решения партии, даже без совета с партией», он потребовал безотлагательно конституировать российскую компартию до XXVIII съезда²². Затем шли выступления: В. Н. Лысенко — от «Демократической платформы в КПСС», А. И. Колганова — от Марксистской платформы и В. А. Тюлькина — от инициативного съезда. Казалось бы, некий демократический декорум был соблюден, но тон зада-ло соотношение 3 : 1.

В первый же день секретарь Кемеровского обкома А. Г. Мельников объявил (тоже под аплодисменты), что партконференция в Кузбассе приняла «подавляющим большинством голосов резолюцию о недоверии Центральному Комитету и политбюро и потребовало отставки всех его членов». Командую-

ший Приволжско-Уральским военным округом Макашов от имени армии и народа (никак не меньше) пообещал «побить предателей камнями» и заявил, что армейские коммунисты не собираются «идеологически сдаваться»²³. В сходной тональности были выдержаны и иные «ударные» речи на конференции-съезде. Немногие выступления иного плана не меняли общей атмосферы. Заглянувший было в Кремлевский дворец съездов Олег Румянцев сказал мне, что происходившее там действие напомнило ему оруэлловские «митинги ненависти». Только то, что в классическом произведении было «пятиминутками», здесь разыгрывалось как многочасовая истерия. Отрепетированное на нескольких пленумах ЦК теперь было вынесено на всероссийскую трибуну. И с этими-то людьми Горбачев упрямо пытался продолжать сосуществование в одной партии!

Мистерия эта имела вполне рациональную цель, о которой с самого начала сказал машинист тепловоза В. И. Ладыгин: «делегация Российской коммунистической партии должна явиться на XXVIII съезд со своим лидером...»²⁴. Распалывшие зал речи были топливом, неумемно подбрасываемым в машину, которая должна была подать наверх вождя консерваторов. Более неудачный выбор трудно было придумать: Иван Полозков, секретарь Краснодарского обкома, малоизвестный в стране и в партии, за которым не числилось решительно никаких заслуг, восполнявший в своих участвовавших выступлениях косноязычие и примитивизм агрессией, только что провалившийся на СНД России, был крайним фундаменталистом («от его взглядов становилось не по себе даже некоторым правоверным коммунистам»)²⁵.

В изложении Горбачева выдвижение и избрание Полозкова выглядит результатом довольно случайной игры сил, а о решении самого фигуранта участвовать в выборах генсек рассказывает: «бес попутал»²⁶. Мне же представляется, что это был тщательно проработанный аппаратный сценарий, осуществленный консолидировавшимися антигорбачевскими силами в руководстве. Таковы были эти силы, таков был их герой... Да и сам Гор-

бачев, сопротивляясь этой кандидатуре, не проявил такой энергии и упорства, как за месяц до того, когда на СНД решался вопрос об избрании Ельцина. Возможно, он опасался, что более определенная позиция сделает его поражение, второе после победы Ельцина, более наглядным, и рассчитывал, что его выдвиженец Олег Лобов каким-то образом одолеет нереспектабельного конкурента²⁷. Как бы то ни было, это был третий и, пожалуй, самый чувствительный момент в первом полугодии 1990 г., ознаменовавший резкое ослабление позиций Горбачева, а тем самым и всей реформаторской группы в стране и в партии²⁸.

Так закончился первый этап учредительного съезда российской компартии. На втором этапе, в сентябре, было избрано политбюро — вполне подстать ее первому секретарю²⁹. Но еще до того отчетливо проявилась «реакция отторжения»: заявления целых организаций об отказе входить в партию, возглавляемую Полозковым, отказ от уплаты членских взносов. Резко выросло число партийцев, покидавших КПСС. Последнее, впрочем, было реакцией и на исход XXVIII съезда.

ПИРРОВА ПОБЕДА ГОРБАЧЕВА

Сценарий, по которому стал разворачиваться XXVIII съезд, поначалу во многом повторял то, что происходило за две недели до него на учредительном съезде российской компартии. Горбачев был в обороне, и это наложило отпечаток на тональность и содержание его доклада. Генеральный секретарь обрисовал альтернативу: либо общество и дальше пойдет по пути глубоких преобразований, «либо верх возьмут контрперестроечные силы, и тогда страну, народ ожидают, давайте смотреть правде в глаза, мрачные времена». Отметив, что «на смену сталинской модели социализма приходит гражданское общество свободных людей», и признавая, что «положение в определенном смысле даже ухудшилось», он назвал две причины ухудшения. С одной стороны, «нам досталось

крайне тяжелое наследие». С другой — «противодействие переменам со стороны бюрократического слоя в управленческих структурах и социальных сил, с ним связанных». Эти силы пытаются «свою консервативную позицию защитить под флагом борьбы за интересы народа, чистоту идеологических принципов».

Противник, основной антагонист, был назван. Но генсек все еще не готов был отказаться от лавирования, которое уже год определяло суть его курса. Он тут же упомянул «толкающих нас к буржуазному строю» и «взаимодействие самых крайних течений, различных деструктивных сил». Под давлением партийных фундаменталистов докладчик снял или смягчил некоторые важные положения февральской Платформы (развернутый перечень того, «от чего надо отказаться», тезис о «конкуренции товаропроизводителей, включая зарубежные фирмы», о новой избирательной системе и возможности появления иных партий и др.). Зато автономным республикам было обещано не только расширение прав, но и «повышение конституционного статуса» — это была настоящая мина не особенно замедленного действия, закладываемая под Союз и особенно под Россию.

Что же касается партии, то и здесь генеральный секретарь старался выдержать линию, которую отвергали критики с обеих сторон. С одной стороны, было признано, что программа партии, торжественно принятая всего лишь за четыре года до того, утратила силу, а с другой — воспроизводилось клише о «партии социалистического выбора и коммунистической альтернативы, добровольном союзе единомышленников», хотя было очевидно, что даже видимость единомыслия исчезла. Утверждалось, что партия может быть одновременно и «авангардной» в ленинском понимании, и парламентской. Допускалось право меньшинства отстаивать свои позиции, но тут же объявлялось, что создание фракций — порог, перейти который нельзя³⁰.

Так в общих чертах выглядел баланс, в основном на словесно-формулировочном уровне, с помощью которого Горбачев рассчитывал сохранить распадавшуюся партию. Впоследствии

он не раз утверждал, что по его настоянию XXVIII съезд все-таки принял программное заявление, представлявшее шаг на пути к превращению партии в социал-демократическую. Если это и так, то шаг был очень робким и не слишком определенным. Он оставлял партию на значительной дистанции не только от концепции современной социал-демократии, но и от послевоенной Бад-Годесбергской программы СДПГ. Не приходится удивляться тому, что позиция главного реформатора тут же подверглась атакам с обеих сторон. Критики не вдавались в теоретические эмпирии и повели спор чисто прагматический.

Одна линия противостояния была зафиксирована в речи Ельцина — тщательно выстроенной не в пример многим его прежним и последующим выступлениям. Отметив, что «нейтрализовать действие консервативных сил в партии не удалось» и это наглядно продемонстрировал реваншистский съезд российской компартии, председатель ВС РСФСР, находившийся в зените своей славы и карьеры, жестко заявил, что главным на съезде является «...не вопрос о перестройке в стране и путях ее развития. Этот вопрос решается народом за стенами этого здания, решается в Советах народных депутатов. На этом съезде стоит вопрос прежде всего о судьбе самой КПСС». Ельцин обозначил несколько изменений, которые открыли бы возможность цивилизованного процесса модернизации партии. «Зафиксировать имеющиеся в КПСС платформы и дать каждому коммунисту время для политического самоопределения». «Изменить название партии. Это должна быть партия демократического социализма». Обсуждать платформу и устав партии на этом съезде рано. «Надо принять только общую декларацию о преобразовании КПСС» и избрать новое руководство, способное подготовить через полгода-год новый съезд. Партия должна освободить себя от всех государственных функций, упразднить первичные организации в силовых структурах и государственных учреждениях. Это проложит путь к парламентской партии, способной «побеждать на выборах в лице той или иной из своих фракций». И, наконец, «любые фракции

социалистической ориентации других партий могут входить в состав союза демократических сил страны»³¹.

Мог ли рассчитывать Ельцин, что данный состав съезда согласится с его предложениями? Или что их хотя бы частично поддержит Горбачев? Думаю, что и то, и другое совершенно невероятно: уж наивностью Ельцин не страдал. И тогда как будто прав Горбачев, утверждавший, что «Ельцин не захотел присоединиться к реформаторскому крылу, помочь действительно спасти партию, своевременно реорганизовав ее. И, думаю, не только из-за того, что не верил в такую возможность. Его больше не устраивало участие в КПСС на вторых ролях. Он рвался к власти и видел себя вождем **другой, своей партии**»³². Так ли это? Ближайшие и последующие события показали, что Ельцин не вынашивал планы создания своей партии: для реализации его властных амбиций — что он, возможно, осознавал на интуитивном уровне — не нужна была никакая партия. Не случайно он остался глух к попыткам «Демократической платформы» развернуть съезд. Он добивал КПСС, демонстрируя неспособность реформаторской части съезда пойти по менее болезненному для общества пути. Возможно, он уже поставил крест на КПСС или считал, что дополнительная ноша была ему не под силу. Или, что более вероятно, он уже видел себя главой государства Российского, «царем Борисом», что было для него привлекательнее, нежели проблематичная возможность стать первым лицом в партии, которая не имела перспективы. В этом — счет к Ельцину. Счет же к Горбачеву серьезнее: заботясь о судьбе Союза, он цеплялся за иллюзорное единство и пытался спасти партию на таком пути, который неминуемо вел к поражению.

Если в том еще могли оставаться какие-либо сомнения, то они были окончательно развеяны поведением консерваторов. На союзном, как и прежде на российском партийном съезде, равно как и на последних пленумах ЦК расцвела обличительная риторика: Горбачева, политбюро винили в том, что партия (на деле — ее номенклатура) лишилась монопольной

власти, что джинн общественной активности вырвался из бутылки и партию призывают к ответу за все содеянное. Но, помимо риторики, припасли и новую заготовку: на съезде были поставлены персональные отчеты членов и кандидатов политбюро. Инициаторы этой затеи не скрывали (это выявилось в ходе своего рода перекрестных допросов «с пристрастием»), что под ударом находятся не «социально близкие» им Воротников, Крючков, Язов, Слюньков, а члены реформаторской команды Горбачева: Шеварднадзе, Медведев и особенно Яковлев. Против последнего была учинена прямая провокация: распространена фальсифицированная стенограмма его беседы с делегатами — сторонниками «Демократической платформы». Анонимных провокаторов, естественно, установить не удалось. Казалось, «сатана там правит бал»...

Нет, не совсем. На коммунистических съездах решающее значение имело не словоговорение, даже не содержание утверждаемых документов, а кадровые решения. Здесь Горбачев переиграл своих противников, хотя и не со слишком убедительным счетом. Поначалу казалось, что и в этом он обречен на проигрыш. Когда утверждали председателей комиссий съезда, ему не удалось привести к руководству комиссией по уставу Разумовского и пришлось взять эту роль на себя. Затем председателем аграрной комиссии под аплодисменты избрали Лигачева, а в комиссии по экономической политике провалили даже умеренного рыночника Абалкина. Но на выборах руководящих органов партии инициатива перешла к Горбачеву.

Сначала генсеком был избран он сам — примерно таким же большинством, как и на пост президента СССР (3411, или около 73% «за», 1116 «против», 156 воздержались). За единственного его конкурента Т. Авалиани был подан 501 голос³³. Этот акт кадрового спектакля был разыгран сравнительно спокойно. Основная интрига развернулась во втором действии, на выборах заместителя генерального секретаря. Горбачев настойчиво продвигал Владимира Ивашко, недолгое время возглавлявшего ЦК КП Ук-

раины, человека, как вскоре выяснилось, слабого и несамостоятельного. Его главным конкурентом стал Егор Лигачев, едва ли не самый сильный политик среди коллег генерального секретаря, опытный кадровик, перешедший в это время в жесткую оппозицию к реформаторскому курсу. Самое выдвижение Лигачева было вызовом Горбачеву. Но влияние генсека оказалось достаточным, чтобы провалить второго — в недавнем прошлом — человека в политбюро с разгромным счетом, тем более что Ивашко не вызывал идиосинкразии у консерваторов. За Лигачева было подано 776 голосов (меньше, чем за Полозкова на менее многочисленном учредительном съезде КП РСФСР), против 3642; за Ивашко — 3109, против 1309³⁴.

На последнем этапе предстояло избрание ЦК. Большую его часть, т. е. лиц, вошедших в список № 1, было решено не избирать, а формировать по тому же «зоопарковому» принципу: республиканские, краевые, областные делегации определяли своих выдвиженцев по определенным квотам: 223 человека по норме 1 член ЦК от каждых полных или неполных 100 тыс. членов партии, состоящих в республиканских, краевых и областных организациях, и сверх того 75 — по 5 от каждой республики и 13 — от партийцев Министерства обороны, МВД, погранвойск и заграничных учреждений — всего 311 человек. Съезд волен был одобрить или отклонить предложенных лиц. Хотя против некоторых кандидатов было подано до тысячи и более голосов (то были Бунич, Лацис, Шаталин — идеологическое неприятие прогрессистов делегаты демонстрировали откровенно), выборы в этой части были безальтернативными, и все выдвиженцы по квотам организаций в ЦК прошли.

Острая же борьба развернулась вокруг списка № 2 — «центрального», первоначальный состав которого был сформирован Горбачевым и предложен от его имени. Изначально он насчитывал 85 кандидатов. Делегаты попытались прошерстить этот список. В итоге довольно бурного обсуждения несколько человек из списка выпали, другие были добавлены — в итоге он увеличился до

99 претендентов. Сначала решено было, что в ЦК из него войдут 85 человек, получивших наибольшее число голосов. Когда результаты голосования были объявлены, выяснилось, что более половины голосов получили все, хотя против некоторых кандидатов их было подано больше, чем по списку № 1, — до 2 тыс. голосов. За бортом оказались в основном люди известные — демократы и «ревизионисты» Абалкин, Ульянов, Рой Медведев, Гельман, с одной стороны, и аппаратчики Кручина, Болдин, Вольский, Власов, Фалин, Ненашев — с другой. Возник спор: отсесть ли 14 лиц, замыкающих список, или считать избранными всех. После ряда голосований были признаны прошедшими все кандидаты, получившие более половины голосов, а состав ЦК был увеличен³⁵. Состоявшийся на следующий день пленум избрал политбюро и секретариат.

Вновь избранный ЦК по своему социально-профессиональному составу резко отличался от предыдущих. По сравнению с ЦК, избранным XXVII съездом, только руководящая группа — члены политбюро и секретариата — сохранили свою долю (8,5%). Удельный вес руководящих партийных и советских работников верхнего эшелона сократился с 61,6 до 39,7%, высшего военного командования — с 7,2 до 3,9%, МИДа — с 3,9 до 0,2%. Зато число рабочих и крестьян (включая мастеров, бригадиров и т. д.) возросло с 7,5 до 24% (в первом «брежневском» ЦК, избранном XXIII съездом, их было вообще 3 человека, или 1,5%), руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий — с 2,2 до 6,3%, ученых — с 2,3 до 8,3%³⁶.

Персональные изменения в составе ЦК носили небывалый характер. Коэффициент обновления высшего партийного органа в «застойные» времена, между XXV и XXVI съездами (1976—1981 гг.), составил 27,6% (причем только 12,5% из них не были кандидатами ЦК или членами Центральной ревизионной комиссии предыдущего состава). В следующий период, между XXVI и первым горбачевским — XXVII съездом (1981—1986 гг.), — 43,6 и 30,6% соответственно³⁷. Теперь, между XXVII и XXVIII

съездами, ЦК обновился на 84,5%, а число тех, кто впервые переступил порог центральных органов партии, составило 70%³⁸. Таким образом, доминирующее положение в ЦК заняли новые члены, выдвинувшиеся в последние годы. Само по себе это, однако, мало говорило об их политической ориентации, ибо на волнах перестройки поднимались активные люди различных политических взглядов, а перемещение номенклатурных работников из задних рядов в первый приобрело массовый характер.

Радикальным образом был изменен принцип формирования, а следовательно, и состав политбюро. Из 24 его членов 16 были руководителями парторганизаций союзных республик и Москвы, 7 — секретарями ЦК, 1 — главный редактор «Правды». В политбюро не вошли его прежние члены — министры, а также ближайшие сотрудники Горбачева Яковлев, Медведев и др. Они были перемещены в Президентский совет. Так захлебнулась атака фундаменталистов, потребовавших не избирать в руководящие органы никого из прежних их членов. Обновление политбюро было (как, впрочем, и секретариата) тотальным: из досъездовского его состава в нем остались лишь Горбачев и Ивашко, причем более половины новых членов политбюро — 13 человек — до XXVIII съезда не были и членами ЦК. Невиданно омолодился состав политбюро: средний возраст его членов на момент избрания составил около 55,5 лет, т. е. был на два с лишним года меньше, чем у «наследников Сталина» в марте 1953 г.³⁹ Свою победу на выборах руководящих органов партии Горбачев расценил как «переломный момент в ходе съезда, своего рода кульминацию»⁴⁰. На первый взгляд, по всем острым вопросам он либо одержал победу, либо добился трудной ничьей. Его тактические успехи — вне сомнения. В новой редакции был принят устав. Программное заявление действительно представляло разрыв со многими догмами. Руководящие органы были сформированы в основном так, как он хотел. Но это была пиррова победа. Стратегически XXVIII съезд был провалом партийных реформаторов.

Подлинной кульминацией съезда стал выход Ельцина из партии. Последовавшие события не оставляют в этом никаких сомнений. Этот ход он тщательно продумал. Менее чем за месяц до своего демарша в беседе с корреспондентом «Правды» он допускал такую возможность, но оговаривал: «Не выйти из КПСС, а именно приостановить членство»⁴¹. «К своему выступлению на партийном съезде Борис Николаевич готовился долго и много — буквально измучил своих спичрайтеров, измучился сам, — рассказывают его помощники. — Искали нужную тональность, нужные слова»⁴². Мне хорошо запомнился этот день. Утром по Белому дому разнеслась сенсационная информация. К моменту очередной передачи последних известий в приемной председателя ВС, где стоял едва ли не единственный тогда в здании большой телевизор, набилось множество людей — депутатов, работников аппарата. Когда передача началась, Ельцин вышел из своего кабинета и остановился перед телевизором. Его лицо было напряжено; казалось, он не замечает ничего и никого вокруг. Все его внимание было обращено на экран. Реакция окружающих, в общем-то симпатизировавших этому шагу, его не интересовала: ему важно было увидеть себя со стороны. Как только картинка сменилась, он так же молча, ни на кого не глядя и ни с кем не здороваясь и не прощаясь, вернулся в кабинет. То был, несомненно, один из главных переломов в его жизни.

Не думаю, что Борис Николаевич со своими спичрайтерами подобрали слова, да и саму мотивацию этого поступка, наиболее адекватные ситуации, которая складывалась на съезде, в партии, в стране. Объяснение ухода из партии избранием на высокий пост, нежеланием «выполнять только решения КПСС» и желанием «иметь большую возможность эффективно влиять на деятельность Советов» было намного слабее его же выступления на съезде несколькими днями раньше. Но это не имело серьезного значения: важен был сам факт разрыва с партией человека, который именно этим поступком не просто выдвигался на роль главного оппонента реформаторскому руководству КПСС, но и олицетво-

рял громогласно заявленную альтернативу курсу, обозначавшемуся как перестройка. Была подведена черта под временем, когда де-визом реформаторов и прогрессистов было «иного не дано».

Что же касается руководящих органов, избранных на съезде, то никаких действительно серьезных сдвигов в их политической ориентации не произошло. Избрание нескольких «либералов» (одного из них, Александра Гельмана, избрали заочно, и он вскоре вышел из партии), «продавленных» Горбачевым вопреки сопротивлению съезда, — не в счет. «Центральный комитет теперь в подавляющем большинстве состоял из лигачевцев и ползковцев», — пишет Черняев⁴³. Аналогичным образом оценил ситуацию Ельцин: «Неполные консерваторы победили полных консерваторов, победителями были и остаются консерваторы»⁴⁴. Именно такое склонение явно обнаружилось в последние месяцы жизни распадающейся партии. Но важно было не то, были ли они «правые» или «левые», склонялись ли они в сторону консерваторов или реформаторов. Главное заключалось в том, что вновь избранные руководители были политически и организационно недееспособными, т. е. никакими. Как могло политбюро осуществлять повседневное руководство, когда две трети его членов находились вне столицы? Как мог функционировать ЦК, большинство которого не имело политической биографии и даже не было знакомо друг с другом? Это был, замечает Яковлев, «список мертвых душ»⁴⁵. С ними перестали считаться не только демократы, но и партюкраты. Когда в августе 1991 г. была предпринята попытка переворота, партия в лице ее официального руководства была просто отодвинута в сторону. Но и до того, хотя еще созывались пленумы, издавались газеты и журналы, выпускались документы, больной был «скорее мертв, чем жив». Политическая жизнь пошла мимо многомиллионной партии. Если кто и действовал, то это были отдельные организации или скорее оставшиеся еще там активные люди. Последний после XXVIII съезда год жизни партии — это не что иное, как затянувшаяся агония.

ВЗГЛЯД ИЗ 1990 ГОДА

Так видится мне итог XXVIII съезда сегодня. От того, что я думал и говорил по следам событий, он отличается только большей определенностью. В июле редакция одного из самых авангардных изданий того времени — «Век XX и мир» — провела круглый стол под несколько игривым названием «Страсти вокруг власти». Воспроизведу некоторые фрагменты из моих выступлений в этой дискуссии⁴⁶.

По-моему, именно в 90-м году обозначился довольно существенный сдвиг.

Кризис системы партия-государство начался не сегодня и даже не вчера. Но сейчас дело пошло дальше: не просто партия не способна управлять государством, но начался распад самой КПСС как универсальной политической структуры, пронизавшей все советское общество. Власть не может больше опираться на партию и осуществляться через нее. И самое интересное, борьба в партии, судьба партии перестают быть проблемами, волнующими общество. Конечно, нельзя сказать, что КПСС ушла на обочину политической жизни: определенные механизмы воздействия на общественные процессы у нее сохраняются. Но ряд недавних событий, в том числе неожиданный финал XXVIII съезда, отчетливо выявил противоречивые тенденции. Ключевые решения на Пленумах ЦК и на партийных съездах по-прежнему принимаются вне зависимости от настроений большинства делегатов. После поражения на выборах в союзный парламент партаппарат развернул концентрированную, невиданно откровенную атаку на реформаторов во главе с Горбачевым, на весь курс реформ. На апрельском Пленуме 1989 г. правые как бы решили: что дозволено левым на площадях, то можно и нам в узком «семейном кругу». Бог с ними, с субординацией и партдисциплиной, — скажем все, что думаем. В любой нормальной политической партии за подобным словоизвержением последо-

вала бы смена руководства. Но в итоге неожиданно оказалось: все, что хотел провести на этом пленуме Горбачев, было одобрено «единодушно».

Когда я, по праву депутата, зашел на учредительный съезд российской компартии, агрессивное правое крыло казалось воспрянувшим, идущим напролом. М. Горбачев — растерянным, едва удерживающимся на этой яростной волне. И вдруг на XXVIII съезде — будто кто волшебной палочкой взмахнул. У меня пока нет окончательного ответа, почему так произошло. Велась ли со стороны реформаторского ядра во главе с Горбачевым сознательная игра, загнавшая Лигачева и его соратников в ловушку, или за несколько дней были мобилизованы такие политические ресурсы, которые изменили соотношение сил? <...>

Действительно, почему правые, располагая контрольным пакетом на съезде, повинуются лидеру-реформатору? Почему они «продали» Лигачева? От Лигачева к Полозкову — это ведь почти то же самое, что от Брежнева к Черненко! <...>

Собственно аппаратные силы — только часть консервативного лагеря. Но там есть свои формальные и неформальные структуры. Верхушка формальных структур — это 1200—1300 «твердых» голосов на XXVIII съезде (приблизительно еще столько же — тяготевших к ним) и примерно 350 голосов на Съезде народных депутатов России. А неформальная часть — рассредоточенные образования от Объединенного фронта трудящихся до боевиков «Памяти» и родственных ей организаций. Правда, широковещательно заявивший о себе национально-патриотический блок потерпел сокрушительное поражение на выборах и не сумел создать хоть маленькую собственную фракцию. Но настроения его в нашем квазипарламенте вобрала известная часть фракции «Коммунисты России», хотя, конечно, нельзя ставить знак равенства между ними. Быстро формирующийся правоконсервативный лагерь, с одной стороны, декларирует верность марксизму-ленинизму. Но многие его сторонники понимают, что если следующие выборы будут действительно свободными, то под ста-

рым знаменем им много голосов не собрать. Поэтому, как пчелки в улей, они собирают в свой идеологический арсенал и ущемленные имперские амбиции, и великорусский шовинизм, и изоляционизм, и правопопулистский эгалитаризм. А пуще всего — держатся за партийные структуры, за обкомы и за президента. Горбачев не вполне «свой», но в его руках власть... А власть они привыкли ценить превыше всего. <...>

Горбачев не всегда до конца понимал последствия своих шагов. Но показал поразительную для человека, выдвинутого аппаратными структурами, способность к обучению, к извлечению уроков. Легче всего теперь критиковать Горбачева. Я не против критики, но давайте договоримся: за что он действительно ее заслуживает. <...>

Демократы заботятся только о том, чтобы двигать процесс вперед, в этом их роль и заслуга. А центральная власть, кроме того, должна еще обеспечить определенную общественную стабильность. И когда на нынешних митингах ораторы срывают аплодисменты, предъявляя Горбачеву все мыслимые и немыслимые обвинения — что теперь и безопасно, и популярно, — мне кажется, что это не совсем благородная игра. Но я тоже задаю себе вопрос: почему Горбачев во многих случаях занимает столь резко конфронтационную позицию по отношению к левым? <...>

Представим такой сказочный сценарий. Горбачев порывает с правыми; ведя дело к расколу партии не налево, а направо. Конечно, тогда ситуация на съезде была бы другой: так ушло несколько десятков человек, а с Горбачевым откололась бы значительная часть. Ушло бы несколько сотен, может быть, даже две-три тысячи. Можно понять, почему Горбачев и его окружение не были готовы к такой решительной операции: столь круто поменять расстановку сил, дезавуировать полозковский съезд значило пойти на очень уж непривычный риск. Но мне кажется, что риск был не так уж и велик, — а такой поворот мог привести к значительной радикализации общественных на-

строений, укреплению реформистских сил в стране. Выиграв тактически, Горбачев проиграл на XXVIII съезде стратегически. Думаю, если он не захочет выбиться из всей логики своего поведения после 1985 г., ему все равно придется принимать нелегкое решение. Но важно сделать это раньше, а не позже. Потому тот же шаг, может, будет и легче сделать, но он будет менее результативен. <...>

Когда в январе 1990 г. состоялась первая конференция «Демплатформы», один мой беспартийный друг, побывавший на ней, пришел и сказал: «Вот где сила! С ними связано будущее нашей демократии!». В июне прошел второй съезд «Демплатформы». И вот здесь, к сожалению, выяснилось, что она запоздала и потеряла несколько месяцев в такое время, когда месяц идет за год или больше. Самое главное, что она могла и должна была сделать, — это создать более или менее разветвленную политическую структуру, противостоящую и взламывающую официальные структуры партии. Не в отработке программных документов ее сила: кто теперь не сочиняет программ! Если мы возьмем программы партии Травкина, социал-демократов, свободных демократов, «Демплатформы» и многих других, то только тщательный анализ обнаружит различия между ними. Чем могла взять «Демплатформа»? Организацией. Это было единственное, в чем большевики могли дать сто очков вперед всем своим оппонентам и соперникам: создание разветвленной, хорошо сколоченной организации в масштабе всей страны. Ничего подобного «Демплатформа» не сделала. А дальше вступает в силу то, что здесь было названо «каиновой печатью», — отторжение общества от партии, а следовательно, и от вышедшей из нее «Демплатформы». Время упущено: разложение партии и отказ от всего, что связано с ней хотя бы генетически, зашло так далеко, что даже самые прогрессивные коммунисты, оставаясь в партии, подвергаются дискредитации безотносительно к их позициям. Этот процесс дошел до своего логического конца в Восточной Европе. Идет он и у нас. Теперь уже создать

влиятельную политическую партию демократической ориентации на базе отколовшейся части КПСС, видимо, нереально.

Многие порывают с партией, потому что нарастают антикоммунистические настроения, а это уже опасно. Но, с другой стороны, та база, на которую могла опереться «Демплатформа», так и не определилась до конца: для одних она слишком радикальна, для других — слишком умеренна. То есть «Демплатформа» покоится на очень узком социальном базисе. Выход, видимо, — в создании многопартийной и надпартийной коалиции, которая вберет в себя и некоторые осколки КПСС. <...>

Когда же, наконец, поймут, что единственный вариант мирного перехода к рыночным отношениям, устойчивой демократии, правовому государству и т. д. — это не мифическая консолидация всего общества — ее уже никогда не будет, — а форсированное создание левоцентристской коалиции? <...>

Выход Ельцина из КПСС стал сигналом для многих демократов — членов партии. В тот же день представитель «Демократической платформы» Вячеслав Шостаковский от имени группы делегатов, в которую, кроме него, входили Лысенко, Сулакшин, Болдырев, Собчак, Ярошенко, Лопатин и другие, выступил на съезде с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Возможности реформировать КПСС изнутри исчерпаны. Вопрос стоит так, что не спасать КПСС каждый мыслящий коммунист теперь должен, а, спасая страну, противостоять и политически бороться с такой КПСС, какой пожелали ее сохранить делегаты на XXVIII съезде КПСС. Находиться и дальше в одной партии с теми, чьи взгляды и действия противоречат не только требованиям прогресса и цивилизации, но и интересам большинства народа, с теми, кто не желает признать свою вину и ответственность, ни по моральным, ни по политическим соображениям нельзя». Исходя из этого, авторы заявления сообщали «о начале разделения КПСС и выделения “Демократической платформы” в самостоятельную политическую партию».

Последний, XXVIII съезд КПСС стал пирровой победой Горбачева. «Центральный) комитет теперь в подавляющем большинстве состоял из лигачевцев и полозковцев» — написал Анатолий Черняев. Но важно было не то, были ли они «правые» или «левые» — склонялись ли они в сторону консерваторов или реформаторов. Главное заключало том, что вновь избранные руководители были политически и организационно недееспособными, т. е. никакими. Как мог функционировать ЦК, большинство которого не имело политической биографии и даже не было знакомо друг с другом?

карикатура С. Тюнина

Заявление

народных депутатов РСФСР—членов КПСС

XXVIII съезд КПСС не оправдал ожиданий демократических сил в партии и обществе. Надежды на преобразование КПСС в парламентскую демократическую партию оказались иллюзорными. Партия, которая довели страну до жесточайшего экономического, социального и политического кризиса, сохраняет свои командные структуры в государственных органах и не желает отпалываться от монополии на политическую власть. Попирая законы и нормы морали, руководство КПСС удерживает собственность, которая по праву должна принадлежать народу. Важнейшие решения первого Съезда народных депутатов РСФСР о суверенитете и власти в любое время могут быть заблокированы на основе решений XXVIII съезда КПСС — поднимая им, мы не сможем выполнять свои депутатские обязанности, наказы избирателей.

Все это диктует нам однозначный выбор. По моральным и политическим основаниям мы считаем, что оставаться далее в рядах такой партии невозможно.

Мы призываем всех сторонников демократического обновления страны к объединению в широкое общественное движение «Демократическая Россия». Предлагаем провести осенью 1990 года Демократический конгресс для создания широкой политической коалиции, способной защитить коренные интересы народов России.

Мы призываем к объединению демократов всех республик страны.

Москва, 14 июля 1990 г.

1. Адров А. Н. 70 т. о.
2. Алексеев Г. А. 384 т. о.
3. Амбарцумов Е. А. 53 т. о.
4. Анохин В. М. 464 т. о.
5. Арутюнов М. Г. 48 т. о.
6. Балала В. А. 337 т. о.
7. Белов В. И. 407 т. о.
8. Богаченко Н. В. 521 т. о.
9. Бондарев Г. С. 89 т. о.
10. Бочаров М. А. 17 т. о.
11. Вайнштейн В. Х. 56 н. т. о.
12. Варов В. К. 121 т. о.
13. Горбань С. Ф. 114 н. т. о.
14. Горелов Г. В. 83 т. о.
15. Госпорьян Ф. Г. 298 т. о.
16. Есков Ю. А. 91 т. о.
17. Захаров М. А. 13 т. о.
18. Зиновьев В. С. 119 т. о.
19. Золотухин Б. А. 46 т. о.
20. Иванюков Ю. П. 79 т. о.
21. Иконников В. И. 313 т. о.
22. Качанов О. Ю. 187 т. о.
23. Ким Е. Н. 735 т. о.
24. Клименко А. А. 574 т. о.
25. Кловгант В. В. 758 т. о.
26. Кожокин Е. М. 21 т. о.
27. Комчатов В. Ф. 59 т. о.
28. Кононов А. А. 31 т. о.
29. Копейка А. К. 20 н. т. о.
30. Косопкин А. С. 751 т. о.
31. Кузнецов В. М. 27 т. о.
32. Лукин В. В. 1 т. о.
33. Лысенко В. Н. 28 т. о.
34. Медведев А. Н. 29 т. о.
35. Михайлов С. А. 648 т. о.
36. Олейник В. И. 4 н. т. о.
37. Пехарская Т. К. 467 т. о.
38. Парамонов А. Р. 81 т. о.
39. Пехотин А. В. 666 т. о.
40. Ребриков В. А. 23 т. о.
41. Сидоренко Ю. С. 601 т. о.
42. Сурков А. П. 40 т. о.
43. Тарасов Е. А. 600 т. о.
44. Тихомиров А. И. 8 т. о.
45. Тихонов В. А. 198 т. о.
46. Травников В. И. 116 т. о.
47. Тумов М. М. 100 н. т. о.
48. Уткин А. К. 356 т. о.
49. Филатов С. А. 24 т. о.
50. Храмченков Ю. П. 421 т. о.
51. Шейнис В. Л. 47 т. о.
52. Ющенко С. И. 20 т. о.
53. Якименко М. Т. 219 т. о.
54. Яковлев В. Б. 110 н. т. о.

- Московская обл.
Иркутская обл.
г. Москва
Куйбышевская обл.
г. Москва
Воронежская обл.
Калининская обл.
Новосибирская обл.
Московская обл.
г. Москва
Новгородская обл.
г. Ленинград
Марийская АССР
Московская обл.
Брянская обл.
Московская обл.
г. Москва
г. Ленинград
г. Москва
Московская обл.
Волгоградская обл.
Краснодарский край
Ульяновская обл.
Пензенская обл.
Челябинская обл.
г. Москва
г. Москва
г. Москва
г. Москва
Приморский край
Челябинская обл.
г. Москва
г. Москва
г. Москва
г. Москва
Сахалинская обл.
г. Москва
Куйбышевская обл.
Московская обл.
Свердловская обл.
г. Москва
Ростовская обл.
г. Москва
Ростовская обл.
Московская обл.
Кавказский край
г. Ленинград
Кабардино-Балкарская АССР
Горьковская обл.
г. Москва
Калужская обл.
г. Москва
г. Москва
Приморский край
Коми АССР

Газета «Аргументы и факты», ксерокопия

Выход Ельцина из КПСС стал сигналом для многих демократов — членов партии... 14 июля появилось заявление 54 российских депутатов о выходе из КПСС... Теперь уже распад партии стал походить на обвал в горах.

Могло показаться, что это коллективное объявление о выходе из КПСС. Но нет, авторы излагали далее более замысловатую стратегию: «Мы не выходим из партии, как бы нас ни подталкивали к этому... Мы призываем всех коммунистов выходить из остающейся части КПСС, подключаться, как и иных беспартийных, к работе в “Демплатформе” и формированию новой партии, немедленно прекращать выплату членских взносов КПСС либо переводить их на счет “Демплатформы”». Как можно понять, «демплатформовцы» еще рассчитывали облегчить переток членов партии в их организацию, не выделяясь сразу же из официальных партийных структур. Но и это показалось слишком радикальным ряду сторонников «Демплатформы». Вслед за Шостаковским выступил Г. Гусев, который сказал, что это заявление не поддерживает большинство членов «Демократической платформы в КПСС»: на ее Всесоюзной конференции, состоявшейся перед XXVIII съездом, о решении выйти из партии заявили лишь 13,5%, бороться за демократизацию, оставаясь в партии до конца, решили 20,9%, а 54,6% обусловили свое окончательное решение исходом съезда. Поскольку большинство выдвинутых конференцией условий съезд выполнил, Гусев и его единомышленники остаются в партии создавать блок «Демократическое единство»⁴⁷.

Где было большинство «демплатформовцев», сказать трудно, но опрос, в выборку которого попала примерно половина делегатов XXVIII съезда, показал, что 19% из них были убеждены в неизбежности раскола. При этом 20% делегатов высказались за партию парламентского типа, 67% — за авангардную партию⁴⁸. Запущенный уже маховик продолжал раскручиваться. 14 июля появилось заявление 54 народных депутатов России о выходе из партии⁴⁹. Теперь уже распад партии стал походить на обвал в горах. Целые организации принимали решения о самороспуске. Согласно официальным данным, число членов и кандидатов партии за 9 месяцев 1990 г. сократилось с 19,2 до 17,7 млн человек, причем процесс этот резко ускорился как раз после XXVIII съезда⁵⁰. Он отражал общий сдвиг настроений в обществе. Опрос, прове-

денный ВЦИОМ на основе представительной выборки в первой половине июля 1990 г., показал: 64% респондентов не согласились с тем, что КПСС является единственной силой, способной вывести наше общество из кризиса, 74% сочли, что КПСС должна нести ответственность за свои ошибки на протяжении 70 лет советской власти, 80% — что КПСС должна поделиться своим имуществом с Советами и 51% предположили, что КПСС в ближайшее время распадется на несколько партий. Комментируя итоги опроса о съездах КПСС и КП РСФСР, Юрий Левада писал: «Сегодняшний виток кризиса партии — это кризис опаздывающих полумер, полуправды, полусвободы мысли и действия»⁵¹.

В конце года я направил письмо моим товарищам по институту, в котором изложил мотивы своего выхода из партии.

*Членам КПСС Института мировой экономики
и международных отношений АН СССР*

Уважаемые товарищи,

в связи с вопросом о моем членстве в КПСС <...> нахожу необходимым подтвердить свою подпись под коллективным заявлением о выходе из КПСС 54 народных депутатов РСФСР от блока «Демократическая Россия». <...>

Политическое развитие в стране за истекшие с тех пор месяцы еще более убеждает в том, что это решение было верным и, более того, единственно для меня возможным.

КПСС — не партия в обычном смысле, а конгломерат различных, подчас резко противостоящих, враждебных друг другу течений и платформ. Сохранять их противоестественное сожительство в одной партии, когда наше общество совершает наконец переход к многопартийной системе, не только сомнительно в нравственном отношении, но и политически бесперспективно.

Прошедшим летом, видимо, была упущена последняя возможность размежеваться с правоконсервативным крылом и преобразовать КПСС в левоцентристскую партию социал-демокра-

тической ориентации. Недостойная кампания лжи и фальсификаций, направляемая руководством КП РСФСР против проекта новой Конституции Российской Федерации, яростная борьба фракции «Коммунисты России» против всякого действительного шага вперед на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР, срыв экономической реформы, одобренной Верховным Советом РСФСР, не оставляют сомнений в том, перед чьим натиском отступают реформаторы из руководства КПСС, открывшие процесс перемен, и в каком направлении эволюционирует эта партия.

Я не являюсь противником социалистической идеи. В некоторых своих вариациях она внесла ценный вклад в мировую цивилизацию. Но мифология «социалистического выбора» и «коммунистической перспективы», стремление «консолидировать» левых и правых блокируют сегодня реальную демократизацию наших политических структур, переход к универсальному рынку, становление гражданского общества.

Я уважаю мотивы тех моих товарищей — членов КПСС, кто рассчитывает, оставаясь в рядах партии, способствовать ее прогрессивной эволюции, но убежден в том, что это — иллюзия. Настоящее единство демократических сил — тех, кто остается пока в партии, вышли из нее или никогда в ней не были, — может теперь складываться лишь вне официальных структур КПСС.

18.12.1990. В. Л. Шейнис

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чтобы оценить это, достаточно напомнить имена авторов программных документов: П. Струве на первом съезде, Плеханов и Ленин — на втором.

² *Коржавин Н.* Времена. — Франкфурт-на-Майне, 1976. — С. 304.

³ *Горбачев М.* Жизнь и реформы. — Кн. 2. — М., 1995. — С. 527.

⁴ Там же. — С. 526.

⁵ Заявление Московского партийного клуба от 28.06.1989. — Архив автора.

⁶ Записи автора на конференции партийных организаций Академии наук СССР 25—26.11.1989. — Архив автора.

⁷ Смена. — 1990. — 26 янв.

⁸ Марксистская платформа к XXVIII съезду КПСС. 14—15 апреля 1990 г. // Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: Сб. документѳв и материалов в 10 книгах. — Кн. 3. — М., 1992. — С. 150—156.

⁹ Исключение представила позиция большинства членов Координационного совета, выступивших во время августовских событий 1991 г. в поддержку ГКЧП.

¹⁰ Коргунок Ю. Г. Современная российская многопартийность. — М., 1999. — С. 97—98.

¹¹ «Сторонников “Единства” и Большевиcтской платформы можно охарактеризовать как священнослужителей “сталинского прихода”, — пишет Ю. Коргунок. — Большую их часть составляли “служители культа” — преподаватели истории КПСС и научного коммунизма, лекторы общества “Знание” и пр., т. е. представители профессий, относящихся к сфере псевдоумственного труда. Нигде, кроме тоталитарных режимов, такие специалисты востребованы не бывают, и потому любую попытку “секуляризации” общественной жизни они встречают таким сопротивлением, какое редко удается наблюдать даже со стороны самих низложенных правителей» (Коргунок Ю. Указ. соч. — С. 99).

¹² Формула из проекта решения партсобрания коммунистов ИМЭМО АН СССР от 23 ноября 1989 г. — Архив автора.

¹³ Партийные органы изготовились начать массовую «охоту на ведьм». Особенно рьяно за дело взялся ГлавПУР армии; на одном из совещаний его начальник Лизичев докладывал: выявлено столько-то сторонников «Демплатформы», исключено столько-то.

¹⁴ Проект, одобренный февральским Пленумом (Правда. — 1990. — 13 февр.); Программное заявление XXVIII съезда // Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985—1991. — М., 1991. — С. 32—45.

¹⁵ Правда. — 1990. — 6 февр.

¹⁶ Яковлев А. Омут памяти. — М., 2000. — С. 329.

¹⁷ Что предложил пленум ЦК КПСС. Запись в дневнике. — Архив автора.

¹⁸ Правда. — 1990. — 6 февр.

¹⁹ Как уже стало обычным на пленумах ЦК, поражает несоответствие того, с чем выступают видные члены ЦК, принятым решениям. Приведу некоторые выдержки из выступлений.

Е. К. Лигачев: «Нельзя, товарищи, не признать критику, что органы партии в центре и на местах порой запаздывают с политическими решениями и акциями по вопросам, волнующим людей. Да, это так. Но... порой обвинениями в запаздывании нас пытаются подтолкнуть к принципиальным уступкам, поспешным шагам... [Я] решительно против того, чтобы проект платформы ЦК к съезду в той или иной мере открывал даже щели для внедрения в социалистическое общество частной собственности». (Правда. — 1990. — 7 февр.).

В. К. Месяц: «...Кое-кто под предлогом плюрализма мнений в партии пытается навязать нам плюрализм своих далеко не бескорыстных целей и действий» (Правда. — 1990. — 6 февр.).

Ю. А. Прокофьев: «Политический плюрализм — не идейная всеядность. Время заигрываний прошло. Теряя идейное единство, партия теряет свою перспективу» (Правда. — 1990. — 6 февр.).

Б. В. Гидаспов: «ЦК нашей партии должен четко и определенно заявить в своей платформе, а не так, как это сделано сейчас, что только КПСС может выступать конструктивной, консолидирующей основой нашего государства, гарантом социалистического пути развития. Другого приемлемого выбора или другой альтернативы у нас нет» (Правда. — 1990. — 6 февр.).

²⁰ Горбачев М. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 532. В его воспоминаниях довольно подробно изложена закулисная сторона «этого предприятия».

²¹ Правда. — 1990. — 20 июня.

²² Сов. Россия. — 1990. — 20 июня.

²³ Там же. — 21 июня.

²⁴ Там же.

²⁵ Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 83.

²⁶ Горбачев М. Указ. соч. — С. 537—539. «Бес» явился Полозкову накануне ночью в лице Лигачева.

²⁷ Этот расчет не был совсем беспочвенным: Лобов все же получил 1056 голосов против 1396 за Полозкова.

²⁸ Вторым моментом после избрания Ельцина председателем ВС РСФСР стало не слишком впечатляющее голосование на III СНД СССР за избрание Горбачева президентом. Его поддержка на союзных Съездах быстро таяла. Так, на I Съезде за избрание Горбачева председателем ВС СССР проголосовали 2123 депутата (94,4% от общего числа депутатов и 95,1% от числа принявших участие в голосовании). Против голосовали 87 человек. Менее чем через 10 месяцев, на III Съезде за избрание его Президентом СССР было подано 1329 голосов (59,2% от общего числа депутатов и 70,8% от числа участвовавших в голосовании). Против — 495. Иными словами, каждый месяц Горбачеву отказывали в поддержке в среднем 80 депутатов (Первый Съезд народных депутатов СССР: Стенографический отчет. — М., 1989. — Т. 1. — С. 43, 109; Известия. — 1990. — 17 марта.

²⁹ Сов. Россия. — 1990. — 9 сент.

³⁰ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. — Т. 1. — М., 1991. — С. 55—101.

³¹ Там же. — С. 472—475. Последнюю довольно экстравагантную идею подхватил первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. М. Зюкин, предложивший съезду выступить инициатором «создания блока реформаторов вне зависимости от их партийной принадлежности» (Там же. — С. 486).

³² Горбачев М. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 550.

³³ XXVIII съезд КПСС... — Т. 2. — С. 295.

³⁴ Там же. — С. 391.

³⁵ До 412 человек (включая ранее избранных Горбачева и Ивашко) против первоначально определенного состава в 398 (XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. — 1990. — Бюл. № 13. — С. 92—128; Бюл. № 14. — С. 101—111).

³⁶ Подчитано мною по: XXVII съезд КПСС: Стенографический отчет. — М., 1986. — Т. 2. — С. 303—309; Ежегодник БСЭ. 1987. — М., 1987. — С. 548—599; Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 8. — С. 7—61; № 10. — С. 27—61; № 11. — С. 31—62; № 12. — С. 27—56.

³⁷ Подчитано мною по: XXVI съезд КПСС: Стенографический отчет. — М., 1981. — Т. 2. — С. 249—256; XXVII съезд КПСС... — Т. 2. — С. 303—309; Ежегодник БСЭ. 1981. — М., 1981. — С. 564—612; Ежегодник БСЭ. 1987. — М., 1987. — С. 548—599.

³⁸ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 8. — С. 4.

³⁹ Подчитано по: Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 7. — С. 77, 82—135; № 8. — С. 7—49.

⁴⁰ Горбачев М. Указ. соч. — Кн. 1. — С. 562.

⁴¹ Правда. — 1990. — 20 июня.

⁴² Эпоха Ельцина. — С. 93.

⁴³ Черняев А. Шесть лет с Горбачевым. — М., 1993. — С. 357.

⁴⁴ Интервью газете «Курир» 24.07.1990 // Россия сегодня... — С. 461.

⁴⁵ Яковлев А. Омут памяти. — С. 341.

⁴⁶ В круглом столе участвовали А. А. Беляев, Л. В. Карпинский, И. М. Клямкин, В. Л. Шейнис. В текст выступления, опубликованный в журнале, возвращены небольшие фрагменты из стенограммы (XX век и мир. — 1990. — № 11. — С. 10—3).

⁴⁷ Заявление «Демократической платформы» на XXVIII съезде КПСС «К коммунистам и гражданам страны». — Архив автора; XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. — Бюл. № 13. — С. 117—118.

⁴⁸ Аргументы и факты. — 1990. — 21—27 июля.

⁴⁹ Заявление приводится на с. 364—365 по тексту, опубликованному в газете (Аргументы и факты. — 1990. — № 29).

⁵⁰ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 12. — С. 81.

⁵¹ ВЦИОМ. В Кремле и «на улице». Данные опроса и комментарии. Июль 1990 г. — Архив автора.

глава 6

Конституционный процесс: первые шаги

Существовали три различных взгляда на старую французскую конституцию: одни полагали, что нация никогда не обладала конституцией; другие утверждали противоположное; некоторые, наконец, как это бывает во всех важных делах, придерживались промежуточного суждения: они допускали, что французы действительно имели конституцию, но что она никоим образом не соблюдалась.

Жозеф де Местр

НАЧАЛО РАБОТЫ

Исходным пунктом движения к новой Конституции стало создание на I СНД РСФСР Конституционной комиссии (КК). Она была избрана 12—16 июня 1990 г., рабочая группа немедленно приступила к работе, а уже 12 октября представила первый вариант проекта Конституции. Когда работа начиналась, комиссия располагала в качестве отправных точек своей деятельности, помимо мирового конституционного опыта, следующими документами.

Во-первых, чуть подправленной в «перестроечном» ключе Конституцией РСФСР 1978 г. — «дочерним» отпрыском «брежневской» Конституции СССР 1977 г. Пресловутая статья 6 (КПСС — «руководящая и направляющая сила», «ядро политической системы, государственных и общественных организа-

ций») к тому времени уже была исключена из союзной и российской конституций. Но ее многочисленные метастазы сохранились в тексте — социалистическая собственность как основа экономической системы, отсутствие ряда элементарных гражданских прав и т. д. В основе федеративного устройства была неотчетливо проявленная асимметрия составляющих частей (автономные республики, в отличие от краев и областей, именовались государствами). Государственную власть в центре представлял двухступенчатый квазипарламент. Едва ли не самым примечательным элементом этой Конституции была 104-я статья, гласившая, что Съезд «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР». Этот бастион защищали до самого конца, даже когда серией поправок в Конституцию был введен принцип разделения властей.

Во-вторых, на I Съезде (июнь 1990 г.) был принят ряд важных документов конституционного характера, прежде всего Декларация о государственном суверенитете. Она оказалась одним из первых юридически оформленных шагов к распаду СССР (хотя большинство проголосовавших за нее ничего подобного не помышляло). Но оценивать ее надо исторически, на фоне разновременности темпов демократических преобразований в разных

республиках, безволия союзного Съезда и разворачивавшегося контрнаступления антиперестроечных сил. Были сделаны и попытки разорвать связку партия-государство (постановлением «О механизме народовластия» и Декретом о власти, принятым Съездом только за основу).

В-третьих, важным источником Конституции был предсмертный документ академика Сахарова — его проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии¹. Он оказал серьезное влияние на первые шаги российских конституционалистов: то был серьезный прорыв в видении места нашей страны в мире, прав человека, отношений личности и государства, демократической организации государственной власти. Содержались в этом документе и далеко не бесспорные идеи. Сахаров предлагал уравнивать статус союзных и автономных республик, всех национальных образований в СССР, формировать одну из палат союзного парламента на основе национального (этнического), а не территориального представительства, ввести одноканальную налоговую систему (все налоги, собранные на территории республики, поступают сначала в ее бюджет).

Работа Конституционной комиссии Съезда продолжалась более трех лет. За это время на обсуждение были вынесены один за другим несколько вариантов Конституции. По структуре, концепции и содержанию они коренным образом отличались от всех советских конституций². В первом, ключевом разделе проекта российские конституционалисты уже в 1990 г. зафиксировали основы конституционного строя: государственный суверенитет, народовластие, человек и его права как высшая ценность (в противовес подчинению человека государству, «воле и интересам рабочих, крестьян и интеллигенции»), политический плюрализм, разделение властей, верховенство права и Конституции, социальное рыночное хозяйство, социальное государство и т. д. Большинство этих положений в несколько модифицированном виде вошли в ныне действующую Конституцию. Заключительные статьи раздела определяли положение Российской Федера-

ции в Союзе (Содружестве) суверенных государств, который должен был прийти на смену СССР, и в мировом сообществе³.

Две проблемы находились в центре дискуссий и в самой Конституционной комиссии, и в иных государственных и общественных институтах: федеративное устройство и организация федеральной власти.

Согласно ранним вариантам проекта Россия должна была представлять федерацию 15—25 республик (в ином варианте — земель), образованных путем слияния большинства из существовавших тогда 88 автономий, краев и областей. Республики (земли) должны были пользоваться равными правами и нести равные обязанности. Предусматривалась также возможность существования федеральных территорий, т. е. регионов, оставшихся дотационными. Они тоже могли получить равный с другими статус, доказав способность самостоятельно выполнять функции республики (земли), определяемые Конституцией, и участвовать в содержании федеральных органов. Замысел был заманчив, но надо признать, что переустройство такого масштаба представляло задачу совершенно неподъемную. Мы тогда не отдавали себе в этом отчет: казалось, все разумное осуществимо. Закрепляя за республиками широкую самостоятельность, проект четко фиксировал, что Россия — конституционная, а не договорная Федерация, базирующаяся на Конституции, одобренной гражданами, а не территориальными (тем более — не этническими) сообществами.

В рабочей группе изначально обозначились два подхода к построению федеральной власти. Сторонники каждого из них предполагали наличие сильного президента, получающего полномочия в результате всенародного избрания. Но расхождение по организации системы государственной власти в целом были столь велики, что общего подхода на данном этапе рабочая группа согласовать так и не смогла: раздел был представлен в двух вариантах. Первый из них, предложенный главой группы экспертов Валерием Зорькиным и поддержанный большинством депутатов — членов рабочей группы, получил условное название: «Президент — глава исполни-

тельной власти». Согласно этому варианту президент должен был возглавлять правительство, формировать аппарат федеральной исполнительной власти и руководить им. Должность председателя правительства не предусматривалась, министров президент назначал с согласия парламента и мог освобождать без такого согласия. В этом варианте вообще не было главы или даже статьи, посвященной правительству — его роль присутствовала лишь в описании президентских полномочий. Убежденный сторонник президентской республики, Зорькин настаивал на том, что только она может обеспечить в России необходимую политическую стабильность и вместе с тем баланс властей. «Взаимно не имея права роспуска и права обычной отставки (ропуска парламента и отставки правительства. — *В. Ш.*), — писал он, — парламента и президент вынуждены сосуществовать, согласовывать позиции и улаживать трения и возможные конфликты через институты и процедуры, предусмотренные Конституцией». Зорькин и его сторонники решительно отклоняли не только парламентарную, но и «полупрезидентскую» республику по французскому образцу: «она разделяет судьбу всех полумер и полувариантов»⁴.

Другой вариант под условным названием: «Ответственное перед парламентом правительство» отстаивали депутаты Леонид Волков, Револьт Пименов и я. Главу о высших органах государственной власти открывала статья, определявшая, что таковыми являются президент, парламента, правительство, Верховный и Конституционный суды, что «в соответствии с принципом разделения и уравнивания властей каждый из вышеназванных органов власти функционирует самостоятельно в пределах своих полномочий и взаимодействует с другими органами власти в строгом соответствии с Конституцией Федерации и ее законами». В этой концепции роль президента в формировании и деятельности правительства была ограничена: он представлял нижней палате парламента «кандидатуру главы правительства, одобренную группами, составляющими большинство в этой палате», которая была бы вправе, помимо утверждения мандата

председателя на формирование правительства, утверждать его состав, выражать доверие или недоверие правительству и отправлять его в отставку. Правительство, гласил этот проект, «ответственно перед парламентом Федерации и отчитывается в своих действиях перед президентом». Однако распустить парламент президент был не вправе. Выступая на заседании Конституционной комиссии в августе 1990 г., я говорил: «Если мы хотим создать сильный и независимый парламент, нам обязательно нужно исключить или крайне затруднить роспуск парламента, иначе как по истечении срока его полномочий»⁵. Кроме того, в этом варианте парламенту, его полномочиям и порядку работы было уделено значительно больше внимания: были разведены полномочия палат, а прохождение законопроектов должно было начинаться в нижней палате и лишь затем передаваться в верхнюю. Разъясняя нашу позицию, Волков писал: «Президент в нашей концепции — организатор работы власти... Это и должно обеспечить ее устойчивость, ее равновесие в условиях разделения властей»⁶. Впрочем, различие между этими двумя концепциями на первый план выйдет позднее, а в конце 1990 г. вопрос встал по-иному: быть или не быть новой российской Конституции вообще.

События развивались так. 31 августа прошло пленарное заседание Конституционной комиссии, на котором рабочая группа доложила результаты своей летней работы. Как дипломатично говорилось в итоговом сообщении, «материалы, представленные рабочей группой, были оценены в целом весьма высоко, однако высказывались альтернативные мнения как по общим принципам Конституции, так и по отдельным проектам разделов»⁷. После этого Олег Румянцев организовал выезд рабочей группы на правительственную дачу в Архангельское, где и был коллективно сочинен исходный вариант Конституции. Работа начиналась утром, а заканчивалась нередко за полночь, в перерывах же продолжалась дискуссия. Помню, задолго до «подъема» раздавался стук пишущей машинки из комнаты Пименова: он торопился закон-

читать очень яркую книгу о том, что предшествовало нашей работе: как Россия шла к Конституции⁸. Вклад его в наши «мозговые атаки» был неоценим. А жить ему оставалось два месяца...

С первых шагов КК выдающуюся роль в ее работе играли эксперты — известные ученые. Прежде всего Валерий Зорькин, Борис Страшун, Виль Кикоть, Леонид Мамут. Были и другие. В рабочей группе не было ни снобизма, ни деления на депутатов и экспертов. Дни, проведенные в Архангельском, вспоминаются сейчас как медовый месяц нашей комиссии. Были жаркие споры и даже обиды, но работа объединяла людей, убежденных в том, что заняты они, может быть, самым важным, неконъюнктурным делом. Казалось, еще несколько месяцев — и Россия получит новую Конституцию, здание которой, этаж за этажом, выстраивалось здесь⁹. Однажды состоялся десант «с того берега»: заехали познакомиться с нашей работой члены КК Сергей Бабурин, Николай Ведерников и Олег Тиунов, толком ни о чем не поговорили и уехали. Это не предвещало нашему проекту легкого продвижения¹⁰.

Первый бой был дан на пленарном заседании КК 12 октября, где рабочая группа представила уже не концептуальные наброски, а подготовленный за пять недель напряженной работы черне законченный проект. Часть членов КК приняла его в штыки. Основные возражения сводились к тому, что проект порывает с советской и социалистической традицией («Представленный нам текст проекта — это похороны советской системы»), страдает «юридическим романтизмом буржуазных времен XVIII—XIX века», чуть ли не воспроизводит американскую Конституцию, «устанавливает и провозглашает расчленение Советского Союза... реставрацию капиталистического строя», вводит «режим личной власти» и т. д.¹¹ Завершающее работу предложение Ельцина — принять данный проект «за основу с обязательной доработкой и учетом замечаний, которые высказаны и будут направлены письменно в адрес рабочей группы» — сочли слишком благожелательным. В окончательный текст постановления реши-

ли добавить: «за рабочую основу», и тогда его приняли 46 голосами против 11 при 2 воздержавшихся¹².

На следующее заседание, состоявшееся ровно через месяц, 12 ноября, рабочая группа представила проект, сохранивший основную концепцию, но юридически отработанный более тщательно. К этому времени стало уже более или менее очевидно, что наш проект не имеет шансов получить на Съезде две трети голосов. Критики документа предлагали вообще отказаться от принятия новой Конституции (общество-де к этому не готово) и заняться перекройкой старой. Становилось ясно, что если сейчас удастся принять новую Конституцию, то сделать это можно только через референдум. Но для того, чтобы подойти к нему, требовалась, как минимум, официальная публикация проекта. Поэтому его противники развернули борьбу на самых что ни на есть дальних подступах: они решительно воспротивились публикации. Решение о нем было принято с минимальным перевесом: 37 голосами против 33 при 32 отсутствовавших¹³. Противодействуя публикации проекта, наши оппоненты обеспечивали для себя «запас прочности»: ведь согласно действовавшей тогда Конституции принятие нового Основного закона и так было отнесено к исключительному ведению Съезда, только он же и мог принять решение о проведении референдума.

В борьбе против конституционного проекта рабочей группы его противники применили тактику, воспроизводившую излюбленные приемы большевистского режима. Как могли, блокировали и задерживали публикацию текста и одновременно разворачивали яростную кампанию поношения и искажений текста, людям неизвестного. В авангарде, естественно, шли руководящие органы КП РСФСР и ее газета «Советская Россия», клеймившая «похоронную команду», которая написала под видом новой Конституции «гимн беспамятству». «Конституции воров и грабителей» призывали «сказать нет». Истерику вызывало уже самое название государства, в котором не было слов «советское» и «социалистическое»¹⁴. Да, отвечал этим критикам член КК Федор Цанн-кай-

си, мы похоронная команда. А стремимся мы похоронить тоталитарную систему, закамуфлированную идеологическими декларациями, унитарное государство, официально именуемое федерацией, судебную-правовую систему с ее доминирующей карательной, запретительной функцией, экономическую систему с единственным работодателем — государством...¹⁵

По меньшей мере несвоевременной работу над российской Конституцией счел и Горбачев. Сославшись на известное высказывание Ленина, что сначала надо разобраться в общих вопросах, и признав, что «разработка новых республиканских конституций — дело важное», он ставил вопрос: «В каком положении мы окажемся и как будем искать согласие, когда на свет появятся 15 конституций?»¹⁶. Сообщение, конечно, резонное, но оно влекло за собой следующий вопрос: «Согласие — на какой основе?». Мимо него нельзя было бы пройти, если бы прорыв к демократической Конституции можно было осуществить на союзном уровне. Российские же конституционалисты — я говорю о настроениях в рабочей группе КК — видели свою задачу вовсе не в том, чтобы развалить Союз, а в том, чтобы заложить такие современные правовые стандарты, на которые вынуждены будут ориентироваться разработчики союзной Конституции. Разумеется, согласие, о котором говорил Горбачев, могло оказаться достижимым, если бы удалось сломить сопротивление коммунистических фундаменталистов, азиатских ханов и им подобной публики.

После того, как проект был опубликован тиражом в 40 млн экземпляров, в Конституционную комиссию хлынул поток писем, в большинстве своем одобрявших новую Конституцию, и предложений, многие из которых рабочая группа сочла весьма конструктивными и попыталась реализовать в последующих вариантах текста. С 21 января по 25 марта 1991 г. в КК поступило более 4 тыс. писем. 77% их авторов выразили поддержку проекту и лишь 23% — неодобрение ему¹⁷. Однако натиск со стороны коммунистов был так силен, а перспективы продвижения проекта в парламенте в складывавшейся ситуации столь малообещаю-

щи, что Ельцин и его ближайшие советники дрогнули: обсуждение проекта было снято с уже утвержденной в Верховном Совете повестки дня II Съезда, назначенного на конец 1990 г. Дальнейшее конституционное развитие пошло по альтернативному, более привычному, но чреватому серьезными осложнениями пути внесения поправок в Конституцию действующую.

ВЗГЛЯД ИЗ 1990 года¹⁸

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛЕНУМЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИИ

В свой проект мы заложили систему сдержек и противовесов, которые по отношению друг к другу выполняют важнейшие структуры государственной власти. На наш взгляд, необходима такая система, в которой власть президента, поддержанного большинством населения на всенародных выборах, уравновешивается властью парламента, представляющего основные политические силы страны в тех пропорциях, которые выявились на всеобщих выборах. В этом, собственно, еще не заключено различие вариантов «А» и «Б». Различие заключается в том, что по варианту «Б» основная ответственность за текущие вопросы государственного управления несет правительство, которое отчетывается как перед президентом, так и перед парламентом, которое может быть смещено по инициативе как президента, так и парламента, но по решению только парламента. <...>

Президент, который на время своих полномочий должен приостановить членство в любой политической партии, воплощает единство народа и преемственность государственной власти. В отличие от президента правительство формируется на базе парламентского большинства и уходит в отставку не только в тех, к сожалению, слишком хорошо знакомых нам случаях, когда оно оказывается профессионально непригодным, но и в тех случаях, когда в парламенте возникает иное большинство, поддерживаю-

щее другой политической курс. Иными словами, предлагаемый вариант дает наиболее гибкий и демократический инструмент воздействия подвижного общественного мнения и меняющегося соотношения сил в стране на политический курс государства.

Следует сказать, что в любой, в том числе в глубоко укорененной демократической системе всегда существуют две опасности, наряду с другими: опасность неустойчивости исполнительной власти и, соответственно, частая смена кабинетов — весьма нежелательный процесс; или вторая — автономия государственной власти, исполнительной власти по отношению к парламенту, автономия, которая может опираться на мандат президента, полученный в итоге всенародного голосования. Повидимому, полностью устранить каждую из этих опасностей невозможно, но учитывая исторические традиции нашей страны, авторы данного варианта считали особенно необходимым застраховать политическую систему от известной самостоятельности исполнительной власти по отношению к парламенту.

Теперь несколько слов о том, в чем заключается сила президента и сила парламента. Сила президента. Первое. В известном смысле он равновесен парламенту, поскольку избирается всеобщим голосованием. Второе. В отличие от правительства он не может быть смещен по политическим мотивам, единственное основание — умышленное преступное нарушение Конституции и законов государства, кстати, с очень сложной процедурой смещения. Третье. Ему предоставляется такой сильный инструмент воздействия на законотворческий процесс, как отлагательное вето. Четвертое. Он имеет сильные рычаги воздействия на кадровый состав исполнительной власти и прежде всего правительства. Пятое. Он контролирует вооруженные силы в качестве верховного главнокомандующего. Шестое. В чрезвычайных ситуациях, созданных внешними или внутренними обстоятельствами, он принимает безотлагательные решения с далеко идущими последствиями. Такие решения, как мобилизация, введение чрезвычайного положения и т. д. И, наконец, в-седьмых. Он

определяет фигуру вице-президента, выполняющего ряд важных государственных функций.

Теперь несколько слов о парламенте. В чем заключается сила парламента? Во-первых, в руках парламента сосредоточена вся полнота законодательной власти: только он издает законы, только он дает им окончательное аутентичное и общеобязательное толкование; ему же принадлежит высшая контрольная власть в стране. Во-вторых, парламента определяет состав, судьбу и долгожитие правительства и отдельных министров. В-третьих, он утверждает или отклоняет решения президента, принятые в чрезвычайных обстоятельствах. В его руках окончательное решение по вопросам войны, мира и чрезвычайного положения. Четвертое. Он является высшим распорядителем государственных финансов. Пятое. Он принимает окончательное решение по всем проблемам федеративного устройства и международных отношений. И шестое. Ему принадлежит ключевая роль в процессе возможного смещения президента.

Мне хотелось бы в заключение сказать следующее. Помимо тех прерогатив, которые предоставлены парламента, в обоих конституционных вариантах предусматриваются достаточно прочные гарантии устойчивости и независимости парламента. Эти гарантии следующие. Первое. Его выборы производятся в точно установленном в Конституции временном интервале и никем не могут быть отменены или отложены. Второе. Созыв вновь избранного парламента осуществляется по праву, в заранее оговоренный срок. То есть созыв парламента не зависит от чьей бы то ни было воли. В-третьих, он не может быть распущен досрочно никем, кроме как самим собой, причем принятое в исключительной ситуации решение о самороспуске одной палаты не влечет за собой принудительный роспуск другой палаты. И, наконец, парламента в наших обоих проектах представляет собой постоянно работающий орган, а пленарные заседания парламента могут быть созданы по требованию меньшинства.

**«СМОЖЕТ ЛИ ГОСУДАРСТВО УКАЗОВ
ПРИНЯТЬ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДУШ?»**

Наша Конституция отличается от предшествующей по крайней мере по трем параметрам. Во-первых, она деидеологизирована. Некоторые участники прошедшего заседания Конституционной комиссии РСФСР видели в этом дефект. На мой взгляд, это преимущество. Дискутировать о капитализме и социализме можно, но это — не дело Конституции, ведь она нацелена на общечеловеческие ценности. Во-вторых, Конституция современна. Было предложение, кстати, просто перевести Конституцию США. Но при всем почтении к отцам-основателям США, думаю, их Конституция для нас не подходит, потому что этот документ возник в конце XVIII века и исходил из реалий североамериканских колоний. Нам же нужна Конституция, предполагающая современное устройство государственной власти. Здесь важнее опыт тех стран, которые в последние 10 лет переходили от авторитаризма к демократии, таких, как Испания, Италия, Бразилия. В-третьих, мы пытались сделать Конституцию работающей — законом прямого действия. По возможности мы не оставили декларативности в проекте. Самая декларативная часть нашей Конституции — суверенитет. По карману ли он нам сейчас? Да, если Россия начнет жить по средствам (кстати, вместе с армией). Ведь если армия будет лишь защищать суверенитет республики, а не имперскую политику, как сейчас, то и расходы на нее сократятся. И потом нужно создавать структуры, компенсирующие своим профессионализмом затратные функции армии. Вместо отправки призывников в зоны национальных конфликтов нам гораздо дешевле обошлось бы посылать туда профессиональные отряды, чтобы не получать обратно гробы.

В общем, давайте договоримся об основном принципе: Россия сама решает проблемы своих граждан, так же как и то, с кем ей объединяться в союз, сообщество или содружество. Последнее решат республики. А проект нашей Конституции намеренно

оставляет открытыми все вопросы, которые призван урегулировать новый Союзный договор.

«СЕЗОН «ОХОТЫ НА ВЕДЬМ»»

В последние дни руководители, официальные инстанции и печать Коммунистической партии РСФСР развернули ожесточенную кампанию против не опубликованного еще проекта новой Конституции Российской Федерации, одобренного Конституционной комиссией в качестве рабочей основы. Тема борьбы против этого проекта была одной из главных на недавнем пленуме ЦК и ЦКК КП РСФСР и вошла в его постановление.

Я ни в коей мере не хотел бы поставить под сомнение право российской компартии заниматься критикой конституционного проекта или даже отвергать его в целом. Более того, это даже полезно, ибо проясняет позиции и позволяет гражданам нашей республики по достоинству оценить, кто есть кто. Два обстоятельства, однако, вызывают тревогу.

Первое — стиль критики. Авторы проекта Конституции причислены к так называемым «антисоциалистическим силам». В конце XX века более чем когда-либо прежде понятие «социализм» и в теоретическом, и в политическом отношении стало одним из самых размытых, неопределенных понятий. О своей приверженности социализму в совершенно различных, по существу противоположных интерпретациях заявляют китайские руководители, Саддам Хусейн и лидеры Социнтерна. Претензии руководства КП РСФСР на монопольное знание того, что есть социализм и что представляет для него угрозу, по меньшей мере чрезмерно амбициозны.

Напротив, понятие «антисоциалистические силы» в отечественном лексиконе имеет четкую привязку. Это из незабытого арсенала «охоты на ведьм». Кампания против «антисоциалистических сил» в Чехословакии в 1968 г. была идеологической прелюдией и оформлением вторжения войск Варшавского Договора в мирную страну. Если поставить атаку, которую

развертывают руководители КП РСФСР, в связи с недавними угрожающими выступлениями ряда видных военных, с ультиматумом, предъявленным президенту СССР депутатом В. Алкснисом на сессии Верховного Совета СССР, картина вырисовывается довольно зловещая. В нашем обществе накопилось довольно много озлобления и ожесточения, и подбрасывать поленья в костер — занятие безответственное и малопочтенное.

Второе — преднамеренное искажение смысла конституционного проекта, которому приписывают стремление восстановить «капитализм в его первобытной форме», ввести тоталитарное государство с псевдodemократическим фасадом. Не могу допустить, что лидеры российской компартии настолько необразованы, чтобы не понимать, чем отличаются предложения конституционного проекта от «дикого» капитализма и тоталитаризма. Трудно также поверить, что они настолько заняты текущей работой, чтобы не ознакомиться с действительным содержанием этого проекта, в котором недвусмысленно записано: «Никакая часть народа, никакая организация и отдельная личность не могут присвоить власть в государстве. Узурпация власти является тяжчайшим преступлением». Вероятнее всего, речь идет о сознательной фальсификации, преследующей весьма неблагоприятные цели. Любому здравомыслящему человеку очевидно, что нападки и ярлыки не служат делу, отнюдь не помогают выработать ту Конституцию, которая нужна республике.

<...>

Мы предложили назвать республику Российской Федерацией. Исключение слов «советская» и «социалистическая» из названия государства имеет под собой достаточно веские основания. Во-первых, сегодня понятие социализма еще менее ясно, чем 10—20 лет назад. Во-вторых, можно ли наше общество называть социалистическим? На этот счет существуют разные точки зрения. Стоит ли одну из них фиксировать в Конституции? Самое же главное — мы не считаем, что Конституция должна отражать идеологические борения и стереотипы. Несомненно, проблема

социализма будет обсуждаться в нашем обществе и далее. Но это — не предмет юридического документа, который призван зафиксировать основы нашей общественной жизни.

Несколько сложнее ситуация с советами. По моему мнению, советская власть в нашей стране — это один из мифов, которые прочно вошли в общественное сознание. В том виде, как ее описал В. И. Ленин в своих известных работах, эта модель осталась практически непримененной. Ее нигде и никогда не было, в лучшем случае она существовала в каких-то зачаточных формах до середины 1918 г. После этого попытки осуществить данную теоретическую модель были по существу оставлены. Ход общественного развития опроверг основные, фундаментальные характеристики модели, которая некогда казалась столь многообещающей. Конкретно речь идет о неразделенности властей — законодательной, исполнительной и судебной, непостоянном, часто сменяемом и по преимуществу непрофессиональном составе представительных органов, выборах в основном по производственному признаку, классовом характере представительства в этих органах и т. д.

Мы, конечно, привыкли к названию «Советы» по отношению к парламентским или местным органам власти. Дело, однако, не в названии, хотя, возможно, другие варианты в большей степени отвечали бы нашему стремлению создать у себя государственные институты, которые были выработаны на долгом и трудном пути развития цивилизации. Я подчеркиваю: то, что представляет завоевание цивилизации в целом, безотносительно к тем или иным сменявшим друг друга социально-историческим формациям. Отработав в экономике рынок, мировая цивилизация создала в сфере политики плюралистическую демократию, парламентские учреждения, муниципалитеты, принцип разделения властей, сдерживающих и уравновешивающих друг друга, и т. д. Можно, конечно, все это называть Советами, хотя такое название будет очень неточным. Но основной вопрос состоит в том, в какой мере создаваемые органы власти будут в действи-

тельности отражать соотношение общественно-политических сил и выражать общественные настроения.

Нас обвиняют в том, что мы стремимся сосредоточить чрезмерную власть в руках президента, делаем из него чуть ли не абсолютного монарха. Нет ничего более далекого от действительности. Мировая практика показывает две главные формы государственной организации республиканского строя — президентская и парламентская республика. В публикуемом проекте присутствуют оба варианта, поскольку единого подхода по этому вопросу не удалось согласовать даже внутри рабочей группы. Президентский вариант обеспечивает устойчивость правительства. В свою очередь, правительство, ответственное перед парламентом, более строго отражает изменение соотношения сил в стране. <...>

Принципиально важным мы считаем разделение властей, создание системы сдержек и противовесов. Отдельные власти должны быть самостоятельными в своих сферах, влиять одна на другую и уравнивать друг друга. Итак, не Советы, будто бы располагающие всей полнотой власти, а распределение власти между законодательными, исполнительными и судебными органами — одна из центральных идей проекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сахаров А. Д. Тревога и надежда. — М., 1990. — С. 262—276.

² Публикации полного текста первого варианта проекта см.: Конституц. вестн. — 1990. — № 4. — С. 55—120; Россия. — 1990. — 29 нояб.; Аргументы и факты. — 1990. — № 47.

³ Торжественные слова преамбулы «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, объединенный исторической судьбой и жизнью на этой земле...» встречали аплодисментами в аудиториях, где мне приходилось в то время рассказывать о нашей работе.

⁴ Зорькин В. Д. О президенте в конституционном строе Российской Федерации // Конституц. вестн. — 1990. — № 2. — С. 50—51.

⁵ Конституц. вестн. — 1990. — № 1. — С. 54.

⁶ Там же. — С. 51.

⁷ Там же. — С. II—III.

⁸ Первый том этой замечательной работы [Происхождение современной власти. — Кн. I. Россия в борьбе за конституцию (1855—1905), кн. II. Россия конституционная (1906—1917). — М., 1996] мне удалось издать благодаря поддержке И. П. Рыбкина, высоко ценившего Пименова. Второй том [«Россия без центральной власти (1917—1921)». — СПб.; Сыктывкар, 1998] издали вдова и сын Пименова.

⁹ «Подготовка и принятие новой конституции, безусловно, является стратегической задачей по реальному созданию суверенного Российского государства», — говорил Ельцин, открывая августовское заседание КК (Конституц. вестн. — 1990. — № 1. — С. 1).

¹⁰ Выступая позднее на заседании КК, Бабурин скажет: «Когда я начал знакомиться с подготовленным проектом конституции, у меня было такое чувство, что я погрузился в какой-то ночной кошмар... Высокий научный уровень членов рабочей группы сыграл со мной злую шутку. Тот документ, который мы рассматриваем сегодня, может быть, был бы прекрасной конституцией необитаемого острова, заселенного колонистами, но это не может быть документом государства, имеющего многовековую историю...» (Конституц. вестн. — 1990. — № 3. — С. 18).

¹¹ См. выступления С. А. Глотова, С. Н. Бабурина, Ю. М. Слободкина (Там же. — С. 12—14, 18—19, 20—21).

¹² В другом проекте постановления, внесенном Гловым, содержалась замечательная своей двусмысленностью формула: «Одобрить деятельность рабочей группы КК... предложенный вариант за основу не принимать» (Там же. — С. 36—42). Напомню, что в состав КК было избрано 102 депутата.

¹³ Там же. — 1990. — № 4. — С. 52—54.

¹⁴ «Теперь мы убеждаемся, — говорил один из участников совместного пленума ЦК и ЦКК КП РСФСР, — что проект антисоциалистической Конституции, которая ни русским, ни советским духом и близко не пахнет, представляет по существу попытку американизированного государственного переворота, является логическим завершением рыночной реформы» (Сов. Россия. — 1990. — 2, 13, 16, 17 нояб.; Конституц. вестн. — 1990. — № 5. — С. 8).

¹⁵ Призыв. — 1990. — 16 нояб.

¹⁶ Правда. — 1990. — 11 дек.

¹⁷ Документ КК «Сведения об обработке писем и предложений...». — Архив автора.

¹⁸ Я воспроизвожу здесь мое выступление на III пленарном заседании КК (Конституц. вестн. — 1990. — № 3. — С. 10—12) и статьи, отстаивающие позиции рабочей группы (Моск. комсомолец. — 1990. — 16 окт.; Россия. — 1990. — 29 нояб.).

глава 7

Эскалация конфликтов

Через тумбу-тумбу — раз!
Через тумбу-тумбу — два!
Через тумбу три-четыре
Спотыкаются...
Студенческая песня

ВЗГЛЯД ИЗ 1990 года. РОССИЙСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА: УТОПИЯ ИЛИ ПУТЬ К СОГЛАСИЮ¹

В 1981 г. в Польше говорили: есть только два выхода из жестокого кризиса. Фантастический: Господь Бог спустится на землю и устроит все наши дела. Совершенно невероятный: мы это сделаем сами.

Известно, что произошло потом: 1981 г. — «война» государства против общества; семь лет, потерянных в безуспешных попытках старой власти вывести страну на новый путь; 1989 г. — смена не только декораций, но и актеров на политической сцене; 1990 г. — выход за пределы порочного круга. Чтобы на Маршалковской выстроились прилавки с невиданным товарным изобилием, хотя и с кусающимися ценами, нужны были два фундаментальных политических условия: прежние польские руководители

оказались способны признать оппозицию равноправным партнером и отдать народу решение вопроса о власти, а оппозиция, пережив нелегкие годы, доказала свое влияние и укорененность в обществе. Выход нашли в компромиссе, серьезно понизившем остроту общественного конфликта.

У нас конфликтность развития обостряется с каждым годом, а теперь уже и с каждым месяцем. Если спроецировать в будущее тенденции, которые нарастали в экономике, в международных и социальных отношениях, учесть падение авторитета всех властей, в том числе и новых советов, нарастающее отторжение от политики потянувшихся было к ней людей, то не столь уж невероятными покажутся самые зловещие предсказания. Запас устойчивости в обществе, сказано не раз, на пределе; за ближайшим, именно ближайшим, а не дальним поворотом нас ждут голод, резня и диктатура или же сразу диктатура, которая будет бороться с голодом карточным распределением скудных благ, а с неорганизованной резней — «упорядоченными» репрессиями.

Нет, возражают оптимисты: в стране, пережившей крушение коммунистической утопии и мучительно затянувшуюся атрофию органов тоталитарного государства, вдохнувшей глоток свободы и прикоснувшейся к технической цивилизации, дикта-

тура не сможет решить ни одной из действительных проблем и потому не будет долговечной

Все так. Но потенциальные организаторы и идеологи антиконституционного переворота этого не знают и в это не верят. Чтобы завтра не пришлось размышлять, как свергать диктатуру, надо сегодня найти пути преодоления или, по меньшей мере, смягчения кризиса.

Нас подталкивает к пропасти и резко возросшее ощущение неизбежности катастрофы, надвигающейся вместе с холодной и голодной зимой. Это ожидание не только порождает психологический дискомфорт, но и становится мощным политическим фактором. Точно по эффекту Эдипа: несчастье свершается потому, что оно предсказано, предсказание само определяет поведение участников драмы.

Чтобы отвести беду, нам нужна сильная и авторитетная власть, заинтересованная в реформе и способная целеустремленно ее проводить. Такую власть нельзя вольно сконструировать по идеальному чертежу. Ее можно образовать, лишь идя от существующего расклада сил.

К лету 1990 г. в Центре нашего государства сложились две конкурирующие системы власти: союзная и российская. В течение нескольких месяцев они с переменным успехом занимаются перетягиванием каната, лишь эпизодически зондируя возможность компромисса.

Стереотип расхожего «демократического» сознания рисует союзную власть как главный бастион партократии и военно-промышленного комплекса, защитники которого едины в неумной жажде власти и не остановятся ни перед чем в отстаивании собственных привилегий и непоколебленных основ существующего порядка.

Инициаторы перестройки — группа реформаторов во главе с Михаилом Горбачевым — политическую ситуацию оценивают совершенно иначе. Они видели, как во всех странах Восточной Европы сходили с политической сцены коммунистические лиде-

ры — как противники, так и сторонники реформ, и рассчитывают избежать их судьбы. Себе они отводят роль гарантов мирного и направляемого характера переходного процесса, выразителей «усредненных» общественных интересов. Претендуя на «равноудаленность» от левых и правых, они не хотят признавать, что события все более вырываются из-под их контроля. Справедливости ради надо заметить, что их претензии на центровое положение не обходятся без политического лукавства. Главные удары неизменно наносятся по неуправляемым и непочтительным левым. Силы же, стоящие справа от реформаторов, социально и генетически им близки, а главное — пока управляемы, хотя на каждом из последних партийных форумов консерваторы учиняли по нарастающей «бунты на коленях» против руководства.

Тем самым наиболее комфортные политические условия складываются для правых сил: ни левые, занятые борьбой с Горбачевым и поднимающие планку своих требований к Центру (раз президент против отставки правительства — в отставку президента!), ни Центр, раздраженный натиском левых, не придают должного значения тому, как быстро идут перегруппировка и консолидация в правом лагере. На учредительном съезде РКП правые предъявили заявку на создание собственной политической структуры, автономной по отношению к Центру. Их достижение, правда, в значительной мере девальвировано тем, что центр тяжести своей власти Горбачев и его сотрудники переносят из партийных в государственные структуры, а престиж партии в обществе стремительно падает. Но они пытаются компенсировать эти потери, все более смыкаясь с правыми неформалами от «Памяти» до ОФТ и внедряясь в структуры армии и КГБ.

Если центр и правые, Горбачев и Полозков заодно, то левым не остается ничего иного, как, опираясь на позиции, завоеванные ими в республиках, в крупных промышленных городах, вести борьбу за ослабление власти союзного Центра — президента и правительства, добиваться роспуска контролируемых

ими Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР. Но даже при такой диспозиции надо учитывать побочные последствия эскалации конфликта.

Внепарламентское давление на власть, будучи законным, а подчас и самым эффективным орудием борьбы, при неумном его применении дестабилизирует ситуацию, разжигает озлобление в массах... и обеспечивает трибуну крайним течениям.

Добившись избрания Ельцина на ключевой государственной пост в России, демократы сумели изменить политическую атмосферу в российском парламенте, принять ряд важных законоположений и подтолкнуть процессы демократического обновления в других республиках. Но возможности и целесообразность использования парламентских позиций для заострения конфронтации с центром не стоит переоценивать. Не имея большинства, демократы не раз проводили свои предложения, опираясь на авторитет выдвинутого ими популярного лидера. Недавняя авария на Тверской², по счастью не имевшая тяжких последствий, напомнила, сколь уязвимо нынешнее соотношение сил в расколотом российском парламенте.

Демократам удалось повести за собой парламентское большинство, подняв знамя суверенитета России. Это сильный и популярный лозунг, но суверенитет можно защищать с демократических позиций, а можно — с национал-патриотических, изоляционистских и т. д. Амальгама разных течений, отстаивающих суверенитет, как показал опыт ряда республик в Союзе и в самой России, может привести к тому, что борьба за суверенитет приобретет самодовлеющее значение и выхолостит его демократическое содержание.

Самое же главное заключается в том, что проведение прогрессивных решений в российском парламенте далеко еще не гарантирует их исполнения. Авторитет власти и власть авторитета находятся в разных местах и во многом блокируют друг друга. Теоретически можно допустить, что в итоге острого противостояния Россия политическими средствами утвердит свой суве-

рениет и снимет пресс, которым давят на нее союзные власти, заведет свою армию, разберется с ракетно-ядерным потенциалом и т. д. Применительно к известной программе «500 дней», если ее придется проводить отдельно от Союза, это означало бы собственную валюту, налоговую и кредитно-банковскую систему, таможи и пограничные посты по всему громадному периметру республики: в противном случае ее экономическая самостоятельность будет прорвана, как некогда континентальная блокада Наполеона.

Практически за тот короткий срок, на который новая российская власть получила кредит доверия, осуществить все это нельзя. На прошедших выборах демократы побеждали на волне антиаппаратных настроений. Но теперь они сами приобщены к власти и несут ответственность за положение в республике. Их деятельность будет оцениваться не по остроте критических эскапад в парламенте или на площадях, а по способности создать условия, при которых люди сумеют себя накормить и одеть.

Общий кризис нашего общества стремительно обостряется, но все же, мне кажется, поезд еще не ушел. В политическом заявлении, с которым Ельцин выступил перед ВС РСФСР 16 октября, впервые с предельной ясностью обозначились два полярных варианта дальнейшего развития событий (третий не в счет, ибо означает лишь отсрочку выбора между двумя первыми). Либо Россия станет выходить из-под власти союзных политических структур, либо Центр и Россия предпримут энергичные совместные действия на базе общей программы, непременным условием которых является принципиальное изменение соотношения сил в Кремле, действительное его размежевание со Старой площадью.

Первый вариант крайне нежелателен не только потому, что за ним — изнурительная борьба. Вне зависимости от исхода в ней неизбежны тяжкие потери с обеих сторон, ибо в одном лагере центр тяжести будет смещаться в пользу правых, имперских сил, а в другом — неизбежно истощение политических и моральных ресурсов.

Слово теперь за президентом и его ближайшими сотрудниками, которым предложения Ельцина оставляют пространство для политического выбора. Я не разделяю распространенного в левых кругах убеждения, что реформаторские потенции Центра, сложившегося вокруг Горбачева, исчерпаны, что он все, что мог, уже совершил. На мой взгляд, он повинен в другом — в оттяжке решительного выбора.

Можно предположить, что в основе колебаний Центра, которые раздражают всех, — два иллюзорных представления. Во-первых, миф о всеобщей консолидации — от правых до левых. В нашем глубоко расколотом обществе это уже невозможно. Во-вторых, иерархический взгляд на отношения Центра и республик.

Создание левоцентристской коалиции, восстановление доверия между силами, поддерживающими Горбачева, и идущими за Ельциным, на данном этапе — единственный практичный способ деэскалации конфликтов, мирного преодоления трудного рубежа. В этом союзе объективно заинтересованы и левые, и центристы, ибо каждая сторона могла бы внести в общее дело то, чего нет у другой. Демократы — поддержку политической активной части общества и немалый интеллектуальный потенциал, президент и его сторонники — реальный контроль над армией, КГБ и МВД, воздействие на союзный аппарат экономического управления, влияние на процесс дифференциации в партии, все еще правящей на обширной территории страны.

Не всеобщая консолидация — в нашем глубоко расколотом обществе она невозможна, а документально зафиксированная договоренность между разными равноправными и самостоятельными политическими силами об общих целях и совместных действиях. Не преодоление конфликтов — это тоже иллюзия, а признание правил цивилизованной политической борьбы и образование механизма согласования политики в форме, скажем, круглого стола. Формирование коалиционного правительства на межпартийной основе. Создание широкой внепартийной и надпартийной организации левых сил, способ-

ной преодолеть их фрагментарность и взаимное соперничество. Ибо уйди сегодня правительство Рыжкова в отставку, на смену ему демократическая оппозиция могла бы выдвинуть в лучшем случае композицию, составленную из профессионалов (как это и произошло в России), но никак не теневой кабинет, специально подготовленный на партийно-политической основе. Так в общих чертах видится выход из кризиса, может быть, самого опасного с 1917 г.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ. НАПРЯЖЕНИЕ НАРАСТАЕТ

Ельцин — Горбачев: продолжение дуэли

Таким представлялся мне тогда наиболее благоприятный, наименее болезненный вариант дальнейшего развития. Мог ли он осуществиться? Или иначе: был ли он заведомо исключен? Я так не думаю и сейчас, хотя против него работали и субъективные, и объективные факторы. И потому реализовался вариант пусть не единственно возможный, но наиболее вероятный — катастрофический выход из коммунистической системы.

Агрессия, с которой Ельцин, едва завоевав высший государственный пост в России, повел борьбу за перераспределение власти, очевидна. Личный компонент здесь, несомненно, присутствовал. Даже при взгляде со стороны поражала та неосмотрительность, с которой Горбачев продолжал публично подвергать своего оппонента невыносимым унижениям. Достаточно вспомнить, как обсуждалась на сессии Верховного Совета СССР в октябре 1989 г. темная история с «купанием» Ельцина в Москве-реке, и то был не единственный эпизод. Такое не мог бы забыть и простить и менее самолюбивый и памятливым человек. Но все это лишь окрашивало разгоравшийся конфликт, а не составляло его суть.

Летом 1990 г. было уже очевидно противостояние двух конгломератов социально-политических сил. С одной стороны — старая советская бюрократия, вынашивавшая планы политического

реванша, и склонившиеся на ту же сторону — по разным причинам — умеренные реформаторы. С другой — поднимающаяся, в значительной мере еще формирующаяся и постепенно превращающаяся из «класса в себе» в «класс для себя» новая бюрократия, рекрутируемая как из номенклатуры второго и задних рядов, так и из интеллигенции, приведенной во власть потоком перемен. В союзе с нею (но не у власти) выступила собственно демократическая интеллигенция — организаторы митингов и избирательных кампаний, ставшие и не ставшие депутатами, добровольные эксперты и помощники, журналисты, лидеры и кумиры общественного мнения. Надо признать, что демократы не сразу и не в полной мере осознали неоднородность того лагеря, в котором они оказались не более чем эшелоном поддержки, каким незадолго до того они были у партийных реформаторов.

Логика политической борьбы привела к тому, что продолжение демократических процессов — как виделось нам тогда и как в известной мере было на самом деле — оказалось спаянным с поддержкой Ельцина и развитием устремлений, уже заложенных в Декларации о суверенитете. Многое (хотя и не все) во второй половине 1990 г. зависело от переговоров, которые обречены были вести лидеры Союза и России. Формально глава и представитель российского парламента имел дело с главой иной ветви власти, но фактически торг разворачивался между предводителями двух политических армий, каждый из которых мог опереться на поддержку только части «своего» генералитета. Разломы в политической элите и в обществе не пощадил ни один из противостоящих конгломератов — об этом речь впереди. Но в фокусе главного конфликта, отодвинувшего на время все остальные, стояли отношения Ельцина и Горбачева. Камнем преткновения был вопрос о переделе власти. Нелегко было бы найти двух менее подходящих друг другу переговорщиков. Многочасовые встречи двух лидеров — в августе и ноябре — заканчивались «худым миром», но, разойдясь, переговорщики обвиняли друг друга в нарушении условий, будто бы уже согласованных³.

16 октября Ельцин выступил с программной речью в ВС РСФСР, в которой очень жестко обозначил развилку: либо Россия немедленно сама начинает экономическую реформу (а для того вводит собственную валюту, организует независимую банковскую систему, устанавливает таможи на границах), либо власть в Центре перестраивается на основе реальной коалиции. Ультиматум, правда, был чуть смягчен реверансом: «по принципиальным вопросам мы с президентом идем в одном направлении... расходимся преимущественно по тактическим вопросам»⁴, но это теперь уже никого не обманывало. На заседании Президентского совета, состоявшемся на следующее утро, Крючков и Лукьянов настаивали на «жестких мерах», а Рыжков, ставший главным объектом критики со стороны демократов, на высоких тонах требовал поддержки⁵.

«Перетягивание каната» между союзными и российскими властями происходило на трех направлениях. Первое: когда и на каких условиях может быть подписан Союзный договор, подготовка которого стала теперь для Горбачева приоритетным делом. Нет, возражает Ельцин, сначала признайте Декларацию о суверенитете России, подпишите соглашения о разделении функций и передаче собственности⁶. Второе: каким должен быть этот договор. «Для старого центра, — формулирует Ельцин это расхождение, — неприемлем главный принцип суверенитета — делегирование республиками центру части строго определенных функций... Развал старого центра объективен и исторически неизбежен»⁷. Договор, полагает он, будет вырастать из двусторонних межреспубликанских соглашений, к заключению которых Россия уже приступила. Дальше — резче: «Диктовать условия должны республики»⁸. Нет, возражает Горбачев, «за Союзом должен быть сохранен достаточно широкий круг полномочий, чтобы он мог выполнять свои функции и быть полезным республикам»⁹. Третье: реорганизация союзного правительства. Уже в конце августа — начале сентября сначала Ельцин, а затем ВС РСФСР потребовали отставки правительства Рыжкова. Речь шла

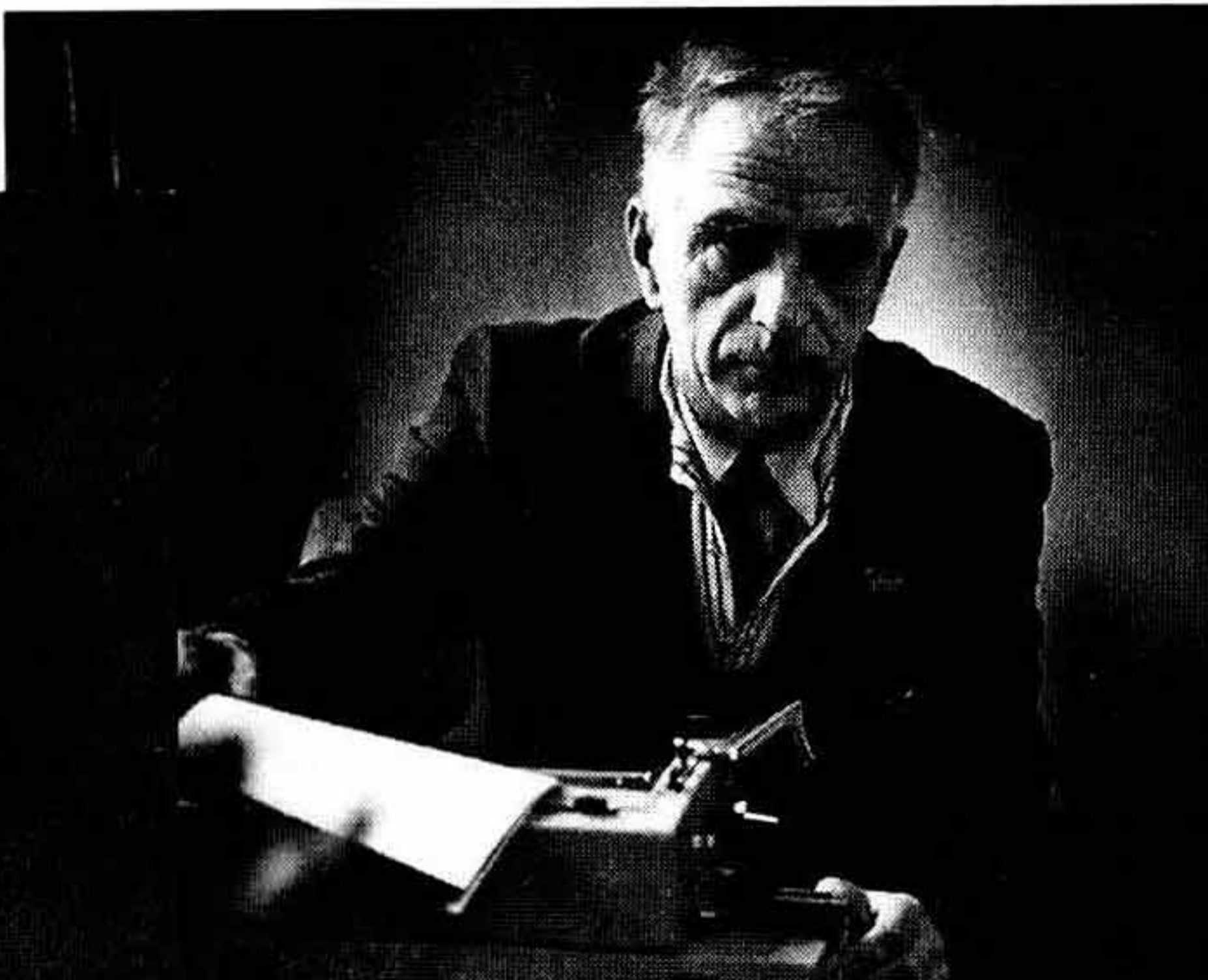
не только о замене лиц, но и о смене принципа его образования. Правительство, настаивал Ельцин, должно стать коалиционным, формироваться на паритетных началах. Часть кандидатов предлагает президент, часть — мы, сторонники реформ», — говорит он под аплодисменты депутатов¹⁰. Излагая позже Верховному Совету РСФСР содержание своих переговоров с Горбачевым, Ельцин уточняет позицию: «На много должностей до совета с вами я не претендовал, но пока что в предварительном порядке высказал пожелание, чтобы мы могли предложить кандидатуры на посты председателя Совета министров, министра обороны и министра финансов»¹¹. Передача этих трех — только трех, но каких! — постов оказалась абсолютно неприемлемой для союзной бюрократии, да и для президента.

Примечательно, что высказался Ельцин и против изменений в Конституции СССР, связанных с учреждением поста президента. «Предполагаемый масштаб полномочий президента не имеет себе равных в советской истории, — говорил он, выступая на IV СНД СССР. — Такого объема законодательно оформленной власти не имели ни Сталин, ни Брежнев. Крайне опасно то, что президентская власть у нас формируется под личные качества и гарантии конкретного человека. Фактически центр стремится конституционно оформить неограниченный авторитарный режим, что может привести в конечном счете к конституционной оправданности любого произвола»¹². Пройдет очень немного времени — мы это вскоре увидим, — и такие же жесткие обвинения, слово в слово, будут брошены Ельцину.

Между тем российский парламент, на поддержку которого опирался Ельцин, все категоричнее ставил союзное руководство перед жесткой дилеммой. Либо оно соглашается на раздел власти также и в Центре, и тогда правительство СССР подлежит реорганизации, либо — если такого соглашения не будет — перезаключение Союзного договора подвешивается, а Россия самостоятельно определяет характер своих отношений с государственными властями СССР.

Анатолий Соснин

Андрей Алексеев

Михаил Гефтер

Измерить глубину трясины, в которую проваливалась страна, оценить время, сроки и характер возможных (или невозможных?) перемен в жизни советского общества — такой целью в конце 70-х годов задалась небольшая группа друзей. Кроме меня участниками этого «незримого колледжа» были социолог Андрей Алексеев, историк и философ Михаил Гефтер, литератор Анатолий Соснин, философ и политолог Нина Шустрова.

Нина Шустрова

Гласность — первый и пока еще самый осязаемый подарок перестройки. 1988 г. Во Дворце культуры Московского авиационного института идет обсуждение «проблемы Льва Троцкого».

В президиуме крайний слева — профессор С. Дзарасов, крайний справа — организатор дискуссии В. Лысенко

Опыт словаря нового мышления

Под общей редакцией
Юрия Афанасьева и Марка Ферро

В работе над подготовкой словника, в подборе авторов,
отборе статей также принимали участие:

Мария Ферретти, Вероника Гаррос,
Мари-Элен Мандрильон, Галина Козлова,
Клаудио Ингерфлом, Владлен Сироткин

Конец 80-х годов стал
временем небывалого
расцвета демократической
печати, атаковавшей
идеологические догмы,
бюрократизм,
вскрывавшей пласты
нашей потаенной истории.

Виктору Леонидовичу Шейнису - с любовью
главным и организатором

Бадме Нани

Сид

В. А.

Камар

Виктору - другу
и моей поддержке
Юрий

Юрий

Вер

Александр

Александр

Медведев
© Дружба
Кега Москва

Прогресс Р Паё
Москва
1989

1989 г. Коллектив авторов представляет советско-французский проект
«Опыт словаря нового мышления»
Справа налево: А. Сахаров, Ю. Афанасьев, А. Авеличев, неустановленное
лицо, А. Назимова, Г. Старовойтова, В. Шейнис, М. Гефтер

В 1989 г. мне впервые было
разрешено пересечь границу
«социалистического
лагеря».

*Аргентина. Мой молодой друг и
коллега Маргарита Балмаседа,
организатор «круглых столов» и
семинаров о перестройке
с моим участием в Буэнос-
Айресе и Росарио. На стенде —
объявление об одном из них.*

«...На ключевую позицию был выдвинут человек, хотя и прошедший по всем полагающимся ступенькам аппаратной карьеры, но иного поколения, иного душевного склада, иного интеллектуального уровня, с иным набором жизненных впечатлений и ориентаций, нежели те, каких со времен Сталина выстругивала налаженная им машина “подбора и расстановки кадров”. Машина дала сбой».

*На вечере, посвященном
пятилетию «Яблока». На сцене
Максим Галкин имитирует
южнорусский говор Горбачева.
В. Шейнис, Л. Баткин,
М. Горбачев, В. Лукин*

«Зная, что идею разделения партии на две части Яковлев вынашивал давно, я задал ему вопрос: не следовало ли перейти от слов к делу? — Это была моя ошибка, — ответил Александр Николаевич. — Я не знаю, сколько бы людей пошло в партию демократической или социал-демократической ориентации, но думаю, что это была бы значительная часть КПСС. И к ней примкнули бы здравомыслящие люди, находившиеся в оппозиции...».

Разговор о перестройке в РГГУ. А. Н. Яковлев и В. Л. Шейнис

Главной слабостью демократов была (и остается) их неспособность организовать, поддержать, стать органической частью массового движения за экономические и социальные права. Повторить то, что сделали польские интеллигенты из Комитета защиты рабочих... Адам Михник, услышав от меня о волне шахтерских забастовок, был искренне удивлен: что же вы все здесь делаете? Почему вы не там?

Встреча у меня дома. Крайний слева — А. Михник

Решающую роль в победе сотен кандидатов на выборах 1989 и 1990 гг. сыграли их группы поддержки — подлинные ростки гражданского общества... Глядя на нынешние, основательно коммерциализированные нравы, трудно поверить, что подавляющее большинство кандидатов, не пользовавшихся расположением власти, были избраны исключительно благодаря энтузиазму и самоотдаче множества людей.

Моя группа поддержки в ночь победы. Стоят: А. Цыганков, А. Назимова, К. Куранов. Сидят: Л. Косова, В. Шейнис, С. Горев

Тактика обеих противостоящих сил в российском парламенте в переломные моменты включала «разогревание» зала острыми выступлениями, патетикой разного рода и вслед за тем — требованием немедленно провести голосование. Мощный эмоциональный напор нередко приносил желаемый результат.

Фото С. Шустова

В зале заседаний Съезда: на переднем плане Е. Журавель, М. Бочаров, М. Арутюнов, Н. Воронцов, В. Шейнис, Б. Золотухин

Демократы на I СНД России действовали активно, консолидированно и организованно, навязывали свои «правила игры». Они переиграли партаппаратчиков тактически... Две недели происходило «раскачивание Съезда».

Фото С. Шустова

Собрание «Демократической России» в зале заседаний Большого Кремлевского дворца. В президиуме депутаты А. Манохин, М. Бочаров, В. Шейнис, Ю. Зайцев, А. Микитаев

Ключевые решения на I Съезде народных депутатов России вызревали и принимались не как обычно в России — «под ковром», втайне, в узком кругу, а на виду и под воздействием сотен депутатов, открыто заявлявших свои позиции.

Фото С. Шустова

Собрание «Демократической России» в Большом Кремлевском дворце. На переднем плане: Е. Амбарцумов, В. Шейнис, А. Головин, В. Женин, Г. Якунин, М. Молоствов

Избрание Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР не было заведомо предрешено. За тремя турами выборов, которые продолжались шесть дней, как за футбольным матчем, пристально следила вся страна.

Фото С. Шустова

За дверями — подсчет голосов. На переднем плане С. Юшенков, В. Шейнис

*Б. Денисенко, В. Шейнис,
М. Челноков, Б. Ельцин*

Избрание Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР было обеспечено сочетанием митинга, оркестрованного демократами, и закулисных соглашений. Не сразу и не до конца было понято, что у штурвала встал человек, исполненный решимости соблюдать дистанцию по отношению к выдвинувшим его силам.

Но в 1990—1991 гг. поговорить с Ельциным еще не было проблемой.

Фото С. Шустова

В 1990—1991 гг. испытанный инструмент московских демонстраций не раз доказывал свою эффективность. Во главе колонн шли российские депутаты.

*На переднем плане: И. Безруков, В. Шейнис, В. Миронов, М. Арутюнов,
В. Сурганов*

«...Давайте обратимся к реальной ситуации в стране... Демократические организации — это вполне реальная сила. За нами стоят десятки миллионов избирателей. Мы не случайно в этом зале... Давайте сядем за круглый стол и договоримся о том, каким образом власть будет переходить из одних рук в другие руки. Договоримся об этом неотвратимом процессе мирно».

*Выступление на III Съезде народных депутатов РСФСР
30 марта 1991 г.*

Горбачев... в 1990—1991 гг. оказался на несколько решающих месяцев в связке с реваншистами-государственниками... А демократы, не имея четкой стратегической перспективы, играли с огнем, загоняя в угол своего потенциального союзника, пренебрегая поисками возможного компромисса. Борьбу повели не за, а против Горбачева.

Фото пресс-центра РГГУ

*На юбилейной конференции
в РГГУ, посвященной 20-летию
перестройки*

Миротворческие миссии российских депутатов.

*Грузия. Встреча с Э. Шеварднадзе —
В. Линькова, В. Шейнис, М. Арутюнов*

*Южная Осетия. На БТР — М. Арутюнов и
В. Шейнис*

Миротворческие миссии российских депутатов.

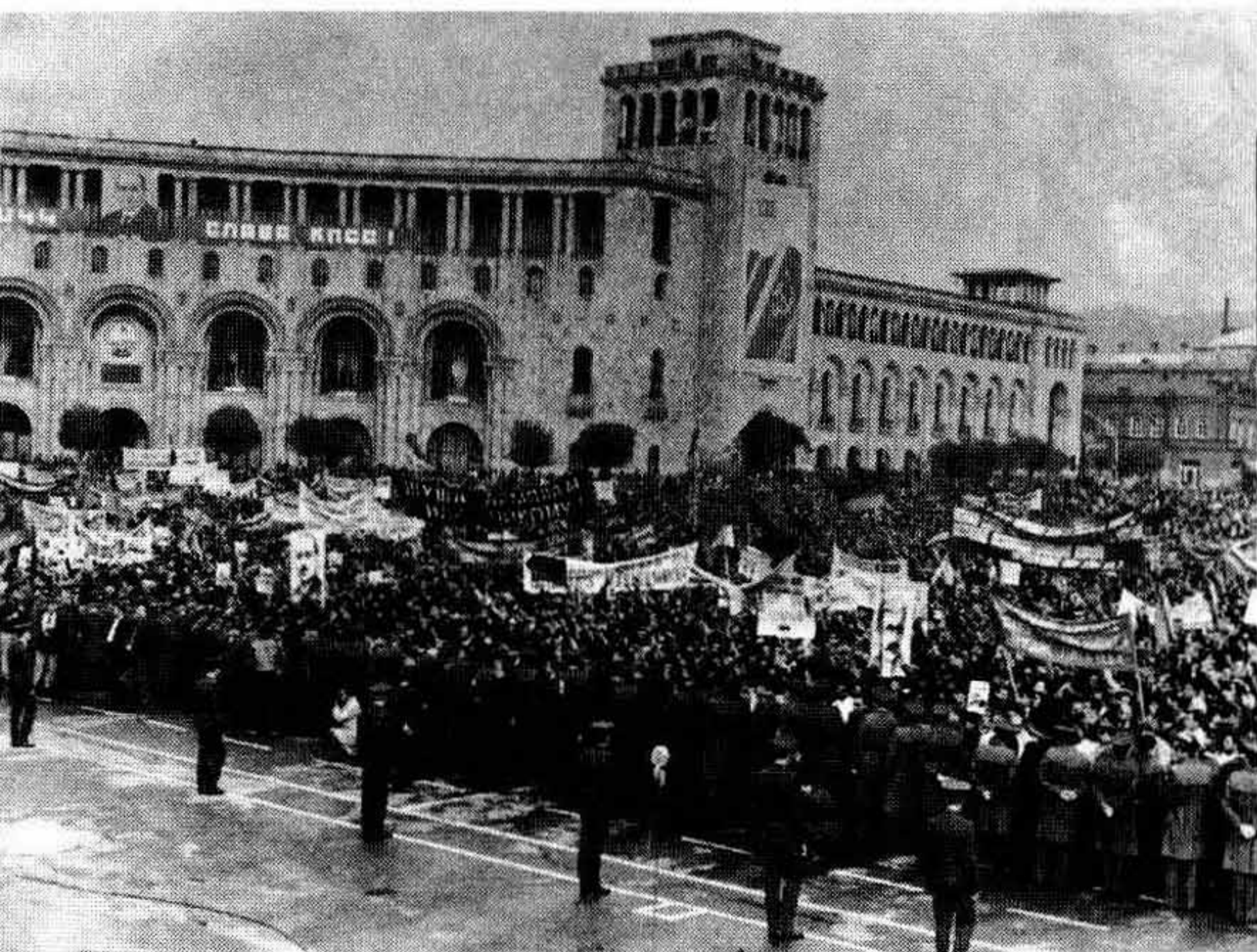
Чрезвычайное положение, которое исполнительная власть в ноябре 1991 г. так беспомощно попыталась ввести и так легко и беспечно сдала в Верховном Совете, было отменено... Никто не мог предвидеть, какая черная дыра развернется вскоре на Северном Кавказе...

Одна из запоздавших попыток поправить непоправимое. Миротворческая миссия в Ведено в мае 1995 г.

*Советник президента Ингушетии П. Косов, член Совета Федерации
В. Курочкин, А. Масхадов, В. Шейнис*

Пожар, зажженный зверствами в Сумгаите, стал быстро распространяться по стране... Комитет «Карабах» возглавил массовое движение, бросившее вызов официальным властям. Собственными глазами повидав ужасы карабахского противостояния, я убедился, что удовлетворительный выход из кризиса вообще не просматривается.

1988 г. Демонстрации в Ереване

Фото С. Шустова

*Встреча с первым президентом
Армении Л. Тер-Петросяном*

ПЕРВАЯ РЫНОЧНАЯ ПРОГРАММА. ЯВЛИНСКИЙ

Помимо Декларации о суверенитете в арсенале председателя ВС России и поддерживавших его сил было еще одно дальнобойное орудие — рассчитанная по месяцам программа экономической реформы «500 дней».

Два главных политических спектакля лета 1990-го — I СНД РСФСР и учредительный съезд КП РСФСР, перетекший в XXVIII съезд КПСС, полупобеда демократов и полупобеда консерваторов, — не дали ответа на главный вопрос: что делать с экономикой, которая продолжала разваливаться. Усилиями ученых и публицистов (Николай Шмелев, Геннадий Лисичкин, Гавриил Попов, Василий Селюнин и др.) неотвратимость перехода к рынку стала феноменом сознания прогрессистской элиты и в известной мере — массовых представлений. В предвыборных программах Ельцина и «Демократической России» переход этот занял одно из центральных мест. Ответ на вопрос «Что делать с экономикой?» был более или менее осознан и признан. Но в том, как, в какие сроки, какими средствами это надлежит сделать, преобладали самые общие представления.

Продвижение на этом направлении союзного правительства, в котором вице-премьером по экономической реформе стал известный ученый, академик Леонид Абалкин, было минимальным. Отвечая на вопрос, почему власти так и не перешли к решительным действиям, Горбачев пишет: «Представьте: чуть ли не ежедневно к тебе прорываются на прием руководители различных сфер производства и культуры с предостережениями против поспешных шагов. Пресса полна алармистскими комментариями и прогнозами. Рабочие периодическими стачками дают понять, что не потерпят покушения на свой и без того низкий жизненный уровень. Радикалы точат зубы, предрекая провал “горбачевской реформы”. А само правительство пассивно ждет завершения нескончаемых дискуссий в парламентских комитетах, похоже, радо затянуть “паузу”, чтобы не ввязываться в рискованное предприятие»¹³. Такова была психологическая атмосфера в коридорах

власти. Понятно, что за нею стояли интересы влиятельных социальных сил и институтов, сросшихся с существующей системой. Чтобы переломить вязкую инерцию, нужны были иные люди и структуры.

Пока шел I СНД России, на пост премьера российского правительства в случае победы Ельцина всего более смотрелся союзный и российский депутат, один из лидеров «Демократической России» Михаил Бочаров, по случаю мой сосед в зале заседаний. Однажды я спросил его, что он собирается делать на премьерском посту с экономикой. Бочаров ответил, что программа у него есть и что ее автор — Григорий Явлинский. Так я впервые услышал имя молодого экономиста, которому предстояло сыграть видную роль в российской политике и восхождение которого начиналось как раз в эти дни. «Явлению Явлинского народу...», как назвал это позже Горбачев, предшествовали следующие обстоятельства¹⁴. Летом 1989 г. Леонид Абалкин, возглавлявший Комиссию Совмина СССР по экономической реформе, пригласил в нее Евгения Ясина и Григория Явлинского. Профессор Ясин был к тому времени известным ученым, автором многочисленных трудов, заявившим себя как убежденный рыночник. Явлинский с середины 1980-х годов работал в системе Госкомтруда и занимался проблемами социального развития. Именно в это время вокруг него начала складываться группа молодых единомышленников — выпускников московских экономических вузов, в которую вошли Сергей Дон, Татьяна Ярыгина, Алексей Михайлов, чуть позже — Михаил Задорнов и др.

В прошлом у Абалкина, директора одного из ведущих институтов Академии наук СССР, была история нелегких боев с ортодоксами-антирыночниками в научных учреждениях и сложных взаимоотношений с высокими партийными инстанциями. Приверженность науке подвигала его отстаивать истину, как он ее понимал. Жизненный и служебный опыт располагал к осмотрительности и промежуточным решениям. Избранный депутатом в составе «партийной сотни» и поддержанный Горба-

чевым, Абалкин оказался в том политическом Центре, где в столкновениях различных сил и интересов шла борьба вокруг вариантов предстоящих экономических решений. Абалкин не мог не видеть, что все прежние попытки хозяйственных реформ, в том числе и предпринимавшиеся в первые годы перестройки, оказались несостоятельны. Но нерешительность Горбачева, некомпетентность Рыжкова, давление консервативных аппаратчиков и советского директорского корпуса, естественная осторожность перед лицом вероятных последствий крутого поворота, недооценка фактора времени, — все это сделало Абалкина убежденным сторонником таких мер, которым не было бы цены еще за несколько лет до того, но которые теперь безнадежно запаздывали. Я не сомневаюсь, что Леонид Иванович был честен в своем выборе, в который верил. Но комиссия Абалкина, констатирует Вадим Медведев, оказалась под давлением консервативных настроений и принуждена была с ними считаться¹⁵. Абалкин, учитывая разные склонения в верхах и обществе, назвал свой вариант экономической реформы радикально-умеренным. (Логически это, конечно, был оксюморон вроде «лево-правый», «твердо-мягкий» и т. п.) Освоивший хитросплетения партийно-министерской дипломатии, он представил собственную концепцию как противостоящую двум крайним подходам: консервативному и радикальному. Для их критики авторы концепции мрачных красок не пожалели. Отталкиваясь от нее, Абалкин рассчитывал на поддержку своего, как казалось, оптимального варианта. Однако экономические и политические напряжения быстро усиливались, и склонить на свою сторону ему удалось, кажется, только Рыжкова. Представители директорского корпуса увидели в этой концепции отход от социализма, а ораторы ОФТ выбросили лозунг: «Долой абалканизацию всей страны!».

Участники разработки концепции «радикально-умеренного» варианта Ясин и Явлинский, напротив, сочли его слишком слабым и компромиссным. Они предложили Абалкину отмеже-

ваться от программы, одобренной правительством, и при необходимости выйти из его состава. В начале 1990 г., когда стало ясно, что Рыжков и Абалкин будут отстаивать этот вариант, Явлинский по собственной инициативе приступил к разработке альтернативной программы. Со своими первоначальными наработками он познакомил Михайлова и Задорнова. Было принято решение расписать программу во времени. Итогом их совместной работы стал документ под названием «400 дней доверия». В апреле—мае 1990 г. он прошел экспертизу у японских специалистов, которые дали ему высокую оценку¹⁶. Исходный эскиз стал все более детализованным.

К весне проект был в основном завершен, и вскоре его распространение вышло из-под контроля авторов. Одна из ксерокопий стала объектом двойного «чейнджа». Союзный депутат, член МДГ Геннадий Фильшин, прославившийся своей резкой критикой экономической политики правительства Рыжкова — Абалкина, получил текст от Задорнова и познакомил с ним Бочарова. За эту «услугу» он запросил пост вице-преьера в российском правительстве, который чуть позже и получил. В ожидании премьерской должности Бочаров принес программу Ельцину. Лучшего подарка Ельцину, нащупывавшему альтернативный экономический курс, никто сделать не мог. Бочарова же, в то время изготовившегося занять второй по значению государственный пост, подвела его активность: ни коммунисты, ни многие депутаты «болота» не готовы были отдать еще один ведущий пост политику, «засветившемуся» в «Демократической России». Но попав в руки Ельцину, программа зажила собственной жизнью, была продлена еще на 100 дней, а ее создатель занял пост вице-преьера по экономической реформе¹⁷.

В правительстве РСФСР Явлинский получил должность, аналогичную той, которую в Совмине СССР занимал Абалкин. Однако вес этого поста здесь был совершенно иным: Явлинский не имел права подписи под распоряжениями правительства, и его власть распространялась лишь на небольшую комиссию, «реаль-

ная роль которой в правительстве была мало кому понятна, — свидетельствует Борис Федоров, другой экономист новой формации, пришедший в правительство Ивана Силаева вместе с Явлинским. — Профессиональные бюрократы на них (на Явлинского и его коллег. — *В. Ш.*) смотрели как на теоретиков и посмеивались»¹⁸. Посмеивались — от собственной самоуверенности и некомпетентности, как и тогдашние и сегодняшние критики «500 дней»¹⁹. Тем не менее в правительстве появился хотя и не властный, но интеллектуальный центр, впервые начавший разработку антимонопольной политики.

Это была первая по-настоящему политическая программа. От «радикально-умеренного» варианта реформы, на котором после долгой примерки остановилось (но так и не ввело в действие) правительство Рыжкова — Абалкина, «500 дней» отличались решительным стартом и тщательной проработкой конкретных преобразований, за которые следовало приниматься немедленно: «Время для постепенных преобразований упущено, неэффективность частичных реформ доказана опытом и нашим собственным, и стран Восточной Европы», — отмечали авторы программы. А от реформ, к которым Россия вынуждена была обратиться год-полтора спустя (правда, в условиях полного хозяйственного развала), «500 дней» отличали три принципиальных момента. Во-первых, авторы программы предлагали сначала осуществить финансовую стабилизацию, связать денежную массу в обращении и лишь потом либерализовать цены, сохраняя при этом жесткие финансовые ограничения. Во-вторых, они предусматривали «создание сильной системы социальной поддержки и гарантий для населения». В-третьих, предполагалось, что программа будет осуществляться в рамках «Экономического союза суверенных республик», а не одной только России²⁰. Что же касается календаря, по которому были расписаны шаги реформы, то он носил, конечно, ориентировочный характер и позволял очертить необходимую последовательность в сценарии преобразований. «Это был очень мягкий и поступательный вариант реформ», — подчеркивает Б. Федоров²¹.

Программу «500 дней» представил Силаев при утверждении на должность премьера. Должным образом не осмысленная и даже не прочитанная, она была здесь не более чем экзотическим бантиком. Но в стратегию Ельцина она идеально вписывалась при любом развороте событий. Если союзное руководство принимало план, то российская власть как инициатор реформы закрепляла свои позиции и могла претендовать на передачу в ее руки необходимых рычагов. Вскоре это будет конкретизировано: Ельцин потребует назначить на ключевые посты в союзном правительстве представителей России. А если об этом договориться не удастся, программа Явлинского предусматривала создание специального комитета по проведению экономической реформы — он должен был оттеснить правительство СССР (и тогда вообще терялся смысл его существования, ибо ничто, кроме экономики, уже давно не входило в его ведение). Если же план отвергался, то можно было дальше разворачивать борьбу за суверенитет, ссылаясь на несостоятельность центра.

Ельцин, Верховный Совет России, авторы программы не могли не знать: в отдельно взятой России при существовавших условиях программу «500 дней» реализовать невозможно. Постановление I СНД «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР» оставалось на бумаге. В 1990 г. на долю предприятий союзного подчинения на территории РСФСР приходилось 70% объема производства, 73% численности персонала, 87% основных фондов промышленности РСФСР. Преобладающая часть их прибыли отчислялась в союзный бюджет, как и вся валютная выручка от экспорта энергоносителей²². Поэтому не только реализовать программу, но и приступить к ней можно было только в масштабе всего Союза.

Сначала движение в этом направлении, казалось, началось. Программа привлекла внимание Горбачева — прежде всего «признанием необходимости единого подхода к проведению реформы в рамках Союза»²³, и вроде бы «процесс пошел». Явлин-

ский через Петракова получил самостоятельный, помимо Ельцина, выход на Горбачева. Совместным решением Горбачева, Ельцина, Рыжкова и Силаева в конце июля была создана рабочая группа «в целях подготовки согласованной концепции программы перехода на рыночную экономику как основы экономической части Союзного договора»²⁴. В состав группы были введены как известные ученые (первым в списке Горбачев поставил академика Станислава Шаталина, в то время одного из наиболее доверенных своих советников, который, однако, выполнял главным образом представительские функции), так и молодые экономисты (в основном из группы Явлинского). Группа использовала материалы около полусотни специалистов (в том числе Егора Гайдара) и существенно расширила проект. Стараниями главным образом Бориса Федорова появился второй том, содержащий проекты более 20 законодательных актов, на базе которых должен был совершаться переход к рынку. К работе были привлечены представители 14 союзных республик (кроме Эстонии), которые одобрили итоговый документ в части, касавшейся экономического союза²⁵.

Разработка велась на правительственной даче в Архангельском, рядом с деревней Сосенки. Параллельно на даче в Соснах (Николина Гора) другая группа во главе с Леонидом Абалкиным, выполняя поручение ВС СССР, готовила свой «радикально-умеренный» вариант. Договориться не удалось. «Сосны против Сосенок» — так с легкой руки Михаила Бергера был обозначен конфликт двух несовместимых подходов. Через месяц, 30—31 августа, обе программы были вынесены на обсуждение совместного заседания Президентского совета и Совета Федерации²⁶. Большинство выступавших поддержали проект Шаталина-Явлинского, но на том дело и кончилось. Обе программы рекомендовано было совместить. С этого момента жизнь «500 дней» пошла по нисходящей — через бесчисленные обсуждения и доработки, натываясь на противодействие тех, кто почувствовал, что она колеблет у них почву под ногами.

Переход к рынку в 1990 г. заблокировало прежде всего союзное правительство. Совместная работа над проектом не получилась: Рыжков и Абалкин отказались в ней участвовать, и Горбачев дрогнул²⁷. Он стал пытаться скрестить два, по сути, несовместимых документа. Неблагодарная миссия эта была возложена на академика Аганбегяна (Шаталин уехал в США на лечение). Как и следовало ожидать, из этого ничего не получилось, и вся работа была спущена на тормозах. Страсти вокруг «500 дней» и параллельных программ довольно подробно описывают разные мемуаристы — разумеется, каждый со своих позиций²⁸. Я не был участником этих дебатов и остановлюсь лишь на том, как провал программы «500 дней» отозвался в российском руководстве.

Не дожидаясь решения на союзном уровне, ВС России 11 сентября постановил: «одобрить в основном программу стабилизации экономики и перехода к рыночным отношениям, разработанную группой Шаталина — Явлинского»²⁹. На волне ожиданий, что программа эта позволит справиться с экономическими трудностями, провести такое решение было несложно. Но реализация его, как уже отмечалось, от российской власти не зависела, а социально-экономическая ситуация в СССР ухудшалась стремительно. Еще в мае Рыжков объявил о предстоящем через полгода повышении розничных цен³⁰, и напуганные граждане буквально смели с магазинных прилавков все, что там еще оставалось. Власти союзные и республиканские, все еще отвечавшие за снабжение населения, вступили в соревнование за повышение закупочных цен — сначала на зерно, потом на мясо. Объявленные сроки таких повышений приходилось приближать: владельцы товара, естественно, сдерживали его продажу, дожидаясь более выгодных условий, или, скажем, перегоняли скот из России в Прибалтику, где цены были выше. Споры о ценовой политике раскалывали правительство Силаева: отвечая на вопросы депутатов ВС, вице-премьер Фильшин сказал, что решение поднять закупочные цены на мясо в России «не совпадает с главными

принципами программы “500 дней”», а последние указы президента СССР «блокируют, если не полностью приостанавливают» программу перехода к рынку³¹.

В октябре ВС РСФСР постоянно обсуждает разрушительные процессы в экономике и почти единодушно принимает одно за другим постановления по реализации программы стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям. 31 октября ВС решает, что медлить с выбором путей преобразований (развилка была обозначена в выступлении Ельцина 16 октября) более нельзя. Принимается и немедленно вводится в действие закон об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР и вслед за ним — новое постановление о переходе к рынку. Силаев напоминает, что еще 9 октября ВС поручил правительству перейти «к рыночным отношениям с 1 ноября текущего года, то есть с завтрашнего дня»³². На первый взгляд программа «500 дней», которая уже несколько месяцев стояла в центре всех споров, получает, наконец, путевку в жизнь...

Ничего подобного! Через день после программной речи Ельцина, 17 октября, в ВС выступил Явлинский. Огорошив депутатов сообщением, что «поддержанная вами программа перехода к рынку как взаимосвязанный комплекс мер по выходу из кризиса в течение полутора лет, или 500 дней, не может быть реализована... потому что на сегодняшний день отсутствуют условия ее воплощения в жизнь», Явлинский описал эти отсутствующие условия — политические, организационные, кадровые и экономические. Экономическую реформу такой глубины и масштаба, говорил он, можно осуществить только при наличии «честного политического союза Горбачева и Ельцина», ибо «важнейшие меры по финансовой стабилизации... ни одна республика сама провести не может». Нет ни межреспубликанского экономического комитета, наделенного необходимыми правами, ни кадрового обновления высшего экономического эшелона власти. Последние ценовые решения союзных и российских властей раскручивают спираль инфляции. Это означает, что в главном не

пошли по пути программы «500 дней», а приняли план союзного правительства — административного повышения цен.

Объяснив, почему предлагавшаяся им программа провалена и что теперь будет происходить в экономике, Явлинский в общих чертах обрисовал, что надо делать, и призвал депутатов «проявить настойчивость, спокойствие и профессионализм для выхода из действительно кризисной ситуации» — ведь «...и срыв программы, и сложности, которые нас ожидают, ни в коей мере не являются основанием для паники. Многие страны, и это очень хорошо известно, переживали такие ситуации, и не один раз в своей истории, и все они находили достойный, спокойный и нужный выход...».

Все сказанное министром, пользовавшимся тогда практически безраздельной поддержкой в ВС, можно было расценить как беспощадный, но верный анализ непредвиденного (а почему, собственно?) развития ситуации и, более того, как обращение за поддержкой в коррекции курса и даже как политическую заявку на лидерство. Казалось, здесь надо было поставить точку или сказать еще одну фразу, подтверждающую решимость действовать. И последняя фраза была произнесена, но она оказалась не той, какую можно было ожидать. «Поскольку считаю себя одним из основных авторов программы, которая хотя и была принята, но не реализована, в том числе и в результате решений, принятых правительством, в котором я состою, прошу ВС РСФСР принять мою отставку», — завершил он и, поблагодарив за внимание, сошел с трибуны. «Спасибо. Да-а», — откликнулся на смятение в зале председательствовавший Хасбулатов³³.

Все последующее обсуждение не представляет особого интереса. Коммунист Воронин поставил вопрос об отставке всего правительства. Кто-то обвинил Явлинского в «предательстве». Кто-то предлагал реализовать программу «500 дней» без Союза, на что Явлинский отвечал: «Теперь нужна другая программа... Я другой программы не знаю. У меня такой программы просто нет». Могло показаться (и на это рассчитывали многие демократы),

что Явлинский, как в шахматной партии, идет на обострение, рассчитывая добиться чего-то для нас неизвестного. Дальнейшее развитие событий показало, что это не так. 20 ноября он подтвердил свое решение в комитете ВС по экономической реформе, а через день — на пленарном заседании ВС. Объясняя свои мотивы, Явлинский говорил: дело не в том, что программу не приняли ВС и правительство СССР — вразрез с нею стало действовать мое собственное правительство, предприняв такие шаги в ценообразовании, которые сделали невозможным реализацию самого замысла программы. На этот раз его заявление поддержал Силаев, который 17 октября еще убеждал Явлинского, что произнесенная накануне речь Ельцина будто бы меняет положение, и призывал депутатов не давать согласия на отставку своего заместителя³⁴. В костер разгоравшегося конфликта между Горбачевым и Ельциным, который публично обвинил союзную власть в саботаже, была брошена и несостоявшаяся программа перехода к рынку.

В кризисной ситуации, говорил Явлинский, нецелесообразно требовать от правительства десятки и сотни страниц программ. Пока вы пишете программы, ситуация меняется. В условиях кризиса руководят не с помощью программ, а посредством команд. Так было в США во времена Рузвельта, в Японии после войны...³⁵ Команды, наделенной необходимыми полномочиями, у Явлинского не было. В этом — разгадка его решения, которое до сих пор вызывает споры.

Споры о том, правильно или неправильно поступил тогда Явлинский, продолжают и поныне. Я склонен согласиться с моим коллегой по ИМЭМО Юрием Кочевриным: «Программа “500 дней”, как незаконное царское дитя, была уже в колыбели обречена на гибель»; слишком могущественные силы преграждали ей путь³⁶. Но значительно интереснее политический смысл первого правительственного кризиса в новой России. Став председателем ВС, Ельцин формировал правительство, отбирая кандидатов по своему усмотрению и не консультируясь с демократами: он был уверен в том, что их-то голоса получит в любом случае. В те ме-

сяцы особых проблем с утверждением своих избранников в ВС у него не возникало. До его избрания президентом оставалось еще больше года, но он формировал по сути президентский кабинет, а не парламентское правительство. И хотя демократы считали Явлинского «своим» (в большей степени, чем кого-либо другого, разве что Бориса Федорова и Андрея Козырева), для него работодателем и союзником, надежным или ненадежным, была не «Демократическая Россия», а Ельцин. Как Ельцин выдвигал министров, так и Явлинский свое решение принимал, исходя лишь из собственных соображений (верных или неверных — иной вопрос). Как и президент, он не считал себя представителем политической организации, не нес перед нею ответственности и не считал нужным с кем-либо согласовывать, видимо, нелегко давшееся ему решение. Отношения, установившиеся на самом верху, воспроизводились на нижеследующих этажах власти. Формально полномочный парламент, его демократические депутаты не могли оказывать сколько-нибудь существенного влияния на ключевые моменты экономической реформы: в данном случае — кто, какая команда (а следовательно, и как) ее станет проводить. Это был очень дурной знак на будущее, который не заметили, не оценили российские демократы. Очень дурной путевой лист, полученный парламентом на старте.

А программу перехода к рынку, которую снова и снова втирал ВС, в российском правительстве теперь некому было проводить. Вслед за Явлинским в декабре ушел из правительства Борис Федоров³⁷. Так закончился первый приход «молодых реформаторов» в российскую власть. Это означало, что сами рыночные реформы отложены — не до лучших, а худших времен. «Набором нескоординированных мер развитие событий переведено в принципиально иную плоскость, — гласило заявление, подписанное Явлинским, Шаталиным, Петраковым, Ясиным и другими авторами окончательного варианта программы. — Ключевой момент программы правительства СССР — реформа всех видов цен — фактически принят. Логика действий, предложенная в про-

грамме «500 дней», — начать с финансового оздоровления, отклонена. Переход к рыночным отношениям будет происходить теперь не через стабилизацию рубля, а через инфляцию и запоздалые меры по ее преодолению, которые окажутся весьма болезненными»³⁸.

Это еще не было открытием фронта внутри прогрессивной части руководства, но его реформаторский потенциал оказался серьезно ослабленным. А стартовые условия реформы, к которой пришлось вернуться позже, существенно менялись: быстро раскручивалась инфляционная спираль, нарастал развал потребительского рынка, экономика все дальше удалялась от состояния равновесия. Как и предсказывали авторы программы, такова была цена, которую пришлось платить «за нерешительность и непоследовательность в выборе пути в сентябре 1990 года»³⁹.

ДРУГИЕ «УГЛЫ АТАКИ»

По мере того как разворачивался основной конфликт и все более удалялись друг от друга его участники, как все агрессивнее становился напор Ельцина и круче — метания Горбачева, каждый из лидеров получал новые доказательства, насколько ненадежны их тылы — государственные структуры, которые они, по идее, представляли и возглавляли.

В более сложном положении был тогда Горбачев. В марте 1990 г. он занял новоизобретенный пост президента. Горбачева не раз упрекали в том, что избирал его не народ, а парламент — для того в Конституцию специально введена была переходная норма. Моральные потери такого выбора очевидны, но юридически его позиция стала на порядок прочнее: прежде Съезд мог сместить его с руководящего поста простым большинством голосов по инициативе партии, по квоте которой он был избран. Теперь для этого требовалось запустить сложную процедуру импичмента и получить поддержку двух третей депутатов, что в 1990 г. для противников Горбачева было недостижимо. Его ав-

торитет в мире был подтвержден присуждением Нобелевской премии. И тем не менее его политические позиции ослабевали с каждым месяцем. Атаки на него стали все смелее разворачивать не только демократы, но и фундаменталисты.

То, что прежде ему приходилось выслушивать на полуоткрытых пленумах ЦК, теперь звучало перед телекамерами с трибун ВС и Съезда. Обвинения становились все более разнуданными. Очередное столкновение произошло в середине ноября, при открытии сессии ВС СССР. Сдача «500 дней» не привела к успокоению. «Дискуссия, как говорят, пошла вразнос, — вспоминает Горбачев. — Не оставляли буквально живого места от правительства, да и от президента»⁴⁰. И тогда была введена заготовка, задуманная и обсужденная с советниками еще в августе в Форосе — известные «восемь пунктов». На рубеже 1990—1991 гг. Горбачев реорганизовал властные структуры наверху: прежнее правительство, которое вплоть до замещения каждого министерского поста формировал Верховный Совет, сменил непосредственно подчиненный президенту кабинет министров. Вместо Президентского совета, в составе которого были люди, способные возражать Горбачеву, появился Совет безопасности, своего рода узкий кабинет из высших чиновников. Влиятельный статус получил Совет Федерации, составленный из первых лиц союзных республик, с рабочим органом — Межреспубликанским комитетом, выстраиваемым в параллель с правительством, и т. д. Были обещаны также завлекательные «структурные и кадровые изменения»: «в состав кабинета министров должны войти новые, инициативные, по-современному мыслящие работники»⁴¹. Это прямо предвещало, что правительство Рыжкова доживает последние дни. Небезынтересно, что такие же перенастройки институтов власти впоследствии повторит Ельцин с прилежностью ученика, переписывающего контрольную работу по опробованному шаблону.

Наступило некоторое успокоение, но на очень короткое время. 17 декабря открылся IV СНД СССР, на котором предстояло затвердить объявленные меры, внося, в частности, изме-

нения в Конституцию. И здесь Горбачева ждали три неожиданных удара, обозначившие, насколько сузилось его влияние на политическую ситуацию вообще и на поведение парламента в частности.

Как только открылся Съезд, на трибуну вышла Сажи Умалатова, никому дотоле неизвестная работница из Грозного, лично внесенная Горбачевым в список «красной сотни» депутатов от КПСС, и срывающимся голосом, замирая от собственной отваги, потребовала внести в повестку дня пункт об отставке Горбачева. Смещением с поста эта задумка группы «Союз» президенту, конечно, не грозила. Даже для того, чтобы начать процедуру импичмента, требовалась тщательная подготовка. За предложение Умалатовой проголосовали 426 депутатов (22,5% от числа голосующих)⁴². Это было даже несколько меньше, чем число тех, кто проголосовал против избрания Горбачева президентом в марте. Но громогласная демонстрация, призванная нанести «архитектору перестройки» тяжелую моральную травму и произвести впечатление на общество, удалась.

Второй удар последовал, откуда его менее всего можно было ждать. 20 декабря в состоянии крайнего возбуждения, столь не вязавшегося с обликом опытного (и достаточно циничного) политика, на Съезде неожиданно для Горбачева и его соратников выступил Шеварднадзе. Пожаловавшись на кампанию травли, которой он подвергается наряду с Горбачевым, высказав огорчение, что «демократы... разбежались, реформаторы ушли в кусты», и заявив «со всей ответственностью», что «наступает диктатура», он неожиданно подал в отставку с поста министра иностранных дел. Мотивы Эдуарда Амвросиевича и его представление о развитии ситуации было довольно трудно понять: сначала он сказал, что «никто не знает, какая это будет диктатура и какой диктатор придет, какие будут порядки», а под конец — «...я не могу примириться с теми событиями, которые происходят в нашей стране, и с теми испытаниями, которые ждут наш народ. Я все же верю, что диктатура не пройдет...».

У меня, да и у большинства моих коллег не было иного объяснения этому поступку министра и его маловразумительным обоснованиям, кроме как эмоциональный срыв. Но стояли за ним давно уже накапливавшиеся напряжения в отношениях между самими реформаторами. Эмоциональная и несколько даже истеричная акция Эдуарда Амвросиевича вряд ли была спровоцирована какой-то конкретной информацией о планах установления диктатуры. Сказалась, вероятно, психологическая усталость человека, против которого — и проводимой им политики — вели беспардонную кампанию в парламенте и прессе депутаты из группы «Союз» и им подобная публика. Но отставкой своей он преподнес этим людям подарок. Шеварднадзе демонстрировал Горбачеву свою неудовлетворенность, свои обиды, накапливавшиеся со времен тбилисской трагедии, когда, по его мнению, генеральный секретарь вел себя двусмысленно. Теперь Горбачев не только не ограждал своего министра от подстрекательских нападок, но и вторгнулся в сферу его компетенции. Человек амбициозный, считавший себя инициатором и главным проводником нового внешнеполитического курса, Шеварднадзе ревниво наблюдал, как в его епархии действуют президентские порученцы. Как бы там ни было, факт был налицо: Горбачева демонстративно покидал, как сказал сам Шеварднадзе, «друг и единомышленник»⁴³. Резонанс и последствия этого события для Горбачева были серьезнее, чем уход в 1990 г. экономистов-реформаторов из российского правительства для Ельцина.

Наконец, пределы управления Съездом со стороны Горбачева были наглядно продемонстрированы при избрании вице-президента. Решив учредить этот сомнительно полезный пост и предложив на него более чем сомнительную кандидатуру Геннадия Янаева, выглядевшего в глазах депутатов всех ориентаций не более чем «шестеркой», Горбачев натолкнулся на упорное сопротивление Съезда. Лишь со второй попытки голосами «послушного» большинства и с немалым напряжением удалось бук-

важно-таки «продавить» на второй пост в стране человека, чьи дрожание руки на знаменитой пресс-конференции вскоре увидит вся страна⁴⁴.

На фоне этих драматических эпизодов, окрасивших течение Съезда, уже привычно смотрелись не только резкие нападки на Горбачева, как тогда считали, «справа», но и выступление Ельцина, от раза к разу поднимавшего градус своих обвинений. Полномочия, которые получал президент в результате изменений в структуре власти, он назвал не имеющими себе равных в советской истории (что, конечно же, было грубым преувеличением) и обвинил Центр в «конституционном оформлении неограниченного авторитарного режима, что может привести в конечном счете к конституционной оправданности любого произвола». Ельцин выступал в качестве главы российской власти, которая все отчетливее претендовала на роль альтернативы власти союзной, лидера настоящего «восстания республик против Центра, у которого нет никаких конструктивных предложений, кроме сверхцентрализации»⁴⁵.

МДГ, одним из сопредседателей которой российский лидер продолжал числиться, на этом Съезде уже практически ничем себя не заявила. Из пяти сопредседателей действующим оставался только Афанасьев: Сахаров умер, Попов занимался Моссоветом, деятельность Пальма парализовала обструкция Съезда со стороны прибалтийских депутатов. Организация, на которую еще за год-полтора до того возлагали большие надежды, эродировала и сходила с политической сцены. На союзном уровне демократическая альтернатива рушилась, демократов все более увлекала борьба за республиканские суверенитеты.

Заявила о себе реваншистская оппозиция и российскому лидеру. Это отчетливо проявилось на II СНД РСФСР, который прошел как раз перед союзным Съездом. Расстановка сил на этом российском Съезде практически не изменилась по сравнению с предыдущим⁴⁶. Но так как дисциплины посещения и голосований на Съезде по-прежнему не было, в ситуациях против-

стояния спорные предложения, собиравшие обычно 350—400 голосов, проваливались. Чаще от этого выигрывали консерваторы, блокировавшие реформирование аграрных отношений, пересмотр Конституции и т. д.

Основным вопросом, для обсуждения которого и созвали внеочередной Съезд, был аграрный, а камнем преткновения — вопрос о собственности. Номинально признав частную собственность на землю, съездовское большинство обставило ее такими условиями, которые предельно ограничивали возможности купли-продажи земли: был установлен мораторий на 5—10 лет на продажу земли, а до того правом распоряжаться выставленной на рынок землей обладали только Советы, т. е. чиновники⁴⁷.

Острые дискуссии разгорались и по иным вопросам, прежде всего — о власти. Съезд отказался рассматривать уточненную редакцию Декрета о власти, принятого на I СНД за основу, и очень осторожно отнесся к введению в России президентской республики. Ясная формулировка первоначального проекта постановления по этому вопросу («Считать целесообразным проведение реорганизации системы государственных органов РСФСР с введением поста Президента РСФСР») была снята. Осталось лишь поручение Верховному Совету и Конституционной комиссии «рассмотреть вопрос о реорганизации» и «разработать соответствующие проекты законов»⁴⁸. Фракция «Коммунисты России» в очередной раз заявила о неприемлемости проекта Конституции, одобренного Конституционной комиссией, и потребовала отложить принятие Конституции до заключения Федеративного договора. Выступая поборниками Союза и скорейшего заключения Союзного договора, коммунисты заняли конъюнктурную и очень опасную позицию в вопросе о будущем Федерации: быть ли ей договорной или конституционной. В атаку был брошен их «штурмовой отряд» — бюрократия автономий, выступившая с демаршем: «Без признания Съездом народных депутатов РСФСР и конституционного закрепления суверенных прав республик, автономных образований и заключения Федеративно-

го договора считаем невозможным принимать участие в решении вопросов об изменении структуры органов власти»⁴⁹.

Подводя итоги работы II СНД России, я сделал тогда заметки о перспективах российского парламента.

«1. Съезд глубоко расколот. Это всерьез и надолго.

2. Съезд не нужен для законодательной и контрольной деятельности (с этим справляется Верховный Совет + его комитеты и комиссии).

3. Съезд необходим для формальной легитимации изменений (только он может убирать завалы в Конституции).

4. Орудие консервативного меньшинства — блокирование работы или даже кворума на Съезде. Орудие демократического меньшинства — обращение к референдуму.

5. Вопреки распространенному представлению, демократы не пришли к власти в России. У них есть только некоторые позиции при власти. Это Ельцин (хотя автомобильная авария на Тверской предупредила, как быстро все это может рухнуть) + несколько мест в Президиуме ВС + некоторое влияние на правительство + эволюционирующий в конструктивном направлении, но неустойчивый ВС».

Шел к концу первый год российского парламента.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сокращенный вариант статьи, опубликованной в «Московских новостях» (1990. — 28 окт.).

² Непреднамеренное, видимо, столкновение, когда попал в аварию автомобиль, в котором ехал Ельцин.

³ После ноябрьской беседы Ельцин потребовал даже запротоколировать ее результаты, утверждая, что предыдущие договоренности были нарушены.

⁴ Вторая сессия ВС РСФСР. Бюллетень № 25 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей. — 1990. — 16 окт. — С. 35.

⁵ «В ряде газет, — писал позднее М. Горбачев, — началась настоящая травля союзного правительства и его руководителя» (*Горбачев М. Жизнь и реформы.* — Кн. 1. — М., 1995 — С. 573).

⁶ Моск. новости. — 1990. — 1 дек.

⁷ Рос. газ. — 1990. — 20 нояб.

⁸ Там же. — 1990 — 21 дек.

⁹ Правда. — 1990. — 11 дек.

¹⁰ Вторая сессия ВС РСФСР. Бюллетень № 25 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей. — 1990. — 16 окт. — С. 37.

¹¹ Бюллетень № 37 совместного заседания... — 1990. — 13 нояб. — С. 4.

¹² Рос. газ. — 1990. — 21 дек.

¹³ *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1.— С. 570.

¹⁴ Там же. — С. 571; *Ясин Е.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. — М., 2002. — С. 132—168; запись интервью с Г. А. Явлинским. 08.04.2004. — Архив автора.

¹⁵ *Медведев В. А.* Перед вызовами индустриализма. Взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России. — М., 2003. — С. 88.

¹⁶ Явлинский весной 1990 г. изучал в Японии опыт ее послевоенного экономического восстановления.

¹⁷ Впоследствии Явлинский рассказал: «На первой встрече с Ельциным я четко артикулировал: это программа для Союза, и реализована она может быть только в его масштабах. Ельцина это не устроило. “Идите, думайте, что делать с программой”, — сказал он на прощанье. Тем же вечером я придумал выход из положения: это программа, выработанная Россией для Союза. Через неделю Ельцин предложил мне пост вице-премьера» (запись интервью с Г. А. Явлинским. 19.07.2002. — Архив автора).

¹⁸ *Федоров Б.* 10 безумных лет. — М., 1999. — С. 47.

¹⁹ Так, по мнению Рыжкова, отстаивавшего достоинства правительственного плана реформы, «500 дней» были «цифровым анекдотом», «фантастическим» и «экстремистским», которым «всей стране долго голову морочили», поскольку опирался он на «нереалистичную, экономически иллюзорную теорию» (*Рыжков Н.* Десять лет великих потрясений. — М., 1995. — С. 430—431). Отвечая на эти расхожие обвинения («Как так? За 500 дней переделать экономику большой страны?!»), Ясин подчеркивал, что «...500 дней отводились... на чрезвычайные меры, которые должны были изменить генотип социально-экономической системы, чтобы из нового генотипа могла развиваться рыночная экономика. Наш опыт показал, что для этого 500 дней достаточно» (*Ясин Е. Г.* Указ. соч. — С. 152). Медведев критикует «...500 дней», в частности, за то, что «для союзного правительства в ней не оставалось места» и она предусматривала сохранение лишь экономического союза между советскими республиками, что, как показали дальнейшие события, без сохранения СССР оказалось невозмож-

но (*Медведев В. А.* Перед вызовами... — С. 94—98). Эта критика не представляется мне справедливой. «500 дней» были не всеобъемлющей, а экономической программой. Что же касается отстранения правительства Рыжкова от ее выполнения и передачи соответствующих функций Межреспубликанскому экономическому комитету, то нельзя забывать, что именно это правительство стало центром сопротивления программе.

²⁰ Переход к рынку. Концепция и программа. — Ч. 1. — М., 1990. — С. 16—28, 86—100.

²¹ *Федоров Б.* Указ. соч. — С. 61.

²² Бюллетень № 25 совместного заседания... — 1990. — 16 окт. — С. 34.

²³ *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1. — С. 572.

²⁴ Правда. — 1990. — 12 авг.

²⁵ Переход к рынку... — С. 16—20.

²⁶ В то время это было собрание руководителей союзных республик.

²⁷ Впоследствии Горбачев объяснял смену своей позиции двумя моментами. Во-первых, «программа Шаталина—Явлинского, признавая необходимость экономического союза республик, оставляла за скобками проблему сохранения их политического союза». Во-вторых, программа, которая сначала привлекла президента «своей свежестью и неординарностью постановки проблем перехода к рынку», носила «печать экономического романтизма, а если говорить проще, она была недостаточно реалистичной». Горбачев просто воспроизвел расхожую критику «500 дней» (*Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1. — С. 576—577). Это было тем более досадно и неожиданно, что в августе 1990 г. Горбачев, находясь в Форосе, по свидетельству Черныяева, пристально следил за нею, постоянно сносился с ее участниками — Петраковым и Шаталиным — и был исполнен энтузиазма: «Входим в рынок!», «Мы делаем выбор!», «Любые проволочки приведут к весьма опасным последствиям...» (*Черныяев А.* Шесть лет с Горбачевым. — М., 1993. — С. 366—367).

²⁸ *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1. — С. 564—587; *Рыжков Н. И.* Указ. соч. — С. 429—459; *Федоров Б.* Указ. соч. — С. 41—71; *Филатов С.* Совершенно не секретно: Кулуары российской власти. — М., 2000. — С. 90—97; *Ясин Е. Г.* Указ. соч. — С. 152—168 и др.

²⁹ Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. — 1990. — № 15. — С. 207.

³⁰ «Сдали нервы», — так объяснил этот шаг союзного правительства Горбачев (*Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1. — С. 579). Трудно в это поверить, зная, какое влияние он оказал на нагнетание психозов в разгар I СНД РСФСР.

³¹ Бюллетень № 19 совместного заседания... — 1990. — 9 окт. — С. 18—19.

³² Бюллетень № 36 совместного заседания... — 1990. — 31 окт. — С. 100—150.

³³ Бюллетень № 27 совместного заседания... — 1990. — 17 окт. — С. 30—34. Явлинский сделал то, на что годом раньше не решился Абалкин, когда его

программа стабилизации экономики, выдвинутая осенью 1989 г., была перечеркнута принятым правительством Рыжкова планом на 1990 г., возвращавшим экономику к госплановским методам управления.

³⁴ Там же. — 1990. — 17 окт. — С. 34—41; Бюллетень № 42 совместного заседания... — 1990. — 22 нояб. — С. 5—9; запись выступления Явлинского в комитете ВС по экономической реформе. 20.11.1990. — Архив автора.

³⁵ Бюллетень № 42 совместного заседания... — 1990. — 22 нояб. — С. 8. К этому времени Явлинский уже имел важную информацию о намерениях Ельцина, который в разговоре с влиятельным американским сенатором Доулом спросил, опасна ли для его политического будущего реализация программы «500 дней». Доул ответил утвердительно, и тогда Ельцин сказал: раз так, я повременю с ее выполнением — у меня весной выборы. — Запись интервью с Г. А. Явлинским 19.07.2002. — Архив автора.

³⁶ Независимая. газ. — 1991. — 19 марта.

³⁷ Б. Федоров рассказывает, что в правительстве после ухода Явлинского кольцо противников цивилизованной политики стало сужаться, и он, оказавшись в изоляции, сорвался и «перестал быть министром даже без личной встречи с премьером или президентом». «Сегодня я понимаю, что так действовать, наверное, не стоило», — заключает он (*Федоров Б.* Указ. соч. — С. 67—69).

³⁸ *Явлинский Г.* Десять лет. — М., 1999. — С. 35. Заявление тринадцати авторов программы было опубликовано в «Комсомольской правде» от 4 ноября 1990 г.

³⁹ *Явлинский Г.* Десять лет. — С. 36.

⁴⁰ *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1. — С. 584.

⁴¹ Выступление Горбачева на сессии ВС СССР 17.11.1990 // Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985—1991. — М., 1991. — С. 477—479.

⁴² Известия. — 1990. — 18 дек.

⁴³ Там же. — 1990. — 21 дек. Записи интервью с А. Н. Яковлевым 20.07.2004 и В. А. Медведевым 28.06.2004. — Архив автора.

⁴⁴ Горбачев признал позже, что Янаева он, «...ставя на карту свой авторитет, буквально навязал Съезду... Крупный просчет» (*Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 2 — С. 532).

⁴⁵ Известия. — 1990. — 20 дек.

⁴⁶ По подсчетам А. Собянина, изменения в распределении депутатов по итогам 10 наиболее значимых поименных голосований не выходили за пределы немногих процентных пунктов.

⁴⁷ Ст. 12 Конституции РСФСР—РФ в редакции 1991—1993 гг.

⁴⁸ Постановление II СНД РСФСР «О подготовке законопроектов о реорганизации государственных органов РСФСР» // Сборник документов, принятых I—VI СНД РСФСР. — М., 1992. — С. 159.

⁴⁹ Внеочередной СНД РСФСР. 10 декабря 1990. — Бюл. № 21. — С. 34.

часть 3

1991. ПОСЛЕДНИЙ ГОД СОВЕТСКОГО СОЮЗА

У народов время есть, они вечны; смертны лишь короли.

Генрих Гейне

1991 г. начинался совсем не так, как предшествующие — 1989-й и 1990-й. Волна общественного подъема, питавшегося ожиданием скорых благих перемен, почти незаметно вначале пошла на спад. На улицах теперь все реже встречались люди, жадно прильнувшие к портативным радиоприемникам. Остановился рост тиражей «перестроечных» журналов.

Заметно труднее стала повседневная жизнь. Полки магазинов опустели даже в Москве и других «привилегированных» городах. Прекратили бег в столицу «колбасные электрички» из подмосковных областей. Теперь уже и за хлебом выстраивались такие очереди, как два года перед тем за колбасой. Новые руководители Моссовета, получая тревожные сводки о том, на сколько дней осталось запасов продуктов первой необходимости, лихорадочно изыскивали нетрадиционные источники снабжения. Руководители областей «красного пояса» к югу от Москвы сознательно блокировали поставки продовольствия в столицу, к этому добавлялось и общее расстройство хозяйственной системы. Москвичам выдали визитные карточки покупателей, только по предъявлении которых можно было купить, если повезет,

кое-какие продукты. Нарастала инфляция, в промтоварных магазинах были сметены даже безнадежные, как прежде казалось, неликвиды — чудовищные швейные и обувные изделия советского легпрома. Лихорадочные — и совершенно бессмысленные — первые экономические меры нового кабинета Павлова, вроде принудительного обмена 50- и 100-рублевых купюр у населения, вносили дополнительную сумятицу и раздражение. Таков был социальный фон, на котором продолжало разворачиваться действие политического театра.

глава 8 На пути к Августу

Вот если бы только не август,

Не чертова эта пора!

Александр Галич

КРИЗИС... КОНФЛИКТ? КОМПРОМИСС?

Семь с половиной месяцев 1991 г., вплоть до августовского путча, были насыщены событиями, как никогда прежде. Две репетиции госпереворота: в январе в Прибалтике и в марте в Москве. Три пленума ЦК КПСС в январе, апреле и июле, в ходе которых отчетливо обнаружилась изоляция Горбачева и бессмысленность присутствия в руководящих органах партии немногих оставшихся там прогрессистов. Три Съезда народных депутатов России. Хотя игра на них шла с переменным успехом, главный выигрыш доставался Ельцину и его наспех формировавшейся команде и лишь косвенным образом — российским демократам. В марте — два референдума, бесполезный союзный и весьма результативный российский. Выборы российского президента в июне, которые стали завершением мартовского референдума и, по сути, еще одним референдумом, во многом предопределившим ход событий на последующие два с половиной

года. И это еще не полный перечень узловых моментов на пути к Августу.

Три августовских дня рассекли надвое не один только 1991 г., но и все время, столь многообещающее вначале и принесшее далеко не только сладкие плоды. Поэтому предшествовавшие тем дням месяцы видятся как неотвратимое движение к развязке. Если история не знает сослагательного наклонения, то события могли разворачиваться только так, как они действительно происходили, и их исход был более или менее предreshен. Если же исходить из того, что страна в очередной раз оказалась перед альтернативой, миновала несколько исторических развилок, на каждой из которых она могла двинуться по иному пути, то события первых семи месяцев 1991 г. содержат не только известный ответ, но и задают немало вопросов, в которых еще предстоит разобраться историкам.

К 1991 г. сложились две большие противостоящие друг другу коалиции. Консервативный лагерь, вобравший в себя часть партийных реформаторов начала перестройки, был ориентирован на «планово-рыночную» систему и приоритет госсобственности, сохранение союзных суперструктур и контроля высших инстанций КПСС над государственными органами. Их противники на улицах и площадях, в российском парламенте бились за радикальный переход к рынку, департизацию государственной власти и суверенитет республик. Жестокой схватки между ними, по-видимому, избежать было нельзя. Потому что затронуты были коренные, сущностные, непримиримые интересы. Потому что силы противостоявших коалиций казались их участникам если и не равными, то соизмеримыми, и потому каждая из них была ориентирована не на хлипкий компромисс, а на решительную победу. Потому что в обеих коалициях тон все более задавали радикальные элементы. Потому что таковы были политическая культура и историческая традиция в нашей стране. Поэтому надежды на прочный, долговременный компромисс — если у кого-нибудь таковые еще сохранялись — были иллюзорны.

Однако предрешено было далеко не все. Нельзя было заранее сказать, где пройдет линия разлома и в обществе, и в партийно-государственных структурах. Насколько тотальным будет поражение одной из сторон? В какой мере жертвой в борьбе за власть станет Союз ССР? Что станет с партией: вернет она себе прежнюю роль, рухнет или же даст строительный материал для многопартийной системы? Когда — раньше или позже — конфликт войдет в острую фазу? Наконец, на кого из участников борьбы работало время?

В предавгустовский период основным рубежом во времени и пространстве стала последняя декада апреля, когда декларация «9 + 1» (ее подписали руководители девяти из пятнадцати республик, еще готовые связать свое будущее с какой-то формой реформированного Союза, и союзный президент) положила начало так называемому ново-огаревскому процессу. До того маховик конфликта раскручивался с нарастающей силой и быстротой. После того появилась некоторая надежда, как вскоре оказалось — призрачная, на еще один компромисс — мирное перераспределение власти. Политический процесс явил стране ее лидеров в новом облике. Горбачева, как казалось, выразившего готовность к сдаче, хотя бы и частичной, тех позиций, отстаивание которых в предыдущем году привело его к видимому альянсу с реваншистами. И Ельцина, выступившего в непривычной для него миротворческой роли. Но инерция противостояния и деструктивных процессов, набравшая силу в предшествующие месяцы, была столь велика, что общество, массовые участники борьбы или не заметили этого сдвига на верхушке политического Олимпа, или не придали ему должного значения. Более того, в самих союзных государственных структурах, куда перемещалась власть от партии, в правительстве и даже в администрации Президента СССР сложился силовой центр, не удовлетворенный последним политическим зигзагом Горбачева и готовый идти до конца — вплоть до выведения президента из игры. Мне же в те кризисные месяцы эти события виделись так.

«Что предлагают коммунисты»¹

Прошедший [в январе] объединенный Пленум ЦК и ЦКК КПСС, по всей вероятности, станет заметным явлением даже в динамичном потоке событий нынешней «горячей зимы».

В былые времена пленумы ЦК были важнейшими вехами официальной политической жизни. Не то чтобы на них вырабатывался или хотя бы всерьез обсуждался курс партии. Несколькими сотами номенклатурных работников созывались, чтобы выслушать решения, принятые высшими иерархами, и легитимизировать их от имени всей партии.

В последние годы положение изменилось: линии размежевания, разделившие многомиллионную массу «единомышленников-коммунистов», все отчетливее проявляются и на пленумах. Атаки справа на реформаторов в партийном руководстве стали более явными и яростными. Тем не менее М. Горбачев и его ближайшие помощники сохраняли известную свободу рук для продолжения избранного курса, несмотря на его срывы и откаты. Похоже, что последний пленум обозначил новое соотношение сил в официальных структурах КПСС. Уход из партии лидеров и преобладающей части актива демократического движения, вытеснение из ее руководящего ядра таких видных «архитекторов перестройки», как А. Яковлев и Э. Шеварднадзе, перестановки в политбюро и возникновение бастиона правоконсервативных сил в лице КП РСФСР предопределили глубокий и, скорее всего, необратимый сдвиг. Меняя политические ориентиры, пленум приступил к оформлению этого сдвига. «Теперь уже ясно всем, что перестройка, задуманная в 1985 году... не состоялась, — заявил на пленуме И. Полозков. — Так называемым демократам удалось подменить цели перестройки, перехватить инициативу у нашей партии». Если руководящий штаб партии именно так оценивает итог, к которому пришли страна и партия к исходу шестого года перемен, если «КПСС не сумела вовремя разгля-

деть начало перерождения перестройки», — а И. Полозков слишком заметная фигура в новом руководстве, чтобы расценить его заявление как полемический перехлест, — то проводившийся до сих пор курс нуждается не в частичной корректировке, а в радикальном пересмотре. Конечно, в выступлениях на пленуме сохраняется — и будет сохраняться, пока повороту пытаются придать плавный характер, а глава государства и партии остаются на своем посту, — известная толика «перестроечного» словаря. Но в политическую лексику вводятся новые и не забытые еще старые понятия и лозунги, призванные не просто остановить продвижение нашего общества вперед, а отбросить его на те рубежи, где был взят якобы неверный старт.

Итак, что же нам предлагают?

В экономике, подтверждая «вхождение в рыночные отношения», продолжают досылать снаряды в загубленную их же стараниями программу действительного перехода к рынку «500 дней» и отмечают критику мер, которые носят антирыночный характер,

В политике — поразительно, но факт, — обозначив скороговоркой готовность к диалогу и компромиссу, вновь заявляют претензии на монопольное обладание властью: «Ни о какой многопартийности у нас сейчас не может идти речи».

В межреспубликанских отношениях — сведение глубокого и сложного общественного конфликта к проискам «националистов и сепаратистов», сохраняющаяся протекция организаторам самозванных «комитетов общественного спасения» в Прибалтике, повинных в попытке путча.

Во внешней политике — нажим на государственные органы с тем, чтобы изменить позицию СССР в ООН, вывести нашу страну из широкого международного фронта, только и способного образумить агрессора теми средствами, которые доступны пониманию диктаторского режима².

В идеологии — возврат «классового подхода» и «классовых ценностей», разжигание социальной ненависти к тому нарож-

дающемуся предпринимательскому слою, без которого не может быть рынка. запугивание людей, задавленных монополиями, административными и квазирыночными структурами (куда устремляются также и партийные капиталы), якобы угрожающей им «диктатурой частного капитала».

Так выглядит эта привлекательная программа. Для того, чтобы она была принята не только пленумом, но всей партией, и не просто принята, а реализована в деятельности партийных организаций, необходимо привести к порядку и саму партию. На этот счет предусмотрены соответствующие меры: индивидуальные собеседования с членами КПСС (кто их станет проводить?), сбиение партийных депутатских групп в Советах с секретарями райкомов и обкомов во главе, перерегистрация отдельных парторганизаций, борьба с теми, кто пытается «подбросить партии новые или реанимированные старые темы для дискуссии»...

Не будем строить иллюзий: взят курс на отсечение от партии тех, кто противится окончательному захвату партии право-консервативными силами. Тех, кто не уйдет сам, надо полагать, «уйдут». Не об этом ли предупреждает грозное предостережение Шаталину, внесенное в постановление пленума?

А что же Президент и генеральный секретарь партии? Осознает ли он, что уход левого крыла делает его окончательно заложником правых сил, которым он нужен лишь до времени и которые не преминут от него избавиться?

На мой взгляд, тактический выигрыш Горбачева на XXVIII съезде КПСС был, если следовать логике политической эволюции в 1985—1987 гг., и его стратегическим просчетом. Быть может, уже непоправимым. И все же то, что на последнем пленуме он не выступил с заглавным политическим докладом и тем самым, возможно, захотел как-то дистанцироваться от «пира победителей», оставляет проблеск надежды. Проблеск, который тускнеет с каждым днем.

«ДО И ПОСЛЕ ВРЕМЕНИ “Ч”»³

— Приходится слышать, что приход авторитарных форм правления неизбежен, что это закономерность и можно только сделать этот процесс менее болезненным. Последние события подтверждают эти прогнозы... Как будут действовать демократы в условиях диктатуры?

— Я вовсе не считаю приход авторитаризма абсолютно неизбежным. Конечно, если выстроить логическую цепочку последних действий союзного руководства, принять во внимание предостережения, с которыми выступали бывшие соратники Горбачева — Шеварнадзе, Яковлев, Шаталин, то развитие событий именно в этом направлении выглядит вполне вероятным. Но вероятность еще не означает предопределенность. Первейшая задача демократов — воспрепятствовать такому повороту к авторитарному режиму, при котором будут отняты главные завоевания так называемой перестройки — гласность, возможность относительно свободной деятельности демократических организаций и т. д. Потому демократам сегодня необходимо представлять, что делать, чтобы все же помешать установлению диктатуры, и как действовать, если время «Ч» все же наступит.

Начну, как это ни покажется странным, с ошибок и просчетов самих демократов. Думаю, что, придя к власти (или разделив власть) в ряде регионов страны, они принесли с собой многие черты прежнего мышления, прежнего поведения, прежней организации. Демократы во многом ведут себя как оппозиция, действующая в условиях тоталитарного режима. Сфера деятельности, к которой они привыкли, — преимущественно митинговая. Придумать резкий, хлесткий термин, «задевающий за живое» оппонента, выбросить зажигательный лозунг... Увы, и на сегодняшний день дело зачастую этим и ограничивается.

Примеры очевидны. Возьмите Верховный Совет России. После овладения ключевым постом — Председателя Верховного Совета РСФСР, принятия Декларации о государственном су-

вернителе республики среди демократов воцарилась эйфория. Она и помешала заняться таким первостепенным вопросом, как формирование российского правительства. Фактически оно было создано вне той политической культуры, которую выработал мировой парламентаризм.

Как правило, после парламентских выборов правительство формируется победившей политической партией. Эта партия имеет не митинговую, а конструктивную программу общественных преобразований, которая предусматривает различные варианты развития событий и реагирования на них. Такой программы у победивших демократов не было, но надо было немедленно заняться ее созданием. Ведь среди сторонников демократических перемен было немало ученых, интеллектуалов, готовых работать над этой программой. Но опять подвела организация.

Мировая практика свидетельствует, что есть выход и тогда, когда невозможно по тем или иным причинам создать правительство, опирающееся на прочное парламентское большинство. В таком случае создается правительство специалистов с ограниченной задачей, на ограниченный срок — при поддержке или нейтралитете парламентского большинства. Нынешнее же российское правительство — это не правительство специалистов, не правительство, опирающееся на какие-то партийно-политические структуры. В значительной степени — это случайное правительство, состоящее из случайных людей, которых пришлось подбирать по-дилетантски, в пожарном порядке. В одних случаях выбор оказался удачным, в других — не очень, в третьих — совсем неудачным.

К числу очевидных просчетов российского парламента и правительства можно отнести и то, что они как бы взяли на себя (причем совершенно необоснованно) часть ответственности за провал программы «500 дней». (Хотя вся вина лежит на союзном Верховном Совете и Президенте, который отступился от нее в последний момент). В результате — уход из республи-

канского Совмина таких радикально настроенных людей и выдающихся специалистов, как Явлинский и Федоров.

Из-за организационной расхлябанности демократов оказались сорванными попытки провести на республиканском Съезде народных депутатов или заседании Верховного Совета ряд важных решений. Вспомним хотя бы историю с избранием Шахрая заместителем Председателя Верховного Совета. Не хватило каких-то 27 голосов, а в это время в зале заседаний отсутствовало около двухсот депутатов. Аналогичный случай произошел в ВС России в первый день обсуждения резолюции о политическом положении в стране (в связи с событиями в Прибалтике), для принятия которой не хватило всего нескольких голосов. В это время отсутствовало около семидесяти депутатов. По какому бы варианту ни пошло развитие страны, несомненно одно: организационный «недуг» демократам придется изживать, если они действительно ставят перед собой серьезные цели.

Проблемы организации, кадров, структурированности демократического движения — вот чем нужно заняться безотлагательно. Но мы по-прежнему делаем вид, что демократическое движение — это какое-то общее собрание, клуб, в котором можно работать, а можно числиться.

Для того чтобы противостоять мощному аппарату КПСС, который все очевиднее переходит — это показал последний пленум ЦК — под контроль правых сил, лелеющих идею политического реванша, необходимо иметь более четкую, дисциплинированную организацию. Если же этого не будет сделано, то демократов ожидают серьезные испытания. Правда, радует, что многие люди в нашем движении это начинают понимать, о чем говорит прокатившаяся после московской демонстрации 20 января волна создания ячеек «Демократической России» на московских предприятиях, в учреждениях и институтах.

— *В свое время демократы выступали против «демократического централизма» как принципа организационного*

строения партии, боролись за департизацию производства. Означают ли ваши сегодняшние высказывания, что позиция корректируется?

— Я понимаю, что такой вопрос закономерен, и готов на него ответить. Я был и остаюсь противником централизма, если понимать под централизмом парадные съезды, отбор ораторов, безраздельное господство руководящих органов над всеми членами партии, номенклатурный принцип утверждения на государственные должности, занятие определенных постов только членами партии и т. д.

Иное дело — ответственность людей, которые добровольно вступили в общественную организацию, а значит, отдавали себе отчет в том, что они будут нести определенную ответственность. Подчинение меньшинства большинству в некоторых случаях тоже необходимо. На Западе известна практика, когда парламентская фракция разрешает тому или иному члену воздержаться при голосовании или не участвовать в нем, если он имеет свою точку зрения, отличную от партийной.

Теперь по вопросу о департизации. Действительно, на заседании Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР некоторые ее члены настаивали на запрете деятельности политических партий на государственных предприятиях, в учебных учреждениях и т. д. Они считают, что компартия слишком укоренилась на производстве, и сохранение ее структур не даст развиваться структурам других партий. Если бы такая точка зрения возобладала, то демократы получили бы временный выигрыш, который вскоре бы вернулся бумерангом. Реальные связи между людьми, особенно в условиях больших и средних городов, — это производственные связи. Было бы непрактично выступать за организацию партийных ячеек только по месту жительства — в наших-то условиях, когда человек не знает даже, кто живет в его подъезде.

На мой взгляд, департизация должна распространяться только на ограниченный круг учреждений — органы госбезопасности

и внутренних дел, армию, суды, прокуратуру. Сюда же должен быть включен перечень высших государственных постов. Занимающие их приостанавливают членство в той или иной партии. Вовсе не обязательно выходить, пусть даже временно, из партии министру — это требование покажется абсурдным, как только мы начнем формировать правительство на партийной основе. Думаю, можно разрешить находиться в той или иной партии и рядовому работнику милиции или даже офицеру — но с условием: не создавать по месту работы партиячейки.

— *Организационное единство, сплочение «Демократической России», продуманная расстановка кадров в тех властных структурах, которые находятся под контролем демократов... и мы сможем противостоять наступающей диктатуре?*

— Необходимо также наладить контроль российского правительства над финансово-кредитной системой и органами государственного принуждения. Иначе решения Верховного Совета РСФСР окажутся неосуществимыми.

Своим указом об изъятии из обращения 100-рублевых и 50-рублевых купюр Президент и союзное правительство показали, в чьих руках находятся важнейшие рычаги экономики. Конечно, введение собственной кредитно-банковской системы, собственной валюты — дело непростое, оно связано с колоссальными вздержками. Но если в ближайшие месяцы не удастся достигнуть с Центром договоренности, на этот шаг все-таки придется пойти. Иначе демократам так и не удастся изменить положение, при котором реальная власть принадлежит союзному правительству, а ответственность за экономические провалы возлагается на них. Надо добиваться, чтобы как можно больше предприятий из союзного подчинения перешло в республиканское, включилось в экономические связи, организуемые Российской Федерацией.

Однако пока нам нечего будет противопоставить центральному аппарату подавления, ситуация коренным образом не изменится. Россия должна иметь собственные органы национальной

безопасности, внутренних дел, национальную гвардию. Только тогда она станет сильной республикой. И Центр это прекрасно понимает. Отсюда — его реакция. Вы заметили: несколько ни к чему не обязывающих заявлений Ельцина на этот счет вызвали настоящую истерию в газетах типа «Советская Россия», «Правда» и им подобных. Другой союзной республике, скажем, той же Грузии, Молдове, или республикам Прибалтики оказалось куда легче создать свои вооруженные формирования, чем России. Или возьмите такой пример. Положение русскоязычного меньшинства в Прибалтике совершенно несопоставимо с положением осетин и абхазов в Грузии или армян — жителей Нагорного Карабаха. Почему же такая болезненная, опережающая реакция в одних случаях и полнейшая апатия в других?

Все дело в том, что позиция союзного руководства диктуется отнюдь не абстрактными соображениями защиты прав угнетенного меньшинства. Она диктуется политическим расчетом, когда интересы того или иного народа — всего лишь фигуры на шахматной доске.

Резюмирую. Если демократы не обеспечат контроль над тремя составляющими власти: кадрами, финансово-кредитной системой и органами государственного принуждения, то они потеряют даже ту власть, которую сейчас имеют. Вот тогда диктатура придет неминуемо...

— *Все же представим худшее: она пришла...*

— И вот здесь вступают в действие те автономные структуры, которые уже теперь должны создаваться демократическим движением. Возможно, что в день или, вероятнее всего, в ночь «Х» значительная часть народных депутатов России, Московского, Ленинградского и некоторых других советов, руководителей демократического движения одним ударом будет «выведена из игры».

Скажем, интернирована, как это произошло в Польше в 1981 году. Сходный вариант я считаю наиболее вероятным в нашей стране. Массовый террор, как в 37-м году, думаю, невоз-

можен. До тех пор, пока будут восстановлены прерванные связи, выдвинуты новые лидеры и т. д., надо, чтобы локальные структуры действовали так, как действуют люди в условиях аварии на предприятии или на корабле. Когда масштабы катастрофы еще неизвестны, но в то же время каждый знает, что должно предпринимать. Первым делом, вероятно, пройдут кампании гражданского неповиновения. Но я бы не считал правильным какие-либо насильственные действия людей в защиту поправленной Конституции. В условиях, когда на улицы выйдет вооруженная армия, было бы просто преступно толкать молодых, горячих людей в лучшем случае — под приклады, в худшем — под пули. Повторяю: действия демократов должны носить максимально непровоцирующий, ненасильственный характер.

Может быть, станет возможной всеобщая политическая забастовка. Насколько она будет массовой и длительной — настолько и эффективной. В Боливии, например, в 70-е годы массовая всеобщая забастовка трудящихся заставила отказаться от власти организаторов только что свершившегося военного переворота. Но я допускаю, что всеобщая забастовка может и не удалась. В любом случае надо быть готовым к тому, чтобы развернуть деятельность самиздата, подпольных радиостанций, наладить обмен информацией, в том числе и ее передачу за рубеж.

Думаю, что вскоре после переворота возникнут процессы, с которыми власти не смогут совладать. Его организаторы могут на время подавить политические и гражданские права. Но они не в состоянии вывести страну из глубокого экономического и социального кризиса. (Пример — режим Ярузельского в 1981—1987 годах в Польше.) Вот тогда-то и понадобятся на предприятиях, в трудовых коллективах люди, способные стать лидерами новой демократической волны. Таких людей уже сейчас надо готовить в организациях «Демократической России» на предприятиях. Мне придает оптимизма то, что существует ряд факторов, которые не могут поставить под свой контроль организаторы переворота, даже если они этого очень захотят. Нашу экономику невоз-

можно уже вернуть ни во времена брежневского развала, ни в период сталинско-орджоникидзевого «подъема». На административной основе создать рынок нельзя. В наших условиях авторитарная власть неизбежно будет враждебна по отношению к рынку. На худой случай она создаст рынок монополистический.

— *«Номенклатурный капитализм»?*

— Можно его назвать и так. Это будет капитализм, который не даст решительного экономического подъема, без которого общество не сможет решить самые элементарные проблемы. Это, во-первых. А во-вторых, мы сейчас во многом зависим от поведения Запада, его реакции на происходящие в нашей стране события, его готовности предоставлять кредиты, льготные условия для торговли и т. д. Организаторы реакционного переворота могут на все это не рассчитывать.

Надо сегодня показывать сторонникам диктатуры, что переворот не принесет им ожидаемого успеха, что он может сорваться уже в первые дни и, во всяком случае, не приведет к тем результатам, на которые они рассчитывают. В структурах власти и вокруг них, конечно, есть люди, готовые совершить свое подлое дело. В то же время им не хочется оказаться неудачниками. Напомним этим людям слова Талейрана: «Неудавшихся подлостей люди не прощают».

«Политика не терпит импровизаций»⁴

...Когда Горбачев говорит, что хаос ведет к диктатуре, он не запугивает, а излагает свое видение вполне возможной перспективы. Правда, диктатура вряд ли остановит хаос. Более вероятны в случае установления диктатуры те картины, которые были так ярко обрисованы Кабаковым в известном сценарии «Невозвращенец», т. е. диктатура вместе с хаосом, а не вместо него, ибо ни одной проблемы нашей страны в конце XX века даже в среднесрочном плане диктатура решить не сможет.

Поразительно другое: считая этот вариант достаточно вероятным, демократы к нему совершенно не готовятся. Вспом-

ним ситуацию в Польше в канун декабря 1981 года, когда все, казалось бы, предвидели переворот. Я, как и многие другие, думал, что «Солидарность» заготовила какие-то контрходы, параллельные структуры. Но оказалось, что все организационные структуры «Солидарности» были парализованы одним ударом. Другое дело, что через 7 лет политический маятник двинулся в другую сторону. Но 7 лет — это 7 лет... Готовы ли мы к подобному ходу событий в нашей стране? Но даже если не ориентироваться на экстремальную ситуацию, насколько профессионально ведем мы политическую борьбу?

Я бы обозначил четыре актуальных вопроса: стратегия демократических сил, их позиции в структурах власти, организация демократов и проблема лидерства.

Одно из самых расхожих обвинений в адрес демократов заключается в том, что у них нет программы. Это неверно. Программ у демократов тьма, среди них есть несколько вполне дельных. Например, известный план приступа к экономическим преобразованиям — «500 дней» Шаталина—Явлинского. Или то, что предлагал Попов в своей публикации «Что делать?», — чем не программа? Уж во всяком случае не хуже, чем ответы на этот вечный российский вопрос, которые в разное время были даны авторами двух широко известных под таким же названием произведений... Чего нет, так это стратегии. На чем строится стратегия демократов? Все более концентрируется она в сущности на двух пунктах.

Главный стратегический лозунг — это противостояние политике Центра, лозунг, который все более заостряется против Горбачева. Конечно, антигорбачевские лозунги спланивают миллионы, во всяком случае в Москве — сотни тысяч людей. Но это вообще-то не очень здорово для ответственного политического течения: консолидировать сторонников на базе ниспровергательных лозунгов, а не лозунгов позитивных. Когда демократы выходят на улицы и скандируют: «Долой Горбачева!», «Горбачев, вон из Кремля!» — это эффектно, но не слишком

конструктивно. Мои претензии к Горбачеву не в том, что он якобы стремится к неумеренной власти, а в том, что претендуя хотя бы на словах на позицию политического центра, он на деле такую позицию не занимает, а все более капитулирует под давлением правых троглодитских сил.

Но давайте попытаемся просчитать следующий ход, если Горбачев действительно уйдет в отставку. Разве Горбачев во главе государства — наибольшее зло? Хуже быть не может? И не подыгрывают ли демократы тем силам, которые на прошлом съезде выдвинули безответственную Умалатову, выступая застрельщиками отставки лидера, от которого мы примерно уже представляем, что можно ждать, и замены его — при нынешнем соотношении сил в союзном парламенте — другим лидером, который слабо предсказуем?

Правда, у демократов есть на этот случай второй лозунг. Они предлагают заменить власть президента властью Совета Федерации. Подчас даже восклицают: «Вся власть — Совету Федерации!», хотя ясно, что всю власть нельзя давать никому. Но даже не в столь крайнем выражении этот лозунг у меня вызывает очень серьезные сомнения.

Здесь мы переходим к другому краеугольному камню стратегии, а именно: суверенитету, который демократы сделали чуть ли не исповеданием веры. С моей точки зрения, из этого лозунга выжато уже все или почти все. Спасибо ему, он сделал полезную работу. Но мало что сверх того с суверенитетом, по крайней мере в России (я не говорю о Латвии или Литве), можно еще сделать. Не говоря уже о том, что цепная реакция «суверенитетов» вчерашних автономий подрывает единство Российской Федерации, ведь не хотим же мы и впрямь, как твердят наши политические противники, развала Союза.

Как же можно представить управление Союзом посредством Совета Федерации? Это вообще непрактичная модель для управления единой экономикой, взаимосвязанными социальными процессами. Надо отдать себе отчет в том, что если мы дей-

ствительно передадим власть Совету Федерации, это может повести к распаду Союза, введению своих валют и т. д., потому что договариваться о конкретных экономических шагах, по поводу тех или иных практических действий в таком разноликом собрании, каким является Совет Федерации, совершенно нереально. Очень скоро мы окажемся перед необходимостью принимать оперативные меры, а они потребуют создания своей банковской, финансовой системы, таможен, границ, своей армии. Я допускаю, что при неблагоприятном развитии событий нас к тому могут вынудить, но все ли мы сделали, чтобы этого избежать? И в особенности этот лозунг непрактичен сегодня. Что такое Совет Федерации? Представьте себе, соберутся, предположим, Кравчук, Снегур, Дементей, Ельцин, Ниязов, Махкамов, Тер-Петросян... Какие они смогут принять решения? Итак, стратегические задачи мы пока сформулировать не сумели.

Второе. Демократы как бы одновременно находятся у власти и не имеют власти в Москве, в Ленинграде, в России. Плохо, что чем дальше, тем больше ответственность за все то, что происходит, в сознании людей возлагается — и не может не возлагаться — на демократов. Хуже то, что демократы действительно должны нести ответственность за провалы и ошибки. И совсем плохо, когда демократы теряют чувство реальности и начинают воображать, что власть у них.

Сложилась своеобразные взаимоотношения властных структур, которые далеко не полновластны (я имею в виду правительство Силаева, одинокую за столом Президиума СНД СССР фигуру Председателя Верховного Совета России), с основными организациями демократических сил, т. е. теми их партиями, которые проходят нелегкое становление, и движением «Демократическая Россия». «Горячего телефона», вроде того, который связывает Горбачева с американским президентом и руководителями других крупных государств, у демократов с Ельциным нет. Политический потенциал «Демократической России» не замкнут, как это было на I съезде, на те центры,

в которых принимаются решения. Выработка стратегических и тактических решений идет параллельно. С одной стороны, в структурах «Демократической России», в ее Координационном совете, в парламентской фракции и т. д. С другой — в штабе Ельцина. Многих просчетов и ошибок можно было бы избежать, если бы между ними была надежная, повседневная связь, взаимная критика. Ведь даже демократы, постоянно контактирующие с Председателем Верховного Совета, выступают в качестве руководителей его подразделений, а не идеологов и лидеров политического движения, а это не одно и то же.

Третье. Демократы не стали силой, с которой считаются, в том числе и потому, что они плохо организованы. Единственное, что они научились делать на впечатляющем уровне — это проводить многотысячные демонстрации в главных городах. Это неплохо, но этого мало. Что же касается парламентской фракции, то после Съезда она все более превращается в нечто номинальное. Отсутствует самая элементарная дисциплина. В лучшем случае парламентарии правильно голосуют, и то не все и не всегда. Возглавив некоторые комитеты и комиссии, многие активисты демократического движения оказались потерянными для политической работы. В деятельности же комитетов и комиссий демократы несут ответственность за многие решения, в лучшем случае необдуманные, а в худшем — просто позорные...

И четвертое, проблема лидерства. У нас нет ни лидера, ни спаянной высокоавторитетной группы лидеров движения как такового. Без этого нет устойчивости политической партии или движения. Ельцин при всей его громадной популярности все-таки не лидер движения. Он как бы равноположен структурам демократического движения, но не входит в них и не очень зависит от них. А у «Демократической России» нет пока признанного руководящего штаба, который мог бы направлять деятельность организации.

Я очень обрадовался летом 1989 года, когда увидел список пяти сопредседателей Межрегиональной депутатской группы.

Мне казалось, что они взаимно прекрасно дополняют друг друга. Радость оказалась преждевременной. А у нас и вообще нет лидеров, которые бы имели бесспорный авторитет, достаточное влияние и вместе с тем — необходимое умение заниматься черновой работой. Все это, конечно, поправимо. Хотелось бы думать, что болезни эти — от младенческого возраста. Но чтобы лечить болезнь, надо точно поставить ее диагноз...

«Что может Съезд»⁵

Уважаемый президиум, уважаемые депутаты! Я выступаю здесь от имени объединенной фракции социал-демократов и республиканцев.

Но в особенности мне хотелось бы обратиться к своим коллегам из фракции «Коммунисты России», по инициативе которых был создан этот Съезд. Целесообразность созыва этого Съезда была неочевидна с самого начала. В первые дни работы Съезда проявилось немало такого, что на самом деле не укрепляет авторитет нашего Съезда, а скорее дискредитирует его. Тем не менее еще не поздно. Съезд еще может принять ряд важных решений, но для этого необходимо реалистически оценить ситуацию. И именно поэтому мне хотелось бы обратить внимание моих коллег из фракции «Коммунисты России» на реальную ситуацию в стране.

Уважаемые товарищи! Реальность сегодняшнего дня заключается в том, что реформу приходится проводить в неизменно трудных, исторически беспрецедентных условиях. Есть уходящая социально-экономическая система, и есть система, которая идет ей на смену. Можно эту реальность одобрять, можно ее отвергать, но это — реальность сегодняшнего дня. Давящая реальность сегодняшнего дня — также и многочисленные дефициты, которые вменяют в вину правительству России, призывают заняться ими наш Съезд. Мне хотелось бы напомнить слова академика Сахарова, сказанные без малого два года тому назад на первом Съезде народных депутатов СССР. Андрей

Дмитриевич говорил тогда: «Мы, Съезд, не можем накормить народ, не можем немедленно одеть людей, мы не можем немедленно очистить воды, реки, нашу окружающую среду. Единственное, что мы можем сделать здесь, на Съезде, — это создать предпосылки для решения первого, второго и третьего».

Это справедливо и для нас. Коллизия сегодняшнего дня — это трагический разрыв между властью и общественным авторитетом. С одной стороны — власть, структуры, которые реально осуществляют власть на территории нашей республики, хотя они все более теряют ее не только в, так сказать, «диссидентских» республиках — в Прибалтике или Закавказье, но также и в Казахстане и Средней Азии. Эти союзные структуры тем не менее сохраняют огромную власть над Россией. Эта власть все более теряет авторитет. Авторитет ее приближается к опасной отметке. С другой стороны — авторитет, но авторитет нашей российской власти не подкреплён необходимыми властными полномочиями. И вот этот дефицит, дефицит авторитета, дефицит доверия по отношению к тем, кто располагает реальной властью в нашей стране, мне представляется одной из самых больших опасностей.

И второй дефицит — дефицит времени. Уважаемые товарищи, сегодня, когда мы с вами спорим о том, как приступать к конституционной реформе, когда мы спорим с вами о том, какие действия необходимо предпринять, против наших предложений выдвигаются разного рода юридические аргументы: вопросы, которые требуют срочного решения, не по всем правилам обсуждены во всех комитетах и комиссиях. Товарищи, давайте оглянемся вокруг, ситуация не сегодня — завтра может выйти из-под контроля, и тогда поздно будет винить кого бы то ни было. На мой взгляд, необходимо сегодня решить две задачи, очерченные в докладе Бориса Николаевича Ельцина.

Нам необходимо срочно созвать круглый стол как переходный механизм власти в стране, как подготовку к созданию общесоюзного правительства народного доверия. Здесь выступал

депутат Исаков и говорил: «Круглый стол — прекрасно, но ведь нечего положить на этот стол». Нет, Владимир Борисович, на этот стол есть что положить, надо только решить главный вопрос. Необходимо, чтобы за этот круглый стол пришли те люди и организации, которые реально представляют существующие общественные силы. Это должны быть не марионетки, с которыми время от времени вели переговоры представители центрального правительства. Это должны быть реальные общественные силы⁶. И здесь мне хотелось возразить руководителю российских коммунистов, депутату нашего Съезда Ивану Кузьмичу Полозкову, который говорил, примерно, так: «Есть у нас реальная сила. Реальная сила — это коммунистическая партия, опирающаяся на народ. С другой стороны есть только амбициозные лидеры, которые не пользуются общественной поддержкой». Полноте, Иван Кузьмич, вы сами не верите в это утверждение.

Давайте обратимся к реальной ситуации в стране. На мой взгляд, есть три реальные силы. Первая сила — это партийные структуры — уходящая, но тем не менее реальная сила. Во-вторых, демократические организации. Это тоже вполне реальная сила. Это не какие-то там возмутители спокойствия, не какие-то экстремисты. За нами стоят миллионы, десятки миллионов избирателей. Мы не случайно в этом зале. И, наконец, есть мощная сила — рабочее движение. Прежде всего шахтеры, солидарность с которыми я хотел бы здесь прежде всего выразить. Вот три силы. Давайте сядем за круглый стол, попытаемся договориться о реальных вещах, а не заниматься болтовней. Давайте договоримся о том, каким образом власть будет переходить из одних рук в другие руки. Давайте договоримся об этом неотвратимом процессе мирно. Опыт стран Восточной Европы показывает, что этот путь связан с наименьшими издержками. Я понимаю, что для тех, кто держит рычаги реальной власти, это во многом неприемлемо, но поймите, ситуация такова, что завтра этот мирный путь может оказаться слишком запоздалым.

И второе, о чем мне хотелось бы сказать, это реформа нашей Конституции. Уважаемые товарищи, не хватило примерно двух десятков голосов для того, чтобы сформулировать в повестке дня вопрос так, как он реально должен стоять: об итогах российского референдума и мерах по реализации его решений. Неверно, что конституционная реформа не готова. Неверно, что можно отложить дело до мая. Это не так, слишком грозна ситуация.

Нам мешает не отсутствие проработанных законов, нам мешает отсутствие политической воли. В сущности говоря, позиции уже определились. Есть подходы к утверждению президентской власти, есть воля народа. Вы хотите сказать, что нет согласия. Да, согласия нет. Но разве в вопросе о Союзном договоре, разве в вопросе о Федеративном договоре существует бóльшая степень согласия? Тем не менее, мы их вынесли на Съезд. Поэтому я предлагаю: чтобы Съезд выполнил свою миссию, он должен решить главную проблему, ту проблему, которую за него никто решить не может. Давайте, не откладывая, внесем по минимуму изменения в Конституцию! Все остальное сделает Верховный Совет. Давайте откроем возможность для решения ключевой проблемы. Дело не в том, что у нас не хватает законов. У нас неплохие законы приняты, но в большинстве своем они представляют лишь юридическую коллекцию. Нам необходима достаточно эффективная исполнительная власть сверху донизу. От президента до мэра. И не принимайте всерьез собственные утверждения, к которым вы подчас прибегаете, что мы, демократы, стоим за абсолютную власть, за абсолютно-го монарха. У нас есть четкая программа, которая включает усиление всех ветвей власти. Но сегодня всего более не хватает влияния авторитета исполнительной власти для того, чтобы неплохие законы реализовать.

Товарищи, давайте снимем те барьеры, те конституционные ограничения, которые мешают нам двигаться вперед, а дальше в рамках доброй воли, в рамках взаимопонимания мы с вами договоримся о том, в каких пределах и каким образом из-

менить Конституцию. Помните, завтра может быть поздно!
Спасибо за внимание.

«ЧТО ТАМ, НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ГОРИЗОНТЕ?»⁷

— *Виктор Леонидович, как вы оцениваете сам факт появления Совместного заявления?*

— В общем и целом появление такого заявления надо приветствовать. События, которые произошли после 23 апреля, проясняют его смысл и оттеняют его позитивный аспект. Ослабление конфронтации между Российской Федерацией и центром, которое последовало после подписания Совместного заявления, позволило уже в среду на той же неделе относительно легко «продвинуть» российский закон о президентстве. Сопротивление фракции «Коммунисты России» было крайне минимальным, и выборы Президента России, назначенные на 12 июня, стали реальными. Отчасти, если можно так выразиться, эту дату сделал реальной третий, внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР и окончательно закрепил Верховный Совет России, приняв закон о выборах Президента России и закон о Президенте, о его роли и функциях в системе государственности. И второе событие — та легкость, с которой М. Горбачев на пленуме ЦК КПСС, последовавшем за этим заявлением, отбил атаку справа. С чем я готов поздравить Президента.

— *Для очень многих это заявление явилось полной неожиданностью. Были ли, на ваш взгляд, предпосылки к подписанию такого заявления?*

В этой связи хотелось бы отметить два события, которые прошли почти незамеченными. Но их можно расценивать как определенные вехи на пути к такой встрече, результатом которой было подписание соглашения.

Первой такой предпосылкой можно считать заявление Б. Ельцина во Франции о том, что если на Горбачева будет развернута атака справа, то они будут действовать сообща. Я не цитирую Ельцина дословно, но смысл, думается, не искажаю.

И ответный шаг Горбачева... Из опубликованного в газетах текста пресс-конференции Горбачева в Японии было изъято едкое и недружелюбное высказывание в адрес Ельцина, которое присутствовало при трансляции.

— *Подписание заявления — это компромисс между двумя лидерами?*

— Словесная дуэль двух политических лидеров действительно привлекает всеобщее внимание. И это часто интерпретируется как личное соперничество. Думаю, что элементы этого присутствуют с той и с другой стороны. Но главное не в этом. Главное, на мой взгляд, — глубокое различие политической линии, которую навязывают Горбачеву его союзники справа: многочисленные группы давления, которые настолько подчинили себе Президента с осени прошлого года, что его политический курс практически слился (между октябрём 1990-го и апрелем 1991 года) с курсом правых, реакционных, имперских сил. С другой стороны — политическая линия демократических сил России, которую с большей или меньшей последовательностью выражает Ельцин. Столкновение этих двух политических линий приобрело в последнее время крайне разрушительные формы. Соглашение 23 апреля по сути представляет собой компромисс, который снижает политическую напряженность, что в нынешних условиях можно приветствовать.

— *Как вы расцениваете непосредственно содержание Совместного заявления?*

— В нем есть элементы безусловно позитивные, неопределенные и сомнительные, на мой взгляд. К безусловно позитивным я бы отнес, во-первых, то, что участники соглашения, говоря о новом договоре суверенных государств, явно меняют акценты по сравнению с формулировками союзного референдума 17 марта. В соглашении ничего не сказано о том, что будущий Союз суверенных государств обязательно должен быть советским и социалистическим. Дана общая формула — Союз суверенных государств, которая открывает путь к более широкому

Если в происходивших ристалищах нечто и можно было противопоставить напору российского президента, то это были его необеспеченные тылы в российских автономиях. Оба президента, стремясь переиграть друг друга, с руководителями автономных республик стали разыгрывать партию в поддавки. Их элиты оценили ситуацию как свой звездный час. За ними немедленно выстроились автономии следующих уровней, которые стали присваивать себе ранг республик. При обсуждении Союзного договора «автономы» потребовали — и в значительной мере добились — уравнивания в правах с союзными республиками. «...Мы не отступим от своего суверенитета, — говорил Минтимер Шаймиев. — Если мы принцип не отстоим, то народ нас не поймет и возмутится»⁶⁰.

Составители договора, понимая, насколько хрупок достигнутый компромисс, не торопились вынести свое творение на суд общества. Правда, не раз повторенное утверждение, будто бы подготовленное за оградой правительственной дачи сочинение было скрыто от народа, содержит немалое преувеличение. Некоторые варианты текста, по мере его созревания, публиковались в печати, а окончательная редакция от них отличалась не очень сильно. Но время, отведенное для ознакомления с проектом, по которому и следовало принять решение, было предельно спрессовано. 23 июля проект согласовали, 5 августа направили в республики, 10 августа он поступил в Верховный Совет России. Никакие не только голосования, но и слушания в парламенте не предусматривались, а на 20 августа было назначено подписание, после которого договор сразу же вступал бы в силу. Тщательно отработанный протокол подписания договора исключал участие и союзного, и республиканских парламентов. Запоздав с конституционным обновлением Союза по меньшей мере на год, Горбачев и другие члены Совета Федерации небезосновательно спешили завести корабль в гавань, понимая, сколь опасной для него может оказаться даже легкая зыбь новой дискуссии.

— Первое — не ясно, что ляжет в основу нового Союзного договора. Будет ли это опубликованный проект или нечто иное, более отвечающее интересам республик. В этой связи я хотел бы заметить, что 17 и 18 апреля в Киеве произошла встреча рабочих групп пяти из девяти республик, подписавших заявление, которая существенно продвинула понимание концепции Союзного договора. Из текста заявления не ясно, в какой мере центр готов пойти на модификацию опубликованного проекта Союзного договора в том направлении, которое было обозначено киевской встречей. Это прежде всего разграничение между участниками Союзного договора и субъектами, которые непосредственно образуют Союз.

— *В чем непосредственно заключается это различие?*

— Участниками Союзного договора могут быть в том числе и провозгласившие себя республиками автономии. А образуют Союз те республики, которые в настоящее время являются союзными. Принципиальная разница в том, что республики не могут быть одновременно субъектами двух федераций. Как, например, Татария, Башкирия, которые претендуют на то, чтобы быть как субъектами РСФСР, так и СССР. Это положение в целом направлено против дробления существующих республик, против парада суверенитетов, приводящего часто к конфликтам на межнациональной почве. Киевский протокол включает в себя еще и принцип, по которому союзный центр не имеет никакой особой компетенции, кроме той, что делегируют ему республики.

Не ясно также, кто будет принимать Конституцию Союза. Предусмотрен такой порядок, при котором по истечении шести месяцев после подписания Союзного договора должна быть принята Конституция Союза. Это создает крайне неясную ситуацию.

— *В чем она заключается?*

— Насколько мне известно, текст союзной Конституции не находится в такой степени готовности, при которой она может быть сравнительно быстро принята. Не вызывают доверия

и решения, которые может принять Съезд народных депутатов СССР, по причине, о которой я уже говорил. Нельзя этому «вчерашнему» собранию доверить принимать Конституцию, по которой мы собираемся жить завтра и послезавтра. Есть риск получить дефективную Конституцию, не отвечающую требованиям завтрашнего дня.

Не ясно, как будет соотноситься конституционный процесс в масштабах Союза и на уровне республик. Если последовательно придерживаться принципа, что суверенитет республик первичен, а суверенитет Союза — производная от суверенитета республик, то сначала надо принять конституции в республиках. Я далек от того, чтобы определять, как будут решать свои конституционные дела Казахстан и Узбекистан, но убежден в том, что российская Конституция должна быть принята до того, как будет принята союзная.

В России мы имеем два существенно отличающихся друг от друга проекта Конституции: один был подготовлен рабочей группой Конституционной комиссии и принят Конституционной комиссией за основу; другой вариант подготовлен парламентской группой «Коммунисты России». Как один из авторов официального, одобренного Конституционной комиссией проекта Конституции, скажу, что те ценные и разумные положения, которые содержались в проекте фракции «Коммунисты России», уже учтены в третьем варианте, работа над которым была закончена в марте. И дальнейшее соединение двух проектов мне не представляется возможным. Иными словами, вопрос о Конституции России остается открытым. И тем более остается открытым вопрос о Конституции Союза.

— *Вы сказали, что документ содержит и слабые, на ваш взгляд, стороны. Что вы имеете в виду?*

— Будущий Союз, который нам предлагается заключить, трактуется как более или менее однородное государственное образование. То есть участие в Союзе, связи между республиками мыслятся как абсолютно однотипные. Реально же существуют

республики, которые хотят образовать федерацию. Есть республики, которые хотят вступить с этой федерацией в конфедеративные отношения. И есть республики, которые, возможно, согласятся вступить в межгосударственные отношения по типу тех, которые существуют в Европейском сообществе. Поэтому разумнее было бы предусмотреть разные типы связей: федерация, конфедерация, содружество.

«ПЕЧАЛЬНО, НО... ПАКТ»*

Политическая ситуация в республике и в Союзе радикально изменилась. Целый ряд событий, по-видимому, достаточно круто меняет и ситуацию, и соотношение сил или по крайней мере позиции сил. Среди прочих событий я бы отметил: соглашение от 23 апреля, подписанное десятью лидерами; решение российского парламента, открывающее путь к выборам Президента 12 июня; и атаку на Горбачева справа, развернутую на пленуме ЦК КПСС. (Независимо от того, в какой мере это была инсценировка, а в какой мере — некое самопроизвольное выступление консервативных партийных структур против политики, которая кажется им слишком мягкой.) Мне представляется, что мимо этого факта пройти ни в коем случае нельзя. Ибо постепенно нагнетается обстановка, приближающая, как мне кажется, конец эры Горбачева.

Надо отдавать себе отчет и в том, что невозможно в обозримый период ни революционным, ни реформистским путем решить те задачи, которые ставит перед собой «Демократическая Россия».

Сегодня совершенно четко обозначилось: ниша, на которую претендовал так называемый национально-патриотический блок (оппозиция КПСС справа), уже занята. И это не шутовской балаган «Памяти». И не неомарксисты. (Влияние и той, и другой организаций, во всяком случае на данном этапе, ничтожно.) А это группа «Союз», настаивающая на введении чрезвычайного положения на 6 месяцев (мы знаем, что чрезвычайное положение, введенное на короткий срок, имеет

тенденцию бесконечно продлеваться) и требующая, вместе с тем, приостановки действий всех партий, в том числе и КПСС. Иначе говоря, вызрела общественно-государственно-военная сила, и недооценивать ее влияние, на мой взгляд, чрезвычайно опасно. В связи с этим встает вопрос о позиции Горбачева. Михаил Сергеевич претендует на центристскую позицию. Однако значительная часть демократов глубоко убеждена в том, что именно Горбачев является лидером реакционных сил, что подхлестывается он главным образом собственным неумным властолюбием и честолюбием.

Как мне кажется, позиция Горбачева — это все-таки политический центр, поскольку и справа, и слева от него действуют определенные силы, но центр — без центристской политики и без центристской идеологии. В данное же время Горбачев и все силы, которые управляемы им (последний пленум показал, что степень управляемости еще довольно высока), — это силы, подверженные давлению справа. <...>

Далее мне хотелось бы подчеркнуть обстоятельство, может быть, несколько неприятное и звучащее не вполне в унисон с теми голосами, которые чаще всего мы слышим на митингах, когда толпы людей скандируют «Долой КПСС!» и «Ельцин, Ельцин!». Я, безусловно, поддерживаю Бориса Николаевича и буду поддерживать его выдвижение в президенты. Но необходимо учитывать, что, во-первых, Ельцин не является лидером «Демократической России». Ельцин представляет собой самостоятельную силу. И это отличие, которое четко просматривается на уровне штаба Ельцина и штаба «ДемРоссии», совершенно отчетливо дает о себе знать в тех, скажем так, импровизациях, которые позволяет себе Борис Николаевич. Я считаю, что выступления одного и того же политического лидера 19 февраля (с лозунгом отставки Президента) и 23 апреля (подписание соглашения) противоречат друг другу. «ДемРоссия» не должна следовать за каждым поворотом его политических заявлений.

Будем помнить, что единственное завоевание демократов — это та площадка, которую они заполучили с избранием Ельцина Председателем Верховного Совета. Сейчас сняты все препятствия на пути к тому, чтобы эта площадка была поднята несколько выше, на уровень президентства.

Но мне хотелось бы поделиться и своим величайшим изумлением. 24 апреля мы, депутаты ВС РСФСР от «ДемРоссии», ожидали яростного сопротивления со стороны «Коммунистов России» при обсуждении законов о президентстве в РСФСР и о выборах Президента республики. Мы ожидали блокирования этих законов (парламентские возможности для этого были). Поэтому самое поразительное — это вялость того сопротивления, которое оказывали коммунисты. По-видимому, достигнуто какое-то более широкое соглашение. У меня нет оснований говорить об этом в информационном плане. Это чисто аналитический вывод, связанный, с одной стороны, непосредственно с подписанием соглашения, а с другой стороны — с неожиданным поведением коммунистов.

Вскоре мы получим президентскую власть. Что будет дальше? И здесь необходимо отдавать себе отчет в том, что реально улучшить положение миллионов людей сейчас невозможно. Не существует таких способов, с помощью которых можно было бы в короткое время оправдать ожидания людей. Поэтому идет, в основном, переориентация на политические достижения. Если нельзя сегодня решить такие-то и такие-то проблемы, например, снизить цены, ставят задачу свалить правительство Павлова.

Я утверждаю, что правительство Павлова сейчас свалить, по-видимому, будет трудно, поскольку оно получило поддержку того лидера, которого только и может поддерживать «ДемРоссия». Во-вторых, я утверждаю, что правительство это на данном этапе валить не нужно. Ибо пусть оно попытается под давлением демократов сделать некоторые шаги, пожиная все плоды своей прежней деятельности. И, в-третьих, мне кажется, что «Дем-

Россия» должна тщательнейшим образом пересмотреть свою политическую стратегию и тактику. Мы в основном занимаемся инъекциями идеолого-политического характера. В частности, я выступаю против того, чтобы проводить референдум по вопросу национализации собственности КПСС. И не потому, что собственность КПСС священна и неприкосновенна. Я против неправового метода экспроприации чьей бы то ни было собственности. Я против возбуждения страстей. Я против того, чтобы сегодня решался голосованием вопрос о собственности кого бы то ни было.

Сегодня нам необходимо создавать прочную организацию, борющуюся за реалистические цели.

«ИГРА НАЧИНАЕТСЯ С ЦЕНТРА»⁹

Три главных фактора определяют политическую ситуацию: народный мандат, полученный Ельциным и существенно расширивший его возможности, нарастающая дифференциация как в правоконсервативном, так и в демократическом лагере. Начался сдвиг от резкой поляризации сил к многополюсной организации политической жизни. Пора демократам избавляться от жестких оценок и иллюзий.

На деле демократическое движение в начале года оказалось заложником нереалистической цели — требования отставки Президента СССР. Нереалистической — ибо запас прочности президента оказался более высоким, чем казалось демократам, предъявившим Горбачеву суровый и в общем-то справедливый счет. Но при всех трагических конфликтах января — марта следует понимать: Горбачев сдерживал не только движение вперед, но и серьезный откат назад, который был вполне вероятен.

А что сегодня, разве угроза «справа» исчезла? Ничуть нет. Об этом свидетельствуют и захват центрального аппарата КП РСФСР наиболее агрессивным реваншистским крылом, и активность группы «Союз». Политическая ниша, на которую перед выборами 1990 года в России претендовал так называемый «на-

ционально-патриотический блок», постепенно заполняется. Интенсивно идет формирование правого фронта. Волна правого популизма, вынесшая на поверхность Жириновского, завтра может быть использована более серьезными организованными силами. С другой стороны, последняя инициатива Шеварднадзе и его коллег подталкивает размежевание в КПСС¹⁰.

А что же Горбачев и ориентированные на него силы в партийном и государственном аппарате? В собственном видении (или во всяком случае изображении) — политический центр. Но это Центр, не имеющий собственной центристской политики и опирающийся не на собственную базу, а на промежуточное положение между двумя противостоящими силами.

Главное в том, что поворот от обострявшейся конфронтации к компромиссу совершился. Конкретные пункты соглашения в чем-то разумны, в чем-то неосуществимы, в чем-то вредны...

Прочно? Надолго? Не знаю. Но на деле ни демократы, ни Горбачев и его сторонники не заинтересованы в нарастающей поляризации общества. Демократы не меньше, чем вчерашние (а, возможно, завтрашние) реформаторы, заинтересованы в сильном Центре, в его разрыве с правым крылом и своем дистанцировании от крайне левого. Ибо ни КПСС, ни даже ее аппарат вовсе не составляют монолитную силу, «сплошную реакционную массу». Не о всеобщей консолидации — это один из мифов нашего времени, — а об историческом компромиссе, пакте, исходящем из существования зоны совпадающих интересов, идет речь.

Такой пакт предполагает, что центристы должны освободиться от своих компаньонов справа, перестать «беречь как зеницу ока» фальшивое единство своей все равно распадающейся партии. Демократам же предстоит избавиться от иллюзии, что они могут коротким рывком овладеть всей властью. И в этом лагере неизбежны размежевания. Здесь тоже не стоит фетишизировать «консолидацию».

Существует опасение, что «умеренная» позиция лишит демократов известной части народной поддержки, что популист-

ская волна, которой многие из них обязаны избранием в республиканские парламенты, отхлынет в другую сторону. Эта опасность реальна. Но дальновидная политическая стратегия не может подчиняться стремлению любой ценой сохранить всех своих сторонников.

Между тем, расстановка политических сил меняется быстро и круто. Оппозиция справа последнему повороту курса Горбачева консолидируется, становится небывало агрессивной, вбирает в себя новые политические формирования и институты, послушные прежде воле Президента. Верховный Совет СССР вовсе не собирается уходить с политической сцены даже в те не слишком определенные сроки, которые намечены в проекте союзного договора. Его председатель демонстративно делает шаг в сторону от своего вчерашнего шефа. Выступило с претензией на самостоятельную роль в политике правительство Павлова...

В этой ситуации демократические силы должны сделать выбор: оставаться во власти иллюзии, что они самостоятельно могут провести конституционную и экономическую реформы, выломав Россию из всех существующих союзных структур, или найти такие точки компромисса, которые позволят предельно легитимизировать процесс, сделать необратимыми экономические и политические изменения. Но и политики, претендующие на роль Центра, должны осознать, что центризм — это не постоянное влияние между двумя силами, что он неосуществим без собственной — а не заемной — политики.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ. ЗАКАТ СССР

ВЫБОР ГОРБАЧЕВА И ВЫБОР ДЕМОКРАТОВ

«Загадка Горбачева» — так называлась одна из аналитических статей Виталия Третьякова, опубликованная в конце 1989 г.¹¹ Политическую тактику «отца перестройки» он интерпретировал как продвижение вперед посредством компромиссов. Горбачев,

писал автор, «политикой терпимости, умиротворения, созидательного инакомыслия», «умением вступать в компромисс себя сегодняшнего с собой завтрашним» — «ослабляет крайности одну за другой». Он, «...постоянно оставаясь посередине, постоянно сдвигается — вместе со всей машиной общества — в сторону того, что еще вчера казалось и радикализмом, и сотрясением основ, и политическим святотатством, — в сторону демократии... Сегодня руки Горбачева лежат на двух рычагах: прежнем, командном, и новом, демократическом. Демократический уже движется сам. Нужно лишь отпускать командный ровно настолько, насколько окреп демократический. Ни на йоту больше. Но и не меньше». Высоко оценивая эту тактику, Третьяков оговаривал ее неизбежные издержки: «компромиссы затушевывают стратегическую линию движения», ведут к потере темпа и рискуют пересечь «некоторую моральную границу, которую нельзя переходить».

Под пером аналитика курс Горбачева выглядит, пожалуй, значительно более продуманным, отрефлектированным и поступательным, чем он был на самом деле. Многие решения — не в укор Горбачеву, ибо иначе, видимо, и быть не могло, — он принимал на интуитивном уровне, и потому движение шло рывками, в ритме: иди — стоп — назад. И все же рассуждения Третьякова, на мой взгляд, для определенного периода были, в основном, справедливы. Возникает, однако, ряд принципиальных вопросов. Почему осенью 1990 г. Горбачев переступил грань, за которой демократические преобразования теряли необходимый темп, попросту приостанавливались? Ведь в СССР начала 1990-х, как в сказочном Зазеркалье Льюиса Кэрролла, даже чтобы стоять на месте, надо было очень быстро бежать вперед. Почему со временем сама «стратегическая линия движения» стала не просто затушевываться, но существенно разворачиваться если и не совсем вспять, то под значительным углом к изначально заявленным целям? Почему Горбачев, как казалось, опрометчиво перешагнул ту моральную границу, за которой стал терять доверие не только населения, утомленного экономическими и социальными не-

урядицами, но и демократической интеллигенции? Каковы были последствия политического разворота Горбачева? И, может быть, самое главное: был ли поворот от революционно-перестроечного к консервативно-охранительному Горбачеву окончательным и необратимым?

Самым рельефным выражением смены курса был распад прежней команды Горбачева. Ликвидировав Президентский совет, он лишил официального статуса своих ближайших сотрудников. Одни из них (Александр Яковлев, Вадим Бакатин) были грубо отодвинуты, другие (Эдуард Шеварднадзе, Станислав Шаталин, Николай Петраков) публично порывали с ним, третьи (Анатолий Черняев) писали ему личные исповедальные письма и становились в моральную оппозицию. Свято место, особенно при власти, не могло оставаться пустым, и его заполняли люди, которым были чужды идеи и устремления «перестроечного» Горбачева.

Выдвижение Янаева на пост вице-президента трудно объяснить иначе, как стремлением получить безликого и послушного исполнителя¹². При такой ориентации любое другое решение, имеющее стратегическую перспективу, должно было быть отвергнуто. Действительно, незадолго перед тем вниманию Горбачева была представлена иная кандидатура. Георгий Шахназаров передал ему «коротенькое и простое послание» трех авторитетных депутатов — Юрия Рыжова, Дмитрия Волкогонова и Марка Захарова. Авторы письма, подчеркивая «сложность и напряженность ситуации в стране», призывали президента поступить «мудро и дальновидно», предложив на пост вице-президента Григория Явлинского¹³. Конечно, назначению Явлинского СНД СССР мог бы сопротивляться не менее рьяно, чем прохождению Янаева, но преодолел же Горбачев это сопротивление. И можно представить, какое влияние на весь ход событий: продвижение экономической реформы, как раз после того, как она забуксовала на российском уровне, расстановку сил в союзном руководстве, отношения с Ельциным, позиции демократов и т. д. — могло

бы оказать такое решение, будь оно принято. Однако такой выбор, видимо, мог бы сделать такой Горбачев, каким он стал через 5 или 10 лет, но не Горбачев 1990—1991 года.

Были и другие варианты. Горбачеву предлагали сделать своим спарринг-партнером Александра Яковлева. С этой инициативой к нему обратились руководители ряда союзных республик, оценившие позицию Яковлева в прибалтийском кризисе. Можно было попытаться провести это назначение голосами националов и демократов. Но Горбачев в это время все более отодвигал своего прежнего, слишком самостоятельного соратника. Отклонил он и эту инициативу, как чуть раньше отказался сделать Яковлева председателем ВС СССР, а чуть позже — премьером¹⁴.

Перебрав ряд кандидатов на пост премьера вместо свалившегося с инфарктом Рыжкова (уход которого с этого поста был все равно предрешен) — Абалкина, Вольского, Собчака, — он остановился на Павлове. Так рядом с Янаевым появился еще один фигурант будущего заговора и вдобавок человек, страдающий алкоголизмом. Еще раньше кресло председателя парламента унаследовал хитроумный Лукьянов. На освободившееся место в МИДе был назначен Бессмертных, отличившийся вскоре не только дипломатической, но и гражданской гибкостью. Во главе армии и КГБ были оставлены Язов и Крючков, а в МВД «либерала» Бакатина заменил Пуго, который был приемлем и для противников президента. Так собственными руками Горбачев выстраивал рядом с собой когорту заговорщиков-реваншистов, людей малого калибра, не способных, к счастью, организовать толком даже переворот. Андрей Грачев, наблюдавший все эти перемещения вблизи, писал: «После того, как из окружения Горбачева ушли, разойдясь в разные стороны, многие из тех, кто прошел с ним первые годы перестройки, на его шахматной доске вместо крупных (хотя и своих нравных) фигур остались главным образом пешки. И ему ничего не оставалось, как начинать двигать их в ферзи»¹⁵. Но и возведенные в ферзи политики эти могли вести игру лишь на уровне пешек. От того, что они при неумных амбициях оказались импотен-

тами в практической политике, дело российской демократии невольно выиграло. Истинная беда, которая вполне могла обернуться успешным реваншистским переворотом, заключалась в том, что Горбачев своими руками заполнил собственный штаб неприятельскими лазутчиками, которые с самого начала, как то было принято в КПСС, стали плести нити заговора.

Кадровая политика Горбачева чем дальше, тем больше становилась труднообъяснимой. Он все более расходился с людьми, с которыми начинал перестройку. Замена Президентского совета, работающего демократического органа, своего рода «мозгового центра», членами которого были и наиболее близкие к нему политики, и люди, выдвинутые перестройкой, — Советом безопасности, составленным из высших чиновников, отодвинула Горбачева от его интеллектуального окружения. Горбачев, вспоминая Яковлев, распустил Президентский совет под улюлюканье Съезда народных депутатов СССР. Если этот Совет был задуман как переходная форма передачи высшей политической власти от политбюро ЦК КПСС в президентские структуры, то такое назначение он выполнить не успел. Практически прекратив работу в ЦК партии, Горбачев так и не создал работоспособную администрацию, препоручив руководство сравнительно небольшим техническим аппаратом Болдину, возглавлявшему также общий отдел ЦК, человеку скользкому и сомнительному. Но самым поразительным было его пренебрежение к очевидным сигналам о непригодности членов его новой команды. Ему почему-то не было ясно, что Язова надо было снять за Тбилиси, Крючкова — за Вильнюс, Павлова — за самочинное выступление в ВС СССР, о котором пойдет речь дальше, Янаева — за прикрытие этого демарша.

Выбор, сделанный в те дни Горбачевым, имел роковые последствия и для него, и для СССР. «Ему самому надо было сделать то, что сделал Ельцин, — пишет Черняев. — И перестройка по-горбачевски была бы спасена». Вместо этого он «зубами вцепился в высший пост враждебной ему партии»¹⁶. Шанс Горбачева-

реформатора был в том, чтобы перехватить инициативу, переходившую к Ельцину, форсировать и развить перестройку, как минимум, в двух направлениях: будущее Союза и экономическая реформа. Поколебавшись, он позволил ассоциировать себя с консерваторами и рваншистами. И шанс был упущен.

Шанс этот, вероятно, был исторически уникальным. На Горбачева все еще по инерции были ориентированы партийные и государственные структуры, миллионы членов партии и, конечно, те, для кого он оставался символом долгожданных перемен. До тех пор, пока развитие шло в рамках конституционной легальности, именно в руках Горбачева оставался едва ли не решающий, как мы бы теперь сказали, административный ресурс и его важная составная часть — контроль над поведением той численно преобладающей части партийного актива, которую Троцкий как-то в сердцах назвал «голосующей барантой». Поэтому от того, где мог пройти основной водораздел во все еще многомиллионной партии¹⁷ и обществе — «слева» или «справа» от Горбачева, — зависели и исход приближавшейся схватки, и сама конституционная легальность, да в немалой степени и то, каким образом предстояло идти политическому развитию на пространствах России и Союза в последующие годы.

Что вынудило Горбачева пойти на компромисс, заведомо для него убийственный? Я решительно отвергаю и, как мог заметить читатель из воспроизведенных здесь моих публикаций 1991 г., отвергал и тогда распространенное среди демократов мнение, что он просто-напросто воссоединился с силами, социально-политически родственными ему. Роковой выбор, сделанный Горбачевым, он объяснял в те дни своему окружению так: страна правееет — приходится праветь и нам¹⁸. Это объяснение совершенно неубедительно. Никаких заметных признаков «поправения», т. е. отката от поддержки демократических реформ, в обществе тогда еще не наблюдалось. В оппозицию перестройке все более заметно переходил партийный аппарат. Но Горбачев вовсе не был так податлив к этому давлению: силу сопротивления прямому нажиму

с этой стороны он продемонстрировал на всех пленумах ЦК КПСС, происходивших в 1991 г. Речь может, скорее, идти о его противостоянии давлению с противоположного фланга.

Зигзаг Горбачева в 1990—1991 гг. выпадает из логики его предшествовавших и следовавших поступков. Но к этому времени на первый план выдвинулась проблема сохранения или распада Союза. Деструктивную позицию по отношению к союзному государству заняли, руководствуясь разными мотивами и целями, различные силы. С одной стороны, национальные элиты ряда союзных (прежде всего прибалтийских и закавказских) и автономных республик, расчисливших, что пришел звездный час (теперь или никогда!), когда они могут совершить прорыв к собственной, а не делегированной и ограниченной Москвой власти. Национально-культурный ренессанс, прошлые действительные и мнимые обиды, собственно перестроечные неурядицы обеспечили им поддержку довольно широких масс. Антисоюзную, по сути, позицию заняло и большинство российских демократов, пошедших за Ельциным, поскольку они могли опираться лишь на республиканские, но никак не союзные государственные структуры, где их позиции, изначально не сильные, со временем заметно слабели. Ход событий ставил всех участников исторической драмы перед жесткой альтернативой: сохранение государства в границах если не 1945, то хотя бы 1939 г. с теми или иными коррективами, либо продвижение рыночных и демократических процессов, пусть даже в распадающейся империи.

Горбачев, не терявший веры в то, что Союз можно сохранить¹⁹, да еще продолжавший верить в «социалистический выбор», сделанный, как он не раз повторял, его отцом и дедом, свой выбор сделал. И оказался на несколько решающих месяцев в связке с реваншистами-государственниками, для которых, в отличие от него, «социалистический выбор» был не идеализированной моделью, никогда нигде никем не осуществленной, а чуть подкорректированным советским «социалистическим» строем. Отстаивая его, они были готовы идти гораздо дальше Горбачева. «Свои полити-

ческие чудеса, притом подлинные, без всяких кавычек, он мог творить до тех пор, пока разумом, инстинктом, интуицией, врожденным здравым смыслом угадывал (и предугадывал) направление хода истории, следовал ему и расчищал перед ней дорогу, — пишет А. Грачев. — Как только он начал забираться в сторону от ее невидимого фарватера, попробовал двинуться назад, волшебная сила ушла из его пальцев. Оказавшись перед тяжким для него выбором — продолжение перестройки или сохранение Союза, — Горбачев в тот момент выбрал Союз, надеясь, что ему удастся словчить и не пожертвовать при этом перестройкой. Так он встал на путь, который привел его к проигрышу того и другого»²⁰.

Свой выбор сделали Ельцин и демократы. Защищая отвоєванные позиции, они готовы были не только выпустить из союзной клетки бывшие в ней прибалтийские республики, но и пожертвовать всей общегосударственной конструкцией, в которой завладеть властью они рассчитывать не могли. А раз так, удар был перенесен на союзные государственные структуры как таковые и с правительства СССР, действительно тормозившего экономическую реформу, — на президента и его политику. Зная результат схватки и отдавая предпочтение развитию демократических процессов перед иными ценностями, тактику демократов можно было бы признать верной, если бы не два обстоятельства.

Во-первых, политическая и психологическая разнородность (пока еще не несовместимость) интеллектуального актива «Демократической России» и доставшегося ей лидера оставалась незаметной не только для постороннего глаза, но и для большинства политиков-демократов. А во-вторых, и это главное, не имея четкой стратегической перспективы, демократы играли с огнем, загоняя в угол своего потенциального союзника, пренебрегая поисками возможного компромисса. Борьбу повели не за, а против Горбачева.

Даже выдвигая компромиссную идею круглого стола как института, в рамках которого можно было бы договориться о мирном замещении существующих властных структур в Союзе путем дос-

рочных выборов, демократы места Горбачеву в системе новой власти не оставляли. Ему предлагали своей отставкой проложить путь к всеобщим выборам Президента СССР и обещали, что в этом случае он останется «влиятельной фигурой», как Ярузельский в Польше²¹. Недоверие и подозрительность к Горбачеву демократов, непримиримое соперничество Ельцина сохранялись и после апрельского соглашения, и даже после августовских событий.

Влияние российских демократов определялось прежде всего тем, что их позиции совпали, во всяком случае в отрицании существа, с настроениями, доминировавшими тогда в обществе. Без развязывания митинговых страстей — а наибольшим успехом пользовались самые резкие, нередко перехлестывавшие через край обвинения и призывы — вероятно, невозможно было провести массовую политическую мобилизацию против прежнего режима. Но разжигание конфликта, в обострение которого противостоявшие демократам силы вносили ничуть не меньший вклад, не оставляло надежды на компромисс. Силовое столкновение становилось неотвратимым и близким. Нельзя было предвидеть, как и при каких обстоятельствах оно произойдет. Однако идейное влияние демократов почти никак не подкреплялось организационно. Рыхлые, недисциплинированные структуры «Демократической России» в Центре и в регионах, ее координирующие органы, подвергавшиеся постоянной ротации, состоявшие нередко из случайных, не притертых друг к другу людей, ее разномастный депутатский корпус едва ли смогли бы устоять в случае серьезного государственного переворота и подавления легальной оппозиции. Никакие возможные варианты подобного развития событий даже не рассматривались и никакие резервные позиции не готовились. Доминировал психологический настрой на благоприятное развитие ситуации, в ходе которого Ельцин и демократы будут и дальше постепенно отвоевывать одну позицию за другой (как это, в основном, происходило в первой половине 1991 г.), а их противники, стиснув зубы, будут эти позиции сдавать. В этих условиях республиканский суверенитет из средства отвоевания власти для

решения определенных задач становился для демократов, не говоря уже о других компонентах ельцинской коалиции, всё подчиняющей целью.

СТЕНКА НА СТЕНКУ (ОТ ЯНВАРЯ К МАРТУ)

После того как выбор обеими сторонами был сделан, дальнейшее движение по, скажем так, остросюжетному сценарию предопределяла логика цеплявшихся друг за друга событий.

В первые месяцы года наибольшее внимание в событийном ряду привлекали удары, которыми стали в открытую обмениваться Горбачев и Ельцин. В обыденном сознании демократов, в речах, звучавших на многочисленных митингах, это рисовалось так: партократы во главе с перешедшим на их сторону Горбачевым селятся повернуть вспять демократический процесс. На деле все обстояло гораздо сложнее.

КПСС все заметнее переходила под контроль реваншистов. Рассчитывать на какую-то позитивную эволюцию этой партии теперь было уже непростительной наивностью. Ново-старое руководство КПСС и особенно российской компартии все очевиднее переходило на агрессивные позиции. И агрессия эта была нацелена не только на Ельцина и демократов, но и на Горбачева и некоторых его ближайших сотрудников, перешедших в президентские структуры. Даже в большей степени на Горбачева, чем на Ельцина. Это и понятно: главные рычаги власти были в руках у Горбачева, а не Ельцина.

Именно эти силы уже в январе сделали попытку привести к порядку «сепаратистов» в Литве и Латвии. Нетрудно было увидеть и дальний их прицел — репетировали силовое решение конфликта, по сути дела, государственный переворот, хотя и в локальном масштабе. На глазах всего мира было разыграно действие, которое можно было бы назвать опереточным, если бы два его акта — 13 января в Вильнюсе и 20 января в Риге — не сопровождались гибелью людей. Воинские формирования, подчиненные центральным силовым министерствам, по призыву анонимных

частных образований, поименовавших себя комитетами национального спасения, начали операции по захвату легально функционировавших государственных же учреждений (телебашни и Дома печати в Вильнюсе, МВД в Риге)²². В локальном масштабе попытались воспроизвести операцию 1968 г., когда в Чехословакию были двинуты полки стран Варшавского договора, которые пришли туда якобы по приглашению «сторонников социализма», не решившихся открыть свои имена. Шаблонно задуманные, бездарно и трусливо осуществленные акции провалились. Самое же поразительное: никто из подлинных их организаторов и вдохновителей на авансцену не вышел, ответственности на себя не взял. События в Прибалтике оказались в центре внимания страны и мира, Горбачев же откликнулся на них запоздалыми и маловразумительными объяснениями²³. В результате в проигрыше оказался он, а не кукловоды этой первой попытки путча, которые так и остались в тени, и не авантюристы из самозванных комитетов, которым терять было нечего. В исповедальном письме, подготовленном для Горбачева по горячим следам событий в Вильнюсе, Анатолий Черняев писал: «Что-то необратимое уже произошло... Разрушается главное, что было достигнуто в ходе политики нового мышления, — доверие. Вам уже теперь не поверят, как бы Вы отныне ни поступали. Торжествуют те, кто предупреждал: все это новое мышление — лишь личина, которая в подходящий момент (или когда туго придется) будет сброшена... В результате Вы обрекли себя на политику, цели которой можно достигнуть только силой. И тем самым вошли в противоречие с провозглашенной Вами самим философией»²⁴. С Горбачевым порывала демократическая интеллигенция.

Реакция Ельцина была точной и мгновенной. Он немедленно вылетел в Таллин. Демонстрируя солидарность с законными органами власти прибалтийских республик, он подписал соответствующие документы и сделал заявления, вполне отвечавшие настроениям сотен тысяч граждан, вышедших на столичные улицы под лозунгом «Свободу Литве!». Не раз испытанный ранее инструмент московских массовых демонстраций был вновь приведен

в действие и продемонстрировал свою эффективность, а Ельцин закрепил за собой роль лидера общесоюзного уровня, возглавившего борьбу разнородных сил за популярное требование суверенитета для республик. Подписав договор с прибалтийскими республиками и тем самым поддержав их требование независимости, констатировал Георгий Шахназаров, Ельцин фактически лишил союзное руководство возможностей дальнейшего маневрирования²⁵.

Развивая успех, 19 февраля, как только представилась возможность прорвать информационную блокаду, он в прямом эфире на ТВ потребовал отставки Горбачева. С аналогичным требованием еще в октябре выступил съезд «Демократической России», того же требовали известные лидеры общественного мнения, «прорабы перестройки». Был ли такой ход чрезмерным, как я теперь думаю, или нет, но конфронтация была поднята на более высокий — государственный уровень, ибо к тому времени влияние Горбачева и Ельцина в государстве и обществе сравнялось. Через два дня последовал контрудар: шесть руководителей Верховного Совета РСФСР выступили с политическим заявлением, резко осуждавшим действия Ельцина и призывавшим к безотлагательному созыву внеочередного Съезда с отчетом Председателя ВС. Акция эта, конечно, была заострена против набравшего силу и влияние Ельцина. «Побледневшая, натянутая как струна [С. Горячева] попросила у Р. Хасбулатова слово и вышла на трибуну. Зал замер, — рассказывает Владимир Исаков. — ...В конце дня к микрофону вышел В. Шейнис и от имени “демократических” фракций зачитал заявление с обвинением в клевете»²⁶.

Срочно подготовленное нами заявление обвиняло в клевете «официальные инстанции и печать КП РСФСР и КПСС, а также находящиеся под их контролем радио и телевидение» и требовало отставки авторов заявления, включившихся в эту кампанию. Главный вопрос заключался в том, когда собирать внеочередной Съезд, на котором реваншисты рассчитывали добиться отставки Ельцина: до или после референдума, назначенного на 17 марта.

«Стремление провести Съезд до того, как народ на референдуме выразит свою волю, — не что иное, как попытка переворота, последствия которого были бы катастрофическими»²⁷. Перечитывая заявление «шестерки» сегодняшними глазами, надо признать, что обвинения в «авторитарности, конфронтационности, стремлении единолично решать вопросы внутренней и внешней политики» не были беспочвенными. Но в тех условиях действия Ельцина представляли ответную реакцию на агрессию антиреформистских, пока еще более мощных сил. Российский лидер не хотел следовать более осторожной линии. Смещение или одно даже ограничение активности Ельцина в той ситуации означало бы резкое изменение соотношения сил в пользу утвердившихся в союзных партийно-государственных структурах реваншистов, загло бы зеленый свет перед ползучим государственным переворотом, начатым с Прибалтики.

По замыслу союзной власти остановить начавшийся процесс распада СССР должен был общесоюзный референдум, на который решением IV СНД СССР был вынесен вопрос с нарочито усложненной и расплывчатой формулировкой: «Считаете ли Вы необходимым сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой бы в полной мере гарантировались права и свободы человека любой национальности?». Толковать ответ можно было по-разному, писал Владимир Ядов, в то время директор академического Института социологии, «либо за единое, либо за обновленное, либо за социалистическое федеративное государство, либо за соблюдение прав человека независимо от национальности, либо за все вместе взятое». Поэтому конгресс Советской социологической ассоциации и выразил недоумение постановкой вопроса: «Он задуман так, чтобы заведомо избежать однозначного толкования результатов, но при этом обеспечить преимущество голосов»²⁸. Предполагалось, что все участники политического процесса: коммунисты, националисты, демократы найдут в постановке вопроса нечто, отвечающее их устремлениям и дружно дадут положи-

тельный ответ. Но изобретатели этой формулы перехитрили самих себя. Во-первых, наиболее ангажированные сторонники каждого из этих течений увидели в вопросе то, что ублаговляло их противников. Консервативные коммунисты хорошо помнили, против кого был заострен лозунг прав человека, да еще любой национальности. Демократов не устраивало ни советское, ни социалистическое государство. Националисты подозревали, что ни о каком суверенитете республик никто не вспомнит в «обновленной федерации». Во-вторых, оставалось неясным, кому итоги референдума, какими бы они ни были, предписывают юридически четко определенные, обязывающие действия. Таким образом, вопрос был поставлен «тактически беспринципно, стратегически безвыигрышно»²⁹.

Выигрывал Ельцин: проведение союзного референдума позволило подвесить к нему в России собственный референдум с вопросом о введении института президентства в республике — такое решение не удалось провести на II СНД России в декабре 1990 г. Российский референдум был инициирован юридически не вполне корректно, но законодательная база для его проведения была наготове: первым продуктом образованного в ВС РСФСР комитета по законодательству был закон о референдуме. 16 октября 1990 г. его принял ВС³⁰. Технически российский референдум был обеспечен совмещением с союзным. Итоги двух референдумов довольно выразительно обозначили расстановку сил в начале 1991 г. Шесть республик от участия в референдуме уклонились: ясно было, что это уже «отрезанные ломти» — вернуть их можно было только силой. В РСФСР большинство избирателей высказались и за сохранение Союза (71,3%), и за введение поста президента (69,9%). Это были два разные большинства. По каждому из вопросов 26—28% избирателей дали отрицательные ответы. Лишь около 40% принявших участие в голосовании готовы были поддержать и то, и другое³¹. Между двумя радикальными флангами, сопоставимыми по силе, располагалось «болото», поддержавшее скорее Ельцина, чем Горбачева, поскольку

положительный ответ на вопрос республиканского референдума был значительно более определенным и предполагал вполне конкретный результат.

Под знаком референдума, победоносного для Ельцина и демократов, а союзной власти принесшего в лучшем случае ничью, в конце марта открылся III СНД России. Ясно было, что замысел сместить Ельцина провалился: в его активе было и принятое на российском референдуме решение, и вновь обретенное, хотя и шаткое большинство на Съезде. Но до того, как отвоевать еще один кусок государственной власти, вновь перешедшие в наступление Ельцин и демократы столкнулись с еще одной пробой государственного переворота, опирающегося на войско. На этот раз в Центре.

На день открытия III Съезда, вечером 28 марта, «Демократическая Россия» назначила манифестацию поддержки — митинг на Манежной площади. В ответ Президент СССР запретил проведение митингов в центре столицы, а для обеспечения запрета ввел в Москву бронетехнику. Роль провокаторов, подобно самозванным комитетам в Литве и Латвии, взяла на себя группа российских депутатов, которые запросили защиту от пикетчиков, досаждавших им на пути от гостиницы «Россия» в Кремль. Под таким предлогом и была введена в столицу вооруженная армия. Однако акция устрашения, как то случалось не раз, дала обратный эффект. Утром III СНД РСФСР отменил запрет, а вечером прошла одна из самых впечатляющих московских манифестаций. Сотни тысяч людей шли потоком, по внутренней стороне Садового кольца к площади Маяковского, куда был перенесен митинг, а после него — по Тверской к Пушкинской площади, перегороженной БТРами. Встречный поток машин приветствовал демонстрантов непрерывными гудками, а из открытого окна верхнего этажа одного из зданий доносилась звонкая мелодия трубы. Когда колонны демонстрантов, сдерживаемых цепочкой взявшихся за руки демократических депутатов, вплотную подошли к шеренгам военных, силовое столкновение казалось неизбежным. В тот час за спиной я

ощущал давление толпы, в которой вполне могли оказаться и провокаторы, и просто бесшабашные, нетерпеливые люди, видел напряженные лица стоявших вплотную и ждавших команды солдат. Но благоразумие и осторожность взяли верх с обеих сторон. На следующий день войска были выведены из Москвы...

Что это было? Действительно ли Горбачев поверил слухам, что «Демократическая Россия» собирается бросить тысячи безоружных москвичей на штурм Кремля, приготовив для этого крючья и веревочные лестницы? Или его рукой водили люди, рассчитывавшие взять реванш за референдум? Осуществить в Москве то, что не удалось в Вильнюсе и Риге? Ограничившись лишь демонстрацией, а не применением силы, проявил Горбачев осторожность или нерешительность? Ведь войска вводили в Москву явно не для того, чтобы удалить их на следующий же день. Или, увидев бесперспективность акции запугивания и оценив опасность эскалации конфликта, он стал склоняться к перемене курса? В своих мемуарах Горбачев даже не упоминает об этом немаловажном в политической жизни страны эпизоде. Наиболее правдоподобным кажется предположение, что не Горбачев был инициатором этой новой репетиции государственного переворота, и именно мартовская проба сил на московских улицах заставила его, несмотря на град оскорблений, которые обрушивали на него демократы, переосмыслить и ситуацию, и собственную линию.

Как бы то ни было, один из самых напряженных актов разворачивавшейся драмы завершился катарсисом. Что же касается III Съезда, то после взрыва страстей в первый день, когда депутаты увидели себя окруженными бронетехникой, он постепенно вошел в более спокойную колею и ознаменовался двумя главными событиями. Во-первых, возникновением фракции «Коммунисты за демократию» во главе с Александром Руцким. Со стороны амбициозного полковника то был нестандартный шаг вполне в духе Ельцина. Хотя большинство членов нового образования было рекрутировано из промежуточных депутатских объединений, а не из фракции «Коммунисты России», это был дерзкий вызов полоз-

ковскому руководству КПРФ, вызвавший замешательство и прямо-таки смехотворные истолкования с его стороны³². Во-вторых, и это главное, в соответствии с итогами референдума Съезд обозначил продвижение к президентской форме правления в России: делегировал Верховному Совету право издавать законы по многим вопросам, отнесенным к компетенции Съезда. На III СНД России влияние Ельцина на парламент достигло высшей точки. Раскол между его сторонниками и противниками проходил примерно пополам: по 45% депутатов более чем в 70% случаев голосовали с демократических и консервативных позиций, «болото» сжалось до 10% (на II СНД — 19%)³³.

В начале 1991 г. Ельцин и его сторонники показали, что может дать политика, опережающая события или хотя бы быстро и адекватно на них реагирующая. Именно такой политики в эти месяцы добивалась от Горбачева наиболее дальновидная часть его окружения. Перемена в поведении Президента СССР в апреле все-таки произошла, но, пожалуй, слишком поздно. Да и оставалось оно недостаточно последовательным и дальновидным.

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД ШТОРМОМ (ОТ АПРЕЛЯ К АВГУСТУ)

Совместное заявление Горбачева и руководителей девяти республик («9 + 1») от 23 апреля зафиксировало перемирие в разгоравшейся борьбе. Были подтверждены обязательства соблюдать действующие законы и экономическое соглашение на 1991 г. (в частности, вносить собранные в республиках налоги в союзный бюджет и внебюджетные фонды). Участники соглашались на «особый режим работы в базовых отраслях промышленности, на предприятиях, выпускающих товары народного потребления, на железнодорожном транспорте» (хотя содержание этого режима оговорено не было). Они заявляли, что считают «нетерпимыми попытки достигать политических целей путем подстрекательства к гражданскому неповиновению, забастовкам, призывы к свержению законно избранных органов государственной власти». Это означало, что одна сторона не будет расшатывать союзную власть,

выставляя политические требования шахтеров, а другая — воздержится от поддержки заговорщиков из «комитетов национального спасения».

Но самым важным в этом документе было объявление о начале разработки нового Союзного договора, положившее начало так называемому ново-огаревскому процессу³⁴. Совместное заявление обозначало своего рода малый поворотный пункт в беге событий, предшествовавших путчу. Оно давало, по-видимому, последний шанс достичь исторического компромисса: признавалось, что Союз воссоздается как федеративное образование с элементами конфедерации и в усеченном виде (в составе девяти республик, среди которых, кроме России, остались бы в лучшем случае Украина, Белоруссия, Казахстан, Средняя Азия и Азербайджан). Шанс был очень мал не только потому, что вопрос о компетенции Союза и входящих в него республик оставался открытым, но и потому, что подписанты по-разному видели продолжение экономических и политических реформ. Только при очень благоприятных условиях объявленное соглашение — пока это была лишь декларация о намерениях — могло бы стать исходным пунктом эволюционного пути, на каждом отрезке которого следовало изыскивать компромиссы, отражавшие меняющееся соотношение сил. Так выглядела наилучшая из теоретически возможных альтернатив лобовому столкновению. Весной же 1991 г. это было соглашение о прекращении боевых действий между Горбачевым и Ельциным, не более. Но и не менее.

К несчастью, деструктивные процессы продолжались и на союзном, и на российском уровнях. Их общим результатом стал распад власти. Центр тяжести власти в Союзе Горбачев уже перенес с партийных в государственные структуры. Беда, однако, заключалась в том, что его влияние ослабевало и в тех, и в других.

Средоточие политической активности в партии все более перемещалось из КПСС в КП РСФСР. В июле 1991 г. оголтелого Ивана Полозкова сменил более умеренный Валентин Купцов, но это ничего не изменило по существу: из партии тут же были ис-

ключены Александр Руцкой и другие «уклонисты». Но и «победы», одержанные Горбачевым на XXVIII съезде при формировании руководящих органов КПСС, оказались иллюзорными: «обновленная» верхушка партии не желала мириться с утратой власти и открыто демонстрировала враждебность к генеральному секретарю. 23 апреля было оформлено «замирение» с Ельциным, а на следующий день открылся Пленум ЦК КПСС — и здесь открыто прозвучало то, что уже в течение нескольких недель «обкапывалось» в кабинетах и коридорах обкомов, да и на самой Старой площади: требование отставки Горбачева. Еще до пленума выяснилось, что «аппарат, включая самый высокий уровень, перестал выполнять волю генерального секретаря»: по главному вопросу — о социально-экономическом положении в стране — было подготовлено постановление, в котором «...откровенно предлагался такой рынок, какого в природе не бывает и быть не может: без каких-либо признаков рынка. Смесь политических установок Лигачева и Полозкова с социальной демагогией “инициативника” Сергеева — таким был этот замечательный проект»³⁵. Но главное действие развернулось на самом пленуме: «обойма ораторов, распалая зал, надела на генсека». Они требовали «законодательно закрепить за КПСС статус правящей партии», восстановить прежнюю систему расстановки руководящих кадров, контроль над СМИ. От Горбачева требовали сделать выбор: ввести чрезвычайное положение или уйти³⁶. Резкий демарш Горбачева — угроза отставки — показал, что в апреле партийные иерархи были способны лишь на блеф, но градус озлобления, все выше поднимавшийся в этих кругах, игнорировать было опасно.

Конечно, КПСС в это время уже не была столь мощным механизмом контроля над обществом, как незадолго перед тем. Легальная основа этого контроля — 6-я статья Конституции была отменена; отток из партии нарастал: в 1990 г. ее покинули 1,8 млн. человек, в первом квартале 1991 г. — 587 тыс.³⁷, идеологическая дисциплина в партии развалилась. Но инерция семидесятилетнего господства продолжала действовать, партия остава-

лась политической организацией чуть потесненного, но все еще властвующего класса. Одному из ближайших помощников Горбачева, Георгию Шахназарову, «агрессивная, антиперестроечная часть» партийных иерархов «напоминала хищников, готовых наброситься на своего дрессировщика, но сдерживаемых увещеваниями и звонкими ударами хлыста»³⁸. Однако контроль этот был ненадежен, разложение партийного монстра, присутствовавшего во всех сферах общественной жизни, еще не стало необратимым. Инфраструктура партии широко использовалась антиперестроечными силами в своих целях. Разверлись события иначе, рычаги были бы применены для политической мобилизации в поддержку государственного переворота. А главное, немалый еще социально-политический потенциал партии (в ней продолжало числиться еще около 15 млн человек) нельзя было использовать в интересах общественного прогресса, пока было законсервировано фальшивое единство, а почти все ключевые посты занимали полозковцы разных рангов, но того же интеллектуального уровня и политической ориентации.

Последний Пленум ЦК КПСС (июль 1991 г.) Горбачев расценил как существенное продвижение вперед. На повторение открытого бунта реваншисты, задававшие тон на пленуме, все же не решились. Была принята, правда, лишь в качестве основы для обсуждения, программа, содержащая заметный крен в сторону социал-демократии. На деле же продвижение было иллюзорным: при всей идеологизированности КПСС, программы, некогда принимавшиеся в пылу жарких споров, а потом — под бурные аплодисменты, редко имели реальную связь с практической политикой. Партия была приучена десятилетиями жить с программами, вводившими в мир фантастики. В условиях, когда в продырявленной уже оболочке сосуществовало несколько по сути дела враждебных партий, формулировки, за которые бились партийные прогрессисты, и вовсе не имели существенного значения. Реальный шаг вперед мог бы заключаться в прекращении этого противоестественного сожительства и передаче преобладающей части

партийных структур и имущества тем коммунистам, которые готовы были бы пойти за Горбачевым. Казалось, понимание этого начало приходить к генсеку. 8 июля он сказал прибывшему в Москву лидеру испанских социалистов Гонсалесу: «25 июля на пленуме ЦК придется раскалывать партию — дальше в таком состоянии ее оставлять нельзя»³⁹. Но решение отложили до внеочередного съезда, который был намечен на конец года, но которому так и не суждено было состояться.

Все эти сражения, впрочем, происходили на второстепенном театре военных действий. Главный прорыв реваншисты готовили там, куда перемещены были основные рычаги власти в Союзе. То были армия, милиция, службы безопасности, оставшиеся в распоряжении союзных силовых ведомств. Этот поезд всегда стоял на запасном пути. Он и призван был заменить универсальные прежде партийные механизмы господства в обществе. Довольно скоро обозначился и координационный центр — вновь сформированный в начале года кабинет министров. В отличие от прежнего правительства он формально-юридически был подчинен президенту непосредственно, а на деле все более обособлялся от него, брал курс на свертывание перестройки и находил сторонников в руководстве Верховного Совета (Анатолий Лукьянов) и в окружении президента (Геннадий Янаев, Валерий Болдин). В центре зреющего заговора встал председатель КГБ Владимир Крючков, шеф самого могущественного и самого зловещего ведомства в истории нашей страны.

Горбачевские выдвиженцы последнего призыва, обладавшие замечательным «классовым чутьем», нашли неформальные пути друг к другу и сделали свой выбор: если придется, то без Горбачева и против Горбачева. И по роду своей деятельности, и по характеру созревавшего замысла они менее всего нуждались в публичности. Мы лишь теперь узнаем из обрывочных воспоминаний, как они устанавливали связи, прорабатывали варианты, готовили прикрытия, проверяли возможности вовлечения самого президента, как соблюдали приемы конспирации под защитой многое еще мо-

гуших спецслужб. Но однажды был устроен публичный зондаж общественной реакции на переход к чрезвычайщине, согласие на которую эти деятели безуспешно выторговывали у Горбачева.

17 июня в Верховном Совете СССР выступил Валентин Павлов. Его доклад о социальном и экономическом положении в стране был выдержан в довольно тревожных тонах. В этом еще ничего особенного не было: так не только писали в газетах, но и говорили с высоких трибун. Главное, однако, было сказано в конце. Павлов заявил, что президент и правительство «не использовали все имеющиеся конституционные права и предоставленные президенту дополнительные полномочия для стабилизации экономической и социально-политической жизни страны». Впрочем, президенту это не под силу: он и так работает по 18 часов в сутки. А посему дополнительными полномочиями следует наделить правительство, с чем премьер и обращается к ВС. Права, которые запросил Павлов, явно не укладывались в конституционные рамки. «5 пунктов» премьера выглядели следующим образом. Право законодательной инициативы (отдельно от президента). Полномочия принимать решения «по вопросам руководства народно-хозяйственным и социально-культурным строительством» (оговорка, что эти решения будут носить временный характер, никого не могла обмануть — по сути была заявлена претензия на всю исполнительную и распорядительную власть в стране). Передача всей системы Госбанка и налоговой инспекции под контроль правительства (или президента, добавил премьер, но в любом случае это было вторжением в права республик). Обязательность решений правительства для всех исполкомов независимо от решений иных органов (т. е. выстраивание властной вертикали в обход представительных органов). Создание единого для всей страны и подчиненного союзному правительству «специального органа по борьбе с организованной преступностью» довершало этот широкомасштабный план передела власти⁴⁰.

Депутатов, естественно, заинтересовал вопрос, как ко всему этому относится отсутствующий в зале Горбачев. Вместо прямо-

го ответа на этот вопрос (Павлов обмолвился только, что в главном у него расхождений с президентом нет, «но говорить о том, что мы все имеем один взгляд на вещи, было бы неправильно... с того поста, который я занимаю, есть свое видение многих вопросов»⁴¹ — *sapienti sat*) после перерыва устроили закрытое заседание, на котором выступили все «силовые» министры: Язов, Пуго, Крючков. Они растолковали депутатам, с какими непорядками приходится иметь дело возглавляемым ими ведомствам. Особенно изобретателен был стоявший в центре комплота Крючков, который предал гласности секретнейшее донесение, изготовленное еще в 1977 г. службами Андропова и тогда же направленное высшему партийному руководству. Речь шла о том, как американская разведка намерена «осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза». Эти люди, заняв «административные должности в аппарате управления», станут «выполнять сформулированные противником задачи»⁴². Расчет был точен: депутатам, чьи представления формировались под влиянием модной в советском обществоведении «теории заговора» как двигателя исторического процесса, преподносилась сенсация. Она содержала простое и ясное объяснение невзгод, обрушившихся на вчера еще казавшееся монолитным государство: оно стало жертвой «идеологической диверсии империализма», которая страшнее бомб и ракет. То обстоятельство, что информация была, как дорогое вино, выдержана в течение более чем десяти лет и сообщена достоверно, на закрытом заседании, придавала ей видимость особой достоверности. А если это так, следует ли удивляться, что «фундаментальные реформы в стране», объяснял Крючков, проводятся «не так, как видится это нам, а так, как задумано за океаном». И чтобы не оставалось уж никаких сомнений в достижениях враждебных разведок: «нет такого принципиального вопроса, по которому, — завершал оратор, — мы не представляли бы объективную, острую, упреждающую информацию руководству

страны и не вносили бы совершенно конкретное предложение» — не было лишь «адекватной реакции»⁴³.

Весь следующий день депутаты обсуждали, как следует реагировать на демарш правительства: немногочисленные горбачевцы делились сомнениями, демократы отмалчивались (или отсутствовали), а члены «Союза» в своей манере обличали президента, который не имеет больше права сохранять за собой полномочия, «которые мы ему дали», и призывали не оглядываться на Конституцию: еще «римляне говорили, что необходимость ломает закон». Редакционная комиссия начала готовить постановление о передаче правительству полномочий, которые оно запросило. Отметился и Янаев, солгавший депутатам, что Горбачев якобы в курсе вопроса и «не видит здесь какого-то политического подтекста»⁴⁴.

Трудно сказать, ожидали ли участники этой явно скоординированной акции, что Горбачев, озабоченный своими отношениями с Ельциным, дрогнет и пройдет до конца путь, на который его толкали в январе и марте. Или же то была очередная «разведка боем» — зондаж общественного мнения (поскольку было ясно, что сказанное даже на закрытом заседании Верховного Совета в тайне не удержится). Однако ответ Горбачева был выдержан в стилистике, которая становилась для него все более привычной. Явившись через три дня на заседание Верховного Совета, он пространно рассуждал о ситуации, отбивался от нападков «союзцев», сообщил, что кабинет министров «пользуется полной поддержкой Президента», и предложил «принять к сведению все, что сказал тов. Павлов»⁴⁵. Горбачева странным образом не насторожила ни сама эскапада министров, ни двусмысленное поведение на заседании Павлова, который так и не отозвал свои предложения, ни поступавшие к нему иные тревожные сигналы.

Между тем с весны 1991 г. политическая ситуация в стране стала меняться кардинально. Относительное затишье в конфронтации с Ельциным, достигнутое ценой сделанных ему уступок, и подавление открытой оппозиции партийного аппарата, который

после поражения на апрельском пленуме ЦК КПСС уже не решился выступить с поднятым забралом, порождали у Горбачева надежду, что процесс удастся довести до подписания нового Союзного договора, которое повлечет за собой естественные перемены в верхних эшелонах власти. Ведь он, по словам Грачева, «предпочитал избавляться от мешавших ему людей “мягко” — не увольняя, а убирая из-под них стулья»⁴⁶. Устремленность к цели, которая для него была главной, и ощущение на затылке горячего дыхания Ельцина, от кого он небезосновательно ждал всяческих подвохов, мешали Горбачеву уловить опасность оттуда, откуда она вырастала наиболее грозно. Даже несколькими прямыми предупреждениями о готовящемся перевороте он считал возможным пренебречь. Горбачев благодарил, соглашался, что Павлов неверно повел себя в ВС, но выражал уверенность, что оснований для беспокойства нет. Он дезавуировал инициативу министров в ВС, однако в отставку никого не отправил, демонстративно братался с Павловым, Крючковым и Пуго, а на вопросы журналистов уверенно ответил: «с переворотом покончено».

Движение поступившей Горбачеву 20 июня, как раз накануне его появления в ВС, информации выглядит как в ладно скроенном детективе. Мэр Москвы Гавриил Попов, растревоженный тем, что происходило в ВС СССР 17 июня, был вызван на неотложную встречу со «знакомым, имеющим доступ в верхние эшелоны СССР». Во время пятиминутной встречи тот сообщил, что после получения запрошенных чрезвычайных полномочий будет организована провокация, воспользовавшись которой, правительство введет чрезвычайное положение. Сопоставив это с отсутствием Горбачева в зале ВС и Ельцина в Москве, Попов принял неординарное решение. Не зная подлинных намерений президента и ожидая, что заговорщики могут выступить в ближайшие часы, он решил срочно вытребовать Ельцина, находившегося в США. На аудиенции у американского посла Мэтлока в Спасо-хаусе он, не без оснований опасаясь подслушивающих устройств и ведя разговор на отвлеченные темы, стал излагать свои сведения на лист-

ке бумаги. Мэтлок внимательно следил, как на бумаге появлялись имена заговорщиков — будущих членов ГКЧП. По прочтении собеседником лист был разорван на мелкие клочки. Информация была незамедлительно передана в Вашингтон президенту США и в Берлин находившемуся там госсекретарю Бейкеру. Незвестно, когда и как ее довели до Ельцина, но к Горбачеву с сообщением о нависшей угрозе по указанию Буша через несколько часов после визита Попова отправился Мэтлок. Горбачеву американский посол сказал не все, что узнал: ведь информация Попова предназначалась для Ельцина. «Даже если бы наша информация была более точной, я бы не решился назвать Горбачеву имена заговорщиков, — пишет Мэтлок. — Ну как можно поверить, что американский посол сообщает главе государства, которое до недавнего прошлого было противником его страны, что премьер-министр этого государства, глава разведки, министр обороны и председатель парламента устраивают заговор против него?». Быть может, поэтому Горбачев не придал полученной информации должного значения, полагая, что речь идет о его недругах из группы «Союз». Он попросил поблагодарить Буша, который «...поступил так, как следует поступать другу. Но скажите, чтобы он не волновался. Я все держу в руках». Иначе отнесся к информации Ельцин. В частном разговоре с влиятельным американским сенатором он сказал, что переворот наступит до конца года и что он, Ельцин, к этому готовится⁴⁷. «Ты переоцениваешь их ум и храбрость», — говорил Горбачев Яковлеву, четырежды предупреждавшему его о подозрительной суете заговорщиков⁴⁸. Между тем именно в эти месяцы завершалось формирование заговорщической хунты, члены которой возглавляли все без исключения союзные государственные структуры — правительство, ключевые министерства, Верховный Совет, президентскую администрацию. Убедившись, что с Горбачевым нельзя сговориться и что свалить его не удастся ни через партию, ни через парламент, они вознамерились идти до конца, если потребуется — посредством государственного переворота.

В эти же месяцы продолжалась консолидация другого политического центра, готовящегося перехватить власть, — вокруг Ельцина. Процесс этот не был однолинейным. С одной стороны, формировался конституционный плацдарм, противостоявший союзной власти. Верховный Совет РСФСР, исходя из итогов мартовского референдума и воспользовавшись полномочиями, предоставленными ему III Съездом, издал закон о выборах Президента РСФСР. В конце мая IV Съезд внес в Конституцию изменения, предусматривавшие переход от республики Советов к дуалистической государственной структуре, в которой рядом с формально полновластным Съездом появлялся равноположенный ему пост президента — высшего должностного лица и главы исполнительной власти, наделенного широкими полномочиями вплоть до назначения министров (что не требовало теперь согласия Верховного Совета), введения чрезвычайного положения (с согласия ВС) и отлагательного вето на законы⁴⁹.

Идя на выборы 12 июня, Ельцин предпринял тактический маневр, о котором ему еще предстояло пожалеть. Он пригласил Александра Руцкого выступить с ним в тандеме, баллотируясь на пост вице-президента. Обманув ожидания Бурбулиса, Хасбулатова и других претендентов, он на данном этапе обеспечил себе поддержку умеренных коммунистов и националистов. Проводя наступательную избирательную кампанию, Ельцин демонстрировал откровенное пренебрежение к своим конкурентам, большинство которых, впрочем, того заслуживало. И хотя административный ресурс, который был приведен в действие против Ельцина, потенциально превышал возможности, которые давал пост Председателя Верховного Совета РСФСР, нерастраченная еще массовая поддержка, энергия и напор демократов принесли ожидаемый результат — победу в первом туре (57,3% голосов за Ельцина при 74,7% принявших участие в выборах⁵⁰). Повторялось то, что уже происходило годом раньше, на I Съезде: номенклатурные силы не смогли, а демократы и не помышляли выдвинуть реальную альтернативную фигуру⁵¹.

После выборов и торжественно проведенной инаугурации Ельцин мог опереться не только на авторитет постановлений российского парламента, который в государственной системе играл все же вторичную роль, но и на легитимность всенародного избрания, чем столь неосмотрительно пренебрег за год с лишним до того Горбачев.

Но силу новой российской власти не следует переоценивать. Верховный Совет и Президент РФ все еще не контролировали ни силовые структуры, ни ВПК и иные предприятия-гиганты, сосредоточенные на российской территории, ни внешние товарные и финансовые потоки. Кроме того, как Горбачев не мог опереться на формально возглавлявшуюся им партию и СНД СССР, так и поддержка Ельцина парламентом была отнюдь не гарантирована. Об открытом демарше против Ельцина шести руководителей ВС РСФСР в феврале 1991 г. уже шла речь. Демократы увидели в том режиссуру Старой площади. В известной мере, наверное, так оно и было. Не оценили они, однако, в должной мере обстоятельство, в перспективе более важное: в ограниченном пока властном пространстве, где действовал российский парламент, заявил о себе новый центр оппозиции Ельцину и поддерживавшим его силам. Он не был (и не стал) простым ответвлением тех партийных структур, которые на российском Съезде представляли Полозков и фракция «Коммунисты России». Эта оппозиция переживет Август, переживет КПСС и КП РСФСР и, пополнившись за счет депутатов «болота» и части бывших демократов, перетечет в так называемый Фронт национального спасения. Одним из его руководителей станет Сергей Бабурин, другим — интеллектуальный лидер «шестерки» Владимир Исаков. А пока будущие активисты продолжали занимать руководящие посты в парламенте.

Более того, даже одержав решительную победу на выборах, Ельцин не смог совладать с собравшимся в июле V Съездом. В качестве своего преемника на посту Председателя Верховного Совета РСФСР он рекомендовал своего первого заместителя Хасбулатова — «верного Руслана», лояльность которого не вызывала

у него тогда подозрений. Это была вторая (после Руцкого) крупная кадровая ошибка Ельцина. Оппозиция выдвинула на тот же пост Сергея Бабурина, который сначала существенно опережал Хасбулатова по числу поданных голосов: во втором туре первого голосования за него было подано 485 голосов, за Хасбулатова — 387. Однако выдвижением Хасбулатова Ельцин расколол собственную базу поддержки: против его выдвиженца голосовали 575 депутатов, т. е. на 90 больше, чем за Бабурина. Хотя при втором голосовании соотношение несколько сместилось в пользу Хасбулатова, Бабурин по-прежнему лидировал (448 к 404), и V Съезд прервали, так и не избрав Председателя ВС⁵².

По мере того как Ельцин с продемонстрированными не раз решимостью и способностью идти напролом, все более осваивал роль лидера республик в их противостоянии союзному центру, политическая дифференциация усиливалась и в России. 20 июля Ельцин издал указ о прекращении деятельности организационных структур политических партий и движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР. Очевидная цель заключалась в том, чтобы выбить почву из-под ног коммунистических организаций, издавна выстраивавшихся по производственному принципу. Но указ этот, который сохранил свою силу и после Августа, имел и побочные, крайне негативные последствия. Он пресек начавшееся было формирование структур демократических организаций, в первую очередь «Демократической России» там, где они возникали наиболее естественно, — по месту работы и учебы, как раз в то время, когда эти организации еще были на подъеме, а условия для их становления и роста были наиболее благоприятны.

Политический курс Председателя ВС с его резкими выпадками и неожиданными поворотами, если и не определялся единолично, то выработывался в узком кругу приближенных, лишь частично рекрутированных из «демороссов» и межрегионалов. «Демократическая Россия» в лице ее официальных съездовских и протопартийных структур от выработки курса была реши-

тельно отстранена. Ее приглашали на политическую авансцену в парламенте и на улице лишь для выражения поддержки и солидарности, когда надо было противостоять могущественному противнику. Большинство «демороссов» не склонно было придавать значение дистанции между собой и лидером, поскольку у них и общая оценка ситуации, и устремления до поры совпадали. Сила и влияние «Демократической России» в обществе, хотя и не закреплённые организационно, но тогда еще немалые, были переданы в распоряжение Ельцина безвозмездно, без каких-либо обязательств с его стороны.

Расщепленная власть в Союзе, в России, да и в других республиках — таков был главный итог политического развития страны в предавгустовский период. Временное, неустойчивое перемирие между Ельциным и Горбачевым не снимало остроту конфликта, раскалывавшего страну. М. Макфол справедливо отметил, чем ход событий в СССР — России отличался от политических процессов в других начавших исторический транзит странах. Там, как правило, патовая ситуация, равновесие противостоящих сил подталкивали к компромиссу, к каким-то формам сотрудничества. Такие попытки предпринимались и здесь осенью 1990 г., когда Горбачев и Ельцин нащупывали возможность совместного проведения экономической реформы, и весной 1991 г. «Однако сама оценка равновесия сил позволяла обеим сторонам уклоняться от переговоров, так как каждая из них была убеждена, что другая сторона не сможет ее сокрушить». Поэтому же «советско-российский способ перехода — скорее конфронтационный, чем договорный, скорее революционный, чем эволюционный, — происходил в условиях большей неопределенности и неясности перспективы, чем в других переходных обществах Латинской Америки, Южной или даже Восточной Европы»⁵³. Последняя попытка найти компромиссное решение была принята летом 1991 г. Но не столько на пути демократических преобразований в экономике и политике в масштабе всего Союза, сколько в сфере отношений между Центром и республиками,

где, как показалось, легче найти какой-то *modus vivendi*. На первый план вышла проблема нового Союзного договора.

СУДЬБА СОЮЗНОГО ДОГОВОРА

Взгляд из 1991 года. «Может ли СССР стать федеративной системой?»⁵⁴

1. Вопрос поставлен в очень общем виде, и потому либо ответить на него очень трудно, либо должен быть отрицательный ответ. А именно: в современных границах СССР вероятность создания федеративного государства, то есть государства, в котором Центру на правовой основе передан внушительный объем полномочий, в котором Центр может принимать ключевые экономические и политические решения, не испрашивая в каждом случае согласия республик — субъектов Федерации, а субъекты располагают реальной самостоятельностью в решении своих внутренних дел и формируют собственные органы власти независимо от Центра, — *равна нулю или приближается к нему*. Во всяком случае, в обозримый период.

Почему?

- Потому что создание федерации предполагает, что существует не только определенная сфера совпадения экономических и иных *интересов* (она есть), но и общность *принципиальных подходов* к тому, как должна быть преобразована экономика (этого нет), и механизм, которому пробудившиеся республики могут доверить принятие оперативных экономических решений (этого тоже нет).

- Потому что создание федерации предполагает перевес тех именно *общественных сил*, которые отстаивают данный тип государственного устройства. На деле мы имеем расклад, при котором в понятие федерации даже те силы, которые признают ее на словах, вкладывают разное содержание: одни — унитарную структуру под чужим названием, другие — конфедеративное

устройство. Но, кроме того, на обоих политических флангах действуют силы, одни из которых выступают за «единую и неделимую» в границах 45-го года, а другие — и конфедеративное устройство считают излишне обременительным.

- Потому что потенциальные субъекты федерации не просто крайне разнородны, но и внутренне расколоты по данному вопросу.

- Потому что не менее остро, чем вопрос о национально-государственном устройстве Союза, стоит тот же вопрос в России — главном его участнике. Федерация в федерации — нон-сенс.

2. Вопрос о федерации не может быть сведен к проблеме Союзного договора. Тем не менее — может ли в ближайшее время быть заключен новый Союзный договор, и если да, то каким он может быть?

Казалось бы, подготовка Союзного договора вступила в решающую фазу. Называются сроки, притом весьма близкие. Я допускаю, что договор будет подписан до конца 1991 г. (хотя это не predetermined). Однако подписание договора произойдет тем легче и быстрее, чем менее обязывающим он будет, чем больше реальных проблем, существующих между республиками, будет вынесено за его рамки, чем более расплывчатые формулировки будут открывать возможность для участников толковать их в свою пользу.

3. Тем не менее подписание договора — даже в его нынешнем или несколько модифицированном виде — наталкивается на серьезные проблемы, трудности. Препятствия (вопреки оптимизму, порожденному заявлением «9 + 1») следующие.

Во-первых, название договора и название Союза. Вопрос в значительной мере символический, но символам в нашей жизни — пока не сложилась четкая дифференциация общества по интересам — принадлежит важная дифференцирующая роль.

Во-вторых, проблема отношений с республиками, не вошедшими в Союз:

- союзная собственность и встречные иски;
- распределение оплаты внешних долгов;
- поставки дефицитной продукции;
- оборонная инфраструктура;
- национальные меньшинства.

В-третьих, субъекты договора:

- проблема автономий (прежде всего российских) — абсурдная формула: субъекты двух федераций (это как если бы Баскония или Корсика самостоятельно входили в ЕС); поиск ведется в ложном направлении: федерализацию проводят на национальной (этнической) основе;

- проблема нынешних союзных государственных структур (место «1» в формуле «9 + 1»).

В-четвертых, порядок доработки и подписания договора. За конфликтом между Ново-Огарево и СНГ-ВС РСФСР — не просто разные трактовки легитимности в переходный период и юридические хитросплетения, а столкновение разных общественных сил.

4. Существенный элемент этого столкновения — борьба за командные позиции в Центре государства, за возможность оказывать решающее влияние на его дальнейшее экономическое и политическое развитие.

Содержание борьбы в значительной мере зашифровано употреблением клише «суверенитет». Можно сколько угодно говорить о разграничении сфер компетенции, но невозможно придумать абсолютно равновесную систему.

Для России и других союзных республик вопрос стоит по-разному. Республики стремятся повысить степень своей самостоятельности вплоть до обособления. Перед Россией выбор: либо утвердить решающее влияние на Центр, либо выходить из этого Союза и объективно становиться новым центром притяжения.

Положение осложняется тем, что внутри российских государственных структур разворачиваются конфликты, в том числе:

- национал-патриоты — «ДемРоссия»;
- автономии — «ДемРоссия»;
- национал-патриоты — автономии.

Избрание президента в России хотя и укрепляет позиции демократических и антиимперских сил, не означает окончательного перелома. Борьба будет продолжаться.

5. Перспектива.

Не федерация (каким бы ни было ближайшее урегулирование), а сложные комбинации унитарных, федеративных и конфедеративных (может быть, даже международно-договорных) структур и отношений.

Нарастающее размежевание в обоих главных лагерях по вопросам национально-государственного устройства и вероятная перегруппировка политических сил в центре и на местах.

Не прекращение конфликтности развития, а возможность разрешения конфликтов в цивилизованной форме (или при отсутствии таковой).

Взгляд сквозь годы.

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ

О том, какую роль совместное заявление «9 + 1» сыграло в переломе политической ситуации, я писал по горячим следам события⁵⁵. Что оно несло с собой для реорганизации Союза? Подготовительная работа экспертов над новым Союзным договором велась под патронажем Горбачева. С лета 1990 г. публиковались проекты, проводились конкурсы на лучший вариант, собирались поправки. С того же времени начал функционировать внеконституционный орган — Совет Федерации, в рамках которого лидеры не только союзных, но и автономных республик получили доступ к формированию общегосударственной политики. Это вполне соответствовало победному шествию республиканских суверенитетов. Совместное заявление придало процессу разработки Союзного договора новое дыхание и обозначило для Совета Федерации поле деятельности. Тем самым

проектирование конституционного устройства будущего, как тогда еще надеялись, единого государства было изъято из ведения как общесоюзного, так и республиканских парламентов и сосредоточено в руках исполнительной власти. Это было серьезное ущемление нарождавшегося парламентаризма и в Союзе, и в России.

Эскиз основных принципов будущего договора, представленный в совместном заявлении, был результатом компромисса противостоявших сил. Сторонники республиканских суверенитетов выигрывали по меньшей мере по трем пунктам. Во-первых, в названии проектируемого образования — Союз суверенных государств (ССГ) — был опущен пресловутый «социалистический выбор», а «республики» заменены на «государства». Считалось, что такая замена подчеркивает суверенность⁵⁶. Во-вторых, предусматривалось досрочное (ранее окончания конституционного срока в 1994 г.) прекращение полномочий действующих органов власти Союза. Хотя точный срок указан не был, это предполагало, что вскоре СНГ и ВС СССР, где все более отчетливо тон задавали рваншисты из группы «Союз», уйдут с политической арены. Президенту Союзного государства, если таковой сохранился бы, надлежало пройти процедуру легитимации, более убедительную, чем избрание на Съезде. В-третьих, было зафиксировано право шести республик, не подписавших заявление, самим решать вопрос о присоединении к Союзу. По каждой из этих позиций (разве что кроме пересмотра мандата Горбачева) союзная номенклатура должна была чувствовать себя ущемленной.

Но и для руководителей «суверенных» республик, прежде всего для Ельцина, заявление оставляло ряд открытых вопросов. Прежде всего, не было определено, какими станут Союзный договор и Конституция ССГ в двух главных отношениях: как будут распределены полномочия Центра и республик и какое место в новом образовании займут автономии. Далее, поскольку новую Конституцию надлежало принять Съезду народных депутатов СССР, нетрудно было вообразить, что останется от договора,

подписанного руководителями республик. Наконец, оставалось за кадром, успеют ли республики до того принять свои конституции или же они должны будут подстраивать их под Основной закон союзного государства. Намеченный темп продвижения, по-видимому, оставлял лишь второй вариант⁵⁷.

Так выглядел стартовый документ, отправляясь от которого, группы экспертов под руководством советников президента Георгия Шахназарова и Григория Ревенко и академиков Владимира Кудрявцева и Бориса Топорнина принялись за подготовку текста Союзного договора. Проект, прошедший ряд последовательных итераций, обсуждался на встречах в Ново-Огареве, где участвовали 40—50 человек: кроме Горбачева и руководителей девяти союзных республик, лидеры большинства автономий, Председатель ВС и министры СССР, ведущие эксперты. Многочасовые обсуждения не раз приобретали острый характер: поиски компромиссов были трудными. Два полюса, рассказывает Ельцин, представляли он и Горбачев: «...всем остальным было удобно выбирать свою позицию, маневрировать. Мы с Горбачевым брали всю моральную тяжесть выяснения спорных проблем на себя»⁵⁸.

Формально договорные бдения происходили на территории и под эгидой союзного президента. Создавая Совет Федерации как своего рода «надправительство»⁵⁹, Горбачев как бы шел навстречу движению за суверенизацию республик, рассчитывая при этом получить противовес как партийному аппарату, так и российскому лидеру. На деле это была еще одна его ошибка. Республиканские элиты, быстро оценив открывшиеся возможности, менее всего готовы были удовлетвориться ролью резерва Горбачева в его противостоянии с Ельциным. В лице последнего они скоро разглядели локомотив, выстроившись за которым, можно «проглатывать» все новые порции даруемого (а не отвоеванного, как в российском случае) суверенитета. Поэтому проект все более сдвигался к конфедерации как форме будущего союзного устройства.

Если в происходивших ристалищах нечто и можно было противопоставить напору российского президента, то это были его необеспеченные тылы в российских автономиях. Оба президента, стремясь переиграть друг друга, с руководителями автономных республик стали разыгрывать партию в поддавки. Их элиты оценили ситуацию как свой звездный час. За ними немедленно выстроились автономии следующих уровней, которые стали присваивать себе ранг республик. При обсуждении Союзного договора «автономы» потребовали — и в значительной мере добились — уравнивания в правах с союзными республиками. «...Мы не отступим от своего суверенитета, — говорил Минтимер Шаймиев. — Если мы принцип не отстоим, то народ нас не поймет и возмутится»⁶⁰.

Составители договора, понимая, насколько хрупок достигнутый компромисс, не торопились вынести свое творение на суд общества. Правда, не раз повторенное утверждение, будто бы подготовленное за оградой правительственной дачи сочинение было скрыто от народа, содержит немалое преувеличение. Некоторые варианты текста, по мере его созревания, публиковались в печати, а окончательная редакция от них отличалась не очень сильно. Но время, отведенное для ознакомления с проектом, по которому и следовало принять решение, было предельно спрессовано. 23 июля проект согласовали, 5 августа направили в республики, 10 августа он поступил в Верховный Совет России. Никакие не только голосования, но и слушания в парламенте не предусматривались, а на 20 августа было назначено подписание, после которого договор сразу же вступал бы в силу. Тщательно отработанный протокол подписания договора исключал участие и союзного, и республиканских парламентов. Запоздав с конституционным обновлением Союза по меньшей мере на год, Горбачев и другие члены Совета Федерации небезосновательно спешили завести корабль в гавань, понимая, сколь опасной для него может оказаться даже легкая зыбь новой дискуссии.

Подготовленный к подписанию договор, как всякий компромисс, опирающийся на изменчивое и даже не вполне выявившееся соотношение сил, был действительно крайне уязвим. В статье 1 было записано, что «государства, образующие Союз, входят в него непосредственно либо в составе других государств» — и в то же время «обладают равными правами и несут равные обязанности». Матрешечный принцип построения Союза, вхождение в него одних «образующих» государств «в составе» других — при том, что все они объявлялись «суверенными государствами», «полноправными членами международного сообщества», — порождали многочисленные несообразности и делали всю конструкцию, в которой целое уравнивалось с частями, заведомо неустойчивой. Так, по смыслу договора автономная республика получала право выхода из Союза, но могла при этом оставаться в составе союзной республики; ее граждане являлись бы также гражданами Союза, но не обязательно — союзной республики; не был урегулирован вопрос о том, как быть, когда противоречат друг другу законы союзной и автономной республик и т. д. Межгосударственный характер приобретали прежние административные границы между республиками разного уровня. Так был сделан большой шаг назад по сравнению с апрельским заявлением «9 + 1» и открыт путь к внутреннему развалу республик — основных участников договора.

Государство подвергалось коренной реорганизации: все республики получали солидные атрибуты суверенитета, а границы между ними, которые вольно передвигала прежняя власть, признавались нерушимыми. Понятно, что иной подход мог сразу обострить уже возникшие конфликты, но никакой механизм разрешения споров, кроме заведомо недостижимого согласия, не предлагался. В свете событий, разгоравшихся в Нагорном Карабахе и многих других точках СССР, это было непредусмотрительно.

Договор более или менее сбалансированно разводил компетенцию Союза и входящих в него государств. Сохранение за Сою-

зом полномочий в сфере обороны, безопасности, правоохранительных органов, внешней политики, внешнеэкономических связей и координации деятельности республик в этих областях, денежной эмиссии и исполнения союзного бюджета, принятия Конституции и союзных законов, а также обширная сфера совместного ведения, описанная в девяти развернутых позициях, казалось бы, соответствовали международным принципам построения федеративных государств. К сожалению, однако, немало вопросов, которые вызывали острые споры в Ново-Огареве: сколько и какие должны быть союзные министерства, какой — система налогов (одноканальной или двухканальной), каким — порядок осуществления совместных полномочий (этот дефект был воспроизведен в Конституции РФ 1993 г.), — оставались в договоре неурегулированными.

Положение о верховенстве договора по отношению к еще не принятой Конституции союзного государства, конституциям образующих его государств и их законам закрепляло приоритет норм, о которых договорилась группа лидеров, по отношению к актам, утверждение которых предполагало парламентские голосования или всенародное волеизъявление в той или иной форме.

Между тем заложенная в договоре конструкция высших органов государственной власти Союза представлялась далеко не бесспорной. Рядом с президентом — главой государства, обладающим также высшей исполнительно-распорядительной властью и избираемым на всеобщих выборах (что отстаивал Горбачев), воздвигался Верховный Совет. Лишь одна его палата — Совет Союза — подлежала избранию непосредственно населением. Другую же палату — Совет Республик, к исключительной компетенции которого были отнесены издание законов о порядке деятельности союзных органов, ратификация международных договоров и даже согласие на назначение союзного правительства, — должны были формировать высшие органы власти республик (не было сказано, представительные, исполнительные или те и другие), причем все депутаты от каждой республики располага-

ли одним общим голосом. Такое построение отстаивали республиканские лидеры. И не будучи провидцем, нетрудно было предсказать, что эта конструкция, дополненная введением в союзное правительство с решающим голосом нескольких десятков республиканских премьеров, чревата затяжными спорами и тупиковыми ситуациями.

Порядок вступления договора в силу исключал возможность какой-либо предварительной корректировки проекта. Было установлено, что он «одобряется высшими органами государственной власти государств, образующих Союз» (процедура одобрения не была оговорена, да на нее и не оставалось времени) «и вступает в силу с момента подписания их полномочными делегациями»⁶¹.

Таков был этот замечательный продукт ново-огаревского процесса. К моменту подписания договора стало известно, что под ним не собираются ставить подпись не только шесть республик, отсутствовавших в Ново-Огареве, но и Украина, назначившая на начало сентября референдум о независимости. Договор, несомненно, нес в себе опасность дезинтеграции России, и тот парад суверенитетов, с которым она столкнулась в 1992—1994 гг., получил бы солидную юридическую базу.

Как только окончательный текст договора стал известен и была объявлена дата подписания, развернулась его публичная критика с разных позиций. «Демократическая Россия» на заседании Координационного совета 8 августа определила свое отношение к договору. Признавая «необходимость взвешенных компромиссов, предотвращающих опасность гражданской войны, снижающих уровень конфронтации в обществе», движение ставило вопрос о цене компромисса и гарантиях выполнения обязательств, взятых на себя Центром, и предлагала Ельцину предварить подписание договора следующими условиями.

1. Одновременное подписание договора (или заявление о твердом намерении это сделать) как минимум Россией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном (тем самым акт подписания увязывался с «зависшей» позицией Украины).

2. Обсуждение итогового варианта договора в ВС РСФСР и ознакомление с ним общества.

3. Исключение из договора положений, противоречащих Декларации о суверенитете РСФСР, а также допускающих принятие Конституции ССГ Съездом или Верховным Советом СССР.

4. Определение в договоре порядка выхода республик из Союза.

5. Исключение возможности вхождения в ССГ республик, в которых нарушаются права человека и осуществляется геноцид⁶².

Подписание договора, заявлял Координационный совет «Демократической России», сопряжено с риском, что не российские избиратели, а Союзный договор станет источником конституционного устройства России и приведет ее к развалу. Поэтому следует подписать договор на срок не более года, исключив из него пункты, определяющие систему и порядок формирования органов власти Союза, а за это время провести выборы в Учредительное собрание, которое и примет окончательные решения⁶³. Через два дня было опубликовано еще более резкое обращение к Ельцину ряда лидеров демократического общественного мнения с требованием «не форсировать подписание договора без его тщательного и всестороннего общественного обсуждения», ибо проведение референдума — «минимально необходимая предпосылка участия России в новом Союзном договоре»⁶⁴.

Горбачев в ходе ново-огаревского процесса сдал многие из тех позиций, которые он отстаивал и защита которых привела его в начале года к альянсу с реваншистами. Поэтому критика — не текста договора, а не поименованных, но легко угадываемых «лукавых и велеречивых властителей, умных и хитрых отступников, жадных и богатых властителей» — прозвучала и с иной стороны. 23 июля «Советская Россия» опубликовала выдержанное в патетических тонах «Слово к народу», которое подписали некоторые известные писатели, деятели искусств,

политики и военачальники. Со значительно большими основаниями, чем позабытое к тому времени письмо Нины Андреевой, этот эмоционально накаленный документ мог бы быть назван «манифестом антиперестроечных сил». «Слово» не содержало ни одного конкретного предложения, но общий смысл призывов положить «предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления», «встать для единения и отпора грабителям Родины», начать «с этой минуты путь к спасению государства», защитить «Советский Союз — наш дом и оплот» и в этих целях создать «народно-патриотическое движение» — был совершенно очевиден⁶⁵.

Сила этой оппозиции, сорвавшей-таки подписание договора, заключалась, однако, вовсе не в патетике, обращенной к народу. Ее лидеры, образовавшие, как о том шла речь выше, тайную заговорщическую хунту, контролировали главные звенья союзного государственного аппарата, в первую очередь — все силовые структуры. Единственный вопрос, на который они до поры не знали ответа: удастся ли сделать номинальным главой государственного переворота Горбачева. Многократно описана неофициальная встреча Горбачева, Ельцина и Назарбаева в Ново-Огареве 29 июля, за несколько дней до отъезда президента СССР на отдых в Форос (последняя в этом цикле его ошибка!). Здесь договорились, что после подписания договора Павлов, Язов, Пуго, Крючков и другие будут смещены с государственных постов. Тайную запись этой беседы Болдин передал заговорщикам. «Может быть, эта запись и стала спусковым курком августа 1991-го», — пишет Ельцин⁶⁶. Если это и так, то значительно важнее, что ружье было заряжено раньше и стрелки изготовились к нападению, время которого определяла дата предстоявшей церемонии подписания Союзного договора.

Нередко можно встретить утверждения, будто, не разразись августовский путч — опасная развилка была бы пройдена, Союзный договор — подписан и процесс распада СССР — приостановлен. Это один из мифов нашей недавней истории. Во-первых, со-

всем не обязательно, что договор был бы подписан 20 августа и без путча. А если и так — весьма вероятно, что Ельциным (а вслед за ним, возможно, и другими участниками) были бы сделаны такие оговорки, которые выхолостили бы и без того не очень четкое содержание договора⁶⁷. Во-вторых, и это главное, к августу 1991-го центробежные силы в СССР набрали такую мощь, что даже будь договор подписан, его расплывчатые формулировки, недоговоренности, да и вполне определенные обязательства, которые республики взяли на себя скрепя сердце, немедленно стали бы новым полем борьбы. В ней у хрупкого компромисса было мало шансов устоять.

Примерно об этом я говорил, выступая 13 июня в американском посольстве. Так думаю и сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лит. газ. — 1991. — 6 февр. Восстановлены небольшие фрагменты из оригинального текста, сокращенные редакцией при публикации. Здесь и в других моих публикациях в соответствии с политической лексикой тех лет правыми именовали консерваторов, реакционеров, левыми — сторонников обновления, демократов.

² Речь идет об американской операции по освобождению Кувейта «Бура в пустыне» (1991 г.).

³ Беседа с обозревателем А. Мешковым // Столица. — 1991. — Февр.

⁴ Из выступления на заседании «Московской трибуны» 3 марта 1991 г. (Демократ. Россия. — 1991. — 29 марта).

⁵ Выступление на III Съезде народных депутатов РСФСР 30 марта 1991 г. // Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет. — Т. 1. — М., 1992. — С. 218—221.

⁶ Эта позиция в развернутом виде была изложена в записке «Ближайшие шаги на пути к политической реформе», переданной мною Ельцину 15.04.1991: «1. “Круглый стол” целесообразен только на союзном уровне. Его задача — мирная передача власти из рук союзного правительства и квазипарламента, сформированных на недемократической основе и не пользующихся доверием в стране, в руки представительных органов, избранных народом. Ключевая проблема, по которой необходимо договориться в рамках “круглого стола”, — сроки, поря-

док, организация выборов, в которых примут участие республики, высказавшиеся за сохранение Союза (Содружества) в той или иной форме. Достижение согласованных решений по этому вопросу может потребовать создания ряда промежуточных структур власти на межреспубликанском уровне. 2. “Круглый стол” на уровне Российской Федерации не только не нужен, но и вреден. Он неизбежно станет дополнительным ограничением власти руководителей парламента и правительства РСФСР. 3. Это не исключает дальнейшую институционализацию согласительного механизма в рамках российского парламента, который уже выполнил некоторые полезные функции на предыдущих Съездах. Надо только отдавать отчет в том, что возможности этого механизма при данном соотношении сил в парламенте ограничены. Во многих случаях лучше отказаться от принятия какого бы то ни было решения, чем идти на чрезмерные уступки, добиваясь соглашения».

⁷ Беседа с О. Буркалевой по поводу Совместного заявления Президента СССР и руководителей союзных республик 23.04.1991 г. (Рос. газ. — 1991. — 8 мая).

⁸ Из выступления на конференции Ленинградского регионального отделения «Демократической России» 27.04.1991 (Лит. газ. ленингр. писателей. — 1991. — № 17. — Май).

⁹ Моск. новости. — 1991. — 14 июля.

¹⁰ 1 июля 1991 г. Э. Шеварднадзе, А. Яковлев, Г. Попов, А. Собчак, А. Вольский, А. Руцкой и др. опубликовали призыв к созданию Движения демократических реформ. 6 и 11 июля на собрании учредителей был создан Совет движения (сопредседатели — А. Вольский, И. Лаптев, Э. Шеварднадзе, А. Яковлев) и оргкомитет по подготовке съезда. Это была заявка на выделение «центра» в КПСС. В состав Политсовета ДДР помимо поименованных лиц входили также Ю. Лужков, С. Шаталин, М. Шатров, Ю. Черниченко и др.

¹¹ *Третьяков В.* Загадка Горбачева // Моск. новости. — 1989. — 26 нояб. По позднему свидетельству автора, эта статья была оценена ее героем как «лучший в русской прессе портрет» его, Горбачева (*Третьяков В.* Раблезианство Горбачева // Независимая газ. — 2001. — 2 марта).

¹² Горбачев жестоко ошибся в своем выборе. Позднее он узнал, что еще в феврале 1991 г. «благодарный» Янаев предлагал Ельцину совместными усилиями устранить своего благодетеля. — Правда. — 1995. — 16 авг.

¹³ *Шахназаров Г.* Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника. — М., 1993. — С. 394.

¹⁴ *Яковлев А. Н.* Омут памяти. — М., 2000. — С. 290, 485—486; запись интервью с А. Н. Яковлевым. 26.07.2004. — Архив автора.

¹⁵ *Грчев А.* Горбачев. — М., 2001. — С. 339.

¹⁶ *Черняев А.* Шесть лет с Горбачевым. — М., 1993. — С. 357. «Он устал. Время обогнало его», — записал в своем дневнике Черняев (*Черняев А.* 1991 год:

Дневник помощника президента СССР. — М., 1997. — С. 119). Поворот Горбачева в политике был крайне болезненно воспринят и другими его сторонниками. Осенью 1990 г., писал О. Лацис, «начиналось время непонятного, до конца никем не объясненного поворота Горбачева» (*Лацис О.* Тщательно спланированное самоубийство. — М., 2001. — С. 311).

¹⁷ По данным социологического исследования, проведенного в конце января — начале февраля 1991 г. в восьми союзных республиках (в том числе в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Казахстане), 74% коммунистов выражали решимость «остаться членами партии во что бы то ни стало» (Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 4. — С. 63).

¹⁸ *Грачев А.* Горбачев... — С. 289. В своих мемуарах Горбачев высказывается гораздо осторожнее: «Тогда, зимой 1991-го, я не склонялся ни вправо, ни влево, а наоборот, занял центристскую позицию...» (*Горбачев М.* Жизнь и реформы. — М., 1995. — Кн. 2. — С. 516).

¹⁹ М. Горбачев и сейчас убежден, что его общая линия была верна, а ошибки он допустил только тактические (интервью радиостанции «Свобода», 20.08.2001). См. также: Известия. — 2001 — 2 нояб.

²⁰ *Грачев А.* Горбачев... — С. 278.

²¹ Такое предложение выдвигал, например, В. Аксюциц, и это была не самая жесткая позиция (*Аксюциц В.* Круглый стол. Записка. Апрель 1991. — Архив автора).

²² Это была не первая попытка силового решения ситуации в Прибалтике. За год до того подразделения Воздушно-десантных войск СССР были использованы для захвата дома, где размещался ЦК КП Литвы, и других зданий в Вильнюсе (КПСС и КПЛ спорили о принадлежности и использовании этого имущества), а также для «отлова» литовских юношей, укрывавшихся от призыва в Советскую армию. Эта «репетиция» применения силы вызвала резкий протест депутатов от «Демократической России». Они направили делегацию в Литву в марте 1990 г., еще до того, как конституировался СНГ России.

²³ «Механизм, который был приведен в действие в ночь с 12 на 13 января... до сих пор не раскрыт», — писал Горбачев в 1995 г. Самая благоприятная версия, вытекающая из его объяснений: президент не ведал, что творится в стране, и не смог правильно отреагировать (см.: *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 1. — С. 510—515).

²⁴ *Черняев А.* 1991 год... — С. 75—76. «Беззаветно преданные, как наполеоновские ветераны, помощники перестали его понимать и, хуже того, отказывались ему верить», — писал и Андрей Грачев (*Грачев А.* Указ. соч. — С. 351).

²⁵ *Шахназаров Г.* Указ. соч. — М., 1993. — С. 222.

²⁶ *Исаков В.* Председатель Совета Республики. — М., 1996. — С. 237—240.

²⁷ Заявление парламентского блока «Демократическая Россия». 01.02.1991. — Архив автора.

²⁸ Известия. — 1991. — 22 февр.

²⁹ Политический альманах России. 1997 / Моск. Центр Карнеги. — Т. 1. — М., 1998. — С. 175.

³⁰ Трижды, утверждает Шахрай, предусмотрительно заготовленный еще в 1990 г. инструмент — закон о референдуме спасал Россию от гражданской войны (запись интервью с С. М. Шахраем. 01.07.2004. — Архив автора).

³¹ Политический альманах России... — С. 378.

³² Мое письмо об этом истолковании см.: Аргументы и факты. — 1991. — № 18: «В интервью, опубликованном в “Правде” и “Советской России” 19 апреля с. г., И. К. Полозков объяснил, что возникновение группы “Коммунисты за демократию” обязано тому, “что за это дело откровенно взялись такие люди”, как Шейнис и Старовойтова, которые “проводили первые организационные совещания по сколачиванию группы”. Возникает вопрос: почему И. К. Полозков поспешил подхватить утку, поднесенную ему ленивыми и недобросовестными информаторами, и выпустить в свет уже от своего имени версию, оскорбительную не для нас, а для уважаемых депутатов — членов КПСС, неспособных будто бы организовать без помощи беспартийных “варягов”. Думается, что подводит его сам способ политического мышления. Вожди и идеологи партии так долго вбивали мифологию в сознание народа, что едва ли не сами в нее уверовали. В извращенном сознании особое место занимает образ врага. Во всех бедах и неудачах повинна не сама партия, тем более не ее здравствующие вожди, а некие враждебные силы. Чтобы облик дьявола не стерся, его надо периодически обновлять. Предшественники Полозкова не уставали разоблачать интервентов, подкулачников, троцкистов, империалистов, космополитов, ревизионистов и иных злодеев — несть им числа. Теперь, похоже, на роль разрушителей монолита сподобили нас со Старовойтовой. Народный депутат РСФСР Шейнис В. Л.».

³³ Юрьев Д., Собянин А. Россия-1991: от декларации к суверенитету. Расстановка сил и динамика развития политического процесса к концу первого года нового российского парламентаризма. — С. 17. — Архив автора.

³⁴ Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985—1991. — М., 1991. — С. 509—510.

³⁵ Лацис О. Указ. соч. — С. 340—341.

³⁶ Горбачев М. Указ. соч. — Кн. 2. — С. 538.

³⁷ Россия-2000: Современная политическая история. — Т. 1: Хроника и аналитика. — М., 2000. — С. 116. По другим данным, с начала 1990 г. до 1 июля 1991 г. из КПСС вышли или были исключены свыше 4 млн человек, т. е. 22% ее прежнего состава (Горбачев М. Указ. соч. — Кн. 2. — С. 542).

³⁸ Шахназаров Г. Указ. соч. — С. 250.

³⁹ Черняев А. 1991 год... — С. 169.

⁴⁰ ВС СССР. Пятая сессия. Бюллетень № 82 совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей. — 1991. — 17 июня. — С. 20—21.

⁴¹ Там же. — С. 24.

⁴² *Крючков В.* Личное дело. — Ч. 2. — М., 1996. — С. 389—390.

⁴³ Там же. — С. 391—392.

⁴⁴ ВС. СССР. Бюллетень № 84... — 1991. — 18 июня. — С. 23—24, 38; *Пилюха Р. Г.* Советский Союз: История власти. 1945—1991. — М., 1998. — С. 649.

⁴⁵ ВС. СССР. Бюллетень № 85... — 1991. — 21 июня. — С. 19—27.

⁴⁶ *Грачев А.* Указ. соч. — С. 364.

⁴⁷ *Попов Г.* Снова в оппозиции. — М., 1994. — С. 200—211; *Мэтлок Дж. Ф.* Смерть империи: Взгляд американского посла на распад Советского Союза. — М., 2003. — С. 457—462; *Reddaway P., Gliniski D.* The Tragedy of Russia's Reforms. — Washington, D.C., 2001. — P. 198—200.

⁴⁸ *Яковлев А. Н.* О мут памяти. — С. 292—293, 308; Известия. — 2003. — I дек.; запись интервью с А. Н. Яковлевым. 26.07.2004. — Архив автора.

⁴⁹ Президента, как и Съезд, надлежало избирать на всеобщих выборах.

⁵⁰ Политический альманах России... — С. 381. «Победа в первом туре — иного не дано. Запретите себе думать, что может быть второй тур», — так напутствовал Г. Бурбулис направлявшихся на места членов многочисленной избирательной команды Ельцина (*Попцов О.* Хроника времен «царя Бориса». — М., 1995. — С. 63).

⁵¹ Такой альтернативой мог бы стать Вадим Бакатин, который был, по словам Черняева, «...единственный из шести претендентов — порядочный, здравомыслящий, умный, информированный, не ищущий победы любой ценой, интеллигентный сам по себе, а не своей командой. И безусловно прогрессивный, “перестроечный”» (*Черняев А.* Шесть лет... — С. 149). К сожалению, заняв в президентской гонке последнее место, Бакатин вообще вышел из дальнейшей политической игры.

⁵² Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР: Стенографический отчет. — Т. 1. — М., 1992. — С. 229—230, 372. Виктор Шейнис, рассказывает О. Попцов, «отдав свой голос за Хасбулатова, с досадой сказал: “Не может Хасбулатов быть символом демократической России”. Я, полушутя, возразил ему: “Имперской — не может, а вот демократической, коли она демократическая, в самый раз”» (*Попцов О.* Указ. соч. — С. 157). Тут коллегу подвела память: я не только не голосовал за Хасбулатова, но и активно выступал против него на собраниях, за что некоторые горячие головы грозили исключением из «Демократической России» («Ты открываешь дорогу Бабурину!»). Однако идентификация интересов российской демократии не только с Ельциным, но и с его выдвиненцем была для того времени очень характерна.

⁵³ *McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachev to Putin. — Ithaka; London, 2001 — P. 114—116.

⁵⁴ 13 июня 1991 г. посол США в СССР Дж. Мэтлок организовал в своей резиденции в Спасо-хаусе дискуссии на тему «Может ли СССР стать федеративной

системой?». С основными докладами выступили американский профессор Хофман, который обрисовал преимущества федерации перед конфедерацией и подчеркнул, что суверенитет республик не может рассматриваться как абсолютная ценность, и один из главных разработчиков Союзного договора академик Б. Топорнин, в общем оптимистически оценивший перспективы обновленного федерализма в СССР. В том же ключе выступали многие участники обсуждения. Ниже воспроизводится конспект моего выступления в этой дискуссии. — Архив автора.

⁵⁵ См. с. 447—452.

⁵⁶ Я как-то сказал Ельцину, что в такой замене нет содержательного смысла, ибо республика — разновидность государства. Однако он со мной не согласился.

⁵⁷ Россия сегодня... — С. 509—510.

⁵⁸ Ельцин Б. Записки президента. — М., 1994. — С. 53.

⁵⁹ Горбачев М. Указ. соч. — Кн. 2. — С. 499.

⁶⁰ Болдин В. Крушение пьедестала. — М., 1995. — С. 401.

⁶¹ Договор о Союзе суверенных государств, согласованный 23 июля 1991 г. и направленный президентом РСФСР в Верховный Совет РСФСР 10 августа 1991 г. — Архив автора.

⁶² Последний пункт был внесен после того, как делегация Координационного совета ДР (Лев Пономарев, Владимир Смирнов, Анатолий Шабад, Виктор Шейнис) доложила о результатах своей поездки в Баку, Ереван и зону армяно-азербайджанского конфликта, состоявшейся 31 июля — 6 августа.

⁶³ Заявление КС «Демократической России». 08.08.1991. — Архив автора. См. также: Современная политическая история России. Хроника и аналитика. — М., 2000. — Т. 1. — С. 125.

⁶⁴ Обращение подписали Юрий Афанасьев, Лев Тимофеев, Леонид Баткин, Вячеслав Иванов, Юрий Буртин, Владимир Библер, Елена Боннэр (Независимая газ. — 1991. — 10 авг.).

⁶⁵ «Слово к народу» подписали Юрий Бондарев, Юрий Блохин, Валентин Варенников, Эдуард Володин, Борис Громов (никогда впоследствии не участвовавший в подобных играх), Геннадий Зюганов, Людмила Зыкина (вскоре после путча отрекалась от своей подписи), Вячеслав Клыков, Александр Проханов, Валентин Распутин, Василий Стародубцев и Александр Тизяков (Современная политическая история России. 2000. — Т. 1. — С. 640—641). За три дня до путча та же «Советская Россия» опубликовала материал под заголовком «От «Слова» к делу!», подписанный некой «инициативной группой народного патриотического движения». Впрочем, это была лишь верхушка айсберга. Идеологическая подготовка шла полным ходом на страницах как известных газет и журналов, так и множества совсем уж низкопробных подметных листков. Адресат был ясно очерчен: армия, КГБ, «патриотически мыслящая интеллигенция», «люди русские».

⁶⁶ *Ельцин Б.* Записки президента. — С. 56.

⁶⁷ Намеки на возможность такого поворота событий делает Горбачев в своих воспоминаниях, рассказывая, в частности, о своем телефонном разговоре с Ельциным 14 августа. — *Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 2. — С. 549—554. О том же публично заявляла Галина Старовойтова, в то время советник и доверенное лицо Ельцина. — *Независимая газ.* — 2001. — 18 авг.

глава 9

Путч

— Ах, русское тиранство — дилетантство,
Я бы учил тиранов мастерству, —
Ответил Пушкин.
Давид Самойлов

Август 1991 г. — самая крупная, переломная веха не только того года, но и всего цикла, начало которому положил 1985 г. В те дни закончилась перестройка и началась история постсоветской России. Об этих событиях написано и сказано очень много. Поэтому я ограничусь здесь двумя сюжетами. Первый — личные воспоминания об этих грандиозных по своим последствиям событиях человека, который провел эти дни в Белом доме, но не был в центре, откуда направлялось сопротивление перевороту. Второй — аналитический: попытка оценить годы спустя, почему провалился переворот, какие исторические развилки в те дни прошла наша страна и как выглядят сегодня некоторые из последствий тогдашних событий.

ТРИ ДНЯ В АВГУСТЕ, КАК Я ИХ УВИДЕЛ

В начале 1960-х годов многие из нас зачитывались фантастическим детективом американских авторов Флетчера Нибела

и Чарльза Бейли «Семь дней в мае» — о том, как едва не свершился в 1974 г. государственный переворот в США. Переворот этот опирался на всю мощь военной машины, и лишь в последний момент, благодаря счастливому стечению обстоятельств и энергичным действиям нескольких сторонников президента, удалось парализовать зловещий заговор. Если бы русскому фантасту вздумалось предсказать нечто подобное в собственной стране, он наверняка поместил бы события в августе: в XX веке немало черных дат приходилось у нас именно на этот месяц.

19 августа около 7 часов утра меня, как и многих в тот день, разбудил телефонный звонок. Звонил Миша Соколов, один из самых близких мне парламентских журналистов. Выяснив, что никто пока не пытался меня арестовать, он порекомендовал немедленно включить радио и телевидение. Примерно до 8 часов утра, кроме официальных сообщений, еще можно было слушать «Эхо Москвы», но и его вскоре вырубили. Осознать, что рушится все, чем мы жили с середины 1980-х годов, что вот-вот вернуться все «свинцовые мерзости» прежнего режима, — а это непреложно вытекало из документов ГКЧП для всякого, привыкшего улавливать смысл формулировок, как бы выгесанных топором, — было непеносимо. И поэтому на периферии сознания мелькала мысль: а может быть, каким-то чудесным образом все обойдется...

В таких смятенных чувствах, наскоро собравшись, я поехал в Белый дом. И здесь утреннее дурное настроение сразу и резко переменялось: выяснилось, что мы вовсе не собираемся капитулировать, что ЧП, объявленное утром, названо здесь своим именем — правым реакционным переворотом, находящемся в вопиющем противоречии с Конституцией. Стало известно, что российские лидеры уже подготовили соответствующее заявление, что Ельцин, поздно ночью вернувшийся из Алма-Аты, находится на пути с дачи в Архангельском в Белый дом. Около 11 часов началось заседание Президиума ВС РСФСР. Факт сопротивления был зафиксирован — и это меняло многое, хотя и не все. Полтора часа Президиум посвятил тягучему обсуждению проекта заявления уже от имени Верховного Совета, текст которого набросал Владимир Лукин. Проект был в меру хорош. В нем говорилось то, что, собственно, только и можно было сказать в данный момент, не зная, что собираются предпринять организаторы переворота. Заниматься стилистической «доводкой» текста означало терять дорогое время¹. Примерно это я и сказал, когда очередь дошла до меня: хорошо уже то, что если сюда ворвутся вооруженные люди, мы сможем повторить знаменитые слова Мирабо: «Идите и скажите вашему господину, что мы здесь по воле народа...». Но этого мало, надо организовывать сопротивление, а не заниматься стилистическими улучшениями заявления. Ибо по правилам с нами играть не будут.

Конечно, не мои слова побудили приступить к делу, но вскоре каждый действительно занялся тем, что мог и умел делать. Ельцин, мелькнув перед собравшимися, удалился к себе. Вскоре прозвучало его обращение с танка, многократно впоследствии показанное по ТВ. Уже в эти первые дни оно решающим образом повлияло на моральное состояние тех, кто постепенно заполнял Белый дом, и тех, кто собирался вокруг него. А чуть позже, когда все запущенные на полную мощность ксероксы Белого дома стали выдавать листовки, тиражируемые в Москве и не только в Москве, — и на политическую атмосфе-

ру в обществе. Организацией обороны здания занялся Александр Руцкой. В контакты со столичными военачальниками вступили генерал Кобец и союзный депутат полковник Цалко².

Спустившись к себе, я немедленно позвонил директору моего института Владлену Мартынову, который на XXVIII съезде (возможно, с подачи Яковлева или Примакова) был введен в ЦК КПСС и представлял там реформаторское крыло. Я не знал, конечно, что на следующий день после провала путча группа реформаторов (немногое живое, что еще оставалось в верхах партии, и Мартынов среди них) предложит сначала коллективную отставку ЦК и проведение съезда с целью «нового идейного и организационного самоопределения» партии, а еще через два дня — самороспуск КПСС в существующем виде и «создание партии левых сил, построенной на платформе свободы и демократии»³. В лице Мартынова я видел представителя либерального крыла в партии и, видимо, переоценивая влияние партийных реформаторов, счел нелишним в новой ситуации установить контакт между ними и «Демократической Россией». Поэтому отчасти с наигранным, отчасти с действительным оптимизмом, которое вселяло то, что я услышал на Президиуме («Мы сопротивляемся!»), я пересказал Мартынову, что знал. Сообщил, что на послезавтра, 21 августа, назначено заседание ВС РСФСР, и пообещал, как только смогу, приехать в институт. Предполагалось, что там будет проведено собрание, на котором ГКЧП будет осужден⁴. Но мой собеседник был настроен значительно более мрачно, чем я. «Не дадут вам собрать сессию», — возразил он.

Вскоре меня вызвала на улицу Алла Назимова, в числе первых москвичей пришедшая к Белому дому. Она работала в то время в Союзе журналистов. Я пообещал продиктовать ей по телефону тексты оглашенных на Президиуме документов, чтобы она могла познакомить с ними возможно большее число людей. Вскоре это было сделано, подключились ксероксы Союза журналистов, и заработала еще одна лента информационного конвейера, неподвластного ГКЧП. Тут же я подошел к группе людей, собрав-

шихся на площадке перед зданием, и стал пересказывать им содержание документов. Люди жадно впитывали информацию и с нетерпением ждали распечатки документов, чтобы распространять их дальше.

А в комнатах Конституционной комиссии между тем готовился юридический анализ постановлений ГКЧП. «Ни Конституция СССР, ни закон СССР о правовом режиме чрезвычайного положения не предусматривают возможности создания такого органа, как ГКЧП, и тем более такой структуры, как “руководство СССР”... Решение вице-президента СССР и “руководства СССР” о введении ЧП и учреждении ГКЧП не могут считаться имеющими юридическую силу и должны быть немедленно отменены Верховным Советом СССР или Комитетом конституционного надзора СССР», — гласило заявление, подписанное оказавшимися на месте членами КК О. Румянцевым, Л. Волковым, Е. Амбарцумовым, В. Шейнисом и ее экспертами Б. Страшуним и В. Зорькиным⁵.

Вечером состоялось собрание депутатов (к тому времени здесь их было уже около 250 человек). Нам надо использовать все средства передачи информации, говорил Руслан Хасбулатов. Снабдить отъезжающих в регионы белодомовскими листовками, направить людей на вокзалы и в аэропорты. Привлечь радиоловбителей — над ними власти у ГКЧП нет. Взять под наш контроль типографии, гнать цензоров. Телефонная связь не отключена. Я, продолжал Хасбулатов, внушал руководителям автономий, выжидающим, чья возьмет, что переворот обречен. Может быть, российское руководство перебьют. Но когда хунте придет конец, вас отстранят... Все будет решено в ближайшие сутки, заявил Геннадий Бурбулис. Надо организовать мобильные депутатские группы и разъехаться по Москве, разъяснять смысл событий в воинских частях.

В ночь на 20 августа одна из таких групп, снабженная нашими листовками, отправилась сначала к военному училищу им. Верховного Совета, а затем — к оцеплению, стоявшему у те-

лецентра Останкино. В расположение частей нас не пустили, хотя офицеры не мешали раздавать листовки проходившим солдатам. Диалоги с вышедшими навстречу офицерами были не очень содержательны, их можно воспроизвести примерно так: мы им — «путч», они в ответ — «присяга», мы — «указы Ельцина», они — «министр обороны», мы — «остановить Пиночета», они — «Пиночет не так уж плох»... В общем, было ясно: офицерский корпус колеблется, не хочет поддерживать ни ту, ни другую сторону, но готов выполнить приказ, если он поступит. А если мы считаем, что приказы незаконны, то наше дело — добиться их отмены: армия не может решать, какой приказ законен, а какой нет. Не знаю, как повели бы себя эти люди, если бы приказ стрелять на поражение поступил, но было ясно, что ключевые решения будут приниматься не здесь.

В Белый дом мы вернулись под утро и потому знаменитую вечернюю пресс-конференцию ГКЧП 19 августа смотрели уже в ретрансляции. Вспомнились строчки Давида Самойлова, справедливые, впрочем, не для всех времен: «Ах, русское тиранство — дилетантство». Действительно, какая хорошо отлаженная государственная машина позволила бы устроить такой саморазоблачительный спектакль, а если бы и произошли непредвиденные сбои, передать подобную запись в эфир? Да еще тут же, как бы для контраста, воспроизвести выступление Ельцина с танка?! «Грязные, трясущиеся руки» — чьи-то эти слова запомнились сильнее, чем сам незадачливый, шмыгающий носом вице-президент. И еще, конечно, звонкий вопрос журналистки Татьяны Малкиной: «Да вы понимаете, что совершили государственный переворот!?» — И какой-то оправдательный лепет в ответ... Я увидел паноптикум манекенов, не способных расхлебать собственное варево. И эти люди претендовали на роль управителей распадающегося государства?! Нет, наши антагонисты не способны были внушить не только уважение или доверие, но и страх. И это видела вся страна⁶. Утром в Белый дом пришла информация об ультиматуме, который Ельцин направил гэкачепистам через Анатолия Лукьянова. Выс-

тупая на открывшейся 21 августа чрезвычайной сессии ВС РСФСР, Хасбулатов сказал, что «действия президента России, ПВС и правительства были энергичными, но рассудительными и спокойными», и изложил требования, которые накануне утром он, Руцкой и Силаев передали Лукьянову «как практически единственному законному руководителю верховной власти». Эти требования сводились к следующему.

1. Организовать в течение 24 часов встречу вышепоименованных российских руководителей с Горбачевым.
2. Провести в ближайшие три дня медицинское освидетельствование Горбачева с участием экспертов Всемирной организации здравоохранения.
3. Результаты освидетельствования предать гласности и при положительных результатах — обеспечить условия для возобновления его деятельности.
4. Немедленно отменить все ограничения на деятельность российских СМИ.
5. Отменить действие ЧП на всей территории РСФСР, обеспечить беспрепятственное прибытие в Москву депутатов на чрезвычайную сессию ВС.
6. Немедленно восстановить все виды связи.
7. Объявить о роспуске незаконного ГКЧП и отменить все его постановления и распоряжения⁷.

Сообщения с мест, оглашенные на новом собрании депутатов, а более всего — многотысячный митинг в 12 часов перед зданием ВС РСФСР вселяли еще больший оптимизм. Весь день прошел для меня в поездках по воинским частям. Принимали нас там по-прежнему настороженно, подчас враждебно⁸. Но становилось все более очевидно, что наступающая сторона — мы, что время работает на нас, что оборона, как учил большевиков Ленин, есть смерть вооруженного восстания (а равно, можно добавить, и государственного переворота, в ходе которого могучая боевая техника на улицах столицы была выставлена то ли на посмешище, то ли чтобы помочь братанию солдат с горожанами).

В таком настроении в конце дня я поехал на ранее объявленный прием в венгерское посольство, прихватив с собой пачку белодомовских материалов для раздачи дипломатам и их гостям. Уже вечером из посольства я заехал домой, рассчитывая впервые с утра предыдущего дня поспать час-другой, а затем вернуться в Белый дом. Сон был недолгим, а пробуждение тревожным. За подписью того самого Калинина, с которым еще утром вел шуточный разговор Кобец, был объявлен ряд мер по ужесточению ЧП, в частности, о введении с 23 до 5 часов утра комендантского часа. Радиоголоса иностранных станций обсуждали вероятность штурма Белого дома. О вызове машины не могло быть и речи, и мы с Аллой Назимовой отправились к Белому дому на метро. Там ей вместе с десятками тысяч москвичей и приезжих из других городов, образовавших живое кольцо вокруг Белого дома, предстояло под дождем провести еще одну ночь. По мере того, как поезд метро приближался к станции Краснопресненская, он наполнялся людьми, также проигнорировавшими комендантский час. По их виду можно было безошибочно определить, куда они отправляются.

Обстановка у Белого дома в эту ночь ничем не напоминала предыдущую. В воздухе, пронизанном водяной пылью, висела тревога. Все подходы были перегорожены баррикадами, которые, правда, не могли бы устоять перед бронетехникой. Горели костры. В немногочисленных точках прохода добровольная охрана придирчиво рассматривала мое депутатское удостоверение. Сначала я попытался войти в здание с набережной, откуда был кратчайший путь к нашему с Волковым кабинету, но этот подъезд был наглухо заперт и никаких признаков милиционеров по ту сторону дверей обнаружить не удалось. Тогда я стал пробираться через баррикады ко входу с другой стороны. Выведенный наружу передатчик предупреждал защитников Белого дома, чтобы они не приближались к стенам здания ближе чем на 50 метров: эта полоса считалась наиболее опасной в случае штурма. Где-то поблизости раздавались выстрелы. Когда я добрался до очередного подъ-

езда, он тоже оказался заперт, но за стеклами мелькнула фигура милиционера, с которым я попытался объясниться жестами. Я продемонстрировал свое удостоверение, а охранник, скрестив руки, показывал, что вход воспрещен: было уже начало первого ночи. За моей спиной раздались голоса: пустите его, это Шейнис, он хороший депутат! Не знаю, слышны ли были эти возгласы за дверь, но немного поколебавшись, дверь для меня открыли.

Ситуация в здании была подстать тому, что происходило снаружи. По внутреннему радио передавали предупреждение о запрете зажигать свет в кабинетах, выходящих на набережную. Света не было почему-то и в коридорах, не имевших окон на улицы. Депутаты и их помощники в темноте натыкались друг на друга. Вскоре по радио был оглашен призыв — всем собраться в безоконном круглом зале Совета Национальностей. Выслушав информацию о передвижении войск и намерениях противника, депутаты начали вяло обсуждать два вопроса. Первый: где лучше находиться депутатам, когда начнется штурм? На улице, среди защитников, разделяя их судьбу, но рискуя раствориться в толпе со своими значками и гарантированной законом неприкосновенностью? Или же оставаться всем вместе в зале, чтобы отчетливо показать нападающим незаконность их действий? Парламент здесь, говорил Анатолий Манохин, на улице депутатов не увидят, и им не удастся продемонстрировать организованное законное сопротивление насилию. К общему мнению не пришли и решили: пусть каждый поступает, как сочтет нужным. Второй вопрос: что делать, если на заседании Верховного Совета, назначенного на 11 часов следующего утра, не будет кворума или, того хуже, ВС откажется поддержать нашу бескомпромиссную позицию и не одобрит документы, уже десятками тысяч копий разлетевшихся из Белого дома. Это сразу лишило бы наши действия легитимности и поставило Ельцина и демократов на одну доску с путчистами. Мы предполагали, что от Верховного Совета, каким он уже показал себя, можно ожидать всего чего угодно, но отчетливая линия поведения в зависимости от его реакции не вырисовывалась. Вре-

мя от времени наши «офицеры связи» из кабинета Кобеца прерывали дискуссию известиями о танковых колоннах, движущихся с разных направлений к центру Москвы.

Борясь со сном, я время от времени включался в обсуждение и пытался выполнить поручение Сергея Филатова, в то время секретаря Президиума ВС, — написать проект постановления, которое завтра предстояло внести на заседание ВС⁹. О том, что происходило дальше, рассказал журналист Александр Нежный. «Среди депутатов возникла тема валидола; кто-то вспомнил, что с утра ничего не ел, а сейчас — глубокая ночь; его утешили, объяснив, что пулю в живот лучше получить голодным. Рассматривались варианты: нас арестовывают, помещают в казармы, где мы продолжаем нашу работу... Нам дают пинка под зад, и мы вылетаем на улицу... “Ровно двадцать три года назад,— сказал депутат Шейнис, — танки вошли в Прагу”. Борис Немцов выкликнул желающих ехать в войска, Шейнис собрал свою папку и отправился навстречу танкам, вошедшим в Москву. Тем временем на бумажной салфетке начертана была резолюция, предлагающая и впредь считать бульжник оружием пролетариата. (Всю ночь, понял я, не оставляла депутатов тема девятьсот пятого года и Красной Пресни, с неким обратным знаком, но на том же самом месте разыгранная историей восемьдесят шесть лет спустя.) Депутаты ставили свои подписи, надеясь, что когда-нибудь салфетка займет почетное место в музее свободы»¹⁰.

Вместе с несколькими другими депутатами, вызвавшимися ехать навстречу танкам (к сожалению, из нашего «экипажа» запомнил только Николая Неласова, директора школы из Набережных Челнов), я вышел на улицу. Первым, кто нам встретился, был ранее покинувший зал и готовивший людей к встрече нападающих Сергей Юшенков, в прошлом преподаватель Военно-политической академии. Он сказал, что штурм назначен на 4 часа утра. Я посмотрел на часы, стрелка приближалась к четырем. Тогда я предложил своим спутникам подождать и действовать по обстоятельствам. Со мною не согласились: нам дано задание, его надо

выполнять. Приняли компромиссное решение: идти к Краснопресненскому метро (наши машины стояли там, ведь подъезды к Белому дому были забаррикадированы) и, если услышим шум боя, возвращаться. Мы быстро нашли выделенную нашей группе машину и часа 2—3 колесили по Ленинскому проспекту, Профсоюзной улице, кольцевой автодороге, подъезжали к известному режимному объекту в Ясенево, пытались что-то узнать на постах ГАИ, но танковые колонны, которые, как мы наивно надеялись, должна была остановить мчавшаяся им наперерез наша «Волга», так и не встретились: то ли информация в Белом доме была неверна, то ли мы где-то разминулись...

В Белый дом мы вернулись уже на рассвете. С Сергеем Ковалевым и еще несколькими депутатами пошли к тоннелю под Калининским проспектом, где ночью разыгралась трагедия. Завалы из троллейбусов были разобраны лишь частично, непросохшие после дождя лужи еще хранили следы крови, у стены тоннеля лежали цветы...

Перелом произошел между половиной десятого утра, когда по внутреннему радио в последний раз объявили, что хунта не оставляет намерения напасть на нас, и началом двенадцатого, когда открылась внеочередная сессия ВС. События, следовавшие одно за другим, обнадеживали. Сначала ко мне подошел Иван Галушко, в прошлом секретарь райкома КПСС, один из нескольких членов коммунистической фракции, с которыми я был дружен, и показал заявление о разрыве с КПСС, подписанное 35 депутатами. В этой — второй после нашей в июле 1990 г. — большой «коллективке», кроме Галушко, стояли подписи Сергея Шахрая, Александра Котенкова, Екатерины Лаховой, Николая Рябова, Николая Медведева, Михаила Митюкова, Сергея Степашина и других¹¹. Затем открылось заседание ВС, и выяснилось, что кворума хватает без всяких натяжек, а тональность первых же выступлений вполне отвечает тому, что произносили в этом здании и вокруг него в предшествующие два дня. Затем пришла информация, что войска по приказу Язова уходят из Москвы. Это

можно было наблюдать и из окон Белого дома. Наконец, около часа дня поступило известие, что путчисты признали свое поражение и летят на поклон к Горбачеву. Тут же начала формироваться российская делегация во главе с Руцким и Силаевым для полета в Крым.

На следующий день торжество победителей увенчал еще более грандиозный, чем накануне, митинг на площади перед Белым домом, которая вскоре получит имя Свободной России. Снова процитирую слова А. Нежного, которые выразили чувства большинства собравшихся: «И потом был рассвет, один из самых прекрасных в судьбе России; был праздник, было ликование и светлое чувство великой победы. Бездна отступила, и жизнь снова обретала свой смысл»¹². Кто из стоявших в тот день на балконе Белого дома или у его подножья мог знать, что это был последний взлет солидарного народного ликования, выплескивавшегося на улицы и площади, что под митинговой формой политической борьбы, не раз доказывавшей в прошлые месяцы свою действенность, именно в эти дни подводится жирная черта?

Вечер и последнюю, третью ночь в Белом доме я провел в Международном комитете. Мои коллеги из Конституционной комиссии разошлись, но я почему-то решил на всякий случай остаться. Смотрели по ТВ возвращение Горбачева в Москву. Пили «за победу» сухое вино, закусывали оставшимися от «осадных запасов» дефицитными консервами. Разговор не очень клеился. Сказывалось физическое и нервное напряжение предшествовавших дней. Не помню, в эту или в предыдущую ночь я дождался в радиорубке, развернутой в подвале, своей очереди выступить. Запомнилась сценка в предбаннике студии, позднее многократно тиражированная в различных изданиях: в ожидании выхода в эфир Мстислав Ростропович взял автомат у задремавшего на его плече Юры Иванова, который должен был охранять великого музыканта.

Так закончились для меня эти три дня и три ночи. Так закончился и путч, который можно было бы назвать опереточным, ес-

Бурбулис Г. Э., 45. ПРОМАХОВ, 46. Черниченко Ю., 47. Щекочихин Ю., 48. Шевардадзе Э. А., 49. Попов Г. Х., 50. ГДЛЯН Т. Х., 51. Шагалин С. С., 52. Адамович А. М., 53. Волкоготов Д. А., 54. Рыжов Ю. А., 55. Григорянц, 56. УРАЖЦЕВ В. Г., 57. Коротич В. А., 58. Тутов Н. Д., 59. Бурацкой Ф. М., 60. Стаякевич С. Б., 61. Заславский И. И., 62. Белозерцев С. В., 63. Яковлев Е. В., 64. Аксютин В. В., 65. Мурашев А. Н., 66. Дегтярев, 67. Раятские (супруги), 68. Бакатян В. В., 69. Ельцин Б. Н.

Как видно, в этом списке, наряду со «смутьянами», есть и те, чьи фамилии могут вызывать только недоумение. Выделенные фамилии предназначались для первичного задержания.

Списки даны по оригиналу.

В левый столбец выделены фамилии тех, кто был арестован в первую очередь. В правый — фамилии тех, кто был арестован в последнюю очередь.

11. Новолворская В. И., 12. Сулакшин С. С., 13. Кузин, 14. Тарасов А. М., 15. Шнейдер, 16. Шахрай С. М., 17. Руцкой А. В., 18. Оболенский А. М., 19. БОК-СЕР В. О., 20. ГУРЕВИЧ Л. Б., 21. Болдырев Ю. Ю., 25. Любимов В. Н., 26. Баткин, 27. Музыкантский, 28. Кряггер, 29. Сендеров, 30. Ковалев С. А., 31. КОМЧАТОВ В. Ф., 32. Хасбулатов Р. И., 33. Скурлатов, 34. ЯКУНИН Г. П., 35. Люболюмов М., 36. Травкин Н. И., 37. УБОЖКО Л. Г., 38. ШЕЙНИС В. Л., 39. КАЛУГИН О. Д., 40. Яковлев А. Н., 41. ПРОСЕЛКОВ, 42. ПОЛТОРАНИН М. Н., 43. ШЕМАЕВ Л., 44.

СПИСКИ были уничтожены 21 августа сотрудниками КГБ. Однако в ходе работы госкомиссии по расследованию деятельности КГБ фамилии этих людей были восстановлены. Помощь в этом оказали оперработники ГБ, которым еще ранее было поручено установить за ними и их семьями наружное наблюдение. Указание о задержании отдано Крючковым 19 августа в 7 час. 20 мин.

1. Задонский Г. И., 2. ПОПЦОВ О. М., 3. Тимофеев, 4. Миронов В. П., 5. ШАБАД А. Е., 6. Лысенко, 7. Пономарев Л. А., 8. Румянцев О. Г., 9. ЧЕЛНОКОВ М. Б., 10. Иванов В. А.,

Чуть позже мне показали несколько странный по составу список из 70 лиц, намеченных к аресту, в котором на почетном месте среди тех, кто подлежал задержанию в первую очередь, значилась и моя фамилия.

Группы депутатов, снабженные листовками Белого дома, направились в воинские части. Диалоги с вышедшими навстречу офицерами были не очень содержательны. Их можно воспроизвести примерно так: мы им — путч», они в ответ — присяга», мы — «указы Ельцина», они — «министр обороны», мы — остановить Пиночета», они — «Пиночет не так уж плох»... Некий подполковник демонстративно разорвал мой мандат: «Ничего, Хасбулатов напишет вам еще одно удостоверение»...

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

19 августа 1991 г.

№ 4-4

Москва, Дом Советов РСФСР

УДОСТОВЕРЕНИЕ

В соответствии с Указом Президента РСФСР В.Н.Ельциным № 61 от 19 августа 1991 года,

Настоящим удостоверением подтверждаю полномочия депутата

Шейниса В.Л. по разъяснению Указов Президента РСФСР, позиции Верховного Совета и Совета Министров РСФСР на территориях воинских частей и воинских гарнизонов.

Р.И.Хасбулатов

Р.И.Хасбулатов

ли бы не трагическая гибель трех молодых людей, вышедших защищать свободу своей Родины. Странное дело, я никогда не считал себя отважным человеком, но ни разу в эти дни и ночи не вспомнил об опасности, не испытал чувства страха. Чуть позже мне показали несколько странный список из 70 лиц, намеченных к аресту, в котором на почетном месте среди тех, кто подлежал задержанию в первую очередь, значилась и моя фамилия. Список восстановила государственная комиссия по расследованию деятельности КГБ с помощью оперативных работников госбезопасности, которым было поручено установить наружное наблюдение, а утром 19-го — произвести аресты¹³. Почему все свелось к оперативному же задержанию на несколько часов Уражцева и Гдяна, я не знаю. Это один из малых секретов, обволакивающих серьезные, до сих пор не раскрытые тайны «путча по-русски».

Думаю, что мое отстраненное восприятие опасности (его, кстати, разделяли многие¹⁴) отразило те главные перемены, которые пришли в нашу жизнь с перестройкой Горбачева. Ведь именно их вменяли ему в вину, не договаривая до конца, на всех пленумах ЦК коммунистические иерархи. Даже не само насилие, но угроза его применения — смертельного при Сталине, несмертельного, но вполне чувствительного в послесталинские времена — была одним из самых могучих инструментов управления людьми. Угроза же насилия, за которой не чувствовалось решимости ее осуществить, не воспринималась всерьез. Парад бронетехники вылился в аттракцион, а решимости повторить то, что за два с лишним года до того китайские «реформаторы» учинили на площади Тяньаньмэнь (только так и можно было вернуть страх), к счастью, не было. На следующий же день победители занялись освоением добытого (не обошлось без мародерства), но здесь мои наблюдения носят не столько личный, сколько опосредованный характер. Тем более что эти августовские дни в Москве для меня были еще и интерлюдией между двумя поездками в зону армяно-азербайджанского противостояния, где лилась кровь и пылал огонь...

СТРАНА НА ПЕРЕЛОМЕ

Если бы накануне августовской схватки в сверхмощный компьютер были заложены все имевшиеся данные о соотношении сил демократов и партocrats, машина, скорее всего, должна была бы сказать: по всем законам политической борьбы демократы шли к поражению. Их влияние в обществе не было закреплено ни политически, ни организационно. У них не было большинства в российском парламенте: ни на Съезде, ни в Верховном Совете, а союзный парламент, ослабленный уходом прибалтийских и иных националов, стал добычей реваншистов из группы «Союз». В руководстве российского парламента крепкие позиции занимала оппозиционная группа. Российское правительство мало чем управляло и мало что контролировало; к тому же оно было ослаблено уходом первых реформаторов — Явлинского и Федорова. «Демократическая Россия» оставалась политическим клубом; самые выдающиеся ее участники были ораторами и аналитиками, но не организаторами и менеджерами; сеть партийных организаций не охватывала многие регионы. Между Ельциным и «Демократической Россией» не было не только взаимодействия, но и серьезной координации. Не было и плана действий, не говоря уж о резервных структурах, заготовленных на случай чрезвычайной ситуации. Обо всем этом уже шла речь выше. Возникает закономерный вопрос: почему же все-таки ГКЧП потерпел поражение? Полагаю, что на то были четыре главные причины: позиция, занятая Горбачевым; действия российского политического руководства; реакция политизированного актива общества; слабость и просчеты самой хунты. Причины эти были разными по масштабу и характеру, но взятые вместе они привели к провалу путча.

В наши дни, зная действительный ход событий по дням и даже по часам, можно вообразить, что поражение путча было заведомо предопределено. Между тем шансы на победу у противоборствующих сил были если и не равны, то, во всяком случае, сопоставимы. Но именно в таких переломных ситуациях обнажа-

ется альтернативный, а не жестко детерминированный характер исторического процесса. Страна еще не прошла «точку невозврата», и каждый сильный шаг основных акторов исторической драмы, верный или неверный, мог развернуть события в ином направлении.

Первая неудача постигла заговорщиков уже вечером 18 августа, когда страна еще не знала, что они ей приготовили. Им не удалось вовлечь в свое предприятие Президента СССР, на что, по-видимому, после января и марта они сильно рассчитывали. Именно отказ Горбачева открыто присоединиться к путчистам или хотя бы санкционировать их действия сделал все предприятие антиконституционным безусловно и с самого начала. Конечно, при том «уважении» к закону, которое издавна существовало на Руси, это не могло иметь определяющего значения: решения других политиков в Беловежской пуще четыре месяца спустя отличались отнюдь не ббльшим уважением к Конституции. Позиция Горбачева имела прежде всего политическое значение: никто не поверил в неправдоподобную версию его тяжелого заболевания. Это означало, что силы, противостоявшие высокопоставленным мятежникам, будут атаковать их под знаменем защиты легитимного президента, а силы потенциального резерва — партийно-чиновничья номенклатура, численность которой и в Центре, и на местах была велика, — займут выжидательную позицию. Даже то, что отказ Горбачева (по причинам, о которых до сих пор идет спор) не был облечен в предельно жесткую форму, дезориентировало заговорщиков. В первоначальном варианте действий они рассчитывали сместить президента, более или менее соблюдая юридический декорум¹⁵. Обговаривая же результаты первого визита в Форос, они, если верить Болдину, не исключали, что через несколько дней Горбачев к ним присоединится, коли дела пойдут успешно¹⁶. О чем, собственно, Янаев и сказал на пресс-конференции.

Было ли это самообольщением или сознательной дезинформацией, но именно в Форосе была пройдена первая опасная развилка. Если бы Горбачев в той или иной форме публично ассо-

циировался (или был ассоциирован) с ГКЧПистами, на антиконституционный по своей сути переворот были бы натянуты одежды почти легитимного введения ЧП, а это означало бы иную расстановку сил и иную степень решимости у его инициаторов. В этом случае ВС и СНД СССР почти наверняка санкционировали бы принятые меры: не зря Лукьянов дал заговорщикам фору в 7 дней, назначив внеочередную сессию ВС СССР на 26 августа, — предполагалось, что за это время ГКЧП договорится с Горбачевым и совладает с ситуацией. Да и российское руководство вряд ли выступило бы так сплоченно, а если бы и так — оно было бы представлено бунтовщиком, которого следует отсечь от «обманутых» им граждан. В лучшем случае это повело бы к введению действительно чрезвычайного или даже военного положения, из которого неизвестно когда и как выкарабкивалась бы страна с уже разваленной «плановой» экономикой и разорванными внешними связями. В худшем — к гражданской войне.

Шаткий баланс в тот вечер во многом зависел от личного выбора Горбачева. И уже одно это свидетельствует о том, сколь недальновидна и опасна была линия Ельцина и демократов на выталкивание Горбачева в стан реакционеров, как бы их ни раздражали его колебания. В последующие три дня я всего более страшился, что Горбачев, изолированный в Крыму и не имеющий информации (или имеющий искаженную информацию) о том, что происходит в стране¹⁷, подчинится диктату. А Горбачев, зная не понаслышке, на что способны его «сподвижники», как известно, опасался тогда другого: как бы те не привели его физическое состояние в соответствие с объявленной версией или даже физически не уничтожили свидетелей — членов его семьи¹⁸. К счастью, не произошло ни того, ни другого. И какие бы инсинуации по адресу Горбачева ни повторялись до сих пор, прав Грачев, утверждавший, что среди одолевших путч Президенту СССР принадлежало не последнее место¹⁹.

Отказ Горбачева присоединиться к перевороту довольно радикально менял ситуацию уже в нулевой фазе. Хунте следовало

понять, что реализовать свой замысел ей будет теперь значительно труднее, а потому и действия должны быть изначально быстрыми, более решительными и устрашающими. Как следует вводить чрезвычайное (военное) положение, в первую же ночь парализуя возможные очаги сопротивления, за 10 лет до того показал генерал Ярузельский, остановивший под угрозой советской интервенции восхождение «Солидарности» к власти. Чтобы переворот имел успех, заговорщикам следовало еще до объявления ЧП интернировать всех потенциальных лидеров сопротивления. Восстановить надежную вертикаль управления, передав власть на местах и в центральных ведомствах военным и представителям спецслужб, а не выводить на бесполезный парад бронетехнику. Перекрыть все альтернативные источники информации. И, конечно же, лишить противника, по возможности, всех средств связи. Польский опыт не был востребован, вероятно, потому, что гэкачеписты недооценили и сложность ситуации, и потенциального противника.

Между тем в предшествовавшие месяцы (во многом в ходе противостояния с Горбачевым) был создан, хотя и не вполне отлажен, альтернативный — российский государственный центр. Организаторы переворота явно не придали этому должного значения, рассчитывая, что выведение из игры Президента СССР может даже устроить Ельцина, что, обуреваемый чувством мести по отношению к сопернику, он займет по крайней мере нейтральную, выжидательную позицию. Как Кравчук и большинство других республиканских лидеров. Это был очень грубый просчет. Если даже после «миссии в Форос» не оставалось времени, чтобы ввести ЧП по полной программе, нелегко понять, почему утром 19 августа Ельцину дали возможность беспрепятственно прибыть в Белый дом²⁰. Ведь его намерения для путчистов к этому времени не могли быть секретом, ибо все утро он вел телефонные переговоры с разными лицами.

На этой — второй после Фороса — исторической развилке организаторы переворота вновь упустили возможность овладеть

положением. Совершенно очевидно, что ни один другой российский политик и даже все они вместе не смогли бы заменить Ельцина, обладавшего харизмой народного вождя. Август 1991-го — звездный час Ельцина. Немногим политикам выпадает такое — переломить почти предрешенный ход событий в свою пользу. Увидев явный раскол среди тех, с кем он вел борьбу в предшествовавшие месяцы, российский президент взял сторону президента союзного и приложил все силы, чтобы расширить трещину. Стратегический удар он направил туда, где правильно усмотрел самую серьезную опасность. О железной воле Ельцина сказано немало. Но в августовской ситуации проявилось не только это. Российские руководители, поставленные перед неожиданностью, быстро сориентировались, сплотились вокруг Ельцина и применили очень грамотную тактику. На случай, если бы события развивались по худшему сценарию, стали создаваться «запасные аэродромы» на Урале и даже за границей (куда немедленно отправился, минуя зал VIP в аэропорту Шереметьево, где его могли бы задержать, Андрей Козырев). Ельцин в известной мере повторил то, что обеспечило ему успех в мае 1990 г. в российском парламенте, но теперь в масштабе всей России и прежде всего — в столице. Он смог мобилизовать силы общественной поддержки, которая парализовала волю его противников. Решительная позиция российского президента и его тогдашнего окружения предопределила поведение не только тех, кто был поднят наверх демократической волной 1980—1990-х годов, но и значительной части старой политической и военной элиты. Были перевербованы те, под чьим началом находились воинские части, которые только и могли бы обеспечить перевороту успех (П. Грачев, А. Лебедь и др.). Тайные переговоры и интриги велись с обеих сторон, но Ельцин и его окружение переиграли своих противников. Все это стало полной неожиданностью — теперь уже для хунты.

Уже к вечеру 19 августа стало ясно, что политическую ситуацию в Москве и Ленинграде (а, стало быть, и в России) определяют не столько обращения и предписания ГКЧП, сколько контрна-

ступление российской власти. Правда, для физического сопротивления отобюрокраченных сил и средств у нее не было. Офицерский корпус едва ли стал бы выполнять приказы, отданные через голову его непосредственных начальников. То, что Ельцин объявил себя верховным главнокомандующим на территории России, мало что могло изменить. По оценкам военных, на овладение Белым домом и арест тех, кто в нем находился, понадобились бы считанные минуты. Вероятно, это был последний шанс для ГКЧП, третья развилка в стремительном беге событий. Документально установлено, что планы операции были разработаны и группы захвата выведены на исходные позиции²¹. Почему штурм не состоялся? По-видимому, подобные действия в намерения путчистов изначально не входили. План переворота был составлен по шаблону 1964 г., когда безгласному и абсолютно неспособному к самоорганизации обществу преподнесли некие перемещения в верхах, смысл которых был неочевиден. И теперь расчет политиков, возвращенных не в школе революционных битв, а в сталинско-брежневских отстойниках, строился на том, что ошеломленная страна, увидев танки на улицах, подчинится. Расчет не оправдался потому, что к концу седьмого года перестройки это была уже не та страна, которая подарила загнивающей системе два десятилетия политически безмятежного существования.

Размах сопротивления путчу, конечно, не стоит преувеличивать. Призыв к всеобщей политической забастовке не получил отклика даже в Москве и шахтерских регионах. На призыв к сопротивлению (и еще до всякого призыва) в многомиллионном городе откликнулся актив общества — десятки, а чуть позже и несколько сот тысяч людей, для которых невыносима была мысль о возврате в «светлое прошлое». Именно они, москвичи и жители близлежащих городов, молодые и не очень молодые люди, студенты и профессора, инженеры и кооператоры, бизнесмены и рабочие, рок-музыканты и поэты воздвигли живой щит вокруг Белого дома, ставшего главным центром сопротивления. Многие из них готовы были защищать обретенную свободу до конца. А их против-

ники, к счастью, не готовы были убивать, чтобы вернуть свою власть, — одни, не желая брать на себя ответственность и рассчитывая, что роковые приказы отдадут их начальники или подчиненные, а другие (в их числе и Язов, под началом которого были основные силы) — устранившись жестокого кровопролития, последствия которого были непредсказуемы. Будем справедливы: организаторы переворота не обладали ни беспощадностью Ленина к «врагам пролетариата», ни свирепостью и палаческой изощренностью Сталина, ни холодной расчетливостью китайских вождей. Человеческий материал, из которого были кроены заговорщики, был иным. Менее всего ГКЧП походил на революционный (или контрреволюционный) штаб: у одного дрожали руки, другой валялся в пьяном забытии, третьи поглядывали по сторонам и т. д. Иными словами, члены ГКЧП, в котором не было ни решимости, ни единства воли, не отвечали уровню той задачи, которую они перед собой поставили²². «Мирно» покончить с центром сопротивления, как это сделал со своим парламентом за 200 лет до того генерал Бонапарт, они не сумели, а повторить новочеркасский расстрел в столице, на глазах у всего мира, не решились. Прав Ельцин: «Понимать ценность человеческой жизни, испытывать страх перед преступлением — это уже немало. Циничные заговорщики августа 1991 года не смогли переступить этот барьер»²³.

Растерянность самого ГКЧП передалась второму, третьему эшелонам власти, прежде всего силовым структурам, которые одни только и могли побороть сопротивление. Высшие чиновники на местах и в центральных ведомствах были способны лишь стенать на пленумах ЦК КПСС, что у них отняты репрессивные инструменты управления. На «нештатную» ситуацию с неясным исходом они умели реагировать только одним способом: заняв выжидательную позицию. Взяли паузу и элиты в республиках, познавшие уже вкус собственного «суверенитета». В стране, конечно, были вчера еще влиятельные группы и немалочисленные слои, страшившиеся происходивших и тем более — надвигавшихся перемен. Но в отличие от демократов, которые в считан-

ные часы, не обладая крепко сколоченными организациями, провели политическую мобилизацию своих сторонников, партократы, хотя в их распоряжении были структуры КПСС, ничего подобного сделать не смогли.

В 1991 г. ГКЧП, каким он был и в какой среде действовал, мог или овладеть ситуацией немедленно, или проиграть. Если бы его выступление не получило немедленного и резкого отпора, дальнейшее развитие событий можно было бы пустить по квазизаконному, аппаратному пути. ВС, а за ним и СНД СССР, руководимые Лукьяновым²⁴, скорее всего последовали бы взмаху дирижерской палочки — в них нашлось бы большинство, санкционировавшее переворот²⁵. По тому же пути пошла бы и КПСС. Ни о какой реформации в партии, на которую рассчитывали оставшиеся еще в ней сторонники демократических преобразований, говорить бы не приходилось. Скорее всего «социал-демократический» проект программы, которым гордился Горбачев, был бы отброшен, а авторы и поклонники этого документа — из партии вычищены. К этому, собственно, уже приступило новое руководство, исключив из «рядов» за несколько дней до путча Александра Яковлева. Разумеется, было бы взято назад то, что отдал республикам Горбачев в проекте союзного договора. Воспользовавшись смиренной рубашкой «чрезвычайщины», стали бы душить свободные СМИ (что уже и попробовали начать), демократические организации и т. д.

Иное дело — насколько прочен и долговечен был бы режим ГКЧП, в какой мере он преуспел бы в новом собирании республик вокруг Центра. Конечно, восстановить империю Иосифа Сталина все равно бы не удалось, как, вероятно, и всеобъемлющий контроль над поведением и мыслями граждан. Но история, для которой пять-десять лет — не срок, могла бы сделать крутой вираж, чреватый трагическими или даже катастрофическими последствиями. Цена, которую заплатила Россия за последовавшие реформы, со многих точек зрения кажется чрезмерной, но неизвестно, во что могло бы обойтись избавление от власти эпигонов

большевизма, восстанови они свою власть. Югославия, где «мягкий» национал-коммунистический режим продержался еще десяток лет, — живой тому пример. А союзная власть, располагающая ракетно-ядерным потенциалом, могла влиять на судьбы не только собственных народов, но и всего мира. Не зря в августовские дни мир был встревожен местонахождением ядерного чемоданчика, который, как впоследствии выяснилось, соратники не решились доверить Янаеву. «Я нужен был как легальная рубашка при нелегальной игре», — скажет он на следствии²⁶.

Провал путча повлек за собой многообразные последствия. Некоторые из них выявились в первые же дни.

Завершила свой исторический путь партия, оказавшая самое большое влияние в XX веке на судьбы народов СССР, а может быть, и всего мира. Сошла она с политической арены почти незаметно, даже без похоронного обряда. Объявленный на пиру победителей указ российского президента о приостановлении деятельности КПСС и КП РСФСР лишь зафиксировал положение вещей. Партия, ее руководящие структуры, заполнившая их на XXVIII съезде «толпа безликих малоизвестных бюрократов»²⁷ оказались неспособны ни встать на защиту своего генерального секретаря, изолированного на крымской вилле, ни толком поддержать переворот. Члены политбюро ЦК Олег Шенин, которого Горбачев, отъезжая в отпуск, оставил «на хозяйстве», и номинальный глава московских коммунистов Юрий Прокофьев были пристяжными при членах ГКЧП, возглавлявших государственные, а не партийные ведомства, и не играли никакой самостоятельной роли. Утром 19 августа собрался секретариат ЦК КПСС, от имени которого в ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии пошла шифротелеграмма, предписывавшая принять «меры по участию коммунистов в содействии ГКЧП», но никакого влияния на ход событий она не оказала. Даже столичный горком не сумел выполнить поручение ГКЧП и организовать в Москве контрмитинги в его поддержку²⁸. Партия давно перестала быть «орденом меченосцев». Ее дряблые структуры, опиравшиеся на репрессивные

органы, уже десятки лет не были способны к самостоятельности, а за годы перестройки перестали и исправно исполнять директивы, исходящие сверху. После указа Ельцина и аналогичных актов в некоторых других республиках пятнадцатимиллионная организация рассыпалась, как карточный домик.

В одном путчисты добились своего, хотя едва ли у них были основания радоваться достигнутому результату. Они перечеркнули Союзный договор. Канитель с обсуждением снова и снова пересматривавшихся его вариантов еще какое-то время продолжалась. Но соотношение сил, зафиксированное в июльском проекте, коренным образом изменилось. Опасения республик, которые теперь получили веский аргумент против непредсказуемого поведения Центра, резко возросли. Позиции же Горбачева, главного (а теперь уже, по сути, и единственного) адепта новогаревского процесса — резко ослаблены. По иронии судьбы именно заговорщики, попытавшиеся на свой лад защитить Союз, нанесли ему смертельный удар. В последние месяцы 1991 г. происходила агония некогда могущественного государства, второй сверхдержавы.

Быть может, самый парадоксальный результат августовских событий — историческое и, как оказалось, необратимое поражение демократов, торжествовавших в те дни победу. «Мы потерпели победу», — напишет спустя годы Отто Лацис²⁹. Проницательный Гавриил Попов уже летом 1992 г. констатировал, что победа над наиболее реакционной разновидностью номенклатуры, по сути, ее обременявшей, досталась иной части аппаратных, номенклатурных сил, склонных к тому, чтобы начать-таки структурные реформы экономики и общества³⁰. Как вскоре выяснилось, по-своему, в своих собственных интересах. Эти силы так и не сумел, — главным образом, из-за собственных колебаний — повести за собой Горбачев. Их лидером, более того, всесокрушающим тараном стал Ельцин. Как на I СНД РСФСР демократы не могли добиться его избрания исключительно своими силами, так и августовской победой Ельцин был

обязан не меньше, чем демократам, поднявшим народ на защиту Белого дома, перебежчикам из стана противника. Но в первую очередь — самому себе. После Августа его зависимость (и зависимость той части номенклатуры, которая ринулась под знамена победителя) от поддержки демократов существенно ослабла. «Новая бюрократия», вобравшая в себя и часть демократического актива, оказавшаяся падкой на блага и символы власти, утратив реальный противовес в лице гг. Крючковых, Шениных и К°, стала значительно свободней в своих действиях.

Попов был прав, характеризуя социальную природу пришедших к власти сил. Но многоопытный и едва ли не самый образованный лидер демократов, по-видимому, выдавал желаемое за действительное, утверждая, будто по итогам Августа 1991-го Ельцин создал коалицию, в которой «...руководит... аппарат, но демократы участвуют в структурах власти... Он демократов не обманывал: им он предоставил место в коалиции и полную возможность стать в этой коалиции главными»³¹. Демократы были слишком слабы и неспособны не только перехватить власть, но и стать нормальной, влиятельной оппозицией. Ельцин же превыше всего ставил собственную независимость от кого бы то ни было. Из той социальной среды, которая выдвинула демократов, из их политических структур он полными пригоршнями стал извлекать кадры высших и средних, но всецело подчиненных ему управленцев — только и всего. Поэтому коалиция, на которую Попов возлагал надежды, могла быть только союзом всадника с лошадей.

Так оно — сначала неосознанно для демократического актива — и получилось. Демократическое движение в СССР—России в 1985—1993 гг. описало своеобразную параболу. Из эшелона поддержки либеральных реформаторов в КПСС оно постепенно превращалось в относительно самостоятельную политическую силу, чтобы впоследствии вновь стать эшелонem поддержки, а затем — политическим обозом нового лидера. 1991 г. был переломным. Демократы в России не были готовы и не могли прийти к власти ни тогда, ни, как выяснилось, и годы спустя. Не было

к тому готово и наше общество. Беда и вина российских демократов была в том, что они своевременно не дистанцировались от действительных победителей и практически безоговорочно приняли тот вариант реформ, которые стали проводиться в стране после августа. Мнимому участию во власти демократы принесли в жертву собственное самоопределение и самоорганизацию.

Надо сказать и еще об одной жертве августовских событий. Это был конституционный порядок, за рамки которого вышли сначала организаторы путча, отстаивая более высокие, по их разумению, ценности, а затем и их противники. Ущемлен был и парламентаризм, делавший первые нетвердые шаги по политической целине. Столь ярко заявивший себя за два года до того союзный парламент, СНД СССР, который Сахаров призывал взять на себя всю ответственность и власть в стране, как и Верховный Совет СССР, оказались игрушкой в руках сил, действительно овладевших властью. Союзный парламент обреченно сошел со сцены вслед за КПСС, не сделав ни малейшей попытки наложить на ход событий отпечаток собственной воли.

Немногим лучше вскоре повел себя и Верховный Совет России. Ему — а точнее, российским депутатам, пришедшим в Белый дом в эти тревожные дни, — принадлежала выдающаяся роль в отражении реакционного путча. Но вслед за тем, не остановившись и не оглянувшись, ВС сыграл роль клаки в спектакле, разыгранном победителями, а в какой-то момент (23 августа, во время выступления Горбачева) вообще вышел за рамки элементарных приличий (как то, впрочем, и свойственно клаке). Не исключаю, что примерно такие же сцены, но в ином идейно-политическом оформлении, были бы разыграны, если бы победителем вышла другая сторона. А затем, одоблив и то, что надлежало одобрить, и то, над чем следовало бы поразмышлять, по взмаху дирижерской палочки Хасбулатова депутаты через несколько дней отправились продолжать прерванные летние каникулы, открыв простор для действий (а также малопонятного бездействия) тех, в чьих руках оказалась реальная власть и в России, и в Союзе.

Не сразу стало ясно, что Август 91-го ознаменовал унижение российского парламентаризма.

Августовскую победу во многом обесценило еще одно обстоятельство. Меня не оставляла неотвязная ассоциация: можно ли вообразить, чтобы Наполеон Бонапарт после одной из своих знаменитых побед (под Аустерлицем, Иеной или где-либо еще) вместо того, чтобы закрепить достигнутое и извлечь максимальный политический эффект, отправился бы на Лазурный берег отдыхать и составлять диспозицию дальнейших действий. Допущение, конечно, фантастическое, но ведь аналогичным образом поступил Ельцин после того, как в начале сентября был разгромлен союзный парламент. А при удалившемся от дел президенте российская государственная власть теряла всякую способность к каким-либо нерутинным действиям. «Слава победителя досталась Ельцину — и довольно быстро была им растрочена,— констатирует Юрий Левада.— Возможность радикальной перемены власти — если она и существовала в момент августовского безначалия — была упущена»³².

Ельцин позднее напишет в своих воспоминаниях, что в Сочи во время отпуска он «старался расслабиться»: «настолько были неожиданными все произошедшие события». И хотя, продолжает он, «мне была ясна основная линия дальнейших дел в стране... главное было определиться в своем собственном окружении, сделать какой-то рывок...»³³. Однако он не принял и, вероятно, не осознал даже то, что в те дни говорили некоторые его советники: «такой ситуации, как сейчас... никогда больше не будет ни у нас с вами, ни у России; может быть, такое раз в сто лет случается». О действиях, которые, как полагали приближенные Ельцина, «могут быть реализованы немедленно», позднее рассказал Сергей Станкевич: «Нужно не распускать парламент, объявить бессрочную, непрерывную сессию, пусть она идет три, четыре, пять месяцев... Ничего, выдержат депутаты, не каторжный это труд, не каменоломни. И принимать все важнейшие решения по списку. В том числе, пока мы принимаем некоторые оперативные

решения, надо готовить Конституцию и тоже ее принимать именно сейчас. Решать вопрос с землей, с собственностью, с внешним долгом. Тогда была уникальная совершенно возможность списать долги бывшего Союза. Но нужно было, чтобы Борис Николаевич лично этим занимался». «К сожалению, — завершает свой рассказ Станкевич, — у Бориса Николаевича тогда было несколько иное настроение, некоторые решения все-таки были приняты, а потом он уехал на две недели в отпуск в Сочи. Дальше мы стремительно покатались к Беловежью...».

Никто, конечно, сейчас не может сказать, в какой мере был реализуем такой план и как долго продолжалось бы замешательство консервативных сил. Но едва ли можно сомневаться в том, что инерция, которая могла быть задана победоносным Августом, стала выдыхаться и что «по числу упущенных возможностей наша революция на первом месте в Центральной и Восточной Европе»³⁴.

Незавершенность Августа; цепь последующих событий, которых не ожидали ни победители, чей стан вскоре оказался глубоко расколотым, ни побежденные, так и не представшие перед судом³⁵; переоценка ценностей в иную эпоху, стершую героику быстро позабытых дней; демонстративная отстраненность нынешних властей, не вспоминающих об отпоре путчу даже в дни годовщин, — все это создало в сегодняшней общественной памяти такой образ событий — на мой взгляд, ложный и обидный, — какой тогда трудно было вообразить. Согласно опросу Левада-центра в 2004 г. 42% опрошенных запомнили события Августа не более чем эпизод в борьбе за власть в высшем руководстве страны, 36% — как трагическое событие, имевшее губительные последствия для страны и народа, и лишь 11% — как победу демократической революции, покончившей с властью КПСС. По опросам того же социологического коллектива в 2002 г. за команду Ельцина высказались 30%, за ГКЧП — 25%, а 45% все еще «не успели разобраться в ситуации». Между тем, в 1991 г. против ГКЧП высказались более 70% респондентов³⁶. Это ли не приговор победителям?

Прав Алексей Кара-Мурза: «Общество и власть бездарно растратили символический потенциал Августа 1991-го»³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как вскоре выяснилось, для утверждения в муках рождавшегося документа не хватило двух голосов — Исакова и Исаева, уже засветивших себя в феврале. Обвинения этих двух членов Президиума ВС в поддержке переворота не соответствовали действительности. Свою позицию они объясняли «противозаконностью Союзного договора», нежеланием обострять ситуацию и опасениями, что призыв к забастовке поведет к гражданской войне (Из выступлений на экстренном заседании Президиума ВС РСФСР 19 августа 1991 г. — Архив автора). Однако им вскоре припомнят и это голосование, и демарш февральской шестерки.

² Чуть позже в кабинете Кобеца я невольно услышал шуточные внушения, которые он делал по телефону военному коменданту Москвы Калинин: «Николай Васильевич, да, в части отправились депутаты... Ну, что ты волнуешься?.. Да, я понимаю твои трудности... Мы с тобой весим по 105 кг, дерево для государственных преступников придется подбирать крепкое...».

³ *Лацис О.* Тщательно спланированное самоубийство. — М., 2001. — С. 378—382. Это, пишет Лацис, «единственный документ с предложением о прекращении деятельности КПСС, исходящий из самого ее Центрального Комитета».

⁴ К сожалению, ни приехать, ни провести такую акцию в те дни не удалось.

⁵ «Путч антиконституционен!». Заявление группы членов и экспертов Конституционной комиссии. — Архив автора.

⁶ О том, насколько контрпродуктивна была пресловутая пресс-конференция, рассказал позднее Леонид Кравченко, в то время председатель Всесоюзной телерадиокомпания: «Огромное количество деятелей звонили мне и требовали дать им слово в поддержку ГКЧП. В том числе и некоторые нынешние президенты республик... Большинство сюжетов этих я задержал до вечера. Речь сначала шла о показе пресс-конференции. А после нее многие звонившие ранее поняли, что поторопились, и стали давать задний ход...» (Совершенно секретно. — 1995. — № 8).

⁷ Чрезвычайная сессия ВС РСФСР. Бюллетень № 1 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей 21 августа 1991 г. — С. 3—4.

⁸ На следующий день я рассказал на сессии Верховного Совета, как некий подполковник нагрубил Бэле Денисенко, а затем демонстративно разорвал мой мандат на право посещения воинских частей и гарнизонов: «Ничего, Хасбулатов напишет вам еще одно удостоверение».

⁹ Как выяснилось, зря: значительно лучший, чем мой так и не законченный набросок, проект подготовил Сергей Шахрай.

¹⁰ Огонек. — 1991. — 7—14 сент. — С. 8.

¹¹ Заявление народных депутатов РСФСР — членов КПСС. 21.08.1991. — Архив автора. Инициатором этого документа, кажется, был И. В. Галушко.

¹² Огонек. — 1991. — 7—14 сент. — С. 8.

¹³ Список, который опубликовали «Аргументы и факты» (1991. — № 38), воспроизведен на с. 518.

¹⁴ Об этом говорили участники передач Радио «Свобода», посвященных 10-летию августовского путча.

¹⁵ *Крючков В.* Личное дело. — Ч. 2. — М., 1996. — С. 166—167.

¹⁶ *Болдин В.* Крушение пьедестала. — М., 1996. — С. 15—18.

¹⁷ Как не имели ее руководители «пражской весны», насильственно вывезенные в Москву (тоже в августе за 23 года до того) и не ведавшие, что вся страна поднялась против оккупантов, и принявшие унижительные условия капитуляции.

¹⁸ «В Кремлевской больнице, — сообщает Рудольф Пихоя, — готовили (и подготовили!) заключение о тяжелой болезни Горбачева» (*Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945—1991. — М., 1998. — С. 671).

¹⁹ *Грачев А.* Горбачев. — М., 2001. — С. 377.

²⁰ В. Крючков утверждает, будто задержание Ельцина не планировалось: «Никаких трудов не составило бы задержать Ельцина, сопроводить его, как утверждалось некоторыми, в другое место, не допустить приезда в Москву и вообще сделать все, что угодно. Но таких намерений не было...». «Альфа» в Архангельском, по его версии, появилась, чтобы обеспечить безопасность встречи Ельцина с Павловым, Баклановым и Язовым, которая была запланирована еще на 18 августа, но сорвалась из-за того, что Павлов к тому времени был невменяем (*Крючков В.* Указ. соч. — Ч. 2. — С. 181—183). Иную версию изложил журналистам тогда же командир «Альфы» генерал-майор КГБ В. Карпухин. В 5 часов утра 19 августа Крючков поручил ему «арестовать Ельцина и все руководство ВС России и доставить их в одну из специально оборудованных точек в Завидово», но «с самого начала я предпринимал все, чтобы не выполнять приказы руководства КГБ» (*Россия.* Экстренный выпуск. — 1991. — Авг.). Во всяком случае, уже на следующий день заговорщики признали ошибкой отказ от задержания Ельцина. Член ГКЧП А. Тизяков заявил на следствии, что Крючков и Пуго предложили 20 августа арестовать Ельцина «...на некоторое время, пока не будет восстановлена обстановка. Никто против изоляции Ельцина не возражал...» (*Степанков В., Лисов Е.* Кремлевский заговор: Версия следствия. — М., 1992. — С. 166).

²¹ Это видно, в частности, из опубликованных материалов следствия (*Степанков В., Лисов Е.* Указ. соч. — С. 156, 165—166, 171—176) и воспоминаний участников событий.

²² О том, из какого человеческого материала были скроены «вожди» переворота, говорит их поведение не только в дни путча, но и сразу после него. В воспитавшей их партии непреложным правилом было: побежденные должны каяться. По этому пути пошли почти все гэкачеписты (исключением был, пожалуй, только Валентин Варенников). «Обращаюсь к Вам как к Председателю КГБ СССР и через Вас, если сочтете возможным довести до сведения, к коллективу КГБ со словами глубокого раскаяния...» — писал Вадиму Бакатину из Матросской Тишины Владимир Крючков, вдохновитель авантюры. — Какими бы намерениями ни руководствовались организаторы государственного переворота, они совершили преступление». Нечего и говорить — когда страх прошел, авантюры стали выдавать за доблесть (Общая газ. — 1995. — 23 авг.).

²³ Ельцин Б. Записки президента. — М., 1994. — С. 131. А вот оценка с другой стороны. Начальник охранного управления КГБ Ю. Плеханов сказал своему заместителю В. Генералову в самолете, на котором руководители переворота возвращались из Крыма в Москву: «Собрались трусливые старики, ни на что не способные...» (Степанков В., Лисов Е. Указ. соч. — С. 209).

²⁴ Лукьянов все более явно претендовал на роль, альтернативную Горбачеву. Пост председателя парламента в переходной политической системе позволял занять сильную позицию в противостоянии действующему президенту. Вскоре мы это увидим в значительно менее цивилизованном исполнении Хасбулатова.

²⁵ Характерно, что Крючков выражал «относительно твердую уверенность» в этом (Крючков В. Указ. соч. — Ч. 2. — С. 162).

²⁶ Степанков В., Лисов Е. Указ. соч. — С. 53.

²⁷ Лацис О. Указ. соч. — С. 378.

²⁸ В заседании секретариата ЦК КПСС участвовали Шенин, Строев, Полозков, Купцов, Дзасохов, Фалин и др. Пихоя Р. Г. Указ. соч. — С. 670—671; Киселев Е. Три дня в августе. Передача ТВ6 07.11.2001, 17:45.

²⁹ Лацис О. Указ. соч. — С. 371. Сходную оценку итогам происшедшего дали П. Реддевей и Д. Глинский: «пиррова победа демократического движения» (Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms. — Washington, D. C., 2001. — P. 222).

³⁰ Попов Г. Август девяносто первого. — М., 1992. — С. 3—4.

³¹ Там же. — С. 6—7, 18.

³² Общая газ. — 2001. — 22 авг.

³³ Ельцин Б. Записки президента. — С. 163.

³⁴ Запись передачи М. Соколова «Злодеи и герои» на Радио «Свобода» в августе 2001 г. — Архив автора.

³⁵ «Сейчас... и Путин в своих выступлениях не говорит, что мы виноваты», — с удовлетворением отмечает А. Лукьянов. (Век. — 2001. — 7—13 дек.).

³⁶ Общественное мнение-2004 / Аналит. центр Юрия Левады. — М., 2004. — С. 163; Известия. — 2002. — 19 авг.

³⁷ Независимая газ. — 2002. — 19 авг.

глава 10 После путча

Главное — не победить.

Самое главное — суметь воспользоваться победой.

Плутарх

ВЗГЛЯД ИЗ 1991 года. ОТРЕЗВЛЕНИЕ

Настроение праздника, эйфория одержанной в августе победы прошли очень быстро. Запретив деятельность КПСС и ликвидировав союзный парламент, Ельцин взял паузу. Его примеру последовали многие депутаты. Политическая жизнь на какое-то время замерла. Энергичные действия сменились рефлексией. И по мере того, как безвозвратно уходило время, начало приходить осознание того, что многие прежние проблемы не решены; они лишь обрели иную форму. Что к ним добавились новые. Мое тогдашнее их видение нашло отражение в статьях и выступлениях по следам событий.

«ПАРЛАМЕНТ РОССИИ. БЕЗ БОЛЬШЕВИКОВ. БЕЗ ПАРТИИ. БЕЗ БУДУЩЕГО»¹

Поразительна быстрота, с которой рассыпалась, разбежалась, раздробилась на враждующие части всесоюзная партия большевиков. Ее многолетняя монополия и жесткая иерархия

вытравили всякую способность к самоорганизации и низовой инициативе. Энергичные и изобретательные отцы-основатели партии, памятники которым ныне низвергаются на площадях наших городов, презрением должны были бы казнить своих выродившихся наследников.

Не уцелели и союзные государственные структуры. Но если органы исполнительной власти, хотя и в ослабленном виде, стали как-то воссоздаваться, а затем и заявлять свои права, то общесоюзный парламент шагнул в небытие. Не исключено, что навсегда или, по меньшей мере, надолго.

Съезд народных депутатов СССР, с выборами и началом деятельности которого связывалось столько светлых надежд, вяло посопротивлявшись, вотировал собственные похороны, а бесцеремонно реорганизованному Верховному Совету в лучшем случае уготована роль консультативно-согласительного органа. Если даже он вздумает издавать законы, исполнять их станут лишь те, кто согласится с ними. И хотя наш первый после Учредительного собрания 1918 г. парламент (или, точнее, его агрессивное меньшинство и послушное большинство) сам повинен в своих бедах, воздержимся от ликования: то, что произошло, — не только крушение империи, не только расчленение веками складывавшегося геополитического и культурного

пространства, но и тяжкий удар по нашему парламентаризму, все еще выкарабкивающемуся из младенческих пеленок.

Нечто подобное происходило и в России, хотя и на ином фоне — общего усиления, а не ослабления республиканской власти. Процесс этот, однако, шел крайне неравномерно: стремительно разрастались и усиливались лишь институты исполнительной власти. К тому были веские основания. Едва учрежденная президентская власть в России приняла на себя главный удар в августе и стала главным символом демократического обновления. В том же направлении действовал стереотип общественного сознания, привыкшего персонифицировать добро и зло. Харизма первого в истории России всенародно избранного президента была одним из важнейших ресурсов победителей. Тот, кто сомневается в этом, пусть попытается представить, как бы развивались события, если бы Б. Ельцину утром 19 августа не удалось проникнуть в Белый дом и сопротивление было возглавлено вторыми лицами... Я бы даже сказал, что решающие предпосылки августовской победы были заложены в марте—июне, когда демократы добились проведения политической реформы в России — вопреки обструкции тех, кто настойчиво требовал с нею «погодить».

Стратегическая линия российских демократов в то время была верна. Запоздываем же мы с корректировкой этой линии, когда расстановка сил и в обществе, и в государственных структурах изменилась коренным образом. Не прошло и месяца с августовских дней, как врожденные и благоприобретенные пороки исполнительной власти в России стали оказывать серьезное негативное влияние на развитие ситуации.

Российское правительство сформировано не на основе представительства политических партий — и это понятно, поскольку все парламентские партии находятся еще в эмбриональном состоянии. В демократических странах бывают ситуации, когда по тем или иным причинам партиям не удастся договориться о составе правительства, и тогда на оговоренный срок

назначается беспартийное правительство специалистов. Наше правительство, будучи непартийным, не является, строго говоря, правительством специалистов: слабость, неразбериха, низкий профессионализм многих министерских структур Федерации — притча во языцех. До августа это еще можно было оправдывать сопротивлением союзных структур. Сегодня беспомощность правительства в проведении целеустремленной экономической и социальной политики — чем ближе подходит голодная и холодная зима — становится и нетерпимой, и труднообъяснимой.

Не будучи партийным, российское правительство, конечно, является политическим. Однако по своей структуре оно копирует доавгустовское союзное правительство: политическая часть в лице госсоветников, руководителей Администрации президента и некоторых министров образует верхний ярус над хозяйственниками и управленцами — членами правительства. При такой дифференциации собственно исполнительную власть в России представляет лишь менее значимая часть административных структур. Наиболее же влиятельные члены реального правительства, генерирующие политический курс и формирующие информационную среду вокруг президента, освобождены от какого бы то ни было парламентского контроля. Как осуществляет это правительство свои функции и кто входит в его состав?

Два момента особенно настораживают. Во-первых, широкое вторжение президентской власти в законотворческую деятельность, издание указов, многие из которых, мягко говоря, не являются юридически бесспорными (об имуществе КПСС, о деятельности ряда средств массовой информации, о расширении полномочий органов исполнительной власти в Москве и др.). Можно приводить аргументы в пользу политической целесообразности таких действий, но трудно оспорить, что некоторые положения этих указов выходят за рамки не только действующей, обветшавшей Конституции, но и проекта, подготовленного демократами в Конституционной комиссии.

Во-вторых, в президентской команде присутствует несколько популярных демократических политиков и консультантов. Но возрастающим влиянием в ней пользуются лица, не только не подконтрольные парламенту, но и никому не известные как политические деятели. Слов нет, президент вправе подбирать свой личный кабинет. Но анонимный, ни перед кем, кроме президента, не ответственный аппарат обретает колоссальную власть. Он готовит документы и проводит решения, против которых возражают известные политики из Госсовета. Он делает от имени президента заявления, негативный эффект которых легко предвидеть и последствия которых приходится в пожарном порядке исправлять (достаточно вспомнить заявление пресс-секретаря президента о территориальных претензиях к республикам)². Он регулирует доступ людей и информации к президенту, во многом предопределяющий его решения. Приходится с сожалением констатировать, что новые государственные структуры с поразительной быстротой воспроизводят худшие черты организации и поведения старых.

Призываю ли я демократов, которые своей энергией и натиском добились того, что казалось невероятным при прежнем соотношении сил, — учреждения президентской республики в России, стать в оппозицию к исполнительной власти? Нет. Пока нет. Хотя бы потому, что главная, доминирующая фигура в складывающейся, но еще не отвердевшей структуре новой государственности — Борис Ельцин, не раз доказывавший в последние годы свою способность слышать доводы, учиться и извлекать уроки, которые преподносит жизнь. Меня тревожат прощупывания, пасы в сторону российского президента, которые в последние дни стали все чаще делать лица, «утверждающие традиции тысячелетней державности». Но я надеюсь, Борис Николаевич твердо помнит, что именно из этой идеологической среды вылетело приснопамятное «Слово к народу», готовившее путч.

Впервые в истории России на всенародных выборах был законно избран президентом кандидат демократических сил. Он

действует в трудных условиях, нуждается в политической поддержке, и демократы не могут ему в этой поддержке отказать. Все дело в том, как понимать поддержку. Как безоговорочное одобрение всех шагов Администрации президента, за которыми пристально следят потерпевшие тяжкое поражение, но все еще рассчитывающие на реванш силы старого порядка. Или как сотрудничество равнозначных сил, предполагающее также и взаимную критику, и решительное отмежевание от тех действий исполнительной власти, которые вредны и опасны. А главное, организационно институционализировать сдержки и противовесы в системе политически однозначно ориентированной государственной власти. В первую очередь парламент.

В демократических системах гарантиями против гипертрофии исполнительной власти и непомерной экспансии бюрократии являются разделение властей — исполнительной, законодательной и судебной — и институты гражданского общества. Формирование гражданского общества — процесс долгий и трудный, классического разделения властей никогда у нас не бывало, и приблизились мы к нему разве что в проекте новой Конституции Российской Федерации. Впрочем, в последнем его варианте тоже содержится явный перекося в пользу президентских структур.

До и после августовских дней российский парламент был на каникулах. Не функционировал и важнейший компонент судебной системы — Конституционный суд, две попытки избрать который не удалось из-за раскола того же парламента. Правда, на 21 августа Верховный Совет был созван. Вопреки опасениям он не только собрался, но и с небывалым единодушием осудил переворот и поддержал действия президента, а затем... на следующий же день, несмотря на протесты депутатов, был распущен Р. И. Хасбулатовым за ненадобностью. На высоте оказались депутаты (многие из них приняли самое активное участие в защите Белого дома и организации сопротивления перевороту), но не парламент. За полтора дня чрезвычайной сессии он «все, что

мог, то уже совершил» и ушел с политической сцены на тот решающий месяц, когда ковались указы президента, закладывавшие основы нового общественно-политического порядка, решалась судьба Союза и продолжала катиться под откос наша экономика.

Может быть, наш парламент ни на что большее не способен? Сможет ли он стать реальным противовесом исполнительной власти, но не тормозом на пути демократических преобразований, как это не раз бывало до сих пор, а механизмом, не позволяющим государственной машине выходить за рамки закона, работать на себя, а не на общество? На эти вопросы трудно пока дать окончательный ответ.

Дефекты российского парламента хорошо известны. Прежде всего, иррациональна и антидемократична его структура. <...> Съезд — многолюдное, непрофессиональное и потому малороботоспособное собрание, наделенное правом принимать важнейшие и окончательные решения. Верховный Совет — орган почти постоянно действующий, но недостаточно профессионализированный из-за того, что его членам было предоставлено право совмещать свои обязанности с работой на предприятиях и учреждениях, и потому все время работающий на пределе кворума, а подчас и без него. Около двухсот депутатов — не членов Верховного Совета активно работают в комитетах и комиссиях, но не имеют права голоса, когда палаты принимают решения по подготовленным при их участии законопроектам и постановлениям.

Парламент, таким образом, разделен на меньшинство, более или менее произвольно отобранное для членства в Верховном Совете и с трудом справляющееся со своими функциями, и большинство, обладающее неполными правами, хотя принадлежащие к нему депутаты получили ничуть не менее полноценный мандат от избирателей. Все попытки изменить это положение или хотя бы сдвинуть пропорцию за счет увеличения численности Верховного Совета до сих пор успехом не увенчались. К тому же

важнейшие законы, принятые Верховным Советом на более профессиональном уровне, вторично прокручиваются и нередко ухудшаются (как это было с аграрным законодательством) на Съезде. От абсурдной этой конструкции, изобретенной первоначально для союзного парламента, избавились все республики, кроме Российской Федерации.

Дело, однако, не столько в построении российского парламента, сколько в его составе. <...> Ни демократы, ни консерваторы даже при максимальной мобилизации собственных сил не могли провести свои решения, если им не удавалось привлечь хотя бы несколько десятков депутатов из промежуточной группы. При расколе Съезда приблизительно пополам — а это случалось очень часто — именно колеблющееся меньшинство определяло исход голосований. <...>

Нынешнему российскому парламенту, таким образом, присущи два серьезных внутренних дефекта: конституционно закрепленная иррациональная структура и расстановка политических сил, провоцирующая тупиковые ситуации, и один внешний: состав Съезда уже не отражает уровень электората.

При таких обстоятельствах простым и разумным выходом из создавшегося положения может показаться роспуск Съезда с назначением новых, теперь уже прямых выборов в Верховный Совет по новому избирательному закону. Однако пойти по этому пути трудно и рискованно.

Трудно, потому что и по действующей, и по проекту новой Конституции распустить себя парламент может только сам, и добиться этого от него, не создавая опасный прецедент и не подрывая и без того не слишком высокий авторитет представительной власти, было бы невозможно. Эта акция, показав, кто действительно является хозяином в нашем государстве, унизила бы не только данный парламент — он, возможно, заслужил такую участь, — но парламентаризм в России как таковой.

Но дело не только в этом. Люди, опьяненные захватывающей идеей расчистки парламента посредством выборов, как бы

не замечают экономического развала, межнациональных конфликтов, постепенно распространяющихся с окраин государства к центру, и обостряющейся социальной фрустрации. В условиях кризиса выборы редко укрепляют позиции правящих сил. Одна ситуация складывалась, когда демократы шли в парламент вырывать власть у партократии, вконец обозлившей народ, другая могла бы возникнуть, если бы выборы прошли сразу после Августа, на волне победы, и совсем третья, непредсказуемая — зимой или весной будущего года, когда демократам придется отвечать и за то, чего они вообще не могли изменить за несколько месяцев нахождения у власти (или, точнее, около власти), и за собственные не столь уж малочисленные ошибки и просчеты, и за безобразия новой и старой номенклатуры, влившейся в ряды победителей.

Ситуация слишком быстро меняется, завтрашний день не будет чуть видоизмененным сегодняшним, и наивно рассчитывать, что харизма Ельцина станет локомотивом, который продвинет надежное демократическое большинство в эшелоны власти. При не сложившейся еще партийной системе в обществе выборы во многих округах могут быть сорваны неявкой избирателей или бойкотом местной бюрократии, а состав избранных депутатов может оказаться не лучше нынешнего: места партаппаратчиков перейдут к наглым и безответственным демагогам типа Жириновского. Не выиграв политически, парламент потеряет в профессионализме, накопленном за год с лишним нынешним депутатским корпусом.

На скорые выборы придется идти, несмотря на серьезные издержки и опасности, мобилизовав и бросив в это сражение все силы и резервы демократов, если нынешний парламент окажется совершенно неспособен подняться над старыми спорами и выполнить ту роль, которую возлагают на него нелегкие обстоятельства. Надо признать, что возобновившаяся в сентябре работа Верховного Совета оставляет не очень много надежд на благоприятный исход.

Похоже, что агрессивная часть консерваторов, вчерашних апологетов «социалистического выбора» быстро избавляется от августовского шока, а демократы неспособны наладить элементарную парламентскую дисциплину, когда требуется даже не подчинение воле большинства собственных фракций, а простое присутствие на решающих голосованиях. К тому же на привычную линию размежевания налагается новая, рассекающая и демократов, и консерваторов.

Разумный компромисс по будущему федеративному устройству России, заложенный в проекте новой Конституции, с одинаковой яростью атакуют и унитаристы, видящие в демократическом принципе децентрализации государственной власти угрозу расчленения России вслед за Союзом, и поборники суверенитета бывших автономий, которые озабочены не только тем, чтобы республикам в составе Федерации досталось побольше прав, но и тем, чтобы собственно русским краям и областям их осталось поменьше.

Создается впечатление, что будущую Конституцию на предстоящем Съезде собираются статью за статьей прогнать сквозь строй голосований, бесчисленных поправок, которые выхолостят ее смысл и разрушат системность, — и тем самым не оставляют иного выхода, как вынести конституционный проект от имени президента на референдум, что, конечно же, уязвимо не только с позиций юридических.

Политические страсти и личные амбиции особенно вскипают, когда решаются персональные вопросы. Голосования по составу депутатов, которые должны будут представлять Российскую Федерацию в Верховном Совете Союза, равно как и безуспешные попытки удалить с высокого поста В. Исакова, потерявшего доверие большинства палаты, показывают, как легко заблокировать здесь любое продвижение, и оставляют мало надежд на спокойное проведение назревшей реорганизации Верховного Совета.

И все же, прежде чем поставить крест на нынешнем составе парламента и добиваться новых выборов, надо, на мой

взгляд, попытаться переориентировать его с конфронтации на конструктивную работу и пройти этот путь до конца: добившись результата или окончательно убедившись, что он недостижим. Это, видимо, решится на предстоящем Съезде.

Под результатом я разумею создание *нового, стабильного большинства* на Съезде и в Верховном Совете, уверенно продвигающего демократические реформы в политике и рыночные в экономике, подпирającego президентскую власть и оппонирующего ей, воодушевленного целью утвердить, наконец, цивилизованный парламентаризм в нашей стране. Могут спросить: не переходит ли автор с почвы реальности, о которой он сам написал, в мир несбыточной фантазии? Подчеркну еще раз: я не утверждаю, что предлагаемый вариант заведомо осуществим, но предлагаю не пожалеть сил, чтобы проверить это.

Парламентскую базу нового большинства могут составить демократы, а также вчерашние «нейтралы» и определенная часть наших главных оппонентов — депутатов блока «Коммунисты России». В этом блоке оказались очень разные люди и по разным причинам. Август многих из них подтолкнул к переоценке ценностей. Сама жизнь делает неактуальным многое из наших вчерашних споров: о «социалистических» и «советских» бантиках, о приверженности Союзу, о приоритете частной или государственной собственности, о темпах экономической реформы. Я понимаю, как трудно людям, сжившимся с определенной идейной и политической позицией, отойти от нее. Но в прекрасные и трагические дни и ночи Августа я встречал в Белом доме также и депутатов-коммунистов, пришедших разделить общую судьбу, разговаривал с ними и верю, что не корысть, не расчет, а иное, чем у нас, понимание интересов общества двигало многими из этих людей³. Это понимание меняется, и мы обязаны им в этом помочь. Поэтому я решительно отвергаю «охоту за ведьмами», теперь коммунистическими, к которой склонны некоторые участники демократического движения.

Речь идет вовсе не о беспринципных компромиссах, которыми не раз грешил наш парламент (достаточно вспомнить его лицемерное отмежевание по «делу Фильшина»⁴⁾ или малопочтенных сделках, которым удалось помешать (размен Хасбулатова на Бабурина⁵⁾). Платформа, на которой может сложиться новое большинство, должна быть только демократической, постлеавгустовской, а предстоящие кадровые решения не должны включать индульгенцию адептам поверженного режима.

Престиж российского парламента, не будем обольщаться, не слишком высок. Чтобы вернуть доверие общества и, более того, доказать свое право на жизнь, он должен, на мой взгляд, как минимум, решить три неотложные политические задачи.

Во-первых, ему надлежит, подобно барону Мюнхгаузену, вытаскившему себя за волосы из трясины, реорганизовать самого себя. Во всех демократических странах парламенты — в первую очередь политическое представительство народа и лишь попутно коллегии ходатаев по местным делам. Двухъярусное строение нашего парламента громоздко и неэкономно, но и в его рамках можно попытаться как-то поправить дело. Для этого надо повысить роль, укрепить самостоятельность и дееспособность постоянно работающей его части, расширив полномочия Верховного Совета прежде всего за счет контрольных функций, с которыми он пока не справлялся, и пополнив его активом депутатского корпуса, людьми, которые могут и хотят быть полноценными парламентариями. Распределение мест в Верховном Совете осуществляется по территориальному принципу. Глубоко укорененные интересы не позволят пока целиком отказаться от этого порядка, но его необходимо дополнить представительством формирующихся политических фракций (в первую очередь за счет тех, кто выдержал испытание в августовские дни).

Во-вторых, парламент должен реорганизовать политико-правовые основы, на которых будет строиться жизнь общества впредь. Проект новой Конституции готов. Еще есть время, что-

бы его улучшить, но нельзя допустить, чтобы из него было вытравлено подлинно демократическое, современное содержание, разрушена его логика и системность, раздергана база для компромисса разных интересов. Новый Основной закон не только даст стержень беспорядочно наращиваемому текущему законодательству, избавит от латания дыр на старой Конституции, но и подведет черту под советско-коммунистической утопией.

В-третьих, нельзя дальше откладывать избрание Конституционного суда — важнейшего гаранта правового демократического строя, которого нам так не хватало в августе, да и после него. До сих пор выборы Конституционного суда блокировались политическими страстями и местническими амбициями. Но если мы хотим иметь эффективный контроль над деятельностью и исполнительной, и законодательной власти, в Конституционный суд должны войти только люди высокопрофессиональные, независимые и мужественные.

Не следует забывать, однако, что время, когда зрелища политического характера заменяли хлеб, прошли. Сегодня никого не удовлетворит одно только, пусть самое прогрессивное решение политических вопросов. Не дело парламента собирать урожай, наводить порядок на производстве или распределять дефицит. Но только он может и должен законодательно сдвинуть с места настоящую экономическую реформу и гарантировать самый беспристрастный контроль за ее ходом. Надо, наконец, понять: если это не будет сделано, в самое ближайшее время будут сметены и парламент, и шаткая российская демократия.

Близится Съезд. Парламенту Российской Федерации предстоит сделать свой выбор.

Как видно, уже осенью 1991 г. стала обсуждаться проблема роспуска СНД России и проведения новых выборов. Идею эту поддержали разные силы, руководствовавшиеся различными мотивами. Со временем она выдвинется в центр политической борь-

бы. Правомерна ли была позиция, изложенная в приведенной выше статье?

Уже после того, как она была написана, группа Собянина подготовила и направила в Администрацию президента аналитическую записку, оценивавшую перспективы скорейшего проведения выборов. Отталкиваясь от итогов выборов, прошедших в 1989—1991 гг., и на основе досконального исследования политической ситуации в стране авторы следующим образом прогнозировали результаты намечавшихся на ноябрь региональных выборов (тогда еще не отмененных). Из 68 регионов России (исключая республики в составе РФ) победа сторонников реформ в 12 регионах вероятна, но требует исключительно больших усилий. В остальных 56 регионах, которые включают крупнейшие сельскохозяйственные и промышленные районы и в которых проживает большинство населения России, практически неизбежна победа оппозиционных сил. «Такой исход выборов, — заключали авторы записки, — при учете позиций нынешних местных руководителей, равносителен политической катастрофе. Он неминуемо повлечет за собой трудно предсказуемые последствия для судеб российской государственности... Оппозиция большинства регионов центральной власти приведет к ее полному параличу...»⁶.

Если эти выводы были верны (а последующие события, по видимому, подтвердили их справедливость), то мое заключение, что проводить немедленно новые парламентские выборы рискованно, было даже чрезмерно осторожным. Чем дальше страна удалялась от Августа, тем менее разумно было приближать новые выборы и тем настоятельнее становился поиск консенсуса с СНГ и внутри него — каким бы парламент ни был. Развитие, как известно, пошло по другому пути. Но в конце 1991 г. проблема еще только вырисовывалась. Обострение придет позже.

«ТОТАЛИТАРНЫЕ ЛЮДИ» НА СЛУЖБЕ ДЕМОКРАТИИ»⁷

Задавшись вопросом, что получается, когда «тоталитарные люди» становятся соработниками-демократами, я пришел вот

к каким выводам. Было бы близоруко не замечать, что миазмы политического аморализма, в изобилии продуцированного политиками Старой площади, источают и когорты новых политиков, вознесенных популистской волной и сознательно или бессознательно использующих ярость масс, настрадавшихся от старого режима.

Всякий, кому довелось хоть сколько-нибудь «повариться» в «котлах» демократических структур в последние годы, кто мог и хотел увидеть, как быстро закатывалась звезда столь многообещающей Межрегиональной депутатской группы в союзном парламенте, как стали раздирать страсти, далеко не благородные, и движение, и парламентскую фракцию «Демократической России», как закипали ссоры между феерически быстро нарождавшимися, объединявшимися и раскалывавшимися организациями и партиями демократов, каждый, повторяю, в ком сохранились объективность и способность к самокритике, должен признать, что мощная очистительная волна вынесла на поверхность, наряду с дубовой приверженностью неким сгоряча заявленным целям, мелкое тщеславие, соперничество, неравнодушие к дефицитным благам. Вместе с тем, я бы хотел предостеречь наиболее совестливую, образованную и культурную часть нашей интеллигенции от того, чтобы становиться в позу, от которой не выигрывают ни интеллигенция, ни народ. Пора осознать, что иного не может быть в обществе, которому десятки лет внушали преимущества революции перед реформой, радикализма перед умеренностью, сокрушения противника перед компромиссом. Осознать и присоединиться к усилиям, меняющим эти убийственные клише народного сознания — вот в чем задача.

«НЕ НАДО ПРЕВРАЩАТЬ НУЖДУ В ДОБРОДЕТЕЛЬ»*

— *Виктор Леонидович, вы известны как политик, придерживающийся умеренных, взвешенных оценок. Например, вы присутствовали на съезде ДПР и в его кулуарах, да и позже, высказывали лояльное отношение к принятым решениям. Та-*

кая позиция, как мне кажется, отличается от взглядов большинства руководителей «Демократической России»?

— Что я могу ответить? Мы так привыкли вести борьбу на уничтожение, что не можем смириться, когда тот или иной деятель высказывает точку зрения, отличную от мнения большинства демократов, КС «Демократической России» и т. д. Да, действительно, я не могу не замечать, что большая часть членов КС «Демократической России» очень нервно относится к блоку «Народное согласие». С другой стороны, руководители блока платят «Демократической России» той же монетой. Но конструктивные идеи есть у тех и у других, это несомненно. Надо только провести границу между силами политического центра, которым надо налаживать диалог, и крайне правой и крайне левой экстремами. Надо добиваться исключения последних из политической жизни. Но, к большому сожалению, некоторые уважаемые мною люди оказались крайне неразборчивы в поиске союзников. Видеть Астафьева, а тем более Руцкого рядом с бесноватыми на «Конгрессе гражданских и патриотических сил» было, мягко говоря, странно. Однако центристским — как правоцентристским, так и левоцентристским — силам надо все же налаживать диалог.

— Но разногласия по национально-государственному вопросу, разные взгляды на будущее России мешают это сделать...

— Лично мне непонятен тот восторг, который испытывают некоторые мои коллеги и соратники по поводу «окончательного утверждения суверенитета России», «сокрушения союзных структур» и т. д. Для меня «суверенитет» и «независимость» России — инструментальная, а не терминальная ценность. Если бы демократические силы имели шанс утвердить себя в Центре, как они это сделали в России в мае 1990 — июне 1991 г., наша стратегия была бы совсем иной... Скажу больше: после известных решений в Беловежской пуще я ощутил себя человеком, вернувшимся с похорон. Конечно, покойника надо хоронить. Но как можно испытывать по этому поводу радость?

Да, в послужном списке Советской империи огромное количество подлостей и жестокостей. Но весь трагизм положения в том, что распалась именно Россия, и Травкин прав, когда говорит, что границы России и Российской Федерации не совпадают. Да, на территории бывшего Союза сложилось уникальное сообщество народов, которое было единым государством. И это сообщество сейчас распадается.

Конечно, если бы мы, демократы, не подняли знамя суверенитета в 1990 г., не завоевали какие-то позиции в структурах российской государственной власти (скажу прямо: нынешнее правительство России — не правительство демократов, а правительство, опирающееся в том числе и на демократов), то Крючковы сидели бы сегодня в руководстве Союза, и весьма вероятно, что был бы выполнен заказ на изготовление 250 тысяч наручников, а мы бы ощутили их на себе. Но не надо превращать нужду в добродетель. Это наша беда, что мы не смогли завоевать такие же позиции в союзном Центре, как в России. И подтолкнули своей «суверенизацией» процесс распада страны. Так что российские демократы тоже несут свою долю ответственности, и об этом надо прямо сказать.

То, что распалось, едва ли можно будет восстановить в обозримом будущем... Но хотелось бы верить, что единое государство в том или ином виде в долговременной перспективе все-таки возродится. Оно просто необходимо до тех пор, пока в мире вообще существуют государства. Каждый экономический маневр, каждое незначительное на первый взгляд решение, даже перевод часовой стрелки на час вперед, невозможно согласовывать каждый раз на уровне глав государств. Должны быть созданы органы, которые принимают решения, обязательные для исполнения всеми государствами Содружества. Эти структуры необходимы, чтобы договориться об эмиссии денег, чтобы проводить определенную кредитную политику, чтобы гибко маневрировать учетной ставкой, повышать или понижать налоги на определенную величину... И президент Украины Л. Кравчук дол-

жен понимать, что выступая против создания этих органов, он обрекает себя на то, что будет постоянно жаловаться на российское руководство, которое с ним «не советуется».

Все мы сильно пострадали от распада Союза. Поэтому мне понятна эмоциональная реакция Николая Травкина по этому поводу. Но боюсь, что для него, впрочем, как и для Александра Руцкого — а я должен сказать, что с уважением отношусь к ним обоим, — запрет на применение силы впечатан в сознание не так строго, как должно быть. Я же считаю, что применять силу в решении остроконфликтных ситуаций надо, лишь сто раз взвесив все на весах.

— *В наши дни все чаще вспоминают российского философа И. Ильина, который говорил, что распад СССР может породить цепную реакцию распада России. Другим вариантом развития событий он считал установление националистической диктатуры в Российской Федерации. Какой из этих двух вариантов, по вашему мнению, возможен?*

— Мне кажется, что более вероятна комбинация этих вариантов. Скажем, какие-то части государства — та же Чечня или Татарстан — начнут «отпадать», а в это время в России будут усиливаться авторитарные, диктаторские тенденции.

Но из того, что все это может произойти, вовсе не следует, что оно произойдет обязательно. В том-то и заключается задача демократов, чтобы воспрепятствовать процессу распада, который зафиксирован в Беловежской Пуще и Алма-Ате. По меньшей мере, не дать ему распространиться на территорию России.

— *Но как это сделать?*

— Надо бороться за реализацию конструкции, которая заложена в проекте Конституции РФ, разработанном Конституционной комиссией. Проект этот предоставляет достаточно широкие права бывшим автономиям, но в то же время сохраняет целостность и неделимость Российского государства. Некоторые демократы из любви к парадоксам и красивым выражениям выдвинули лозунг «Россия единая, но делимая».

— *Помнится, этот лозунг выдвигал Юрий Афанасьев...*

— С подачи Л. М. Баткина. Я час спорил с последним по телефону. Он объяснял мне, что, дескать, «делимая» не означает того, что надо «отрезать куски» территории, это значит: очень далеко простирается самостоятельность частей...

— *Я знаю, что многие россияне очень болезненно восприняли лозунг.*

— И правильно сделали. Нельзя объяснения Баткина, которые он дал мне, сообщить каждому, кто услышал этот лозунг. Я решительно возражаю против этого их лозунга и считаю, что Россия должна быть целостным государством, с единой территорией и едиными основными законами. И за это надо бороться политическими методами. Их целый арсенал. Он включает в себя и уступки, и — не будем бояться этих слов — политический нажим, и убеждение, и обращение к электорату, и поддержку тех демократических организаций в национальных республиках, которые ведут нелегкую борьбу прежде всего за демократические, общечеловеческие, а не за национальные ценности.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ. ЧЕТЫРЕ СТУПЕНИ ВНИЗ

Политическая жизнь в последние месяцы 1991 г. чем-то напоминала небрежно смонтированный кинофильм. Его действие временами как бы замирало, являя труднообъяснимые паузы, когда главные герои и прежде всего августовский триумфатор беспричинно исчезали из кадра. А затем смена лиц и декораций происходила рапидом. В реальности же шла бесшабашная ломка устоев той жизни, которые вчера еще казались несокрушимыми.

Три дня в августе были высшей точкой, невероятным взлетом народной активности и инициативы. Таких точек, когда актив общества, вопреки замыслу правителей, мог наложить отпечаток собственной воли на ход событий, а вся страна могла это видеть и соперничать (хотя кое-что по прошествии времени и кажется

гротескным), в истории России было немного. Но удержаться на этой высоте у общества не хватило сил и понимания, а у тех, в чьи руки свалилась власть, — мудрости и желания. В первые же дни после знаменательных событий обозначилось нисхождение общества и государства, которое даже демократический актив заметил не сразу. В этом нисхождении с августа по декабрь можно выделить по меньшей мере четыре ступени.

Первая из них — погром, которому подвергся союзный парламент. Можно сказать, что ВС и СНД СССР данного состава заслужили свою участь. Но в планах победителей путча (и тех, кто примазался к победе) не значилось восстановление союзного парламента естественным путем — на всенародных выборах. Удар пришелся не просто по избранникам 1989 г., не оправдавшим надежд, а по парламенту как институту и парламентаризму как ключевому элементу демократического государственного устройства. И еще — по одной из важных скреп СССР.

Вторая — состоявшийся два месяца спустя V СНД России. Это был последний российский съезд, на котором внутренний конфликт был приглушен (или еще не вырвался наружу). Но принятие на Съезде решения, равно как и уклонение от решений, были взрывоопасны и вскоре действительно повели к взрыву.

Третья — обострение чеченского кризиса, показавшее, какие грозные силы распада начинают действовать в самой России. Свою неспособность к ответу на «нештатную» ситуацию продемонстрировали и президент, и парламент России, на долю которого выпала довольно неприглядная роль.

Четвертая — ликвидация Советского Союза. Вероятно, в ситуации, когда все республики уже провозгласили свою независимость, этого уже было трудно избежать. Но одобрил российский парламент шаг этот слишком легко и торопливо, не просчитав последствия и даже не задумавшись об альтернативных вариантах.

ДЕМОНТАЖ СОЮЗНОГО ПАРЛАМЕНТА

Пристально вглядываясь в события последних месяцев 1991 г., пройти мимо крушения союзного парламента, еще недавно вселявшего столько надежд, никак нельзя. Историческая драма в двух действиях развернулась сразу же после поражения августовского путча: 26—31 августа прошла внеочередная сессия ВС, 2—5 сентября — V и последний Снд СССР.

Последняя сессия ВС в прежнем составе уже при открытии поражала отступлением от привычного порядка. Она началась без председателя ВС: за столом президиума зал увидел председателей палат Ивана Лаптева и Рафика Нишанова; Анатолий Лукьянов появился в зале. Повестка была принята лишь за основу («работу над повесткой дня временно прекратить, оставив ее как бы открытой», — скажет председатель⁹). В работе сессии не участвовало большинство депутатов от ряда республик; некоторые из них прислали лишь наблюдателей. Даже привычное размещение в зале было сбито: значительную часть скамей заняли приглашенные на сессию российские депутаты и представители Верховных Советов других республик. Зал был полон, депутаты заняли пустующие скамьи, отведенные для правительства.

Покаянный тон был задан во вступительной речи Лаптева: «Мы должны будем выяснить, как могло произойти, что, все больше и больше внимая речам в нашей коллективной работе, мы не заметили, что научились ходить строем, и делали выбор личной позиции по выражению глаз председательствующего»¹⁰. Так и покатилась сессия, демонстрируя в прямой телевизионной трансляции всей стране обиды одних, разоблачения других и оправдания, более и менее обоснованные, третьих. Всдушиваясь в дискуссию, можно было вообразить, что не было никогда Верховного Совета, который Юрий Афанасьев за два года до того назвал сталинско-брежневским, что ГКЧП действовал, не опираясь будто бы даже на группу «Союз» в союзном парламенте. Вице-премьеры В. Щербаков и В. Догужиев отмежевывались («мы не выполнили ни одного решения ГКЧП»); валили все на Павлова

(«мы все, правительство СССР, стали заложниками этой ситуации и действий премьера»); сетовали на жалкую роль правительства в системе власти («у нас ведь не правительство, которое правит исходя из политической обстановки, а дирекция большого завода»; министров — членов ГКЧП — на заседаниях правительства мы не видывали; прилетающих иностранцев встречает министр иностранных дел, «а правительство, включая первого заместителя премьер-министра, изображает толпу для пожатия руки») и скромно отмечали собственную доблесть («я понимал, что с этой пресс-конференции могу не вернуться», — говорил Щербаков), проявившуюся, впрочем, когда всем стало уже ясно, что переворот провалился¹¹. Валентин Фалин доказывал непричастность к перевороту высших органов КПСС («этот заговор готовился в самой большой тайне от секретариата... во всех этих мероприятиях участвовал один человек — Шенин»)¹². Оправдывался Лукьянов: («я сразу же сказал заговорщикам, что их затея — безответственная авантюра, что это заговор обреченных»; «с самого начала я прилагал все возможные усилия, добиваясь любыми путями связи с президентом... я не могу предать человека, с которым меня связывают 40 лет жизни»)¹³. И даже Горбачев, повинившись в том, что он назначил на высокие посты «людей, ставших на путь предательства», оправдывался в том, что он в ответ на оскорбления не покинул зал Верховного Совета РСФСР, «который пережил за это время и взял на себя многое»¹⁴. Беспорядочное, раздерганное, накаленное эмоциями, лишенное четкого стержня и постоянно отвлекавшееся от текста представленных документов обсуждение со стороны все больше напоминало «истеричный, плохо организованный митинг», как сказал один депутат, вышедший из зала и посмотревший на происходящее по телевизору¹⁵.

В содержательном плане дискуссия разворачивалась главным образом вокруг двух вопросов: Союзного договора, с которым теперь опять надо было что-то делать, и реорганизации высших органов Союза. Общего мнения не сложилось ни по одному

из них. В заглавном докладе Горбачев повторил, что «в другую страну из Крыма вернулся человек, который смотрит на все, и на прошлое, и на сегодняшний день, и на перспективу уже другими глазами». Однако позиции, к которым подошли участники новогоревского процесса перед путчем, он готов был пересматривать в незначительной мере. Предложения его сводились к следующему. По Союзному договору: «незамедлительное возобновление подписания»; все улучшения и дополнения — в виде протоколов и приложений; с республиками, которые откажутся подписать договор, — соглашения о гарантиях прав граждан, о военной инфраструктуре и по экономическим вопросам. По управлению страной: выборы вице-президента и председателя ВС на ближайшем Съезде; воссоздание Кабинета министров по согласованию с республиканскими лидерами; повышение роли Совета безопасности (Горбачев предложил пополнить его за счет все тех же лидеров и ряда видных «перестройщиков»); сразу после подписания Союзного договора — выборы всех органов Союза, включая президента¹⁶. Если бы такая программа была осуществима, она могла бы привести к восстановлению на федеративной по преимуществу основе государства, включающего большинство республик. Беда в том, что, кроме Горбачева, мало кто был готов отстаивать эту позицию.

Правда, Руслан Хасбулатов, говоривший от имени России, в прямой спор с Горбачевым вступать не стал и даже предложил завершить подписание Союзного договора (с некоторыми поправками) уже в сентябре. Но рассуждал он как бы о другом — о сохранении «единства и неделимости» России. Подписывать договор, сказал Хасбулатов, должны единые делегации союзных республик, а Верховные Советы тех российских автономий, которые «запятнали себя сотрудничеством с изменниками» (гэкачепистами), следует распустить¹⁷. Немедленно, однако, раздались и совсем иные голоса. Если Аскар Акаев потребовал коренного пересмотра подготовленного текста Союзного договора и самороспуска Верховного Совета¹⁸, то Нурсултан Назарбаев,

все более выдвигавшийся на одну из ключевых ролей, пошел значительно дальше. Союз, по его мнению, возможен лишь как конфедерация, а не федерация; договор можно заключать только в спокойной и стабильной обстановке, а пока следует ограничиться экономическим соглашением; никакого союзного парламента и правительства быть не должно; каждая республика вправе обзавестись собственной армией, внешнеполитическим ведомством, транспортной системой. Вступив в скрытую полемику с Хасбулатовым, Назарбаев заявил, что суверенными участниками Союза должны стать и автономные республики, которые того захотят. Предлагать это ему было тем легче, что в составе Казахстана таковых не было¹⁹. Разгорелся спор, в котором представители Украины²⁰, Армении²¹ и других республик заняли по отношению к Союзному договору и каким бы то ни было органам власти в Центре резко негативную позицию. Некоторые же влиятельные политики²² и депутаты, стоявшие в оппозиции к руководству собственных республик²³, выступали за сохранение властных союзных структур, хотя и в обновленном виде. Большинство выступавших высказалось за возвращение к Союзному договору и за сохранение в том или ином виде существующих органов власти в Центре. Подводя итог дискуссии, Горбачев говорил: «...распустить Верховный Совет, Съезд народных депутатов, порушить эти структуры... такое могут говорить на митинге разгоряченные люди, замордованные жизнью... Мы с вами, люди, ответственные за страну, не можем встать на такой путь. Надо сделать перегруппировку политических сил на переходное время, до тех пор, пока мы изберем и сформируем законным образом в ближайшие месяцы новые структуры на основе нового Союзного договора»²⁴.

Однако за стенами Кремля разворачивались необратимые процессы. Как раз в эти дни, с 24 по 31 августа провозгласили свою независимость Украина, Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Киргизия и Узбекистан, чуть позже — Таджикистан, Армения и Туркменистан. На самой сессии ВС произошел знаменательный эпизод. 28 августа депутатов взбудоражила весть о том,

что в Киев вылетает российская делегация во главе с Руцким. К ней срочно присоединили несколько союзных депутатов от РСФСР и Украины. На следующий день вернувшиеся участники переговоров рассказали об их итогах и коммюнике, подписанном Руцким и Кравчуком. В документе не было ни слова о Союзном договоре и будущей судьбе союзных органов. Речь шла лишь о том, что союзные государственные структуры оказались неспособны «обеспечить жизненные интересы народов», что «прежнего Союза больше не существует и возврата к нему быть не может» и что в интересах функционирования экономики «целесообразно создание временных межгосударственных структур... на представительных паритетных началах», которые создадут «субъекты прежнего Союза ССР независимо от их прежнего статуса»²⁵. Официально заявленная позиция двух самых сильных и влиятельных республик во многом обесценивала все поиски компромисса на сессии ВС. Депутаты приняли 15 постановлений и 2 закона, в которых отразились надежды и искания союзной политической элиты. Предполагалось, что они лягут в основу сбалансированного генерального соглашения на Съезде.

Все это, однако, включая и рекомендованную Съезду повестку дня, было брошено в отвал с первых минут его работы. Своё видение и свои чертежи проектируемого государственного устройства ошеломленному собранию предъявили 2 сентября первые лица республик, которые за закрытыми дверями подготовили свой сюрприз и были мало озабочены тем, что скажут союзные депутаты — политики вчерашнего дня, которым теперь бесцеремонно указали их место.

По сравнению с тем, как был организован и проведен Съезд, закончившаяся накануне сессия ВС могла показаться анархической вольницей. Все время его работы меня не покидало ощущение, что для двух тысяч союзных депутатов проложена узкая, огороженная с обеих сторон дорога в загон и предписано не только направление движения к неминуемому коллапсу парламента, но и его темп. (Съезд было решено провести в три дня, которые,

правда, пришлось увеличить до четырех, но это был единственный сбой). Кто хозяин положения, было продемонстрировано привыкшему к послушанию большинству в первые же минуты, когда Назарбаев от имени Горбачева и 10 руководителей республик зачитал совместное заявление. Его-то — в обход всех предложений ВС — и было предложено положить в основу работы Съезда. Тут же был утвержден рабочий президиум, в котором, помимо двух декоративных фигур председателей палат ВС, места заняли все те же руководители исполнительной власти. Под их руководством и предстояло завершить свой путь союзному парламенту. Чуть позже, оправившись от шока, один из депутатов скажет: «Послушно нарушив требования Конституции и регламента, практически не открывая Съезда, мы превратили его то ли в конференцию, то ли в симпозиум по обсуждению ультимативно врученного высшему органу народовластия заявления»²⁶.

На обсуждение Съезда, так сказать, «на входе» был представлен единственный документ — совместное заявление первых лиц республик «10 (11) +1»²⁷. На его основе были разработаны и приняты «на выходе» три новых: постановление СНД СССР «О мерах, вытекающих из совместного заявления...», закон «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» и Декларация прав и свобод человека²⁸.

Съезд, конечно, не мог решить задачу квадратуры круга: совместить сохранение Союза и независимость его составляющих. По настоянию ряда республик в текст постановления было вписано «уважение» не только к «декларациям о суверенитете», но и к «актам о независимости», возникавшим как грибы после дождя²⁹. При таком подходе проектируемое новообразование даже в рамки конфедерации вместить было нельзя. А так как опыта строительства наднациональных государственных структур, на которое в Европе потребовались десятки лет, здесь ни у кого не было, формула «ускорить подписание Договора о Союзе суверенных государств» выглядела не более чем благое пожелание.

В заявлении лидеров республик еще упоминалась будущая Конституция Союза, текст которой, как было там записано, должен быть «утвержден парламентами союзных республик» и «окончательно принят» на съезде их полномочных представителей. В постановлении же Съезда это положение было изъято. Зато принятый закон был дополнен нормой, которой не было в совместном заявлении: высшие органы государственной власти союзных республик получили право приостанавливать на своей территории действие союзных законов, если они будут сочтены противоречащими их собственным конституциям.

Не удивительно также, что в новой государственной конструкции союзный парламент оказывался лишним, а существующий, как послушен он ни был, — безжалостно перекроили. Формированием Верховного Совета нового образца теперь должны были заняться не только депутаты союзного Съезда, но также республиканские парламенты, которые получили право делегировать туда, наряду с союзными депутатами, и своих членов. Связи между избирателями и членами ВС СССР, большую часть которых эти избиратели вообще не выбирали, становились еще более опосредованными. Впрочем, перестроенный Верховный Совет должен был действовать лишь в переходный период; вопрос о том, что придет ему на смену, был оставлен открытым. Директорам Съезда никакие реальные властные органы, кроме вновь образованного Государственного совета, состоящего из высших иерархов республик, были не нужны; предложенная было Верховным Советом реорганизация Совета безопасности, в который должны были войти также политики, избранные Съездом, была отброшена. Вскоре, однако, выяснилось, что Госсовет — вне системы разделения властей, без парламентского контроля, раздираемый внутренними противоречиями, — искусственное, заведомо обреченное образование.

Логика, увлекавшая многих депутатов, в том числе и демократов, выглядела следующим образом. ВС СССР в августе дискредитировал себя и подлежит радикальному обновлению, а луч-

ше — полной ротации. По Конституции это может сделать Съезд, который в месяцы, предшествовавшие перевороту, тоже оказался не на высоте. Поэтому новый парламент надо избирать сызнова, но это можно сделать лишь после подписания Союзного договора. А пока «все союзные структуры, — как говорил председатель ВС Казахстана Е. Асанбаев, — должны быть коалиционными, сформированными на межгосударственной основе с паритетным представительством республик»³⁰. Контролировать же коалиционный исполнительный орган — Госсовет, как наивно надеялся Николай Травкин, небезуспешно могут республиканские парламенты³¹. Так по всеобщему согласию то, что оставалось от союзной власти, было сосредоточено исключительно в Госсовете, далеко не все члены которого достойно проявили себя в Августе, но все без исключения торопились завладеть своей долей на руинах Союза.

Редакционная комиссия рассмотрела множество поправок к проектам съездовских документов. По некоторым вопросам разгорались острые споры, депутатам раздавали сменявшие друг друга проекты. К концу третьего дня подавляющим большинством голосов был принят за основу окончательный вариант постановления (в основном воспроизводивший текст совместного заявления), но для утверждения закона, ломавшего ряд статей действующей Конституции и потому требовавшего конституционного большинства, голосов не хватило. Заключительные (постатейные и окончательные) голосования пришлось перенести на следующий день.

5 сентября стало последним днем последнего Съезда. На утверждение обоих документов со всеми постатейными голосованиями ушло примерно 40 минут³². Заминки возникли при голосовании двух статей закона. В одном случае представительство союзных республик, имеющих в своем составе автономные образования, в верхней палате Верховного Совета предлагалось увеличить сверх общей квоты в 20 депутатов (РСФСР это давало 52 места). Серьезного значения такое добавление не имело, ибо

каждая республика получала в Совете Республик один голос независимо от численности своей делегации, и депутаты со второго раза статью согласились утвердить. В другом случае авторы законопроекта зашли слишком далеко в изничтожении Съезда, записав норму: «признается нецелесообразным проведение очередных Съездов народных депутатов СССР»³³. Это было слишком. Как ни уговаривали депутатов, что внеочередные-то Съезды созывать будет возможно, два голосования результата не дали. В статье остался лишь абзац, сохраняющий на переходный период за всеми депутатами их статус, включая участие в работе ВС. Как вскоре выяснилось, никаких практических последствий спорный пункт не имел, ибо ни на очередные, ни на внеочередные Съезды созывать депутатов никто не собирался.

В заключение без обсуждения была принята Декларация прав и свобод человека, в проект которой комиссия внесла семь поправок, предложенных депутатами. Это был неплохой документ, вобравший в себя положения как международных пактов о правах, так и российского конституционного проекта. Декларация, однако, вводилась без каких-либо гарантирующих ее реализацию механизмов. Депутаты были озабочены правом республик определять формы своего участия в гипотетическом Союзном договоре, нерушимостью границ и — в какой-то степени — обеспечением общего оборонного и экономического пространства. Гораздо меньше их волновал «отказ от единого демократического пространства» и развернувшиеся процессы «дедемократизации», которые так ярко проявились на самом Съезде³⁴. Смысл всего произошедшего, пожалуй, ярче всего выразил обмен репликами двух депутатов. «...Многое на этом Съезде было сделано недемократически... — сказал Владимир Самарин, призвавший одобрить, в конечном счете, «продавливаемые» документы. — Нас поставили на колени. Но в этой ситуации надо думать не только о собственном достоинстве, а о достоинстве страны...». — «Неправильно говорить, что Съезд поставили на колени, — по-своему солидаризовался с ним Илья Заславский. — Он с них никогда

не вставал... И если такое решение не будет принято вопреки воле республик, которые хотят, чтобы оно было принято, вопреки воле народа, который хочет, чтобы оно было принято, то совершенно очевидно, что его примут без нас. Устал не караул, устал народ»³⁵. Так утешали себя подчинившиеся чужой воле и влившиеся в состав «послушного большинства» демократы.

Таким образом, в конце августа — начале сентября 1991 г. был сделан второй крупный шаг к ликвидации Союза. И шаг этот — в отличие от первого — совершил не заговорщический, самозванный ГКЧП, а орган, наделенный по Конституции высшей властью. Хотя с правовой точки зрения его решения и вызывали сомнения, они были законодательно оформлены и потому как бы легитимны. Сомнениям и протестам были противопоставлены призывы считаться с реальностью. Но Съезд «весомо, грубо, зримо» сам продолжал формировать новые политические и юридические реалии. Конечно, V Съезд, как и все предыдущие, был управляемым. Сменились только управляющие: одних выбили, другие поменяли ориентацию, третьи обрели власть и влияние. Это, однако, нисколько не уменьшает ответственности самих дезориентированных набежавшими событиями парламентариев, которые боялись прежних бед и не замечали, как надвигаются новые. Доминировали чувства вины и беспомощности перед угрозой нового путча, от которого, казалось, легче укрыться на политических высылках — в республиканских штаб-квартирах. «Если мы сохраним империю, — говорил украинский депутат, — отыщутся и новые янаевы, и даже сталины»³⁶.

Парламент вроде бы сохранили в виде Верховного Совета. Но ему отвели довольно жалкую роль³⁷. После того как Съезд убедительным большинством заверил свидетельство о собственной смерти, оставив в виде местоблюстителя выморочный Верховный Совет, Президент СССР, по сути единственная политическая фигура, сохранившаяся от еще недавно мощного государства, остался один на один с республиканскими баронами. Теперь судьба Союза в решающей мере зависела от Госсовета,

а равнодействующая в нем после всех актов о суверенитете и независимости республик могла работать только на развал. Открытым оставался лишь вопрос времени.

ОБМАНЧИВОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ

Российский Съезд народных депутатов собрался лишь через два месяца после Съезда союзного. Он тоже был пятым, хотя и не последним, тоже был втиснут в относительно сжатые сроки — пять с половиной дней³⁸. На этом, однако, сходство заканчивалось. В отличие от союзного «съезда побежденных» это был если и не съезд победителей, то претендент на распоряжение плодами победы. В ряду девяти состоявшихся российских Съездов он занимал срединное место не только по номеру. Если раньше Ельцину и поддерживавшим его демократам на каждом съезде в главных вопросах удавалось добиваться реального продвижения, то на этот раз прогресс был скорее видимым, чем действительным. То, чего удалось добиться от депутатов, оказалось либо не очень значительным, либо обратимым. Съезд не воспротивился объявленному началу реформ, но и не связал себя с ними. Это отразилось и на характере самих реформ, и на методах их проведения, и на начавших быстро изменяться отношениях между президентом и парламентом. V СНД России еще не стал оппозиционным, но на нем уже обозначилась расстановка сил иная, чем на первых четырех. Исчезновение союзного Центра — антагониста для одних и союзника для других — означало, что ядро конфликта станет теперь перемещаться в российские политические структуры, а его характер — видоизменяться.

«Самой главной упущенной возможностью послепутчевого периода я считаю, естественно, возможность коренного изменения парламентской системы... Идея роспуска Съезда и назначения новых выборов (можно было бы поставить и вопрос о Конституции для новой страны) витала в воздухе. Но мы ею не воспользовались», — писал Ельцин, оглядываясь на прошедшие

события. И чуть ниже: «Да, наверное, я ошибся, выбрав главным направлением наступление на экономическом фронте, оставив для вечных компромиссов, для политических игр поле государственного устройства. Я не разогнал Съезд. Оставил советы»³⁹. Ельцин проговаривается: «Не разогнал съезд». Эти слова написал политик, уже перешедший Рубикон. А в 1991 г., когда накал взаимного ожесточения был далеко впереди, к столь brutальному нарушению Конституции Ельцин еще не был готов, да и не вынуждали его к тому обстоятельства.

Ход и решения V СНД как раз укрепляли его в убеждении, что от депутатов можно получить почти все, в чем он был заинтересован в тот момент. Перевыборы парламента по взаимному согласию, наверное, и можно было провести вскоре после Августа, но два бесценных месяца были упущены. На Съезде наметилась новая диспозиция. Силы, противостоявшие и президенту, и его сторонникам, никуда не делись и после путча. Более того, они стали получать подпитку из промежуточных фракций. Они осознавали — не скажу, что в рамках продуманной стратегии, но ситуативно, — в чем следует идти на уступки, где надо искать компромиссы, а какие позиции в ожидании своего часа сдавать ни в коем случае нельзя. Так и остался этот Съезд для президента и демократов — хотя это и может показаться неожиданным после оглушительной их победы — фиксацией полууспехов, полудо-стижений. Время вскорости выставило истинную оценку решениям Съезда. Что же произошло в эти несколько осенних дней?

Вместо радикальной реформы парламента была предпринята ограниченная ротация Верховного Совета. Демократы попытались сделать то, чего им не удалось добиться на I СНД: существенно расширить состав ВС за счет своего актива — депутатов, принимавших постоянное участие в работе его комитетов и комиссий. Съезду было представлено предложение, получившее поддержку в самом ВС и в Конституционной комиссии: увеличить численность Совета Республики со 126 до 300 человек, Совета Национальностей (резерв его пополнения был ограничен, по-

скольку от национально-территориальных округов было избрано всего 168 депутатов) — до 150 и с согласия соответствующих региональных групп разрешить пополнять Совет Национальностей, депутатами, избранными от территориальных округов в тех же регионах. Предполагалось также, что состав Совета Республики будет увеличен на основе не только квот региональных deputаций (в большинстве из них позиции демократов были слабы), но и пропорционального представительства фракций, которые к тому времени фактически составляли каркас организационной структуры Съезда.

Поправку поддержало большинство депутатов, но она требовала изменения Конституции, и голосов для этого, как и на I Съезде, не хватило⁴⁰. Единственное, чего удалось добиться, — «избрание» членов ВС было заменено его «формированием», так что в процессе ротации Съезд лишь утверждал выбор региональных делегаций, если в них удавалось принять решение. Съездовское большинство лишилось возможности отсеивать нежелательных ему лиц, чем оно увлекалось на I СНД, и депутатские группы, где у демократов было большинство, использовали ротацию для продвижения в ВС нескольких своих представителей⁴¹. Но эти немногие назначения не смогли, конечно, изменить соотношение сил в Верховном Совете.

Значительную часть времени Съезд посвятил внесению поправок в старую Конституцию. Это была изнурительная и малопродуктивная работа. На трибуне председатель редакционной комиссии Михаил Митюков оглашал одну за другой поправки к тем статьям Конституции, которые предполагалось исключить или изменить (иногда таких поправок набиралось десятки) и сообщал заключение комиссии: поддержать или отклонить. Депутаты лихорадочно перебирали фолианты с поправками, не уместившиеся на их столиках, в поисках обсуждаемой. Странники и противники поправки бросались к микрофонам, требуя отдельного голосования и переголосования. Хасбулатов, как мог, пытался ввести обсуждение в рамки. В итоге коллективного редак-

тирования, в котором принимали участие одновременно несколько сот человек (другие, утомленные или незаинтересованные, коротали время в курилках), большинство изменений отклонялось. Так, не удалось в очередной раз получить необходимое большинство для отмены ограничений на свободный оборот земли⁴² и даже убрать некоторые советско-социалистические «бантики», украшавшие исходный текст брежневской Конституции. Когда-то Кеннет Боулдинг, один из создателей теории систем, придумал термин «субоптимизация», под которым разумел усовершенствование дел, которыми вообще не стоит заниматься. Исправление нашей старой Конституции — типичный пример субоптимизации.

А занимался этим Съезд вместо того, чтобы принять или хотя бы рассмотреть проект, который в очередном варианте положила на стол Конституционная комиссия и который к тому времени был одобрен в Совете Республики ВС (Совет Национальностей, как это не раз бывало, притормозил продвижение проекта КК). Но даже обсуждение концепции новой Конституции внести в повестку дня Съезда не удалось: против выступили коммунисты, депутаты от автономий и «младореформаторы» из фракции «Смена — Новая политика». Лишь со второй попытки вопрос включили в такой формулировке («О работе Конституционной комиссии»)⁴³, которую противники проекта использовали для суда над его авторами.

К обсуждению этого вопроса Съезд приступил в последний день, когда уже поздно было что-либо менять. С докладом выступил Ельцин, председатель комиссии. Несмотря на высокую оценку проекта («подготовлен достаточно сильный документ, и можно и нужно уже сейчас выходить на финишную прямую его обсуждения и принятия»), рекомендация докладчика, какое следует принять постановление, была довольно сдержанной: поручить ВС, его комитетам и комиссиям обсудить поправки и доработать проект⁴⁴. Президент давал понять, что форсировать продвижение новой Конституции он не будет и к числу приорите-

тов своей политики ее не относит. Из 12 депутатов, выступивших по данному вопросу, четверо были представителями автономий, решительно забраковавшими проект, который, по их мнению, «неприемлем как концептуально, так и нравственно, ибо игнорирует суверенные права народов республик и национальных автономий»⁴⁵. Игнорирование же заключалось в том, что в федеративном разделе проекта уравнивались права национальных республик и русских краев и областей⁴⁶, что республики не обозначены как суверенные государства, а федерация — как конституционно-договорная. «С XVII века большинство народов Российской Федерации входило под крыло Российской империи путем договоров», — настаивали «автономы»⁴⁷. С несколько иных позиций проект раскритиковал «сменовец», который предложил провести ротацию Конституционной комиссии и сменить председателя — «освободить его от этой тяжелой обязанности»⁴⁸.

И хотя большинство выступавших проект поддержали, Хасбулатов даже не стал ставить на голосование предложение «в целом одобрить», а настоял на том, чтобы «в целях сохранения того хорошего климата, который у нас сложился» (?!), оставить формулировку «принять к сведению», что и было одобрено подавляющим большинством⁴⁹. То, что практически готовый проект новой Конституции, который открывал прямой и правовой путь к демократическому государственному устройству, перевыборам Съезда и т. п., руководители V СНД сдали без боя, во многом предопределило трагический разворот дальнейших событий. Октябрь 1993 г. был заложен в октябре 1991-го.

В самом начале, до утверждения повестки дня и вне ее рамок, с Обращением к российским народам и депутатам выступил Ельцин. Оно во многом определило работу Съезда. Это была стратегическая речь, произнесенная со стратегической трибуны и в стратегически точно выбранный момент времени. Это была блестящая парламентская речь, едва ли не самая яркая из всех, которые мне довелось от него услышать⁵⁰. Это была речь лидера, демонстрирующего свою уверенность и реши-

тельность, но мало озабоченного тем, как будут выглядеть средства и гарантии достижения поставленных целей: обсуждать такие «подробности» — «не царское дело». Ельцин провозгласил, что Россия, наконец, начинает радикальную экономическую реформу без оглядки на сохранившиеся еще союзные государственные структуры. Программу реформ, ключевым элементом которой было немедленное размораживание подавляющего большинства цен, он изложил языком, соответствовавшим уровню экономических познаний большинства депутатского корпуса. В ней не было цифр, не говорилось об этапах и взаимоувязке намеченных мер. Речь не шла о том, когда и как приватизация и демонополизация экономики начнут сдерживать инфляцию, как реформа налоговой системы, которая «не ставит своей целью увеличение налогов с граждан», будет сочетаться с мерами по социальной защите населения и т. п. Короче говоря, весь механизм проведения реформ, который к тому времени не был проработан, оставался за кадром. Зато акцент был сделан на популярных мерах: стимулировании развития предпринимательства, «которое создает новые рабочие места и достаточно высокую зарплату», образовании «особого президентского продовольственного фонда», сокращении государственных расходов и прекращении платежей в союзный бюджет, борьбе с мафией и коррупцией...

Докладчик, разумеется, отдавал отчет в том, к чему сразу же приведет шоковая терапия: «Должен сказать откровенно — сегодня в условиях острейшего кризиса провести реформы безболезненно не удастся... Произойдет некоторое падение уровня жизни...». Однако за этим следовало коронное обещание политика своим согражданам, которых опустевшие полки магазинов повергали в отчаяние: «Хуже будет всем примерно в течение полугода. Затем снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 г., как я обещал перед выборами, — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей». Именно здесь было невралгическое сплетение неведомых прежде

и действительно трудноразрешимых проблем, вставших перед страной: что произойдет раньше — скажется позитивное воздействие реформ в экономике или же начнет стремительно осыпаться социальная база поддержки «правительства реформ», да и самого президента? Гайдар не раз говорил, что изначально отлично понимал: он идет возглавлять команду политических смертников, президенту придется со временем отправить в отставку первое правительство, начавшее реформы. В ответ на это предупреждение Ельцин, объявивший на Съезде, что сам будет непосредственно возглавлять правительство в «ответственный тяжелый период», по словам Гайдара, «скептически улыбнулся, махнул рукой — дескать, не на такого напал»⁵¹.

В какой мере Ельцин сознавал, что объявленный им срок не имеет никакой связи с суровой реальностью, каким образом реформы бы ни проводились, сказать трудно, да это и не очень существенно⁵². На данном Съезде обещание, по-видимому, сыграло свою роль. Обсуждение главного вопроса заняло минимальное время. Некоторые ораторы, правда, утверждали, что предложенная программа «построена на песке», что «в условиях безграничной государственной монополии, в условиях тоталитарного правления бюрократических управленческих структур, ...управляющих буквально всем в сферах народного хозяйства, либерализация цен не только вредна, но и недопустима», что «программа не оптимальная, не лучшая в создавшейся ситуации» и «почти неизбежен полный крах экономики», ибо непредсказуемое ее падение «может продолжаться годы»⁵³. Но никакую альтернативную программу ни депутаты, ни какие-либо государственные и общественные организации предложить Съезду не смогли. Постановление, одобряющее основные принципы экономической реформы, изложенные в обращении президента, приняли практически без обсуждения, почти единогласно⁵⁴.

Характерно, что при обсуждении социально-экономического положения в республике в центре дискуссии стояло не существ-

во реформы, а ее обеспечение средствами власти. На утверждении Съезда от имени президента были внесены проекты двух постановлений: «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» и «О правовом обеспечении экономической реформы». Проекты предусматривали драматическое перераспределение власти в пользу ее исполнительной ветви, от парламента — президенту, замену выборных исполнительных органов в регионах назначением и, следовательно, подчинением по административной вертикали. Налагался запрет на проведение, за немногими исключениями, в течение года выборов представительных и исполнительных органов всех уровней. Акты, принятые для обеспечения экономической реформы, объявлялись приоритетными по отношению ко всем законам СССР и РСФСР. Законы СССР, препятствующие проведению экономической реформы, мог теперь приостанавливать не только Верховный Совет, но и Президент РСФСР. По широкому кругу экономических и административных вопросов он получал право издавать указы, находящиеся в противоречии и с российскими законами. Если Верховный Совет в течение семи дней их не отклонял, то они вступали в силу⁵⁵.

В новейшую историю российского парламентаризма предлагалось, таким образом, вписать страницу довольно нестандартную: резко расширить прерогативы президента как главы исполнительной власти за счет исконной сферы компетенции парламента. Президент получал право не только проводить реорганизации в системе исполнительной власти без какого бы то ни было контроля представительных органов, но и самостоятельно издавать и отменять акты, имеющие силу закона. К покушению на свои прерогативы депутаты отнеслись более ревностно, чем к революционным мерам в экономике. Завязалась дискуссия. С протестом против «размаха и легкости, с которой перечеркиваются элементарные основы парламентаризма», выступил Леонид Волков⁵⁶. Не выполняются уже принятые законы, не реализуются уже предоставленные полномочия, «можно

ли давать правительству дополнительные поручения, если оно не справляется с имеющимися?» — спрашивал Андрей Головин⁵⁷. Но хотя к проектам постановлений поступили десятки поправок, поставленных затем на поименное голосование, акты были приняты без существенных изменений более чем конституционным большинством, в том числе и голосами многих критиков. Съезд согласился с Ельциным в том, что «...проводить мощные избирательные кампании и одновременно глубокие экономические преобразования — невозможно! Пойти на это — значит, погубить все!»⁵⁸.

Однако мораторий на проведение выборов и право на реорганизацию структур исполнительной власти были предоставлены на год. Срок, на который президент получил карт-бланш на реализацию экономической реформы с помощью тех рычагов, которые он затребовал, вдвое превышал тот, в какой были обещаны ощутимые улучшения. Но, как и следовало ожидать, и он оказался слишком коротким. Завязавшийся было на V СНД спор между президентом и парламентом по главным вопросам дальнейшего развития не был разрешен. По согласию обеих сторон его решение лишь отсрочили. Но события вскоре развернулись так, что счета оказались предъявленными раньше обусловленного срока. Сделать это Съезду было тем легче, что всю ответственность за проведение реформ он своими решениями переложил на президента — в соответствии с его собственными настояниями. Кажущийся успех Ельцина совсем скоро обернется разгорающимся конфликтом, который будет сотрясать все общество.

Остроту и формы этого конфликта также в немалой степени предопределили решения пятого Съезда, в особенности — кадровые. Съезду надлежало сделать то, что у него не получилось в июле: избрать своего председателя на место, освободившееся после того, как Ельцин стал президентом. Единственным серьезным претендентом на этот пост казался (и, вероятно, был) Хасбулатов. Твердая позиция, занятая им в дни путча, укрепила

его авторитет и в парламенте, и в обществе. К политической линии Хасбулатова пока не было претензий ни у демократов, ни у промежуточных фракций, осудивших попытку государственного переворота. Сомнения внушали некоторые черты личности и поведения претендента: грубость, нередко прорывавшаяся нетерпимость к чужому мнению, не совпадавшему с его собственным («есть две позиции: моя и неправильная» — так вел себя Хасбулатов в дискуссиях), злоупотребление микрофоном председательствующего, неуважение к человеческому достоинству депутатов (чем дальше, тем чаще он стал находить в оскорблении неугодных ему людей какое-то садистское удовлетворение), целенаправленная линия на создание клиентелы из зависимых от него депутатов, сотрудников аппарата, людей в регионах. За всем этим стоял бесстыдный нарциссизм, неумное властолюбие и неудовлетворенные амбиции: Хасбулатов затаил обиду на Ельцина за то, что тот, несмотря на преданность «верного Руслана», держит его на дистанции, не предложил ему стать ни вице-президентом, ни премьером (позднее он поймет, что пост главы парламента дает куда как более самостоятельную позицию). И в то же время Хасбулатов заметно выделялся своей фантастической работоспособностью, смелостью, несомненным интеллектом, быстрой реакцией, находчивостью и юмором. Когда Хасбулатов считал нужным, он умел завоевывать сердца обаянием и доброжелательностью⁵⁹.

На собрании примерно 100 депутатов из фракций, входивших в блок «Демократическая Россия», за день до открытия V СНД встал вопрос о выборах председателя и порядке проведения Съезда. На эту встречу был приглашен Хасбулатов, которому некоторые депутаты высказали претензии. «Я стремлюсь меньше задевать депутатов, но давайте соблюдать взаимность, — отвечал на это претендент. — Не злитесь на меня, я, ей-богу, постараюсь исправиться». Приемлемой и проходимой на Съезде кандидатуры у демократов не было, и только курьезом стало предложение выдвинуть ленинградского депутата Илью Константинова, которого

на собрании поддержали 15 человек, а на самом Съезде — 20. Поэтому одни участники собрания предлагали все-таки остановить выбор на Хасбулатове, другие выдвигали абсолютно нереализуемое предложение упразднить пост Председателя ВС, а третьи (к которым принадлежал и я) считали, что надо повторить маневр, который принес успех демократам на I СНД: начать Съезд не с выборов председателя, а с обсуждения содержательных вопросов — тогда, может быть, и выплывет еще какой-то вариант...⁶⁰ В общем, позиция противников Хасбулатова была заведомо провальной. На этот раз в первом же туре голосования он был избран 559 голосами (на 30 голосов больше необходимого минимума). Его единственным заметным конкурентом снова был Бабурин, за которого проголосовали 274 депутата⁶¹. Гибкий тактик, Хасбулатов тут же провел избрание своих заместителей, представлявших все цвета политического спектра. Он получил выход через Сергея Филатова на демократов, через Юрия Воронина — на коммунистов, через Юрия Ярова — на региональные элиты, через Владимира Шумейко — на директорский корпус.

Очень многое предрешило избрание Хасбулатова. Но не следует связывать, как это нередко делали, трагический разворот дальнейших событий с его демонической ролью. Беда в том, что политика в России и сам ее парламентаризм обретали все более персоналистский характер. Политические образования складывались, распадались и переформировывались не на базе идей, программ, партийных структур, а вокруг амбициозных личностей, тем или иным способом занявших лидерские позиции. Значительный вклад в такое развитие событий внес Ельцин. Время для самоорганизации демократов было упущено именно в те месяцы, когда еще не спала волна демократического подъема. Выступая на V СНД, Ельцин снова подтвердил свою «надпартийную» позицию, заявив, что собирается «строить свои отношения с политическими партиями России на принципах диалога и партнерства»⁶². А демократы опять согласились с ролью эшелона поддержки президента, безоговорочно одоблив все его инициати-

вы. Но согласившись быть «партией Ельцина», они становились соучастниками не только его побед и прорывов, но и неудач и далеко не бесспорных импровизаций, которых со временем набиралось все больше. В своих лидерах нуждался и противостоявший демократам политический конгломерат. Его консолидацией вскоре и займется Хасбулатов.

Говоря о V СНД, нельзя пройти мимо еще одного примечательного обстоятельства. И президент, и депутаты — безотносительно к их политическим ориентациям — вели себя так, как будто не существовало проблемы ни Союзного договора, работа над которым возобновилась было в Ново-Огарево, ни вообще сохранения Союза. Выступая на Съезде, Ельцин сказал, что межреспубликанским органам следует отвести лишь консультативно-координирующую роль, а если надежды на заключение политического договора с союзными республиками не осуществляются, то Россия возьмет на себя роль правопреемницы СССР, что «нет возможности увязывать сроки реформ с достижением всеобъемлющих межреспубликанских соглашений»⁶³. Это практически не вызвало никаких откликов на Съезде — ни положительных, ни отрицательных. Таким образом, не узкая группа лидеров, а весь российский парламент (и в его лице вся политическая элита России) конституционно, политически и морально прокладывали путь к Беловежью.

Задумаемся еще раз над вопросом: допустил ли Ельцин серьезную ошибку, не настояв на перевыборах парламента по горячим следам августовских событий? Можно предположить, что избранный в октябре—ноябре парламент (раньше это, вероятно, было технически невозможно) обеспечил бы политическую базу для проведения болезненных реформ на несколько более продолжительное время, хотя и за это поручиться нельзя. Сомнительно, чтобы выборы, проведенные в атмосфере преувеличенных ожиданий и разгула популизма в незрелом, мятущемся обществе, дали принципиально иной по составу и ориентации высший представительный орган. Тем более что не были еще обновлены ни

Конституция, ни избирательный закон. Куда и как избирать, было неясно, и совсем не обязательно, что в суматохе были бы приняты оптимальные для тех условий решения. Съезд народных депутатов, избранный в 1990 г., более или менее адекватно отражал состояние общества, которое изменялось не так быстро, как того хотели реформаторы, а после начала шоковых реформ — и не в том направлении. Другого парламента общество реформаторам предложить не могло.

Я слишком долго наблюдал этот Съезд изнутри, чтобы его идеализировать или хотя бы переоценивать его позитивный потенциал, преуменьшать роль постепенно складывавшегося на нем большинства в нагнетании страстей и обострении конфликта. Но не следует и демонизировать Съезд. Действительная ошибка Ельцина, на мой взгляд, заключалась в том, что он очень быстро начал утрачивать желание и умение работать с тем человеческим материалом, который дала ему наша история. Соотносить замыслы преобразований, способы проведения реформ с готовностью Съезда (и общества) их принять. Настойчиво формировать лояльное большинство и договариваться с ним, а не пытаться ломать нараставшее сопротивление «через колено».

ЗНАК БЕДЫ

Перед тем как разойтись, V СНД принял короткое постановление, объявлявшее проведенные в Чечне 27 октября выборы президента и высшего органа государственной власти незаконными, а принятые ими акты — не подлежащими исполнению⁶⁴. К этому времени, однако, ситуация в Чечне была уже сильно запущена.

Чеченские элиты энергично включились в «парад суверенитетов», открывшийся еще в 1990-м. Как и в других автономиях, в ноябре 1990 г. Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики под председательством Доку Завгаева (до сентября — также и первого секретаря Чечено-Ингушского ОК КПСС) принял Декларацию о суверенитете, которая закрепляла за республикой ат-

рибуты независимого государства. Как и в других автономиях, в том же ноябре здесь возникло общественное формирование — Чеченский национальный съезд (позже переименованный в Общенациональный конгресс чеченского народа — ОКЧН), который первоначально занял сравнительно умеренные позиции и был активно поддержан Завгаевым. Вскоре, однако, события вырвались из-под контроля. Сначала раскол произошел в ОКЧН: представителей реформаторских хозяйственных кругов и носителей общедемократических взглядов вытеснили из руководства организации национал-радикалы.

Подлинным их лидером стал приглашенный из Тарту генерал-чеченец Джохар Дудаев, которому первоначально отводилась роль генерала «свадебного». Устроители съезда едва ли отдавали себе отчет в том, что по их воле роль лидера была подарена человеку фанатичного склада, волевому и не лишеному способностей, но амбициозному, самоуверенному и неуравновешенному, страдавшему подавленной манией величия и не ведающему каких-либо нравственных ограничителей. Между тем Дудаев идеально вписался в ситуацию, когда на глазах рушилось то, что вчера еще казалось незыблемым, и достижимым — то, о чем нельзя было и помыслить. На Дудаева и его харизму в Чечне работал его прежний «общесоюзный» статус, а сам он стал протагонистом этнонационализма в самом радикальном выражении⁶⁵.

Новые лидеры ОКЧН бросили вызов официальным властям Чечено-Ингушетии. Между ними развернулось соперничество: кто более привержен идеям независимости. ВС ЧИР решил, что республика не станет участвовать в референдуме о сохранении СССР. II съезд ОКЧН пошел дальше: постановил, что республика не входит ни в СССР, ни в РСФСР, а единственным законным органом власти в ней является исполком организации во главе с Дудаевым. Уверенность в достижимости своих целей лидеры ОКЧН черпали как в «антиимперской» риторике российских демократов, так и в том (это было более существенно), что государ-

ственные руководители России увидели в «национально-освободительном движении» своего союзника против «партократа» Завгаева, ориентированного на Кремль. В уличных приемах борьбы, к которым все активнее стали призывать лидеры националистов, они усмотрели аналог московских демонстраций, сыгравших столь заметную роль в противостоянии реакционерам. То, что мобилизация чеченского общества в борьбе за независимость происходила на базе средневековых тейповых структур, закрытых для всех нечеченцев (а они составляли почти половину населения республики⁶⁶), что в некоторых тейпах стали создаваться военизированные формирования, не сидевшие без дела, и теневые банки, что на этой основе широко распространялась новая криминализация чеченского общества, — все это не попадало в поле зрения российских политиков, решавших свои задачи.

Резкий перелом в развитии событий наступил в августовские дни 1991-го. Если ранее структуры зарождавшейся власти находились в эмбриональном состоянии, наращивая давление на официальное руководство республики, то теперь они открыто заявили свои претензии на власть. Шаг за шагом эти структуры при попустительстве или даже поддержке российских лидеров добились такой «реорганизации» конституционных государственных институтов, которая стала прелюдией к утверждению новой власти. В последней декаде августа — начале сентября отряды боевиков, формировавшиеся под именем национальной гвардии и действовавшие на фоне непрерывного митинга⁶⁷, сначала блокировали, а затем стали захватывать республиканское радио и телевидение и административные здания, включая КГБ с находившимся там оружием. 6 сентября был де-факто разогнан Верховный Совет ЧИР (не обошлось без избений депутатов и убийства одного из них), после чего Завгаев сложил полномочия.

В сентябре—октябре власть продолжала переходить из рук законных государственных институтов к мятежной организации, нагнетавшей атмосферу морального и физического террора. Ее поддержка населением не была безусловной и всеобщей. По-ви-

димому, в то время решительные действия российских властей, если бы они решились опереться на подчинявшиеся им в Грозном силовые структуры, могли бы изменить ход событий⁶⁸. В Грозный зачастили высокопоставленные московские делегации, уже начавшие осознавать, что в Чечне происходит что-то неладное. Но никто не представлял, что следует делать в стремительно уходящей из-под контроля ситуации. Еще в течение нескольких недель Москва пыталась найти какие-то промежуточные решения: согласившись с самороспуском (фактически разгоном) Верховного Совета, договаривались о создании государственных структур, обладавших видимостью легитимности, и возлагали надежды на выборы, которые были отнесены на ноябрь.

По-видимому, только в начале октября в Москве осознали, что события развиваются по чужому сценарию. И тогда стала разматываться убийственная цепочка: каждый последующий шаг Москвы способствовал не разрешению, а углублению кризиса, не ослаблению, а усилению позиций атакующих сепаратистов. Положением в Чечне вплотную занялись, наконец, Верховный Совет, вице-президент и президент России. Тон постановлений и обращений становился все более резким, подчас угрожающим и ультимативным. Но не подкрепленные какими-либо действиями декларации Москвы, с одной стороны, торпедировали возможность компромисса, если таковая еще сохранялась, а с другой — помогали Дудаеву и его сторонникам проводить политическую мобилизацию, возбуждать чеченцев против «провокационной акции международного масштаба, заранее подготовленной в темных замыслах российского правительства против чеченского народа». В преддверии выборов президента и парламента Чечни, назначенных ОКЧН на 27 октября, ВС РСФСР издал еще одно постановление, объявлявшее эти выборы незаконными и поручавшее «подготовить и осуществить комплекс мероприятий, направленных на обеспечение проведения выборов», ранее созданному Хасбулатовым по согласованию с Дудаевым органу (который к этому времени распался), народным депутатам РСФСР и СССР от

ЧИР (которые предпочитали оставаться в Москве) и общественным движениям (единственным дееспособным из них к этому времени был ОКЧН).

Выборы, проведенные 27 октября, завершили государственный переворот, означавший, в частности, отделение Чечни не только от России, но и от ингушских районов республики. По сообщению Центризбиркома Чечни, созданного ОКЧН, в выборах приняли участие 72% избирателей, а за Дудаева проголосовали 90% пришедших на выборы. Однако независимых наблюдателей на выборах не было. Данные, поступившие в думскую комиссию по расследованию причин и обстоятельств чеченских событий, членом которой я был в 1994—1995 гг., были иными. В выборах, которые финансировались из источников, неизвестных номинально еще существовавшему правительству ЧИР, приняли участие от 12 до 15% избирателей, а сами выборы были проведены на 70 участках из 360. Русскоязычное население в выборах не участвовало⁶⁹.

В сложившейся ситуации у российских властей, небезосновательно опасавшихся, что отделение Чечни продолжит цепную реакцию распада Союза уже на территории России, теоретически были разные варианты поведения, в частности:

- опираясь на обломки прежних государственных структур ЧИР и силы, враждебные Дудаеву, попытаться все же провести ранее назначенные на 17 ноября другие выборы и противопоставить их результаты дудаевскому перевороту;
- не признавая совершившийся переворот де-юре, перейти к «осаде» незаконного режима, дозированно используя внешние и внутренние рычаги воздействия на ситуацию;
- действуя быстро и решительно, изолировать актив государственного переворота и сломить не укоренившуюся еще власть Дудаева.

Из всех возможных вариантов поведения был избран наименее эффективный и заведомо проигранный: сочетание грозных слов с беспорядочными действиями. По данным думской комиссии, пер-

форм примерно до 27%, но в последующие месяцы оно стало сокращаться и к ноябрю составило около 20%⁵⁰. Однако и тогда, когда общественный климат для проведения реформ был еще наиболее благоприятным, преобладало негативное отношение к их основным, неотъемлемым составляющим. Осенью 1992 г. положительно относились к освобождению цен лишь 15% опрошенных, отрицательно — 71% (в том числе категорически против высказались 50%). Доля тех, кто осуждал освобождение цен, превалировала (как правило, очень существенно) над теми, кто отнесся к нему положительно, во всех социальных группах, кроме предпринимателей. В декабре 1992 г. за установление государственных цен на большинство товаров, кем бы они ни производились, высказывались 45% респондентов, на основные товары — еще 30%, и лишь 10% выступали против вмешательства государства в ценообразование. Не готово было общественное мнение принять и широкомасштабную приватизацию. Если против передачи в частную собственность небольших участков земли в 1992 г. высказались 6,2% респондентов, небольших предприятий и кафе, магазинов — 22,2%, то против приватизации крупных земельных участков выступали около 45% (за — 33,3%), больших заводов и фабрик — 51% (за — 27%). Настороженно относилось общественное мнение и к привлечению иностранного капитала: 45% опрошенных полагали, что это приведет к вывозу природных богатств и еще большему упадку экономики страны⁵¹.

Из всего этого следует вывод, что общество в целом не было надлежащим образом подготовлено к проведению кардинальных экономических реформ, не осознавало их неотложность, не предвидело их неизбежные издержки. Правда, «запас прочности», социальное терпение, позволявшее проводить непопулярные меры, были еще относительно велики. Настроения катастрофизма охватили значительную часть населения, но число тех, кто, отвечая на анкету, утверждал: «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», после начального шока стало с конца 1992 г. сокращаться, а тех, кто отрицательно оценивал положение собственной

Чрезвычайная сессия ВС РСФСР была созвана 10 ноября и продолжалась два дня. Из беспорядочного изложения Руцким канвы событий непреложно вытекало, что Дудаев и его сторонники переиграли российских политиков и овладеть положением в Чечне не удалось. Отвечая на вопросы, вице-президент признал: «Сил и средств, чтобы действительно молниеносно выполнить указ президента, просто нет у нас в республике». Это, однако, не помешало ему пообещать, что если депутаты указ утвердят, он будет выполнен⁷⁰. Поскольку Руцкой на трибуне ВС выглядел совершенно беспомощно, депутаты предложили пригласить на заседание Ельцина, но у президента, естественно, не было ни малейшего желания объясняться по поводу явного провала, первого с тех пор, как он занял свой пост. В те дни, свидетельствует С. Филатов, президент был «почти недоступен» — он вообще обладал «прямо-таки фантастической способностью вдруг куда-то исчезать в самые критические и напряженные моменты»⁷¹. По настроению зала с самого начала стало ясно, что ВС указ о введении чрезвычайного положения не утвердит, открытым оставался лишь вопрос, в какой форме это будет сделано.

Кроме вице-президента, за утверждение указа на сессии высказались только готовившие его Хасбулатов, Шахрай, Степанков да еще два-три депутата. Подавляющее большинство выступавших говорили, что указ утверждать нельзя. Однако представления депутатов о происходящем в Чечне, их мотивации и представления о том, что там надо делать дальше, были различны. Одна позиция сводилась к тому, что действия «группы Дудаева» оправдывать нельзя, но поскольку овладеть положением не удалось и в сложившейся ситуации попытки решить дело силой бесперспективны, с Дудаевым, как бы отрицательно мы к нему ни относились, придется вести политические переговоры. Выступая на сессии ВС, я говорил:

«Здесь уже прозвучала мысль, что сегодня мы, может быть, стоим перед одним из самых ответственных решений, которое предстоит принять и которое во многом предопределил

судьбу всей нашей Российской Федерации. <...> Действия, предпринятые группой Дудаева, бесспорно, и неконституционные, и опасные. Здесь спора нет и быть не может. Причем эти действия опасны и неконституционны и с точки зрения развития событий в Чечено-Ингушетии, и с точки зрения возможной цепной реакции. Мы видели, что произошло на наших глазах с бывшим Союзом республик. Никто из нас в этом зале, думаю, не хочет, чтобы то же самое приключилось с Россией. Тезис, который настойчиво здесь повторял Александр Владимирович [Рущкой], а именно “Закон должен торжествовать”, — тезис, на мой взгляд, бесспорный. Вопрос ставится, однако, в несколько другой плоскости. Вопрос не в том, обоснован ли принятый указ юридически, а как его реализовать, можно ли реализовать данный указ, а если можно, то какими путями? <...>

К сожалению, действия, которые были предприняты, несут следы импровизации. Я не подвергаю сомнению ни мотивы, ни намерения тех, кто готовил указ. Однако опытный шахматист просчитывает на несколько ходов вперед. Надо отдавать себе отчет — при любом ходе событий быстро решить вопрос не удастся. Вновь возникает вопрос: что делать в той ситуации, которая складывается к вечеру сегодняшнего дня? Мне бы хотелось подчеркнуть следующее обстоятельство. Возникла ситуация, из которой нет хорошего выхода. Есть выходы плохие и очень плохие. Надо из них выбрать наименее болезненные. <...> Я бы предложил пойти по пути политических переговоров. С кем вести эти переговоры? Уважаемые товарищи, я достаточно долго занимался странами третьего мира, так называемыми антиколониальными движениями. Они не все были благостны и хороши, как их представляла наша печать. Но рано или поздно приходилось идти на переговоры с этими силами. Я не поддерживаю генерала Дудаева, я призываю считаться с реальностью. Уйти от признания этого режима в той части, в какой надо вести переговоры с теми, кто реально контролирует положение, нам скорее всего не удастся»⁷².

Но многие депутаты, главным образом от автономий, отвергали «попытки диктата» в принципе. Они оценивали реакцию на указ в Чечне как «монолитное единство против вмешательства», уверяли, что «сейчас в Чечено-Ингушетии нет ни одного солдата, ни одного милиционера, которые были бы не верны Дудаеву» (чего, по-видимому, тогда не было), призывали «правительство, которое пришло к власти в результате демократических преобразований», не «размахивать имперской дубинкой»⁷³. Некоторые, продолжая прежние споры, объясняли «взрыв в Чечне» тем, что российский парламент будто бы так и не понял: «не могут быть приравнены республики по политическим правам к областям, — по крайней мере республики Северного Кавказа, потому что наши народы не добровольно вошли в царскую Россию». Не затруднились и в поисках виновника: им был «назначен» проект Конституции, который «готовится Румянцевым и этой группой» и против которого «народ консолидировался»⁷⁴. Прозвучал и голос демократа, который усмотрел в указе «оскорбление», нанесенное чеченскому народу, и предложил принять обращение, «где должны быть и элементы извинения»⁷⁵.

Первый проект постановления, авторы которого попытались уйти от отмены указа и записали ряд положений, предусматривавших ограниченные меры чрезвычайного характера (усиленная охрана объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, а также систем связи и дорог; установление особого режима въезда в республику, исключающего ввоз оружия), поддержки в ВС не нашел⁷⁶. На следующий день депутатам предложили новый вариант, который в итоге коллективного редактирования и был принят. Постановление отклоняло указ президента о введении чрезвычайного положения и выражало убеждение, что урегулирование кризиса следует продолжить «не путем применения чрезвычайных мер, а политическими средствами»⁷⁷. Правда, по настоянию Шахрая был добавлен пункт об особом режиме въезда в республику и выезда из нее, исключающем доставку оружия⁷⁸, но это не меняло всеобщего ощущения оглуши-

тельного провала первой попытки российской власти восстановить в Чечне конституционный порядок. Уже на следующий день пресс-секретарь Ельцина сделал заявление, что президент согласен с отклонением его указа⁷⁹.

Чрезвычайное положение, которое исполнительная власть так беспомощно попыталась ввести в Чечне и так легко и беспечно сдала в Верховном Совете, было отменено подавляющим большинством: против проголосовали лишь 4 депутата. Вся эта политическая импровизация (как потом окажется, не первая и не последняя в длинном ряду просчетов и ошибок) была отброшена как частная инициатива Руцкого и Хасбулатова. Сегодня решение ВС, принятое в каком-то эмоциональном угаре, не кажется мне столь же бесспорным, как в те дни, когда мы за него голосовали. Восприятие происшедшего было упрощенным: казалось, утвердить ЧП — значит санкционировать неумеренное применение силы (которой еще и в наличии-то не было) и спровоцировать большую кровь. Эта перспектива справедливо отталкивала. Но ни исполнительная власть, ни парламентарии не знали, что делать дальше, не поняли, что перед ними — развилка, два пути.

Надо было либо быстро разработать и применить гибкую систему разнообразных мер воздействия, включающих и правовое, и силовое давление на незаконный режим, который торжествовал победу, как Давид над Голиафом, и набирал подаренные ему очки, показать, что на отступлении российской власти, санкционированном парламентом, дело не кончается. Либо пойти на широкий и впечатляющий политический маневр: немедленно начать переговоры, лучше всего на уровне российского и чеченского президентов, уяснить, что можно «выжать» из таких переговоров и быть готовыми к нетривиальным решениям, ослабляющим остроту конфликта. В любом случае важно было показать чеченцам понимание их вчерашних обид и сегодняшних проблем, собственную готовность брать в расчет и эти проблемы, и ранимый менталитет народа. Просто отменить чрезвычайное положение,

не сделав ни того, ни другого, означало предоставить вещи их собственному ходу. Это была худшая политика.

Конечно, никто не мог предвидеть, какая черная дыра развернется вскоре на Северном Кавказе. Другие дела занимали тогда внимание российских политиков: в те дни все происшедшее в Чечне казалось лишь досадным эпизодом. Не было осознано, что особенно теперь, после скандального провала так и не приведенной в действие угрозы, каждый день будет работать на укрепление власти, захватным путем взятой национал-экстремистами в Чечне. И президент, и парламент России занялись своими делами, не заметив, не оценив должным образом знак беды.

КОНЕЦ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Хотя прогрессирующее ослабление власти союзного центра на протяжении всего 1991 г. было очевидно, крушение государства, которое во многом определяло ход мировых процессов в XX веке, для многих стало неожиданным. Неизбежен ли был — вслед за крушением ригидной экономической системы, не выдержавшей испытания научно-технической революцией, и политического режима, тщетно спорившего с веком, — распад государства, прираставшего землями в течение веков? Вопрос этот остается открытым. Он слишком насыщен политически и окрашен эмоционально, чтобы строгий научный анализ вступил в свои права. В дискуссиях заметно выделяются крайние точки зрения. Одна из них: свершилось неизбежное, продиктованное объективными процессами. Российско-советская империя была подвержена тем же объективным закономерностям, что и империи других колониальных держав. Коммунистический режим лишь несколько затормозил деколонизацию, время которой по мировым часам наступило в середине XX века. Другая: распад СССР — порождение то ли просчетов, то ли своекорыстных расчетов политиков, вознесенных к власти волнами перестройки, демократизации и т. п., захлестнувшими не подготовленную к тому страну, результат не жестко детерминирован-

ных, а вероятностных процессов. Какому из этих подходов отдать предпочтение? А может быть, надо поискать еще один, отличный от каждого из них?

На деле Россия, а за нею СССР не были классическими империями наподобие западных держав, обладавшими заморскими территориями. Со схемой Ленина, поместившего Россию в один ряд с иными колониальными державами, согласиться трудно⁸⁰. В советский период нерусские республики к центральной России призывала не только однотипная система государственного управления, вносящая свой вклад в унификацию условий жизни на всей территории страны, но и мощные миграционные потоки, порождавшие этническое смешение населения, далеко зашедшее территориальное разделение труда, культурные взаимовлияния, восходившие к дореволюционному времени, включение в политический класс видных представителей национальных элит и т. п. Конечно, болезненные последствия перестройки вывели на поверхность задавленные прежде центробежные силы. В каждой республике объявились идеологи, утверждавшие, что централизованное перераспределение ресурсов осуществляется в пользу иных республик (хотя если от него кто-то и выигрывал, то это были вненациональный военно-промышленный комплекс и союзная бюрократия)⁸¹. Соотношение между центробежными и центростремительными силами на различных территориях складывалось по-разному. Не позднее 1989-го стало очевидно, что республики Прибалтики, культурно тяготевшие к Западной Европе, не забывшие ни 20 лет независимости, ни годы сталинского террора и единодушно воспринимавшие режим, введенный в 1940 г. и восстановленный в 1944—1945 гг., как оккупационный, удержать в составе СССР можно было только грубой силой. Попытки сформировать в этих республиках «пятую колонну» и поддержать ее силовым вмешательством из Центра дали осечку. Здесь союзное руководство столкнулось с общенациональным порывом к независимости и, поколебавшись, начало отступление. Правда, с опозданием. Движение за отделение резко усилилось в Грузии и Армении —

как реакция на насилие, учиненное там союзными властями в 1988—1989 гг., хотя пророссийские настроения в их обществах были исторически укоренены.

Сохранится или распадется Союз, во многом зависело от позиции Украины. Здесь действовали сильные склонения в ту и в другую сторону. На одной стороне были традиции украинского национального движения, настойчиво реанимируемая память о допереславском периоде истории, когда гетманская Украина претендовала на самостоятельность, хотя и занимала намного меньшую территорию, о гонениях на украинский язык и культуру, предпринимавшихся царскими и советскими властями. Застрельщиками движения к «самостийности» были западные области, присоединенные к СССР в 1939 г. На другой же стороне — исторические и культурные связи двух родственных народов, почти 12 млн русских в 52-миллионном населении Украины, преимущественно в Киеве, индустриальных и культурных центрах востока и юга, миллионы украинцев в России, проблема Крыма и т. п. Решающее значение, однако, имел проведенный 1 декабря на Украине референдум, на котором свыше 90% избирателей высказались за независимость. Именно украинская делегация в Беловежье, по свидетельству Сергея Шахрая, занимала самую непримиримую позицию по отношению к Союзу⁸².

Что же касается большинства остальных республик, то в них движущим мотором сецессии, заработавшим сравнительно поздно, стали почти исключительно национальные политические элиты. «Национальное одобрение» своего курса они выстраивали по известным советским образцам. В силу всего этого развитие событий могло пойти по-разному, и сохранение союзного государства в конфедеративной форме (хотя, конечно, не на всей территории СССР), на мой взгляд, не было заведомо исключено. Даже после путча, хотя он, как уже говорилось, существенно ослабил такую возможность.

В сложном и неустойчивом балансе факторов *pro et contra* решающую роль приобретала политическая воля. Но воля к со-

хранению Союза быстро убывала у подавляющего большинства политиков — не только у руководителей республик, но и у депутатов. Хорошо помню, как в осенние месяцы 1991-го у депутатов российского парламента нарастало отторжение всех атрибутов и структур номинально еще сохранявшегося союзного государства, как усиливалось неприятие Горбачева — единственного из ведущих политиков, кто до конца отстаивал сохранение Союза. Тем не менее ново-огаревский процесс доработки Союзного договора в октябре—ноябре возобновился.

Участники этого процесса вели себя по-разному. Прошло несколько драматических заседаний Государственного совета⁸³, на которых эти различия отчетливо проявились. Многое тогда бросалось в глаза. Вызывающее поведение Ельцина, настойчиво демонстрировавшего свою равнозначность или даже превосходство над Президентом СССР. Мучительная раздвоенность Горбачева, не желавшего разрыва и пытавшегося усовестить своих контрагентов, чтобы довести дело до подписания договора. Подчас он взрывался в ответ на отказ от уже согласованных формул, на нещадное унижение авторитета и достоинства номинально еще первого лица государства. Демонстративная обособленность Кравчука. Выжидательная позиция других республиканских руководителей (за исключением разве что Назарбаева). Они осторожничали, расчетливо прикидывали, чья возьмет, чтобы не оказаться между российским молотом и союзной наковальней. Все это подробно описано участниками переговоров и позднейшими исследователями.

Вплоть до 25 ноября, когда состоялось последнее заседание Госсовета, Ельцин, владевший контрольным пакетом политических акций, жестко отстаивает тонкости формулировок: «не Союз — не конфедеративное демократическое государство, а конфедерация демократических суверенных государств». Он упрямо отказывается окончательно связать себя текстом вроде бы согласованного проекта, даже парафировать его, ссылаясь то на еще не определившуюся позицию Украины («парафирование без Украи-

ны — это бесполезное дело»), то на решения, которые еще предстоит принять республиканским Верховным Советам⁸⁴. Да и присутствовали на последней встрече представители лишь семи республик. Поэтому в конечном счете был согласован не текст договора, а факт его направления в союзный и республиканский парламенты. Предполагалось, правда, что обсуждение договора там будет недолгим, и он будет готов к подписанию до конца года, предположительно к 20 декабря⁸⁵. Ирония заключалась в том, что проект договора был подписан и разослан в республиканские парламенты от имени только Президента СССР, хотя именно он пошел на самые большие уступки при составлении документа. Так еще раз была подчеркнута «позиция слабости» главы союзного государства, власть которого после Августа стала почти номинальной. Один лишь Горбачев видел в возобновлении работы над Союзным договором «главный приоритет», отлично понимая при этом, что вынужден сдавать позиции: «...Мы уже тогда отступали от того, что понималось под обновленным Союзом, за что голосовали на референдуме»⁸⁶. Но во имя сохранения «единой страны, единого Отечества» он готов был идти — и пошел — довольно далеко. Интересно в этой связи сопоставить текст, подготовленный к подписанию в августе, с ноябрьским проектом. Структура договора была в основном сохранена, но в него внесли основательные изменения⁸⁷.

Во-первых, из договора было изъято все, что могло бы указывать на сохранение связи с прежним Союзом. Аббревиатуру «СССР» заменили на «ССГ» (Союз Суверенных Государств). Удалили ссылку на итоги всесоюзного референдума в марте 1991 г., где большинство высказалось за сохранение Союза.

Во-вторых, ССГ был определен как конфедеративное, а не федеративное государство, и удалены все упоминания о Конституции Союза. Конституционной основой ССГ объявлялся лишь данный договор и Декларация прав и свобод. Это означало, что основа государства — исключительно договорная. Была снята целиком статья, определявшая сферу исключительного ведения

Союза. Сохранено лишь упоминание о «вооруженных силах с централизованным управлением», но тут же указывалось, что цели, назначение и порядок использования этих сил, компетенция государств-участников в сфере обороны регулируются особым соглашением. Кроме того, государства-участники получали право создавать собственные вооруженные силы.

В-третьих, существенным образом была переосмыслена сфера совместного ведения Союза и республик. Место развернутого описания содержания государственной деятельности в этой сфере занял краткий перечень направлений, на которые распространяется совместная компетенция. Вместо органов власти, осуществляющих совместные полномочия, — многосторонние договоры и соглашения, реализуемые самими республиками. Снято также упоминание о согласительных процедурах при возникновении споров о совместной компетенции.

В-четвертых, хотя в договоре и упоминалось «единое экономическое пространство», все реальные атрибуты такового, обстоятельно описанные в августовском проекте, теперь были либо удалены, либо поставлены в зависимость от заключения соответствующих соглашений между участниками Союза. Это коснулось единого общесоюзного рынка, союзного бюджета, создания и использования золотого запаса, международных займов, имущества, находящегося в собственности Союза, и т. д.

В-пятых, острым скальпелем авторы прошлись по государственным органам Союза. Президент Союза остался лишь главой государства, освобожденным от исполнительно-распорядительных функций. Вице-президент — лишен (в свете августовского опыта) права замещать президента в случае его отсутствия и невозможности осуществления им своих обязанностей. Пост Председателя ВС был вообще упразднен, а порядок формирования палат Верховного Совета приведен в соответствие с нормами закона, принятого V СНД СССР. Вслед за исчезновением союзной Конституции был, естественно, удален и Конституционный суд, а вместо специальной статьи, посвященной порядку образо-

вания и деятельности прокуратуры, осталось лишь упоминание о ней «при Верховном суде».

В-шестых, союзные республики вернули себе «право первородства», сняв упоминание о государствах, которые могут быть учредителями Союза, входя в него не только непосредственно, но и «в составе других государств». Это было единственное изменение, которое ограничивало претензии автономий, укрепляло, а не ослабляло каркас нового образования.

В-седьмых, из договора исчезло упоминание о возможности изменения границ даже по согласованию между его участниками.

Таким образом, даже если бы республиканские парламенты и не занялись «доводкой» договора, еще более ослабляя связующие Союз скрепы, из ново-огаревского компромисса могло вырасти лишь довольно рыхлое образование. Проект учреждал не государственную конструкцию, хотя бы и с далеко идущей самостоятельностью составляющих ее частей. Он скорее представлял декларацию о намерениях заключить серию конкретных договоров и соглашений без каких-либо гарантий, что это будет достигнуто в обозримые сроки. Не были предусмотрены и механизмы, обеспечивающие действенность гипотетических договоренностей: можно было ожидать, что реализация даже принятых решений, не опираясь на полновластные органы управления, будет утоплена в бесконечных согласованиях. Иными словами, будто бы согласованный проект мог только закрепить тот раздел власти и собственности, который явочным порядком осуществляли республики, одна за другой принимая после путча декларации о независимости, придать этому процессу квазизаконную основу. В лучшем случае он мог бы открыть лишь новую фазу изнурительного переговорного процесса. Но судьбе — а точнее, основным акторам завершающего процесса — вольно было распорядиться иначе.

Беловежские соглашения принято интерпретировать как срыв ново-огаревского процесса. Отказ от дальнейшей работы над Союзным договором, действительно, производил впечатле-

ние шока — не меньшего, чем уже объявленная в России либерализация цен. Между тем и то, и другое было закономерным продолжением ранее разворачивавшихся процессов, в том числе ослабления конструкций проектировавшегося Союза. Точки, обозначающие переломные эпизоды бурного 1991-го (вариант Союзного договора, намеченного к подписанию 20 августа, — путч — конституционный закон, принятый на V СНД СССР, — декларации о независимости, провозглашенные практически всеми республиками в августе—октябре, — позиция по отношению к Союзу, объявленная на V СНД РСФСР и без возражения принятая, — вконец обкорнанный ноябрьский проект договора), образуют однонаправленную линию, а Беловежские решения (как и последовавшая за ними Алма-Атинская декларация) вписываются в логику деструктивного процесса и завершают его.

Объявленное 8 декабря Беловежское заявление глав государств Белоруссии, России и Украины начиналось с констатации: «переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик». Точнее было бы сказать, что они дали выброс — Соглашение о создании СНГ, в котором нетрудно было заметить прямое развитие идей, обкатывавшихся в Ново-Огареве, и даже некоторые положения последнего варианта проекта. Конечно, «беловежские зубры» пошли дальше. В своем документе они заменили понятие «Союз» на «Содружество», а «суверенные государства» — на «независимые» (хотя в политическом контексте эти понятия синонимичны). Беловежские переговорщики сохранили «сферу совместной деятельности», обозначив в ней примерно те же направления, о которых договаривались в Ново-Огареве, подтвердили «неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества» и внесли успокоительную, хотя и мудреную формулировку «сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство». В текст соглашения была включена даже формулировка из вопроса мартовского референдума о гарантиях прав граждан «независимо от их национальности», причем гарантии эти обещано было распро-

странить не только на собственных граждан, но и на «граждан других стран» и лиц без гражданства⁸⁸.

Беловежские документы отличались от последнего варианта Союзного договора главным образом в двух отношениях. Во-первых, все обязательства, взятые на себя участниками, были еще более декларативны (хотя и договор, как было сказано, представлял скорее декларацию о намерениях, нежели обязывающий юридический акт) и еще более завязаны на соглашения, которые только предстояло заключить. Во-вторых, вместо союзных органов, предусмотренных договором (президент, Верховный и Государственный советы, правительство), фигурировали «координирующие органы Содружества» — неясно, какие и с какими полномочиями⁸⁹.

Это и было самым главным. Беловежские решения не то чтобы разрушали действительно управлявший государством союзный Центр. Его взорвали путчисты. Бессилие Горбачева и подчинявшихся ему структур стало очевидным и демонстрировалось на публику, подчас довольно беспардонно, с первых дней его возвращения из Крыма. Деятельность КПСС, составлявшей остов всех государственных структур, была запрещена сначала на территории РСФСР, а затем прекращена и в других республиках. В большинстве из них в авангарде разрушительных процессов шли прежние коммунистические элиты и бывшие партийные лидеры, становившиеся президентами (некоторые из них сохранились до наших дней).

«Парад суверенитетов» 1990-го, как бы к нему ни относиться, остался позади. Теперь, после путча, одна за другой союзные республики порывали с СССР. До путча о своем одностороннем выходе из СССР (т. е. без оглядки на закон СССР о порядке выхода из Союза и соблюдения предусмотренных им процедур) заявили три республики — Литва, Латвия и Грузия, в последнюю декаду августа — еще пять, в сентябре — три, в октябре — две. К декабрю 1991 г. только Россия и Казахстан еще не приняли аналогичных решений. В большинстве случаев выход республик

из Союза от ухода в небытие республиканской организации КПСС отделял короткий промежуток времени: ведь в системе «партия — государство» вертикаль партийных органов выполняла системообразующую роль. Все это наглядно демонстрирует табл. 5.

Таблица 5. Этапы распада КПСС и СССР

Союзная республика	Дата прекращения деятельности республиканских комитетов КПСС	Дата принятия решения о независимости (выходе из СССР)
Азербайджан	14 сентября 1991 г.	18 октября 1991 г.
Армения	7 сентября 1991 г.	21 сентября 1991 г.
Белоруссия	25 августа 1991 г.	27 июля 1990 г. (19 сентября 1991 г.)
Грузия	26 августа 1991 г.	9 апреля 1991 г.
Казахстан	7 сентября 1991 г.	16 декабря 1991 г.
Киргизия	31 августа 1991 г.	31 августа 1991 г.
Латвия	10 сентября 1991 г.	18 ноября 1990 г.
Литва	23 августа 1991 г.	11 марта 1990 г.
Молдавия	24 августа 1991 г.	27 августа 1991 г.
Россия	6 ноября 1991 г.	12 декабря 1991 г.
Таджикистан	2 октября 1991 г.	9 сентября 1991 г.
Туркмения	26 августа 1991 г.	27 октября 1991 г.
Узбекистан	14 сентября 1991 г.	31 августа 1991 г.
Украина	30 августа 1991 г.	24 августа 1991 г.
Эстония	22 августа 1991 г.	20 августа 1991 г.

Источник

Шахрай С. Мифы и факты распада Союза ССР. — Рукопись. — Архив автора.

«Весьма показательно, — комментирует эти данные Шахрай, — что в 13 из 15 союзных республик именно эти даты (с августа по ноябрь, то есть до подписания Соглашения об образовании СНГ) официально считаются днями образования независимой государственности, с чем их не менее регулярно поздравляет руководство России и других стран». Была ликвидирована формально еще существовавшая государственная конструкция, которая не играла существенной роли в политической жизни последних месяцев 1991-го и пределы власти которой были жестко стиснуты в проекте договора, но которая могла бы быть наполнена вполне реальным содержанием, если бы события через некоторое время приобрели иной оборот. Почему к разрушению союзной государственной надстройки склонились, хотя и не без некоторых колебаний, республиканские элиты, в большинстве своем формировавшиеся еще при прежнем режиме, очевидно. Вопрос заключается в том, почему такой выбор сделал Ельцин.

«Я хорошо помню: там, в Беловежской пушке, вдруг пришло ощущение какой-то свободы, легкости», — писал он позднее⁹⁰. Можно поверить, что эмоциональное состояние Бориса Николаевича, принявшего, наконец, решение, которое зрело у него с 1990 г.⁹¹, было именно таким. Значительно менее достоверны объяснения, которые он приводил и по свежим следам события, и по прошествии времени. Сводились они к следующему. Первое: сохранение союзного Центра опасно, так как он со дня на день может спровоцировать новый путч. Второе: союзные структуры — нахлебники, перераспределяющие ресурсы, которые безвозвратно теряет Россия. Третье: бессмысленно воссоздавать Союз, в котором не будет Украины⁹². На деле, конечно, Центр, деморализованный и потерявший после Августа рычаги управления, никакой серьезной угрозы ни в 1991 г., ни в обозримой перспективе не представлял. Никакого изъятия ресурсов из России союзные структуры и ведомства по собственному усмотрению производить уже не могли: одни из них были разгромлены, а другие взяты на короткий поводок полнейшей финансовой зависимости от россий-

ских властей. Что же касается Украины, чье руководство действительно держало палец на спусковом крючке, то Россия вовсе не была обречена идти в фарватере ее выбора: на вероятный выход Украины из Союза могли быть разные варианты ответа.

Положение России не было безальтернативным. Она могла вместе с Украиной инициировать ликвидацию того, что осталось от Союза, со всеми вытекающими из этого последствиями и заняться собственным внутренним обустройством. Но она могла также включиться в борьбу за демократизацию союзных государственных структур, за их переход под контроль российской власти и ее союзников в республиках. Конечно, на каждом из этих путей были свои возможности и свои капканы. По-видимому, к окончательному выбору пути Ельцина подвигло то, о чем он никогда не говорил. Это были и инерция борьбы с союзной властью, от которой не просто было освободиться, и ужасающая картина усиливавшегося с каждым днем развала во всесоюзном масштабе, и отсутствие в его руках надежных механизмов и кадров для проведения столь масштабных преобразований, и понимание того, насколько трудно будет совладать с прямым сопротивлением или саботажем тех сил в республиках, которые по его примеру и при его поощрении развернули борьбу за суверенитет. «У Ельцина, — писал Гавриил Попов, — был реальный вариант стать лидером СССР и вести реформы в этой роли. Однако он предпочел власть в России власти в конгломерате “Россия — Союз ССР”»⁹³.

Иную версию выдвигает Андрей Грачев: в отличие от других республиканских вождей у Ельцина основные счёты «...были не с Центром как таковым. А с Горбачевым и носили прежде всего личный, а не политический характер». По мере того как позиции Горбачева восстанавливались, «выдвинутый Августом на передний план Ельцин должен был либо вернуться в шеренгу остальных глав республик, признав лидерство Горбачева, либо бросить ему вызов». Уяснив, что Горбачев переигрывает его «в буднях повседневной политики», Ельцин повел дело к срыву

ново-огаревского процесса и лишь выжидал подходящий момент, когда это можно будет сделать политически наиболее выигрышно. Такую возможность дал ему референдум на Украине, проведенный 1 декабря⁹⁴. В тех или иных вариациях эта версия всплывает довольно часто.

Конечно, личные отношения союзного и российского президентов наложили свой отпечаток на ход событий. Ельцин не принадлежал к числу людей, способных забывать или прощать обиды, и Горбачев в роли главы союзного Центра был для него совершенно неприемлем. Но в развернувшейся осенью 1991 г. дуэли двух президентов проигрывал не Ельцин, а Горбачев, вынужденный сдавать одну позицию за другой и в Ново-Огареве, и в отношениях Центра с республиканскими властями, методично переводившими под свой контроль собственность, финансовые потоки и рычаги управления. Серьезных ресурсов для сопротивления у Горбачева не было: уровень доверия населения страны к Президенту СССР был таков, что его избрание на всенародных выборах, если бы таковые состоялись, было довольно проблематичным, а прибегнуть к силе для сохранения власти он не хотел и не мог⁹⁵. Поэтому более вероятно, что в ноябре Ельцин потому и отстаивал самую рыхлую редакцию Союзного договора (хотя, конечно, имел и держал в тайне вариант выхода из него), что еще не принял окончательного решения, а украинский референдум стал последней гиришкой, упавшей на весы.

Сразу после того, как наспех, только что не на колене изготовленные, а потому не свободные от множества юридических огрехов⁹⁶ беловежские документы были подписаны, надо было решать три задачи. Во-первых, получить международное признание своей акции — по сути, ликвидации государства, с которым мировое сообщество привыкло иметь дело. Участники переворота начали заниматься этим, едва успев поставить свои подписи под документами⁹⁷. Во-вторых, повести за собой остальные республики СССР, увидевшие вдруг, что их отпустили «на волю», заманчивую, но полную превратностей. Ключевой фигурой

здесь был Назарбаев, не раз выступавший в Ново-Огареве с позиций, близких Горбачеву. Умный и прагматичный политик, хотя и уязвленный тем, что в Беловежье его пригласили, когда там уже все решили, быстро оценил ситуацию и присоединился к победителям. Также и другие республики сочли за благо юридически зафиксировать свершившийся факт. 21 декабря в Алма-Ате состоялась конференция 11 теперь уже независимых государств. Декларация и другие принятые на ней документы воспроизводили основные положения беловежского заявления, подтверждали, что СССР прекратил свое существование, фиксировали образование СНГ в расширенном составе, учреждали Советы глав государств и глав правительств в качестве координирующих органов, устанавливали, что все ядерное оружие будет перемещено на территорию РСФСР, к которой также переходило постоянное членство в Совете Безопасности ООН⁹⁸.

Чтобы завершить начатое, требовалось еще одно — одобрение российского парламента. Союзный парламент, кастрированный еще в сентябре, можно было сбросить со счета. Вероятно, особых сомнений и в том, как поведет себя Верховный Совет РСФСР, у российских руководителей не было. Но поворот выглядел так круто, что обществу надлежало продемонстрировать не вымученное голосование относительного большинства, а решительную и безоговорочную поддержку. С этой целью с депутатами проводилась предварительная работа. В числе других активистов демократических фракций на следующий день после подписания соглашения я был приглашен на «товарищеский ужин» с Бурбулисом, Козыревым и Шахраем. Нам в подробностях и лицах воспроизвели весь ход «прорыва под Брестом». Несколько раз подчеркнули, что ратификация должна быть убедительной: «только в такой форме можно спасти Союз; если Верховный Совет выскажет сомнение, мы возбудим всех»⁹⁹.

Между тем возглавлявшийся Сергеем Алексеевым Комитет конституционного надзора СССР — один из немногих реликтов союзной государственности — заявил 11 декабря: «...Содержа-

щаяся в Соглашении констатация того, что “Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование”, может рассматриваться лишь в качестве политической оценки ситуации, не имеющей юридической силы»¹⁰⁰. Придать юридическую и, что было не менее важно, моральную силу подписанным документам надлежало Верховным Советам республик.

12 декабря на сессии ВС с заглавным сообщением выступил Ельцин, пояснения давали Козырев, Шахрай, Гайдар. Выступавшие подчеркивали, что связи между республиками не порываются, а наоборот, с устранением злобной союзной надстройки становятся более тесными и надежными. Значительное внимание было уделено отдельному документу, подписанному главами правительств (от России — Бурбулисом), в котором были перечислены согласованные направления действий в экономической области: радикальные реформы, рубль как база взаимных расчетов, межбанковское соглашение, ограничение денежной эмиссии, либерализация цен и многое другое¹⁰¹. Все это выглядело на первый взгляд очень привлекательно.

Неприятных вопросов избежать, правда, не удалось. Некоторых депутатов заинтересовало, как соотносятся вынесенные на ратификацию документы с еще действующими Конституциями СССР и РСФСР, не требуется ли предварительно созвать внеочередной Съезд и внести изменения в Конституцию, насколько три республики правомочны отменять Союзный договор 1922 г. и т. д. Шахрай и Собчак разъяснили, что принятые решения вполне конституционны, что никаких серьезных проблем для ВС они не создают, а если последующее развитие событий того потребует, Съезд можно будет созвать и изменения в Конституцию внести. Что же до договора 1922 г., объяснил Шахрай, то он «никогда не был подписан, не был заключен» и его денонсация предложена лишь «для юридической чистоты». Депутатов встревожили оговорки об открытости существующих между участниками соглашения границ и о создании собственных вооружен-

ных сил, сделанные Верховным Советом Украины. Но им разъяснили, что это не поправки в текст соглашения, а заявки для будущих переговоров. Было выражено недоумение, почему нельзя одновременно ратифицировать и Беловежское соглашение, и Союзный договор (и таким образом решить вопрос о присоединении Украины), но идея эта развития не получила. Ставился вопрос о полномочиях координирующих органов, но решение было отложено «на потом».

В целом, однако, спектакль в ВС, синхронно транслировавшийся по телевидению, оправдал надежды его постановщиков. Немногочисленные сомнения и предостережения потонули в одобрительном хоре. Решение своевременное и мудрое, говорило большинство выступавших. Слава богу, что кончилась эпоха Горбачева, что «бесславно закончился ново-огаревский процесс». Теперь-то Россия получит дополнительные преимущества для проведения экономических реформ; соглашение — «первый шаг на пути построения содружества снизу»; на очереди — отзыв депутатов от России из ВС СССР. Были суждения и попроще: раз Центр, «который многие из нас поддерживали, видя в нем знак Отечества, предал нас всех вместе с Отечеством... нечего здесь искать правдами и неправдами какие-то раз и навсегда гарантированные правовые механизмы». Надо заканчивать прения, призвал один из депутатов под аплодисменты: «Все давно понимают, что президент сделал лучший шаг в своей жизни». Волна восторженного одобрения подхватила и большинство из тех, кто изначально мог бы резервировать свою позицию. Обсуждение закончилось апофеозом. На табло высветились результаты голосования: 188 за, 6 против, 7 воздержались. Раздались бурные продолжительные аплодисменты, все встали. Через несколько минут 161 голосом при 3 против и 9 воздержавшихся был денонсирован и Союзный договор 1922 г., о выходе из которого Украина заявила еще до беловежской встречи. «Бывают такие моменты, — подвел итог Ельцин, — когда решения, действительно, принимаются под аплодисменты и стоя. Эти решения — исторические!»¹⁰².

Решения были действительно историческими: столь же значимых, имевших такие далеко идущие последствия российский парламент дотоле принял не много. В Беловежье решение было принято в стиле, вполне отвечавшем характеру Ельцина: по велению его политической интуиции, быстро и бесповоротно. Без досконального анализа последствий, которым некогда и незачем было заниматься и ему самому, и приехавшей с ним команде политиков. Выше я написал, что развитие шло в этом направлении уже длительное время. Но именно в Беловежье была пройдена черта. Этого не понял, не оценил перехода всей ситуации в совершенно иное качество ВС России. В каком-то коллективном умопомрачении депутаты всех политических ориентаций устремились за президентом. Демократы, с обостренной подозрительностью следившие за «закулисными махинациями» в Ново-Огареве и всего более страшившиеся, как бы там Ельцин негласно не уступил чего-либо лишнего Горбачеву, непостижимым образом не заметили, что Беловежское соглашение было подготовлено, заключено и обрушено на страну не прошедшим никакой общественной экспертизы способом. Такова была тогда магия установки на безусловную поддержку российского лидера. Поступили так, как действовать парламенту противопоказано: не прислушались к собственным сомнениям, не подвергли представленные на их рассмотрение документы придирчивому изучению (хотя недоговоренности и неясности в них были видны невооруженным глазом) и подчинились темпу, заданному извне¹⁰³. Различные варианты Союзного договора прорабатывались несколько месяцев. Чтобы принять решение о Беловежском соглашении, подвести черту под многовековым существованием государства, не выставив при этом никаких условий, Верховному Совету потребовалось четыре часа...

Опьяненные иллюзией, будто ликвидация союзного Центра переведет связи между республиками на более здоровую и не менее прочную основу, депутаты не отдавали себе отчета в том, что развал большой страны сразу же ускорится и приобретет, во вся-

ком случае, в обозримой исторической перспективе, необратимый характер. Но то, что наше поведение было несамостоятельным, а сама ратификация — вторичной акцией, не только не снимает с депутатов ответственность, но и не делает ее принципиально иной, чем у тех, кто принимал решение в охотничьем домике Беловежского заповедника.

Горбачев недаром говорит, что самые жестокие разочарования вызвала у него позиция Верховных Советов республик. Именно она лишила его права принять жесткие решения по отмене Беловежских соглашений, коль скоро он мог и хотел действовать исключительно политическими средствами¹⁰⁴. Ликование, с которым Верховные Советы вотировали освобождение от последних, во многом к тому времени уже номинальных атрибутов союзной государственности, наложило глубокий отпечаток на будущее парламентаризма в постсоветском пространстве.

• • •

«Между августом и декабрем 1991 г. все институты, воплощавшие бескомпромиссный антизападный, антидемократический, антирыночный образ мышления, как казалось, рухнули вместе с конструктом “советский народ”», — пишут П. Реддевей и Д. Глинский, авторы одного из наиболее глубоких зарубежных исследований последнего периода нашей истории. Перечислив эти институты (КПСС, КГБ и другие силовые министерства, штаб-квартиру Российского союза писателей, который служил «интеллектуальным инкубатором новой русской правой»), ученые привлекают внимание к тому, что на первый взгляд может показаться парадоксом. «Все действительные и потенциальные институционализированные рычаги антидемократической власти, казалось, были необратимо уничтожены. Однако, как вскоре стало очевидно, восстановление такой власти было запрограммировано самой природой и духом августовского режима, сформировавшегося в новой, постсоветской России»¹⁰⁵.

Соглашаясь во многом с этими исследователями, следует отметить ряд немаловажных моментов. Опыт России не уникален. В истории разных стран после того, как проносились куда более могучие революционные смерчи, раньше или позже, в большем или меньшем объеме восстанавливались существенные черты прежних порядков. Так было в Англии после Кромвеля, во Франции — после Конвента и даже в России — после великой и страшной революции, пообещавшей навсегда и везде покончить со «всемирным насилием». Существует исторический код, который сохраняется не только в институтах, но и в устойчивых стереотипах общественного сознания, социальных отношений, в характере народа. Меняется он медленно, в долгих процессах эволюции. А революции, вопреки устоявшимся представлениям, чаще закрепляют, чем ломают его.

Тем не менее революции случаются, когда прежний правящий класс оказывается абсолютно невосприимчив к веяниям времени, и выполняют свою работу. Также — и позитивную. Это вполне можно отнести к Августу 1991 г. в России. Все-таки самая жесткая короста, много десятилетий сковывавшая российское общество, была взломана, самые ретроградные институты — оплот «антизападного, антидемократического и антирыночного мышления» — уничтожены, отодвинуты или модифицированы таким образом, что не могли совсем заглушить импульсы современного развития.

Что действительно было у российских демократов в первые послеавгустовские дни и недели, — так это преувеличенные ожидания. Но по мере того, как все явственнее обозначалось движение новорожденных политических институтов по нисходящей, эйфория довольно быстро проходила. Глядя на то время с некоторого уже удаления, надо признать, что демократы, какими мы были тогда, не имели ни малейших шансов прийти к власти и принципиально изменить вектор развития. У них (у нас) не было ни организации, которая могла бы заместить отлаженные структуры партии-государства, ни прочных, хоть как-то институционализированных связей с многомиллионными массами на-

рода, ни поднаторевших в делах управления кадров, ни ясного понимания, что следует делать в условиях обвала прежней власти. Не было и способности адекватно реагировать на неожиданно возникавшие осложнения (речь идет именно о понимании сути перемен и быстроте реакций на них, а не о программе, каковой в подобных ситуациях быть не может). Наконец, последнее по счету, но не по значению — не было вовсе не излишних в политике нравственных норм и запретов.

Думать надо было не о власти, не о жатве плодов, а о самоопределении в сложившейся ситуации. Оценивая ее, Гавриил Попов позднее писал: «Я уверен, что в принципе изменить ход событий не удалось бы. Власть должна была перейти к аппаратчикам-реформаторам. Но удалось бы в рамках исторически неизбежного процесса создать больше условий для демократических вариантов реформ, если бы вместо журавля в небе думать о синице в руках»¹⁰⁶. В общем виде против этого трудно что-либо возразить. Открытым, однако, остается вопрос об отношениях с Ельциным и бюрократией ельцинского призыва, коль скоро «роман с президентом» — Президентом СССР не состоялся главным образом из-за его, Горбачева, непоследовательности и колебаний. «Снова в оппозиции» — так сформулировал Попов в 1994 г. демократическую позицию, и против этого тоже возражать не приходится. Но следовало ли встать в оппозицию в 1991—1993 гг.? Политическое развитие в стране такой возможности демократам не оставило — и здесь я не могу согласиться с моим другом и коллегой Питером Реддевеем.

Во-первых, потому, что сотрудничество с Ельциным открывало пусть небольшие, но позитивные возможности влияния на ход событий. Как эти возможности были использованы, удалось ли подержать «синицу в руке» — иной вопрос. Во-вторых — и это главное — силы, против которых вели борьбу демократы до Августа, не были разгромлены. Очень быстро они провели перегруппировку, освежили пропагандистско-идеологическое оформление, нашли новых лидеров (в том числе и среди вчерашних де-

мократов). Они стали вербовать сторонников из той социальной среды, которая сформировалась под влиянием преобладавшего морально-психологического климата в годы большевистского режима, обрели союзников и перешли в контрнаступление. Эту мобилизацию подпитывали, конечно, ошибки, просчеты и злоупотребления новой власти. Но главную опасность в те два с лишним года представляла не рекрутированная Ельциным бюрократия, только начавшая жадно осваивать открывшиеся перед ней новые возможности, а силы реванша. Политическая жизнь, к несчастью, оказалась столь резко поляризованной, что для «третьей силы» места не осталось. Вопрос: «С кем вы?» встал во весь рост уже через несколько месяцев после Августа. И демократические политики не могли, подобно некоторым российским интеллигентам в начале 1920-х годов, сказать: «Мы не с красными и не с белыми, мы с пустынным Серапионом». Ситуацию тех лет уподоблять дню сегодняшнему могут лишь люди, не ведающие или позабывшие, как жила страна при большевистской власти. Хотя многое в нынешнем политическом режиме восходит к началу 1990-х годов, а список просчетов пришедших тогда в политику демократов велик, нельзя отвлекаться от главного — историческая «точка невозврата» еще не была пройдена.

О событиях, которые вскоре стали навязывать российским демократам очень жесткий выбор — выбор, в котором не было хорошего варианта, пойдет речь в следующих главах. Завершает же рассказ о 1991 г. небольшой сюжет, который лежит несколько в стороне от основного русла повествования. Однако в свете изменений, происходивших уже в послеельцинское время, он может представить самостоятельный интерес.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья была набрана в «Известиях» 22 октября 1991 г., но, как это не раз случалось, не опубликована.

² Уже 26 августа П. Воцанов заявил, что проблема границ между республиками может оставаться неурегулированной лишь «при наличии закреплённых соответствующим договором союзнических отношений». В случае же их прекращения Россия «оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ» (Рос. газ. — 1991. — 27 авг.). Это был пробный шар, запущенный едва ли без ведома президента. На Украине и в Казахстане он был расценен как провокация. В то же время он подтолкнул раскол в «Демократической России», когда часть ее депутатов стала добиваться возвращения Крыма.

³ Я встречал там Виктора Зоркальцева, Ивана Савченко и некоторых других, кто по-иному оценил события, чем лидеры их партии.

⁴ Провокация, раскрученная Полозковым в связи с попытками правительства РСФСР заполучить иностранную валюту в обмен на танки или «деревянные» рубли.

⁵ Предложение Ельцина на первой половине V СНД РСФСР (в июле 1991 г.) избрать руководителей ВС в пакете: Хасбулатова — председателем, Бабурина — первым заместителем.

⁶ *Собянин А., Юрьев Д., Скоринов Ю.* Выдержит ли Россия еще одни выборы в 1991 году? — Аналитическая записка. — Архив автора.

⁷ Из выступления на «круглом столе» (см.: Россия. — 1991. — 30 окт. — 15 нояб.).

⁸ Интервью А. Мешкову (см.: Демократ. газ. — 1992. — 3 февр.).

⁹ ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 1 совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей. — 1991. — 26 авг. — С. 30.

¹⁰ Там же. — С. 4.

¹¹ ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 8. — 1991. — 28 авг. — С. 4—14.

¹² ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 9. — 1991. — 29 авг. — С. 9.

¹³ ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 7. — 1991. — 28 авг. — С. 19—20. Довольно скоро А. Лукьянов изменил свой взгляд на события: «Все дело в том, что такого «заговора» просто не было»; «со всей определенностью нужно назвать оппортунистическую, отступническую позицию Горбачева (*Лукьянов А.* Переворот мнимый и настоящий. — М., 1993. — С. 23, 83).

¹⁴ ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 1. — 1991. 26 авг. — С. 32; Бюллетень № 5. — 1991. 27 авг. — С. 27; Бюллетень № 8. — 1991. — 28 авг. — С. 29.

¹⁵ ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 8. — 1991. — 28 авг. — С. 38.

¹⁶ ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 1. — 1991. — 26 авг. — С. 34—37.

¹⁷ Там же. — С. 38—41.

¹⁸ Там же. — С. 42—43.

¹⁹ ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 2. — 1991. — 26 авг. — С. 4—7.

²⁰ «Отныне на Украине действуют исключительно Конституция и законы Украины», — заявил Ю. Щербак. Он предложил на ближайшем Съезде аннулировать президентскую форму правления, распустить Кабинет министров, ВС и сам Съезд и заняться созданием Евроазиатского экономического сообщества и военно-политической организации типа НАТО (Там же. — С. 12—13).

²¹ Центр «полностью изжил себя», — сказал Л. Тер-Петросян. — Центр мертв, Центр покончил жизнь самоубийством. И сейчас реанимировать этого мертвеца — значит воссоздать опасность той катастрофы, которая случилась» (Там же. — С. 11).

²² «Никаких роспусков государственной власти союзного уровня сегодня допускать нельзя», — настаивал А. Собчак. — Иное дело — обновление этих органов, ликвидация «элементов той системы, которая всех нас душила», отмена закона о дополнительных полномочиях президента, которым пытался воспользоваться ГКЧП, и т. д. (Там же. — С. 24—27).

²³ У нас должны быть «сильные, крепкие, демократичные» союзный президент и парламент, «не должно быть вакуума союзной власти», иначе «завтра люмпен-пролетариат и голодный народ сметет всех нас: и Горбачева, и Ельцина, и украинских руководителей», — призывал Д. Худоназаров (ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 4. — 1991. — 27 авг. — С. 36).

²⁴ ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 5. — 1991. — 27 авг. — С. 25.

²⁵ ВС СССР. Внеочередная сессия: Бюллетень № 9. — 1991. — 29 авг. — С. 4—6.

²⁶ Из выступления ленинградского депутата А. Щелканова. В том же ключе высказался Рой Медведев: «Как-то странно видеть из зала и со стороны, как сидящие в президиуме представители исполнительной власти не отчитываются перед Съездом, ...а отчитывают и наставляют законодателей» (Внеочередной V Съезд народных депутатов СССР: Бюллетень № 3. — 1991. — 2 сент. — С. 22, 12).

²⁷ Одиннадцатым был представитель Грузии, который участвовал в работе, но заявления не подписал.

²⁸ Тексты указанных документов см.: Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1991—1992. — М., 1993. — Кн. 2. — С. 51—58.

²⁹ Требование признать независимость республик и нерушимость их границ было едва ли не главным мотивом в выступлениях руководителей Украины, Белоруссии, Азербайджана, Киргизии и многих депутатов.

³⁰ Тем самым был торпедирован принцип равенства избирателей (Внеочередной V Съезд народных депутатов СССР: Бюллетень № 2. — 1991. — 2 сент. — С. 7).

³¹ Там же.

³² Постановление было принято 1699 голосами при 24 против и 49 воздержавшихся, закон — 1682 голосами при 43 против и 63 воздержавшихся (Внеочередной V Съезд народных депутатов СССР: Бюллетень № 6. — 1991. — 5 сент. — С. 7, 12).

³³ Там же. — С. 11.

³⁴ Внеочередной V Съезд народных депутатов СССР: Бюллетень № 2. — 1991. — 2 сент. — С. 12—13.

³⁵ Внеочередной V Съезд народных депутатов СССР: Бюллетень № 5. — 1991. — 4 сент. — С. 10, 13.

³⁶ Выступление Г. М. Петрук-Попика // Внеочередной V Съезд народных депутатов СССР: Бюллетень № 3. — 1991. — 3 сент. — С. 26.

³⁷ ВС России истолковал принятые решения так, что ему дано исключительное право формировать российскую квоту в ВС Союза, в том числе, заполняя вакансии российскими депутатами. Среди моих коллег началось соперничество за дополнительный, вчера еще формально более высокий статус. Я говорил некоторым из них, что это пустые хлопоты.

³⁸ Строго говоря, это была вторая половина V Съезда, первая часть которого прошла 10—17 июля в совершенно другой, доавгустовской политической ситуации.

³⁹ *Ельцин Б.* Записки президента. М., 1994. — С. 165—166.

⁴⁰ За эту поправку был подан 541 голос, 308 депутатов высказались против, 47 воздержались. В ней и на этот раз усматривали «нарушение прав автономий». Для изменения Конституции был необходим 701 голос (Пятый [внеочередной] СНД РСФСР: Стенографический отчет. — Т. 2. — М., 1992. — С. 343).

⁴¹ От Москвы в ВС вошли Б. Золотухин, О. Румянцев и В. Шейнис, от Ленинграда — В. Варов, от Свердловской области — С. Иванов и т. д. (Пятый [внеочередной] СНД РСФСР. — Т. 3. — М., 1992. — С. 275—279).

⁴² Там же. — С. 8—11.

⁴³ «Давайте хотя бы вот в такой усеченной форме постараемся поставить на голосование», — сказал Хасбулатов (Пятый [внеочередной] СНД РСФСР. — Т. 2. — С. 35, 37, 46—48, 121—122, 231—235, 456).

⁴⁴ Там же. — Т. 3. — С. 145, 152.

⁴⁵ Там же. — С. 155.

⁴⁶ В данном проекте их предполагалось объединить в два-три десятка земель (вскоре от этого замысла КК откажется), а «автономы» настаивали, что равноположенной каждому из их образований может быть лишь Русская республика, в которую войдут все края и области.

⁴⁷ Там же. — С. 173—174.

⁴⁸ Там же. — С. 162—163.

⁴⁹ Там же. — С. 180. Вскоре после V съезда Хасбулатов не преминул выставить собственные заслуги в разработке новой Конституции. С нескрываемой

ревностью он возразил корреспонденту, назвавшему проект, как тогда повелось, «румянцеvским» — «Его уже можно назвать и хасбулатовским. Потому что почти на три четверти я переделывал его сам» (Независимая газ. — 1991. — 27 нояб.). Мягко говоря, это было очень сильное преувеличение.

⁵⁰ Пятый (внеочередной) СНД РСФСР. — Т. 2. — С. 4—29. Основные тезисы речи подготовила команда Гайдара, с которым президент уже договорился о вхождении в правительство (*Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 109), но на том, как она была написана и произнесена, лежал отпечаток высокого мастерства спичрайтеров Ельцина и его личного стиля лучших времен — энергичного, жесткого, покоряющего откровенностью, уверенностью и силой.

⁵¹ *Гайдар Е.* Указ. соч. — С. 105.

⁵² Во всяком случае, уже в середине 1992 г. он иначе оценивал время, потребное для получения социальной отдачи от реформ. Улучшения жизни, сказал он корреспондентам, «в этом году ожидать пока рано» (Лит. газ. — 1992. — 27 июля).

⁵³ Пятый (внеочередной) СНД РСФСР. — Т. 2. — С. 396, 366—367, 300—301.

⁵⁴ Там же. — Т. 3. — С. 40—41, 263—264. За постановление проголосовали 876 депутатов, против — 16, 17 воздержались.

⁵⁵ Там же. — С. 263—267.

⁵⁶ Там же. — Т. 2. — С. 303.

⁵⁷ Там же. — С. 384—385.

⁵⁸ Там же. — С. 20.

⁵⁹ «У Хасбулатова, как политического деятеля, было два безусловно сильных качества, — напишет позже о Хасбулатове, когда тот уже вполне освоился в председательском кресле, Гайдар. — Это прекрасное понимание аппаратной интриги и умение манипулировать людьми. Я с чувством, близким к восхищению, следил за тем, как, жестко распределяя блага, чередуя кнут и пряник, играя на слабостях депутатов, на их мелких интересах, он день за днем укреплял свой контроль над Верховным Советом... Мне кажется, что Хасбулатов внутренне ощущал суть сталинской технологии власти, может быть, осознанно или неосознанно, пытался смоделировать и использовать ее» (*Гайдар Е.* Указ. соч. — С. 171—172).

⁶⁰ Запись на собрании депутатов блока «ДемРоссия» 27 октября 1991 г. — Архив автора.

⁶¹ Пятый (внеочередной) СНД РСФСР. — Т. 2. — С. 115. Хасбулатов решительно отказался выступить в тандеме с Бабуриным. На вопрос, готов ли он в случае избрания предложить Бабурина на пост своего первого заместителя, Хасбулатов под аплодисменты части зала решительно ответил: «Нет, не готов!» (Там же. — С. 92). Думаю, что это добавило ему какое-то число голосов колеблющихся демократов.

⁶² Там же. — С. 24.

⁶³ Там же. — С. 7, 28.

⁶⁴ Там же. — Т. 3. — С. 286.

⁶⁵ Взаимоотношения «героя» и выдвинувшей его среды («Джохар: Миф о герое и дьяволе») обстоятельно проанализированы в исследовании В. Тишкова (Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. — М., 2001). «Дудаев в Чечне никогда не жил, чеченский язык знал неважно, историю края и своего народа выучил из случайных текстов, а верующим мусульманином он вообще никогда не был. — пишет Тишков. — Зато в Чечено-Ингушетии каждый новый “свой” генерал... отслеживался внимательно. Они пополняли копилку “национальной гордости” в “дружной семье” советских народов» (С. 252).

⁶⁶ Согласно переписи 1989 г. нечеченское население ЧИ АССР составляло свыше 42%, а если не считать ингушей — около 30% (подсчитано по: Численность, возрастной и национальный состав населения РСФСР. — М., 1990. — С. 20, 185, 190).

⁶⁷ «Многие участники митинга на площади шейха Мансура, — рассказывает В. Тишков. — ежедневно получали по 100 рублей (по тому времени достаточно значимая сумма), специально забивался скот, и на площадях постоянно варились мясо» (Тишков В. Указ. соч. — С. 210).

⁶⁸ Оценка В. Тишкова, опирающегося на материалы комиссии Совета безопасности России, еще более категорична: «Москва сыграла решающую роль в свержении старой власти и в приходе к власти национал-радикальных элементов» (Тишков В. Указ. соч. — С. 212).

⁶⁹ Материалы специальной комиссии ГД ФС РФ. 1994—1995. Были заслушаны десятки свидетелей и собраны ценные документы. Однако комиссия не смогла выработать единого доклада. Наряду с текстом, подписанным председателем комиссии С. Говорухиным и рядом ее членов, депутатам раздали документ «Политические аспекты отношений федеральных органов власти Российской Федерации с Чеченской республикой в 1990—1995 годах», подготовленный В. Шейнисом и экспертом комиссии В. Коганом-Ясным. Материал подписали также члены комиссии Б. Золотухин (от «Выбора России») и Ю. Воевода (от «Новой региональной политики»). — Архив автора.

⁷⁰ Четвертая сессия ВС РСФСР. Совместное (внеочередное) заседание Совета Республики и Совета Национальностей: Бюллетень № 1. — 1991. — 10 нояб. — С. 9—10.

⁷¹ Филатов С. Совершенно не секретно: Кулуары российской власти. — М., 2000. — С. 80.

⁷² Из выступления на IV сессии ВС РСФСР (Четвертая сессия... Бюллетень № 1. — 1991. — 10 нояб. — С. 13—14).

⁷³ Там же. — С. 17, 20, 26.

⁷⁴ Там же: Бюллетень № 2. — 1991. — 11 нояб. — С. 7, 5.

⁷⁵ Там же: Бюллетень № 1. — 1991 — 10 нояб. — С. 26.

⁷⁶ Там же. — С. 24—26.

⁷⁷ Там же: Бюллетень № 2. — 1991. — 11 нояб — С. 29.

⁷⁸ Там же. — С. 12.

⁷⁹ *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 137.

⁸⁰ К российским колониям он отнес всю азиатскую часть страны, включая Сибирь и Дальний Восток (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 377; Т. 28. — С. 270, 275, 276, 278, 280—281).

⁸¹ Впервые я столкнулся с агрессивной риторикой об «ограблении» России в пользу союзных республик во время избирательной кампании 1990 г. Национал-патриоты оперировали данными о десятках миллиардов рублей, якобы ежегодно уходящих на дотации республикам. Аналогичные обвинения — уже по адресу России — я не раз слышал потом во время поездок в республики.

⁸² Известия. — 2002. — 9 дек.

⁸³ Госсовет создали вместо Совета безопасности в качестве временного высшего органа управления СССР — до подписания нового Союзного договора. В состав этого органа вошли президенты (первые лица) СССР и союзных республик.

⁸⁴ Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 164—167.

⁸⁵ *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 138. Раскрывая то ли свои задние мысли, то ли придуманное задним числом, Ельцин замечает: «...уж если не подписали главы республик, то с какой стати такой проект поддержат Верховные Советы?» (Там же. — С. 149). Горбачев, напротив, был уверен, что договор был бы ратифицирован, если бы им занялись республиканские парламенты. (*Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 2. — С. 595).

⁸⁶ *Горбачев М.* Жизнь и реформы. — М., 1995. — Кн. 2. — С. 584, 601.

⁸⁷ Проект Договора о Союзе Суверенных Государств, направленный М. Горбачевым в Верховный Совет РСФСР 25 ноября 1991 г. — Архив автора.

⁸⁸ Число бывших советских республик, согласившихся впоследствии войти в состав Содружества (Алма-Атинскую декларацию подписали 11 государств), было даже больше присутствовавших на заключительном этапе в Ново-Огареве.

⁸⁹ Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР, Украины. Соглашение о создании Содружества независимых государств // Россия сегодня... — Кн. 2. — М., 1993. — С. 60—61. Если беловежские переговорщики действительно верили в то, что можно сохранить «государство без какого-либо политического центра», как говорил Кравчук (*Пихоя Р.* Советский Союз: История власти. 1945—1991. — М., 1998. — С. 706), то это не делает чести ни их исторической образованности, ни политической проницательности.

⁹⁰ *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 151.

⁹¹ Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 164.

⁹² *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 151, 153; Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР: Бюллетень № 21 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей. — 1991. — 12 дек. — С. 2, 3.

⁹³ *Общая газ.* — 2001. — 15—21 марта.

⁹⁴ *Грачев А.* Горбачев. — М., 2001. — С. 404—406.

⁹⁵ Отвечая на вопрос П. Лобкова, почему он не применил силу для защиты Союза в декабре 1991 г., Горбачев сказал: «Я был сторонником демократических методов и не мог сойти с этого пути. И к тому же не на кого было опереться: Шапошников (министр обороны СССР. — *В. Ш.*) уже сговорился с той стороной (Телепередача «СССР. Последние дни». — НТВ, 24 декабря 2001 г., 19:55). В несколько иной тональности зондаж, предпринятый Горбачевым в ноябре, описал сам Шапошников:

« — Вы, военные, берете власть в свои руки, “сажаете” удобное вам правительство, стабилизируете обстановку и потом уходите в сторону.

— И потом прямо в “Матросскую тишину”, можно с песней, — вставил я. — ведь в августе нечто подобное уже было!

— Что ты, Женя. — сказал Горбачев, — я тебе ничего не предлагаю, я просто излагаю варианты, рассуждаю вслух» (*Шапошников Е. И.* Выбор. — М., 1995. — С. 137—138). Вряд ли, однако, за «рассуждениями вслух» стояли какие-то серьезные намерения. В декабре, между Беловежем и конференцией в Алматы, Горбачев дал пространное интервью В. Третьякову, в котором заявил: «Политик, который встанет на путь использования вооруженных сил для достижения своих политических целей... должен быть проклят... Та политика, которая рассчитывает пустить в ход танки, не достигнет своей цели. Это тупик» (*Независимая газ.* — 1991. — 14 дек.).

⁹⁶ Вот один из них. В ст. 11 Соглашения поторопились записать, что «на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР». Если бы это положение попытались реализовать, немедленно возник бы зияющий правовой вакуум, ибо важнейшие вопросы социальной жизни, в том числе многие права и свободы граждан, регулировались тогда союзным законодательством.

⁹⁷ Общество оказалось настолько равнодушным к судьбе Горбачева и союзного Центра, что не разделило его понятного негодования: «То, что вы сделали за моей спиной, согласовав с президентом Соединенных Штатов, — это позор, стыдобища!», — сказал он Ельцину, узнав, что Бушу о принятых решениях сообщили раньше, чем президенту СССР (*Горбачев М.* Указ. соч. — Кн. 2. — С. 599).

⁹⁸ Алма-Атинская декларация и другие документы СНГ. 21 декабря 1991 г. — Россия сегодня... — Кн. 2. — С. 61—63; архив автора.

⁹⁹ Запись встречи группы депутатов с Г. Бурбулисом, А. Козыревым и С. Шахраем 9.12.1991 г. в Белом доме. — Архив автора.

¹⁰⁰ Заявление Комитета конституционного надзора СССР. 11 декабря 1991 г. — Архив автора.

¹⁰¹ Заявление правительств Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины о координации экономической политики. 8 декабря 1991 г. — Архив автора.

¹⁰² Верховный Совет РСФСР. IV сессия: Бюллетень № 21. — 1991. — 12 дек. — С. 2—27.

¹⁰³ Я тоже принял участие в этом безумии. Правда, я отказался поддержать денонсацию Союзного договора 1922 г. и высказал ряд соображений, которые и сейчас кажутся мне вескими: об оговорках ВС Украины, о необходимости сохранить открытые границы и общее командование стратегическими вооруженными силами, о форсированном создании координирующих экономических структур. Но, немного поколебавшись, проголосовал за ратификацию Соглашения, полагая, что только на этом рубеже и можно было остановить дальнейший распад (Верховный Совет РСФСР. IV сессия: Бюллетень № 21. — 1991. — 12 дек. — С. 13—14).

¹⁰⁴ До последнего момента, уже после Беловежских соглашений, Горбачев надеялся, что Верховные Советы республик с ними не согласятся. Только он, вероятно, принимал эти парламенты всерьез (Правда. — 1995. — 16 авг.; Новая жизнь. — 2002. — 12 окт.).

¹⁰⁵ *Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms.* — Washington, D. C., 2001. — P. 225.

¹⁰⁶ *Попов Г.* Снова в оппозиции. — С. 269.

глава II

Поездка в город Чехов. Потаенные архивы

Товарищ, верь! Пройдет она.
Эпоха безоглядной гласности.
И в Комитете безопасности
Запомнят наши имена.
Пародия времен ранней перестройки

По жизни мне редко приходилось жалеть о сделанном. Гораздо чаще — о том, чего не смог, не догадался сделать. То, что поездка в Чехов осталась лишь мимолетным эпизодом, — из этого ряда.

В октябре 1991 г., вскоре после поражения путчистов Президиум ВС России образовал комиссию «по организации передачи-приема архивов КПСС и КГБ СССР на государственное хранение и их использованию». В состав комиссии вошли 34 человека, в том числе 23 депутата союзного и российского парламентов, руководители государственных и ведомственных архивов, известные историки. Председателем комиссии был назначен советник президента Дмитрий Волкогонов, его заместителем — председатель Комитета по делам архивов при российском правительстве Рудольф Пихоя. В эту комиссию вместе с другими депутатами был включен и я¹.

Первое рабочее заседание комиссии, на котором обсуждался проект закона об архивном фонде РСФСР и архивах, состоялось 13 декабря 1991 г. К тому времени вопрос о хранении и использовании архивов, отражавших, в частности, репрессивную деятельность правившей в стране партии и советского государства, приобрел немалую актуальность. Историческую ценность необозримого массива потаенных архивных документов, накопившихся за десятки лет, обосновывать нет нужды — она очевидна. Вопрос, однако, заключался в том, кто и как будет с ними поступать.

Было ясно, что в спецслужбах, к ведению которых относились секретные архивы, и в других структурах распадавшегося государства, оставалось, в том числе на ключевых постах, немало тех, кто был заинтересован, чтобы документы, отразившие особо «деликатные» деяния прежнего режима, разделили судьбу архива царского полицейского управления в Санкт-Петербурге, подожженного в феврале 1917 г. провокаторами. Читали они легенду о Великом инквизиторе у Достоевского или нет, но хорошо усвоили, что основу власти государства над его подданными составляли чудо, тайна и авторитет. В сохранении находившейся за многими запорами тайны многие из них были заинтересованы как соучастники преступлений. Над архивами в этот период безвластия, как вскоре нам пришлось убедиться, нависла вполне реальная угроза если не полного уничтожения, то целенаправленного «прореживания» — под предлогом, конечно, сохранения «государственной безопасности».

С другой стороны, громко звучали — в прессе, на митингах, на собраниях — требования широко распахнуть двери архивов для беспрепятственного доступа всех, кто того пожелает, и прежде всего — обнародовать имена «стукачей». Людей, немало пострадавших от режима, можно было понять. Но нетрудно представить, какую новую волну доносов, в том числе ложных, какую «охоту на ведьм», действительных и мнимых, в нашем больном обществе может породить неосторожное обращение с горячим

архивным материалом. Комиссии предстояло подготовить законодательство по архивам и порядок их передачи на государственное хранение, что должно было решить три задачи:

- немедленно изъять документы из тех структур, где их сохранность не могла быть обеспечена;
- гарантировать доступ к ним исследователей, журналистов, а также лиц, подвергшихся репрессиям, и их родственников;
- провести разумную селекцию материалов, открыв большую их часть и ограничив доступ к содержащим государственную и личную тайну; а это означало, что необходимо было законодательно определить критерии того, на что следовало сохранить запрет, и срочно установить временные правила использования архивных документов.

Справедливости ради надо сказать, что многие члены комиссии плохо представляли себе и масштабы предстоявшей работы, и характер материалов, с которыми предстояло иметь дело. Ясно было лишь одно: необходимо возможно скорее разорвать завесу секретности, окутывавшую механизмы государственного управления, судебных и бессудных расправ над невинными людьми, подавления инакомыслия и тотальной слежки. И чтобы хотя бы прикоснуться к тому, что и как скрывали за семью печатями, была предпринята своеобразная поисковая вылазка — поездка в главное архивное хранилище КГБ, располагавшееся на окраине г. Чехова в Московской области.

Запомнился морозный день 20 декабря 1991 г., когда по предварительной договоренности с генералом Анатолием Краюшкиным, исполнявшим обязанности начальника Десятого («архивного») отдела КГБ, в Чехов отправились члены комиссии, депутаты Ковалев и Шейнис и ее эксперт, «мемориалец» и недавний «сиделец» Арсений Рогинский. Было бы серьезным преувеличением сказать, что за несколько часов работы в этом архиве мы сумели оценить все богатство собранных в нем материалов. Но и то, что мы успели тогда увидеть, о чем рассказали сотрудники этого сверхсекретного учреждения, произво-

дило сильное впечатление. Вероятно, в тот короткий период потрясения основ привычного миропорядка они увидели в нашем лице представителей высшей власти, которые сменили прежних визитеров — высокопоставленных чинов охранительных «органов», для которых секретов нет.

Архивы КГБ, размещавшиеся в Чехове, Балашове, Омске и других городах, — необозримое хранилище. Только в Центральном архиве и его филиалах было собрано 650 тыс. единиц хранения, а во всех архивах бывшего КГБ, по свидетельству В. Бакатина, насчитывалось 10,6 млн единиц². В чеховском архиве находились фонды:

- материалов секретного производства (в частности, фонд центрального аппарата КГБ);
- уголовных дел: осужденных и отбывавших наказание по «политическим» статьям УК, реабилитированных, дел, возбужденных по факту преступления (неустановленных лиц); рассмотренных особым совещанием НКВД;
- личных дел агентуры и разведывательных диверсионных групп, засланных на оккупированную территорию во время войны;
- оперативного учета — наружного наблюдения и проверки;
- разрозненные материалы, различные коллекции, документальные фильмы;
- подсобная картотека, сводный тематический каталог, описи и т. п.

При взгляде на одну только эту классификацию материалов разбегались глаза. Но больше всего огорошила информация об уничтожении архивов. В архиве, как нам сказали, существовало правило, согласно которому подлежали ликвидации дела, заведенные на мужчин, достигавших 70, и женщин старше 65 лет. Едва ли в прежние годы оно неукоснительно выполнялось, но о числе граждан, содержание которых «под колпаком» оплачивали налогоплательщики, может дать некоторое представление цифра: ежегодно по усмотрению работников архива уничтожалось

30—40 тыс. дел. Уничтожению подлежали также дела, заведенные на лиц, которые впоследствии избирались или назначались на номенклатурные партийные и государственные должности, депутатов и т. п. (подозреваю, что и здесь были исключения).

Но помимо этой рутинной работы, по распоряжению свыше во второй половине 1990 г., когда прежняя власть закачалась, началась массовая чистка архивов. В своих пространных мемуарах председатель КГБ Владимир Крючков к числу «серьезных упущений и недостатков» в архивной политике и законодательстве относит отсутствие «четкой регламентации сроков хранения тех или иных материалов и их публикации, использования в научной работе». Это открывало, знаю по рассказам коллег, широкое поле для произвола и выборочного подхода к тем, кто добивался допуска в архивы. Но зато Крючков был вполне удовлетворен порядком, который «исключал вседозволенность, закрывал лазейки для использования архивных материалов, составляющих государственную тайну»³. Ни словом не упоминает экс-председатель КГБ секретный приказ «О совершенствовании системы учета и хранения документов на агентуру органов безопасности», изданный им 6 сентября 1990 г. под № 00111. О нем нам рассказали работники архива. С типичной для советских официальных документов суесловной мотивировкой («в целях совершенствования хранения материалов, защиты прав и интересов граждан, сотрудничавших с КГБ, и сосредоточения сил оперативного состава на решение задач по обеспечению государственной безопасности») «совершенствование» по Крючкову означало массовое уничтожение всех следов сыска. Подлежали ликвидации личные и рабочие дела агентов и резидентов, держателей конспиративных квартир, сведения на лиц, исключенных из агентуры за «двурушничество и дезинформацию», а также сами отборочные списки на уничтожение и картотека. О масштабах этой чистки представление может дать цифра: в 1982 г. в материалах одного лишь Центрального архива числились 95,7 тыс. занимавших официальные должности гласных

и негласных сотрудников. Приказ предписывал завершить эту операцию до конца 1990 г.⁴

Как видно, опасения за судьбу своих осведомителей посетили руководителей КГБ по меньшей мере за год до путча. Но это было еще полбеды. После отмены статей 70 и 190¹ УК, каравших за «антисоветскую агитацию», Крючков издал еще приказ № 00150 от 24 ноября 1990 г., призванный замести следы текущей преступной деятельности его ведомства. Теперь уже уничтожению подлежали дела оперативного наблюдения и разработки с «антисоветской окраской». Ведь преданные гласности (да и то далеко не полностью) бесчинства власти по отношению к Сахарову, Солженицыну, дела подвергавшихся преследованиям диссидентов — то, что скрывать дальше уже не было никакой возможности, было лишь верхушкой айсберга всестороннего контроля государства над своими гражданами. У меня же в руках оказался обширный список лиц, в том числе известных ученых и литераторов, которых наше государство подвергло бесстыдной слежке. Некоторые имена я успел переписать и воспроизвожу их здесь.

Итак, были уничтожены дела на следующих лиц: **Генрих Батищев** (2 тома), **Георгий Владимов** (48 т.), **Григорий Водолазов** (3 т.), **Владимир Войнович** (10 т.), **Юлий Даниэль** (7 т.), **Александр Зиновьев** (35 т.), **Лев Копелев** (21 т.), **Юрий Левада** (10 т.), **Борис Можаяев** (1 т.), **Александр Некрич**, **Леонид Седов** (3 т.), **Сергей Семанов** (11 т.), **Валентин Турчин** (18 т.), **Яков Этингер** (1 т.), группа, включавшая **Александра Янова**, **Леонида Волкова**, **Александра Штротаса** и др. (13 т.).

Видимо, работа по заметанию следов производилась выборочно, до некоторых дел к концу 1991 г. руки не дошли. Их героями были **Леонид Баткин** (1 т.), **Лариса Богораз** (8 т.), **Михаил Бернштам** (4 т.), **Михаил Гефтер** (6 т.), **Леонид Гордон** (1 т.), **Борис Грушин** (1 т.), **Владимир Дудинцев** (1 т.), **Наум Мандель (Коржавин)** (1 т.), **Феликс Светов** (17 т.), **Юрий Сенокосов** (3 т.).

Чтобы оценить, какие последствия могло иметь накопление подобных материалов не только для тех, кто оказался под колпаком слежки, надо несколько отвлечься от рассказа о визите в чеховский архив. Просматривая списки подвергшихся «оперативной разработке», я наткнулся на имена моих молодых коллег по ИМЭМО **Андрея Фадина** (1 т., успели уничтожить) и **Павла Кудюкина** (62 т., еще сохранились). Вероятно, в этих десятках томов содержались материалы на всю группу из шести молодых людей, которых в апреле 1982 г. внезапно арестовали, более года держали в Лефортово, а весной 1983 г. «помиловали» до и вместо проведения судебного разбирательства. Суд был намечен на январь—март 1983 г., но сначала его неожиданно отложили на неопределенное время (якобы из-за болезни судьи), а под конец заменили великодушным «прощением». Другого такого случая в деятельности нашей политической юстиции я не знаю.

ИМЭМО, восстановленный после XX съезда КПСС, был одним из немногих высокопрофессиональных институтов гуманитарного профиля. Его содержали, щедро расширяли штаты, выделяли дефицитную валюту на комплектование иностранными изданиями и заграничные командировки избранных, поощряли издательскую деятельность, а директора института Николая Иноземцева удостоили возведением сначала в кандидаты, а затем и в члены ЦК КПСС. Среди директоров гуманитарных институтов таких было всего два человека. Расположение начальства объяснялось просто. В отличие от учебных заведений, призванных воспитывать студентов в духе самого передового учения (вершиной которого были, конечно, самые распоследние идеологические указания партии), институт должен был информировать Международный отдел ЦК и высшее руководство этой самой партии о том, что действительно происходит в мире капитализма, переживавшего, согласно доктрине, то ли третий, то ли еще какой-то этап своего «общего кризиса». Сотрудников института широко привлекали для изготовления разного рода закрытых материалов для «директивных органов». А Иноземце-

ва привечал лично Брежнев (на столе директора стояла фотография генсека в красивой рамочке и с собственноручной дарственной надписью: «Уважаемому Николай Николаевичу»). «Брежнев, — свидетельствует А. Бовин, — с большим уважением, даже с почтением относился к Николаю Николаевичу»⁵.

В институте, где работали хорошо информированные люди, превалировал дух свободомыслия (конечно, в определенных пределах), широко обращались самиздат и тамиздат, и, вероятно, не так уж далек был от истины Кудюкин, показавший на допросе, что «такую литературу можно было бы безбоязненно предложить 90% сотрудников ИМЭМО». Арестованные пошли несколько дальше. Как следует из документов, направленных из КГБ в ЦК КПСС (копии пяти из них в ответ на депутатский запрос мне передали из службы В. Баранникова в 1992 г.)⁶, обвиняемые замыслили создать «Федерацию демократических сил социалистической ориентации». Они планировали связаться с партиями Социнтерна, частью коммунистических и леворадикальных организаций Западной Европы, с польской «Солидарностью». Сверх того — издавали и распространяли журналы «Левый поворот», «Социализм и будущее», «а также иные документы злобного антисоветского содержания», напечатали свое сочинение «в крайне реакционном французском журнале “Альтернатива”» и т. п.

Незначительность «прегрешений» арестованных была очевидна. Не вызывали сомнения их социалистические воззрения, ориентация на Социнтерн и еврокоммунистов. Их неподцензурный самиздат не получил широкого распространения и известности. Об их неортодоксальных взглядах и активной гражданской позиции, которые проявились еще на студенческой скамье, агентура сообщала давно. Потянувшее на десятки томов «дело» явно заготавливалось впрок, на случай надобности. Им и воспользовались, когда решили, что пришла пора «разобраться» с неудобным институтом.

Трудно сейчас установить, от кого исходила инициатива: от КГБ или одной из группировок в верхах партии, заинтересо-

ванной в том, чтобы скомпрометировать влиятельного советника генсека. Но с самого начала стало ясно, что цель затеянной провокации — разгром института, откуда в общество просачивались «чуждые взгляды» и недозированная информация, и дискредитация его директора. В течение года институт лихорадило. Шутка ли — на заседании политбюро о раскрытии «заговора» докладывал в апреле 1982 г. сам Андропов. В институте поселилась комиссия, назначенная партийными органами. Со Старой площади ее деятельность направлял секретарь ЦК М. В. Зиянин, ведавший идеологией и одним из первых забивший тревогу в дни «пражской весны». А непосредственно погром готовил некто М. И. Волков, человек на редкость невежественный, но занимавший заметный пост в Отделе науки ЦК и приходившийся близким родственником К. У. Черненко. Возглавлял же этот отдел С. П. Трапезников, подобранный еще Брежневым в молдавском филиале Высшей партшколы. На высоком аппаратном посту он отличился яростным искоренением «ревизионизма». Комиссия на уровне собственного понимания судила научную работу ИМЭМО, выискивала крамолу в его публикациях и «шерстила» личные дела сотрудников института, кадры которого, по ее разумению, были засорены «ревизионистами» и «сионистами» (т. е. евреями).

Репрессии обрушились на руководителей отделов, в которых трудились арестованные, — Георгия Мирского и Германа Дилигенского, на других ученых. Говорили о предстоящей чистке кадров и роспуске партийного комитета института. В документе, подписанном председателем КГБ В. Федорчуком, калифом на час, особо отмечались «просчеты в подборе кадров» и в «воспитательной работе», «обстановка беспринципности и отсутствия должной политической бдительности» в ИМЭМО. Не выдержав нервозности, от сердечного приступа скончался Иноземцев, прошедший фронты Великой Отечественной, но не привыкший к столь бесцеремонному обращению со стороны «товарищей» по партии. КГБ и генеральная прокуратура докладывали в ЦК партии, кто из сот-

рудников ИМЭМО знал о взглядах арестованных, но не дал «отпор» и не донес, и излагали лихо закрученный план дальнейших действий — как половчее провести процесс, под каким предлогом удалить на это время из Москвы иностранных корреспондентов и как дезинформировать «братские партии». А один из самых сильных научных коллективов Академии наук, затаив дыхание, ждал погрома.

Гроза, однако, в этот раз ушла, как налетела. За три недели до смерти Брежнев, соответствующим образом проинформированный Арбатовым и Бовиным, распорядился «оставить институт в покое»⁷. Вслед за тем изменился расклад в верхах. Андропову, перешедшему из КГБ в ЦК, развивать провокацию, затеянную его бывшими подчиненными вкупе с партийными мракобесами, надобности не было. История завершилась почти хорошим — если, конечно, не считать гибели Иноземцева — и сказочным по тем временам концом. Но нарытые материалы продолжали лежать неразорвавшимися минами. Кто мог знать, кем, когда и зачем они снова могут быть запущены в ход? А главное, лишь стечение случайных обстоятельств помешало употребить по назначению колоссальный труд чекистов и спасло научный коллектив от беды. Нередко, однако, материалы «оперативной разработки», запущенные в дело, ломали судьбы людей, разрушали коллективы и насаждали в обществе страх и предательство.

Впрочем, надо отдать должное сыскарям из знаменитого Пятого управления КГБ, ведавшего «идеологическими диверсиями». Они знали, что делали. Ведь почти все поименованные в воспроизводимом здесь реестре лица чуть позже приняли активное участие в сломе адской машины того государства, защищать которое был призван КГБ. К сожалению, однако, дела не столь уж давно минувших дней не потеряли актуальности. Существуют веские основания полагать, что слежка, «прослушки», провокации не канули в Лету.

Но вернемся к нашей поездке в Чехов. Времени у нас было в обрез. Я попросил показать материалы, собранные на моего

друга Михаила Гефтера, и предупредительные служащие принесли аккуратно переплетенные тома. Листая один из них, я обнаружил запись некоего историсофского обсуждения (разумеется, с выходом на текущую политическую ситуацию), которое происходило на квартире Гефтера в начале 1980-х годов. Материал был подписан закодированным агентом и сопровождается справкой, что изложенное совпадает с данными «прослушки»...

Уже этот, далеко не полный и, вероятно, случайный перечень может дать представление о том, сколь густой была сеть полицейщины, обволакивавшая всю интеллектуальную элиту советского общества уже после лицемерно осужденных сталинских беззаконий, и сколь невозполнима потеря ценнейших исторических источников, ликвидированных в смутные времена. Информация из них могла бы по-новому заиграть в наши дни, когда бесстыдно подчеркивается преемственность традиций ЧК — КГБ — ФСБ (почему бы не начать этот ряд с не менее достойных предшественников — николаевских жандармов или опричников Ивана Грозного?).

Пришедший к руководству КГБ СССР 23 августа 1991 г. Вадим Бакагин попытался остановить варварскую операцию по истреблению архивов. Были разосланы строжайшие приказы на места, но осенью чистка еще продолжалась — теперь уже в порядке «инициативы снизу». Во всяком случае, мне рассказывали, что в Ленинграде она была остановлена, лишь когда начальником управления туда прибыл депутат Сергей Степашин.

Многое все же сохранилось. Но время, когда все шире открывались архивы, очень быстро прошло. Дверцы в потаенную их часть захлопнулись, а парламентская комиссия по архивам прекратила существование вместе в СНГ и ВС России. Еще в бытность ее членом я попытался раскопать дело 1982 г. «КГБ против ИМЭМО», обнажить пружины, выявить всех заказчиков и исполнителей⁸. Но чтобы вскрыть картину целиком, даже обладая статусом депутата и члена комиссии, надо было заниматься этим основательно и не щадя времени. Времени же

как раз катастрофически не хватало, а чуть приоткрывшийся на исходе 1991-го доступ к секретам зловещего ведомства вскоре же был перекрыт. О том, что представившаяся тогда возможность уникальна и скоропреходяща, я не задумывался. Поездка в Чехов осталась эпизодом, не получившим продолжения. А сами потаенные архивы выжившей службы, если они все же сохранились, ждут встречи с будущими историками в иные времена...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Президиума ВС РСФСР «Об образовании комиссии по организации передачи-приема архивов КПСС и КГБ на государственное хранение и их использованию». 14 октября 1991 г. — Архив автора.

² *Бакатин В.* Избавление от КГБ. — М., 1992. — С. 149.

³ *Крючков В.* Личное дело. — Ч. 1. — М., 1996. — С. 339. Крючков отчетливо представлял границу между раскрытием (и то неполным) дел, по которым состоялась государственная реабилитация при прежнем режиме и которые он упоминает скупко, а также сыском и террором, которые осуществляло его ведомство после 1953-го. Об этом он не говорит ни слова, замечая лишь, что публикация неких «тайн» имела бы «непоправимые последствия».

⁴ Информация, полученная от работников архива в г. Чехове 20.12.1991.

⁵ *Бовин А.* XX век как жизнь: Воспоминания. — М., 2003. — С. 299.

⁶ Информационные материалы по делу А. Фадина, П. Кудюкина, направленные Комитетом государственной безопасности в ЦК КПСС в 1982—1983 гг. Ксерокопии. — Архив автора.

⁷ *Бовин А.* Указ. соч. — С. 392; *Арбатов Г.* Человек системы: Наблюдения и размышления очевидца ее распада. — М., 2002. — С. 341—343.

⁸ Эту работу в значительной мере выполнил историк П. П. Черкасов в рамках обстоятельного исследования истории ИМЭМО и его предшественника — Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, разгромленного Сталиным после войны (см.: *Черкасов П.* ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи. — М., 2004. — С. 451—530).

часть 4
**1992. ПРЕЗИДЕНТ,
ПРАВИТЕЛЬСТВО
И ПАРЛАМЕНТ
МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ**

Мир — это продолжение войны другими средствами.

Освальд Шпенглер

Поразительно, как быстро изменилось положение в стране уже к началу 1992 г. Глядя на события того года с заметного исторического удаления, следует признать, что революционно-демократический потенциал августа 1991 г., когда сотни тысяч людей на мгновение ощутили себя творцами истории собственной страны, был исчерпан сравнительно быстро. Развитие не пошло по пути дальнейшей демократизации политической жизни общества, действительной дебиюрократизации, демонополизации в экономике и создания полноценных структур гражданского общества. Не был даже произведен расчет с прошлым. Конституционный суд, формирование которого завершилось наконец на V СНД России, занялся «делом КПСС». Хотя правившая с 1917 г. партия была отягощена преступлениями ничуть не меньше — а скорее даже больше, чем гитлеровская НСДАП, уже в силу более продолжительного срока своего владычества, — Нюрнбергский процесс не повторился. Решение суда оказалось более чем осторожным, а общественный резонанс — слабым: гораздо большее внимание людей привлекали тяжкие повседневные заботы.

Политическая ситуация изменилась кардинально. Ход событий снял два главных противостояния предшествовавших нескольких лет: молодая российская демократия — против старых структур КПСС и российское государство, утверждающее собственный суверенитет, — против союзной власти. Однако новые политические конфликты не заставили себя ждать. Во-первых, далеко еще не окрепшее российское государство столкнулось с центробежными тенденциями, которые в первую очередь подпитывало стремление региональных элит — особенно в прежних автономных республиках — к суверенизации. Противостояние Россия — Союз воспроизводилось теперь в ином формате и грозило отправить Российскую Федерацию по пути СССР. Во-вторых, федеральная власть и особенно те ее структуры, которые приняли на себя ответственность за начало экономических реформ, стали подвергаться давлению со стороны различных сил, отвергавших реформы. Давление нарастало по мере того, как все отчетливее проявлялся болезненный характер начавшейся социально-экономической трансформации.

Остроту противостояния Центра и регионов удалось в значительной мере притупить. В том числе — заключением в конце марта Федеративных договоров. Апофеозом стало помпезное шоу подписания договоров в Кремле, выдержанное в привычных советских образцах и транслировавшееся по ТВ. Уступки и послабления, на которые пошла центральная власть, были подчас чрезмерны, угрожая скатыванием к конфедеративному государственному устройству. Но уступки эти не были столь катастрофичны, как многим (в том числе и мне) тогда казалось. А главное, со временем они оказались обратимыми, хотя деформирующее их влияние проявилось и в становлении нового государства, конституционной (а не договорной) основе которого был брошен вызов, и в конструкции федерального парламента. Самой заметной неудачей в тот момент представлялись отказ Чечни и Татарстана подписать договор и оговорки, сделанные Башкирией. Но не меньшее значение имело то, что дальнейший торг между Центром и регионами был выведен из-

под парламентского контроля и за рамки публичной политики вообще.

Иное дело — комплекс проблем, связанных с мучительным переходом к квазирыночной экономике. Никакого смягчения здесь не наблюдалось.

В центре политической жизни по-прежнему стояла борьба за власть между двумя коалициями. На протяжении 1992 г. она становилась все более жесткой. Но основные акторы на политической сцене были уже не те, что прежде. Изменения произошли — весьма заметные, хотя и не в полной мере оцененные по следам событий, — и в составе противостоявших коалиций, и во взаимоотношениях внутри каждой из них.

Несмотря на ряд импозантных демонстраций единения Ельцина и демократов, становилось все более очевидным, что августовские победители разнородны социально, политически и даже психологически, исходят из разных ценностей, по-разному выстраивают иерархию своих целей. На протяжении всего года предпринимались энергичные попытки скрепить и расширить демократическую коалицию в парламенте и обществе — и в то же время в «Демократической России» наметились первые идейные и организационные расколы. Непростые отношения складывались в треугольнике, углы которого представляли: Ельцин с ближайшим окружением (подвергшимся первым перетряскам); «младореформаторы», которые хотя и задавали с конца 1991 г. тон в правительстве, были в нем в меньшинстве и имели свободу действий, да и то неполную, лишь в экономической сфере; актив демократического движения, расслоение которого уже дало о себе знать.

Не менее разнородной была коалиция, формировавшаяся на ином полюсе. Одна из ее составляющих — остатки разгромленных и временно притихших структур коммунистической партийно-государственной бюрократии. В публичных выступлениях демократы именовали обычно всех своих противников коммунистами или красно-коричневыми, не вдаваясь в немаловажные

различия меж ними, хотя собственно коммунистическая компонента этой коалиции после всех поражений и распада КПСС на деле была менее значимой, чем когда-либо раньше, да и позже. Другая составляющая — политическое представительство той части директорского корпуса, у которой экономические преобразования выбивали почву из-под ног. В российском парламенте у него были сильные позиции. Третья, самая заметная, ибо постоянно пребывала на политической авансцене, — новые элиты в Центре и регионах, рекрутируемые из самых разнородных слоев и ощущавшие себя обделенными при распределении властных функций. На роль их лидеров в 1992 г. выдвинулись вице-президент и председатель парламента. Все это отчетливо проявилось в ВС, где под давлением обострившейся социально-экономической ситуации началась эрозия демократических объединений, участились перебежки как умеренных, так и радикальных демократов в стан вчерашних противников, ужесточилась линия оппозиционных фракций и стал заметным переток к ним значительной части депутатов «болота».

Два крупных события — VI и VII СНД РФ — основные вехи политической жизни 1992 г. На VI Съезде в апреле состоялась первая крупная проба сил новых акторов политической борьбы. VII Съезд в декабре был переломным: он едва не закончился сломом принятых правил игры. Взрыв удалось предотвратить. Но ход самого Съезда, а также события последовавших месяцев очень скоро показали, что достигнутое примирение (по принципу «Худой мир лучше доброй ссоры») неустойчиво и кратковременно.

глава 12

Прыжок через пропасть

У нас ума много, а хлеба мало.
Андрей Платонов. «Чевенгур»

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

В экономических дискуссиях конца 1980-х годов нашу страну нередко уподобляли путнику, подошедшему к пропасти, которую необходимо преодолеть. Одним прыжком сделать это, скорее всего, не удастся, а несколькими — тем более... Я говорил тогда, что единственное спасительное решение — строить мост, т. е. прежде чем переходить к рыночному ценообразованию, надо создавать эффективный механизм конкуренции, экономические и социальные амортизаторы, «подстраховывающие» и компенсаторные устройства¹. Если это и можно было сделать в первые годы перестройки, то к 1992 г. время было безнадежно упущено, растрчено в пустых словоговорениях о способах проведения реформы. Бездеятельность и некомпетентность, экономически и социально неграмотные импровизации правительств Рыжкова, Павлова и Силаева вплотную подвели страну к катастрофе.

Государство, писал Шмелев, «превратилось в единый гигантский распределитель». Но с этой ролью оно с каждым годом справлялось все хуже. «Четыре года они крутили экономиче-

скую машину вхолостую, ограничиваясь даже не четвертьмерами и продолжая в то же время безграмотную политику развала денежно-финансовой системы... А страна-то катилась в пропасть... Когда пришел Гайдар, он уже не мог позволить себе переминаться с ноги на ногу»².

Еще в 1980 г. известный венгерский ученый Янош Корнай опубликовал книгу, в которой экономика социалистических стран Европы была представлена как функционирующая в условиях хронического дефицита³. Дефицит капитальных и самых элементарных потребительских благ, многочасовые очереди за продуктами и многолетнее ожидание квартиры, телефона и пр. в соответствии с правилами, написанными чиновниками, или в обход этих правил (по знакомству, за взятку), хронический дефицит рабочей силы при всеобщей неэффективной занятости — все это, по Корнай, не искривление, которое со временем может быть преодолено, а нормальное состояние хозяйства, подчиняющегося нерыночным законам. Уже несколько поколений граждан социалистических стран, писал Корнай, приспособились к этим условиям и принимают их за норму.

Дефицит, который в начале 1990-х годов накрыл общество, запоздавшее с реформой, был несколько иного рода. Он стал тотальным, охватил все стороны экономической жизни и вышел за пределы, в которых еще могла поддерживаться, хотя и на скудном уровне — при данных масштабах производства и действии демонстрационного эффекта — жизнедеятельность огромного числа людей. Теперь это стал дефицит всех, за немногими исключениями, товаров, включая физическое отсутствие (или, по меньшей мере, голодный паек) продовольствия⁴. Разрыв хозяйственных связей (уже не контролируемых государством, но еще не рыночных) — такова была очевидная причина, сделавшая дефицит тотальным. Но существовала и другая, подспудная причина — «...молчаливый, может быть, даже стихийный заговор нашей прежней снабженческо-сбытовой системы, — констатировал Шмелев. — Почувствовав, что цены эти долго не удержать и они

вот-вот прорвут плотину и пойдут вверх, она начала засовывать все, что можно, на склады и под прилавок»⁵. Выход из этого мог быть двояким: либо решительное освобождение цен, либо возврат к жесткой распределительной системе (что, конечно, означало бы конец перестройки).

Достиг фантастических размеров и дефицит государственного бюджета: согласно различным расчетам он составил в 1991 г. от 20 до 31% ВВП⁶. Баланс сводился с помощью приема, известного со времен средневековья как «сеньораж», — работы печатного станка. Поэтому денежные расчеты стали широко замещаться бартером. Острый дефицит распространялся и на платежный баланс: большая часть золотовалютных резервов была съедена в предшествовавшие годы, вырос внешний долг, упала кредитоспособность⁷. Такой дефицит был уже не нормальным элементом существовавшей экономической системы, а грозным признаком ее разрушения, разрыва всех хозяйственных связей, приближающегося коллапса. «Взрыв маячил», — напишет чуть позднее Гайдар⁸.

В массовых представлениях распространен стереотип, навеянный отчасти публицистикой; латентно присутствует он и в некоторых научных построениях. Выглядит он так: отправная точка экономических преобразований 1992 г. и последующих лет — плановая, централизованная, командно-распределительная экономика и иерархическая социальная организация, для обозначения которых еще в 1987 г. Гавриил Попов изобрел подцензурный эвфемизм «Административная Система»⁹. Эта система была неэффективна, к 1980-м годам исчерпала свой ресурс, явно проигрывала в соревновании с западной экономикой, но могла быть трансформирована в рыночную, говорят нам, менее болезненно, осторожно и постепенно. Это, несомненно, aberrация: ситуацию первой половины 1980-х годов напрямую смыкают с 1992 г., игнорируя тот факт, что в период перестройки и особенно в 1990—1991 гг. вместе с распадом СССР развалилась и превратилась в нечто совсем иное также и система, основанная на неукоснительном

исполнении распоряжений вышестоящих органов. Одной из последних попыток изыскать «согласие на шанс» и реформировать экономику в масштабе СССР, опираясь на координированную систему государственных рычагов, была программа «500 дней». Однако переход к ней был заблокирован.

Во второй половине 1991-го союзной экономики как единого целого уже не существовало, а российская экономика не была ни плановой, ни управляемой. Исподволь развивавшиеся и прежде процессы вырвались на простор. Перекачивание государственных ресурсов в частные карманы через кооперативы и иными путями приобрело колоссальный размах. Феноменально обогащались наиболее удачливые директора и чиновники, трансформировавшие власть в собственность, а то и просто жулики. Свой бизнес разворачивали вчерашние комсомольские работники. Набирала темп подпольная, но не очень засекреченная приватизация. Сколачивались громадные состояния, которые вскоре обернутся всходами частных банков. Разлилось половодье фиктивного капитала в самых разнообразных формах, сильное участие в том приняло и само государство (характерный пример — чеки «Урожай-90»). Все это были явственные приметы еще дореформенного времени. Политические и научные антагонисты Гайдар и Явлинский одинаково резко оценивают сложившуюся к этому времени ситуацию. «...Размах номенклатурного разворовывания в 1990—1991 годах намного превосходил все, что мы имели на этой ниве в 1992—1994 годах, — констатировал Гайдар... Номенклатура для своей выгоды, по своей мерке, в естественном для себя темпе строила капитализм... *К концу 1991 года мы имели гибрид бюрократического и экономического рынков (преобладал первый), имели почти законченное (именно за счет принципиальной юридической неопределенности в отношении формальных прав собственности) здание номенклатурного капитализма. Господствовала идеальная для бюрократического капитализма форма — лжегосударственная форма деятельности частного капитала*»¹⁰.

А вот что писал Явлинский в мае 1991-го. Цены росли и в начале 1990 г., но «...инфляция была контролируемой и при жесткой финансовой политике и крупных товарных интервенциях... неуправляемого взрыва цен можно было избежать... Сегодня же вал требований об увеличении зарплаты, пособий, компенсаций сметает все на своем пути...»¹¹ До печально известного выступления Н. И. Рыжкова на сессии Верховного Совета 24 мая 1990 г. существовал потребительский рынок — убогий, постепенно скудевший, но существовал. Ажиотаж не был всеохватным. Сегодня даже трехкратное повышение цен не нарушило пустоты прилавков... В 1990 г. у нас был бюджет — по традиции недостоверный, с массой скрытых статей и арифметических подтасовок — но им все же руководствовались...». В 1991 г. страна фактически жила без бюджета. В начале 1990 г. около 15 млрд долл. валютных резервов хранились в иностранных банках. «К концу года их благополучно “проели”. И, напротив, с ноября прошлого года сумма неплатежей иностранным партнерам за уже поставленные товары колеблется в пределах 3—5 млрд. долл.». Наконец, по мнению Явлинского, уже была утрачена (заметим, до августа) возможность проводить единую экономическую политику из Центра. Общий вывод был таков: «Старая система умирает и отравляет своими ядами то новое, что еще в ее утробе»¹².

Поэтому корректная постановка вопроса должна выглядеть примерно так: можно ли было реформировать более осмотрительно, менее болезненно, избегая шоковых приемов, эту экономику, подвергшуюся разложению Административную Систему, задыхавшуюся в тисках тотального дефицита?

НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР

Гайдар, понятно, дает на этот вопрос категорически отрицательный ответ. «В сентябре—октябре 1991 года нам стало абсолютно ясно, — пишет он, — ситуация безжалостно диктует выбор

предельно конфликтного, рискованного сценария начала преобразований»¹³. По его мнению и мнению его ближайших сотрудников, единственной альтернативой проведенным реформам были решительный отказ от всех либеральных послаблений периода перестройки, возврат к административной, мобилизационной экономической модели и, конечно, жесткая диктатура.

Споры о том, как следовало проводить реформы, продолжаются и поныне, причем критиками гайдаровской реформы выступают далеко не только ностальгирующие по советским порядкам политики и безответственные популисты. Николай Шмелев писал в начале 1992 г.: «Я и сегодня продолжаю считать, что в принципе иного пути тогда не было (как нет его и сейчас). Надо было делать то, что начал Гайдар. Но по-другому». По-другому, в представлении Шмелева, — это, в частности, удаление денежного навеса посредством продажи государственных активов и сверхнормативных запасов госпредприятий (эту идею Шмелев выдвигал еще в 1987 г.), выпуск долгосрочных государственных займов с подвижным, привязанным к темпам инфляции процентом, форсированное проведение «малой» приватизации за деньги, а также создание социальной «сетки безопасности». Признавая, что «любые серьезные попытки улучшить социальное положение какого-то значительного слоя населения в переходный период к рынку для страны непосильны», он предлагал все же вместе с ценами высвободить заработную плату, индексировать доходы, компенсировать обесценение вкладов в сберегательных кассах их индексацией. Кроме того, расплатиться с населением можно было дешевым жильем (все равно потом отдали бесплатно), землей, автомобилями, тракторами, производственными материалами, пригодными в домашнем хозяйстве, но мертвым грузом осевшими на балансах предприятий.

Поскольку ничего этого не было сделано, приговор Шмелева суров: «...Я (и не только я) не мог себе представить даже в самых дурных своих снах ту степень решимости и жестокости, с которой выступила на сцену “гайдаровская команда”. А именно: что она

решится в ходе либерализации цен на полную конфискацию всех многолетних сбережений и населения, и предприятий. На это не решился даже Сталин в 1947 году, конфисковавший имевшиеся на руках в стране деньги лишь частично». И еще через несколько месяцев: «Никакая щадящая терапия и никакое лечение лекарствами уже помочь не могли. Нужна была радикальная хирургическая операция. Вопрос, по сути дела, сводился лишь к одному: как проводить эту операцию — с анестезией или без»¹⁴.

С этой критикой Гайдар не согласен. Выдача гражданам сертификатов — обязательств возместить утраченные сбережения (как это, например, было сделано в Германии после войны) — было бы обманом, на который мы идти не хотели. Нам было ясно, что выплатить суммы, которые население сочло бы приемлемыми, нереально в течение всего обозримого периода. Можно, конечно, было бы распределить среди граждан государственные ценные бумаги с отсроченными по ним выплатами. Но такие обязательства стоили бы меньше бумаги, на которой они напечатаны. Большинство обнищавшего населения поспешило бы избавиться от них за гроши. А когда подошло бы время платежей, налогоплательщикам пришлось бы выплачивать миллиарды долларов предприимчивым скупщикам. Продажа земли, автопарка и т. п. могла бы облегчить положение в 1987 г., но четыре года спустя, когда дефицит бюджета приблизился к 30% валового продукта и в экономикку как насосом накачивали бумажные деньги, такие меры стали бессмысленными. Нельзя заткнуть дыру тряпками, когда вода хлещет через голову. Что же касается приватизации, то это вопрос соотношения сил. Хорошо было бы по примеру Венгрии провести ее за деньги, но этого не дал бы нам сделать Верховный Совет¹⁵.

Критика Шмелева была еще относительно сдержанной. Ну-на, писал Григорий Явлинский, «...принципиально иная стратегия переходного периода. Смысл ее не в самоустранении, а, наоборот, в активных действиях правительства в области монополизации, в создании конкурентной среды, приватизации с серьезным акцен-

том на защиту собственности и развитие национальной индустрии и создание финансовой системы поддержки сбережений, капиталовложений и роста, что является единственным путем к действительной стабилизации». В такой стране, как Россия, с ее огромными размерами, колоссальными структурными дисбалансами, отягощенностью громадным военно-промышленным комплексом, заинтересованностью в сохранении экономических связей с иными республиками бывшего СССР, нельзя ограничиться дерегулированием, либерализацией и освобождением цен. «Самый главный урок, который надо извлечь из опыта последних двух-трех лет, заключается в том, что государство все же должно играть существенную роль в переходном периоде»¹⁶.

Но при существующих условиях проваливаются и рынок, и правительство, утверждал Явлинский. Рынок — «потому что технологические монополии держат цены и искажения в области благосостояния на таком уровне, который иногда даже превышает то, что было в плановой экономике». Правительство — «потому что оно не может контролировать бюджет и деньги, не может навести порядок, не может заставить экономических агентов играть по каким-то установленным правилам игры и, более того, само никак не может воздержаться от того, чтобы каждый день не менять эти правила». Кто бы ни стоял во главе правительства, ему «практически невозможно сделать что-либо конструктивное», а от нынешнего правительства нельзя ждать «ничего хорошего». Причина — «бездонный политический кризис»¹⁷.

Это было написано на исходе 1993 г., когда политический кризис перешел в чрезвычайно острую фазу. Но на вопрос, что было первичным в этой жесткой цепке обстоятельств, едва ли можно ответить однозначно. Перманентный ли общий кризис системы государственного социализма, на который наложился кризис перестройки (проводившейся, как уже говорилось, в режиме «иди — стоп — назад»), сделал невозможным более мягкий и рациональный переход к новой экономической системе? Или, наоборот, избранный наконец-то способ проведения эконо-

мических реформ углублял и обострял кризис? Думаю, что процессы эти пересекались и интенсифицировали друг друга.

Дефолт 1998 г. дал новый импульс спорам о содержании и последствиях экономических преобразований начала 1990-х годов. Критика либеральных реформ за их непоследовательность, компромиссность, «нелиберальность» прозвучала, так сказать, «изнутри». С нею выступил бывший министр гайдаровского правительства, занявший впоследствии видное место в бизнесе, Петр Авен. Хотя «после 1991 г. российская экономика приобрела многие черты экономики либеральной» (свободные цены, единый валютный курс, доминирование негосударственной собственности), «у нас не было и нет либеральной экономики», — написал он в 1999 г. Компромиссы были чрезмерными, выхолостившими из реформ либеральную суть. «Стыдной была общая позиция соглашательства, во многом вытекающая из отношения к верховной власти — робкого и подобострастного — в худших традициях советской интеллигенции». Реформаторов подводила вера в собственную исключительность, в то, что «если не я, не мы, то — никто». Чтобы сохраниться у власти, после VI Съезда перестали считать зазорным «сдавать» членов правительства, многолетних коллег и друзей. Между тем вера в собственную исключительность «принципиально антилиберальна». Конкурсные аукционы были фикцией: происходило «назначение в миллионеры». Не было и финансовой стабилизации, ибо «финансовая стабилизация означает сбалансированный бюджет, а не низкие темпы инфляции, выбитые благодаря невыплате заработной платы, недофинансированию госзаказа и сумасшедшим займам». Подвергает сомнению Авен даже коронный тезис, обосновывающий необходимость форсированного проведения реформ. («...В сложившейся в конце 1991 года ситуации лучше принять неоптимальное решение, чем не принимать никакого», — писал Гайдар¹⁸.) Утверждение, будто правительство Ельцина — Гайдара в 1991 г. «спасло страну от голода и холода», полагает Авен, — преувеличение: «Народ вообще значи-

тельно меньше зависит от государства, чем в это хочется верить правительственным чиновникам»¹⁹.

В новый виток дискуссии включились и иные бывшие министры. Доводы Авена во многом поддержал и развил Борис Федоров²⁰. «Вопреки распространенному мнению нынешний (1998 г.) финансовый кризис с рыночными реформами практически никак не связан», — возразил Евгений Ясин в развернутом докладе об экономическом развитии России в 1990-х годах²¹.

Как видно, общей оценки способа проведения экономических преобразований, начатых в 1992 г., не существует даже среди убежденных реформаторов — ни в академическом сообществе, ни среди политиков, ни даже среди тех, кто эти реформы проводил. Критика ведется с разных, подчас противоположных позиций. Для одних она недостаточно радикальна и последовательна, слишком отягощена компромиссами, для других — чрезмерно жестка и жестока и заслуживает осуждения не только с профессиональных, но и с нравственных и политических позиций²². Эти крайние подходы, по сути, друг от друга отстоят дальше, чем от позиции тех, кто проводил реформу.

Суровой критике «шоковую терапию» гайдаровской команды подвергали и некоторые западные исследователи. Питер Реддевей и Дмитрий Глинский следующим образом определяют идейные истоки того подхода, который был реализован в российских реформах: рыночный фетишизм, вера в простейшие поведенческие реакции, перевернутый марксизм, нравственный релятивизм, возврат к концепции классовой борьбы, идеологической войны и культурной революции, презрение или безразличие к общественному мнению. Из этого вытекает заключение: «...Реформистская команда Гайдара в правительстве не только не имела хотя бы видимости легитимности (ни электоральной, ни опирающейся на национальные традиции и культуру), но она и не озаботилась обрести такую легитимность»²³. Довольно критически оценивает последствия российской «версии шоковой терапии» (в отличие от польской) и Томас Ремингтон: «...это был очень грубый инстру-

мент политики, и она часто наталкивалась на саботаж в процессе реализации. В руках политиков шоковая терапия была единственным средством добиться быстрых и необратимых изменений в поведении экономических субъектов, но она повлекла за собой немало нежелательных побочных эффектов и не смогла вывести Россию на дорогу, где рыночные побудительные мотивы стимулируют экономический рост»²⁴.

В обстоятельном изложении Майкла Макфола, находившегося в России, когда разворачивались эти события, и общавшегося со многими их фигурантами, мотивация перехода к рыночным реформам в избранном варианте выглядела следующим образом. В сложившихся условиях и в правительстве, и в парламенте быстро возник консенсус о необходимости радикальной экономической реформы: «В конце 1991 г. никто в российском руководстве не предостерегал против “слишком быстрого” движения». Тем легче было сделать главный выбор. Основанный на неолиберальном подходе («чем меньше вмешательство государства на рынке — тем лучше»), план Гайдара исходил из реалий того времени. «Российское государство, которого еще не было за несколько недель до того, просто не обладало способностью осуществить экономическую реформу административными средствами. Такие меры, как постепенная либерализация цен или проводимые государством на конкурентной основе аукционы по продаже предприятий, нуждались в сильном государстве, которого в то время еще просто не было». Известную роль сыграла и витавшая в кремлевских кабинетах надежда, что реформы принесут плоды быстро: непопулярные меры, которые при таком радикальном переходе неизбежны, проведет власть, не растерявшая пока общественную поддержку. «Гайдар и его сорудники знали, что отведенный им ресурс ограничен коротким временем, пока доверие к Ельцину и к ним самим не станет убывать». Наконец, форсированное проведение экономической реформы было выдвинуто на первый план «...в соответствии с общим марксистским положением о соотношении капитализма и

демократии. Большинство политиков в российском руководстве в то время полагало, что Россия должна создать новое общество на капиталистических принципах в первую очередь для того, чтобы укрепить демократическую систему»²⁵.

С позиций сегодняшнего дня многое в устремлениях и расчетах команды, неожиданно получившей мандат на преобразование России, может показаться упрощенным или даже наивным, но я могу засвидетельствовать, что именно такие представления доминировали в конце 1991 — начале 1992 г. не только в Кремле, но и в Белом доме, среди большинства депутатов. А главное, слабость государства, возникшего на развалинах СССР, была реальностью, глаза на которую закрыть невозможно. Примечательно и еще одно обстоятельство. Указывая на неудачи, просчеты и ошибки реализованной модели (некоторые из них признают и сами реформаторы), критики, как правило, убеждены, что знают, «как не надо» было начинать экономическую трансформацию. Но альтернативные варианты («как надо») в подавляющем большинстве случаев либо представлены в самом общем виде; не проверяемом даже теоретически, либо абстрагированы от конкретной ситуации 1991—1992 г., реально существовавших тогда возможностей, инструментов и ограничителей, имевшихся (или не имевшихся) у призванной к власти команды, либо, как это, например, делает Авен, критики сбрасывают со счета фактор времени и в упор не видят развершейся бездны.

Между тем через несколько дней после своего назначения Гайдар говорил: «В этой ситуации оказывается, что стандартные, естественные решения, абсолютно правомерные в спокойной обстановке, как финансовая стабилизация, спокойная, упорядоченная стабилизация кредитной системы, демонополизация торговли, предшествующая малая приватизация, сокращение оборонных расходов и централизованных инвестиций как база либерализации цен, — все это прекрасно, но это из сказки»²⁶. Кроме того, насколько мне известно, никто из критиков не попытался проанализировать вероятные негативные последствия альтернативных ва-

риантов реформы (действительно альтернативных вариантов, а не частичной коррекции реализованного экономического курса). Ведь легких, безболезненных, не сопряженных с потерями и жертвами для большинства общества путей в начале 1990-х годов уже не существовало. И едва ли далек от истины Шмелев, утверждавший: «три поколения в нашей стране строили “сумасшедший дом”, и вряд ли потребуются меньше времени, прежде чем мы окончательно из этого “сумасшедшего дома” выйдем»²⁷.

В мою задачу не входит ни оценивать, насколько обоснованы, predeterminedены сложившимися обстоятельствами были реформы в том виде, как их начало проводить правительство Гайдара, ни солидаризоваться или оспаривать ту или иную изложенную здесь позицию. Как было показано, аргументам одних авторов противостоят не менее веские аргументы других. Видимо, время для всесторонней, взвешенной оценки, основанной не на эмоциональном восприятии недавних событий, след которых явственны поныне, не пришло. Пока слишком многое диктует боль. Не подлежит, однако, сомнению, что реформы начала 1990-х годов, как бы к ним ни относиться, — важнейшее событие в социально-экономической истории России, поворот, сопоставимый по своему значению с крестьянской реформой 1861 г. (тоже неоднозначной по последствиям), с введением и ликвидацией НЭПа. Осознание того факта, что радикальную экономическую реформу — в том или ином виде — далее откладывать нельзя, а затем и сама реформа наложили глубокий отпечаток на политическое развитие.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Особого внимания заслуживает вопрос, как была подготовлена и проведена реформа с точки зрения ее политического, кадрового, информационного, нормативного обеспечения. Когда за год-пол-

тора до того вопрос об экономической реформе впервые был поставлен в порядок дня, выбор между ее «радикальным» и «умеренно-радикальным» проектами стал предметом дискуссии в обоих парламентах — союзном и российском. Споры велись публично, широко освещались в СМИ. Но политическая воля к осуществлению реформы отсутствовала и в союзном, и, по свидетельству Явлинского, наблюдавшего процесс изнутри, в российском высшем политическом руководстве. Доминирующий подход так и не выявился, да и не мог выявиться, поскольку оба парламента так и не смогли заявить отчетливо выраженную собственную позицию, а проблема экономической реформы не заняла тогда подобающего места. В этих условиях публичная дискуссия расхолаживала, тормозила действия Горбачева, да и Ельцина.

Выбор же того варианта реформы, который был принят в конце 1991 г., особых споров не вызвал. Общественное внимание к способам проведения реформы было притуплено — отчасти из-за летаргии, в которую после Августа на несколько месяцев впадала политическая жизнь, отчасти из-за того, что одни политические акторы были временно выведены из игры, а другие были заняты иными проблемами. Актив «Демократической России» (во всяком случае, его преобладающая часть), еще более радикализированный августовскими событиями и не имевший серьезной профессиональной подготовки, склонен был поддержать долгожданный переход к решительным действиям и полагал, что чем радикальнее план перехода — тем лучше. Я помню, что большинство демократических парламентариев в тот момент прониклось доверием к гайдаровской команде, признало в ней «своих». Поэтому упрек в том, что «план реформы не обсуждался даже в экспертных кругах, все держалось в строжайшей тайне»²⁸, справедлив лишь отчасти. В общем виде план рыночной реформы был заявлен на V СНД России в программном выступлении Ельцина, основные тезисы которого были подготовлены Гайдаром и его сотрудниками. Он получил санкцию парламента. Все основное, под-

черкну это, было сказано. Более детальная информация о том, с чего и как «правительство реформ» намеревается начать, поступала в СМИ, как только готовившиеся в пожарном порядке меры выходили из стадии лабораторных разработок (т. е. с конца октября 1991 г.)²⁹. Дискуссии, в том числе весьма острые, стали разгораться, когда каток экономической реформы уже двинулся в путь.

Начало экономической реформы отчетливо высветило ту роль, которую в эти месяцы играл Ельцин. По сути, все основные решения были приняты им тогда единолично. Перебрав ряд кадровых вариантов (Григорий Явлинский, Евгений Сабуров и др.), Ельцин с подачи Геннадия Бурбулиса остановился на Гайдаре и приведенной им в правительство команде³⁰. Он же придумал схему, которая на первых порах дала правительству, которому предстояло начать реформу, максимально возможную в тех условиях независимость от парламента. Ельцин самолично возглавил правительство, назначив первым вице-премьером Бурбулиса, а Гайдара — вице-премьером, министром экономики и финансов. Министерские посты получили и сотрудники Гайдара, разрабатывавшие в сентябре—октябре 1991 г. вместе с ним программу реформ на правительственной даче в том же Архангельском, где за год с небольшим до этого готовила свой план группа Явлинского. Соответствующий указ был подписан 5 ноября, через три дня после завершения V Съезда. Тем самым новое руководство, сменившее давно уже недееспособное правительство Силаева, было застраховано от каких-либо неожиданностей (впрочем, тогда не слишком вероятных) со стороны депутатского корпуса.

Ельцин поверил в Гайдара, в предложенную им программу, хотя, конечно, даже обладая высокоразвитой интуицией и способностью ориентироваться в сложных проблемах, не мог оценить ни хитросплетения новых для страны экономических явлений и процессов, ни подводные камни на избранном пути. Поэтому он и пообещал депутатам на V Съезде, что к осени 1992 г. люди почувст-

вуют заметные улучшения³¹. Поэтому он в мае, когда стало очевидно, что не все идет по намеченному плану и правительство начало подвергаться резким нападкам, объявил публично: «Гайдар — это находка»³². Поэтому он, человек жесткий и лишенный каких бы то ни было сантиментов, часто резкий в решениях и отношениях с людьми, не чуждый обкомовского барства и византийщины, выделил Гайдара, человека из совершенно иного караса, если воспользоваться образом Курта Воннегута. Ельцин сохранил к нему уважительное отношение и после всех горьких перипетий, шел на уступки в некоторых конфликтных ситуациях и, по свидетельству самого Гайдара, никогда не позволял себе обращаться с вице-премьером и экс-вице-премьером как с «избыточно заискивающими слугами»³³. Гайдар не был единственным сотрудником президента, не испытывавшим на себе проявления его грубой натуры, — Ельцин был достаточно проницателен и умен, чтобы понимать, с кем и что он может себе позволить, — но едва ли не единственным из тех, кто по воле российского президента, придя из чужой для него среды, был вознесен на высшие ступени государственной власти. После смещения Бурбулиса в апреле 1992 г. именно Гайдар, назначенный первым вице-премьером, а в июне утвержденный в должности исполняющего обязанности председателя правительства, фактически стал вторым человеком в государстве. Таким образом, политическое обеспечение экономических преобразований на протяжении всего 1992 г. было довольно надежным, если, конечно, не считать колебаний самого Ельцина, не раз поддававшегося давлению и объективных обстоятельств, и начавшей консолидироваться оппозиции реформам.

Как бы то ни было, в первые месяцы 1992 г. складывалась ситуация, наиболее комфортная для реформаторов. Опираясь на полномочия, предоставленные ему V съездом, Ельцин издал ряд указов, обеспечивших более или менее легитимную нормативную базу для перевода экономики в квазирыночное состояние. Ряд законов рыночного характера, пусть порой и в урезанном виде, удалось провести в Верховном Совете. Пожалуй, единственным

крупным «проколом» стала неудавшаяся попытка перевести Центральный банк под юрисдикцию президента — соответствующий указ Ельцина Верховный Совет отменил почти единогласно.

Со 2 января 1992 г. были либерализованы цены. Хотя список товаров, на которые сохранялись регулируемые государством цены, оказался несколько длиннее, чем первоначально рассчитывали реформаторы (многие из них потом ставили это в вину правительству), около 90% оптовых и розничных цен стали свободными. 29 января был подписан президентский указ «О свободе торговли», который зафиксировал поистине революционный переход к новой системе экономических отношений. Указ предоставил всем предприятиям независимо от форм собственности, а также гражданам право без специальных разрешений осуществлять торговую, закупочную и посредническую деятельность, в том числе самостоятельно устанавливать цены на продукцию. Фондовое распределение производственной продукции отменялось. Гражданам и предприятиям разрешалось вести торговлю (в том числе с рук, лотков и автомашин) в любых удобных для них местах (за немногими исключениями вроде проезжей части улиц и станций метро). Контроль за ценообразованием сохранялся лишь для предприятий-монополистов. Оптовая и розничная торговля подлежали демонаполизации. Заявки граждан и трудовых коллективов предприятий, оформивших юридическое лицо, на покупку имущества государственных и муниципальных учреждений торговли и общественного питания подлежали удовлетворению в двухнедельный срок. Разрешался беспошлинный ввоз гражданами товаров из-за границы³⁴.

Параллельно пришлось осуществлять меры по финансовой стабилизации и сокращению бюджетного дефицита³⁵. Все государственные расходы, в особенности разорительные затраты на гонку вооружений, подкреплявшие безумные претензии на роль второй сверхдержавы, и практически безвозмездную поддержку «дружественных» режимов на далеких континентах, были резко сокращены. Существенно урезаны были и государственные ка-

питаловложения³⁶. Как пожарные, краткосрочные меры они были необходимы и оправданны. Но свести бюджет без дефицита удалось только в I квартале 1992 г., а затем бюджетный дефицит не позволил проводить внятную структурную экономическую политику и на пристойном уровне финансировать социальную сферу. То и другое на годы стало хронической болезнью российской экономики.

В те же месяцы была несколько реконструирована налоговая система. Налоговые реформы и в частности введение налога на добавленную стоимость позволили хоть как-то поддерживать доходную часть бюджета. Был легализован валютный рынок, рубль стал конвертируемым внутри страны, в первые месяцы 1992 г. его курс по отношению к доллару даже несколько окреп. Россия стала страной с экономикой, открытой вовне. Было положено начало приватизации государственной собственности.

ЦЕНА РЕФОРМЫ

Попытаемся оценить теперь ближайшие, в пределах 1992 г., социально-экономические и политические последствия начатых реформ, поскольку без этого трудно понять перелом в политическом развитии. Прежде всего, страна начала выходить из исторического тупика, в который уверенно шла большую часть XX века. Ибо планово-распределительная экономика, позволявшая ценою величайших потерь мобилизовывать ресурсы для достижения амбициозных целей, все дальше уводила страну от магистрали развития мировой цивилизации, ее величайшего изобретения — рынка. При всех сбоях, искривлениях и попятных шагах начался демонтаж худшей разновидности монополии — государственной. Власть чиновника над производителем и потребителем была пусть и не ликвидирована, но несколько ограничена (хотя бы временно).

Была отведена угроза хозяйственного коллапса, полного распада экономических связей, натурализации производства. За-

работал, хотя и не сразу, рубль. Совершился переход от дефицита товаров к дефициту денег, стали возрождаться нормальные стимулы общественного производства. Уже к весне совершилось чудо: произошло насыщение потребительского рынка по многим товарным группам. Не в первые дни и недели, но в апреле—мае в магазинах появились сыр и колбаса — это было знаковым событием³⁷. Уличная торговля всем, чем угодно, — от мяса и морепродуктов до одежды и обуви, новой и *second hand* — приобрела невиданный размах (и совершенно варварские формы). Сотни мелких торговцев, оставляя горы мусора, заполнили, например, обширное пространство вокруг «Детского мира» в Москве, в непосредственной близости от главного здания КГБ, десятки лет искоренявшего частную инициативу... Не без некоторой зависти то же самое за год-два до того я разглядывал на Маршалковской улице в Варшаве. Как бы то ни было, люди начали избавляться от унизительного добывания самых элементарных благ.

За все это, однако, была заплачена исключительно высокая цена. Сократился объем производства. По официальным данным, в 1992 г. ВВП по сравнению с предыдущим годом упал на 14,5%, промышленное производство — на 18%; а по сравнению же с 1989 г., когда началось абсолютное падение производства, — на 21,2 и 25,2% соответственно³⁸ (правда, видимо, не вполне учитывался вклад теневой экономики). Сами по себе эти показатели не должны были вызывать особой тревоги: сокращение военного производства и выпуска низкокачественной продукции, находившей сбыт лишь в условиях острого дефицита, были неизбежным результатом рыночных преобразований. Значительно хуже было другое. В России так и не был создан механизм самоподдерживающегося роста, и падение производства растянулось практически на все 90-е годы. В 1992 г. инвестиции в основной капитал упали на 40%, по отношению к 1989 г. — на 49%³⁹.

Не удалось осуществить финансовую стабилизацию. В начале могло показаться, что инфляционный процесс под контролем. Вслед за естественным всплеском в январе (296%) инфля-

ция начала было снижаться из месяца в месяц и в июле достигла 7,1%⁴⁰. Но во второй половине года инфляционная спираль стала раскручиваться вновь. Два обстоятельства сыграли здесь решающую роль. Во-первых, слабость властей, вынужденных, в особенности после VI съезда, смягчать денежную политику под натиском лоббистов: «Нервы у наших директоров заводов оказались крепче, чем нервы у Ельцина и Гайдара... — говорил тогда Шмелев. — Засадили цены, а через месяц-полтора взяли друг друга за горло. Начался кризис неплатежей, когда никому твоя продукция не нужна, никто тебе не оплачивает, и ты не оплачиваешь, и раздался всеобщий вой: спасайте! Подпечатайте денег, спасите нас от наших обязательств, не дайте нам пойти по миру, к банкротству, к безработице... Надо было запустить первую, хотя бы педагогическую, я подчеркиваю, педагогическую цепь банкротств. Чтобы встряхнуть директорский корпус, чтобы они поняли: государство не обязано спасать... Но тогда пришел Геращенко и начал спасать всех»⁴¹.

Справедливости ради необходимо, однако, подчеркнуть, что правительство и Центробанк были вовсе не свободны в выборе маневра. Основную ответственность за разворот инфляции надо возложить на профессионально некомпетентный и популистски ориентированный Верховный Совет. «Поправки в бюджет вносились “с голоса” и практически в любой момент, — рассказывает В. Мау. — Был случай (в июне 1992 г.), когда Верховный Совет России в течение нескольких минут проголосовал за удвоение расходов федерального бюджета. Разумеется, без какого бы то ни было указания на источники доходов для покрытия дефицита»⁴².

Немаловажный вклад в расстройство денежной системы, во-вторых, внесла неконтролируемая эмиссия в бывших союзных республиках, особенно на Украине. Разными путями ничем не обеспеченные деньги проникали в Россию. Только осенью 1993 г. произошел окончательный раздел рублевой зоны. В результате показатель инфляции в 1992 г. достиг астрономической цифры 2500—2600%⁴³.

Падение производства, соединенное с высоким темпом инфляции, повлекло за собой глубокое расстройство хозяйственных связей, которое, в свою очередь, рикошетом ударило по объему производства. Инфляция обесценила оборотные средства на счетах предприятий. Директора и новые владельцы предприятий обратились к такой форме хозяйственных связей, которая была широко освоена еще в условиях плановой экономики, когда она подстраховывала ненадежность централизованных поставок, — к бартеру. Бартер надолго стал хронической болезнью российской экономики: он позволял предприятиям не только удерживаться на плаву в условиях «дикого» рынка, но и уклоняться от уплаты налогов. В середине 1992 г. резко обострилась проблема взаимных неплатежей предприятий: по свидетельству Петра Филиппова, к этому времени российские предприятия почти половину всей продукции поставляли потребителям не только без оплаты, но и без надежды получить когда-нибудь за нее деньги⁴⁴. Это вынудило правительство согласиться на проведение взаимозачета неплатежей и ослабить жесткость антиинфляционного курса.

Глубокие и резкие изменения произошли в материальном положении больших масс людей. Трудовые сбережения граждан, хранившиеся на сберкнижках, были в результате инфляционного всплеска цен обесценены также и номинально без какой-либо компенсации хотя бы на перспективу. Фактически они, конечно, подверглись конфискации задолго до того, ибо в условиях тотального дефицита были нереализуемы по существовавшим тогда ценам. Но психологический шок от того, что было воспринято как одномоментная конфискация, нельзя недооценивать.

Мало того. Реформаторы рассчитывали и обещали, что потери будут вскоре компенсированы иным образом: за счет роста производства и доходов населения. Этого не произошло в приемлемых размерах ни в 1992-м, ни в последующие годы. Сократились потребление, доходы, заработная плата. По расчетам Леонида Гордона и Эдуарда Клопова, трудовые доходы отставали от

роста цен по меньшей мере в полтора-два раза, а легально начисленные зарплаты и пенсии — в три раза и более. По их оценке, история XX века не знала примеров столь значительного сокращения заработков в общенациональных масштабах⁴⁵. Вдобавок расстройство хозяйственных связей, кризис неплатежей и преступные махинации управляющих на предприятиях, фактически освобожденных от какого бы то ни было контроля, привели к тому, что миллионы трудящихся и в приватизируемом, и в государственном секторах оказались подвержены такой варварской форме эксплуатации, как невыплата или серьезные задержки заработной платы, которую и без того обесценивала инфляция. Впрочем, в 1992 г. масштабы этого явления были еще сравнительно невелики.

В советские времена низкий уровень заработной платы и пенсий в известной мере компенсировался развитой сферой низкокачественных, но бесплатных и сравнительно доступных социальных услуг. При переходе к рынку она стала рушиться, порождая дополнительные шоковые эффекты: «...шок был не в том, что какая-то услуга подорожала, а в том, что раньше она ничего не стоила. Между дешевым и дорогим может быть весьма приличное, но измеряемое расстояние. Между бесплатным и платным — пропасть»⁴⁶.

Кошмаром, преследовавшим всех разработчиков планов экономической реформы с 1980-х годов, была угроза массовой безработицы со всеми ее социальными последствиями. В общем опасность оказалась менее грозной, чем ожидали. Уровень безработицы в 1991—1992 гг. увеличился с 3 до 5,2% и, постепенно повышаясь, лишь во второй половине 90-х годов достиг 10—12%. Сходные показатели наблюдались во многих странах Восточной Европы сразу после начала реформ⁴⁷. Постепенность роста безработицы, сохранение избыточной занятости при низком уровне и даже деградации заработков, консервация занятости в ущерб эффективности (что отвечало предпочтениям не только наемных работников, страшившихся потери работы, но

и значительного числа работодателей, следовавших привычным стереотипам мышления и поведения советских времен) — характерные особенности российской социально-экономической трансформации. Все это имело как негативные, так и позитивные последствия. «Если десятки миллионов безработных, способных в отчаянии поддаться любой демагогии и сокрушить устои общественного порядка, не заполнили российские города, производство в которых сократилось чуть не вдвое, то объясняется это, главным образом, заменой одномоментного устранения избыточной занятости длительным ее сохранением на базе резкого снижения зарплаты», — справедливо замечают Гордон и Клопов⁴⁸. Но хотя обвальной безработицы не наступило, некоторые регионы (шахтерские поселки, городки военной промышленности и т. п.) превратились в подлинные «зоны бедствия».

Сопоставление масштабов социального расслоения и различий в доходах различных групп населения в советский и постсоветский периоды чрезвычайно затруднено тем, что преобладающая часть доходов и потребления советской элиты поступала в ее распоряжение, минуя статистически регистрируемую денежную форму. Не поддаются исчислению и доходы в теневой экономике, сильно разбухшей в последние годы существования СССР. Поэтому противопоставление «социалистического» общества, якобы приближавшегося к идеалу равенства, кричащим контрастам переходного общества, часто используемое в демагогических целях, не имеет под собой серьезной научной основы. И все же не подлежит сомнению, что на коротком отрезке, а именно в 1991—1992 гг., произошел заметный скачок в неравенстве распределения доходов. Это фиксируется стандартными измерителями: распределения доходов по децилям, квантилям, коэффициентом Джини. Соотношение между верхним и нижним децилями в 1991 г. равнялось 4,5, в декабре 1992 г. — 8, а в середине 1993 г., по некоторым данным, — 16. На долю нижнего квантиля в 1991 г. приходилось 11,9% всех денежных доходов населения, верхнего — 30,7%, в 1992 г. — 6,0 и 38,3% со-

ответственно. Коэффициент Джини вырос с 0,233 в 1990 г. до 0,327 в декабре 1992 г.⁴⁹

Ощущение социальной несправедливости происходивших перемен стало быстро проникать в общественное сознание. Тем более что в выигрыше часто оказывались не самые эффективные работники и предприятия, а те, кто сумел воспользоваться непоследовательностью экономической политики, вынужденными откатами курса на финансовую стабилизацию, прорехами в налоговой системе. А также те, кто продолжали гнать неконкурентоспособную продукцию, реализуя ее по бартеру и избегая неминуемого в упорядоченном хозяйстве банкротства. Стала стремительно разбухать и так называемая политическая рента — доход, присваиваемый теми лицами, группами и организациями, которые, нащупав болевые точки в разгоравшемся соперничестве властей и проложив путь в коридоры власти, быстро научились добывать льготные кредиты, тарифные поблажки, экспортные квоты, иные привилегии. Добро бы эти сверхдоходы вкладывались в производство — на деле они широким потоком потекли в сферу престижного потребления и/или за границу. Иного, собственно, и быть не могло в крайне нестабильной экономике, утратившей важнейший ресурс — доверие населения к государству и хозяйствующих субъектов друг к другу.

Экономические и социальные сдвиги нашли неоднозначное отражение в общественном сознании. Проведенные в то время социологические опросы зафиксировали его раздвоенность, «нестыкуемость» некоторых доминирующих оценок и представлений. Из общедемократической (хотя и довольно расплывчатой) ориентации преобладающей части населения вытекала установка на поддержку долгожданных экономических реформ. В общем виде за рыночные реформы в 1992 г. выступало бесспорное большинство, хотя люди и начали за годы перестройки уставать, ожидая перемен к лучшему в повседневной жизни. Шоковый эффект от всплеска цен, когда наполнения рынка еще не произошло, по данным ВЦИОМ, довел в марте число выступающих за прекращение ре-

форм примерно до 27%, но в последующие месяцы оно стало сокращаться и к ноябрю составило около 20%⁵⁰. Однако и тогда, когда общественный климат для проведения реформ был еще наиболее благоприятным, преобладало негативное отношение к их основным, неотъемлемым составляющим. Осенью 1992 г. положительно относились к освобождению цен лишь 15% опрошенных, отрицательно — 71% (в том числе категорически против высказались 50%). Доля тех, кто осуждал освобождение цен, превалировала (как правило, очень существенно) над теми, кто отнесся к нему положительно, во всех социальных группах, кроме предпринимателей. В декабре 1992 г. за установление государственных цен на большинство товаров, кем бы они ни производились, высказывались 45% респондентов, на основные товары — еще 30%, и лишь 10% выступали против вмешательства государства в ценообразование. Не готово было общественное мнение принять и широкомасштабную приватизацию. Если против передачи в частную собственность небольших участков земли в 1992 г. высказались 6,2% респондентов, небольших предприятий и кафе, магазинов — 22,2%, то против приватизации крупных земельных участков выступали около 45% (за — 33,3%), больших заводов и фабрик — 51% (за — 27%). Настороженно относилось общественное мнение и к привлечению иностранного капитала: 45% опрошенных полагали, что это приведет к вывозу природных богатств и еще большему упадку экономики страны⁵¹.

Из всего этого следует вывод, что общество в целом не было надлежащим образом подготовлено к проведению кардинальных экономических реформ, не осознавало их неотложность, не предвидело их неизбежные издержки. Правда, «запас прочности», социальное терпение, позволявшее проводить непопулярные меры, были еще относительно велики. Настроения катастрофизма охватили значительную часть населения, но число тех, кто, отвечая на анкету, утверждал: «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», после начального шока стало с конца 1992 г. сокращаться, а тех, кто отрицательно оценивал положение собственной

семьи, неизменно было меньше тех, кто столь же негативно относился к экономической ситуации в стране⁵².

Другим парадоксом, который явило общественное мнение 1992—1993 гг., был относительно высокий (хотя и начавший снижаться) уровень поддержки власти населением — при убывающей политизации общества. Снижение интереса к политике, доверия к политическим лидерам и институтам, разочарование в собственных возможностях влиять на ход событий фиксировали не только социологические опросы. На митинги и политические собрания стало приходиться значительно меньше людей. Это было очень заметно, поскольку не изгладилась память о мощных народных манифестациях в августе 1991 г. Изменились настроения на собраниях избирателей, которые я регулярно проводил в своем округе, характер депутатской почты.

«Общество мобилизационного типа, как показывает опыт всей советской (и не только советской) истории, может проходить два состояния — политического мобилизационного возбуждения и политической апатии, отключенности, — объясняет этот феномен Юрий Левада. — Относительно краткий — если он не поддержан особыми обстоятельствами и рычагами воздействия на массы, как это было в условиях войны, — период эмоционального и морального напряжения неизбежно чередуется с периодом доминирования рутинных, “аппаратных” механизмов социализации и социального контроля»⁵³. Общество, однако, в начале 90-х годов не вполне погрузилось в апатию, новый переход в возбужденное состояние был не за горами. Сдвиги в общественных настроениях, в отношении к реформам и реформаторам не могли не найти своего отражения в политическом классе и прежде всего в парламенте. Обострившаяся борьба в структурах власти вызвала новый прилив общественной активности в условиях довольно резко менявшейся расстановки сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. с. 82—85. В этом, собственно, и заключалась основная концепция программы перехода к рынку «500 дней».

² Рос. газ. — 1993. — 3 авг.; Независимая газ. — 1993. — 9 сент.

³ Дефицит, писал Корнаи, — не результат несовершенства планирования или просчетов в хозяйственной политике: он задан объективно. «Когда в системе... проявляется всеобщий, хронический, самовоспроизводящийся, интенсивный дефицит, то эту систему можно назвать экономикой дефицита... Определенные общественные отношения и институционные условия порождают определенные поведенческие стереотипы, экономические закономерности и нормы, которые нельзя отменить решением государства... Ни правительственные решения, ни государственный план не могут устранить их до тех пор, пока существуют постоянно воспроизводящие эти условия явления» (*Корнаи Я.* Дефицит. — М., 1990. — С. 20, 589—590). Хотя Корнаи работал в значительно более свободных условиях, чем советские ученые, он воздержался от использования термина, более точно выражающего сущность хозяйственной организации, — «плановая экономика», система тотального огосударствления экономических связей.

⁴ В январе 1992 г. наличные ресурсы продовольственного зерна (без импорта) составляли 3 млн т, тогда как продовольственные потребности страны достигали 5 млн т в месяц. В более чем 60 из 89 российских регионов вообще не было запасов продовольственного зерна, и кормить население можно было, только немедленно перерабатывая поступающее по импорту зерно, для оплаты которого тоже не было свободных ресурсов (*Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991—1997.* — М., 1998. — С. 92).

⁵ Моск. правда. — 2004. — 12 авг.

⁶ *Russian Economic Reform. Crossing the Threshold of Structural Change / World Bank.* — [S. 1.], 1992.

⁷ За три года, в 1989—1991 гг., из СССР было вывезено более 1 тыс. т золота, и на 1 января 1992 г. золотой запас бывшего СССР достиг беспрецедентно низкой отметки: 289,6 т. Внешний долг в конвертируемой валюте составил 76 млрд долл. (по другим данным, 84 млрд; с 1988 г. он вырос почти вдвое), внутренний валютный долг — еще 5,6 млрд. Между тем страна должна была, по имевшимся расчетам, выплатить 29,4 млрд долл., что было, конечно, нереально (*Экономика переходного периода...* — С. 91; *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 134, 142; *Стародубровская И., Мау В.* Великие революции от Кромвеля до Путина. — М., 2001. — С. 271).

⁸ *Гайдар Е.* Государство и эволюция. — СПб., 1997. — С. 164.

⁹ *Попов Г.* С точки зрения экономиста (О романе А. Бека «Новое назначение») // Наука и жизнь. — 1987. — № 4.

¹⁰ *Гайдар Е.* Государство и эволюция... — С. 160—162.

¹¹ По данным Андрея Илларионова, темпы прироста потребительских цен в 1990 г. составили 5,6%, в 1991 г. — 92,7%, а по данным Евгения Ясина, в 1991 г. — 160,4% (Россия в меняющемся мире / Ин-т экон. анализа. — М., 1997. — С. 591; *Ясин Е. Г.* Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. — М., 2002. — С. 417).

¹² *Явлинский Г.* Десять лет: Публикации, интервью, выступления. 1990—1999. — М., 1999. — С. 58, 72—73 (соавторы статьи — М. Задорнов и А. Михайлов). «Самое главное состоит в том, — писал и А. Улюкаев, — что вопреки существующей политической мифологии, придающей избыточное влияние формальным актам, Советский Союз реально развалился 19 августа 1991 года и с этого времени существовал лишь номинально, а на самом деле не действовал как государственная машина, как орган проведения экономической и какой угодно другой политики» (*Улюкаев А.* Россия на пути реформ. — М., 1996. — С. 14).

¹³ *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — С. 100.

¹⁴ *Шмелев Н.* Авансы и долги: Вчера и завтра российских экономических реформ. — М., 1996. — С. 208, 210, 215, 207, 220; Рос. газ. — 1993. — 3 авг.

¹⁵ Еженед. журн. — 2004. — № 15. — 19—25 апр. — С. 26; Запись беседы с Гайдаром 09.04.2002 г. — Архив автора.

¹⁶ *Явлинский Г.* Десять лет... — С. 201—232.

¹⁷ *Он же.* Уроки экономической реформы: Laissez-faire в экс-СССР. — М., 1993. — С. 52—54.

¹⁸ *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 131.

¹⁹ *Авен П.* К вопросу о крахе либеральных реформ в России. — Расширенный вариант статьи, опубликованной в «Коммерсантъ-Daily» от 27 января 1999 г. — Архив автора.

²⁰ *Федоров Б.* Время для либеральных реформ в России еще не пришло // Коммерсантъ-Daily. — 1999. — 4 февр.

²¹ *Ясин Е.* Поражение или отступление? // НГ-Политэкономика. — 1999. — № 4. — Март.

²² «Если уж мы не имеем возможности отправить 150 млн. человек в космос на то время, пока здесь строится для них новый дом, то нельзя обращаться с ними, как с досадной помехой ударным темпам строительно-монтажных работ, — писал Г. Явлинский. — Поэтому, когда правительство, несмотря на провал своих планов, продолжает уверять меня в том, что появились отчетливые симптомы выздоровления, я расцениваю это не как демократические взаимоотношения между властью и народом, а как цинизм и вздорное упрямство безответственных людей, играющих со слишком серьезными вещами» (*Явлинский Г.* Десять лет.... — С. 194—195).

²³ *Reddaway P., Gliniski D.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy. — Washington, 2001. — P. 238—241.

²⁴ *Remington T. F. Politics in Russia.* — New York, 1999. — P. 15.

²⁵ *McFaul M. Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachev to Putin.* — Ithaka; London, 2001. — P. 143—146.

²⁶ Материалы II съезда движения «Демократическая Россия» — М.: DR-Press, 1991. — С. 11. — Архив автора.

²⁷ *Шмелев Н.* Указ. соч. — С. 231.

²⁸ *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. — М., 1999. — С. 60.

²⁹ См., например: *Независимая газ.* — 1991. — 22, 31 окт.; 20 нояб.; 24, 31 дек.

³⁰ *Ельцин Б.* Записки президента. — С. 163—165; *McFaul M.* Op. cit. — P. 140—143. Одной из причин (вероятно, не единственной), почему Ельцин сделал выбор в пользу Гайдара, была их общая ориентация на вычленение России из союзного экономического пространства, проведение реформ в рамках государства, где российскому президенту не приходилось согласовывать свои действия с иными «суверенами». Сказалась не только инерция борьбы с союзными государственными структурами, но и объективные трудности выработки единого курса. Сохранение элементов интегрированного хозяйства и рудиментов союзного государства, в деятельности которого и Явлинский, и Сабуров до и после Августа принимали заметное участие, означало бы либо разделение российского суверенитета с наднациональными органами, либо создание механизма, тормовившего задуманные реформы. И то, и другое было для Ельцина неприемлемым.

³¹ Это обещание, скорее всего, объясняется не заверениями реформаторов, а стремлением политика, решившегося, наконец, на отчаянный шаг, немедленно заразить этой решимостью массы людей. Во всяком случае, выступая 9 ноября 1991 г. на II съезде «Демократической России», Гайдар счел нужным публично отмежеваться от чрезмерно оптимистического прогноза: «Когда Борис Николаевич говорил о том, что к сентябрю—октябрю следующего года можно будет стабилизировать положение... это, разумеется не значит, что мы... сможем остановить спад производства и начать бурный экономический рост. Вот в это я не верю и не вижу, как этого можно добиться» (Материалы II съезда Движения «Демократическая Россия». — С. 13). Тогда мало кто обратил внимание на это предостережение, а впоследствии оно было забыто.

³² *Эпоха Ельцина.* — М., 2001. — С. 196.

³³ *Гайдар Е.* Дни поражений и побед... — С. 107.

³⁴ *Экономика переходного периода.* — С. 106—107; *Эпоха Ельцина.* — С. 195.

³⁵ В Польше это удалось провести не одновременно с либерализацией цен и созданием институциональных условий для свободной торговли, а последовательно, с временным разрывом.

³⁶ Ассигнования на закупку вооружений были урезаны в 7,5 раза, централизованные капиталовложения — в 1,5 раза, ценовые дотации — почти втрое. фи-

нансирование иных государств (за исключением стран СНГ) практически прекратилось (Экономика переходного периода... — С. 105).

³⁷ «У русских какое-то сакральное отношение к колбасе», — заметил один из моих французских друзей, дипломат и ученый Алексей Берелович.

³⁸ Подсчитано по: Российский статистический ежегодник. — М., 1999. — С. 16.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Стародубровская И., Мау В.* Указ. соч. — С. 265.

⁴¹ *Независимая газ.* — 1993. — 9 сент.

⁴² *Мау В.* Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. — М., 1999. — С. 114.

⁴³ *Ясин Е.* Российская экономика... — С. 417.

⁴⁴ *Исаков В.* Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. — М., 1995. — С. 143.

⁴⁵ *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Потери и обретения в России девяностых. — Т. 2. — М., 2001. — С. 185.

⁴⁶ Эпоха Ельцина. — С. 194.

⁴⁷ *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Указ. соч. — С. 66—67, 76—77.

⁴⁸ Там же. — С. 90—91.

⁴⁹ Экономика переходного периода... — С. 907—908; Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз. 1-я половина 1993 г. — Ч. 1. — М.: ИСПИ РАН, 1993. — С. 30. Коэффициент Джини — статистический показатель, выражающий степень равномерности в распределении доходов. Его максимальное значение равно 1 (все доходы сосредоточены в руках одного получателя), минимальное — нулю (доходы распределены поровну). Представляет интерес не столько абсолютная величина приводимых показателей, сколько их динамика, исчисленная по единой методике и выражающая превалирующую тенденцию.

⁵⁰ Мониторинг обществ. мнения / ВЦИОМ. — 2000. — № 3. — С. 5.

⁵¹ Данные ФОМ и ВЦИОМ (см.: Экономика переходного периода... — С. 940—994; Мониторинг общественного мнения / ВЦИОМ. — 1993. — № 1. — С. 21, 29). Характерно размежевание по отношению к частному предпринимательству по поколенческим группам. Положительное отношение высказали 69% молодых людей (до 20 лет) и лишь 27% ветеранов старше 65 лет (*Левада Ю. А.* От мнений к пониманию. — М., 2000. — С. 21).

⁵² Мониторинг обществ. мнения / ВЦИОМ. — 1993. — № 1. — С. 12; Там же. — 2000. — № 3. — С. 3.

⁵³ *Левада Ю. А.* Указ. соч. — С. 13—14.

глава 13

От V к VI Съезду: политические рокировки

Государству служат худшие люди, а лучшие
только худшими своими свойствами.

Василий Ключевский

БОРИС ЕЛЬЦИН И ДРУГИЕ

В конце 1991 — начале 1992 г. в России начал оформляться, а затем и отвердевать каркас переходной политической системы с ее государственными институтами, дуализмом президентской и парламентской власти и квазимногопартийностью. То, что происходило в эти месяцы, во многом определившие весь дальнейший ход событий, навеивает ассоциацию с библейскими вторым и третьим днями творения, когда возникли контуры вновь создаваемого мира, произросли трава и деревья, приносящие семена и плоды. Но в отличие от библейской истории, где мир возник из ничего, выстраивание новой России происходило из имевшихся в наличии материалов — обломков прежней системы — и во многом подчинялось укорененным в обществе традициям.

Режим, движение к которому началось в последние годы перестройки и который теперь весьма определенно утверждался, в западной политологии получил имя делегативной демократии — в отличие от представительной демократии в странах первого

эшелона исторического развития. Гильермо О'Доннел ввел этот термин, чтобы отличить неконсолидированные общества, совершающие исторический транзит во второй половине XX века, общества, где власть опирается не на сбалансированную систему сдержек и противовесов, а на свою сверхмощную исполнительную ветвь, во главе которой стоит президент, избранный, как правило, всеобщим голосованием и ограниченный лишь сроком, на который он получил свои полномочия¹.

В России этот режим, сложившись, получил имя Ельцина. Это было заслуженно. На режим, который тогда только начинал оформляться, пытаясь приспособить к себе парламент, неизгладимый отпечаток наложили личностные черты первого российского президента. Впрочем, его власть в этот период была хотя и превалярующей, но не подавляющей. Ее возможности и пределы были определены юридически изменениями, внесенными в Конституцию на IV съезде СНД РСФСР и двумя постановлениями V съезда, о которых шла речь выше, а фактически — реальным соотношением сил. Говоря об имевшемся строительном материале, из которого начала созидаться новая система, я имел в виду, в частности, ту модель сильной президентской власти, которую попытался сконструировать еще Горбачев в СССР в конце 1990 г. Это замена Совета министров, формируемого и подчиненного парламенту, на президентский Кабинет министров, который делит исполнительную власть с иными органами, создаваемыми президентом (Совет безопасности, Совет Федерации и др.), право президента издавать нормативные указы по широкому кругу вопросов, вводить прямое президентское правление в неблагополучных регионах, отстранять демократически избранные органы власти и т. д. По известным причинам Горбачев не сумел воспользоваться предоставленными ему прерогативами, но модель была именно такова.

Ельцину российский парламент отвел более ограниченное властное пространство. Президент, правда, был объявлен главой исполнительной власти, получил право назначения и отстранения

председателя правительства (но только с согласия ВС), назначения и освобождения от должности министров, а из полномочий ВС было исключено выражение доверия (и недоверия) отдельным министрам. Президент получил также ряд других важных полномочий, постоянных и (по решению V Съезда) временных. Статус и права вице-президента не были зафиксированы: он лишь мог осуществлять отдельные полномочия «по поручению президента» и терпеливо ждать момента, когда политические или физические обстоятельства позволят ему занять высший государственный пост. Но в устанавливавшейся дуалистической системе власти президент проигрывал парламенту по целому ряду существенных позиций. Его контроль над правительством был не безграничным. Так, отправить правительство в отставку он мог только с согласия ВС. Напротив, ВС и СНД могли сделать это немедленно голосованием простого большинства и без каких-либо ограничительных условий (которые появились лишь в Конституции 1993 г.). Президент не мог распустить или приостановить деятельность не только парламента, но и любых иных законно избранных органов государственной власти (что было специально оговорено в отдельной статье, которую Шахрай, когда вносились изменения в Конституцию, вписал в ее проект, чтобы рассеять опасения депутатов). Зато СНД посредством менее сложной и более короткой процедуры, чем это было записано позднее в Конституции 1993 г., мог отрешить президента от должности.

В конфликтных ситуациях у президента не было действенных инструментов воздействия на парламент. Его законодательное veto можно было легко преодолеть повторным голосованием простого большинства депутатов. Указы же президента имел право отменить Верховный Совет на основе заключения Конституционного суда либо Съезд без всякого заключения. При обострении ситуации президент не мог обратиться к народу: он не получил права инициировать референдум. Конечно, это могли сделать его сторонники, собрав необходимое число подписей, но, во-первых, для того требовалось время, а во-вторых, формулировку вопросов

в конечном счете определял ВС. Кроме всего этого, сохраненная в Конституции статья 104, в соответствии с которой СНД был «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации», недвусмысленно закрепляла приоритет Съезда перед президентом. Вдобавок президент не имел права занимать должности в общественных организациях (т. е. не мог возглавить собственную партию) и был ограничен возрастным цензом в 65 лет (из чего вытекало, что Ельцин не может быть избран на второй срок)².

Как видно, вводя институт президентства, парламент тут же воздвиг серьезные ограничители, но это, вероятно, было максимумом, которого в сложной политической ситуации мая 1991 г. можно было от него добиться. После всех драматических событий августа—декабря эта конституционная модель перестала соответствовать новому соотношению сил. Победителем был президент. Парламент в лучшем случае не скомпрометировал себя так, как его союзный аналог: он лишь примкнул к победителям, когда исход схватки стал ясен. Самая его легитимность — и политически, и юридически, и морально — была слабее, чем у президента хотя бы потому, что Ельцин получил свой мандат на всеобщих выборах на год с лишним позднее и в ситуации более острого политического противостояния. Опираясь на эти политические позиции и временные полномочия, полученные от V Съезда, он дал старт экономическим реформам и приступил к очередной реорганизации властных структур или, точнее, к перетряске своего ближайшего окружения.

Не раз повторено, что психологической доминантой, определявшей и представления, и поступки Ельцина на всех этапах его политической карьеры, была жажда власти, с момента избрания президентом — абсолютной и непререкаемой власти. К этой цели он шел напролом, не считаясь ни с чем и не испытывая никаких сантиментов. Исходя из нее, он формировал свое окружение: приближал тех, кого мог использовать для достижения цели, и безжалостно расставался с людьми, которые по тем или иным

причинам становились для него обременительными. Авторитарный склад личности, предельно жесткий стиль руководства, усвоенный им еще в бытность секретарем обкома, даже манеры публичного поведения «царя Бориса» — все это, казалось, подтверждает версию о неумном властолюбии как двигательной пружине поведения Ельцина. Мне же это клише представляется крайне упрощенным, более того, искаженным видением мотивов и иерархии ценностей первого российского президента. Я, конечно, не могу претендовать на то, что проник в глубины сознания этой сложной и закрытой человеческой натуры. И все же рискну утверждать — на основании длительного пристального наблюдения и кратковременного общения, — что власть, которая для Ельцина была так важна и которой он пользовался подчас безоглядно и неумеренно, была в его глазах все-таки инструментальной, а не терминальной ценностью.

Порвав на каком-то этапе своего жизненного пути с коммунистической верой, с дисциплиной подчинения, увидев историческую тупиковость семидесятилетнего пути, Ельцин уверовал в свою миссию: увести страну с этой бесперспективной дороги, вернуть ее в сообщество цивилизованных стран. Это стало его главной целью, всепожирающей страстью. Для того ему нужна была власть. А поскольку задача оказалась неимоверно трудной, — чем меньше ограничений у этой власти, вероятно, был убежден Ельцин, тем лучше. «Я не собираюсь уходить, — говорил он журналистам в 1992 г., — пока не преодолен именно ранний период демократии у нас»³. Читатель волен соглашаться или не соглашаться со мной, но именно здесь я вижу психологическую основу конфликта президента и парламента, который и прежде нехотя делился своими правами и локаторы которого быстро уловили начавшиеся сдвиги в настроениях значительной части избирателей. Ельцин думал, что он искореняет антигуманный, антилиберальный коммунизм, и, действительно, разрушал некоторые фундаментальные основы прежней системы. Но для этого, сознательно или бессознательно, ему приходилось реге-

нерировать некоторые существенные элементы советской — и даже более давней, самодержавной — системы управления в виде «президентской вертикали», которая не оставляла места ни разделению властей, которое он публично одобрял, ни независимому парламенту, который со временем вызывал у него все большее раздражение и отторжение.

В статье, очень высоко, почти апологетически оценивавшей итоги первого года президентства Ельцина, сводившей его ответственность за развал СССР к нулю, Виталий Третьяков осторожно предупреждал, что демократизм бывшего секретаря обкома небеспределен⁴. Сегодня, когда политическая карьера Бориса Ельцина завершилась и когда самые суровые обвинения в его адрес произнесены, я хотел бы подчеркнуть нечто противоположное: пределы имел бесспорно присущий ему авторитарный стиль поведения и управления. И ограничен он был признанием некоторых (далеко не всех, но очень важных) демократических ценностей, которые он не мог впитать с молодых ногтей, но которым, раз приобщившись к ним, оставался привержен. В их ряду — право людей иметь и выражать собственное мнение, свобода печати, в том числе свобода критики власти, свобода передвижения граждан. В запретной для него зоне оставались ограничение политического плюрализма и прямое подавление оппозиции (если только она сама не переходила к насильственным действиям). Нельзя не оценить и еще одно примечательное обстоятельство. На первых этапах своего начавшегося в 1990 г. восхождения к власти Ельцин проявил исключительное для людей его возраста и круга качество — способность к обучению, к интеллектуальному росту.

Обо всем этом можно говорить по итогам десятилетнего правления «царя Бориса», которое знало свои взлеты и падения. А тогда, в первые месяцы 1992 г., Ельцин сам не знал, какие неожиданности преподнесут ему события (отсюда — и непредсказуемость многих его шагов), какие плоды принесет главное его решение того времени — начало экономической реформы «по Гайдари». «Начная концепция Гайдара, — напишет он позднее, — совпала с мо-

ей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро. Я не мог снова заставлять людей ждать, оттягивать главные события, главные процессы на годы. Раз решились — надо идти!»⁵. Быстро не получилось. Главным образом из этого вытекали и нараставшее ожесточение борьбы с новым парламентским большинством, и постепенно обозначившиеся напряжения в его отношениях с демократами.

Главная роль в проведении экономической реформы была отведена Гайдару и пришедшей с ним команде: «было очень заманчиво взять на этот пост человека “другой породы”», — рассказывает Ельцин⁶. Но он не был бы самим собой, если бы, как говорят, сложил все яйца в одну корзину. Даже правительство, и в том числе его экономический блок, были неоднородны. Гайдар насчитал в нем «четыре группы людей с существенно разным опытом, навыками, мировоззрением». Но не прошло и нескольких месяцев со дня создания нового правительства, как президент начал его реорганизовывать, смещая министров, близких вице-премьеру, даже не уведомив его предварительно. Уже в мае «я понял, — пишет Гайдар, — что мои возможности отстаивать перед президентом свою точку зрения подорваны и что на его поддержку больше рассчитывать не приходится»⁷.

Но, помимо правительства, Ельцин искусно манипулировал иными структурами исполнительной власти, в которые были рекрутированы люди принципиально «другой породы», нежели «молодые реформаторы». Самыми влиятельными деятелями в структурах государственной власти в 1991—1992 гг. были не вновь избранный председатель парламента Хасбулатов и не вице-президент Руцкой, а глава президентской администрации Юрий Петров и первый вице-премьер и государственный секретарь (должность была изобретена специально для него) Геннадий Бурбулис. Оба были из Свердловска, но только это и было у них общим. Петров, пришедший на партийную работу с производства, уверенно делал карьеру сначала в местных партийных органах, а затем в ЦК КПСС. В 1985 г., когда Ельцин был переведен в Москву, Петров

по его рекомендации возглавил свердловскую парторганизацию. В 1988 г. на совещании в ЦК партии он выразил солидарность с известной статьей Нины Андреевой. Вскоре после этого отправлен послом на Кубу. В 1991 г. он, вышколенный партийный чиновник и эффективный бюрократ, был приглашен возглавить Администрацию президента, где, в частности, стал контролировать потоки информации, поступающие в главный кабинет Кремля.

Жизненный путь Бурбулиса был совершенно иным. В юности он тоже отведал заводского хлеба, служил в армии, но после того стал выстраивать научную карьеру: защитил диссертацию, преподавал философию, возглавлял кафедру общественных наук. В 1987 г. организовал в Свердловске первый в СССР политический форум «Дискуссионная трибуна». В 1989 г. был избран народным депутатом СССР, вошел в Межрегиональную группу, затем стал доверенным лицом Ельцина, его представителем на различных переговорах, а в 1991 г. — идеологом и организатором его победоносной президентской избирательной кампании.

Главную свою политическую роль Бурбулис сыграл на следующем историческом перегоне — от восхождения Ельцина на пост президента до VI СНД РСФСР, т. е. с лета 1991-го до весны 1992 г. На смену все более ожесточавшемуся противостоянию прежних месяцев пришло короткое политическое затишье. Поражение путчистов обнаружило две слабости российской государственной власти. Стало ясно, что в резко изменившейся обстановке у победителя нет внятной программы действий, а правительство Силаева не способно решать серьезно усложнившиеся задачи. Не отвечал этим задачам и Высший консультативно-координационный совет России, созданный как неполноценный аналог Президентского совета Горбачева летом 1990 г., после того как Ельцин возглавил ВС.

Первым шагом вслед за президентскими выборами стало преобразование этого органа в июле 1991 г. в Государственный совет при российском президенте. В него вошли как некоторые министры, так и специалисты, возведенные чуть позже в ранг го-

сударственных советников президента, в основном люди, знакомые ему по МДГ: Станкевич, Старовойтова, Яблоков и др. Руководителем Госсовета стал Бурбулис. Его экспертные группы приступили к разработке программы, с наметками которой в начале сентября и отправился Бурбулис в Бочаров Ручей под Сочи, где проводил свой отпуск Ельцин.

Три напряженных дня, с раннего утра до поздней ночи шла, рассказывает Бурбулис, напряженная работа. Искали ответ на вопрос, **чего нельзя не делать** российской власти в обстановке, которую унаследовали победители, и надежд. Здесь и были приняты решения, вынесенные на V СНД РСФСР в октябре. Но главный вопрос упирался в реорганизацию правительства, «у которого не было ни воли, ни идеи, ни программы действий, ни желания их совершать». Корректно расстаться с Силаевым и малодеспособными министрами было половиной дела. Значительно сложнее было подобрать нового главу правительства: одни, на кого мог пасть выбор, решительно отказывались, другие, жаждавшие занять этот пост, явно для этого не годились. И тогда был найден неординарный выход: правительство временно возглавит сам президент. Это решение повлекло за собой другое. Поскольку трудно было рассчитывать, что Ельцин сможет повседневно заниматься делами правительства, вникая во все детали, а большинство тех людей, которых намеревались в него пригласить, были новобранцами, нужен был руководитель, пользующийся доверием президента и способный координировать деятельность министров. Указом президента сразу после V Съезда, в ноябре 1991 г., на должность первого вице-премьера был назначен Бурбулис, архитектор новой конструкции власти и главный автор ее программы. Это поднимало его статус и узаконивало руководящую роль в правительстве.

Мы были, говорит Бурбулис, пожарной командой, принужденной работать в не нами созданных чрезвычайных условиях жесточайшего системного кризиса, а не правительством радикалов, воплощавших на практике свои доморощенные идеи. Совмещение же

постов первого вице-преьера и госсекретаря в сложившихся условиях, продолжает Геннадий Эдуардович, было вынужденной мерой. Куда как лучше было бы отделить правительство, которое должно было проводить непопулярные меры, решая неотложные задачи в своей, прежде всего экономической сфере деятельности, от госсекретаря, выстраивающего новую государственность и новую гражданскую систему. К сожалению, такой возможности обстоятельства нам не оставили, и через некоторое время все ухнуло в одну воронку: президент, правительство реформ и люди, ответственные за их политическое и интеллектуальное обеспечение. И в сознании людей, и в оценках экспертов демократические преобразования, переход к новому общественному строю оказались тесно связанными с экономическими процессами и их результатами. Правительство реформ стало изгоем в глазах и населения, и демократов первой волны. Вот цена, которую заплатили за то, что пренебрегли созданием новой социальной базы и политической организации, разъяснительной работой. Так выглядят уроки происшедшего по Бурбулису. Между тем самая возможность искусно построить ряды реформаторов, предусмотрительно подразделив их на овец и козлиц, кажется мне сомнительной. При любой расстановке сил реформаторов бумеранг несбывшихся ожиданий, запущенный в конце 1991 г., должен был вернуться и ударить по ним всем. Иначе и быть не могло — что и произошло чуть позже, уже после V Съезда, довольно легко одоббившего крутой поворот политики и новую структуру власти. Он больше и раньше других ударит по главному в то время confidentу Ельцина.

Меня же интересовало, как произошло сближение, более того, тесная, хотя и недолгая спайка двух людей, столь разных по жизненному опыту, образованию, интеллектуальному облику, исходным ценностям, даже по способу мыслить и манере свои мысли излагать. Отвечает Геннадий Бурбулис: «Мы работали как два человека, нуждающихся во взаимном обмене опытом. Привычная для Ельцина стилистика — упрощение задачи и напряжение воли для ее решения. Но у него также колоссально развит рефлекс са-

мообучения, он гениальный политический интуитивист. Потребность во мне и терпимость к моим особенностям проявлялись тем отчетливее, чем неопределеннее была ситуация, чем острее он чувствовал, что вчерашние представления непригодны для решения новых проблем. Каким-то звериным чутьем он, ощущая опасность и будучи нацеленным на власть, осознавал, что понять ситуацию, в которой он неожиданно оказался, на основе привычного мыслительного алгоритма нельзя. И он вынужден был принимать мои “абстракции”, вести часовые дискуссии, пропускать через себя высказываемые аргументы, сомнения, возражения. Порой он демонстрировал виртуозную актерскую способность к пониманию, со-чувствию, со-переживанию...»⁸.

Конечно, долго так продолжаться не могло. Невольно вспоминается строчка Окуджавы: «Ему чего-нибудь попроще бы». В середине апреля, сразу после VI Съезда, неожиданно для себя и окружающих Бурбулис был смещен с поста первого вице-премьера. Это стало началом заката яркой и стремительной политической карьеры «серого кардинала»⁹. Понижение его статуса расценивали как кость, брошенную Ельциным той немалочисленной части депутатского корпуса, у которой Бурбулис заслужил почетную, с моей точки зрения, ненависть. Аналогичные чувства к нему испытывали некоторые высокопоставленные, но обойденные начальственным расположением политики. Бурбулис, однако, не был «серым кардиналом»; не таков был характер Ельцина, чтобы держать при себе подлинного вершителя политики, а самому выполнять роль британской королевы. Интеллектуальный вклад Бурбулиса в победное восхождение Ельцина едва ли можно переоценить. И хотя в начале 1992 г. Ельцин еще рассчитывал на «мирное сосуществование» с парламентом, он не расстался бы со своим ближайшим советником только в угоду чьим-то пристрастиям. В своих воспоминаниях Ельцин довольно откровенно рассказал, как нарастала его психологическая несовместимость с человеком, который «без приглашения мог прийти на любое совещание, независимо от его содержания и формальной сторо-

ны, и сесть по правую руку от президента... Так же просто, как входил Геннадий Бурбулис на любые совещания, он начал входить в меня самого. В личных отношениях наступил какой-то предел»¹⁰. Холодно, даже не без некоторой доли цинизма, Ельцин объясняет свои мотивы. Ему показалось, что для интеллектуального обеспечения избранного курса достаточно Гайдара, кстати, приведенного к нему тем же Бурбулисом. «Младореформаторы» действовали в сфере, которая для Ельцина была *terra incognita*. Бурбулис же претендовал на большее: на принятие стратегических и кадровых решений, и это стало тяготить президента. «Бурбулис нашел исполнителя для новой экономической политики российского руководства, — напишет позднее Ельцин. — Но исполнители оказались талантливее его самого»¹¹.

Это еще одна проговорка Ельцина. Он нуждался в исполнителях. В том числе и творческих, способных брать на себя ответственность, но твердо знающих свое место, не одержимых «бесом властолюбия»¹², не претендующих на роль со-творца политики, организатора «мозговых атак» — и в этом качестве соразмерных самому президенту. По своему характеру он вообще не мог переносить в своем окружении более или менее продолжительного присутствия «второго лица», даже не обладающего таким интеллектуальным потенциалом, как Бурбулис. Претензии подобного рода он пресекал жестко. На этом сломались Хасбулатов и Руцкой, возмнившие, будто могут претендовать на нечто большее, чем роль простых исполнителей. На этом позднее сломается Коржаков, калиф на час, за душой у которого не было вообще никаких политических, да и человеческих достоинств, кроме расторопности служащего. Вообще же приближение в разное время этих и других очень разных, абсолютно несочетаемых друг с другом, но приглянувшихся Ельцину людей немало говорит о его натуре, струны которой могли отзываться по-разному.

В 1991—1992 гг. я довольно регулярно встречался с Бурбулисом, стремясь привлечь его внимание к вопросам, которые меня тогда занимали (отношения с США, проблемы Южных Курил,

трагедия Карабаха, статус наших войск в Закавказье и др.), и всегда видел заинтересованность, знание дела, ясную позицию (чем не могли похвастаться иные люди из тогдашнего окружения президента). Ельцину же в качестве ближайших фаворитов, справедливо замечает Лилия Шевцова, нужны были «...люди совсем другого плана, скорее порученцы. Бурбулис был единственным сподвижником, который пытался — хорошо или плохо, уже другое дело — выстраивать политику, причем на основе вполне определенных идеалов. Те, кто заменил его на посту первого соратника, уже не заботились об идеалах и не строили моделей — Ельцин в этом больше не нуждался»¹³.

Не могу сказать, что мое видение вещей всегда совпадало с подходами Геннадия Эдуардовича. Уже в начале 1992 г. он не считал нужным скрывать враждебное и, более того, пренебрежительное отношение к политическим противникам, к Съезду: «У наших оппонентов собственных резервов нет. Их резервы — в деликатности власти, в ее юридической сдержанности... — говорил он на встречах с группами депутатов из демократических фракций. — Есть политический слой, который мы сами выстроили, а все остальное — злое, чужое, ненавистное... Нарастающий вал критики правительства связан не с профессиональными качествами отдельных его членов. Это относится и ко мне. Вообще-то можно было бы и уступить, но кто скажет, где кончается атака на персоны и начинается — на курс... Предстоящий Съезд будет крикливым, злым, но ни на что серьезное по результатам он не решится»¹⁴. Чуть позднее Бурбулис стал убежденным сторонником досрочного роспуска Съезда. К тому его — и не только его — склоняли процессы, разворачивавшиеся в парламенте и обществе.

ДЕМОКРАТЫ: «КАМО ГРЯДЕШИ?»

Одно из самых расхожих обвинений в адрес демократов: они не сумели оказать должного влияния на ход событий. Если это и так,

важно понять причины, объективные и субъективные, почему так быстро схлынула, ушла в песок демократическая волна в российской политике. А для того — уяснить, что представляла собой демократическая составляющая того потока, который смел коммунистическую систему. То было довольно массовое, особенно в столицах, но аморфное, плохо организованное движение, лидеры и активисты которого переоценивали собственную роль в происшедших событиях. Для тех, кто считал, что привел Ельцина к власти и рассчитывал оказывать серьезное политическое влияние на новую власть, «номенклатурный реванш» — наполнение ее структур людьми из второго и последующих эшелонов ранее правившей бюрократии — оказался неожиданностью. Это, конечно, было проявлением политической наивности.

Чтобы демократы могли сыграть самостоятельную роль в критический момент крушения старой и воссоздания новой власти, требовалось по крайней мере одно из двух условий. Либо у них должна была быть хорошо организованная политическая партия, известная народу, получающая поддержку граждан независимо от того, ассоциирована она с Ельциным или нет, имеющая теневой кабинет, экспертов, кадры, готовые выполнять государственную работу, обладающая единством воли и механизмами, способными эту волю реализовать в действия. То есть то, что настойчиво создавали еще до крушения коммунистического режима польские демократы во главе Мазовецким, Геремеком, Михником и другими, чей авторитет и влияние не были отраженным светом Валенсы. Такого в России не могло быть после 70 лет коммунистической диктатуры. Она целенаправленно выгптывала любые всходы гражданского общества и особенно политической самоорганизации людей, нарушила преемственность, историческую, поколенческую связь со всем тем, что начало было произрастать в России в начале XX века. И вдобавок оставила после себя «антипартийный синдром» в сознании людей. Конечно, возникнуть на развалинах прежнего режима за два-три года только потому, что пали репрессивные препоны, влиятельная демократическая партия не могла.

Либо, на худой конец, необходим был харизматический лидер, если и не равный, то сопоставимый по влиянию с Ельциным, готовый стать ему альтернативой в общественном мнении. Это отвечало бы вождистским склонностям нашего общества. Такого лидера у демократов не нашлось. Сахаров умер, Горбачев разочаровал своей нерешительностью, компромиссами с консерваторами. Единственным, кто мог бы занять вакантное место вождя демократов, какое-то время казался Юрий Афанасьев — интеллеktуал, идеолог, трибун, заметный и замеченный в стране «прораб перестройки», стоявший у руля последовательно возникавших и находившихся на виду демократических организаций — «Мемориала», «Московской трибуны», МДГ. Когда в 1991 г. в Координационном совете «Демократической России» встал вопрос о выдвижении демократического кандидата в российский парламент по одному из освободившихся избирательных округов Москвы, я посчитал безумной позицию некоторых членов Координационного совета, отстаивавших альтернативную Афанасьеву кандидатуру. Казалось, в парламент должен прийти вождь демократов, божьей милостью предназначенный на эту роль. Афанасьев был избран, но стать лидером и организатором демократических фракций он не захотел или не смог.

Правда, на рубеже 1991—1992 гг. «Демократическая Россия» выглядела еще довольно импозантно. На фоне лихорадочного, кустарного партийного строительства, чуть не каждую неделю возводившего «диванные» партии-однодневки, большинство которых тут же проваливались в неизвестность, она была заметной силой. На СНД, помимо фракции «Демократической России», существовал под тем же именем блок пяти фракций, насчитывавший более 300 депутатов. ДР широко использовала парламентскую трибуну, ее поддерживали и пропагандировали многие печатные издания в Центре и регионах, журналисты на радио и телевидении. На II съезде движения в ноябре 1991 г. 1298 зарегистрированных делегатов представляли 74 региона и, по оценкам организаторов (возможно, несколько преувеличенным), от 300 до 500 тыс. членов, входивших в движение на индивидуальной основе либо в со-

ставе примкнувших партий и организаций. На съезде был сформирован Совет представителей (СП), в который вошли 26 членов, избранных персонально, представители региональных организаций (140 + 11 от Москвы), 14 человек от партий и 33 от общественных организаций — итого 224 человека¹⁵.

После того, как указами президента была приостановлена деятельность компартии, «Демократическая Россия» на партийно-политической сцене не знала себе равных. Но силу ДР, даже когда августовский зенит был едва пройден, не следует переоценивать. Движение было слишком рыхлым, его организация хромала на обе ноги. Так, на январском пленуме СП присутствовало 125 членов (по другим данным — 121), на мартовском — 132. Это, однако, было полбеда. После того, как исчез стержень, объединявший демократов, — оппозиция прежнему режиму, выявилась крайняя политическая неоднородность движения. Не замедлили последовать расколы. Свою роль сыграли амбиции тех, кто занял лидерские позиции, психологическая несовместимость многих из них. Вскоре движение стали раздирать яростные споры.

В парламенте отношения между депутатами демократических фракций были более спокойными. Но фракции эти не стали центрами кристаллизации демократических партий. Даже Объединенная фракция Республиканской и Социал-демократической партий (большинство которой составляли, впрочем, беспартийные депутаты), созданная с прицелом на объединение двух близких партий¹⁶, вскоре распалась. Наиболее известные в стране демократические депутаты нашли применение своим силам главным образом в комитетах и комиссиях ВС, в СМИ; со временем началось их перетягивание — не как представителей парламентских образований, а в личном качестве — в президентскую администрацию и правительство. Некоторые же вообще во время Съездов предпочитали проводить время в курилках. Органы демократического блока в парламенте возглавили менее известные и авторитетные депутаты, осуществлявшие лишь техническое, а не политическое руководство.

Первый раскол в «Демократической России» произошел уже в конце 1991-го. Ушли «государственники» из блока «Народное согласие»: Демократическая партия, которую увлек очередной (далеко не последний) вираж ее лидера Николая Травкина, Партия кадетов (вернее, ее часть, пошедшая за Михаилом Астафьевым) и Российское христианско-демократическое движение Виктора Аксютинца (тоже претерпевшее ряд внутренних расколов). В основу этого размежевания легли глубокие, по сути, непреодолимые расхождения. Лидеры «Народного согласия» не могли примириться с тем, что «Демократическая Россия» поддержала Беловежские и Алма-Атинские соглашения, а по вопросам национально-государственного устройства заняла позицию, которая, по их мнению, вела к распаду России. Справедливости ради следует отметить, что критика некоторых заявлений и действий лидеров «Демократической России» имела веские основания. Представители «Народного согласия» осудили предпринятые еще до Августа попытки ряда видных демократов, занимавших радикальные позиции, убедить Ельцина отказаться от подписания Союзного договора, проект которого, как мы видели, был плодом трудного компромисса. Они говорили об ошибочном выборе союзников в бывших республиках СССР: таковыми стали сепаратисты и националисты, в том числе крайние. «Демократическая Россия» не посмела осудить Звиада Гамсахурдиа, не выступила против ущемления прав русскоязычного населения в государствах Балтии. Бесплатную, без разбора, раздачу государственной собственности, поддержанную «Демократической Россией», идеологи «Народного согласия» заклеили как антидемократическую меру¹⁷. События подтвердили обоснованность этих и ряда других суждений критиков. Однако задержаться на взвешенной позиции в политике бывает трудно. Логика борьбы вела некоторых активистов демократического движения, сыгравших в нем заметную роль на рубеже 1980—1990-х годов, на державнические, национал-патриотические позиции. Пока был сделан первый шаг. За ним последуют другие, которые вскоре приведут их по другую сторону баррикад.

На II съезде ДР наметилось и другое расслоение — на этот раз в рядах собственно демократического движения. Обозначился разлом, который теперь будет сопровождать политическую эволюцию российских демократов на годы вперед. С радикальной критикой политической линии большинства на съезде и последовавших пленумах выступили люди авторитетные в движении и в стране, идеологи и «прорабы перестройки»: Юрий Афанасьев, Леонид Баткин, Юрий Буртин, Елена Боннэр и др. Поскольку на январском пленуме Совета представителей ДР 1992 г. предложенные ими проекты резолюций были отклонены, они, а также Бэла Денисенко, занявшая первое место по рейтингу при избрании в СП, и Марина Салье заявили о выходе из всех руководящих органов движения.

Главным вопросом, разделивших «демороссов», было отношение к новой власти. На ноябрьском съезде позиция радикальных политиков была выражена еще предельно осторожно: мы оправдываем мораторий на любые выборы представительной власти и особые полномочия, предоставленные Ельцину, но считаем опасным переход к демократическому будущему через временный откат от демократии. Мы можем попытаться создать своего рода баланс между исполнительно-распорядительной властью, «партией власти» и обществом: представители общества — мы. Мы должны поддерживать ельцинское руководство, говорил Баткин, но «поддержка может быть эффективной, если она включает в себя оппозиционность, критичность... “Нашей” власти не бывает. Власть это власть»¹⁸.

На январском пленуме Совета представителей ДР эта позиция была заострена. В проекте резолюции, представленной Афанасьевым, говорилось, что «члены прежней номенклатуры в массе сохранили за собой властные должности, с готовностью включают в ряды правящего слоя выдвиненцев “демократической волны”, сохраняют и расширяют механизм негласного потребления благ, недоступных рядовому гражданину». Развивая эту мысль, Афанасьев говорил: «Гайдар с его группой “окутыва-

ется” всей президентской ратью... Гайдара и Чубайса надо было бы поддержать, но их надо поддерживать против господствующих властных структур. А там превалирует все-таки голос не Гайдара и не Чубайса». Да и «сам президент, к сожалению, что ни выступление, то допускает необдуманные, безответственные высказывания и поступки»¹⁹.

С каждым месяцем отторжение от новой власти становилось все резче. На одном из февральских совещаний в «Демократической России» Афанасьев, сопоставляя эту власть с прежней, советской, сформулировал еще более жесткую позицию. «Как была та власть противостоящей обществу, так и эта остается противостоящей обществу. Как была та власть не сформирована самим обществом, в его интересах, как это имеет место в демократических государствах, так и эта теперешняя власть не сформирована обществом, в его интересах»²⁰. Суровой критике были подвергнуты все основные направления государственной политики: реформы, которые проводятся только сверху, каждодневное ухудшение качества жизни большинства («в нашем доме пахнет воровством»), «великодержавные тенденции» в национально-государственном устройстве и внешней политике и т. д.

Какую альтернативу демократические критики власти могли противопоставить этим опасным тенденциям? Буртин предложил создать на местах под эгидой «Демократической России» широкую сеть общественных комитетов реформы во главе с Всероссийским советом. Им и надлежало проявить инициативу при проведении приватизации, аграрной реформы, социальной защите населения и осуществлении контроля за соблюдением законов, т. е., по существу, перехватить ряд государственных функций и оттеснить те силы в администрации, которые тормозят проведение реформ²¹. Баткин придумал, а его коллеги поддерживали броский лозунг о «единой, но делимой России» как противовес авторитарным поползновениям федеральной власти. Если эта идея и содержала рациональное начало, акцентируя необходимость горизонтального рассредоточения властных функций и развития

самоуправленческих начал, то выдвинута она была не ко времени (ибо власть в большинстве регионов была более консервативной и авторитарной, чем в Центре) и выражена в крайне неудачной форме, а потому воспринята как призыв к дальнейшему дроблению страны.

Серьезные обвинения были брошены как популярным демократическим политикам, ставшим мэрами Москвы и Петербурга, — Гавриилу Попову и Анатолию Собчаку, так и группе, доминировавшей в Координационном совете «Демократической России», — Льву Пономареву, Глебу Якунину, Михаилу Шнейдеру, Владимиру Боксеру и др. Авторитет Движения, заявили радикальные критики, начал очевидным образом падать, самое слово «демократы» становится бранным, политическое поведение и образ жизни многих из тех, кто слыли сторонниками демократии, вызывает разочарование и негодование населения. Эти люди ориентируют «Демократическую Россию» на сотрудничество с исполнительной властью на любых условиях. Демократические процедуры в самом движении подменены политиканскими интригами и манипуляциями, аппаратчики взяли в свои руки большинство нитей, связывающих КС с региональными организациями, полным ходом идет выдавливание «ненаших» из руководящих структур. «Возобладала “политическая линия”, состоящая в отсутствии политической линии», движение губит «беспринципность тех, кто попросту строит на ДР свою карьеру». В итоге «Движение “Демократическая Россия” умирает, умирает в тот момент, когда в его необходимости испытывается самая огромная потребность»²².

Руководящее ядро Координационного совета ДР, естественно, не осталось в долгу. Критиков в пылу полемики назвали банкротами, оторвавшимися от движения. Погибнет «Демократическая Россия», возражал им Пономарев, как раз в том случае, если пойдет по пути, на который зовут радикалы, если встанет в оппозицию к президенту и существующей власти. Более того, переход демократов в оппозицию означал бы «полный по-

литический тупик», «конец всех реформ и всей демократии в нашей стране». И хотя существование крайне радикальной группы в «Демократической России» нормально («это украшение нашего движения») и некоторые их инициативы получают поддержку, «не может такое широкое движение идти только за своим радикальным крылом»: стране не нужен еще один «Демократический союз» Валерии Новодворской, достаточно и одного. Что же касается отношений с Ельциным, то «мы не должны требовать, но мы должны максимально влиять». Ряд важных шагов президента (прежде всего, переход к радикальным реформам и формирование правительства, костяк которого составила группа демократических министров) был предпринят под влиянием «Демократической России», которая делала подчас достаточно жесткие заявления, — оправдывались руководители КС²³.

В марте, на следующем пленуме СП ДР, состоявшемся в Петербурге, противостояние двух политических линий поднялось на следующую ступень. Совершается номенклатурный реванш: в Августе новая, более циничная номенклатура победила старую; российское правительство — под ее обстрелом; российский депутатский корпус на 60% состоит из номенклатурщиков, — говорила Марина Салье. Московская группа руководителей «Демократической России», утверждал Афанасьев, представляет интересы истеблишмента; Координационный совет и большинство СП хотят стать частью власти и подчинить ей демократические организации. Перед нами альтернатива, возражал Игорь Яковенко: поддержка государственного руководства, которое мы выбрали, или безумная политика развала России. Радикалы ведут дело к тому, чтобы похоронить ДР, заявил Дмитрий Катаев. Можно ли проводить реформы, опираясь на те слои населения, которые мы сделали нищими? — спрашивал Олег Бородин. Пленум выразил недоверие Хасбулатову «за вмешательство в прерогативы президента, правительства и Верховного Совета, за узурпацию власти», но дальше не пошел. Идея Салье о созыве Учредительного собрания не была поддержана даже ее едино-

мышленниками. Отклонено было (под аплодисменты) и главное предложение, с которым радикалы пришли на пленум: о созыве внеочередного съезда «Демократической России» для перевыборов руководства. За него проголосовали 43 человека, против — 76, воздержались 17²⁴.

Так уже на рубеже 1991—1992 гг. в демократическом движении обозначился идейный разлом. «Бунт идеологов» получил, однако, очень слабый отклик в рядах движения. Большинство организаций, занимавшихся своими делами, прошло мимо споров, разгоравшихся в верхах ДР. Радикалы чутко уловили опасные тенденции, которые в недалекой перспективе вели к деформации движения, а затем к его распаду и исчезновению из российской политики. Однако их громкий демарш оказался безрезультатным. Объясняли это радикалы аппаратными интригами, манипулированием голосованиями рядовых «демороссов» — методами, которые их оппоненты позаимствовали из богатого коммунистического опыта и искусно пользовались. На мой взгляд, то, что атака радикалов, если и не прошла совсем незамеченной, то уж точно не оказала заметного влияния на политическое развитие в 1992—1993 гг., имело более глубокие причины.

Частично в том были повинны сами радикалы. Среди них, мыслителей, публицистов, ораторов, представлявших цвет интеллектуального потенциала ДР, не нашлось практиков-организаторов, способных вести малозаметную черновую работу, заниматься партстроительством. Но едва ли не важнее было то, что, развернув сильную и в основном справедливую критику хождения демократов в чуждую власть, они — вполне в духе традиций русской интеллигенции — не смогли предложить сколько-нибудь внятную, реалистическую альтернативу. Идея общественных комитетов реформы, создаваемых неясно на какой нормативной основе, из кого состоящих и неизвестно как взаимодействующих с исполнительной и законодательной властью, да и самой «Демократической Россией», повисла в воздухе. Борьба за созыв Учредительного собрания не увлекала, потому что даже в случае успе-

ха обещала породить ассамблею, мало отличающуюся от СНД по составу, но обладающую большей легитимностью. Мудреная формула «Единая, но делимая Россия» вызывала совсем не те ассоциации, на которые рассчитывали ее изобретатели, а потому — отторжение. Крайне спорным, на мой взгляд, было их жесткое неприятие Горбачева, ориентация на срыв ново-огаревского процесса в последние месяцы 1991 г.

Убедительная альтернатива курсу, избранному «Демократической Россией», не была выдвинута, потому что ее не было ни в обществе, ни в российской политике тех дней. Дихотомия политического противостояния не ушла в Августе, она лишь обрела иные очертания. В представлении демократического актива Ельцин и формируемые им государственные структуры были единственной реальной силой, противостоявшей постепенно оживавшим после августовского разгрома «красно-коричневым». Протестным потенциалом в обществе теперь завладевали эти силы. Канализировать его в иное русло демократы не умели, да и трудно было преодолеть инерцию поддержки лидера, на которого были ранее сделаны ставки. Выступления Афанасьева и его коллег были, по сути, заявкой на создание политической силы, если и не самостоятельной по отношению к президенту, то не дарующей ему безусловную поддержку. ДР оказалась не в состоянии не только стать такой силой, но и осознать изменившуюся ситуацию. А ход событий — последствия экономической реформы, захват властных позиций новой бюрократией — неотвратимо вел к размыванию ее позиций в обществе.

ОППОЗИЦИЯ: НОВЫЙ КОКТЕЙЛЬ

Политическое развитие в конце 1991 — начале 1992 г. подтвердило справедливость поговорки: «Святу месту не быть пусту». Перегруппировка происходила и в лагере оппозиции — в парламенте и в обществе. Запрет, наложенный на деятельность КПСС и

КП РСФСР, не коснулся их парламентского представительства. Правда, фракция «Коммунисты России» отходит в тень. На ведущее место выдвигается фракция «Россия». Члены ее не забыли, что за их лидера Сергея Бабурина, хотя он и не сумел возглавить парламент, голосовали сотни депутатов и до, и после Августа. От августовского шока оправляются и иные оппозиционные фракции: «Российский союз», «Отчизна», «Аграрный союз», «Промышленный союз». На сторону оппозиции переходит ряд заметных политиков из числа бывших демократов. Некоторые из них (Юрий Сидоренко, Евгений Тарасов, Михаил Челноков) занялись формированием еще одной антиправительственной фракции с дезориентирующим названием «Гражданское общество».

Заместить плотную сеть коммунистических партийных организаций в стране сразу было невозможно. На их месте в конце 1991 г. возникают осколки уже и прежде распадавшегося монолита. Прежние ортодоксы в КПСС, яростные антигорбачевцы В. Анпилов, В. Тюлькин, российский депутат Ю. Слободкин, «инициативщик» профессор А. Сергеев, генерал А. Макашов и другие занялись воссозданием Российской коммунистической рабочей партии. На базе прежней Марксистской платформы в КПСС возник Союз коммунистов Российской Федерации во главе с А. Пригаринным и А. Бузгалиным. Другая часть сторонников той же платформы во главе с А. Крючковым образовала Российскую партию коммунистов.

Особое место среди них заняла Социалистическая партия трудящихся (СПТ) — единственная, заявившая о своей умеренно социалистической ориентации и решившаяся сбросить прежнее название («грязное белье», если воспользоваться известным выражением Ленина). В своем программном документе партия заявила, что «КПСС как политическая структура в ее прежнем виде себя исчерпала, потеряла доверие и фактически прекратила свое существование», а новая «неаппаратная» партия будет следовать идеям проекта последней программы КПСС «Социализм, демократия, прогресс», которые «могут лечь в основу позиции

российской партии левых сил социалистической ориентации». Инициаторами создания этой партии выступили ленинградский профессор, бывший народный депутат СССР Анатолий Денисов, бывший диссидент Рой Медведев, координатор фракции «Коммунисты России» Иван Рыбкин и некоторые другие. Возможно, при ином ходе событий на базе СПТ могла бы возникнуть в России влиятельная социал-демократическая партия²⁵. Но подняться на гребне новой оппозиционной волны ни одно из этих посткоммунистических образований не смогло.

На политическую арену вышли и попытались аккумулировать нарастающее в обществе недовольство некоммунистические, а подчас и антикоммунистические по идеологии, организации национал-патриотического толка. Наиболее заметным из них был Российский общенациональный союз, оказавшийся в центре большинства инициатив, нацеленных на создание широкого оппозиционного блока, и его парламентское представительство — фракция «Россия».

17—18 января в Кремле состоялось Всеармейское офицерское собрание, на котором присутствовали около 5 тыс. состоящих на действительной службе, в запасе или отставке представителей всех родов войск, включая органы внутренних дел и безопасности. По замыслу и составу организаторов, по тональности многих выступлений, по символике этого многоярусного парада стало очевидно: на глазах у страны и новой власти, в присутствии самого президента, почтившего это мероприятие своим выступлением и пообещавшего собравшимся, что «Россия будет стоять насмерть за единые вооруженные силы» в рамках СНГ, была предпринята акция, цель которой — узаконить оппозицию в вооруженных силах и сформировать ее боевой отряд. Правда, официальное обращение этого собрания было выдержано в тонах сравнительно сдержанных, но сам призыв «объединиться всем честным офицерам... чтобы общими усилиями остановить разрушение государства, культуры и нравственности»²⁶, воспроизводил риторику оппозиции, становившейся все более агрессив-

ной, а конституирование Движения «Офицеры за возрождение России» — предтечи организации, созданной впоследствии Рохлиным и Илюхиным, — бросало прямой вызов курсу на департизацию вооруженных сил.

Вслед за тем 8—9 февраля в Москве было проведено более представительное собрание, поименовавшее себя Конгрессом гражданских и патриотических сил. Среди организаторов Конгресса заявили себя три депутатские фракции: «Россия», «Российский союз» и молодежная группа «Смена — Новая политика», а также политические партии, ранее вышедшие из «Демократической России» (кадеты во главе с Михаилом Астафьевым и христианские демократы во главе с Виктором Аксючицем), иные партийные, протопартийные и непартийные образования (Российский общенародный союз Сергея Бабурина, «Свободная Россия», номинальным лидером которой был Александр Руцкой, экстремистская Национально-республиканская партия, Дворянское и Купеческое собрания, Движение «Офицеры за возрождение России» и др.) — всего около 4 тыс. делегатов из 10 бывших союзных республик. Замечательным было, конечно, отсутствие на Конгрессе коммунистических организаций, их наследников и известных лидеров. На Конгресс были приглашены представители организаций сходного политического профиля из республик бывшего СССР и иностранных государств — от Украины и Латвии до Югославии и Ливана, а также некоторые одиозные фигуры: разоблачитель «малого народа» (евреев) академик Игорь Шафаревич и скульптор Вячеслав Клыков, подписавший «Слово к народу». Дополнительный колорит собранию придавали многочисленные делегаты Союза казачьих войск в своих экзотических одеяниях и при неизвестно кому выданных царских наградах.

Это была попытка создать суперструктуру оппозиции, которая вобрала бы в себя самые разные, в том числе и нереспектабельные течения, но оставалась все же в границах цивилизованного политического спектра и ориентировалась на парламентские методы борьбы — благо состав СНД России позволял рассчиты-

вать на смещение баланса власти. В заглавном выступлении Аксюциц, отмежевавшись и от «интернационального коммунистического режима», и от «ныне господствующих сил», которые «навязывают нашему народу чуждые ему идеалы и формы жизни», призвал «осознать исторические корни нашего народа и его историческое призвание», «русскую идею», которая «открыта высшим небесным ценностям и одновременно укоренена в реальной жизни», «идеал соборности», православие, которое «воспитывало в человеке чувство трагического оптимизма», «народолюбие и патриотизм, патриотизм и демократию, демократию и государственность». Эта возвышенная, окрашенная в религиозные тона риторика акцентировала миролюбие, толерантность и «всечеловечность» русского народа в духе Достоевского и политически не выходила за рамки призыва «забыть о разногласиях и раздорах, о политических амбициях и объединиться в деле спасения России»²⁷.

Главным подарком участникам Конгресса был приход и пространная речь Александра Руцкого. Она была подготовлена образованными людьми, оснастившими ее ссылками на авторов, до того цитировавшихся только в специальной литературе: Василия Розанова, Павла Рябушинского, Ивана Ильина, и произнесена на высоком эмоциональном накале. Коснувшись самых разнообразных материй — от высоких качеств русского купечества до предусмотрительной финансовой политики Джорджа Вашингтона, — вице-президент дистанцировался от правонационалистической экстремы, дыхание которой явственно ощущалось в этом собрании, отверг «теорию заговора» и подчеркнул, «что черному цвету не может быть места в национально-патриотическом движении». В нараставшем противостоянии он еще претендовал на промежуточную, среднюю линию. Но главной, конечно, была не формально обозначенная равноудаленность от обеих крайних позиций. В устах вице-президента вызывающе прозвучала критика «демократического» эксперимента над нашим народом», ссылки на мнения «независимых экспертов», отмежевание от

«инфантильности, капризов и необдуманных действий» правительства, назначенного его шефом, и утверждение, что «прыжок в рынок без учета особенностей хозяйственного и исторического развития нашей страны, только лишь с помощью шеста либерализации цен — это прыжок в пропасть». Не называя имен, Руцкой обвинил «ряд политических деятелей» в том, что по их вине «начинается стремительный процесс разрушения — после развала СССР — и российской государственности»²⁸. Вице-президент, номинально второе лицо в государстве, человек по-своему искренний, но без определенного политического стержня, порывистый в своих увлечениях и действиях, публично обозначил свой переход в оппозицию. В какой мере Руцкого подвигло на этот вираж обидное третирование со стороны президента, почему он пренебрег этическими нормами, которые надлежит соблюдать, если высокопоставленный чиновник не выходит в отставку и остается в структурах исполнительной власти, — вопросы второстепенные. Лидеры консолидировавшейся оппозиции увидели в этом демарше сигнал приближающегося развала власти. Мне же их ликование напомнило эпизод XVI века в изложении А. К. Толстого: «*Всяк русскому витязю честь воздаст; / Недаром дивится литовский народ, / И ходят их головы кругом: / “Князь Курбский нам сделался другом”*»²⁹.

Конгресс учредил постоянно действующий орган — Российское народное собрание (РНС) со своим уставом, допускавшим индивидуальное и коллективное членство. Сопредседателями его стали Астафьев, Клыков и депутат Николай Павлов, а председателем правления — Аксючиц. Через две недели после конгресса состоялся пленум Центрального совета РНС. Он принял программные документы, переводившие общие декларации, прозвучавшие на конгрессе, в конкретные требования: отставка правительства, передача всех вооруженных сил, оставшихся от Союза, под юрисдикцию России, расторжение договоров, заключенных РСФСР с другими республиками СССР, а также договоров СССР с США и Японией, пересмотр границ, присоединение Южной

Осетии и возврат Крыма, использование СНГ в качестве «инструмента для реализации российских национально-государственных интересов», «широкий доступ в систему воспитания и образования, в средства массовой информации» для «конфессий традиционных вероисповеданий». Все это, по мысли авторов программы, которые уже не считали нужным сдерживать себя в выражениях, должно было «вывести Отечество из исторического тупика, в который завели его бездарные правители»³⁰.

Оценивая значение Конгресса, я дал приводимое ниже интервью³¹:

«Отношение к Конгрессу? Сугубо отрицательное. Мне не чужды идеи и национально-патриотические, и государственные. Более того, я с уважением отношусь к некоторым участникам этого Конгресса. Однако в политике очень важен вопрос: кто проигрывает и кто выигрывает во всякого рода объединениях.

В данном случае идет борьба за влияние в обществе, речь идет о том, кому достанутся те позиции, которыми безраздельно владели демократы. На мой взгляд, уважаемые мной участники проиграли, потому что их используют силы, имеющие ярко выраженную реакционную, антидемократическую окраску. Они использовали в своих целях вчерашних демократов и людей с собственными амбициями. Я лично с уважением отношусь к Александру Владимировичу Руцкому. Как человек он мне импонирует, но я думаю, что он совершил большую ошибку, заявившись на этот Конгресс. А некто [Николай] Лысенко произносил речи, которые мало отличались от того, что говорила “Память”.

Я боюсь, что Аксютин и Астафьев играют в те игры, которые, в конечном счете, перехлестнут их цели. На самом деле возникает правая националистическая оппозиция Ельцину. Свято место пусто не бывает. Я бы лично предпочел видеть цивилизованную оппозицию в лице Движения демократических реформ (ДДР). Я очень боюсь, что какое бы то ни было потрафление правому национализму, а национализм вообще чрезвычайно опасная штука, может привести к перерождению

лидеров. Произойдет одно из двух: либо их отбросят, и выдвигнутся совсем уж какие-то жириновские, либо эти лидеры будут эволюционировать в сторону национализма.

Меня приводит в содрогание вид казаков, поигрывающих нагайками. Может быть, это реакция генов моих либеральных и революционно-демократических предшественников начала века, которые сталкивались с не лучшими представителями казачества.

Ситуация резко обостряется. Поэтому происходят и резкие изменения и политических движений, и лидеров».

Если Конгресс гражданских и патриотических сил во многом являл собой, по выражению Л. Шевцовой, «костюмированный бал с участием казаков»³², то неделю спустя в Нижнем Новгороде была учреждена более серьезная национал-патриотическая структура — Русский национальный собор. Антиправительственная, националистическая и антизападническая риторика, выдержанная в стиле религиозной проповеди, была здесь еще более цветистой и агрессивной. «Добро возобладает над вселенским злом. Русичи освободятся от темных сил, ярма рабства, унижений и нищеты. Россия перестанет кормить, обогревать и ублажать полмиллиарда неведомых ей дармоедов... Грядет русская правда. Изначальное слово истины отринет сатанинскую фальшь...» и т. п. Призывы к армии, работникам госбезопасности, казачеству осознать свое униженное положение и включиться в борьбу звучали более настойчиво и откровенно. В качестве одной из неотложных мер была поставлена задача отстранения президента от власти — слова, которые другие правонационалистические организации еще произносить остерегались³³. Возглавил Русский национальный собор генерал Александр Стерлигов³⁴. Это была довольно зловещая фигура. В 1967—1983 гг. Стерлигов служил в КГБ и сохранил широкие связи со своими бывшими коллегами. Впоследствии он работал в совминах СССР и РСФСР, до перехода в публичную политику стал одним из ближайших помощников Руцкого, в конце 1991 г. — инициатором создания, а затем и председателем дви-

жения «Офицеры за возрождение России» По-видимому, Русский национальный собор был задуман как политическое крыло этой военной организации.

23 февраля, в день военного праздника, произошло еще одно знаковое событие. Во многих городах России, в том числе в Москве, оппозиция провела антиправительственные митинги. Звучали лозунги восстановления СССР, свертывания экономической реформы. Митинги и шествия были не очень многочисленны, но до сих пор улицей безраздельно владели демократы. Активность их противников была внове. Московская милиция нервно реагировала на попытку демонстрантов прорваться к Манежной площади: были предприняты силовые действия, а депутаты оппозиции получили повод для обличения власти.

И все же организационные структуры оппозиции, особенно наметившиеся в ней экстремистские течения, не имевшие своего представительства в парламенте, не следует переоценивать: в те месяцы они еще находились в эмбриональном состоянии. Хотя средства массовой информации довольно оперативно, подчас в алармистских тонах освещали следовавшие одну за другой акции различных оппозиционных образований (на то они и были рассчитаны), хотя критика власти в Верховном Совете нарастала, все это на политическую ситуацию в стране серьезного влияния до поры не оказывало. Президент действовал так, как считал нужным, а правительство — в пространстве, предоставленном ему президентом. О реальных возможностях оппозиции довольно скептически высказался один из ее идейных лидеров — Владимир Исаков: «У нас нет сплоченной команды, нет альтернативного кабинета, нет новой системы идей... И сейчас, пока не создано серьезного организационного ядра, которое шло бы параллельно правительству, предлагая свои альтернативные программы, заявлять о серьезной оппозиции — просто художественный свист»³⁵. Не имея ни ясной программы, ни сплоченной организации, разнородные силы оппозиции были способны лишь пытаться трясти власть в расчете, что им в руки свалются какие-то плоды. Они время от времени пыта-

лись делать это в Верховном Совете. Теперь же пребывали в ожидании очередного Съезда народных депутатов — форума более заметного.

ПРЕДСЪЕЗДОВСКИЕ ШОУ. СОБРАНИЕ ГРАЖДАН

Готовились к Съезду также президент, его советники и демократические депутаты. Чуть ли не ежедневно происходили и слеты оппозиционных политиков, которые и власть, и «Демократическая Россия» наблюдали с нарастающей тревогой. Последней такой предсъездовской акцией было назначенное инициативной группой союзных депутатов на 17 марта проведение VI СНД СССР. Дата была выбрана не случайно: ровно год назад состоялся ничего не решивший и ничего не предотвративший референдум о судьбе СССР. Предполагалось, что это собрание создаст параллельные структуры власти и заявит о восстановлении СССР, а в его поддержку пройдут демонстрация и митинг. 9 марта ситуацию обсуждал Совет блока демократических фракций. Представитель московской мэрии Василий Шахновский доложил: готовится жуткая провокация, среди демонстрантов будут вооруженные люди, заранее готовятся листовки: «здесь пролилась кровь»; если мэрия не получит законного права пресечь эти действия, — придется вам скоро просить милицию защитить Белый дом. Мнения участников заседания разделились. Нельзя запрещать ненасильственные политические действия людям, которые не осуждены и не лишены прав, говорили одни. Съезд, вече — запретить, демонстрацию не разрешать ни в коем случае, так как заявители митинга себя уже дискредитировали прошлыми акциями, возражали другие. Мы не должны относиться к этим людям, как к себе. Они другие. Вспомните, что было в Европе, когда там уступали фашистам. Через несколько дней обсуждение повторилось в узком кругу демократических лидеров. «Мы все, — подвел итог Леонид Баткин, — против запрета митинга, против физического преследования съезда, против визга в США

вокруг этого. Главное — минимизировать значение этой затеи, отнести к ней юмористически. Ее пока поддерживает незначительная часть населения. Люди за красными флагами не пойдут»³⁶. В общем, так и получилось. «Съезд при свечах», на который собралось около 150 из 2250 союзных депутатов, состоялся в Подольске и был свернут за 55 минут. Общественного резонанса он не получил. Разрешения на митинг и демонстрацию Московская мэрия не дала.

В противовес этой и другим акциям оппозиции решили устроить нечто грандиозное — Собрание граждан, своего рода «наш ответ Чемберлену». Был создан оргкомитет, проведена подготовка. Замысел выглядел так: накануне VI СНД РФ, на котором можно было ожидать всяких неприятностей, продемонстрировать широкую общественную поддержку президента и правительства, выходящую далеко за рамки ангажированных демократических организаций. Сначала предполагалось провести это собрание-митинг в Большом Кремлевском дворце, но по настоянию Хасбулатова («Сразу начнется скандал, мне придется отбиваться... Лучше провести незаметно») его перенесли в концертный зал гостиницы «Россия».

Собрание состоялось 5 апреля. На нем были все и всё: сам Ельцин, демократы и «центристы» разного толка, «непартийная» составляющая базы поддержки президента, люди из регионов, фермеры, предприниматели. Были и хулиганы, пытавшиеся заблокировать доступ в здание; некоторые из них проникли в зал и пытались устроить обструкцию.

Приезд Ельцина в сопровождении всех основных министров, равно как и прямая трансляция заседания по ТВ подчеркивали значимость мероприятия. Его еще не пытались выдать за альтернативу Съезду, но рассчитывали сделать инструментом давления на СНД, на котором, как сказал Ельцин, будет сделана попытка реванша. Позиции, которые следовало отстаивать на Съезде, президент обрисовал следующим образом. Защитить правительство реформ и продолжить сами реформы. Принять новую Конститу-

цию. Россия должна стать президентской республикой: выбор в пользу республики парламентской «при нынешнем соотношении сил труден, нежелателен, недопустим», — заявил он под аплодисменты части зала. — Часть депутатов пытается блокировать исполнительную власть, навязывает правительственную чехарду. На это «я как Президент никогда не соглашусь». Ельцин также дал понять, что рассчитывает на продление дополнительных полномочий, предоставленных V Съездом, еще на 2—3 года. Высказавшись предельно жестко по главному вопросу, глава государства сделал ряд заявлений, призванных показать, что он президент не одних лишь демократов, но «всех россиян»: патриотизм и демократия неразделимы, сторонники и противники реформ есть в каждом социальном слое, вести борьбу надо не только против тех сил, которые потерпели поражение в Августе, но и против новых российских бюрократов, которые отличаются низкой компетентностью и воспроизводят растлевающие чиновничьи традиции. В то же время «мы против избивания опытных кадров только за их принадлежность к старой номенклатуре».

Так были обозначены основные ориентиры власти. Их поддержало большинство выступавших, но поскольку состав собрания не был одноцветным, акценты расставлялись по-разному. Что делать с правительством? — на этот острый вопрос ответ был разным. Оно пока что парит в воздухе, — сказал Аркадий Вольский. С ним не согласился Иван Кивелиди, председатель «Круглого стола бизнеса России» и правления «Росбизнесбанка», один из зачинателей кооперативного движения в 1987 г.: «Вместо того чтобы расширять поддержку, мы занимаемся поиском врагов. Свободная же Россия должна стать наследницей двуглавого орла и серпа с молотом. Нужна не смена, но реорганизация правительства. Гайдар — первый вице-премьер, который понимает, что я говорю, — возражал он. — И все же в состав правительства надо внести коррективы». На том, чтобы ввести в правительство новых людей, профессионально (в подтексте: а не академически) подготовленных, настаивал Николай Травкин.

Другие ораторы подчеркивали, что каковы бы ни были реорганизации, тон в правительстве должна задавать та группа, которую президент призвал для проведения реформ.

Движение к президентской республике, закрепление полномочий президента было поддержано многими, но не всеми. Надо дать больше прав народному президенту, сказал Василий Гусляников, бывший в то время президентом Республики Мордовия. За президентскую республику высказался и Марк Масарский, известный предприниматель, кандидат философских наук: «до парламентской мы еще не доросли». Анатолий Собчак предложил наделить президента правом роспуска парламента: Съезд и Советы, говорил он, должны уйти в прошлое.

Зато примирительные слова Ельцина по адресу старой номенклатуры большинству не понравились. Аплодисментами встретили предложение издать законы о люстрации. О КПСС говорили как о преступной организации, требовали ввести запрет на профессии для тех, кто состоял в этой партии на день ее роспуска. И напротив, Степан Сулакшин, представитель президента в Томской области, в недавнем прошлом народный депутат СССР, был освистан, когда заявил с трибуны, что запрет на профессии — новый большевизм. Под конец Собрание большинством голосов включило в итоговый документ поправки, внесенные «Демократической Россией»: о суде над КПСС, о люстрациях, о роспуске СНГ — в случае, если он лишит Ельцина дополнительных полномочий. Для представителей восьми партий и организаций (в том числе Союза промышленников и предпринимателей Вольского, Демократической партии Травкина, партии «Свободная Россия» Руцкого и некоторых других) это уже было слишком! Они ушли с Собрания, не проголосовав по итоговому документу. А так как во время перерыва вслед за президентом и правительством разошлись, как повелось, и многие другие участники, голосования происходили уже в полупустом зале³⁷.

Собрание граждан, на которое одни возлагали надежды, а другие опасались, что в таком виде проводится репетиция созыва

Учредительного собрания (на его проведение был затрачен миллион тогдашних рублей), оказалось холостым выстрелом. Однако для властей предержавших оно могло бы стать важным показателем изменения политической температуры в обществе. Если уж нельзя было добиться единодушия в специально (хотя и не строго) подобранной аудитории, то на Съезде следовало готовиться к жесткому афронту реформам.

Собрание граждан еще не закончилось, когда в Белом доме началась встреча активистов демократических фракций с Бурбулисом и Гайдаром. Была реанимирована идея подписать совместный протокол, возлагающий общую ответственность за политику реформ на правительство и депутатов, которые согласились войти в надфракционное образование — Коалицию реформ. В итоге дискуссии протокол о намерениях подписали, с одной стороны, Бурбулис и Гайдар, с другой — Вячеслав Волков, Сергей Юшенков, Ирина Виноградова, Валерий Герасимов и другие — всего 15 депутатов, представлявших 6 фракций. Идея была блестящей: «Жить в киселе, в котором мы живем, не прогнозируя решений депутатского корпуса, больше нельзя», — говорил Сергей Филатов. «И общество, и депутаты устали иметь столько мнений, сколько депутатов», — соглашалась с ним Ирина Виноградова³⁸.

Если бы эту инициативу можно было бы реализовать, на смену парламенту как совокупности групп давления пришла бы его нормальная политическая организация с прогнозируемыми решениями. Все дело, однако, было в том, что подписи руководителей фракций ни к чему не обязывали их членов, а лидеры правительства как представители исполнительной власти не обладали достаточной правосубъектностью: подписи президента под протоколом не было, несмотря на взятое от его имени обязательство «согласовывать с Коалицией проекты решений по политическим, экономическим, кадровым вопросам, включая персональные назначения в системе исполнительной власти»³⁹. Вся акция была задумана как шаг не только к четкому политическому структурированию парламента, но и к созданию надеж-

ного парламентского большинства на стороне правительства. Однако как раз большинства у демократов — выступай они отдельными фракциями или коалицией на основе соглашения с правительством — не было. Как не было его у их противников, создавших днем раньше оппозиционный парламентский блок «Российское единство», в который вошли 4 депутатские фракции⁴⁰. Его ядром стала фракция «Россия», а руководителями — Бабурин, Исаков и Павлов. Поэтому развитие событий на VI Съезде и его исход оставались непредсказуемыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *O'Donnel G. Delegative Democracy // J. of Democracy. — 1994. — Jan. — P. 55—69.*

² Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. — М., 1989; Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Четвертый съезд народных депутатов РСФСР: Стенографический отчет. — Т. 3. — М., 1991. — С. 132—142.

³ Лит. газ. — 1992. — 22 июля. Ельцин, видимо, был уверен, что до 1996 г., когда кончался его президентский срок, этот период будет пройден.

⁴ *Третьяков В.* Русская политика в норме и патологии. — М., 2001. — С. 77, 82. Ельцин, однако, не лукавил, когда говорил, отвечая на вопросы депутатов перед избранием председателем ВС РСФСР: «Все-таки какие-то подвижки и в моем характере в сторону демократизации есть. Но недостатки еще не изжиты до конца» (Первый съезд народных депутатов РСФСР. — Т. 2. — С. 390).

⁵ *Ельцин Б.* Записки президента. — М., 1994. — С. 164.

⁶ Там же. — С. 165.

⁷ *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 115, 191.

⁸ Запись интервью с Г. Э. Бурбулисом. 26.07 и 23.08.2004. — Архив автора.

⁹ Это представление о роли Бурбулиса было широко распространено среди тогдашней политической элиты. Так, в частности, озаглавил одну из глав своих воспоминаний О. Попцов (*Попцов О.* Хроника времен «царя Бориса». — М., 1995. — С. 59—77).

¹⁰ *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 250.

¹¹ Там же. — С. 245—247.

¹² *Попцов О.* Указ. соч. — С. 66.

¹³ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. — М., 1999. — С. 63.

¹⁴ Записи встреч депутатов с Г. Бурбулисом. 11 и 18.03.1992. — Архив автора.

¹⁵ Россия-2000: Современная политическая история. Хроника и аналитика. — Т. 1. — М., 2000. — С. 143; Материалы II съезда «Демократической России» 9—10.11.1991. — С. 5, 32. — Архив автора.

¹⁶ Обе партии изначально придерживались социалистической ориентации, но костяк республиканцев составили бывшие члены КПСС, группировавшиеся вокруг «Демократической платформы», а социал-демократов — люди, никогда не входившие в КПСС или ранее исключенные из нее, а также «ревизионисты»-инакомыслящие, которые отвергали официальную партийную доктрину. Впрочем, расхождение между теми и другими выявилось довольно быстро. На одном совместном собрании двух партий в Туле в 1991 г. мне довелось наблюдать, как резко социал-демократы отмежевывались от республиканцев из-за их склонности к либерализму.

¹⁷ Материалы II съезда «ДемРоссии»... — С. 10—11.

¹⁸ Там же. — С. 15—16.

¹⁹ Информ. бюл. / Движение «Демократ. Россия». Регион. орг. Моск. обл. — 1992. — № 12. — С. 1—2.

²⁰ Там же. — № 13. — С. 13.

²¹ Там же. — С. 2—3.

²² Там же. — № 12. — С. 2—4.

²³ Материалы II съезда «Демократической России». — С. 6—8; Информ. бюл. / Движение «Демократ. Россия». Регион. орг. Моск. обл. — 1992. — № 12. — С. 2; № 13. — С. 1, 13.

²⁴ Мартовский пленум СП ДР. Рабочая запись. — Архив автора.

²⁵ Россия сегодня. Политический портрет в документах. — М., 1993. — Кн. 2. — С. 261—262. В те дни Рыбкин не раз говорил мне, что если бы Ельцин разрешил провести «ликвидационный» съезд компартии, большинство ее бывших членов перешло бы в партию социал-демократической ориентации.

²⁶ Обращение Движения «Офицеры за возрождение России» к офицерам Вооруженных сил и правоохранительных органов. — Архив автора; Рос. газ. — 1992. — 18 янв.

²⁷ Материалы Конгресса гражданских и патриотических сил. — Архив автора.

²⁸ Там же.

²⁹ Толстой А. К. Собр. соч. — Т. 1. — М., 1963. — С. 227. Какое-то время Рущкой, безуспешно добивавшийся свидания и выяснения отношений со своим шефом, колебался в выборе линии поведения. 30 ноября 1991 г. он заявил: «Если Ельцин меня не поймет, я уйду в отставку». Не прошло и недели, как он круто переменил намерения: разговоры об отставке — это «их измышления» (Независимая газ. — 1991. — 3, 18 дек.).

³⁰ Россия сегодня... — Кн. 2. — С. 327—334.

³¹ Конгресс: Взгляд слева // Обозреватель. — 1992. — № 2—3. Интервью дано в феврале 1992 г. В соответствии с принятой в то время терминологией «слева» значит с позиций демократов.

³² Шевцова Л. Указ. соч. — С. 70.

³³ Россия сегодня... — Кн. 2. — С. 377; Выступление генерал-майора А. Н. Стерлигова на открытии Русского национального собора. — Архив автора.

³⁴ Двумя другими сопредседателями стали сахалинский губернатор Валентин Федоров и Валентин Распутин, которые играли скорее номинальную роль.

³⁵ Исаков В. Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. — М., 1995. — С. 27.

³⁶ Записи обсуждения на Совете блока демократических фракций 09.03.1992 и совещании демократических лидеров 12.03.1992. — Архив автора.

³⁷ Запись на Собрании граждан 05.04.1992; Заявление 8 политических партий и организаций. — Архив автора; Россия-2000: Современная политическая история. — М., 2000. — Т. 1. — С. 169.

³⁸ Записи на встрече депутатов демократических фракций с министрами 05.04.1992. — Архив автора.

³⁹ Протокол о взаимодействии Коалиции реформ с Президентом Российской Федерации. 05.04.1992. — Архив автора.

⁴⁰ Фракция «Российский союз» не вышла на установленную квоту по численности, не была зарегистрирована на VI Съезде и потому выбыла из числа учредителей блока.

Шейнис Виктор Леонидович
ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА
Переломные годы в российской политике (1985—1993)
Том 1

Редактор М. П. Павлова-Сильванская
Корректор А. И. Иоффе
Дизайн ЯКгаповsky
Верстка Д. И. Карамышев

Подписано к печати 20.08.05
Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура Times CY.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 44
Тираж 1000 экз.

Издательство Р. Элинина (classick@mtu-net.ru),
127562, Москва, проспект Мира, д. 36, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Гриф и К», г. Тула
Заказ № 215-07

Виктор Леонидович Шейнис

родился в Киеве в 1931 г. Окончил в 1953 г. исторический факультет Ленинградского университета. Доктор экономических наук. Главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

За выступление против советской интервенции в Венгрии в 1956 г. был отстранен от научной и педагогической работы. В 1958—1964 гг. работал расточником на Кировском (Путиловском) заводе в Ленинграде.

В 1964—1975 гг. — на кафедре экономики современного капитализма ЛГУ. С 1977 г. — в ИМЭМО РАН. В 60—80-х годах автор более 200 работ по социально-экономическим проблемам развитых капиталистических и развивающихся стран, с конца 80-х — публикаций по политическим и правовым вопросам развития СССР — России.

В 1990 г. избран народным депутатом России, в 1991 г. — членом Верховного Совета РФ. В 1990—1993 гг. — один из авторов Конституции РФ, избирательного законодательства. В 1994—1999 гг. — депутат Государственной думы ФС РФ первого и второго созывов, член Комитета по законодательству.

В 1993 г. участвовал в основании блока (в последствии партии) «Яблоко». Член бюро ее Федерального совета.

Книга В. Шейниса — осмысление одного из важнейших этапов пути, пройденного Россией. Становление парламентаризма, демократической культуры для любой страны — это коллективный путь, который должно пройти общество страны, претендующей на сколько-нибудь значимую роль в планетарном сообществе. Социальные реалии, авантюризм лидеров (представителей прежней номенклатуры), продвигающих интересы своих кланов, все-таки толкнул страну к столкновениям, грозившим гражданской войной... Российское общество обязано осмыслить эти события.

Книга В. Л. Шейниса помогает это сделать каждому россиянину, ибо она полна не только фактами, но и серьезным анализом.

Академик А. Н. Яковлев, президент фонда «Демократия». Секретарь, член политбюро ЦК КПСС в 1986—1990 гг.